РИМСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ

ВЪ РОССІИ.

РИМСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ

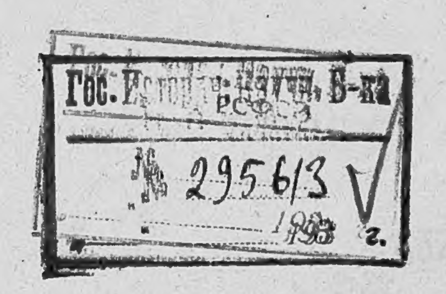
ВЪ РОССІИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ГРАФА ДМИТРІЯ А. ТОЛСТАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія В. Ѳ. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1876.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемое нынѣ сочиненіе «Римскій католицизмъ въ Россіи» первоначально было писано на русскомъ языкѣ; но по нѣкоторымъ соображеніямъ и, между прочимъ, въ видахъ ознакомленія ученаго міра запада съ собранными достовѣрными свѣдѣніями, составляющими предметъ этого сочиненія, и съ вытекающими изъ нихъ результатами, изданіе его въ свѣтъ сдѣлано было на французскомъ языкѣ; для чего русскій текстъ переведенъ былъ на этотъ языкъ. Сочиненіе это было напечатано въ Парижѣ, въ 1863 и 1864 годахъ, въ двухъ томахъ.

Въ Россіи сочиненіе это не было всѣмъ одинаково доступно, съ одной стороны потому, что читать его на чужомъ языкѣ съ потребною легкостію пониманія не могутъ многіе члены нашего общества и въ томъ числѣ большинство русскаго духовенства, съ другой стороны потому, что изданія его на французскомъ и англійскомъ языкахъ почти не существуютъ въ продажѣ въ Россіи, или очень дороги. Между тѣмъ русскому обществу, и особенно русскому пра-

вославному духовенству, полагаемъ, не безъинтересно знать этотъ важный отдѣлъ отечественной исторіи, который составляетъ предметъ нашего сочиненія, тѣмъ болѣе, что вопросъ объ отношеніи нашей православной Церкви къ церквамъ западнымъ и по преимуществу къ римско-католической постоянно стоитъ на очереди, и особенно въ послѣднее время сильно занимаетъ умы всего образованнаго міра.

Настоящее изданіе пополнено нѣкоторыми свѣдѣніями и нѣсколькими новыми примѣчаніями и приложеніями (особенно во второмъ томѣ).

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I.

ПОКУШЕНІЯ РИМСКАГО ДВОРА СОВРАТИТЬ РОССІЮ ВЪ РИМСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ, СЪ ДЕСЯТАГО ДО КОНЦА ШЕСТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

Противоположность между римскимъ и православнымъ духовенствомъ. — Тщетныя покушенія папъ совратить Россію къ римской церкви или къ латынству, съ десятаго до пятнадцатаго столѣтія. — Интриги папъ, враждебныя русскимъ князьямъ. — Отвращеніе русскихъ къ римскому католицизму. — Сочиненія православнаго духовенства въ Россіи противъ римскаго католицизма, съ десятаго до двѣнадцатаго столѣтія. — Слѣды католицизма въ Россіи въ двѣнадцатомъ столѣтіи. — Католицизмъ въ Новгородѣ и Псковѣ. — Католицизмъ въ Кіевѣ. — Церковь латынская въ Новгородѣ въ пятнадцатомъ столѣтіи. — Римъ продолжаетъ свои прежнія покушенія совратить Россію въ католицизмъ. — Соборъ флорентійскій. — Бракъ Іоанна III съ Софіею Палеологъ, устроенный папою съ цѣлію совратить русскаго князя въ римскую церковь. — Сношенія русскихъ великихъ князе съ римскимъ дворомъ въ шестнадцатомъ столѣтіи. — Посольство доминиканина Шомберга, 1518. — Посольство епископа гардіенскаго Захаріи, 1519. — Два путешествія генуэзскаго купца Павла Центуріона въ Россію. — Посольство епископа скаренскаго Іоанна Франциска, 1526. — Приглашеніе Россіи принять участіе въ соборѣ тридентинскомъ. — Посольство съ этою цѣлью въ Москву графа Герберштейна и Штемберга, 1550. — Инструкція венеціанцу Джиральдо,

1561. — Настойчивость римскаго двора. — Искательство кардинала Моронія предъ русскими послами на сеймѣ въ Регенсбургѣ. — Инструкція агенту римскаго двора въ Россіи Кленхену, 1576. — Увѣренность агента римскаго императора Кобенцеля въ легкости совращенія Россіи въ латынство. — Заблужденіе Кобенцеля. — Преданность русскихъ къ своей Церкви и отчужденіе ихъ отъ католиковъ. — Свидѣтельства Герберштейна и Гейденштейна.

Принятіемъ греческой православной вѣры Русь не только окрестилась во Христа, но и получила иные противъ Запада элементы политическаго устройства и гражданственности, которые во многомъ опредѣлили ея отношенія къ европейскимъ государствамъ. Не столько догматы, сколько іерархія, духъ и направленіе православнаго духовенства раздѣлили его отъ римскаго, а православный Востокъ отъ католическаго Запада. Духовность, строгое исполненіе постановленій Церкви, безъ вмѣшательства въ чуждую паству, совершенное отсутствіе насильственной пропаганды, — вотъ главныя черты первоначальнаго, кореннаго православія.

Дѣятельная, гордая римская церковь, возвысивъ своего патріарха на степень представителя самого Спасителя на землѣ, стремилась къ усиленію своей власти внутри и ко внѣшнему распространенію; а какъ духовенство всегда, особенно въ младенческомъ состояніи государствъ, имѣетъ сильное вліяніе на народъ, то различный характеръ духовенства, въ числѣ другихъ причинъ, различно сложилъ и исторію Россіи отъ исторіи Запада. Тамъ духовное сословіе постоянно въ борьбѣ со свѣтскою властію, съ могущественнымъ привилегированнымъ дворянствомъ; почти на каждой страницѣ западныхъ лѣтописей читаемъ объ отлученіи епископами отъ церкви коро-

лей, князей и рыцарей; на конѣ, съ мечемъ въ рукахъ пастырь церкви распространяетъ свою вѣру; онъ возводитъ свое насиліе на степень соціальнаго учрежденія чрезъ инквизицію; изъ ложно понятаго *compelle intrare* дѣлаетъ начало и основаніе своей ревности. Совершенно противное находимъ въ нашей исторіи: духовенство всегда дѣйствовало согласно съ правительствомъ, благодѣтельствовало другимъ сословіямъ и не разъ спасло Россію. Въ десять вѣковъ нашего политическаго существованія явился одинъ только Никонъ въ разладѣ съ царемъ. И замѣчательная вещь! согласіе двухъ властей никогда не было подчиненіемъ одной предъ другою; государь не вмѣшивался въ дѣла духовныя, а духовенство въ дѣла государственныя; обѣ власти шли рука объ руку въ своихъ отдѣльныхъ сферахъ и ревновали только о благѣ страны. Если православіе распространялось медленно, то именно потому, что наше духовенство, чуждое пропаганды, ограничивалось своею паствою, не мечтая о духовныхъ, насильственныхъ завоеваніяхъ и блюдя только чистоту своей собственной вѣры. Такова была ревность православнаго духовенства.

Съ такими противоположными стремленіями встрѣтились оба духовенства въ самомъ преддверіи нашей исторической жизни.

Еще передъ принятіемъ Владиміромъ православія, папа присылалъ къ нему пословъ съ предложеніемъ крестить Русь въ католицизмъ, но Владиміръ отвѣчалъ имъ: «идѣте опять, яко отци наши сего не пріяли суть» ([1]). Потомъ, когда Владиміръ былъ уже

([1]) Пол. соб. рус. лѣт., изд. Археографическою коммиссіею. Лаврентьевская лѣтопись, стр. 36.

христіаниномъ и рѣшился распространить христіанство въ своемъ государствѣ, римскій дворъ повторилъ въ 988 году то же предложеніе чрезъ своихъ пословъ, которые привезли великому князю мощи изъ Рима ([1]). Но и эти новыя покушенія были также безплодны. Самое крещеніе Руси въ греческую вѣру не измѣнило римской настойчивости, ибо подъ 991 и 1000 годами записано въ нашихъ лѣтописяхъ прибытіе новыхъ пословъ отъ папы ([2]).

Тѣ же посольства и папскія посланія и съ тою же цѣлію продолжались чрезъ всю нашу древнюю исторію. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Россіи, при всѣхъ ея бѣдствіяхъ, папы обѣщались склонить къ помощи другія государства, но подъ условіемъ, чтобы Россія обратилась въ католицизмъ. Въ 1075 году знаменитый папа Григорій VII, воспользовавшись просьбою сына великаго князя Изяслава, просилъ польскаго короля возстановить Изяслава на престолѣ, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы онъ, почувствовавъ все могущество папы, обратился къ Риму ([3]). Папа Александръ III послалъ въ Россію (1164—1166 г.) епископа какъ-бы для того только, чтобы узнать весьма извѣстное Риму различіе между вѣроисповѣданіями греческимъ и католическимъ. Но митрополитъ Іоаннъ, обличивъ въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ неосновательность римскаго ученія, уклончиво совѣтовалъ папѣ обратиться для лучшаго разрѣшенія этого вопроса къ патріарху константинопольскому, главѣ православной Церкви въ

([1]) Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная Академіею наукъ, часть 1-я, стр. 92.

([2]) Тамъ же, стр. 104 и 111.

([3]) Historica Russiae monumenta, t. 1, p. 1.

Россіи. «И подобаеть твоему священству», писалъ онъ Александру, «къ патріарху Константинаграда, и твоему брату по духу, послати и всякое тщанье показати, да разрушатся соблазны и въ едино намъ единеніе быти и възглаголаніе духовно» (1). Въ 1169 году снова были въ Россіи послы отъ папы (2). Но самыя сильныя попытки римскаго двора въ распространеніи латынства въ Россіи относятся къ первой половинѣ XIII вѣка. Казалось, политическія обстоятельства государства и успѣхи католицизма въ иныхъ странахъ должны были содѣйствовать успѣху пропаганды: въ 1204 году Константинополь завоеванъ былъ крестоносцами и на мѣсто православнаго патріарха поставленъ былъ тамъ латынскій; въ 1201 году основанъ былъ орденъ Меченосцевъ въ Ливоніи, вблизи русскихъ владѣній, а въ двадцатыхъ годахъ того же столѣтія татары начали опустошать Россію; католицизмъ торжествовалъ, а русское государство, повидимому, погибало. Папы воспользовались тотчасъ же своимъ выгоднымъ положеніемъ: въ самый годъ взятія Константинополя является папскій легатъ къ галицкому князю Роману съ предложеніемъ перейти въ латынство и обѣщаніемъ за то разныхъ свѣтскихъ выгодъ. Но посольство это было неудачно; обнаживъ свой мечъ, Романъ спросилъ легата: «таковъ ли мечъ Петровъ у папы? Если такой, то онъ можетъ брать имъ города и дарить другимъ. Но это противно слову Божію, ибо имѣть такой мечъ и сражаться имъ Господь запретилъ Петру. А я имѣю мечъ, отъ Бога

(1) Памятники россійской словесности XII вѣка, стр. 209—211.

(2) Никонова лѣт., т. 2, стр. 203.

мнѣ данный, и пока онъ при бедрѣ моемъ, дотолѣ не имѣю нужды покупать себѣ города иначе, какъ кровію, по примѣру отцовъ и дѣдовъ моихъ, распространившихъ землю русскую» (1). Чрезъ три года послѣ этого прибылъ въ Россію кардиналъ Виталисъ съ предложеніемъ духовенству и народу перейти въ латынство (2), но также безуспѣшно. Въ 1227 году папа Гонорій III обратился съ такимъ же предложеніемъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ (3), а въ 1231 г. папа Григорій IX — къ великому князю Георгію Всеволодовичу (4); отвѣтовъ на эти посланія они не получили.

Попытка обратить въ римскій католицизмъ великаго князя Александра Невскаго осталась также вовсе неудачною. Въ 1248 году папа Иннокентій IV прислалъ къ этому князю двухъ кардиналовъ съ посланіемъ, въ которомъ объяснялъ ему, что съ подчиненіемъ Риму власть его не только не уменьшится, но значительно увеличится (5). «Мы знаемъ истинное ученіе Церкви», отвѣчалъ Александръ папѣ, «а вашего не пріемлемъ и знать не хотимъ». Въ 1255 г. тотъ же папа прислалъ галицкому князю Даніилу вѣнецъ королевскій, только чтобы онъ принялъ его отъ римскаго двора; послы папы обѣщали ему «помощь имѣти ти отъ папы». Иннокентій же, чтобы болѣе расположить князя къ принятію римскаго католицизма, осуждалъ своихъ епископовъ, хулившихъ вѣру греческую, и обѣщалъ созвать соборъ для соединенія

---

(1) *Татищевъ*, т. 3, стр. 344—345.
(2) Historica Russiae monumenta, t. 1, p. 3.
(3) Ibid. p. 20.
(4) Ibid. p. 30.
(5) Ibid. p. 68.

обѣихъ церквей (1). Даніилъ, думая получить чрезъ посредство папы помощь противъ татаръ, рѣшился принять отъ него вѣнецъ, но вскорѣ, обманувшись въ этой надеждѣ, прервалъ съ нимъ всякія сношенія, и всѣ увѣщанія папы Александра IV на него не подѣйствовали (2). Находимъ упоминаніе о послахъ папскихъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1387 году (3).

Убѣдившись вѣковымъ опытомъ въ невозможности обратить русскихъ къ латынству, папы стали дѣйствовать противъ русскихъ князей, то запрещая католическимъ государямъ всякіе съ ними союзы, то возбуждая ихъ воевать противъ русскихъ; такъ въ 1231 году папа Григорій IX предписалъ семигальскому епископу не заключать ни мира ни перемирія съ русскими, безъ согласія папскаго легата (4); въ слѣдующемъ году онъ отнесся къ архіепископу гнѣзненскому, чтобы польскіе князья не употребляли при войнахъ своихъ въ помощь русскихъ «catholicae fidei inimicos» (5). Папа Александръ IV уполномочилъ въ 1255 году в. к. литовскаго воевать Россію и присоединять области ея къ своимъ владѣніямъ; но уполномочіе это осталось безъ дѣйствія, ибо въ этомъ же году заключенъ былъ миръ между Миндовгомъ и Даніиломъ княземъ галицкимъ (6). Въ угоду папѣ шведскій король Магнусъ задумалъ-было въ 1348 г. обратить въ латынство новгородцевъ. По подстрекательству тѣхъ же папъ шведы, въ продолженіе XII

---

(1) Ипатьевская лѣтопись, стр. 191.

(2) Historica Russiae monumenta, t. 1, p. 84.

(3) Просвѣтитель литовскій (рукопись).

(4) Historica Russiae monumenta, t. 1, p. 25

(5) Ibid. p. 33.

(6) Ibid. p. 83.

и XIII в., воевали православныхъ корелъ, занимавшихъ восточную часть Финляндіи, съ тѣмъ, чтобы перевести ихъ въ римскую вѣру ([1]); а въ 1351 году папа Климентъ VI проповѣдывалъ крестовый походъ противъ русскихъ, возбуждая къ тому и рыцарей тевтонскаго ордена ([2]). Наконецъ въ тоже время папа этотъ употребилъ и болѣе вѣрное, хотя также неудавшееся средство для латынской пропаганды: послалъ въ южную Россію доминикановъ.

Что́ же такъ отталкивало русскихъ отъ римскаго католицизма?

Въ рукописномъ житіи в. к. Александра Невскаго, хранящемся въ библіотекѣ с.-петербургской д. академіи, вписано: «исповѣданіе вѣры св. Александра Невскаго» ([3]), въ которомъ исчисляются весьма кратко нѣкоторыя различія между двумя вѣроисповѣданіями. Принадлежитъ ли это исповѣданіе дѣйствительно самому великому князю, — вопросъ второстепенный. Въ историческомъ отношеніи важно то, какъ смотрѣли на католицизмъ современники этого князя. Разсматривая эту рукопись съ этой точки зрѣнія, найдемъ, что политическая сторона католицизма, т. е. главенство папы, пройдена безъ вниманія, догматы римской вѣры едва упоминаются, но литургика, т. е. внѣшняя сторона богослуженія, повидимому, болѣе всего отталкивала тогда нашихъ православныхъ предковъ отъ римскаго ученія, какъ то: непоклоненіе образамъ и

([1]) *Чистовича*, Исторія православной церкви въ Финляндіи и Эстляндіи. С.-Петербургъ. 1856 г. стр. 20—29.

([2]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Roma. 1860. p. 530, 531.

([3]) Копію съ этой рукописи получилъ я въ 1852 г. отъ покойнаго Иннокентія, архіепископа таврическаго.

опрѣсноки «безумнiи», какъ сказано въ рукописи. Воззрѣнiе это вполнѣ соотвѣтствуетъ эпохѣ и первымъ начаткамъ просвѣщенiя духовнаго, когда внѣшность имѣетъ болѣе значенiя, чѣмъ содержанiе, литургика болѣе, нежели догматика. Послѣ краткаго изложенiя православнаго ученiя, рукопись заключается такъ: «Се наша вѣра есть. Не тако же вѣрующихъ и не покланяющихся образомъ святымъ и не чтущихъ написанныхъ на нихъ святыхъ воображенiй и первообразныхъ проклинаемъ, яко же и васъ преокаянныхъ латынъ.—Они же папежнiи посланницы посрамившеся отъидоша въ путь свой, ничтоже успѣвше».

Нѣтъ однако ни малѣйшаго сомнѣнiя, что высшее духовенство наше и поучавшiеся у него князья вполнѣ разумѣли всѣ различiя, существующiя между ихъ вѣроисповѣданiемъ и латынскимъ. Доказательствомъ тому могутъ служитъ сохранившiяся: сочиненiе жившаго въ концѣ X вѣка кiевскаго митрополита Леонтiя объ опрѣснокахъ (1); посланiе Θеодосiево къ великому князю Изяславу о вѣрѣ варяжской или латынской; стязанье съ латиною Георгiя, митрополита кiевскаго (1065 — 1079 г.) (2); посланiе митрополита Iоанна II (1080—1088) къ папѣ Клименту III (3), и приписываемыя митрополиту Никифору три посланiя противъ латынъ,—къ великому князю Влади-

(1) Временникъ москов. ист. общ. кн. V. отд. 2, стр. 1—18. Тутъ же помѣщенъ и сдѣланный преосвященнымъ *Филаретомъ*, епископомъ харьковскимъ (послѣ архiепископомъ черниговскимъ), переводъ этого древняго памятника нашей письменности съ греческаго на русскiй языкъ.

(2) *Макарiя*, епископа винницкаго, Исторiя русской церкви, т. 2-й. Спб. 1857 г., стр. 140.

(3) Тамъ же, стр. 144.

міру Мономаху, къ неизвѣстному князю и къ князю муромскому Ярославу Святославичу (1096—1129 г.).

Желая знать о причинахъ раздѣленія двухъ церквей, восточной и западной, Мономахъ обратился къ митрополиту, и отвѣтомъ на этотъ вопросъ было посланіе Никифора, въ которомъ исчислены 20 существенныхъ пунктовъ разъединенія и приведены возраженія. Въ заключеніе митрополитъ говоритъ: «И прочитай же, княже мой, не единою, ни дважды, но множицею, и ты, княже, и сынове твои. Подобаетъ бо княземъ, яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на правовѣрную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣстно, и основаніе церковное тврьдое, да ни ти будутъ основаніе, яко же есть святыя церкве, на свѣтъ и наставленіе порученнымъ имъ людемъ отъ Бога» (1).

Еще въ XI столѣтіи великій князь Изяславъ Ярославичъ обращался съ такимъ же вопросомъ къ Ѳеодосію, игумену печерскому. Написанное вслѣдствіе этого изложеніе латынской вѣры, о коемъ упомянуто выше, заключаетъ въ себѣ не только существенныя видимыя отличія ея отъ православной, всего болѣе бросавшіяся въ глаза современниковъ, но и противную православію духовную дисциплину, въ которой отразилось свѣтское притязательное стремленіе римскаго духовенства, именно: право раздавать абсолюціи, участвовать съ мечемъ въ рукахъ въ сраженіяхъ, наконецъ католическій прозелитизмъ, не терпящій другія вѣры и старающійся замѣнить ихъ собственною. Безженство духовенства не менѣе было противно православнымъ. Оставимъ говорить совре-

(1) Памятники росс. слов. XII вѣка, стр. 163.

менника; его языкъ передаетъ вѣрнѣе и выразительнѣе современныя понятія.

«О согрѣшеніяхъ своихъ не отъ Бога просятъ прощенія, но прощаютъ ихъ попове по дару ихъ. Попове же ихъ не женятся законною женою, но съ рабынями блудъ творятъ, и службу дѣютъ, а грѣха себѣ въ томъ не творятъ. Бискупи же ихъ дръжатъ наложници, и на войну ходятъ, прьстень на руцѣ носятъ.... Велика нужда отъ нихъ (латынь) правовѣрнымъ христіаномъ, иже между тѣхъ живущіе въ единомъ мѣстѣ». Заключая изъ всего, что вѣра латынская, или, какъ называли ее тогда на Руси, варяжская, «зла и законъ ихъ нечистъ есть», Өеодосій совѣтуетъ князю удаляться отъ исповѣдниковъ этой вѣры: «ты же, благовѣрный самодеръжче, блюди себе отъ нихъ», а православнымъ не заражаться ею: «сего ради вѣры латинскія бѣгати лѣпо есть, ни обычаа ихъ дръжати, и колеканіа ихъ не пріимати, и не послушати реченное ими, зане не право вѣруютъ». Послѣдствіемъ этого воззрѣнія было запрещеніе православнымъ вступать въ бракъ съ католиками и даже во всякое съ ними сообщеніе: «христіаномъ же своихъ дщерій не достоитъ давати за нихъ, ни поймати у нихъ за себе, ни брататися съ ними, ни кумитися, ни цѣлованіа съ ними имѣти, и не ясти съ ними ни пити изъ единаго съсуда; тѣмъ же просящимъ у васъ дайте имъ Бога ради ясти, но въ ихъ съсудѣхъ; аще ли не будетъ въ нихъ съсуда, въ своемъ дати, и потомъ измывше съсудъ, молитву дати... Иже кто ублюдется отъ нихъ, чисту вѣру нося, и предъ Богомъ станетъ одесную радуась; аще ли самоволіемъ приближится къ нимъ, то съ ними станетъ ошуюю, плачася горко: нѣсть бо жизни вѣч-

ныа живущимъ въ вѣрѣ латинстѣй». Какъ эти наставленія, такъ и послѣдующія, которыя приведемъ дальше, показываютъ, что уже руссы XI вѣка были въ частыхъ сообщеніяхъ съ римско-католиками, что православному духовенству весьма извѣстенъ былъ духъ римско-католической пропаганды, отъ которой оно старалось оберегать свою паству какъ поученіями, такъ и содѣйствіемъ свѣтской власти, постоянной сопутницы и помощницы Церкви. Но если, съ одной стороны, наше духовенство страшилось вмѣшательства римско-католическаго, то, съ другой, всегда проповѣдывало милость и защиту католикамъ; оно берегло свое, а не желало чужаго. «Не подобаетъ», продолжаетъ игуменъ, «ихъ вѣры хвалити; аще ли кто хвалитъ ихъ вѣру, таковый обрѣтается свою хуля; или начнетъ хвалити непрестанно чуждаа вѣры отреченныа православнаго христіанства, таковый обрѣтается двовѣрецъ и близъ ереси есть. Ты же, чадо, таковыхъ дѣяній блюди себе, и не присвойся тѣмъ, но бѣгай ихъ и свою вѣру непрестанно хвали, и яко же можеши подвизайся въ ней добрыми дѣлы; милостивъ же буди, христолюбче, не токмо до своихъ домочадецъ, но и до чуждыхъ; и аще видиши нага, одежди и, или гладна, или бѣдою одеръжима—помилуй; и аще тый будетъ отъ которыа вѣры еретикъ и латинникъ—всякаго помилуй и отъ бѣдъ избави, и мзды отъ Бога не погрѣшиши. Богъ бо и самъ питаетъ всѣхъ, и поганыа, якоже и христіаны... Ты же, сыну, аще обрящеши иновѣрники съ вѣрными прю дѣюща, и прелестію хотяща свести отъ православныа вѣры правовѣрныхъ, ты же, истинно вѣдый православіе, не съкрывай въ себѣ, но помози правовѣрнымъ на зловѣрныа, и аще поможеши, яко добрый пастырь

овца имаши избавити отъ устъ львовъ; аще ли умолчиши, то яко отъемъ у Христа и предаеши сатанѣ. И аще тиречетъ кто: сію вѣру и ону Богъ далъ, ты же рци ему: ты кто еси кривовѣрнѣ? мниши Бога двовѣрна. Не слышиши ли, о окаянне и развращенне злою вѣрою: писано бо есть—тако глаголетъ Господь: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе» (1).

Другія упомянутыя выше сочиненія и посланія русскихъ духовныхъ о вѣрѣ латынской въ существѣ своемъ сходны между собою; почему мы и полагаемъ излишнимъ приводить ихъ здѣсь особо.

Есть другія, положительныя свидѣтельства, что уже въ XII вѣкѣ были въ разныхъ мѣстахъ Россіи не только римско-католики, но и католическіе священники и даже каплицы, въ особенности въ Новгородѣ, гдѣ уже въ то время стала распространяться латынская пропаганда. Подъ 1174-мъ годомъ записано въ Никоновской лѣтописи, что великій князь кіевскій Ярославъ Изяславичъ обложилъ всѣхъ жителей Кіева данью, и въ томъ числѣ «латыню, живущую въ Кіевѣ» (2). Въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1154 годомъ, находимъ упоминаніе о набѣгѣ половцевъ на Переяславль и его окрестности, причемъ они разграбили многія села и сожгли «лядскую божницю» (3). Въ Ладогѣ была римско-католическая церковь св. Николая (4). Въ Новгородѣ православные

(1) Рукопись, принадлежавшая М. П. Погодину, а теперь — публичной библіотекѣ. Это описаніе встрѣчается также въ нѣкоторыхъ рукописныхъ патерикахъ, напр. въ принадлежавшемъ Царскому, а теперь графу Уварову.

(2) Часть 2-я, стр. 218.

(3) Лаврентьев. лѣтопись, стр. 147. Ипатьев., стр. 77.

(4) *Sartorius*, Geschichte des hanseatischen Bundes. Göttingen. 1808.

родители даже стали крестить своихъ дѣтей въ римско-католическую вѣру, за что на нихъ налагалась шестинедѣльная эпитимія, «занеже акы двовѣрци суть». Съ другой стороны, по всему вѣроятію, бывали тамъ также и обращенія католиковъ въ православіе, ибо находимъ подробныя правила, какъ присоединять латынъ къ православной Церкви ([1]).

Вообще Новгородъ и Псковъ, какъ города торговые, бывшіе въ постоянныхъ сообщеніяхъ съ Ганзою и притомъ близкіе къ Литвѣ, Ливоніи и Швеціи, болѣе всѣхъ другихъ городовъ сѣверной Россіи подвергались римско-католическому прозелитизму; такъ во время Калиты шведы покушались обратить въ католицизмъ новгородцевъ; такія же попытки со стороны Литвы и Польши были постоянно. Прозелиты тѣмъ болѣе могли надѣяться тамъ на успѣхъ, что въ этихъ торговыхъ городахъ богословское знаніе большинства духовенства, по свидѣтельству лѣтописей, было не слишкомъ развито. Иное дѣло въ Кіевѣ, гдѣ православные издавна были въ близкомъ соприкосновеніи съ иновѣрцами. «Нынѣ слышимъ въ Руси кіевской отъ мудрыхъ и вѣдущихъ человѣцехъ составляютъ отвѣты на всякія ереси отъ божественныхъ писаній и отъ того всякъ знаетъ и вѣдаетъ и учится что съ ними говорити, и отвѣтъ дати иновѣрцомъ отъ божественныхъ писаній о своей православной вѣрѣ; понеже у нихъ въ земли много людей и всякихъ вѣръ и тому у нихъ учатся отъ младенчества. А у насъ того презрятъ и сами учители не знаютъ и не вѣдаютъ символа о христіанской вѣрѣ

([1]) Памятники росс. слов. XII вѣка; вопросы черноризца Кирика, предложенные новгородскому епископу Нифонту и другимъ духовнымъ особамъ съ ихъ отвѣтами. стр. 175 и 202.

точно до конца, и всегда срамятся отъ иновѣрцевъ и боятся говорити о вѣрѣ какъ своего накажутъ исповѣдати вѣры своея. То какъ учитель или христіянинъ наречется? Не словомъ бо подобаетъ слыти христіянинъ, но дѣломъ, яко же рече: *покажи ми вѣру свою дѣломъ»* (¹). Для утвержденія жителей въ православіи пріѣзжали иногда въ эти города епископы другихъ епархій; такъ напр. въ 1382 году присланъ былъ константинопольскимъ патріархомъ Ниломъ въ Новгородъ и Псковъ суздальскій епископъ Діонисій, который, съ разрѣшенія мѣстнаго епископа, поучалъ народъ, дабы «Богъ укрѣпилъ ихъ отъ соблазновъ послѣдняя лѣта, не смущены отъ ересей» (²).

Въ послѣдующемъ XV столѣтіи находимъ уже въ Новгородѣ римско-католическую церковь; объ основаніи ея сохранилось такое преданіе: Въ 1416 году, съ разрѣшенія новгородскихъ посадниковъ, иностранные гости построили на своемъ дворѣ на Славинской улицѣ церковь или, какъ выражается лѣтопись, «божницу велію зѣло», но, не довольствуясь исполненіемъ въ ней церковныхъ требъ для себя, они вздумали употребить эту церковь какъ орудіе латынской пропаганды и, не предупредивъ православнаго епископа, наняли православныхъ писцовъ, чтобы написать на внѣшней южной сторонѣ церкви образа Спасителя и св. апостоловъ Петра и Павла, для того, чтобы этимъ подобіемъ съ внѣшними украшеніями церквей греческихъ привлечь къ себѣ православный народъ; «того ради», прибавляетъ лѣтопись, «и своимъ писцомъ не заставиша писати, яко христіяне

(¹) Просвѣтитель литовскій (рукопись).
(²) Тамъ же.

гнушаются ихъ писма». Когда написанъ былъ образъ Спасителя, то, по преданію, возстала страшная буря съ громомъ и молніею, и градъ съ дождемъ выбили мѣсто, гдѣ написаны были иконы, и смыли ихъ совершенно. «И паки бысть тишина; латынская же умышленія сотрена и поругана быша, православніи же христіяне о семъ преславномъ чудеси прославиша Бога» ([1]).

Римско-католическая пропаганда въ русскихъ владѣніяхъ естественно шла изъ Рима. Сохранились двѣ граматы 1418 г., коими папа Мартынъ V назначилъ короля польскаго Владислава Ягеллона и великаго князя литовскаго своими генеральными викаріями въ областяхъ русскихъ, обязавъ ихъ употребить всѣ старанія для соединенія церкви восточной съ римскою, и обратить особенное и преимущественное вниманіе на Новгородъ и Псковъ ([2]).

Всѣ эти попытки пропаганды были частныя и мѣстныя; общій же планъ обращенія Россіи въ римскій католицизмъ задуманъ былъ издавна римскимъ дворомъ, который, будучи всегда вѣренъ своей системѣ, не переставалъ снаряжать съ этою цѣлью посольства въ Россію.

Неудавшійся въ свое время флорентійскій соборъ какъ-бы заставилъ римскій дворъ повременить исполненіемъ своихъ намѣреній ([3]), не покидая впрочемъ

([1]) Просвѣтитель литовскій (рукопись).

([2]) Historica Russiae monumenta, t. 1, p. 117—119.

([3]) Подробности о флорентійскомъ соборѣ можно найти въ весьма замѣчательномъ сочиненіи прот. *А. Горскаго*, изданномъ въ 1847 г., въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Исторія флорентійскаго собора», гдѣ существеннѣйшія данныя почерпнуты изъ Сиропула.

неизмѣнной своей мысли ранѣе или позже обратить Россію къ латынству. Съ этою именно цѣлью папа Павелъ II устроилъ въ 1472 году бракъ племянницы послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога Софіи съ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ. Царевна Софія переѣхала съ отцомъ своимъ изъ Греціи, завоеванной турками, въ Римъ, и была воспитана тамъ въ правилахъ флорентійскаго го собора; на этомъ именно и основывалась надежда римскаго двора склонить московскаго великаго князя къ принятію римско-католической вѣры чрезъ внушеніе его жены; а достигнувъ этого, папа не сомнѣвался въ возможности перевести въ ту же вѣру и весь русскій народъ, повиновавшійся его волѣ, и тѣмъ еще болѣе, что союзъ съ греческимъ императорскимъ домомъ долженъ былъ усилить въ Россіи самодержавіе. Съ царевною Софіею посланъ былъ въ Россію легатъ, по имени Антоній. Но и на этотъ разъ римскій дворъ совершенно ошибся въ своихъ расчетахъ: Софія сдѣлалась въ Москвѣ ревностною православною.

Въ XVI вѣкѣ сношенія нашихъ государей съ Римомъ были довольно часты. Стремленіемъ римскаго двора къ союзу съ Россіею наиболѣе руководствовало желаніе папъ сблизиться съ русскими государями по случаю боязни нашествія турокъ на западную Европу. При-этомъ они очень вѣрно расчитывали, что такой союзъ можетъ быть проченъ только тогда, когда Западъ съ Востокомъ соединенъ будетъ союзомъ вѣры, которая тогда давала направленіе и политикѣ. Слѣдствіемъ такихъ убѣжденій папъ и были тѣ частыя посольства римскихъ уполномоченныхъ и

агентовъ, которыя мы встрѣчаемъ въ продолженіе всего XVI столѣтія.

Въ 1518 году папа Левъ X, только что объявившій на соборѣ латеранскомъ (1517 г.) крестовый походъ противъ султана Селима, присылалъ въ Москву доминиканина Николая Шомберга (впослѣдствіи архіепископъ капуанскій и кардиналъ), съ порученіемъ склонить великаго князя Василія Іоанновича принять флорентійское соединеніе и съ другими государями Европы идти на турокъ; за это велѣно было обѣщать великому князю королевскій вѣнецъ, а митрополиту санъ патріарха. «Все то, что ты будешь обѣщать государю за принятіе католической вѣры», писалъ Левъ X въ своемъ наказѣ доминиканину, «будетъ утверждено нами непремѣнно и положительно, безъ всякихъ измѣненій. Будь увѣренъ, что мы оправдаемъ на самомъ дѣлѣ вѣрность твоихъ обѣщаній». Посольство это, подкрѣпленное, по волѣ папы, содѣйствіемъ магистра нѣмецкаго ордена Альбрехта, не имѣло однако никакого успѣха. Великій князь велѣлъ послу своему Замыцкому сказать магистру: «Государь нашъ хочетъ быть съ папою въ дружбѣ и согласіи; но такъ какъ онъ, съ Божею волею, держалъ всегда крѣпко полученный отъ прародителей своихъ законъ греческій, такъ и нынѣ, съ Божею волею, намѣренъ законъ свой держать крѣпко»(1).

Несмотря на эту неудачу, въ слѣдующемъ 1519 году Левъ X прислалъ къ великому князю Василію Ивановичу новаго посла Захарія, епископа гардіенскаго,

(1) Переписка папъ съ россійскими государями въ XVI вѣкѣ. Спб. 1834. стр. 94—100.

съ тѣми же предложеніями [1]; это посольство точно также было вполнѣ неудачно.

Пріѣхавшій въ 1521 году въ Россію съ рекомендательными письмами отъ папы Льва X генуэзскій купецъ Павелъ Центуріонъ (Centurio), съ намѣреніемъ проложить путь въ Индію для торговли ароматическими растеніями, старался склонить приближенныхъ великаго князя Василія къ соединенію церквей. Тотъ же генуезецъ былъ посланъ въ 1525 году вторично въ Россію папою Климентомъ VII [2], съ порученіемъ склонить великаго князя признать верховную власть Рима, за что ему обѣщанъ былъ санъ королевскій. По удостовѣренію Павла Іовія, онъ побудилъ отправить въ Римъ посланника, которымъ назначенъ былъ человѣкъ уже пожилой, Дмитрій Герасимовъ или, какъ называютъ его иностранцы, Еразмъ, съ малолѣтства воспитывавшійся въ Лифляндіи, и бывшій прежде въ званіи посла при короляхъ шведскомъ и датскомъ, при магистрѣ ордена Прусскаго и при императорѣ Максимиліанѣ. Посольство въ сопутствіи Центуріона прибыло въ 1526 году въ Римъ съ письмами отъ великаго князя, въ которыхъ изъяснялось расположеніе къ римскому первосвященнику и готовность соединиться съ прочими христіанскими государями противъ невѣрныхъ, но собственно о вѣрѣ не было ни слова; потому и осталось это посольство

---

(1) Тамъ же, стр. 3—7 и у *Тургенева*, т. 1, стр. 128. Въ паспортѣ, данномъ Захарію папою, онъ названъ епископомъ *сардикскимъ* (Sardicensis). Съ нимъ былъ дворянинъ Иванъ Тедальдисъ (Thedaldis), родственникъ папы Льва X. (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 2. Romae. 1861. p. 403).

(2) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 2, p. 430.

одною учтивостію, безъ всякихъ послѣдствій ([1]), несмотря на изысканную вѣжливость и внимательность папы къ русскому послу. Ему приготовлено было помѣщеніе въ лучшей части дворца св. Петра; Франциску Керато (Cherato), епископу апрутинскому (Aprutino), поручено было сопровождать его по Риму и показывать его древности, и папа принялъ его особенно любезно ([2]). Въ 1526 году папа Климентъ VII послалъ съ Герасимовымъ въ Москву своимъ посломъ Іоанна Франциска, епископа скаренскаго ([3]), которому велѣно было руководствоваться совѣтами короля польскаго Сигизмунда ([4]). Но цѣлію этого посольства были не столько дѣла вѣры, какъ желаніе папы, чтобы великій князь заключилъ перемиріе съ Сигизмундомъ, королемъ польскимъ. Епископъ скаренскій по инструкціи короля и достигнулъ этого: перемиріе заключено было въ Можайскѣ на шесть лѣтъ, и государь отправилъ въ томъ же году послами въ Римъ Трусова и Лодыгина ([5]). Подробности этого посольства неизвѣстны; но достовѣрно только то, что оно никакого результата не имѣло.

За симъ, до половины XVI вѣка никакихъ сношеній между Римомъ и Россіею не было. Между

([1]) *Pauli Jovii Novocomensis*, De legatione Basilii magni, principis Moscoviae, ad Clementem VII Pontificem maximum liber. Basileae. 1541. изд. *Старчевскаго.* т. 1. Сл. Переписка папъ съ росс. госуд. стр. 10—15.

([2]) Framento concernente la legazione di Demetrio Erasmio mandato a papa Clemente VII da Basilio gran duca di Moscovia.

([3]) *Pauli Jovii.* p. 232. Скаренская церковь находилась въ Швеціи.

([4]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 2, p. 434.

([5]) Переписка папъ съ россійс. государями. стр. 25.

тѣмъ, реформація распространялась быстро не только въ западной Европѣ, но и въ Польшѣ, и Лютеръ и Кальвинъ стали опаснѣе султановъ для римскаго двора. Внутреннее устройство римско-католической церкви и противодѣйствіе реформаціи стали на первомъ планѣ въ тогдашней римской системѣ, и въ 1545 году начался извѣстный тридентинскій соборъ. — Въ первый созывъ этого собора (съ 1545 до 1547 г.) о Россіи еще не думали; но когда избранный въ папы Юлій III вновь созвалъ этотъ соборъ въ 1550 году, то тогда же снарядилъ посольство въ Москву. Оно состояло изъ графа Герберштейна и нѣкоего Штемберга, прежде бывшаго уже въ Россіи. Эти послы должны были склонить русскаго государя къ соединенію церквей, и настоять на томъ, чтобы онъ отправилъ свое посольство къ папѣ (1). Историческіе наши памятники и оффиціальные акты не сохранили никакихъ извѣстій объ этой миссіи; несомнѣнно только то, что она была совершенно напрасною для папы (2), и что царь Іоаннъ Васильевичъ не послалъ тогда никого къ папѣ. Между тѣмъ, въ маѣ 1552 года тридентинскій соборъ опять былъ закрытъ, не выполнивъ еще своего назначенія, и этотъ разъ закрытъ онъ былъ надолго; только спустя десять лѣтъ, преемникъ Юлія III, папа Пій IV, созвалъ опять соборъ въ Тридентѣ въ январѣ 1562 года, снарядивъ предварительно посольство къ царю Іоанну съ приглашеніемъ русскаго духовенства принять участіе въ этомъ со-

---

(1) Historica Russiae monumenta. t. 1, p. 139—141.

(2) *Adelung*, Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland. 1 Band, S. 191—194.

боре. Следовъ этого посольства не находимъ въ нашихъ архивахъ; даже не можемъ съ положительностью определить: кому посольство это было поручено. Въ начале, именно въ апреле 1561 года, папа назначилъ своимъ посломъ Захарія, епископа фаренскаго ([1]), а въ сентябре того же года поручилъ отправиться въ Москву съ теми же предложеніями венеціанцу Ивану Джиральдо (Giraldo) ([2]); по всей вероятности, епископъ фаренскій по какимъ-либо причинамъ не могъ ехать въ Москву и замененъ былъ этимъ венеціанцемъ ([3]). Джиральду поручено было сказать царю, что папа глубоко огорченъ сильнымъ распространеніемъ лютеровой ереси въ Германіи и соседнихъ съ нею странахъ, что онъ проситъ прислать русскихъ уполномоченныхъ для разсужденія о соединеніи веръ, а также очень желаетъ, чтобы несколько русскихъ молодыхъ людей, хорошо подготовленныхъ и одаренныхъ хорошими способностями, помещены были для окончательнаго своего образованія въ Риме, где научатся латинскому языку, догматамъ и обрядамъ римско-католической церкви, и такимъ образомъ могутъ сделаться впоследствіи наставниками своихъ согражданъ; мысль эта, какъ увидимъ въ последующемъ изложеніи, никогда не покидала римскаго двора, и онъ отчасти ее осуществилъ не надъ православными, а надъ уніатами. Все старанія папъ привлечь Россію на соборъ тридентинскій остались тщетны; едвали даже

([1]) Historica Russiae monumenta. t. 1, p. 180.

([2]) Тамъ же, p. 181; см. также стр. 198.

([3]) Папское посланіе къ царю, врученное еп. Захарію, помещено у *Тейнера*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 2. Romae. 1861. p. 635.

они получили отвѣты царя на свои граматы; слишкомъ извѣстенъ и памятенъ еще былъ русскому духовенству соборъ флорентійскій, чтобы оно не понимало, какого рода соединенія вѣръ желаетъ достигнуть папство на соборѣ тридентинскомъ.

Отдадимъ однако справедливость изумительной настойчивости римскаго двора, не измѣнявшей себѣ въ теченіе вѣковъ, несмотря на рѣшительныя и полныя неудачи, и систематичности его пропагандическихъ дѣйствій. Казалось бы, послѣ всего уже изложеннаго нами, другое правительство оставило бы всякіе замыслы на страну отдаленную и столь своеобычную какъ въ своей вѣрѣ, такъ и во всемъ своемъ національномъ бытѣ и внутреннемъ политическомъ устройствѣ. Не такъ поступалъ Римъ: онъ продолжалъ тѣ же настоянія, съ тѣми же уловками и приманками и почти въ тѣхъ же формахъ; удастся, думаетъ онъ, прекрасно; не удастся, папство ничего существеннаго не проигрываетъ.

Кардиналъ Мороній (1), находясь на сеймѣ въ Регенобургѣ, видѣлъ тамъ русскихъ пословъ, и желая чрезъ нихъ завязать сношенія съ русскимъ правительствомъ касательно вѣры, просилъ ихъ передать письма царю Іоанну и агенту своему Кленхену; но русскіе уполномоченные объявили ему, что имъ запрещено принимать посланія отъ кого бы то ни было, за исключеніемъ римскаго императора.

---

(1) Мороній былъ родомъ изъ Милана, и имѣлъ епископскую каѳедру въ Моденѣ. Морерій титулуетъ его: «Prêtre-cardinal du titre de Saint-Vital, puis de Saint-Etienne *in monte Coelio*, de Saint-Laurent *in Lucina* et de Sainte-Marie au delà du Tybre, président au concile de Trente, doyen du sacré-collége». Онъ умеръ въ 1560 году.

Тѣмъ не менѣе любопытна составленная въ 1576 году, по порученію папы Григорія XIII, этимъ кардиналомъ весьма подробная инструкція его агенту, доктору богословія, Кленхену, потому что она раскрываетъ намѣренія римскаго двора и излагаетъ способы, какъ ихъ исполнить. Кленхену предписывалось не только склонить царя къ союзу противъ турокъ, но въ особенности, что̀ несравненно важнѣе для Рима, достигнуть соединенія церквей, и для этого представить царю со всевозможнымъ искусствомъ и ловкостію всю выгоду этого единенія, разсказать ему, что папа возвелъ многихъ приверженныхъ римскому престолу государей въ санъ королевскій, и что значитъ и царь можетъ получить этотъ титулъ за угожденіе Риму; напомнить царю, что патріархъ константинопольскій, глава церкви въ Россіи,—подданный султана, а потому и приличнѣе и полезнѣе для Россіи подчиниться Риму. Кардиналъ Мороній увѣренъ былъ, что царь поспѣшитъ согласиться на эти предложенія ([1]), и приказывалъ Кленхену привезти непремѣнно отвѣтныя письма царя къ папѣ и, опираясь на прежніе примѣры, убѣдить русское правительство послать посольство въ Римъ, что̀ будетъ, писалъ кардиналъ, весьма пріятно папѣ и кардиналамъ и послужитъ первымъ звѣномъ желаемаго единенія ([2]). Сколько можно су-

---

([1]) *Moronii* cardinalis ad magnum Moscoviae ducem et ad Rudolphum Clenchen epistolae. «Non dubitamus magnum ducem pro sua prudentia sponte id facturum, quod cupimus». См. изданную въ 1834 году въ Петербургѣ *Григоровичемъ* «Переписку папъ съ россійскими государями въ XVI вѣкѣ».

([2]) Тамъ же. «Ostendesque hoc maxime accomodatum vinculum esse ad connectendam tanto arctius benevolentiae copulam».

дить по современнымъ историческимъ памятникамъ, посольство Кленхена въ Россію не состоялось, какъ полагать должно, по случаю послѣдовавшей въ то же время кончины императора Максиміліана (онъ умеръ 12 октября 1576 года).

Та же увѣренность католиковъ въ возможности обратить русскихъ въ римскій католицизмъ видна изъ переписки бывшаго въ 1576 году въ Россіи агента римскаго императора Кобенцеля съ однимъ католическимъ архіепископомъ. Легкимъ и весьма исполнимымъ представлялось Кобенцелю это дѣло потому, что русскіе до невѣроятности благочестивы и преданы вѣрѣ, значитъ стоитъ убѣдить ихъ откинуть тѣ различія, которыя существуютъ между закономъ греческимъ и римскимъ, и такимъ образомъ, по переходѣ въ римскій католицизмъ, они принесутъ съ собою ту же набожность и то же усердіе къ церкви. Обращеніе же это, по мнѣнію Кобенцеля, не было трудно, ибо царь весьма желалъ политическаго союза какъ съ папою, такъ съ германскимъ императоромъ и другими западными государями; народъ русскій вовсе не имѣетъ отвращенія къ Риму, какъ увѣряли; напротивъ того многіе желали бы видѣть Римъ и святыя мѣста его, напоминающія о святыхъ мученикахъ, которыхъ они чтутъ болѣе даже, нежели сами католики, и въ особенности Божію Матерь Ларетскую, болѣе извѣстную русскимъ, нежели многимъ французамъ и нѣмцамъ. Возможность соединенія выводилъ Кобенцель еще изъ того, что русскіе ненавидятъ лютеранъ; когда онъ изъявилъ желаніе видѣть образъ св. Николая чудотворца, то ему объявлено было на это согласіе, если только онъ принадлежитъ къ древней римской церкви, а не къ

лютеранской. «Хотя русскіе не признаютъ чистилища, писалъ онъ, но молятся за усопшихъ, такъ что въ сущности они различествуютъ отъ католиковъ однимъ именемъ» (¹). Немало радовался Кобенцель такому блестящему для католицизма будущему: этимъ пріобрѣтеніемъ не только покрывалась убыль, сдѣланная Лютеромъ въ предшествовавшіе годы въ римской паствѣ въ Германіи и Франціи, но и вознаграждалась съ избыткомъ (²). Одно смущало его, это то, что православные признаютъ только семь вселенскихъ соборовъ и отвергаютъ всѣ послѣдующіе, а оттого не почитаютъ и папу за главу церкви (³).

Такія понятія о православной вѣрѣ и ея исповѣдникахъ происходили не столько, быть можетъ, отъ незнанія Россіи, сколько отъ ревности къ собственной вѣрѣ, заставлявшей вѣрить въ невозможное и представлявшей вѣроятнымъ то, что̀ для положительнаго разсудка казалось несбыточнымъ. Путешественники, бывшіе въ Россіи прежде и послѣ изло-

---

(¹) *Ioannis Cobencellii* de legatione ad Moscovitas epistola, ad N. Drascovitium, archiepiscopum Colossensem et episcopum Zagabriensem scripta. «Ita a catholicis non re, sed nomine saltem ipsi differunt».

(²) Тамъ же. «Hoc pacto numerus noster vehementer augebitur, et triplo vel quadruplo plus lucrabimur, quam superioribus annis in Germania et Francia perdidimus. Ideo deberemus summopere elaborare in eorum populorum acquisitione, quod lucrum profecto gloriosius esset, quam ullum aliud in hoc mundo».

(³) Тамъ же. «Praecipuus error eorum meo judicio hic est, quod affirmant non fuisse ulli homini licitum post prima VII concilia ullum aliud celebrare. Ac quemadmodum illa VII concilia universa amplectuntur, ita posteriora omnia refutant et rejiciunt; et sic ab obedientia sedis Apostolicae disceditur».

женныхъ писемъ, единогласно свидѣтельствуютъ сколько о преданности русскихъ къ своей Церкви, столько и объ отчужденіи ихъ отъ католиковъ. Герберштейнъ говоритъ, что русскіе считаютъ за еретиковъ и схизматиковъ всѣхъ отступниковъ отъ семи вселенскихъ соборовъ и чуждаются ихъ болѣе, чѣмъ магометанъ, ибо видятъ въ нихъ измѣнниковъ первобытной вселенской Церкви ([1]). То же самое пишетъ послѣ него Гейденштейнъ: «русскіе бѣгаютъ отъ католиковъ, какъ-бы отъ какой чумы, и не хотятъ имѣть съ ними ничего общаго» ([2]).

Всего явственнѣе и осязательнѣе выступаютъ понятія русскаго православія XVI вѣка о римскомъ католицизмѣ въ бесѣдѣ и дѣйствіяхъ царя Іоанна IV съ папскимъ нунціемъ Поссевиномъ.

([1]) *Sigismundi Herbersteini* rerum Moscoviticarum commentarii. *Старчевскаго* Historiae Ruthenicae scriptores externi saeculi XVI. Berolini et Petropoli. 1841. «Habent in catalogo certos romanos pontifices, quos inter sanctos venerantur; alios vero, qui post illud schisma fuerunt, execrantur, tanquam eos, qui ab Apostolorum sanctorumque patrum et septem conciliorum ordinationibus defecerint, et tanquam haereticos et schismaticos appellant; eosdemque majori odio prosequuntur, quam ipsos Mahumetanos»... «Gloriantur Mosci se solos vere christianos esse; nos vero damnant, tanquam desertores primitivae Ecclesiae et veterum sanctarum constitutionum». См. также *Гваньини* въ сочиненіи его: Omnium regionum Moscoviae monarchiae subjectarum morum et religionis descriptio et gesta tyranni Joannis Basilidis ex Sarmatia, ed. *Berul. Albinus.* Spirae. 1581.

([2]) *Reinholdi Heidensteini* de bello Moscovitico commentariorum libri VI. Cracoviae. 1584. «Nam et omnes, qui in religione ab iis dissentiunt, etiam eos, qui romanae ecclesiae ritû utuntur, barbarorum loco habent, ac tanquam pestem aliquam detestantur; nihilque omnino cum iis commune habere fas ducunt».

II.

ЦАРЬ ІОАННЪ IV ВАСИЛЬЕВИЧЬ И ІЕЗУИТЪ ПОССЕВИНЪ.

Рѣшимость Іоанна IV просить у римскаго двора посредничества къ окончанію войны съ Баторіемъ.—Посольство Шевригина въ Римъ, 1580 г.—Грамата къ папѣ и инструкція Шевригину. — Средства, какими располагалъ Іоаннъ для убѣжденія папы къ посредничеству. — Торжественный пріемъ русскаго посла въ Римѣ. — Заблужденіе римскаго двора.— Назначеніе іезуита Поссевина посломъ для содѣйствія примиренію Іоанна съ Баторіемъ, 1581 г. — Тайная инструкція этому іезуиту. — Противоположность намѣреній римскаго двора и Іоанна IV.—Отъѣздъ изъ Рима Шевригина и Поссевина. — Пріемъ Поссевина въ Смоленскѣ. — Намѣреніе Іоанна обратить этого папскаго нунція въ православіе. — Царская грамата къ Сильвестру, епископу смоленскому, о пріемѣ Поссевина. — Прибытіе Поссевина въ Старицу. — Папская грамата, представленная имъ Іоанну. — Переговоры Поссевина съ думными людьми государя и предложеніе его о соединеніи вѣръ. — Невниманіе думныхъ людей къ разсужденіямъ Поссевина о вѣрѣ. — Настойчивость этого іезуита. — Краткій отвѣтъ ему отъ царя.—Обѣщаніе государя дозволить проѣздъ въ Персію венеціанскимъ купцамъ и посламъ папы чрезъ Россію. — Отъѣздъ Поссевина изъ Старицы къ Баторію. — Наставленіе Поссевина оставленнымъ имъ въ Москвѣ іезуитамъ Дреноцкому и Маріену.—Затруднительное положеніе Іоанна IV. — Заключеніе

перемирія между Россіею и Польшею, при участіи Поссевина. — Пріѣздъ Поссевина въ Москву, 1582 г.—Записка, поданная Іоанну Поссевиномъ, съ изложеніемъ папскихъ требованій.—Объявленіе царскаго отвѣта Поссевину бояриномъ Никитою Романовичемъ. — Домогательство Поссевина бесѣдовать съ царемъ о вѣрѣ. — Приглашеніе Поссевина царемъ къ себѣ. — Разговоръ Іоанна IV съ Поссевиномъ о вѣрѣ, обрядахъ, папѣ и пр.—Горячность царя. — Безуспѣшность переговоровъ о вѣрѣ. — Новая записка Поссевина съ прежними требованіями.— Второе приглашеніе Поссевина во дворецъ къ царю. — Письменное разсужденіе Поссевина о вѣрѣ, представленное царю, и другіе его богословскіе трактаты. — Третье приглашеніе Поссевина къ царю;—мысль царя обратить Поссевина въ православіе;—отправка его съ приставами въ Успенскій соборъ для присутствованія при торжественномъ богослуженіи;—сопротивленіе іезуита. — Послѣднее слово Іоанна въ переговорахъ съ посломъ папы. — Связь властей свѣтской и духовной въ Россіи. — Отпускъ Поссевина въ Римъ, съ граматою царя къ папѣ и съ русскимъ уполномоченнымъ Молвяниновымъ. — Политическая мудрость Іоанна IV. — Средства, предложенныя папѣ Поссевиномъ для введенія римскаго католицизма въ Россіи.—Его проэктъ пропагандическаго посольства въ Москву. — Полемическія сочиненія противъ православія, которыя Поссевинъ предлагалъ папѣ перевесть на русскій языкъ, и способы распространенія ихъ въ Россіи. — Незнаніе Поссевиномъ русскихъ и твердости ихъ въ вѣрѣ.

Въ то время, когда польскій король Баторій, овладѣвъ Полоцкомъ и Соколомъ, пролагалъ себѣ путь къ стариннымъ областямъ русскимъ, когда съ сѣвера шведы, съ юга турки и ногайцы двигались къ границамъ великаго княжества московскаго, Іоаннъ, не видя возможности успѣшной защиты своихъ новопокоренныхъ владѣній, рѣшился прибѣгнуть къ неслыханному дотолѣ въ Россіи средству: просить помощи и посредничества у римскаго двора. Не имѣя союзниковъ и достаточныхъ силъ, чтобы удержать столь искуснаго противника, Іоаннъ не

безъ основанія разсчитывалъ на вліятельное содѣйствіе папы въ войнѣ съ государемъ и народомъ католическимъ, и тѣмъ болѣе могъ желать этого содѣйствія, что папа благословилъ Баторія на войну съ Россіею и обѣщалъ склонить къ тому другихъ государей. Такимъ образомъ, не только прямое участіе Рима въ примиреніи Россіи съ Польшею, но и самое его бездѣйствіе было бы уже полезно Іоанну въ тогдашнемъ затруднительномъ его положеніи. 25 августа 1580 года отправленъ былъ изъ Москвы въ Римъ для этихъ переговоровъ Истома Шевригинъ, въ сопровожденіи Ѳедора Поплера.

Не могъ не предвидѣть Іоаннъ, что за оказанную помощь римскій дворъ потребуетъ уступокъ, и не вещественныхъ, а уступокъ въ дѣлѣ вѣры, слѣдовательно такихъ, которыхъ царь и не хотѣлъ и не въ состояніи былъ сдѣлать, по непоколебимой преданности народа русскаго къ православію. Довольно положительныя свидѣтельства удостовѣряютъ, что дѣйствительно государь, зная прозелитическіе виды и стремленія Рима, понималъ, что, въ случаѣ согласія на вспомоществованіе ему, главною цѣлію и условіемъ будетъ обращеніе его съ Россіею въ римскій католицизмъ. Это видно какъ изъ инструкціи Шевригину, такъ изъ граматы къ папѣ, написанной съ особенною осторожностію, и наказа сопровождавшему Поссевина изъ Смоленска въ Старицу приставу, въ которомъ именно предписано, что въ случаѣ, если папскій посолъ начнетъ разсуждать съ нимъ о вѣрѣ греческой, или римской, то отвѣчать, что онъ читать не умѣетъ, и ничего о вѣрѣ не говорить. Въ граматѣ же къ папѣ и инструкціи Шевригину избѣгнуто всякое упоминаніе о вѣрѣ, и послу

нашему велѣно не входить ни въ какіе переговоры о предметахъ, въ данной ему инструкціи не означенныхъ, а ежели его спросятъ: «нѣтъ ли какихъ словесныхъ приказаній»? то отвѣчать, что «опричь граматы, приказу съ нимъ нѣтъ никотораго». Шевригинъ выполнилъ добросовѣстно и въ точности эту царскую волю, уклоняясь искусно отъ всякаго упоминанія о вѣрѣ и устранивъ этимъ самымъ правительство отъ нареканій своихъ подданныхъ въ случаѣ какихъ-либо несообразныхъ съ цѣлостію и святостію православной Церкви обѣщаній, а также и самого Рима въ неисполненіи обѣщаннаго.

Въ представленномъ Шевригинымъ весьма подробномъ отчетѣ о дѣйствіяхъ его во время посольства не находимъ никакихъ переговоровъ о вѣрѣ, и даже самъ Поссевинъ, который конечно воспользовался бы малѣйшимъ намекомъ выгоднымъ для достиженія его цѣли, по прибытіи въ Москву, высчитывая государевымъ думнымъ людямъ дѣла, порученныя нашему послу въ Римѣ, собственно о вѣрѣ не упоминаетъ.

Отклоняя всякія объясненія и разсужденія о неприкосновенныхъ догматахъ религіи, измѣненіе которыхъ по римско-католическому вѣрованію могло единственно склонить Римъ къ дѣятельному участію въ судьбахъ Россіи, Іоаннъ для привлеченія папы поручилъ своему послу предложить соединеніе съ христіанскими государями противъ невѣрныхъ, что̀ не могло быть противно православію, хотя въ сущности государь конечно о томъ не думалъ, особенно въ такое тяжелое для себя время. Этотъ способъ склоненія Рима былъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что самое слово *соединеніе* давало просторъ пропагандиче-

скимъ надеждамъ римскаго двора, который въ союзѣ политическомъ могъ думать найти связь религіозную. Кромѣ того, Іоанну еще оставалось средство заплатить Риму за его услуги: дозволеніемъ свободнаго проѣзда венеціанскимъ и другимъ торговцамъ чрезъ Россію въ Персію. Римскій дворъ давно этого домогался, потому что съ купцами обыкновенно были отправляемы миссіонеры. Но Іоаннъ понималъ цѣну такой уступки и не рѣшался соглашаться на нее при первыхъ только обѣщаніяхъ папы помирить его съ Баторіемъ, приказавъ Шевригину, ежели послѣдуетъ это домогательство, совѣтовать отправить особаго посла въ Россію или поручить ему донести государю по возвращеніи своемъ въ отечество. Таковы были средства, которыми располагалъ Іоаннъ для убѣжденія папы содѣйствовать ему въ сохраненіи цѣлости своего государства.

Посолъ нашъ былъ принятъ въ Римѣ съ особою торжественностью; въ великолѣпныхъ экипажахъ возили его по городу, показывая чудеса міровой столицы, въ особенности же все то, чтò могло бы его убѣдить въ превосходствѣ римской церкви и сосредоточеніи въ ней всего христіанства; такъ ввели его въ новопостроенный папою придѣлъ для мощей св. Іоанна златоуста и св. Григорія, отцевъ вселенской Церкви, въ коллегіумъ, гдѣ учатся латынскому богословію греки, какъ-бы свидѣтельствуя тѣмъ объ единствѣ обѣихъ церквей; словомъ, въ продолженіе болѣе мѣсячнаго пребыванія посла нашего въ Римѣ (съ 24 февраля по 28 марта) не упускали никакого средства поразить чувства его блескомъ и великолѣпіемъ престола намѣстника Петрова, водя его по храмамъ, заставляя дивиться пышности богослуженія,

величію, окружающему особу папы. Но Шевригинъ не увлекался этою блестящею внѣшностію; не богатство церквей, не великолѣпіе обрядовъ, а неприличность нѣкоторыхъ изъ нихъ запечатлѣлись особенно въ его памяти; и то̀, чѣмъ римскій дворъ думалъ подѣйствовать на посла нашего и на дѣла, связанныя съ этимъ посольствомъ, то̀ именно обратилось впослѣдствіи, какъ увидимъ, противъ него.

Предложенія Іоанна приняты были съ готовностію. Не однажды пытался Римъ распространить свою власть на отдаленную Россію, но еще въ первый разъ предупреждалъ его въ этихъ видахъ, какъ предполагали, русскій самодержецъ. Въ концѣ мая 1581 года назначенъ былъ для примиренія Іоанна съ Баторіемъ и насажденія въ Россіи римскаго католицизма испытанный уже въ искусствѣ совращенія іезуитъ Антоній Поссевинъ (род. 1534 г. въ Мантуѣ, ум. 1611 г. въ Феррарѣ), склонившій, какъ утверждаютъ, въ 1577 г. шведскаго короля Іоанна скрытно перейти изъ лютеранства въ католичество. Въ тайной инструкціи, данной этому іезуиту, опредѣлены были въ точности какъ цѣль его посольства, такъ и средства ея достиженія. Прежде всего ему предписывалось, склоняя Баторія къ перемирію съ Іоанномъ, вести дѣло такъ, чтобъ царь видѣлъ, что всѣмъ онъ обязанъ римскому двору; за тѣмъ привлечь его къ союзу съ папою, императоромъ и другими христіанскими государями противъ турокъ. Окончивъ это политическое дѣло, внушивъ Іоанну ненависть къ туркамъ и овладѣвъ умомъ его, Поссевинъ долженъ былъ перейти къ вопросу о религіи, тѣсно связанному въ намѣреніяхъ римскаго двора съ предыдущимъ, и доказать царю, что для едино-

душнаго союза необходимо единеніе духа, потому и слѣдуетъ принять ему римско-католическую вѣру, признавъ за единаго главу церкви папу, намѣстника Христа на землѣ, каковымъ онъ былъ всегда почитаемъ всѣми христіанскими государями и престолъ коего въ Римѣ выше всѣхъ другихъ. Описаніемъ флорентійскаго собора, экземпляръ коего на греческомъ языкѣ врученъ былъ Поссевину, онъ долженъ былъ убѣдить Іоанна, что папа есть дѣйствительно глава всей церкви, какъ призналъ его императоръ греческій во имя всего народа, что постановленія этого собора не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, ибо въ нихъ участвовали лучшіе богословы съ той и другой стороны, и что сей важный предметъ, при помощи и дѣйствіи Духа Святаго, былъ обсужденъ вполнѣ. Іезуиту вмѣнялось въ обязанность, дѣйствуя на умъ Іоанна, употребить въ пользу и самыя его страсти и, возбудивъ его самолюбіе, представить, какъ постыдно столь мудрому и могущественному государю находиться въ зависимости патріарха константинопольскаго, раба турецкаго султана, и что несравненно приличнѣе его высокому сану признать главою церкви папу, которому подлежатъ всѣ христіанскіе государи, ибо онъ дѣйствительно намѣстникъ Христа. Полагая, что главное препятствіе для осуществленія такихъ замысловъ представится со стороны православнаго духовенства, которое, частію по непріязненному расположенію къ латынской церкви, частію по желанію сохранить собственное значеніе, не пощадитъ никакихъ усилій для удержанія государя въ вѣрѣ отцевъ его, папа поручилъ іезуиту употребить всѣ средства, чтобы склонить на свою сторону православныхъ духовныхъ. Наконецъ Пос-

севину вмѣнялось въ обязанность исходатайствовать царское позволеніе на построеніе въ Москвѣ одной или даже нѣсколькихъ латынскихъ церквей, увѣривъ Іоанна, что въ противномъ случаѣ ни венеціанскіе, ни другіе купцы римско-католическаго исповѣданія не будутъ пріѣзжать для торга въ Россію.

Съ такими намѣреніями отпускалъ римскій дворъ Поссевина въ Россію; съ совершенно противоположными принималъ его Іоаннъ. Отправившись изъ Рима вмѣстѣ съ Шевригинымъ, папскій посолъ ѣхалъ съ нимъ до Праги, а оттуда Шевригинъ повернулъ на Данію, а Поссевинъ въ Вильну; изъ этого города лежалъ ему путь въ Москву чрезъ Смоленскъ. Здѣсь ожидалъ его пріемъ, котораго конечно не могъ думать найти ѣхавшій въ Россію для пропаганды іезуитъ. Іоаннъ зналъ, что главная цѣль этого посольства должна состоять въ совращеніи его въ католицизмъ, понималъ также нелѣпость такихъ ожиданій, не только не хотѣлъ и не могъ что-либо обѣщать въ дѣлѣ чисто духовномъ, но избѣгалъ, какъ мы видѣли, всякаго о немъ упоминанія. Этого мало: проникнутый истинами исповѣдуемой имъ вѣры, царь вознамѣрился употребить противъ Рима его оружіе, предпринявъ невиданное до того въ исторіи обращеніе въ православную религію папскаго нунція, іезуита, посланнаго для склоненія Россіи къ католицизму. 27-го іюля написана была царская грамата къ Сильвестру, епископу смоленскому и брянскому, въ которой государь приглашалъ епископа, по пріѣздѣ въ Смоленскъ Поссевина, дозволить ему осмотрѣть всѣ церкви и монастыри, позаботясь о томъ, чтобы онъ нашелъ ихъ въ наилучшемъ видѣ, а если онъ изъявитъ желаніе быть въ церкви пречистой Бого-

родицы, то чтобъ въ этотъ день епископъ самъ совершалъ въ ней богослуженіе соборно и со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ. Но православный епископъ, принимая радушно иновѣрнаго иноземца, не долженъ былъ однако равнять его съ исповѣдующими истинную вѣру, потому государь предложилъ Сильвестру пригласить Поссевина поцѣловать свою руку, но не давать ему благословенія, какъ христіанамъ православнымъ; подобнымъ образомъ, дозволяя ему входъ во храмы, не допускать въ алтарь. Эта царская грамата повидимому осталась безъ дѣйствія; іезуитъ вѣроятно не искалъ видѣть православной святыни, хотя изъ собственныхъ его словъ знаемъ, что онъ былъ представленъ смоленскому епископу; какъ бы то ни было, грамата эта выражаетъ отчасти мысли и намѣренія Іоанна при самомъ принятіи папскаго посланника.

Узнавши о состояніи дѣлъ въ Вильнѣ и умноживши свою свиту нѣсколькими польскими іезуитами, получивъ отъ Баторія пропускную грамату и проводниковъ, Поссевинъ прибылъ, въ сопровожденіи одиннадцати человѣкъ своихъ сообщниковъ, 18-го августа въ Старицу, гдѣ находился тогда государь, и былъ встрѣченъ съ тѣмъ почетомъ, который обыкновенно оказывался уполномоченнымъ знатнѣйшихъ государей. Этотъ торжественный пріемъ папскаго посла, независимо отъ значенія римскаго двора, объясняется тѣмъ, что въ немъ видѣлъ государь единственнаго возможнаго посредника въ примиреніи съ Баторіемъ, послѣ отказа отъ содѣйствія германскаго императора. Чрезъ два дня, представляясь царю, онъ вручилъ ему грамату папы, въ которой Григорій XIII, принимая предложеніе Іоанна вооружиться про-

тивъ невѣрныхъ, объяснялъ, что единственное прочное основаніе союза между христіанскими государями есть любовь, но любовь не человѣческая, а основанная на ученіи Христа, представитель коего на землѣ—папа, каковымъ и признанъ былъ за полтораста лѣтъ предъ тѣмъ на соборѣ флорентійскомъ всѣми епископами греческой имперіи и самимъ императоромъ Палеологомъ, что за непризнаніе верховной власти папы греки испытали всевозможныя бѣдствія, подпавши подъ иго турецкое, и что Іоаннъ, для единодушнаго дѣйствія съ христіанскими государями противъ невѣрныхъ и для упроченія своего государства, долженъ подчиниться Риму. Для убѣжденія въ этомъ папа прислалъ экземпляръ постановленій флорентійскаго собора, совѣтуя государю прочесть его и приказать русскому духовенству читать со вниманіемъ, обѣщая, что эта книга дастъ ему разумъ и мудрость. Въ заключеніе папа изъявлялъ одно только желаніе,—чтобы Іоаннъ присоединился къ католицизму, за что онъ получитъ какъ отъ римскаго двора, такъ и отъ всѣхъ христіанскихъ государей все, что только пожелаетъ. Не забылъ также папа и членовъ царскаго семейства, написавъ граматы къ двумъ сыновьямъ Іоанна и его супругѣ, полагая вѣроятно такою внимательностію облегчить трудное дѣло іезуита.

Немедленно по своемъ пріѣздѣ, Поссевинъ вступилъ въ переговоры съ государевыми думными людьми, и съ самаго начала сдѣлалъ предложеніе о соединеніи вѣръ. Повторяя сказанное въ граматѣ папы, Поссевинъ утверждалъ, что будто четыре первые вселенскіе собора признали верховную власть Рима и догматы латынской церкви, но что православные

епископы съ намѣреніемъ скрываютъ постановленія этихъ соборовъ, и потому предлагалъ списать для государя книги св. отцевъ греческихъ, или, въ случаѣ отъѣзда своего къ Баторію, поручить этотъ трудъ двумъ находившимся съ нимъ іезуитамъ, которые выучатся между тѣмъ порусски, а русскихъ научатъ полатынѣ. Въ доказательство, что первые отцы Церкви дѣйствительно исповѣдывали римско-католическую вѣру, Поссевинъ указывалъ на мощи св. Іоанна златоустаго и св. Григорія, почивающія въ римской церкви св. Петра, а въ Венеціи на мощи св. Аѳанасія и св. Николая, увѣрялъ, что въ Римѣ находятся собственноручныя ихъ сочиненія, свидѣтельствующія объ истинѣ латынской вѣры, которая видима также и изъ обращенія въ нее самыхъ язычниковъ. Изъ этихъ невѣрныхъ положеній іезуитъ выводилъ, что вѣра греческая, основанная на постановленіяхъ отцевъ греческихъ, которые будто признавали догматы римской церкви, не разнится ни въ чемъ отъ нея, и потому предлагалъ Іоанну, признавши соборъ тридентинскій какъ полное выраженіе догматовъ обѣихъ церквей, послать молодыхъ духовныхъ учиться въ римскихъ коллегіяхъ, гдѣ находятся воспитанники изъ всѣхъ странъ міра, также и греки, за что папа не требуетъ никакого вознагражденія, воспитывая ихъ на собственный счетъ. Въ заключеніе Поссевинъ говорилъ, что признаніемъ латынской церкви Іоаннъ получитъ несравненно болѣе славы и богатствъ, чѣмъ покореніемъ царствъ татарскихъ, что самая власть его надъ его подданными окрѣпнетъ, что всѣ христіанскіе государи станутъ ему благопріятствовать и что молитвами римскаго первосвященника Господь Богъ ниспошлетъ

ему всѣ блага земныя и силу, которая сокрушитъ враговъ его государства.

Уполномоченные царемъ для переговоровъ съ Поссевиномъ думные люди, оставивъ безъ всякаго вниманія эти разсужденія о вѣрѣ, не дали никакого отвѣта папскому послу, а занялись съ нимъ преимущественно дѣлами ливонскими, которые наиболѣе озабочивали правительство.

Настойчивый іезуитъ подалъ 1-го сентября записку, въ коей, возобновляя предложенія свои о вѣрѣ, успокоивалъ государя, что соединеніе церквей не предполагаетъ измѣненія греческихъ обрядовъ, что оно необходимо для союза его съ другими христіанскими государями и что, приписывая молчаніе правительства на его объясненія неопытности переводчиковъ, которые не умѣли вѣрно передать его мыслей, онъ надѣется, что требованія его будутъ выслушаны, ибо онъ долженъ дать о семъ отчетъ папѣ. Кромѣ того, Поссевинъ просилъ, чтобы государь въ граматѣ, которую пошлетъ Григорію XIII, величалъ его намѣстникомъ Христа, какъ называютъ цесарь и всѣ христіанскіе государи и какъ будто бы именовали его вселенскіе соборы и святые отцы греческіе.

Но и эта записка осталась безъ отвѣта. Поссевинъ отчаялся съ самаго приступа во всякомъ успѣхѣ своихъ переговоровъ, писалъ въ Римъ, что царь не только не хочетъ слушать предложеній его о вѣрѣ, но даже запретилъ своимъ переводчикамъ переводить поданную имъ по этому предмету записку. Только 10-го сентября данъ былъ Поссевину краткій и уклончивый отвѣтъ, что царь поговоритъ съ нимъ о вѣрѣ, когда Поссевинъ возвратится отъ Ба-

торія. Не болѣе удачи имѣлъ папскій посолъ и въ склоненіи Іоанна составить союзъ съ христіанскими государями противъ турокъ. «Какой возможенъ теперь союзъ съ христіанскими государями противъ невѣрныхъ»? говорилъ Іоаннъ; «мы вооружимся противъ турокъ, а Баторій пойдетъ на насъ».

Итакъ Поссевинъ поставленъ былъ царемъ въ такое положеніе, что не могъ ожидать не только успѣха въ своихъ переговорахъ о вѣрѣ, но и возможности приступить къ нимъ прежде, чѣмъ примиритъ Іоанна съ Баторіемъ. Совращеніе Россіи въ латынство, соединеніе Іоанна съ другими государями противъ невѣрныхъ, однимъ словомъ, главные предметы даннаго іезуиту порученія, завѣтныя мечты Рима, зависѣли отъ рвенія и искусства, которыя окажетъ онъ въ скорѣйшемъ заключеніи перемирія Россіи съ Польщею. Съ этого папскій посолъ долженъ былъ начать свои дѣйствія; этимъ Іоаннъ кончалъ свои сношенія съ Римомъ.

Свободный проѣздъ чрезъ Россію въ Персію латынскихъ миссіонеровъ съ венеціанскими торговцами не менѣе занималъ Поссевина; еще ѣхавши въ Россію, онъ убѣждалъ папу склонить венеціанскихъ купцовъ производить торгъ съ Персіею чрезъ Россію, увѣряя, что путь этотъ будетъ для нихъ ни дорогъ, ни опасенъ, а выгоденъ для ихъ торговли, и что, по пріѣздѣ въ Венецію, онъ постарается лично ихъ уговорить. Іоаннъ, какъ мы видѣли, предугадывалъ эти желанія Рима, но до времени не рѣшался имъ удовлетворять. Когда же ему нужно было побудить Поссевина отправиться для его дѣлъ къ Баторію и убѣдить въ своей готовности дѣйствовать противъ турокъ, государь обѣщалъ дозволить сво-

бодный проѣздъ въ Персію венеціанскимъ купцамъ и посламъ папы, которые будутъ отправлены для приглашенія персидскаго шаха принять участіе въ войнѣ противъ турокъ, не воспрещая имъ имѣть при себѣ священниковъ. Но и это, ходя далёко не полное удовлетвореніе желаній Поссевина, нуждалось для своего осуществленія, какъ самъ онъ видѣлъ, въ мирѣ Россіи съ Польшею. «Есть еще иная дорога (въ Индію)», говорилъ онъ, «черезъ польскую и литовскую землю, и тою дорогою намъ нынѣ ѣздить нельзя для того, что вы государи промежъ себя живете не мирно и не в любви, и ты бъ то своею мудростію придумалъ какъ бы вамъ съ королемъ польскимъ в миру и в любви быти для того, чтобъ черезъ польскую и литовскую землю всякимъ людемъ волно и здорово до твоего государства приѣхати». Слѣдовательно всѣ соображенія, всѣ надежды успѣха заставляли Поссевина слѣдовать данному царемъ направленію дѣла и спѣшить положить конецъ войнѣ Россіи съ Польшею. Быть можетъ, письмо Іоанна къ Баторію, въ которомъ онъ глухо, неопредѣленно намекалъ на сходство догматовъ обѣихъ церквей, могло также питать въ іезуитѣ надежду возможности совращенія царя въ латынство. Потому, отпущенный государемъ 12-го сентября, Поссевинъ, не ожидая болѣе никакихъ разрѣшеній на свои требованія, 14 числа выѣхалъ уже изъ Старицы къ Баторію.

Въ Москвѣ Поссевинъ оставилъ повѣренными своими іезуитовъ Степана Дреноцкаго и Михаила Маріена въ качествѣ наблюдателей, которые обязаны были вести журналъ своимъ замѣчаніямъ, но не приступать ни къ какимъ дѣйствіямъ, избѣгать

свиданія съ митрополитомъ, повременить распространеніемъ между русскими нарочно для нихъ приготовленныхъ Поссевиномъ въ Вильнѣ церковныхъ книгъ латынскаго ученія. Осторожный іезуитъ оставилъ имъ подробное наставленіе, какъ они должны поступать во время его отсутствія, удаляя ихъ отъ всякихъ столкновеній, которыя могли бы оскорбить священное чувство привязанности русскихъ къ своей вѣрѣ и помѣшать предположенному соединенію ея съ римскою. При совершеніи богослуженія имъ запрещалось производить крестные ходы по улицамъ, которые съ непривычки показались бы странными русскимъ и осмѣяны были бъ лютеранами, или произвели волненіе между народомъ, слѣдствіемъ коего было бъ изгнаніе этихъ посланныхъ изъ Россіи. Въ случаѣ, если русскіе начали бы спорить съ ними о вѣрѣ, іезуитамъ данъ былъ совѣтъ, не отвѣчая, дѣлать вопросы, чтобы затруднить спорящихъ; а ежели бы приведены были въ необходимость дать положительный отвѣтъ, не имѣя его готовымъ, откладывать до другаго дня; вообще же стараться говорить болѣе о нравственныхъ началахъ религіи, нежели о ея догматахъ. Дабы не отчуждить отъ себя русскихъ противорѣчіями, они не должны были вовсе разсуждать о православныхъ угодникахъ, отзываясь невѣдѣніемъ. Равномѣрно, по собственному опыту полагая возможнымъ, что царь захочетъ убѣдить повѣренныхъ его іезуитовъ въ истинахъ своей вѣры и заставитъ оказывать должное почитаніе ея представителямъ, Поссевинъ не забылъ предписать имъ не прикладываться къ рукѣ митрополита и не принимать его благословенія ни въ храмѣ, ни наединѣ, а только при представленіи ему

поклониться. Такимъ образомъ, съ замѣчательнымъ искусствомъ расчитанъ былъ образъ поведенія оставленныхъ въ Москвѣ іезуитовъ, ограничивавшійся благоразумною осторожностію, выжиданіемъ рѣшительныхъ требованій Поссевина, которыя отложены были до возвращенія его отъ Баторія.

Въ то время король польскій, въ намѣреніи достигнуть черезъ Новгородъ до Москвы, осаждалъ Псковъ, и не смотря на мужественный отпоръ русскихъ, имѣя достаточное продовольствіе и помѣщеніе для своего войска, настойчиво продолжалъ осаду. Радзивилъ, взявши Порховъ, разбивши Барятинскаго, прошедши побѣдителемъ къ берегамъ Волги, сталъ подъ Можайскомъ. Шведы заняли часть Ливоніи и взяли Нарву. Посолъ турецкаго султана прибылъ въ лагерь Баторія съ предложеніемъ ему помощи. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ непріятелями, Іоаннъ принужденъ былъ бороться еще съ врагами внутренними, вѣчно противными ему родами боярскими, которые, пользуясь неудачами войны съ поляками, составили противъ него заговоръ, во главѣ коего стоялъ старшій его сынъ и наслѣдникъ престола. Въ такихъ обстоятельствахъ, выгодныхъ королю польскому, Поссевинъ старался склонить къ миру этого гордаго полководца, надменно отказавшагося выслушать предложенія о перемиріи пословъ Іоанновыхъ, и именемъ папы дѣйствуя на приверженцевъ Рима, способствовалъ заключенію десятилѣтняго перемирія между Россіею и Польшею. Дѣятельное участіе Поссевина засвидѣтельствовано было какъ актомъ перемирія, имъ скрѣпленнымъ, такъ и неоднократнымъ подтвержденіемъ и удостовѣреніемъ самого Іоанна.

Исполнивши желанія Іоанна, Поссевинъ пріѣхалъ 14-го февраля 1582 г. въ Москву требовать возмездія за свои услуги. Царю предстояло трудное дѣло: воспользовавшись посредничествомъ римскаго посла, отклонить требуемое за него вознагражденіе, и притомъ не возстановляя противъ себя Рима, который могъ побудить снова къ войнѣ короля польскаго.

Представившись 16-го числа къ государю, 18-го Поссевинъ возобновилъ свои прежнія требованія. Ополченіе Іоанна противъ турокъ, соединеніе вѣръ, посылка молодыхъ русскихъ въ Римъ для образованія, свободное проживаніе въ Россіи латынскихъ священниковъ, изгнаніе изъ Москвы лютеранъ, которымъ онъ приписывалъ невыгодныя для папы внушенія Іоанну, составляли сущность поданной папскимъ посломъ записки. Желая, чтобы государь прочелъ прежде поданное имъ изложеніе вѣры, іезуитъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ царя побесѣдовать съ нимъ изустно объ этомъ предметъ наединѣ; увѣрялъ, что молодые люди, которыхъ пошлютъ въ Римъ, будутъ наставлены во всѣхъ догматахъ греческой вѣры и возвращены въ Россію; въ замѣнъ лютеранскихъ нѣмецкихъ пасторовъ, живущихъ въ Москвѣ, обѣщалъ прислать такихъ же нѣмцевъ духовныхъ католическихъ (какъ-бы это было все равно), и наконецъ домогался письменнаго подтвержденія обѣщаннаго свободнаго въ Россіи отправленія вѣры венеціанцамъ и другимъ торговцамъ.

Бояринъ Никита Романовичь, въ присутствіи ближнихъ людей, объявилъ 21-го февраля Поссевину, что государь, признательный къ трудамъ его въ примиреніи съ Баторіемъ, не отказывается соединиться съ христіанскими государями противъ турокъ

тогда, когда этотъ союзъ уже будетъ между ними окончательно заключенъ, что венеціанскимъ и цесарскимъ купцамъ дозволено будетъ имѣть съ собою священниковъ, «только имъ ученія своего русскимъ людемъ не плодити и костеловъ имъ въ нашемъ государствѣ не ставити, кой же въ своей вѣре да пребываетъ, а в нашемъ государстве много разныхъ вѣръ, и мы у нихъ воли не отнимаемъ, живутъ всѣ по своей воле какъ кто хочетъ, а церквей еще по ся время никоторые вѣры въ нашемъ государстве не ставливали», и что на этомъ основаніи нѣтъ причины изгнать лютеранъ. Въ отвѣтъ на предложеніе послать для обученія русскихъ въ Римъ уклончиво было сказано, что способныхъ къ сему молодыхъ людей въ скоромъ времени собрать невозможно, и что ежели такіе найдутся, то будутъ посланы впослѣдствіи. Всего затруднительнѣе было отклонить переговоры о вѣрѣ, которые обѣщалъ начать Іоаннъ по заключеніи мира съ Баторіемъ. Не желая допустить ихъ въ то время, когда поляки разоряли его владѣнія, когда главную надежду на миръ онъ полагалъ на папскаго нунція, обусловливавшаго свое посредничество исполненіемъ этого требованія, государь тѣмъ менѣе могъ рѣшиться разсуждать о вѣрѣ по заключеніи мира съ Баторіемъ, когда услуги Поссевина и заступничество Рима сдѣлались уже для него ненужными. Потому Поссевину было сказано, что государь почитаетъ неприличнымъ бесѣдовать о вѣрѣ, не имѣя при себѣ своихъ ближнихъ людей, что эти разсужденія не могутъ привести ни къ какому послѣдствію, ибо каждый—ревнитель своей вѣры и защищаетъ ее, что они произведутъ одно безполезнос

словопреніе, а, быть можетъ, даже и разрывъ дружественныхъ сношеній между двумя дворами.

По объявленіи этой царской воли Поссевину, онъ просилъ изложить ее на бумагѣ, обѣщаясь дать отвѣтъ; говорилъ, что онъ не настаиваетъ на томъ, чтобы непремѣнно бесѣдовать съ государемъ наединѣ, что царь можетъ оставить при себѣ бояръ и ближнихъ людей, которыхъ пожелаетъ, понимая, что царь не можетъ быть безъ нихъ, какъ голова безъ членовъ. Наконецъ, изъясняя, что онъ пріѣхалъ не для ссоры, Поссевинъ утверждалъ, что не предвидитъ отъ этихъ переговоровъ никакихъ непріятностей, желаетъ только доказать сходство догматовъ двухъ церквей, а ежели найдутся какія-либо между ними противорѣчія, происходящія отъ невѣрности перевода греческихъ духовныхъ твореній, то теперь же ихъ согласить, подобно тому, какъ это сдѣлано было на соборѣ флорентійскомъ. Въ случаѣ, ежели бы государю неугодно было принять его къ себѣ, папскій посолъ просилъ дозволенія, изложивъ свои понятія о вѣрѣ, на другой же день представить ихъ царю.

Видя неотвязчивыя домогательства іезуита и понимая конечно, что всякія письменныя разсужденія о вѣрѣ съ римскимъ посломъ могли лишь повести къ дальнѣйшимъ съ его стороны домогательствамъ и притомъ продлиться неопредѣленное время, Іоаннъ рѣшился положить конецъ этому дѣлу, приказавъ Поссевину явиться къ себѣ и разсказать на словахъ, какія имѣетъ отъ папы порученія на счетъ вѣры. Приглашая къ себѣ папскаго посла, государь намѣревался не вступать съ нимъ въ переговоры о предметахъ духовныхъ, а объяснить, что они невоз-

можны, и тѣмъ прекратить это посольство, становившееся для него столько же тягостнымъ, сколько было прежде полезнымъ.

Удаливши стольниковъ, дворянъ и приставовъ, царь, въ присутствіи только бояръ, сверстныхъ дворянъ и служилыхъ князей, принялъ папскаго посла. «Великій государь, царь и великій князь»! сказалъ Поссевинъ. «Присылалъ ты къ папѣ Григорію XIII, сопрестольнику апостола Петра, посла своего Шевригина съ предложеніемъ соединенія. Святѣйшій отецъ принимаетъ это соединеніе въ вѣрѣ и любви, тѣмъ болѣе, что нѣтъ различія между вѣрою римскою и греческою, потому и желаетъ, чтобъ утвердилась одна церковь, одна вѣра, по слову Христа: «паси овца моя», такъ чтобы мы ходили въ ваши церкви и исповѣдались вашимъ священникамъ, а вы — въ наши. Ежели же въ государствѣ твоемъ нѣтъ перевода всѣхъ сочиненій отцевъ греческой церкви, то ты можешь получить ихъ изъ Рима, гдѣ находятся сочиненія св. Іоанна златоустаго, собственноручно имъ написанныя, а также другихъ великихъ святителей, постановленія всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ и послѣдняго собора флорентійскаго, на которомъ утверждено соединеніе обѣихъ вѣръ. Согласись признать такое соединеніе, и будешь въ дружественныхъ связяхъ съ папою, императоромъ и всѣми государями, и распространится государство твое, общими ихъ усиліями, далѣе прародительской твоей отчины Кіева и настоящихъ его предѣловъ, и сдѣлаешься императоромъ восточнымъ». Для большаго убѣжденія царя, іезуитъ обѣщалъ, что римскій дворъ не коснется православныхъ храмовъ и обрядовъ, что православные священники останутся

по прежнему, присовокупивъ, что самъ Іоаннъ обѣщалъ соединеніе вѣръ и свободу богослуженія католикамъ въ Россіи.

Убѣждая неоднократно Поссевина оставить эти разсужденія о вѣрѣ, которыя могутъ сдѣлаться ему непріятными, царь прибавилъ, что онъ ничего не писалъ папѣ о вѣрѣ, что даже не имѣетъ права вступать съ нимъ въ такіе переговоры безъ дозволенія митрополита и собора. «Ты желаешь говорить о вѣрѣ», сказалъ ему государь, «и имѣешь на то право, ты для этого и присланъ папою и самъ латынскій священникъ; а я не могу отвѣчать тебѣ, не получивъ на то рукоположенія отъ митрополита и всего собора». Что касается до иностранныхъ купцовъ, проживающихъ въ Россіи, царь вновь подтвердилъ свое обѣщаніе дозволить находиться при нихъ латынскимъ священникамъ и совершать богослуженіе, но не публично и не строя латынскихъ церквей.

Поссевинъ не переставалъ настаивать, увѣряя, что изъ предполагаемыхъ объясненій не произойдетъ никакого неудовольствія; «ты великій государь», сказалъ онъ; «какъ же осмѣлюсь я, наименьшій изъ твоихъ подданныхъ, произнести неприличное слово? Я хочу только передать тебѣ то, что̀ поручилъ мнѣ папа».

«Трудно намъ сойтись съ вами въ вѣрѣ», возразилъ ему Іоаннъ; «съ давнихъ временъ Церковь восточная существуетъ отдѣльно отъ западной; мы приняли христіанскую вѣру при самомъ началѣ отъ апостола Андрея, принесшаго ее въ наши страны; впослѣдствіи при Владимірѣ она еще болѣе распространилась. Итакъ въ то самое время, когда вы

приступили къ христіанству въ Италіи, мы получили его въ Россіи и сохранили въ чистотѣ и цѣлости; тогда какъ въ латынской церкви (вспомни, что̀ ты самъ говорилъ мнѣ въ Старицѣ) теперь семьдесятъ вѣръ. Въ нашей православной вѣрѣ я родился и съ Божьею помощію достигъ 51 года, слѣдовательно мнѣ не время уже перемѣнять исповѣданія, или желать обширнѣйшаго государства, я помышляю только о жизни будущей, а здѣсь мнѣ цѣлой вселенной не надо; впрочемъ земля въ рукахъ Божіихъ, кому захочетъ, тому и дастъ. А такъ какъ ты говоришь, что восточная Церковь соединилась съ западною, то я тебѣ замѣчу, что наша вѣра не греческая, а православная, которая во многомъ разнствуетъ съ латынскою, но только разсуждать я объ этомъ не хочу, чтобъ не сказать чего лишняго, или тебѣ непріятнаго и не нарушить тѣ дружественныя сношенія, которыя начались между мною и папою Григоріемъ XIII, потому и прошу тебя о вѣрѣ не говорить».

Поссевинъ, докучая государю, продолжалъ просить дозволенія начать переговоры о религіи, вновь увѣряя его, что ихъ можно вести хладнокровно, безъ взаимныхъ оскорбленій.

Пылкость характера и глубокое знаніе постановленій православной Церкви, которое любилъ выказывать царь и изустно и письменно, преодолѣли дипломатическое его намѣреніе не вступать съ іезуитомъ въ разсужденія о вѣрѣ. «Не хочу говорить съ тобою о великихъ догматахъ вѣры», началъ Іоаннъ, «тебѣ было бы это непріятно, а вотъ дѣло неважное: вижу, что ты брѣешь бороду, а брить и стричь бороды не велѣно не только духовнымъ, но и мірскимъ людямъ; ты же въ римской церкви попъ, а

бороду стрижешь, то не угодно ли тебѣ сказать, откуда ты взялъ этотъ обычай, изъ котораго ученія»?

Смѣшавшійся отъ неожиданнаго вопроса іезуитъ отвѣчалъ, что у него борода не ростетъ.

Дозволивъ себѣ это первое замѣчаніе, полный страсти Іоаннъ не могъ на немъ остановиться и продолжалъ: «сказывалъ мнѣ Шевригинъ, что папу носятъ на престолѣ и цѣлуютъ его сапогъ, на которомъ вышитъ крестъ съ изображеніемъ распятія Христова. Ежели это правда, то хорошо ли это? Вотъ первая причина несогласія нашей христіанской вѣры съ вашею римскою. У насъ крестъ Христовъ—на враги побѣда. Мы покланяемся древу честнаго креста и почитаемъ по преданью святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ Церкви, и потому ниже пояса не носятъ у насъ креста и не ставятъ образовъ Спасителя, пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ, дабы взирать на образъ очами души, возвышающими до первообраза, для того и престолы въ церквахъ сдѣланы по грудь человѣку, ибо неприлично святынѣ быть ниже пояса. Итакъ папа Григорій дѣйствуетъ не по уставу святыхъ апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отцевъ вселенскихъ семи соборовъ; обрядъ его установленъ гордынею человѣческою».

Поссевинъ отвѣчалъ, что всѣ цари христіанскіе признаютъ въ папѣ сопрестольника апостолу Петру, а слѣдовательно самому Христу, что вся святыня христіанская, сосредоточенная въ Римѣ, служитъ тому подтвержденіемъ, оттого и воздаются такія почести римскому первосвященнику.

«Говоришь ты такъ, о себѣ мудрствуя», сказалъ Іоаннъ, «а не по заповѣдямъ Господнимъ и не по апостольскому преданію,—такая гордость неприлична

святителямъ. Вспомни слова Спасителя къ ученикамъ его: «вы жъ не нарицаетесь учители, единъ бо есть вашъ учитель Христосъ, а вы жъ всѣ братья есте, и отца не зовите себѣ на землѣ, единъ бо есть Отецъ, иже на небесехъ; нижъ нарицаетесь наставницы, единъ бо есть наставникъ вашъ Христосъ, болій жъ въ васъ да будетъ вамъ слуга». Имъ же заповѣдалъ Господь, «да ничесожъ возмутъ на путь, токмо жезлъ единъ, ни пиры, ни хлѣбы, ни при поясехъ мѣди, ни обовѣ, ни въ сандалія, ни облачитись въ двѣ ризы». Вспомни и первое посланіе верховнаго апостола Петра, въ которомъ онъ говоритъ: «пасете ижъ въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нужею, но волею и по Бозе, неправедными прибытки, но усердно, не яко обладающе ряду, но образи бывающе стаду». Потому не превозноситься слѣдуетъ папѣ Григорію, сидя на престолѣ, какъ сказывалъ намъ гонецъ Шевригинъ и какъ ты теперь подтверждаешь, а смиренномудрствовать, слѣдуя во всемъ апостолу Петру, по заповѣди Господней.

«Съ перваго вселенскаго собора, при папѣ римскомъ Селивестрѣ, и до седьмаго собора были четыре патріарха, вселенскіе учители: константинопольскій, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій, и ими поставлены были въ разныхъ странахъ митрополиты. Также и въ нашей царской державѣ есть митрополитъ, архіепископы и епископы русскіе, которыхъ мы почитаемъ и въ духовныхъ дѣлахъ слушаемся, митрополита русскаго называемъ отцемъ и богомольцемъ своимъ, покланяемся ему, чтимъ его, просимъ его благословенія; когда пріѣзжаетъ къ намъ, выходимъ къ нему со всѣмъ дворомъ на встрѣчу, но за Бога его не признаемъ. Оттого и

папѣ Григорію XIII не слѣдовало бы возсѣдать на престолѣ и называться сопрестольникомъ апостолу Петру и даже самому Христу. Папа не Христосъ; престолъ, на которомъ его носятъ, не облако, да и тѣ, которые его носятъ, не ангелы. Самого верховнаго апостола Петра, любимаго ученика Христова, ходившаго по заповѣдямъ Его, нельзя сравнивать со Спасителемъ, а тѣмъ менѣе папу Григорія. Пускай онъ беретъ примѣръ съ папы Селивестра, Адріана и другихъ вселенскихъ учителей, которые слѣдовали Христову ученію и преданью апостольскому и тѣмъ апостоламъ уподоблялись, а не превозносится гордостію, не велитъ носить себя съ крестомъ на сапогѣ и припадать къ ногѣ своей. Мы признаемъ апостола Петра и многихъ епископовъ римскихъ, удостоившихся лика святыхъ, какъ: Климента, Селивестра, Агафона, Вигилія, Льва, Григорія. Но какимъ образомъ могли наслѣдовать Петру и пребывать съ тою же властію на престолѣ его преемники ихъ, которые не послѣдовали заповѣдямъ Христовымъ»?

Поссевинъ отвѣчалъ, что власть, врученная Христомъ его намѣстникамъ, не зависитъ отъ хорошей или худой ихъ жизни. «Прошу тебя, свѣтлѣйшій царь, сказать мнѣ: законный ли ты наслѣдникъ и преемникъ власти Владиміра, жившаго пятьсотъ лѣтъ прежде тебя»? Когда Іоаннъ отвѣтилъ утвердительно, Поссевинъ продолжалъ: «итакъ, ежели бы кто вздумалъ издѣваться надъ твоею властію и не повиноваться ей, потому что предки твои, по человѣческой слабости, подвержены были порокамъ, призналъ ли бы ты такого достойнымъ похвалы, или же наказанія? Нѣтъ. Ты государь великій въ своемъ государствѣ. Какъ же намъ не величать и не славить тебя,

и не припадать къ ногамъ твоимъ»? и съ этими словами бросился къ ногамъ Іоанна.

«Дѣйствительно», сказалъ Іоаннъ, «подданные наши должны насъ благочестивыхъ государей почитать, какъ почитали и великаго князя Владиміра Мономаха, какъ почитаютъ всѣхъ великихъ государей, братьевъ нашихъ; но если ты думаешь оправдать тѣмъ почести, воздаваемыя папѣ, то я тебѣ замѣчу, что святителямъ, ученикамъ апостольскимъ, слѣдуетъ подавать собою примѣръ смиренія, а не возноситься гордостію превыше царей земныхъ; царямъ подобаетъ честь царская, а святителямъ, папамъ и патріархамъ честь святительская. Тѣ папы, которые слѣдовали заповѣдямъ Христовымъ и апостольскому преданію и постановленіямъ семи вселенскихъ соборовъ, были дѣйствительно сопрестольниками апостоловъ; а папа, который идетъ наперекоръ ученію Христову, тотъ папа, говорю, не пастырь, а волкъ».

«Коли де ужъ папа волкъ, и мнѣ что ужь и говорити! Зачѣмъ же посылалъ ты просить его о помощи? зачѣмъ называлъ его, какъ и предшественники твои, пастыремъ церкви»?

Раздраженный царь вскочилъ съ своего мѣста и приступая къ Поссевину съ палкою, окованною желѣзомъ, закричалъ на іезуита: «видно у мужиковъ ты учился, что осмѣливаешься говорить со мною по-мужицки»!

Испуганный іезуитъ замолчалъ; потомъ сталъ извиняться, скромно отвѣчая на возраженія Іоанна на счетъ папской власти (¹).

(¹) Замѣчательно, что по введеніи въ западной Россіи уніи, когда началась полемика между духовными римско-католиче-

Пришедши въ себя, царь поспѣшилъ загладить свою невольную горячность, которая могла возбудить противъ него Римъ. «Я тебѣ давиче говорилъ», сказалъ онъ Поссевину, «что разсужденія о вѣрѣ не кончатся безъ непріятностей и обиды, впрочемъ я не вашего папу называю волкомъ, а того папу, который не захочетъ слѣдовать ученію Христову и преданію апостольскому; но однако оставимъ этотъ разговоръ».

Государь милостиво положилъ свою руку на Поссевина, который, поцѣловавъ ее, вышелъ въ сопровожденіи той же блистательной свиты, которая ввела его во дворецъ. Въ этотъ день послалъ къ нему Іоаннъ съ большими приставами Астафьемъ Пуш-

---

скими и православными, послѣдніе приводили противъ римской церкви тѣ же доводы, которыми воспользовался царь Іоаннъ противъ Поссевина, а римско-католики противопоставляли имъ почти тѣ же разсужденія, какъ Поссевинъ.

Такъ въ «Hierarchia, abo o zwierchnosci w Cerkwi Bożey, we Lwowie, 1644», сочинитель Иванъ Дубовичъ приводитъ слѣдующія возраженія православныхъ противъ западной церкви: стр. 89: «Papieże w herezye wpadaia, iako y drudzy, za ozym na ich posluszenstwie iako na wyroku Boskim nie polegać», — и отвѣчаетъ на это возраженіе какъ Поссевинъ; стр. 106: «Zarzucaia ieszcze przeciwniey niektore drobiazgi, iako to, że nogi Papieżom caluia y powszechnym go zowia Pasterźem», — и также отвѣчаетъ на это, какъ Поссевинъ, прибавляя: «ale iaka y Car Moskiewski rewerencya swoiemu wyrzadza Patryarsze w niedziele Kwierna, wiadomo iest: slużу Patryarsze siedzącemu na oslicy y pod nim konia wiedźie».

Дубовичъ приводитъ противъ православія, какъ и Поссевинъ, взятіе турками Константинополя (3-й книги 9-й раздѣлъ), нахожденіе мощей вселенскихъ отцевъ Церкви въ Италіи (той же книги 10-й раздѣлъ), говоря на стр. 203: «Opuszczam ia naostatek przyczyna szkody oddawania posluszenstwa teraz do Carogrodu, iako iednemu z poddanych Tureckich» и т. п.

кинымъ и товарищами кушанья отъ царскаго стола и велѣлъ подчивать ими папскаго посла.

Послѣ столь неуспѣшныхъ переговоровъ о вѣрѣ, Поссевинъ долженъ былъ понять, что намѣренія Рима не могутъ осуществиться такъ легко и скоро, какъ прежде думалъ; но однако не охладѣлъ въ своемъ предпріятіи. Полагая исполненіе его возможнымъ въ будущемъ, 22 февраля онъ снова обратился съ просьбою о посылкѣ въ Римъ молодыхъ русскихъ для обученія, увѣрялъ, что онъ желаетъ этого только какъ доказательства пріязни Іоанна къ папѣ и другимъ христіанскимъ государямъ, что ежели бы онъ хотѣлъ набрать молодыхъ литвиновъ для этой цѣли, то конечно нашелъ бы многихъ желающихъ въ лагерѣ подъ Псковомъ, но оставилъ царю случай быть угоднымъ Богу и заслужить тѣмъ себѣ славу, что, впрочемъ, если Іоаннъ этого не пожелаетъ, то папа сожалѣть о томъ не будетъ, ибо въ Римъ съѣзжаются для ученія со всѣхъ концевъ земли такъ много, что ихъ всѣхъ нельзя вмѣстить и потому принуждены даже бываютъ нѣкоторыхъ отсылать назадъ.

Оставивъ записку съ изложеніемъ этихъ требованій безъ отвѣта, государь велѣлъ на другой день, т. е. 23 февраля, звать папскаго посла къ себѣ во дворецъ. Напуганный іезуитъ, полагая, что его ожидаетъ мученическій вѣнецъ, предъ отходомъ къ царю, причастился св. таинъ и причастилъ своихъ сообщниковъ и съ трепетомъ взошелъ въ царскія палаты, наполненныя въ этотъ разъ несравненно большимъ числомъ сановниковъ. Но царь, хотя пылкій, но умный политикъ, раскаявался уже въ своей горячности, въ неумѣстныхъ выраженіяхъ о папѣ, которому обязанъ былъ миромъ съ Баторіемъ, и при-

звалъ Поссевина не для казни, а для примиренія. Принявъ папскаго посла съ особыми почестями, онъ сказалъ ему громогласно: «когда ты настаивалъ разсуждать со мной о вѣрѣ, я велѣлъ тебѣ сказать чрезъ своихъ бояръ и самъ тебѣ говорилъ, что эти разсужденія не обойдутся безъ неудовольствій, что всякій защищаетъ свою вѣру; начну ли я говорить о твоей вѣрѣ, тебѣ будетъ досадно меня слушать; станешь ли ты разсуждать о нашей вѣрѣ и доказывать превосходство латынской, — мнѣ будетъ непріятно. Но ты упрямился, непремѣнно требовалъ этихъ переговоровъ; я тебѣ сдѣлалъ самъ изустно нѣсколько замѣчаній о римской церкви, и ты оскорбился. Ежели я сказалъ что либо о папѣ, что тебѣ не понравилось, то позабудь это, не пиши въ Римъ; не смотря на различіе нашихъ вѣроисповѣданій, я желаю сохранить миръ и дружбу съ папою Григоріемъ и всѣми христіанскими государями. Службу твою и усердіе не забуду, пожалую тебя своимъ жалованьемъ, и засвидѣтельствую предъ папою и цесаремъ, что чрезъ твое посредство получилъ миръ съ Баторіемъ».

Поссевинъ, поблагодаривъ государя, сказалъ нѣсколько словъ о вѣрѣ, которыя не вызвали однако ни противорѣчій, ни разсужденій.

Послѣ этого пріема, не имѣя личнаго доступа къ царю, папскій посолъ письменно продолжалъ свое дѣло: написалъ разсужденіе, представленное государю, о различіи вѣры восточной съ западною, гдѣ, разумѣется, доказывалъ превосходство послѣдней; составилъ, для убѣжденія русскихъ, трактатъ объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына; наконецъ, сдѣлалъ возраженія на поданное Іоанну англій-

скими купцами и переведенное, по приказанію царя, на русскій языкъ сочиненіе, доказывавшее тождественность папы съ антихристомъ. Защищая папу и исчисляя всѣ заслуги римскаго первосвященника, Поссевинъ не забылъ прибавить, что содѣйствіемъ папы Григорія XIII заключенъ миръ съ Баторіемъ, и что пролитіе крови христіанской, продолжавшееся двадцать два года, прекращено не антихристомъ, а намѣстникомъ Христовымъ.

Мало занимали царя богословскіе трактаты Поссевина; отразивши его нападенія, лишивъ его всякой надежды привлечь себя къ латынству, онъ задумалъ давнюю свою думу: склонить іезуита къ православію. 4-го марта дворецъ наполнился народомъ, залы его вмѣщали до пяти тысячь человѣкъ; лѣстницы, двери, окна заставлены были любопытными. Среди этой многочисленной толпы явился папскій посолъ передъ государемъ. «Донесли намъ бояре наши», сказалъ ему Іоаннъ, «что ты желаешь побывать въ нашихъ храмахъ, посмотрѣть богослуженіе нашей православной Христовой Церкви. Я тебѣ доставлю теперь случай его видѣть; сегодня иду въ церковь пречистой Богородицы, ты можешь за мною послѣдовать. Тамъ ты увидишь, съ какою вѣрою мы почитаемъ и призываемъ Святую Троицу, Матерь Божію и святыхъ угодниковъ, замѣтишь, съ какимъ благоговѣніемъ покланяемся чудотворнымъ образамъ, удостоишься узрѣть икону Матери Божіей, написанную евангелистомъ Лукою. Обрати вниманіе и на то, какъ мы чтимъ отца и богомольца нашего митрополита, просимъ у него благословенія и воздаемъ ему подобающую святителю честь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ты увидишь, что мы не обожаемъ нашего митропо-

лита, какъ Бога, что его не носятъ на престолѣ, не цѣлуютъ его въ ногу,—это гордость, а не святительское дѣло. Говоришь, что папа намѣстникъ Петровъ, но апостолъ Петръ на конѣ не ѣздилъ, не заставлялъ себя носить на престолѣ, а ходилъ пѣшъ, да и босъ».

Поссевинъ отвѣчалъ, что не изъявлялъ желанія видѣть православнаго богослуженія, но что впрочемъ пойдетъ въ церковь; объяснялъ почести, воздаваемыя папѣ, тѣмъ, что онъ намѣстникъ Петра, отецъ всѣхъ вѣрующихъ; «какое ты самъ, государь», прибавилъ онъ, «оказываешь уваженіе своему митрополиту: онъ при богослуженіи умоетъ руки, а ты этою водою мочишь свои глаза».

«Еще называешься учителемъ», сказалъ ему Іоаннъ, «и пришелъ сюда наставлять насъ, а самъ не знаешь что говоришь. Читалъ ли ты толковую обѣденную службу»? Поссевинъ замолчалъ. «Ежели нѣтъ, то я тебѣ объясню: митрополитъ, умывъ во время богослуженія руки, просвѣщаетъ этою водою глаза свои; и мы и весь народъ дѣлаемъ то же, какъ прообразованіе страсти Господней; ибо передъ страданіемъ Спаситель умылъ руки и помазалъ этою водою очи свои; итакъ соблюдаемъ мы этотъ обрядъ въ видѣ воспоминанія страсти Христовой, а не для почести митрополиту». Поссевинъ не отвѣчалъ ничего.

Между тѣмъ царь приготовлялся дать общенародный праздникъ православія, показать торжественное признаніе нашей Церкви папскимъ нунціемъ: въ Успенскомъ соборѣ готовилось великолѣпное богослуженіе, и Астафью Пушкину съ Ѳедоромъ Писемскимъ и приставами велѣно было отвести туда Поссевина и у дверей церковныхъ ожидать прибытія

государя, дабы папскій посолъ видѣлъ, какъ встрѣтитъ царя митрополитъ съ крестомъ въ рукахъ, окруженный духовенствомъ, какъ царь за крестомъ послѣдуетъ въ церковь, а за нимъ дозволено было идти и Поссевину.

Прибывши къ собору, Поссевинъ тотчасъ же хотѣлъ войти въ него, не ожидая на площади государя, и когда приставы его «поуняли», онъ объявилъ, что возвращается къ себѣ на подворье. Удержавши его у церкви, Пушкинъ съ товарищами донесли тотчасъ же о случившемся государю, который, видя, какъ трудно заставить іезуита безъ принужденія поклониться нашей святынѣ, прислалъ дьяка своего Щелкалова сказать Поссевину, что его задержали единственно для того, чтобы онъ видѣлъ, какъ встрѣтитъ царя митрополитъ, и чтобъ онъ «непригожева дѣла ни дѣлалъ»; ежели не хочетъ быть въ церкви, то можетъ въ нее не входить; но возвращаться домой неприлично, а долженъ явиться въ отвѣтную палату выслушать рѣшеніе на поданныя имъ предложенія.

Не замедлилъ воспользоваться папскій посолъ этимъ царскимъ дозволеніемъ, освобождавшимъ его отъ непріятнаго любопытства толпы, и не ожидая вѣроятно послѣ этого успѣшнаго разрѣшенія своихъ домогательствъ, пришелъ къ боярамъ узнать окончательную волю государя. Ему рѣшительно было подтверждено, что, несмотря на всѣ его просьбы, строить латынскія церкви въ Россіи никогда дозволено не будетъ, ибо «римскія вѣры костеломъ здѣ быти непригоже» что впрочемъ, не воспрещается иноземцамъ латынскія вѣры, пріѣзжаю-

щимъ въ Россію, исповѣдывать ее, но не распространять между русскими.

Это было послѣднее слово Іоанна въ переговорахъ его съ посломъ римскаго двора; имъ положенъ былъ конецъ дипломатической уклончивости государя и несбыточнымъ ожиданіямъ Рима.

Такимъ образомъ кончился этотъ замѣчательный эпизодъ нашей исторіи, выражающій осязательно, въ лицахъ, ту неуловимую, но постоянную и тѣсную связь между властями свѣтской и духовной, не опредѣленную никакимъ положительнымъ закономъ, а произведенную и поддерживаемую самою средою русской семейной и общественной жизни, которая произвела, сохранила и упрочила цѣлость и могущество Россіи и безъ уразумѣнія которой исторія древняго отечества нашего необъяснима. Мы видимъ римскаго первосвященника, обращающагося не къ православному духовенству, а къ царю съ предложеніемъ соединенія церквей; видимъ, что этотъ самодержавный государь, неограниченный, полный владыка надъ своими подданными, не сознаетъ въ себѣ главенства надъ Церковію, но вмѣстѣ съ тѣмъ вступаетъ въ открытыя пренія съ папскимъ посломъ о самыхъ истинахъ православной вѣры, доказываетъ непреложность ея догматовъ и, не смотря на всѣ домогательства Рима происки іезуитовъ и торжественное признаніе, что латынскому первосвященнику онъ обязанъ сохраненіемъ цѣлости своего государства, защищаетъ православіе, обличаетъ папу и даже покушается склонить посла его къ своей вѣрѣ. Вся древняя наша исторія представляетъ знаменательное и безпримѣрное въ иноземныхъ лѣтописяхъ единеніе правительства и Церкви (что вовсе не означаетъ подчиненія

Церкви, какъ толкуютъ западные писатели); но богословскія разсужденія Іоанна грознаго съ посломъ папы Григорія XIII выражаютъ съ наглядною очевидностью неразрывную, хотя и неразгаданную связь властей свѣтской и духовной въ Россіи.

Поссевинъ отпущенъ былъ въ Римъ съ граматою царя къ папѣ, въ которой упомянуто о принятіи экземпляра флорентійскаго собора, и въ краткихъ словахъ сказано, что о вѣрѣ были уже разсужденія. Посланному же съ папскимъ посломъ русскому уполномоченному Молвянинову не поручалось вести переговоровъ ни о вѣрѣ, ни о соединеніи противъ невѣрныхъ; онъ долженъ былъ сказать: «тѣ дѣла великіе, намъ о тѣхъ дѣлехъ говорити не наказано; мы люди не думные, тѣхъ дѣлъ намъ дѣлати не наказано». Но желая сохранить дружественныя сношенія съ римскимъ дворомъ и предвидя, что рѣзкія выраженія его о папѣ и побужденіе папскаго посла присутствовать при православномъ богослуженіи могутъ поколебать ихъ, Іоаннъ предписалъ Молвянинову, въ случаѣ напоминанія, что государь назвалъ папу волкомъ, отвѣчать, что онъ этого не слыхалъ, ибо прибылъ въ Москву наканунѣ отъѣзда Поссевина, а также не видѣлъ, чтобы удерживали на площади у дверей церковныхъ папскаго нунція; а знаетъ только то, что ему оказывались такія почести, которыми никогда не удостоивали ни пословъ цесаревыхъ, ни уполномоченныхъ турецкаго султана.

Итакъ Іоаннъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи не только не дѣлать какихъ-либо уступокъ Риму въ дѣлахъ вѣры, но и не упоминать о ней въ своихъ сношеніяхъ съ папою. Какъ въ тя-

желыя минуты разоренія отъ Баторія, когда въ римскомъ дворѣ онъ думалъ найти спасеніе своему государству, такъ и получивши миръ чрезъ папскаго посла, онъ умѣлъ избѣгнуть оффиціальныхъ письменныхъ объясненій о религіи; употребилъ содѣйствіе Рима къ защитѣ отечества, не принеся за то въ жертву, какъ ожидалъ папа, не только священныхъ и неизмѣнныхъ догматовъ вѣры, но даже не сдѣлавъ ни малѣйшей уступки въ пользу латинской церкви въ Россіи къ ущербу православія. Оправдались предвѣщанія Баторія, ближе папы Григорія знавшаго своего сосѣда: онъ остался твердъ въ своей вѣрѣ, и этотъ богословскій открытый бой представителя римскаго первосвященника съ русскимъ самодержцемъ окончился для Рима однимъ дозволеніемъ латинскимъ священникамъ находиться въ Россіи, что было отказано великимъ княземъ Василіемъ, а для Іоанна — миромъ, полученнымъ отъ страшнаго врага, съ сохраненіемъ части новыхъ завоеваній, цѣлости и спокойствія Россіи.

Степень успѣха дѣйствій Поссевина во время посольства его въ Россію, кромѣ извѣстныхъ ихъ послѣдствій, обозначится намѣреніями, которыя онъ имѣлъ при отъѣздѣ въ Россію изъ Рима, и средствами, которыя полагалъ возможными и нужными употребить для введенія въ Россіи латынства.

Одно изъ главныхъ для того средствъ, предложенныхъ папѣ Поссевиномъ, состояло въ учрежденіи для русскихъ латинскихъ академій и семинарій, какъ въ Римѣ, гдѣ пышностію римскаго двора и богатыми дарами можно было собрать значительное число учащихся, такъ въ Вильнѣ и Полоцкѣ, гдѣ, по мысли Поссевина, слѣдовало обучать молодыхъ русскихъ

плѣнниковъ, отправивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ семинаріи ольмюцкую и прагскую, наиболѣе удобныя для образованія русскихъ по сходству ихъ языка съ чешскимъ. Главною цѣлію воспитанія въ этихъ заведеніяхъ полагалось возбужденіе въ учащихся религіознаго фанатизма и пріученіе ихъ къ различнымъ способамъ и пріемамъ совращенія. По окончаніи ученія и замѣщенія ихъ новыми воспитанниками, эти молодые люди предназначались къ отправленію въ Россію и другія смежныя съ нею некатолическія страны, *какъ въ виноградники* (tanquam in vineas) для насажденія въ нихъ латынства.

Какъ для употребленія въ этихъ семинаріяхъ, такъ преимущественно для обращенія между народомъ духовныхъ книгъ латинскаго ученія, Поссевинъ полагалъ необходимымъ перевести важнѣйшія пропагандическія сочиненія на русскій языкъ, совершивъ этотъ трудъ постепенно, осторожно и безъ огласки. «Ежели бы, говорилъ онъ, по окончаніи флорентійскаго собора, постановленія онаго, переложенныя на народныя нарѣчія, распространены были на Востокѣ, если бы устроены были для грековъ училища, въ которыхъ объясняли бы имъ истины римской вѣры, то не въ силахъ былъ бы одинъ Маркъ ефесскій уничтожить дѣло столь прочное и столь важное». Такія-то мѣры предлагалъ іезуитъ употребить къ искорененію въ Россіи православія, прибавляя, что папы Евгеній IV, Инокентій III, Григорій X, Александръ VI, Левъ X и Климентъ VII сознавали, что столь великая цѣль достигнута быть можетъ не однимъ созывомъ собора, отправленіемъ посла или граматы, а всѣми соединенными средствами; потому дѣло обращенія Россіи они начали съ Польши, и заставили польскихъ ко-

ролей давать разныя льготы и преимущества православнымъ епископамъ, принявшимъ постановленія флорентійскаго собора, наилучшаго орудія распространенія между русскими латынства и искорененія православія. Слѣдуя примѣру этихъ римскихъ первосвященниковъ, Поссевинъ совѣтовалъ обратить въ особенности вниманіе на Литву, находящуюся, не смотря на разрывъ политическій, въ тѣсной и давней религіозной связи съ Россіею, до такой степени, что даже епископы русскіе поставлялись прежде митрополитомъ кіевскимъ, подданнымъ польскаго короля, послать отъ имени папы привѣтливыя граматы къ западно-русскимъ православнымъ пастырямъ, и не упускать изъ виду никакихъ способовъ, чтобы склонить ихъ къ принятію латынства. Предвозвѣстникъ *уніи*, Поссевинъ, еще до образованія оной, объяснилъ такимъ образомъ ея значеніе въ отношеніи къ Россіи.

По возвращеніи въ Римъ, Поссевинъ, еще болѣе сознавая всю важность для римской церкви совращенія Россіи къ своимъ догматамъ, а вмѣстѣ и трудность такого подвига, узнавши мѣстныя обстоятельства, развилъ съ большею подробностію прежній свой планъ устройства въ Россіи латынской пропаганды. Обращеніе Россіи было бы, по его словамъ, не только важно само по себѣ, но и потому также, что только чрезъ нее могла тогда проникнуть римская проповѣдь на Востокъ, по относительному удобству, дешевизнѣ и безопасности пути, чего нельзя достигнуть безъ религіознаго союза съ Россіею. Дѣло это, говорилъ Поссевинъ, не одного дня, не одного посольства, а столѣтій, строгой послѣдовательности, безустаннаго терпѣнія; служить ему могутъ: учреж-

деніе римско-католическихъ академій и семинарій въ сосѣдней Литвѣ, чудеса, творимыя іезуитами, которыя производятъ необыкновенно успѣшное дѣйствіе на простой, грубый народъ, и наконецъ союзъ царя московскаго съ государями латынской вѣры.

Постоянныя, непрерываемыя дипломатическія сношенія съ русскими самодержцами государей, исповѣдующихъ римскую вѣру, и преимущественно самого Рима, могли, по мнѣнію Поссевина, наиболѣе способствовать успѣху введенія латынства въ Россію; почему въ Москвѣ долженъ находиться постоянный папскій нунцій, которому были бы даны подробныя наставленія не только о томъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать, какія и какъ именно написанныя граматы привезти къ царю, но даже и какъ одѣваться, расчитывать каждый шагъ домашней, внутренней жизни; не пренебрегъ дальновидный іезуитъ никакою мелочною подробностію, которая могла бы сколько-нибудь служить его цѣли. Посольство это, имѣя въ виду единственно введеніе въ Россіи латынства, должно было отправиться во-время, быть немногочисленнымъ, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ, и ни въ какомъ случаѣ не помѣщаться въ царскомъ дворѣ и не входить въ него безъ особой надобности; по внѣшности должно оно отличаться блескомъ и пышностію, за исключеніемъ самого нунція, если онъ будетъ духовный. Сообщая папѣ, что русскіе привыкли видѣть епископовъ своихъ въ самыхъ обыкновенныхъ монашескихъ одѣяніяхъ, постоянно постящихся и воздерживающихся отъ всего мірскаго, Поссевинъ совѣтовалъ, чтобы нунцій одѣвался просто и скромно, чѣмъ скорѣе можетъ привлечь къ себѣ русскихъ, въ особенности же когда

платье его будетъ сдѣлано такъ, чтобы сколько возможно приближалось къ покрою одежды православныхъ епископовъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ Альберта кампскаго (Campensis), изложеннымъ въ поданной имъ папѣ Клименту VII запискѣ, онъ полагалъ, что посольство это можетъ состоять изъ пяти, или менѣе человѣкъ, которые, пріѣхавши въ Польшу, легко найдутъ въ Вильнѣ за дешевую плату еще нѣсколько способныхъ человѣкъ, привыкшихъ къ суровому климату и знакомыхъ съ подобнаго рода странствованіями. По собственному опыту зная цѣну хорошаго переводчика, Поссевинъ находилъ нужнымъ, чтобы при посольствѣ находилось такихъ два, дабы, въ случаѣ болѣзни или смерти переводчика, не ввѣряться, какъ съ нимъ случалось, переводчику, присланному изъ приказа, котораго, по преданности къ православію, онъ подозрѣваетъ въ намѣренной неточности перевода своихъ словъ и записокъ, а также въ передачѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ и разговоровъ, о которыхъ долженъ былъ бы умолчать. Потому Поссевинъ требовалъ, чтобы переводчики ни въ какомъ случаѣ не были изъ русскихъ, но также, по непріязни русскихъ къ полякамъ, чтобы не брать ихъ изъ Польши, а думалъ всего удобнѣе найти ихъ въ соплеменныхъ славянскихъ странахъ, какъ въ Богеміи, или Литвѣ между руссинами, воспитывающимися въ виленской и вновь учрежденной тогда полоцкой іезуитскихъ коллегіяхъ, но, для большей увѣренности въ ихъ скромности, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они не были слишкомъ молоды. При послѣ полагалось необходимымъ имѣть доктора, знающаго почешски, или порусски; ибо, по самому своему званію, находясь при

больномъ, пріобрѣвъ его расположеніе и признательность, и пользуясь впечатлительною слабостію его чувствъ, онъ легко могъ обращать въ латынство. Главное лице въ такомъ духовно-пропагандическомъ посольствѣ, —священникъ,—обратилъ особое, тщательное вниманіе іезуита; онъ совѣтовалъ, чтобы священникъ былъ или чехъ, или руссинъ, зналъ бы порусски основательно, изучилъ въ подробности Поссевиново разсужденіе о различіи церквей, и читалъ тринадцать особо для него поименно означенныхъ сочиненій, написанныхъ противъ православія; имѣлъ бы при себѣ всѣ внѣшнія принадлежности богослуженія въ совершенномъ порядкѣ, и священнодѣйствовалъ какъ можно чаще, дабы этою внѣшностію соблазнить въ свою вѣру народъ какъ на пути, такъ и въ Москвѣ. Притворное уваженіе къ святынѣ православія и его обрядамъ должно было сопровождать всѣ дѣйствія священника и нунція, которымъ предписывалось сообразжаться во всѣхъ поступкахъ своихъ съ обычаями народными: поститься, когда русскіе постятся; не ѣсть постнаго по субботамъ; оказывать почтеніе образамъ православныхъ угодниковъ подобно тому, какъ кардиналъ комскій, по повелѣнію папы Григорія XIII, вмѣнилъ это въ обязанность самому Поссевину во время нахожденія его въ Россіи.

Полемическія сочиненія противъ православія и другія духовныя латынскія книги, которыя Поссевинъ предлагалъ перевести на русскій языкъ для обольщенія русскихъ, а также способы распространенія ихъ въ Россіи были слѣдующіе: 1) раздать безденежно въ большомъ числѣ экземпляровъ русскаго происхожденія воспитанникамъ виленской іезуитской колле-

гіи напечатанное въ Вильнѣ извлеченіе, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, изъ сочиненія Геннадія, заставивъ наставниковъ этихъ воспитанниковъ понудить ихъ разослать это сочиненіе своимъ родственникамъ и пріятелямъ. 2) Назначить сумму для напечатанія послѣдняго изъ пяти трактатовъ того же писателя о верховной власти папы и распространить экземпляры этого сочиненія какъ между воспитанниками виленской коллегіи, такъ и ярославской іезуитской (близъ Львова), и послать въ семинаріи ольмюцскую и прагскую, а также Ивану Ербесту, находившемуся въ Россіи. 3) Перевести на русскій языкъ и напечатать латынскій катихизисъ Петра Канція, на счетъ іезуитовъ, которые охотно доставятъ для того нужныя средства. 4) Изъ сочиненія Сандера: «о монархіи» напечатать на двухъ или трехъ листахъ главу о схизмѣ и раздать ее русскимъ воспитанникамъ іезуитской академіи, а чрезъ королевскаго секретаря Ясинскаго русскимъ секретарямъ и чиновникамъ при польскомъ дворѣ. 5) Изъ многотомныхъ и немногимъ доступныхъ сочиненій Ѳомы издать отдѣльно трактатъ о заблужденіяхъ грековъ. 6) Издать въ сокращеніи на русскомъ языкѣ тѣ статьи обширнаго и тогда уже рѣдкаго труда іезуита Петра Скарги, которыя заключаютъ въ себѣ полемику противъ восточной Церкви. 7) Напечатать на языкахъ греческомъ, латынскомъ и русскомъ буллу папы Евгенія IV. 8) Составить на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ житій святыхъ, написанныхъ Скаргою попольски, преимущественно такихъ, которыя могли бы служить для привлеченія изъ православія въ латынство, и раздавши это сочиненіе русскимъ священникамъ даромъ, почему они и примутъ его съ

удовольствіемъ, заставить ихъ читать эти житія въ православныхъ церквахъ. 9) Издать въ русскомъ переводѣ сочиненія Ехія противъ Лютера, дабы убѣдить русскихъ въ превосходствѣ римско-католической вѣры передъ лютеранскою. Окончивши этотъ трудъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, слѣдовало 10) приступить къ пересмотру славянскихъ: евангелія, псалмовъ и молитвъ, а также житій святыхъ и обнародовать ихъ, исключивъ и исправивъ всѣ тѣ мѣста, которыя разнствуютъ съ церковными латынскими книгами, и наконецъ 11) издать на русскомъ языкѣ римскій катехизисъ (1).

Всѣ эти попытки и надежды совращенія Россіи въ латынство происходили сколько отъ слишкомъ увлекающейся іезуитской ревности къ своему ремеслу, столько же и отъ незнанія страны и народа, хотя бесѣды Поссевина съ царемъ Іоанномъ и должны бы были дать ему болѣе вѣрныя понятія о твердости русскихъ въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ.

---

(1) Описаніе посольства Поссевина изложено на основаніи подлинныхъ документовъ московскаго главнаго архива, гдѣ находится статейный списокъ этого посольства, и собственныхъ записокъ Поссевина, напечатанныхъ *Старчевскимъ* и *Тургеневымъ*.

III.

УЧАСТІЕ РИМСКАГО КАТОЛИЦИЗМА ВЪ СМУТАХЪ РОССІИ ВЪ НАЧАЛѢ СЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. — ПОСОЛЬСТВО ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА ВЪ РИМЪ.

Разности между православною и римскою церквами. — Проэкты снова послать Поссевина въ Москву, 1584 и 1586 гг.— Посольства Камулея, 1594 и 1597.—Опасности, грозившія русской Церкви въ началѣ семнадцатаго столѣтія.—Посольство Сапѣги, 1600.—Лжедимитрій принимаетъ римскій католицизмъ, но не искренно. — Негодованіе русскихъ.—Планъ польскихъ іезуитовъ ввести унію въ Россіи при посредствѣ втораго самозванца.—Избраніе Владислава на русскій престолъ, подъ условіемъ сохранить греческую вѣру.—Замыселъ Сигизмунда овладѣть русскимъ престоломъ и ввести въ Россіи римскій католицизмъ. — Предложеніе русскаго престола шведскому принцу Филиппу, подъ условіемъ принять вѣру православной Церкви.—Отвращеніе русскихъ къ римскому католицизму увеличилось еще вслѣдствіе этихъ политическихъ событій.—Свидѣтельство Олеарія.—Такъ какъ насильственныя средства ввести римскій католицизмъ въ Россіи не имѣли успѣха, то польское духовенство совѣтуетъ Владиславу благоразуміе и умѣренность, 1617. — Посольство Людвига Гая, 1627. — Проѣздъ чрезъ Россію римскихъ католиковъ, отправившихся на востокъ. — Смѣшанные браки. — Запрещеніе строить римско-католическія

церкви въ Россіи.—Посольство маіора Менезіуса въ Римъ, 1673. — Заблужденія и крайности римскаго двора въ отношеніи къ посольству Менезіуса. — Старанія папъ возобновить сношенія съ Россіею чрезъ посредство Польши, 1678 и 1681. — Тайные агенты папства въ Россіи.

Въ бесѣдахъ своихъ съ Поссевиномъ царь Іоаннъ былъ вѣрнымъ выраженіемъ своего вѣка, голосомъ своей Церкви. Не могъ онъ конечно въ кратковременныхъ разговорахъ своихъ изложить во всей подробности современныя понятія православной Церкви о римскомъ католицизмѣ, но выразилъ вполнѣ ихъ духъ. Самое же ученіе православія о латынствѣ находимъ въ формулѣ отреченія, принадлежащей XVI вѣку, католика, изъявившаго желаніе присоединиться къ православію; здѣсь въ точности исчислены всѣ внѣшнія и внутреннія различія между двумя вѣроисповѣданіями, какъ то: исхожденіе Духа Святаго отъ Отца *и Сына*, крещеніе не погруженіемъ, а обливаніемъ, опрѣсноки, перстосложеніе, употребленіе молока и яицъ въ постъ, совершеніе нѣсколько разъ въ день литургіи въ той же церкви на одномъ престолѣ, сидѣніе въ церквахъ во время богослуженія, органы и музыка въ церквахъ, бритіе бороды духовныхъ. Не забыта въ этомъ отреченіи и существующая для исповѣдниковъ римской церкви возможность вступленія въ бракъ двухъ родныхъ братьевъ съ двумя родными сестрами и во второй бракъ съ сестрою умершей жены. Но всего болѣе, какъ кажется, отталкивалъ отъ себя православныхъ римскій католицизмъ организаціею своего духовенства, именно безбрачіемъ его и вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла. «Проклинаю», говорится въ отрече-

ніи, «богомерзкіа епископы латынскія, иже во время брани сами на брань ополчаются, и прежъ инѣхъ ходяще въ брань бьются, душа человѣческіа убивающе и сами убиваемы; и вси же роди латынстіи, егда на брани сходятся, тогда человѣки закалающе мажутся кровьми ихъ, и оружіа своя кропятъ кровми человѣческими, и епископы жъ ихъ проливающи крови ихъ свои руцѣ кровми оскверняютъ, а возвращься литоргисаютъ, яже недостойна части всякому священнику се творить». Замѣчательно, что и въ этомъ вѣкѣ, какъ въ предшествующихъ, главенство папы не поражало православныхъ, какъ другіе догматы и обряды римской церкви не сходствующіе съ восточною, и это политическое основаніе римскаго католицизма даже не упомянуто въ отреченіи. Объяснить это можно только тѣмъ, что первосвященство папы не есть догматъ собственно духовный, а политическій, не столько касающійся вѣры, сколько власти; оттого не забывалъ его Іоаннъ, и мало заботилось о немъ православное духовенство при изложеніи ученія своей Церкви. Разсматриваемая формула присоединенія къ православной Церкви начинается слѣдующими, чуждыми всякаго прозелитизма, словами: «Язъ, имрекъ, иже отъ латынскія вѣры днесь прихожду ко истинному православному христіанскія непорочныя вѣры закону, преданному отъ святыхъ апостолъ и утвержденному богоносными отцы святыхъ и великихъ всея вселенныя святыхъ седми соборовъ; прихожду же не отъ нужди нѣкія и бѣды, или тѣсноты, или страха, или налога, или нищеты, или долга, или нѣкоей вещи на мя подвизаемой, или чести ради мірскія и благодарованій нѣкихъ, и богатства и стяжаній нѣкихъ обѣ-

щаваемыхъ нѣкими, или всякаго нѣкоего прибытка, или лестію, или лицемѣріемъ, но отъ всея души и сердца чиста и неблазненна, Христа любящи, и того истинныя, непорочныя вѣры животнаго закона желая получити» (1). Выраженія эти не были одними словами, но и оправдывались дѣломъ: русское духовенство не влекло насильно иновѣрцевъ въ свою Церковь, принимало въ оную обращающихся по убѣжденію, и не вооружалось, подобно католическому, вѣковою пропагандою, но за то всегда съ благоразумною и живою ревностію оберегало свою паству отъ заблужденій и совращеній.

Результатъ посольства Поссевина въ Россію представлялся римскому двору вовсе не такимъ безуспѣшнымъ для его цѣлей, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности; притомъ личный опытъ, пріобрѣтенный этимъ хитрымъ іезуитомъ въ Москвѣ, знакомство его съ русскими властями и отчасти съ нашимъ духовенствомъ, наконецъ весьма замѣчательныя его изслѣдованія о Россіи и описаніе его путешествія заставляли римскій дворъ желать воспользоваться его умомъ, начитанностью и мѣстными познаніями. Едва скончался царь Іоаннъ, какъ папа Григорій XIII предназначилъ въ 1584 году Поссевина отправить вновь въ Москву и для той же цѣли, т. е. для соединенія церквей, при чемъ не упустилъ напомнить царю Өеодору Іоанновичу, что Поссевину отецъ его обязанъ былъ миромъ съ Бато-

(1) Изъ рукописнаго сборника XVI в., принадлежавшаго М. П. Погодину, а нынѣ—императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

ріемъ [1]; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы расположить въ свою пользу бояръ, Григорій XIII обратился къ нимъ особою граматою. Но однако Поссевинъ въ Москву не поѣхалъ [2], а граматы, которыя предполагалось съ нимъ отправить, привезены были въ Москву изъ Литвы уже въ 1585 году русскимъ гонцомъ. Преемникъ Григорія XIII, Сикстъ V, на другой годъ восшествія своего на папскій престолъ (въ 1586 году) также рѣшилъ послать Поссевина въ Россію, и въ письмѣ своемъ къ царю разсказывалъ объ особомъ сочувствіи, которое дѣдъ и отецъ его имѣли къ папству, о томъ, что царь Іоаннъ имѣлъ полное довѣріе къ папѣ Григорію XIII, и о значеніи, какое имѣло содѣйствіе Поссевина при переговорахъ и заключеніи мира между Россіею и Польшею [3]; но и это посольство точно также не состоялось.

Мысль объ уничтоженіи турокъ союзомъ европейскихъ государей съ русскимъ царемъ не покидала папъ, но въ мнѣніи ихъ исполненіе этой мысли было неразлучно съ присоединеніемъ русской Церкви къ римско-католической. Для достиженія этого давняго и постоянно неудававшагося замысла папства, отправленъ былъ въ 1594 году изъ Рима въ Москву священникъ святаго Пиролама Камулей. Папа Климентъ VIII возлагалъ на него особыя надежды, потому преимущественно, что онъ разумѣлъ порусски, тогда какъ въ продолженіе семи вѣковъ не было въ Россіи папскаго посла, понимавшаго рус-

---

(1) Historica Russiae monumenta. t. 2, p. 3 и 5. Грамата къ боярамъ находится въ московскомъ архивѣ.

(2) *Adelung*. Bd. I. S. 323.

(3) Historica Russiae monumenta. t. 2, p. 8—10.

скій языкъ. Съ Камулеемъ присланы были въ подарокъ царю крестъ съ изумрудами отъ папы и агатовыя четки, которыя посолъ долженъ былъ поднести отъ себя; на крестѣ выбиты были греческія литеры для того, чтобы этотъ даръ принятъ былъ царемъ съ бóльшимъ уваженіемъ. Въ наказѣ, данномъ Камулею, папа говоритъ, между прочимъ, что ему извѣстно по слухамъ, что русскіе государи имѣютъ притязанія на титулы и преимущества, которыя присвоиваютъ себѣ, основываясь на выводимой ими родословной, какъ-бы они происходятъ отъ древнихъ римскихъ императоровъ, и потому предписываетъ Камулею, если услышитъ что-нибудь подобное, объяснить, что титулы и достоинства давались всегда отъ святѣйшаго престола, и, въ доказательство, привести примѣры королевствъ польскаго и богемскаго и обѣихъ имперій, восточной и западной, стараясь такимъ образомъ убѣдить тѣхъ, съ которыми говорить случится, во власти святаго престола, въ достоинствѣ, безопасности и почетѣ тѣхъ, которые отъ него зависятъ и соединены съ нимъ, какъ дѣти съ матерью. «Такими разговорами, прибавляетъ папа, можно вселить почтеніе къ главѣ римской церкви, и показать разницу между папою и константинопольскимъ патріархомъ, который совершенно зависитъ отъ воли турецкаго султана, главнаго врага имени христіанскаго». Въ государственныхъ нашихъ архивахъ не сохранилось извѣстія о пріѣздѣ Камулея въ Москву и о пребываніи его въ этомъ городѣ, слѣдовательно и о бывшихъ съ нимъ переговорахъ; но имѣемъ подробныя свѣдѣнія объ его отъѣздѣ, послѣдовавшемъ 25 апрѣля

1595 года (1). Успѣха Камулей не имѣлъ никакого; онъ и не возвратился въ Римъ для донесенія папѣ о своемъ посольствѣ, а отправилъ туда граматы государя съ нарочнымъ; самъ же остался въ Вильнѣ для распространенія тамъ латынской пропаганды между кальвинистами, или, какъ онъ выражался, для утвержденія вѣры христіанской въ виленскихъ костелахъ; послѣ перемѣщенія епископа, кардинала князя Радзивилла, изъ Вильны на каѳедру краковскую, виленская епархія почти въ теченіе десяти лѣтъ (1590—1600) оставалась безъ дѣйствительнаго епископа, и была управляема разными духовными лицами, которые безпрестанно мѣнялись въ эти десять лѣтъ; къ числу ихъ принадлежалъ и Александръ Камулей, который управлялъ виленскою епархіею въ качествѣ папскаго легата съ марта 1595 г. до мая 1597 г. (2). Въ Вильнѣ получилъ онъ новое повелѣніе папы приготовиться ко вторичному посольству въ Россію, и прибылъ въ Москву въ концѣ мая 1597 года. Желая расположить къ себѣ царя, Камулей доложилъ ему, что изъ Вильны онъ неоднократно писалъ папѣ о великой силѣ царя московскаго, и что въ Римѣ всѣ ей удивляются; что онъ просилъ папу писать въ своей граматѣ полный титулъ государя, чего домогался у папы Григорія XIII и Поссевинъ, но безуспѣшно, его же представленіе папа уважилъ, и прислалъ граматы къ государю съ

(1) Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: римскія дѣла.—Переписка папъ, стр. 79—92.—*Бантышъ-Каменскій*, Истор. уніи, стр. 26—27.—*Тургеневъ*, Hist. Russiae monum. т. 2. стр. 45.—См. также приложеніе 1-е въ концѣ этого тома.

(2) *Przyalgowskiego:* Zywoty biskupow Wilenskich. С.-Петербургъ. 1860. т. 2. стр. 31.

полнымъ его титуломъ; что если бы объ этихъ граматахъ узнали поляки и литва, то они его съ такими граматами не пропустили бы въ Москву, и король и магнаты стали бы на него сердиться, но что впрочемъ онъ не обратилъ бы вниманія на ихъ гнѣвъ, потому что всѣ титулы зависятъ отъ воли папы: даетъ онъ ихъ, кому хочетъ (1). Всѣ эти учтивости не привели однако ни къ чему: второе посольство Камулея кончилось точно также, какъ первое, т. е. ничѣмъ, не смотря на то, что онъ принятъ былъ очень хорошо государемъ.

Наступило наконецъ для русскаго православія время испытаній; не мелочный индивидуальный прозелитизмъ, не дальнія посланія и посылки римскаго двора, а римскій католицизмъ съ мечемъ въ рукахъ сталъ въ началѣ XVII вѣка въ самомъ сердцѣ нашего отечества, и готовъ былъ задушить и нашу вѣру и нашу національность. Но и тутъ, въ этой борьбѣ на жизнь и смерть, вѣра спасла національность, православіе отстояло и Церковь и народную нашу самобытность. Не легка была эта борьба; ее велъ Сигизмундъ III, сильный войскомъ, и еще болѣе сильный своими фанатическими убѣжденіями; выдерживать же ее должна была безуправная въ то время Россія.

Въ постоянныхъ войнахъ съ Швеціею, Сигизмундъ вначалѣ старался соединиться съ Россіею и мирнымъ путемъ внести въ нее начатки римскаго католицизма. Въ 1600 году отправилъ онъ посломъ къ царю Борису Льва Сапѣгу, канцлера в. к. литов-

---

(1) Historica Russiae monumenta. t. 2, p. 49,—и московскій архивъ: римскія дѣла.

скаго, съ составленнымъ проэктомъ вѣчнаго мира и союза, въ который внесены были условія, что поляки, пребывающіе въ Россіи и пріобрѣтшіе въ ней земли, могутъ не только свободно отправлять латинское богослуженіе, но и строить въ своихъ имѣніяхъ латынскія церкви; что въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи воздвигнутся католическіе храмы, а при нихъ заведены будутъ, на счетъ русскаго правительства, школы или коллегіи. «Храмы эти, сказано въ актѣ, необходимы какъ для иностранцевъ, находящихся въ службѣ царской, такъ и для чужеземныхъ пословъ и торговцевъ, которыхъ всегда много бываетъ въ Россіи». Сапѣгу сопровождали два іезуита. Но надежды Сигизмунда остались не достигнутыми. Сапѣга получилъ въ отвѣтъ, что иностранцамъ не возбраняется исповѣдывать въ Россіи свободно ихъ вѣру, но строить латынскихъ костеловъ нельзя (1); сопровождавшимъ же Сапѣгу іезуитамъ велѣно было выѣхать (2).

---

(1) Poselstwo Lwa Sapiehy w roku 1600 do Moskwy, podlug dyaryusza Eliasza Pielgrzymowskiego, sekretarza poselstwa, z rękopisu trafem odkrytego przez Wladyslawa Trębickiego opisane. Grodno. 1846. p. 33—35. 41—42.

(2) Участіе въ этомъ посольствѣ іезуитовъ такъ описываетъ іезуитъ *Ростовскій*: «Leo (Sapieha) ut erat pius, et in omnem religionis promovendae occasionem intentus, sex minimum e societate patres, quorum opera ad suum, salutare Moscovitis consilium, uteretur, a praeside provinciali flagitavit; duos obtinuit, plures concedi rationibus certis prohibentibus. Neque tot missos esse, aliquod fuit operae pretium, nam qui principio animum a negotio religionis non alienum prae se ferebat, quam diu sibi loco non undique tuto, fraudibus scilicet suis, collocatum videret solium; confirmata denique auctoritate et audacia, Borissus, quo animo quam infenso catholicis esset, ostendit palam, duro sacerdotes nostros imperio rejecit». (Lituanicarum

Другое дѣло, когда внутреннія неустройства начали доставлять римской церкви и ревностному ученику іезуитовъ Сигизмунду возможность, подъ видомъ сохраненія власти государственной и общественнаго порядка въ Россіи, посягать на ея вѣру, прямо и открыто мѣшаться въ ея дѣла. Тогда наступило, казалось, настоящее время для порабощенія русской Церкви. Лжедмитрій признанъ былъ какъ польскимъ королемъ, такъ и римскимъ дворомъ, истиннымъ царемъ русскимъ подъ условіемъ, чтобы онъ принялъ римско-католическую вѣру и обязался привести къ ней Россію. Домогаясь престола московскаго, Отрепьевъ не могъ поступить иначе, ибо только такимъ образомъ онъ могъ получить помощь отъ Польши, побуждаемой дѣйствовать въ его интересахъ римскимъ дворомъ и іезуитами. Іезуиты стали воспитывать Отрепьева; іезуитъ Гаспаръ Савицкій училъ его полатынѣ (1), другіе іезуиты оставались постоянно при немъ, хотя онъ и былъ присоединенъ къ латынству не ими, а францисканами (2); черезъ іезуитовъ же дѣйствовалъ римскій дворъ какъ на короля Сигизмунда, такъ и на Лжедимитрія.

Вникая однакожь во всю послѣдующую дѣятельность этого самозванца, мы приходимъ къ убѣжденію, что отреченіе его отъ вѣры предковъ и принятіе римско-католической было, съ его стороны, не искренне, и что онъ даже мало и, такъ сказать, на-

---

societatis Jesu historiarum provincialium pars prima. Vilnae, 1769. p. 215).

(1) *Grevenbruc*, Tragaedia Moscovitica, sive de vita et morte Demetrii, qui nuper apud Ruthenos imperium tenuit narratio. Coloniae Agrippinae. Anno 1608. p. 12.

(2) Historica Russiae monumenta. t. 2, p. 72.

скоро былъ приготовленъ къ этой новой для него религіи. Латынскаго языка, нужнаго для пониманія римскаго ученія и обрядовъ, онъ почти не разумѣлъ ([1]); такъ впослѣдствіи, когда съ помощію поляковъ овладѣлъ московскимъ престоломъ, онъ слабою, невѣрною рукою подписывался Inperator, скорѣе срисовывая, чѣмъ пиша латынскія буквы. Многочисленныя сказанія иностранцевъ, бывшихъ тогда въ Россіи, не упоминаютъ, чтобы онъ слѣдовалъ обрядамъ римской церкви послѣ своего воцаренія. При немъ, правда, находились два іезуита, Николай Черницкій (Cernicovius) и Андрей Лавицкій (Lavitius) ([2]), но онъ употреблялъ ихъ для дипломатическихъ сношеній, а вовсе не для распространенія въ Россіи римско-католической вѣры; такъ въ концѣ 1605 года послалъ онъ Лавицкаго въ Римъ для переговоровъ о дѣйствіяхъ противъ турокъ. Самъ римскій дворъ, повидимому, не былъ увѣренъ въ искренности обращенія Лжедимитрія, и потому всячески старался укрѣпить его въ католицизмѣ: и самъ папа увѣщевалъ его оставаться твердо въ этой религіи, и папскій легатъ въ Польшѣ Рангони, епископъ режскій, и кардиналъ Мацеіовскій, уговаривая его при этомъ обратить и русскій народъ въ латынство ([3]); наконецъ, съ этою же цѣлью посланъ былъ въ

([1]) *Маржеретъ* въ «Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріѣ самозванцѣ» Устрялова. ч. 3. Спб. 1832 г. стр. 109.

([2]) «Copiis omnibus summo cum imperio prefectus est Sendomiriensis; adiuncti etiam qui spirituali ope milites confortarent, e Bernardinorum familia monachi duo, et totidem e societatis Jesu patres Nicolaus Cernicovius et Andreas Lavitius, qui monachis illis ad sua reversis, ad extremum cum Demetrio permanserunt». *Grevenbruc*, p. 14.

([3]) Historica Russiae monumenta. t. 2, p. 57, 67, 73, 78.

Москву папскій посолъ графъ Александръ Рангони, племянникъ папскаго нунція въ Краковѣ ([1]). «Если только», писалъ папа Павелъ V къ кардиналу Мацеіевскому, «Дмитрій, какъ мы надѣемся, останется въ католической вѣрѣ, то русскихъ можно будетъ привести со временемъ въ лоно святой римской церкви, ибо народъ этотъ, какъ мы знаемъ, очень послушенъ своему царю». «Съ русскими можешь ты сдѣлать все, что̀ хочешь», поучалъ тотъ же папа Лжедмитрія, «потому приказывай, повелѣвай имъ» ([2]). Преимущественная надежда полагалась на бракъ самозванца съ католичкою Маріею Мнишекъ, дочерью воеводы сендомірскаго; поэтому къ ней обращался папа съ увѣщаніями поддержать будущаго своего мужа въ ученіи западной церкви ([3]); а въ особенности ожидалъ онъ многаго отъ ея отца, которому поручалось наставить Марину дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, умно и осторожно, на умъ Лжедмитрія ([4]). «Палатинъ сендомірскій», писалъ кардиналъ Боргезе къ Рангони, «будетъ распорядителемъ (il direttore) всего этого дѣла» ([5]).

Смотря безпристрастно на дѣйствія Отрепьева, мы должны сознаться, что насколько обстоятельства, ставившія его въ зависимость отъ Польши и римскаго двора, позволяли ему уклониться отъ незавидной роли вѣнчаннаго римскаго пропагандиста въ Россіи, онъ это сдѣлалъ. Прямыхъ покушеній съ его стороны на русскую Церковь не было; искаженія гре-

---

([1]) Ibid. p. 64—65.
([2]) Ibid. p. 62, 90.
([3]) Ibid. p. 75.
([4]) Ibid. p. 63, 76, 91.
([5]) Ibid. p. 84.

ческой вѣры въ Россіи онъ не предпринималъ, и даже въ частыхъ сношеніяхъ своихъ съ римскимъ дворомъ избѣгалъ упоминать о вѣрѣ и о такъ называемомъ соединеніи церквей, другими словами, о подчиненіи русской Церкви папѣ. Пришли съ нимъ, правда, нѣсколько латынскихъ священниковъ, но весьма немного, именно столько, сколько необходимо было для его жены и тестя, для польскаго войска и огромной свиты Мнишка, и Лжедмитрій не пособлялъ своею властію ихъ пропагандѣ; хотя бывшіе въ Москвѣ іезуиты и замышляли тайно устроить тамъ свою коллегію, а римскій дворъ даже прислать въ Россію латынскихъ епископовъ, но іезуиты должны были оставаться смирно, жалуясь, что до царя труденъ доступъ [1]. Для Марины устроена была домашняя католическая каплица во дворцѣ; но, по настоянію Лжедмитрія, и не смотря на всѣ сопротивленія Рима, она вѣнчана была по обрядамъ греческой Церкви, приняла причастіе отъ патріарха, ходила въ русскія церкви и постилась не по субботамъ, а по середамъ, какъ того требуютъ правила Церкви восточной. Можно предполагать съ нѣкоторою достовѣрностію, что еслибъ Лжедмитрій и усидѣлъ на престолѣ, римскій дворъ разочаровался бы въ своихъ надеждахъ точно такъ же, какъ приходилось ему это испытывать въ Россіи до того времени, въ продолженіе шести столѣтій, не смотря на особо счастливыя для него обстоятельства во времена самозванца.

Если Отрепьевъ мало оправдалъ намѣренія Рима,

---

(1) Apud *Czyrzowski*. См. *Adelung*, ч. 2, стр. 179. «Ad Serenissimum Imperatorem aditus est difficillimus».

за то сильно возбудилъ противъ себя негодованіе русскихъ, преданныхъ своей вѣрѣ. Не было еще примѣра, чтобы русская царица была католичкою и не крестилась въ греческую вѣру. Цари русскіе всегда строго исполняли посты и вообще всѣ предписанія церковныя; а Лжедмитрій не всегда ихъ соблюдалъ, по праздникамъ не бывалъ иногда у обѣдни, и это вовсе не по склонности къ латынству, а по крайнему своему легкомыслію и самоувѣренности, составлявшимъ отличительныя черты его характера; такъ, напримѣръ, вѣнчался онъ въ такой день, въ который не допускается совершеніе этого таинства Церковью греческою, ѣлъ телятину, что было противъ обыкновенія того времени, и т. под. Въ особенности оскорбляла русскихъ въ религіозныхъ ихъ чувствахъ дерзость поляковъ, смѣявшихся надъ русскою святынею, входившихъ въ церкви съ собаками, оказывавшихъ явное презрѣніе къ духовенству. Все это вооружало жителей Москвы, заставляло думать, что новый царь намѣренно хочетъ искоренить древнюю вѣру, и тѣмъ еще болѣе, что открыта была римская корреспонденція, въ которой убѣждали Лжедмитрія выстроить въ Москвѣ костелы и, въ исполненіе клятвеннаго обязательства, распространить въ Россіи римско-католическую вѣру ([1]).

По словамъ лѣтописца, Іовъ, сведенный съ патріаршества, такъ молился предъ образомъ Богоматери: «сія православная христіанская вѣра нерушима была; нынѣ же грѣхъ ради нашихъ видимъ

([1]) Дневникъ польскихъ пословъ *Олесницкаго* и *Гонсѣвскаго*, въ «Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріѣ самозванцѣ» Устрялова. часть 4, стр. 208.

*

на сію православную христіанскую вѣру находяще еретичю; мы же грѣшніи молимъ, умоли пречистая Богородица Сына своего, Христа Бога нашего, утверди сію православную христіанскую вѣру непоколебимо, и плакася на многъ часъ» (1). «Люди московскаго государства, видя такой гнѣвъ Божій на ся, единодушно вси мысляху како бы надъ нимъ окаяннымъ сотворить, чтобъ и досталь православная вѣра не разорена была» (2). Это-то и послужило главнымъ поводомъ къ убійству самозванца и истребленію поляковъ; но достойно замѣчанія, что остервененный народъ не искалъ намѣренно убивать ксендзовъ, а если нѣкоторые изъ нихъ погибли, то не по обдуманному заранѣе плану, а потому, что попались подъ руку разъяренной на поляковъ черни.

Явился второй самозванецъ, называемый обыкновенно тушинскимъ воромъ; онъ также поддерживаемъ былъ польскими войсками, и польскіе іезуиты также думали употребить его какъ надежное орудіе католической пропаганды. Поэтому, составленъ былъ въ Польшѣ планъ, какъ дѣйствовать посредствомъ него для введенія въ Россію уніи, начинавшей распространяться тогда въ сосѣдней Литвѣ. Основанія этого плана состояли въ томъ, чтобы мысль объ уніи пошла не отъ самого царя, популярность коего могла бы отъ того пострадать, а отъ разныхъ лицъ и сословій государства; для чего въ царскіе тѣлохранители и придворные набрать католиковъ, а изъ русскихъ приближать только расположенныхъ къ соединенію церквей, должности раздавать при-

(1) Никоновск. лѣтопись. часть 8, стр. 69.
(2) Тамъ же, стр. 74.

верженнымъ къ уніи, наводить русскихъ, но съ большою осторожностію, на разговоры о дѣлахъ церковныхъ, и при этихъ случаяхъ намекать на пользу устройства латынскихъ семинарій и коллегій, на постройку, для соревнованія, латынской церкви въ Москвѣ, на дурное употребленіе духовенствомъ церковныхъ имѣній, а духовенству обѣщать разныя льготы; русскихъ же привлекать присутствовать при латынскомъ богослуженіи. Вообще имѣлось въ виду такъ расположить умы, чтобы унія вышла какъ-бы изъ самыхъ потребностей народа и по желанію духовенства, для чего на высшія духовныя должности назначать приверженцевъ уніи, что всегда во власти правительства. Самъ же царь долженъ былъ оставаться, повидимому, въ сторонѣ; для чего имѣть при царѣ какъ можно менѣе римско-католическихъ духовныхъ, но весьма искусныхъ; всѣ дѣла, до этого предмета относящіяся, вести въ совершенной тайнѣ, въ особенности же переписку съ Римомъ; самому царю говорить о вѣрѣ лишь весьма рѣдко и чрезвычайно осторожно. Для достиженія соединенія обрядовъ предполагалось имѣть при царицѣ (той же Маринѣ Мнишекъ) одного или двухъ уніатскихъ священниковъ, которые отправляли бы службу по обрядамъ восточной Церкви и могли бесѣдовать съ русскими о вѣрѣ. Далѣе, полагалось необходимымъ удалить изъ Россіи всѣ враждебные латынству элементы, именно запретить пребываніе въ ней лютеранъ, выгнать пріѣзжавшихъ изъ Константинополя православныхъ монаховъ, даже перенести, хотя на время, столицу изъ Москвы, центра православія, куда-нибудь поближе къ польской границѣ, гдѣ легче было бы заводить іезуитскія коллегіи, насылать пропагандистовъ и вообще

вводить унію всѣми извѣданными уже въ Польшѣ безцеремонными средствами. Русскихъ же намѣревались отправлять для обученія, т. е. для совращенія, въ Вильну, или еще лучше въ Римъ и другія страны Италіи, гдѣ не было лютеранъ и кальвинистовъ ([1]).

Этотъ обширный планъ дѣйствій остался трудомъ напраснымъ; тушинскій воръ никогда не являлся царемъ въ Москву, почему и не имѣлъ возможности приводить въ дѣйствіе эту широкую и весьма нелегкую іезуитскую программу.

Россія находилась въ бѣдственномъ состояніи: съ одной стороны тушинскій воръ съ поляками и казаками, а съ другой—польскія войска, подъ командою гетмана Жолкѣвскаго, обступили Москву; король Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ; вся земля волновалась, избранный на престолъ Василій Ивановичь Шуйскій не оправдалъ народныхъ ожиданій. Въ этой крайности остановились на мысли избрать царемъ сына Сигизмунда Владислава и чрезъ это получить миръ отъ Польши и водворить прочный порядокъ въ государствѣ. Первый шагъ къ этому сдѣланъ былъ со стороны бояръ тушинскихъ, т. е. бывшихъ при самозванцѣ; они отправили къ Сигизмунду подъ Смоленскъ посольство, въ коемъ главную роль игралъ Салтыковъ. Въ переговорахъ своихъ съ поляками русскіе послы не думали домогаться какихъ-либо политическихъ вольностей, или же подтвержденія сословныхъ правъ, а всѣ усилія свои склоняли къ тому, чтобы Владиславъ принялъ греческую вѣру, обязался сохранить свято православіе, оберегать и

([1]) Исторія Россіи, *Соловьева*. т. 8, стр. 211—220

умножать церкви и монастыри и принять помазаніе на царство отъ патріарха; говорятъ, что Салтыковъ заплакалъ, когда сталъ просить короля о сохраненіи греческой вѣры. Этого именно всего труднѣе и было допустить королю фанатику, но нельзя было прямо отказать въ принятіи этихъ условій, такъ какъ совершенный отказъ въ нихъ прервалъ бы всякія соглашенія; поэтому о нѣкоторыхъ предметахъ было умолчано, другіе обойдены, по остальнымъ даны обѣщанія, которыя впослѣдствіи можно было и не исполнить. По заключенному 4 февраля 1610 года договору, Сигизмундъ обязывался сохранить въ Россіи вѣру греческую неприкосновенною, не дѣлать пропаганды, чтить Русское духовенство; о присоединеніи Владислава къ греческой Церкви не было упомянуто; рѣчь о вѣнчаніи патріархомъ отложена до совершеннаго успокоенія московскаго государства; а въ заключеніе Сигизмундъ прибавилъ, чтобы въ Москвѣ выстроенъ былъ костелъ для поляковъ.

Договоръ этотъ не могъ имѣть никакого значенія, потому что послѣдовалъ по домогательству немногихъ бояръ, бывшихъ въ лагерѣ самозванца. Но мысль объ избраніи Владислава стала обобщаться среди русскаго дворянства. Гетманъ Жолкѣвскій умножалъ постепенно въ Москвѣ число приверженцевъ этого намѣренія, но отъ всѣхъ слышалъ одно неизмѣнное, основное условіе, чтобы Владиславъ принялъ греческую вѣру. Наконецъ, по сверженіи съ престола Шуйскаго, открыты были объ этомъ оффиціальные переговоры съ гетманомъ. Зная фанатизмъ Сигизмунда, Жолкѣвскій не почелъ себя вправѣ обязываться за его сына относительно вѣры; «вѣра есть даръ Божій», говорилъ онъ, «и за другаго въ этомъ случаѣ располагать нельзя». Но ско-

рое рѣшеніе дѣла объ избраніи королевича было тогда столь же настоятельно необходимо для русскихъ, какъ и для поляковъ: Россія была безъ царя, безъ власти государственной, а польскія войска, оставаясь безъ жалованья, отказывались долѣе служить и объявили, что намѣрены возвратиться на родину. Поэтому Жолкѣвскій, не ожидая разрѣшенія Сигизмунда, заключилъ съ русскими договоръ на счетъ избранія королевича; въ немъ сказано, что вѣра греческая будетъ свято сохранена, что переходъ русскихъ въ римскую вѣру дозволенъ не будетъ, что кромѣ русскихъ церквей никакихъ другихъ строить въ Россіи не станутъ; при чемъ парализовано было извѣстное намѣреніе Сигизмунда поставить въ Москвѣ костелъ—оговоркою, что объ этомъ предметѣ Владиславъ, по воцареніи своемъ, переговоритъ съ патріархомъ. 17 августа 1610 года договоръ этотъ былъ подписанъ.

Съ перваго взгляда, всякаго знакомаго съ древнею русскою исторіею удивляетъ рѣшимость русскихъ того времени призвать къ себѣ на царство иноземнаго князя безъ полной увѣренности, что онъ приметъ греческую вѣру, безъ чего русскій царь былъ, такъ сказать, немыслимъ для русскаго народа, былъ положительно невозможенъ. Но, вникая въ тогдашнія обстоятельства, убѣждаемся, что эта увѣренность существовала, если не на бумагѣ, въ формѣ договора, то на дѣлѣ. Дѣйствительно, Владиславу было тогда не болѣе 15-ти лѣтъ; іезуитскій фанатизмъ Сигизмунда не успѣлъ еще его проникнуть; пріѣхавъ въ Москву ребенкомъ и имѣя при себѣ только весьма немногихъ поляковъ, что̀ именно было условлено въ договорѣ, онъ естественно

получилъ бы новое воспитаніе въ новой общественной средѣ, а такъ какъ приверженность къ греческой вѣрѣ составляла отличительную черту тогдашняго русскаго общества, всѣхъ сословій безъ исключенія, то естественно, что Владиславъ, почти ребенокъ, удаленный отъ іезуитовъ, отъ своего отца и отъ польскаго общества, неминуемо кончилъ бы тѣмъ, что принялъ бы православіе. Можно положительно сказать, что только поэтому русскіе и согласились избрать Владислава. Самъ гетманъ Жолкѣвскій толковалъ имъ, что королевичъ очень молодъ, а слѣдовательно впечатлителенъ отъ всякихъ новыхъ предметовъ и явленій; почему, ознакомившись въ Москвѣ ближе съ греческою вѣрою, можетъ принять ее ([1]). Итакъ, переходъ Владислава въ православіе, именно потому, что онъ былъ еще ребенокъ, лежалъ въ основаніи избранія его на русскій престолъ.

Напротивъ того, обращеніе Россіи въ католицизмъ было завѣтною мыслью Сигизмунда, и онъ-то, по малолѣтству Владислава, призванъ былъ рѣшить вопросъ, столь близко касавшійся до сношеній Россіи съ Польшею. Наряжено было многочисленное посольство къ Сигизмунду подъ Смоленскъ; во главѣ его стоялъ извѣстный митрополитъ ростовскій Филаретъ Никитичъ Романовъ; посольство это должно было получить отъ польскаго короля подтвержденіе заключеннаго съ Жолкѣвскимъ договора; но, собственно говоря, настоящая цѣль его была условиться о принятіи Владиславомъ греческой вѣры, или,

---

([1]) *Niemcewicz*, Dzieie panowania Zygmunta III. w Wroclawiu. 1836. t. 2, p. 310.

какъ выражаются наказы, данные посламъ, переговорить о *большомъ дѣлѣ.*

Предвидѣны были всевозможныя возраженія по этому предмету со стороны Сигизмунда, и на каждое изъ нихъ впередъ заготовлено опроверженіе. Такимъ образомъ, посламъ предписывалось достигнуть того, чтобы Владиславъ принялъ греческую вѣру до прибытія въ Москву, именно въ Смоленскѣ отъ митрополита Филарета и Сергія, архіепископа смоленскаго и брянскаго, безъ чего нельзя было патріарху и духовенству встрѣтить его съ чудотворными образами и честными крестами, какъ это подобаетъ русскому царю. Если бы Сигизмундъ отвѣтилъ, что хотя Владиславъ и принадлежитъ къ римскому вѣроисповѣданію, но сохранитъ свято въ Россіи вѣру греческую, то послы должны были на это сказать, что съ самаго крещенія Россіи, въ продолженіе болѣе шести вѣковъ, не было примѣра, чтобы русскій царь не исповѣдывалъ православной вѣры, и что еслибъ это допустить, то вся страна взволнуется. «Быть можетъ», говорилось въ наказѣ, «Сигизмундъ возразитъ, что Владиславъ уже крещенъ, то какъ же креститься ему въ другой разъ, никакой христіанинъ дважды не крестится»; на это послы должны были отвѣтить, что истинное крещеніе бываетъ только по закону греческому, что русскій царь непремѣнно обязанъ быть православнымъ, точно также, какъ на престолѣ польскомъ нельзя исповѣдывать другой вѣры, какъ латынскую; при чемъ напомнить, что самъ Сигизмундъ прежде былъ лютераниномъ, а когда избранъ былъ королемъ польскимъ, то принялъ римско-католическую вѣру. Еслибъ не удалось склонить короля на принятіе Владисла-

вомъ православія въ Смоленскѣ, то просить, чтобы это совершилось въ какомъ-нибудь другомъ русскомъ городѣ, но не доѣзжая Москвы. Если же король будетъ настаивать, чтобы Владиславъ присоединился къ греческой Церкви въ самой Москвѣ, то чтобы онъ засвидѣтельствовалъ это въ граматѣ къ патріарху, духовенству, боярамъ и всей землѣ. Въ сущности, русскіе не сомнѣвались, что въ Москвѣ, безъ Сигизмунда и безъ іезуитовъ, Владиславъ сдѣлается самъ собою православнымъ. Посламъ было вмѣстѣ съ тѣмъ предписано не входить ни въ какія богословскія пренія о вѣрѣ съ римско-католическимъ духовенствомъ, а польскихъ магнатовъ упросить не отговаривать Владислава отъ принятія греческаго вѣроисповѣданія.

Когда Владиславъ, по достиженіи совершеннолѣтія, захочетъ жениться, то обязывали его выбрать себѣ невѣсту въ Россіи, потому что иначе русскіе люди стали бы опасаться насчетъ вѣры, чему недавній примѣръ видѣли съ Маріею Мнишекъ; если же Сигизмундъ на это не согласится, то условиться такимъ образомъ, чтобы, когда настанетъ Владиславу время жениться, приступилъ къ этому не иначе, какъ посовѣтовавшись съ патріархомъ и всею землею, что̀ въ сущности было одно и тоже.

Отступники отъ греческой вѣры должны были подвергаться смертной казни, а имущества ихъ отбираться въ казну, потому что въ Россіи никогда не дозволялось православнымъ переходить въ другую вѣру и напередъ этого быть не можетъ, безъ возмущенія всего государства; на этомъ велѣно было посламъ непремѣнно настоять.

По восшествіи на московскій престолъ, Владиславъ

не могъ сноситься съ папою по дѣламъ вѣры и принимать отъ него благословенія. Въ случаѣ возраженія, что русскіе государи имѣли прежде сношенія съ папами, то почему же Владиславу не имѣть переписки съ римскимъ дворомъ,—объяснить, что цари русскіе дѣйствительно вели переписку съ папами, но только о дѣлахъ государственныхъ, а не о вѣрѣ; такія сношенія можетъ имѣть съ ними и Владиславъ, но отнюдь не касаясь до вѣры и не допуская въ Россію римскихъ учителей пропагандистовъ; а костела ни одного въ Москвѣ не строить, такъ такъ этого никогда прежде не бывало.

Независимо отъ этого, патріархъ Ермогенъ послалъ Сигизмунду грамату отъ себя, съ убѣдительною просьбою согласиться на крещеніе Владислава въ православную вѣру. «Даруй намъ сына своего», писалъ патріархъ, «его же излюби и избра Богъ въ цари, въ нашу православную греческую вѣру, ея же пророцы прорекоша, ея же апостоли проповѣдаша, ея же святіи отцы утвердиша, ея же вси православніи христіане неблазненно и крѣпко держаша, и по се время красуетца, и свѣтлѣетъ, и сіяетъ, яко солнце» ([1]).

Сигизмундъ, на словахъ, соглашался вообще на эти условія, кромѣ перемѣны вѣры и женитьбы королевича, но для того, чтобы продолжить дѣло, уклончиво отвѣчалъ, что договоръ долженъ быть представленъ на утвержденіе сейма, а самъ продолжалъ осаждать Смоленскъ. Король желалъ не будущаго возможнаго и добровольнаго сближенія Польши

([1]) *Бутурлина*, Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка. Спб. 1846 г. т. 3, стр. 70—126.

и Россіи, подъ скипетромъ своего сына, а покоренія Россіи себѣ, т. е. іезуитизму. Польскіе іезуиты очень хорошо понимали тогда, что ученіе римской церкви никогда не будетъ принято Россіею, что не она сдѣлается католическою, а Владиславъ — православнымъ, поэтому имъ нужно было покорить Россію себѣ, т. е. Сигизмунду, и ввести свою вѣру насильно, какъ это дѣлалось въ Литвѣ; оттого-то, въ то время, когда русскіе звали на московскій престолъ Владислава, подписали уже объ этомъ договоръ, отецъ его Сигизмундъ воевалъ Россію; на предложеніе о сближеніи двухъ государствъ іезуитизмъ отвѣчалъ осадою городовъ и войною; онъ по-своему дѣлалъ свое дѣло, но конечно не дѣло Польши, интересы коей всегда были ему чужды.

Нѣкоторые изъ русскихъ пословъ, перешедъ на сторону Сигизмунда, соглашались было возвести самого его на русскій престолъ, и конечно не стѣсняя этого короля фанатика принятіемъ православія, «а во всемъ покладыватца на ево королевскую волю, какъ ему годно, тако и дѣлати»; но Филаретъ настаивалъ на выборѣ Владислава, говоря: «будетъ де креститься, и онъ нашъ государь, а будетъ не креститься, и намъ онъ не надобенъ». Не смотря на увѣщанія Ермогена, этого «побóрателя православной христіанской вѣры, стоявшаго въ твердости, аки столпъ непоколебимый», нѣкоторые бояре согласились подчиниться безусловно Сигизмунду, и выразили эту покорность въ посланной къ нему подъ Смоленскъ граматѣ. «Вижу поруганіе православной вѣры», говорилъ Ермогенъ, «и раззореніе святымъ Божіимъ церквамъ, и слышати латынсково пѣнія не могу». По зову патріарха, разрѣшившаго Москву отъ при-

сяги Владиславу, возстала вся земля русская съ Мининымъ и Пожарскимъ, изгнала поляковъ и избавила себя отъ неминуемаго порабощенія Польшѣ, подобно единовѣрной Литвѣ, сначала присоединившейся, а потомъ подчинившейся Польшѣ. Такимъ образомъ, православная Церковь сохранила свое ученіе отъ вооруженнаго латынскаго католицизма и спасла тѣмъ самымъ нашу народность, а католическій прозелитизмъ лишилъ Польшу соединенія съ соплеменнымъ, сильнымъ народомъ. Жертвами этого избавленія были Ермогенъ, сведенный съ патріаршества, заточенный и удавленный въ Чудовѣ монастырѣ, и Филаретъ, задержанный въ продолженіе девяти лѣтъ въ Польшѣ (1).

Идя на спасеніе Москвы и узнавъ, что шведы стоятъ подъ Тихвиномъ, князь Пожарскій и召召召Мининъ «не хотяху видѣти православной вѣры въ латынствѣ», вошли въ сношенія съ новгородцами и согласились призвать на престолъ Филиппа, брата короля шведскаго Густава-Адольфа (род. въ 1601 г. въ Ревелѣ, умер. въ 1622 г.), если только онъ приметъ православіе (2). Это предложеніе, столько же, сколько и выборъ Владислава, ясно свидѣтельствуетъ, что переходъ престола даже въ руки иноземца не представлялъ въ современныхъ понятіяхъ невозможности; но малѣйшее отступленіе отъ правилъ православной Церкви было достаточно, чтобы возбудить весь народъ на брань отчаянную, на смерть, съ врагомъ, стоявшимъ уже въ столицѣ государства.

---

(1) Никонов. лѣт. часть 8, стр. 141—143, 148, 152—154, 155, 159—161.

(2) Тамъ же, стр. 181.

Эти рѣшительныя историческія событія лучше всего обрисовываютъ тогдашнія понятія русскихъ о римскомъ католицизмѣ и отношенія Церкви восточной къ западной. Прежде всего отчуждала отъ себя православныхъ римско-католическая вѣра своею обрядностію, несходною съ греческою; впослѣдствіи, по распространеніи церковнаго, единственнаго въ древней Россіи просвѣщенія, еще болѣе отстранилъ отъ себя римскій католицизмъ своими догматами, которые осуждала Церковь православная. Самый духъ свѣтско-вмѣшательный духовенства латынскаго не согласовался съ понятіями русскихъ людей о религіи и духовности; вѣковыя старанія римскаго двора убѣдить въ необходимости соединенія имѣли совершенно противоположныя его цѣли послѣдствія, онѣ только убѣждали въ постоянствѣ римскаго прозелитизма, обратившагося какъ-бы въ догматъ западной церкви. Наконецъ, насильство Сигизмунда въ дѣлѣ вѣры, возстаніе всей земли русской на защиту вѣры и отечества и воспоминаніе объ этой борьбѣ сдѣлали римскій католицизмъ не только невозможнымъ въ Россіи, но ненавистнымъ. Видѣвшій Россію тридцать лѣтъ спустя послѣ этихъ событій, Олеарій писалъ, что русскіе охотно дозволяютъ жить у себя людямъ всѣхъ націй и вѣръ, какъ то: лютеранамъ, реформатамъ, армянамъ, татарамъ, туркамъ, персіянамъ, но не хотятъ терпѣть только евреевъ и католиковъ, одно названіе которыхъ дли нихъ противно (1). Это такъ справедливо, что и гораздо позже всякія бѣдствениыя для

(1) Les voyages du sieur *Adam Olearius*, traduits de l'original par le sr A. de Wicquefort. Amsterdam. 1727. t. I, p. 381 et 384.

Россіи, по понятіямъ простонародья, мѣры принимались будто бы правительствомъ по внушеніямъ латынянъ; такъ, напримѣръ, во время исправленія патріархомъ Никономъ богослужебныхъ книгъ, народъ толковалъ: «поляки да римскій костелъ, чрезъ врага Божія Никона, хотятъ замутить русскую землю» (1).

---

(1) Въ Россіи тогда такъ разсуждали: «Православный государь за многія неправды польскаго короля и пановъ Рады и всей Рѣчи посполитой, съ помощію Божіею и своимъ государевымъ счастіемъ отмщеніе чинитъ, и храбрствомъ своимъ, доброхотствомъ же и многою службою и кровавыми ранами и потомъ христолюбиваго воинства православныя церкви отъ прелестнаго папежскаго насилія боронитъ; а на Москвѣ сидитъ мордвинъ (Никонъ) и всѣмъ царствомъ мутитъ, держа руку государевымъ злодѣямъ и *послѣдуя богоотметному римскому костелу*. Яко новый Іуда и святыхъ православныя вѣры догматовъ отметникъ, Исидоръ митрополитъ зломудренный, на злочинномъ флоренскомъ соборѣ латынскую ересь прія и римскому папежу любезно прилѣпися; яко бѣсовскій сынъ и страдникъ Игнатій грекъ, во дни растригины на патріаршемъ престолѣ бывый и Божіимъ попущеніемъ, врага же человѣческаго діавола дѣйствіемъ, жезлъ святителя Петра въ скверной руцѣ своей державый, пагубному костелу и *зловѣрнымъ езувитамъ*, такоже и папежу римскому себе предаде; тако и сей многомятежный Никонъ, смутитель россійскія земли, *латынскую, Богомъ ненавистную ересь прія, къ римскому костелу прилѣпися, повелѣнія зломудраго папежа творяй*, проклятаго папы Формоза и сына погибельнаго Петра Гугниваго преданія соблюдаяй, крайнюю лесть *богомерзкаго латынскаго ученія*... въ людяхъ московскаго государства проповѣсть, хотяй всѣхъ православныхъ христіанъ широкими путьми пространнаго житія въ кромѣшную бездну адову ко отцу своему діаволу привести... Никонъ, пріемшый латынскій (четвероконечный) крыжъ, ругаяся истинному и животворящему кресту Господню, трисоставному, осмиконечному, нашилъ его, святынѣ и Богу всевышнему ругаяся, на своихъ башмакахъ, да скверныма своима ногама ежечасно попираетъ святое знаменіе, его же бѣси трепещутъ и еже вселенную утверди». (*Мельникова*, Историческіе очерки поповщины. Москва. 1864 г. часть 1-я, стр. 9—10).

Мужественная защита вѣры заставила поляковъ отказаться отъ надежды *олатынить* силою русскій народъ; но польское духовенство все еще полагало возможнымъ провести въ Россію римскій католицизмъ путемъ пропаганды. Когда королевичь Владиславъ, думая возвратить потерянный фанатизмомъ своего отца престолъ русскій, отправился въ 1617 году въ походъ противъ Россіи, архіепископъ гнѣзненскій Гембицкій такъ напутствовалъ его въ Варшавѣ: «Богъ даетъ всякое счастіе тѣмъ, которые повсюду распространяютъ святую католическую вѣру, оказываютъ почтеніе служителямъ его, священникамъ, и благодарно пріемлютъ ихъ совѣты и наставленія. Силенъ Господь Богъ посредствомъ вашего королевскаго высочества подать свѣтъ истины ходящимъ во тмѣ и сѣни смертной и извести заблуждшихъ на путь мира и спасенія, подобно тому, какъ привелъ наши народы посредствомъ вѣчной памяти государей и королей нашихъ Мстислава храбраго и Ягелла. Впрочемъ, въ семъ важномъ дѣлѣ, на которое должны быть устремлены всѣ заботы и попеченія, ваше королевское высочество должны держаться той умѣренности, которая столь необходима въ новыхъ государствахъ, и привлекать сей жестоковыйный народъ къ единенію и св. вѣрѣ не принужденіемъ и насиліемъ, не вдругъ, но мало помалу, примѣромъ благочестія какъ своего, такъ и священниковъ, которые будутъ находиться при васъ» (¹). Но Владиславъ не имѣлъ фанатизма своего отца, да и времена измѣнились: безсильная противъ православія въ годину бѣдствій Россіи, польская пропаганда сдѣлалась невозможною

(¹) Сборникъ *Муханова*. № 113.

при водвореніи государственнаго порядка и устройства при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ, особенно когда ей пришлось расплачиваться за жестокія религіозныя угнетенія Малороссіи. 1612-мъ годомъ надолго прекратились всякія попытки провести въ Россію римскій католицизмъ изъ Польши.

Нѣкоторые западные государи пробовали убѣдить русское правительство дозволить жить въ Россіи римско-католическимъ священникамъ, даже строить костелы; но эти просьбы были столь же неудачны, какъ и въ предшествовавшую эпоху. Въ 1627 году прибывшій къ царю Михаилу Θеодоровичу отъ Людовика XIII посолъ Людвигъ Гай (Louis des Hayes), для установленія свободной торговли съ Франціею, просилъ дозволенія построить въ Москвѣ католическую церковь, въ которой совершалось бы богослуженіе для французскихъ подданныхъ; но предложеніе его было рѣшительно отвергнуто. Впослѣдствіи, въ трактатѣ, заключенномъ, съ помощію Олеарія, о транзитной чрезъ Россію торговлѣ съ Персіею, именно было оговорено, что не будетъ данъ пропускъ послѣдователямъ латынской ереси (1). Впрочемъ, это стѣснительное ограниченіе впослѣдствіи было отмѣнено, и въ Персію и въ Индію пропускали, не обращая вниманія на вѣроисповѣданіе. Такъ въ 1674 году были въ Москвѣ проѣздомъ доминикане Азарій и Антоній, ѣхавшіе въ Персію, для возбужденія шаха къ войнѣ противъ Турціи, съ грамматами отъ папы, цесаря и другихъ европейскихъ государей. Въ томъ же году проѣзжали изъ Польши чрезъ Москву въ Индію и Персію, для проповѣди

(1) Les voyages du s-r *Olearius*. t. 1, p. 383.

Евангелія, испанецъ Петръ Куберіусъ и итальянецъ Себастіани Каваніоли, и получили даже пособіе отъ государя. Въ 1677 году пропущенъ былъ черезъ Астрахань, Москву и Смоленскъ посолъ папы Климента X, возвращавшійся изъ Персіи, куда онъ былъ посланъ для возбужденія шаха воевать противъ турокъ; по обычаю времени ему и свитѣ его даны были кормъ, подводы и проводники ([1]).

Разсказывая объ отвращеніи русскихъ къ католикамъ, Олеарій подтверждаетъ однако, что они никогда никого не обращаютъ въ свою вѣру, но только не допускаютъ смѣшанныхъ браковъ, требуя, чтобы оба супруга исповѣдывали православіе ([2]).

До самаго конца XVII вѣка католикамъ не дозволялось постоянное пребываніе въ Россіи, и они не могли строить церквей. Не было и домогательствъ о томъ со стороны Рима въ эту эпоху, а на запросы пословъ католическихъ державъ наши дипломаты отвѣчали кратко: «въ Римѣ строения благочестивыхъ церквей православныхъ христіянскихъ нѣтъ же» ([3]).

Со времени самозванца въ теченіе всего XVII вѣка было одно только сношеніе съ римскимъ дворомъ, но не о вѣрѣ, а по дѣламъ политическимъ. Безпрестанно возрастающая сила оттоманской имперіи и новое въ 1672 году нападеніе турокъ на Польшу и завоеваніе Каменца-Подольскаго, грозившія опасностію и части Малороссіи, принадлежавшей Россіи, расположили царя Алексѣя Михаиловича помогать

([1]) Рукопись московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

([2]) Les voyages du s-r *Olearius*. t. 1, p. 343.

([3]) Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Польшѣ. Онъ не удовольствовался повелѣть своимъ войскамъ сдѣлать нападеніе на Крымъ для развлеченія силъ турецкихъ, но намѣревался подвинуть на нихъ всю Европу; для этого приказалъ онъ заготовить граматы ко всѣмъ государямъ, приглашая ихъ составить союзъ противъ турокъ. Вслѣдствіе этого приказанія, управляющій иностранными дѣлами окольничій Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, въ октябрѣ 1672 года, дѣлалъ докладъ государю въ селѣ Коломенскомъ, во время собраннаго совѣта, что приказано приготовить граматы къ христіанскимъ государямъ: къ цесарю, къ королямъ испанскому, французскому, англинскому, датскому и шведскому, къ курфирстамъ саксонскому и бранденбургскому и къ голландскимъ штатамъ; а къ папѣ угодно ли будетъ государю отправить грамату? Сношеній съ папами со временъ царя Іоанна Васильевича не было (правленіе Лжедмитрія не признавалось); и если нынѣ государь благоволитъ отправить къ нему свою грамату, то конечно онъ будетъ весьма ею обрадованъ, и съ большимъ усердіемъ постарается составить союзъ въ помощь королю польскому, въ чемъ христіанскіе государи вѣроятно его не ослушаются. По этому докладу Матвѣева государь приказалъ отправить грамату и къ папѣ. Въ посольство это назначенъ былъ пѣхотнаго строя маіоръ Павелъ Менезіусъ. Планъ царя не удался; Европа, занятая внутренними своими войнами, не ополчилась противъ турокъ; только курфирстъ бранденбургскій и король шведскій изъявили свою готовность участвовать въ союзѣ, который не состоялся. Но посольство Менезіуса въ Римъ любопытно въ другомъ отношеніи, именно въ смыслѣ того положенія, кото-

рое царь желалъ предоставить себѣ и своему представителю передъ римскимъ дворомъ, во внѣшнемъ, такъ сказать, выраженіи отношеній и достоинствъ обоихъ дворовъ. Въ граматѣ своей, обращаясь къ папѣ, царь выражался такъ: «вы, папа, учитель римскаго костела». Послу приказано было на аудіенціи поклониться папѣ обыкновеннымъ поклономъ; если папа потребуетъ, чтобы посолъ поцѣловалъ его ногу, то никакъ этого не дѣлать, но крѣпко настаивать, чтобы цѣловать руку, а не ногу; если, при произнесеніи имени государя, папа не встанетъ и не спроситъ о его здоровьи, то сказать: «когда государя нашего посланные бываютъ у цесарскаго величества, то цесарь, по братской любви и дружбѣ къ государю, при имени его встаетъ и снимаетъ шляпу, также и о здоровьи государевомъ спрашиваетъ, стоя и безъ шляпы; и папѣ, для изъявленія любви и дружбы къ государю, должно бы также при имени его встать и спросить о его здоровьи стоя»; если папа велитъ своему придворному принять царскую грамату и поднести ее къ себѣ, то граматы ему не отдавать, но поднести къ папѣ, чтобы самъ ее принялъ; при этомъ объяснить, что если прежде русскіе послы этого не требовали, то они дѣлали *не гораздо, не оберегали чести государевой*. На дорогѣ, взяло Менезіуса раздумье: если государи цѣлуютъ ногу у папы, то вѣрно его не освободятъ отъ исполненія этого обряда; онъ написалъ о своемъ сомнѣніи Матвѣеву, и получилъ отвѣтъ, что католическіе государи цѣлуютъ ногу у папы, потому что они одной съ нимъ вѣры, а что ему послу и даже состоящему при немъ подъячему запрещается цѣловать ногу у папы, какъ сказано

въ данномъ ему наказѣ. 8 августа 1673 года Менезіусъ пріѣхалъ въ Римъ; не доѣзжая до города верстъ съ 20, онъ встрѣченъ былъ іезуитомъ графомъ Лесли, который былъ назначенъ при немъ приставомъ; въ Римѣ отвели ему квартиру въ Монтекавалло, близъ папскаго дворца. Прежде папской аудіенціи, кардиналъ Алтіери, племянникъ папы Климента X, имѣвшій неограниченное на него вліяніе, велъ долгіе переговоры съ Менезіусомъ на счетъ пріема, и тутъ же рѣшительно отказано ему было въ томъ, чтобъ папа самъ принималъ и отдавалъ граматы и вставалъ, спрашивая о государѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что онъ непремѣнно долженъ поцѣловать ногу у папы; еслибъ пріѣхалъ къ папѣ самъ цесарь, или другой кто изъ государей, и не захотѣлъ поцѣловать ноги папской, то и онъ не былъ бы допущенъ на аудіенцію къ папѣ, толковали русскому послу. «Ногу папскую цѣловать мнѣ запрещено», отвѣчалъ Менезіусъ, «потому что мой государь не исповѣдуетъ римско-католической вѣры; когда церкви греческая съ латынскою были еще въ соединеніи, тогда греки не цѣловали ногу у папы; а если папа непремѣнно требуетъ, чтобы я цѣловалъ его ногу, то я прошу отпустить меня изъ Рима». Менезіусу было объявлено, что папа, видя его упорство, но дорожа союзомъ съ русскимъ государемъ, увольняетъ его отъ цѣлованія ноги, но совѣтовали ему, по крайней мѣрѣ, припавъ, поцѣловать ризу папскую; русскій посолъ отвѣчалъ, что, сообразно съ данною ему инструкціею, онъ и ризы папской цѣловать не будетъ. 18 августа происходила аудіенція; церемоніймейстеры, стоявшіе по обѣ стороны посла, нѣсколько разъ брали его подъ руки

и насильно заставляли преклоняться; но съ подъячимъ его не справились, онъ ни разу не сталъ на колѣни, сказавъ имъ, что съ граматою царскаго величества неприлично стоять на колѣнахъ; они покачали головами, одинъ изъ нихъ подошелъ къ кардиналу Алтіери сказать объ этомъ упорствѣ, но кардиналъ запретилъ его принуждать, и подъячій сдѣлалъ папѣ обыкновенный поклонъ. Отвѣтная грамата папы государю начиналсаь слѣдующими словами: «любезному сыну, благородному мужу, Алексѣю Михаиловичу, великому князю московскому». Русскій посолъ оскорбился столь неполнымъ и невѣрнымъ титуломъ своего государя, и отказался принять грамату; собранъ былъ по этому случаю совѣтъ кардиналовъ, сдѣланы сношенія съ разными государями, наконецъ папа имѣлъ конфиденціальный разговоръ съ Менезіусомъ наединѣ, но ничто не помогло, и 20 сентября Менезіусъ выѣхалъ изъ Рима, не взявъ съ собою отвѣтной папской граматы; кардиналъ Алтіери объявилъ ему, что папа отправитъ грамату къ государю съ своимъ нарочнымъ (1).

Достойно замѣчанія, что Менезіусъ былъ католикъ и весьма ревностный; по духовному завѣщанію онъ поручилъ Гордону, пріятелю іезуитовъ, воспитывать своихъ сыновей въ римско-католической вѣрѣ (2); но такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ являлся передъ папою не какъ католикъ, а какъ представитель рус-

---

(1) Грамату эту см. въ приложеніи 2-мъ. Посольство Менезіуса описано на основаніи рукописей моск. арх. м. ин. дѣлъ (дѣла римскія и цесарскія).

(2) *Posselt's* Tagebuch des generals Patrick Gordon. Saint-Petersburg. 1852. 3 B. S. 355. Менезіусъ умеръ въ Москвѣ, въ чинѣ генералъ-маіора, 9 декабря 1694 года.

скаго царя, то онъ оберегалъ достоинство своего званія.

Римскій дворъ обиженъ былъ даннымъ царемъ папѣ титуломъ: «di Maestro della Chiesa Romana, Ucitel», — титулъ не соотвѣтствующій, говорили кардиналы, достоинству наслѣдника князя апостоловъ и отца всѣхъ христіанъ. Однако хотѣлось этому двору воспользоваться и представившимся случаемъ возобновить давно прерванныя сношенія Россіи съ папами. Послѣ отъѣзда Менезіуса ученые римскіе, по приказанію папы, принялись за изслѣдованія: слѣдуетъ, или не слѣдуетъ называть русскаго государя царемъ, «il Re», написаны были цѣлые трактаты на эту тему, а заключеніе состояло въ томъ, чтобы въ папскихъ граматахъ титуловать Алексѣя Михаиловича царемъ, потому что императоръ и король польскій его такъ именуютъ, и что такой титулъ, поставленный въ папской граматѣ, не можетъ означать того, что папа возводитъ русскаго государя въ королевское достоинство. Странное заблужденіе заставляло римскій дворъ съ такою ревностію заниматься столь учеными трактатами. Мы видѣли, что русское посольство въ Римъ состоялось случайно; при отправленіи пословъ ко всѣмъ государямъ Европы, о папѣ и забыли; напомнилъ о немъ Матвѣевъ, и велѣно было тогда снарядить посольство и къ папѣ. Въ Римѣ толковали объ этомъ совершенно иначе; доселѣ русскія посольства, говорили тамъ, были отвѣтныя на миссіи, отправленныя изъ Рима; это первый примѣръ, что сильный русскій государь, не имѣющій нужды въ папѣ, какъ царь Іоаннъ IV въ содѣйствіи папы Григорія XIII, по собственному побужденію, снаряжаетъ посольство

къ римскому двору; не можетъ же это быть безъ цѣли, безъ задней мысли; а какая эта мысль? И здѣсь начинается полный разгулъ завѣтныхъ пропагандическихъ фантазій католицизма,—мысль эта не можетъ быть иная, какъ сокровенное желаніе царя ввести въ русское государство римско-католическую вѣру, за это нужно ухватиться, послать поскорѣе въ Россію посольство, не жалѣя денегъ на снаряженіе его, достигнуть тамъ дозволенія выстроить хорошую римско-католическую церковь, помѣстить при ней нѣсколькихъ священниковъ, устроить богослуженіе попышнѣе, такъ чтобы русскіе люди были привлечены имъ, воспользоваться извѣстнымъ направленіемъ царя Алексѣя Михаиловича распространить въ Россіи просвѣщеніе, знаніе языкозъ греческаго и латынскаго, расположеніемъ его къ ученымъ иностранцамъ и изъ римско - католическихъ ксендзовъ московскаго будущаго, воображаемаго костела сдѣлать просвѣтителей русскаго народа, такимъ образомъ, чтобы они, для преподаванія латынскаго языка, выбирали книги о соединеніи церквей, полемическія сочиненія противъ греческой Церкви, тогда по-немногу само собою будетъ вселяться въ умахъ убѣжденіе о превосходствѣ римской церкви и желаніе соединиться съ нею, безъ того, чтобы слово унія было даже произнесено, и это тѣмъ болѣе, что на русскомъ языкѣ весьма немного богословскихъ полемическихъ книгъ противъ римской церкви, значитъ сторона латынская конечно возметъ перевѣсъ; правда, есть довольно такихъ сочиненій на греческомъ языкѣ, но языкъ этотъ мало извѣстенъ большинству русскихъ, а чтобы это оставалось такъ и впредь, то нужно занимать ихъ болѣе латынскимъ

языкомъ, онъ къ тому же и гораздо легче для изученія, чѣмъ греческій. Такъ понималъ цѣль и пользу просвѣщенія римскій дворъ; когда и гдѣ понимали его иначе іезуиты? «Въ виду такихъ результатовъ, стоитъ ли обращать вниманіе на пустыя слова, на то, чтобы называть русскаго государя великимъ княземъ или царемъ», читаемъ мы въ этихъ ученыхъ римскихъ трактатахъ; «простой меркантильный расчетъ приводитъ къ убѣжденію, что на этихъ мелочахъ останавливаться нечего, а слѣдуетъ скорѣе отправить посольство въ Россію, и для славы Бога и спасенія душъ, идти на встрѣчу преслѣдованій, поруганій, истязаній и даже смерти» (¹). Удивительныя увлеченія и мечтательность римскихъ пропагандистовъ, когда дѣло идетъ о прозелитизмѣ! Римскій дворъ, болѣе положительный, болѣе осторожный,

---

(¹) Historica Russiae monumenta. t. 2, p. 224—243. Помѣщенные здѣсь три акта, именно: a) «Discorso sopra il titolo di Czar da darsi al Gran Duca di Moscovia, b) Scrittura dell' abbate Scarlati in favore del titolo di Czar a darsi al sovrano di Moscovia, и c) Discorso del signor abbate Stefano gradi Raguseo sopra i popoli di lingua Slava, all Eminentissimo Card. Rasponi», Тургеневъ означилъ ошибочно 1670 годомъ. Всѣ эти акты относятся къ 1674 году, ибо въ нихъ говорится о бывшихъ въ предъидущемъ, т. е. 1673 году, посольствѣ Менезіуса, такъ напр. первый изъ этихъ актовъ начинается словами: «Proponendosi alla consulta il dubbio, se sia espediente che la Sede Apostolica devenga all' espeditione di persona espressa al gran Duca di Moscovia, con titolo che parerà conveniente, per corrispondere à simile *espeditione fatta l'anno passato alla Santa Seda da quel Principe, per mezzo dal suo ablegato*». Вообще видно, что всѣ эти трактаты обязаны своимъ происхожденіемъ настоянію Менезіуса, бывшаго въ Римѣ въ 1673 году, о томъ, чтобы папы титуловали русскихъ государей именемъ царя; значитъ, эти акты никакъ не могли быть написаны въ 1670 году.

чѣмъ его слишкомъ ревностные служители, не воспользовался этими учеными трактатами, и не отправилъ посольства въ Россію, — историческій опытъ заставилъ его заглушить въ себѣ столь нескромныя желанія и надежды.

Не смотря на это, папа старался возобновить прерванныя сношенія съ Россіею черезъ посредство Польши, съ которою русское правительство было тогда въ постоянныхъ переговорахъ; въ 1678 году это дѣло было ведено польскимъ посломъ въ Москвѣ княземъ Михаиломъ Чарторижскимъ, но безуспѣшно [1]; столь же безрезультатно ведено оно было въ 1681 году [2]. Отсутствіе прямыхъ сношеній съ русскимъ дворомъ не мѣшало однако папству черезъ тайныхъ своихъ агентовъ стремиться постоянно къ вѣковой цѣли своихъ усилій—обращенію Россіи въ латынство. Такимъ агентомъ несомнѣнно былъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, отлученный отъ Церкви іерусалимскимъ патіархомъ Нектаріемъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ и достойнѣйшихъ пастырей XVII вѣка. Паисій пріѣхалъ въ 1662 году въ Москву, безъ ставленой граматы, какъ-бы духовный

---

(1) Отъ 14 іюня 1678 года писалъ князь Чарторижскій изъ Москвы папскому нунцію въ Польшѣ: «Haeret semper menti meae commissum mihi a serenissimo rege et domino meo clementissimo negotium, tractandi cum maguo Moscoviae duce de reintegranda inter curiam romanam et aulam Moscoviticam per mutuos ab utrinque residentes confidentia; tam efferatarum gentium et a fide catholica (*ad quam innato feruntur odio*) abhorrentium animus, non solum negotia tractandi nullam praebet facilitatem, quin imo captata per nos occasione, commemorato saepius sanctissimi Domini nostri apud illos nomine, multum ostendit indignationis». (*Theiner*, Monuments historiques de Russie. p. 131).

(2) Ibid. p. 224.

самозванецъ; но, какъ хитрый и вкрадчивый грекъ, съумѣлъ заслужить расположепіе царя Алексѣя Михаиловича, и сдѣлался сначала слѣдователемъ по дѣлу патріарха Никона, а потомъ и судьею надъ нимъ. Никонъ явно обвинялъ его въ латынствѣ, и не ошибался, ибо сохранились тайныя его сношенія съ Римомъ, клонившіяся къ совращенію русскихъ въ латынство; одно безсиліе и страхъ заставили его бросить эту несбыточную мысль (1); восточные патріархи свидѣтельствовали о крайне сомнительномъ его православіи, и это однако не помѣшало ему имѣть сильное, едвали не рѣшительное вліяніе на судьбу православнаго московскаго патріарха. «Царь во всемъ слушаетъ Паисія», писалъ Никонъ, «какъ пророка Божія» (2). Странное явленіе! Латынянинъ судитъ и осуждаетъ православнаго патріарха, этотъ патріархъ отводитъ его какъ еретика латынянина и въ тоже время заслуживаетъ самъ въ народѣ упрекъ въ склонности къ латынству, которымъ и доселѣ незаслуженно пятнаютъ его память раскольники!

---

(1) *Theiner*, Monuments historiques de Russie. p. 60 et 61.

(2) *Субботина*, Дѣло патріарха Никона. Москва. 1862. стр. 49—51, 61, 64, 68, 73, 73, 82, 129, 135, 155—157, 177.

IV.

РИМСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ ВЪ РОССІИ, ОТЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА И ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧЕЙ ДО ВОЗСОЕДИНЕНІЯ СЪ НЕЮ ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Вступленіе иностранцевъ римско-католическаго исповѣданія въ русскую службу.—Постоянное прибытіе іезуитовъ въ Москву въ свитѣ пословъ римскаго императора, 1684—87 гг.—Покупка дома для іезуитовъ въ Москвѣ, 1685 г. — Высылка іезуитовъ изъ Москвы, 1688 г.—Покровительство іезуитамъ со стороны князя В. В. Голицына.—Статья въ духовномъ завѣщаніи патріарха Іоакима относительно латынской пропаганды, 1690 г.—Старанія іезуитовъ о возвращеніи въ Россію.—Посредничество посла римскаго императора Курцея въ пользу іезуитовъ, 1691 г.—Генералъ Патрикъ Гордонъ — тогдашній представитель католической партіи въ Россіи. — Русское правительство отказываетъ католикамъ въ дозволеніи построить костелъ въ Москвѣ.—Не смотря на этотъ отказъ, католики строютъ одинъ костелъ.—Католическіе миссіонеры проникаютъ въ Москву. — Іезуиты снова являются въ Россіи. — Вторичная высылка іезуитовъ изъ Россіи, 1719 г. — Свободное отправленіе р. католическаго богослуженія въ царствованіе Петра великаго. — Смѣшанные браки.—Призваніе капуциновъ въ Россію, 1720 г. — Вражда между капуцинами и францисканами. — Замѣна капуциновъ и францисканъ доминиканами, 1724 г.—Сноше-

нія съ римскимъ дворомъ.—Проѣздъ черезъ Москву наксиванскаго архіепископа Себастіана Кнабе, 1684 г.—Начатые наксиванскимъ архіепископомъ переговоры продолжаетъ посолъ римскаго императора Жировскій.—За тѣ же переговоры принимаются Дебоа и Курцей, но неудачно, 1685 г.—Проэктъ посольства къ римскому двору, 1697 г.—Путешествіе фельдмаршала Шереметева въ Римъ, 1698 г.—Личныя объясненія ультрамонтанъ съ Петромъ I и съ княземъ Голицынымъ, 1698—1703 гг.—Посольство князя Куракина въ Римъ, 1707 г. — Во время пребыванія Петра великаго въ Парижѣ, нунцій Бентиволіо старается расположить его въ пользу римскаго католицизма, 1717 г.—Проэктъ римскаго двора учредить нунціатуру въ С.-Петербургѣ, 1717 г.—Римскій дворъ усиливается заключить конкордатъ съ Россіею, 1721 г.—Предложеніе сорбоннской академіи о соединеніи церквей, 1717 г.—Отвѣтъ русскихъ епископовъ на предложеніе Сорбонны, 1718 г.—Антипатія императора Петра къ римскому католицизму.—Католицизмъ при преемникахъ Петра великаго.—Латынская пропаганда въ Астрахани между армянами.—Раздоры между духовенствомъ и прихожанами въ с.-петербургской римско-католической церкви.—Регламентъ императрицы Екатерины для этой церкви, 1769 г. — Регламентъ 1769 года распространенъ на римско-католическія церкви въ колоніяхъ саратовской губерніи и южной Россіи.—Весьма ограниченное число католиковъ въ Россіи до возсоединенія съ нею западнаго края.

Со времени сближенія Россіи съ Европою, съ вызовомъ на русскую службу иноземцевъ, и положеніе въ Россіи католиковъ измѣнилось. Получивъ право осѣдлости, составляя даже главное орудіе просвѣщенія въ Россіи, они не могли быть лишены возможности исповѣдывать свою вѣру, а потому имѣть своихъ священниковъ. Впрочемъ, число прибывавшихъ иностранцевъ было такъ незначительно въ сравненіи съ общимъ православнымъ населеніемъ государства, что исполненіе для нихъ духовныхъ требъ по ихъ догматамъ, удовлетворяя ихъ религіозныя потребности, не въ состояніи было само по себѣ распростра-

нить римскій католицизмъ. Гораздо прежде лютеране и кальвинисты пользовались у насъ совершенною свободою богослуженія и имѣли свои кирхи въ Москвѣ. Но римско-католическое духовенство искало не исполненія только требъ для своей паствы; для него это было только предлогъ, — оно желало и стремилось при первой возможности распространить въ Россіи латынскую вѣру, а поводомъ къ ея водворенію и пособниками были иностранные служивые люди, а изъ нихъ и иностранные резиденты.

Прибывшій въ 1684 году цесарскій посолъ Жировскій окруженъ былъ скрытными іезуитами, и курьеровъ присылали къ нему изъ іезуитовъ. Такъ голландскій резидентъ въ Москвѣ Келлеръ отъ 8-го іюля 1684 года писалъ своему двору: «курьеръ его императорскаго величества, о которомъ я упомянулъ въ своемъ письмѣ отъ 9 іюня, привезъ только поздравительныя письма по случаю брака старшаго изъ царей. Этотъ курьеръ—іезуитъ, по имени Вота; онъ одѣвается съ такою изысканностью и изяществомъ, какъ если бы былъ первымъ придворнымъ государя, и во всѣхъ случаяхъ открыто принимаетъ на себя титулъ императорскаго секретаря; говорятъ, что онъ родомъ французъ» (1). Вота въ дѣйствительности

---

(1) «Le courrier de S. M. I. dont j'ai fait mention dans ma lettre du 9 Juin n'a apporté que des lettres de félicitation à l'occasion du mariage de l'aîné des Czars. Ce courrier est un jésuite, nommé Vota; il est vetu avec autant de recherche et d' élégance que s'il était le premier courtisan d'une puissance princière, et prenant partout hautement le titre de secrétaire impérial; on dit qu'il est français de naissance».—Баронъ Келлеръ былъ голландскимъ резидентомъ въ Россіи съ 1676 года по 1693 годъ. Отъ него остались 247 депешъ; онѣ принадлежатъ къ

былъ значительнымъ лицомъ въ іезуитской русской миссіи: онъ переписывался съ папою, и два года спустя предложенъ былъ королемъ Собѣскимъ къ посвященію въ епископскій санъ. По прибытіи въ Москву, вошелъ въ сношенія съ Менезіусомъ, съ которымъ познакомился въ Венеціи, и съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе князя Василія Васильевича Голицына ([1]).

Жировскій, при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, оставилъ тамъ духовника своего іезуита Шмидта, которому было дозволено исполнять требы для иностранныхъ начальныхъ людей и другихъ католиковъ ([2]). Миссія Шмидта поставлена была (разумѣется, тайнымъ образомъ) въ зависимость отъ литовской іезуитской провинціи, и іезуиты возлагали на нее большія надежды; «если Шмидтъ съумѣетъ дѣйствовать благоразумно, а іезуитскіе начальники будутъ осторожны и ловки», писалъ Вота, «то слава Всевышняго значительно распространится въ Россіи». Литовскій провинціалъ Берентъ думалъ тогда же усилить русскую миссію присылкою новаго члена ордена, но

числу историческихъ матеріаловъ для исторіи Россіи, найденныхъ въ 1844 г. Александромъ Тургеневымъ въ Голландіи; эти депеши остаются еще въ манускриптѣ.

([1]) *Theiner*, Monuments historiques de Russie. Rome. 1859. p. 281, 286, 306.

([2]) Вота доносилъ объ этомъ римскому двору въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «I signori ambasciatori hanno fatti gli ultimi sforzi, e Dio ha avvalorate le beneditioni mandatemi da Sua Santità, e gli auspici et istrutioni dateni da Vostra Signoria illustrissima (Палавичини, нунцій вѣнскій), perchè hieri finalmente i signori ambasciatori hanno spuntato, supra omnem spem, il fisso e permanênte soggiorno e residenza della compagnia in questa regia, e a buon conto vi resta il P. Schmid». (*Theiner*. p. 283).

Шмидтъ его остановилъ; «изъ желанія получить больше», говорилъ онъ, «мы можемъ потерять то, что̀ получили; дайте мнѣ время вкрасться въ довѣренность князя Голицына и другихъ вліятельныхъ лицъ, тогда получу дозволеніе имѣть помощника» (1). И дѣйствительно, въ 1685 году присоединился къ Шмидту пріѣхавшій съ цесарскимъ гонцомъ Курцеемъ іезуитъ Албертъ-Дебоа. Въ 1686 году польскій посолъ Огинскій доставилъ еще одного іезуита, Бартоломея Меллера; «если отъ римскаго императора приняты два іезуита», разсуждалъ Огинскій, «то пускай получатъ хотя одного іезуита отъ короля польскаго» (2). Въ 1687 году явился въ Москву съ рекомендательнымъ письмомъ отъ нѣмецкаго императора другой іезуитъ, Тихавскій (Тихановскій), и такъ весьма скоро составился тамъ цѣлый іезуитскій кружокъ. Пропаганда, шедшая прежде прямо изъ Рима и изъ Польши, явилась теперь изъ германской имперіи, подъ покровительствомъ самого императора. На его счетъ и чрезъ посредство гонца Курцея купленъ былъ въ 1685 году іезуитамъ домъ въ Москвѣ, но записанъ былъ на имя итальянца Гваксонія, который былъ не что иное, какъ свѣтскій іезуитъ подъ званіемъ флорентійскаго купца, и служилъ агентомъ іезуитскому обществу. Не теряя времени, іезуиты начали дѣйствовать: тотчасъ же основали школу и стали приглашать въ нее русскихъ дѣтей, выпускали

(1) *Theiner*, p. 283, 287.

(2) *Ibid.* p. 304. «Rev. patrem Bartolomaeum Meller, virum eximiae probitatis ac charitatis, conabimur insinuare missioni Moschoviticae, ut quemadmodum ex parte augustissimi imperatoris hic duo ex patribus societatis Jesu admissi sunt, ita ex parte serenissimi regis nostri unus saltem stabiliter recipiatur».

пропагандическія книги на русскомъ языкѣ и католическіе образа, для совращенія православныхъ; вмѣшивались въ дѣла и служили агентами нѣкоторыхъ католическихъ державъ. Намѣренія ихъ были не только рѣшительны, но даже дерзки; не зная вовсе Россіи, не понимая привязанности русскихъ людей къ своей вѣрѣ, они не только почитали за легкое дѣло утвердить въ Москвѣ католицизмъ, но даже одинъ изъ іезуитовъ мечталъ о престолѣ патріаршемъ ([1]). Способы, употребленные іезуитами, состояли въ прельщеніи и прозелитизмѣ; примѣромъ собственной жизни имъ трудно было склонить къ своей вѣрѣ; дѣло не соотвѣтствовало словамъ, а жизнь—проповѣди ([2]).

([1]) Вотъ выписка изъ письма іезуита, отобраннаго въ свое время посольскимъ приказомъ: «В листу езувита Михайла Іаконовича к почмайстеру Сангале написано: жалуетца ему, что ево Москва въ патриархи не приняла, а голосы подала на митрополита казанскаго, который покамѣстъ того сана доступитъ, служить станетъ на Москвѣ в настоящей празникъ предъ царскимъ величествомъ». Моск. архивъ мин. иностр. дѣлъ.

([2]) «Въ писмѣ езувита Юрья Давыда х костельному учителю къ Ѳомѣ, по поздравленіи, писано, что листокъ, положенной въ средине, отданъ тайно вдовѣ Саре Майотове, чтобъ нихто не видалъ, а она бъ приказала то писмо прочесть дѣвочке какой.—В писмѣ езувита Давыда жъ, ѣдучаго с Москвы, з дороги к Москве ко вдовѣ Саре Майотове писано многое безчинство срамное и блудное, и что онъ, сколь долго живъ будетъ, всегда и ежегодно что-нибудь къ ней пришлетъ, токмо бъ возможно, а нынѣ онъ писалъ к доктору и приказалъ ему ей дать 10 рублевъ, а онъ ему заплатитъ, токмо бъ никому не сказывала. Да челобитье бъ отъ него сказала той, которая беременна, и чтобъ она къ нему писала по русски немецкими словами, и то бъ велѣла написать у Даріи или у Анны, что снею дѣется, и велѣла бъ грамотки гораздо запечатывать и доктуру отдать; а будетъ де той женщине прилучится какое безчестье, и она бъ велѣла ей приѣхать въ Ригу, и о томъ къ нему писать, а онъ

Въ 1688 году государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, по примѣру своихъ предковъ, отправились на богомолье къ Троицѣ. Здѣсь патріархъ Іоакимъ, опечаленный уже волненіями раскольническими и видя новую опасность для православія извнѣ, съ Запада, объяснилъ государямъ, что прежде никогда іезуиты въ Россіи не живали, что между вѣроисповѣданіями восточнымъ и западнымъ есть большія разности «и отъ восточной апостольской Церкви Римъ отпалъ», и что съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты поселились въ Москвѣ, они соблазняютъ православныхъ. Патріархъ просилъ изгнать іезуитовъ. Въ административномъ отношеніи это не представляло никакихъ трудностей, ибо эти духовные основались въ Москвѣ сами по себѣ, и хотя цесарскіе послы старались убѣдить русское правительство, чтобы пребываніе ихъ обезпечено было письменнымъ актомъ, но этого не достигли, никакого договора по этому съ германскимъ императоромъ заключено не было, да и подданныхъ его католиковъ было тогда въ Россіи весьма мало, «а которые и есть немногіе», прибавлено въ объясненіи, «и тѣ живутъ по волѣ своей добровольно, а не по неволѣ, и вольно имъ для употребленія вѣры своей и въ государство цесарскаго величества выѣзжать». Дорожа дружественными сношеніями съ императоромъ, правительство наше въ одолженіе ему терпѣло покровительствуемыхъ имъ іезуитовъ дотолѣ, пока союзъ съ германскою имперіею былъ ему нуженъ, но не думало, и при перемѣнѣ обстоятельствъ, оставлять ихъ въ Россіи. Высылая

къ ней пріѣдетъ, и отъ нея не отстанетъ». Моск. арх. мин. ин. дѣлъ. — Одно донесеніе іезуита Давыда отъ 1 іюля 1689 г. помѣщено у *Тейнера* (Monuments historiques de Russie. p. 340).

ихъ за границу, русское правительство заботилось однако, чтобы ихъ изгнаніе не раздражило Леопольда, поэтому и велѣно было отпустить ихъ «милостиво», дать пособіе и подводы до литовской границы, а имъ поручено было донести цесарю, что это дѣлается въ угожденіе ему. Не хотѣлось іезуитамъ оставить Москвы, погубить свои начинанія; всячески старались они тамъ удержаться. Сначала просили остаться нѣкоторое время подъ предлогомъ продажи купленнаго ими въ нѣмецкой слободѣ на счетъ императора дома, но когда имъ дано было на это только два дня, то они стали ходатайствовать, чтобы имъ подождать въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока они спишутся съ Вѣною объ объявленной имъ высылкѣ, конечно для того, чтобы вмѣшать въ это дѣло императора. Не для чего предупреждать вамъ объ этомъ императора, было имъ сказано; государи сами о томъ ему напишутъ, по отъѣздѣ вашемъ изъ Москвы. Послѣ этой неудачи, обратились они къ польскому резиденту Довманту, который, не смѣя хлопотать о нихъ оффиціально, за состоявшимся уже указомъ о ихъ высылкѣ, попробовалъ устроить дѣло черезъ второстепенныхъ чиновниковъ и обратился съ просьбою къ извѣстному думному дьяку Украинцову хоть одного іезуита оставить въ Москвѣ. Украинцовъ не только отказалъ ему положительно, но и весьма кстати выразилъ ему удивленіе, что польскій резидентъ вступается въ дѣла людей, состоящихъ въ подданствѣ не Польши, а римскаго императора. Такимъ образомъ, іезуиты должны были выѣхать изъ Россіи (1);

(1) Полн. собр. зак. т. III, № 1351, и рукопись Моск. арх. м-ва иностр. дѣлъ.

пробравшійся въ слѣдующемъ 1689 году въ Москву іезуитъ Терпеловскій былъ также высланъ (1).

Едва ожидали іезуиты этой участи, ибо покровителемъ ихъ былъ сильный временщикъ князь В. В. Голицынъ, любимецъ царевны Софіи. Императоръ римскій сознавалъ, что ему одолжена католическая церковь дарованною свободою богослуженія въ Москвѣ, благодарилъ его за эту услугу (2) и прислалъ въ подарокъ великолѣпную карету. Съ своей стороны іезуиты обѣщали прославить имя Голицына по всей Европѣ черезъ агентовъ своего общества, разсѣянныхъ по всему свѣту (3). Не смотря на то, православный патріархъ одолѣлъ на этотъ разъ временщика. Въ духовномъ завѣщаніи, написанномъ въ 1690 году, патріархъ Іоакимъ убѣдительно просилъ государей не допускать латынской пропаганды, писанія образовъ для православныхъ церквей по изображеніямъ латынскимъ и не дозволять постройки костеловъ; «есть ли гдѣ въ Европѣ православныя церкви»? дѣлалъ онъ вопросъ; «нигдѣ!» (4).

Однако іезуиты не отчаялись (5), будучи увѣрены

---

(1) *Posselt*, Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Moskau. 1849. I B. S. 58 der Vorrede.

(2) Въ современномъ переводѣ письма германскаго императора къ Голицыну отъ 1687 г. сказано: «что вѣрѣ нашей римляно-католицкой дѣйствованіе на Москвѣ поволенное по се время спокойно вземлетца, то премогущимъ вашимъ наипаче причитаемъ служеніямъ». М. арх. м. и. д.

(3) См. приложеніе 3-е.

(4) *Устрялова*, Исторія царств. Петра великаго. т. 2. С.-Петербургъ. 1858 г. приложеніе 9-е, стр. 467—477.

(5) Въ числѣ перехваченныхъ писемъ іезуитовъ находилось письмо одного изъ нихъ, Товіи, который писалъ, между прочимъ, къ польскому резиденту: «да не оскудѣваютъ (католики) сердцемъ ізгнанныхъ ради пастырей, крѣпкою надеждою на-

въ дѣятельномъ покровительствѣ императора ([1]) и въ ходатайствѣ за нихъ находившихся въ русской службѣ иноземцевъ. Смущало ихъ одно: чтобы на ихъ мѣсто не были вызваны въ Россію католическіе духовные другаго ордена; но и противъ этого они приняли свои мѣры. Съ дороги писали они польскому резиденту, чтобы онъ уговорилъ московское католическое общество не просить въ посольскомъ приказѣ о другихъ духовныхъ; о томъ же убѣждали сильнаго современнаго представителя католической партіи въ Россіи генерала Гордона, пугали его тѣмъ, что если бы католики и стали просить о присылкѣ иныхъ духовныхъ, то цесарь на это не согласится, не приметъ на свой счетъ ихъ содержанія, наконецъ представляли всѣ преимущества своего общества передъ другими орденами: пользу, оказываемую ими воспитаніемъ дѣтей, выгоду для общества, что они не требуютъ отъ него платы, тогда какъ другимъ священникамъ нужно помогать. Въ заключеніе они просили Гордона ходатайствовать передъ цесаремъ о ихъ возвращеніи, а во всякомъ случаѣ ничего не предпринимать до полученія извѣстія изъ Вѣны о рѣшеніи императора ([2]).

дѣютца на Бога, что одинъ изнихъ которой возвратится». Моск. арх. м-ва иностр. дѣлъ.

([1]) 13-го ноября 1689 года вѣнскій нунцій писалъ кардиналу статсъ-секретарю Оттобони: «Non manearo di fare le medasime prattiche nella corte imperiale, non dovendosi dubitar che sua maestà christianissima non sia per proteggere con la sua consueta Eontà *quest opera, che può dirsi sua*, e che tirarebbe gran vantaggio dell' assistenza d'un ministro Cesareo appresso i Czari». (*Theiner,* Monuments historiques de Russie. p. 349).

([2]) Москов. арх. м. и. д.

Надежды іезуитовъ на цесаря не были обмануты. Въ 1691 году явился въ Москвѣ посолъ его Курцей, бывшій уже въ Россіи въ 1685 году въ качествѣ цесарскаго гонца, съ миссіею въ пользу іезуитскаго ордена, и только что пріѣхалъ, послалъ за Гордономъ, ревностнымъ агентомъ цесаря и католицизма; сборнымъ пунктомъ былъ домъ Гваксонія [1]. Послѣ обычныхъ увѣреній въ неизмѣнной дружбѣ своего государя, посолъ сказалъ, что императоръ до того былъ чувствителенъ за покровительство, полученное въ Россіи іезуитами, что въ доказательство своей признательности къ русскому правительству и въ знакъ того, какъ высоко онъ его цѣнитъ, онъ обѣщался впредь отдавать собственноручно русскимъ посланникамъ отвѣтныя письма къ государямъ; что, напротивъ того, изгнаніе ихъ до крайности его поразило, что онъ проситъ вызвать ихъ опять и увѣренъ, что въ этомъ не будетъ отказано, и что іезуитамъ дозволено будетъ по прежнему жить въ Москвѣ, для исполненія духовныхъ требъ и распространенія католической вѣры, ибо исповѣдники другихъ вѣръ, какъ то: лютеране и кальвинисты, пользуются въ Россіи полною свободою богослуженія, да и греческая вѣра не угнетается во входящихъ въ составъ германской имперіи Венгріи и Сербіи.

Курцею объявлено было, что строить костелы и заводить католическія училища въ Россіи нельзя, и что іезуитамъ возвратиться въ Москву не позволятъ, потому что поведеніе и дѣятельность ихъ не соотвѣтствовали условіямъ, подъ которыми имъ было разрѣ-

---

(1) *Posselt*, Tagebuch des Generals Patrick Gordon. S.Petersburg. 1851. 2 B. S. 338—339.

щено оставаться въ Москвѣ. Сдѣлано это было только въ удовольствіе цесаря, и то на время; іезуиты обязались жить спокойно и отправлять службу на дому; вмѣсто того, они стали вмѣшиваться въ дѣла совершенно для нихъ чуждыя, завели переписку съ заграничными своими агентами о томъ, что̀ дѣлается у насъ, завели пропаганду и стали привлекать русскихъ дѣтей въ свое училище ([1]). Наконецъ напом-

---

([1]) Отщепенецъ отъ нашей религіи іезуитъ Гагаринъ напечаталъ въ 1857 г. въ Парижѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими орденскими собратами, книгу въ 2-хъ частяхъ подъ заглавіемъ: Études de théologie, de philosophie et d'histoire», въ которой, между прочимъ, помѣстилъ списанное имъ съ оригинала архива римской іезуитской коллегіи описаніе одного изъ изгнанныхъ іезуитовъ о высылкѣ ихъ изъ Россіи, приложивъ къ нему свое объясненіе, основанное на томъ же описаніи. Въ этой запискѣ іезуитъ намѣренно старался исказить настоящія причины удаленія ихъ изъ Москвы, подтверждаемыя несомнѣнными оффиціальными документами, и увѣрялъ, что они были высланы единственно только по безотчетной ненависти патріарха къ римско-католической религіи, и потому что эта вѣра различествуетъ отъ православной. Послѣ всего нами изложеннаго, читатели легко обсудятъ, могъ ли вице-приседентъ посольскаго приказа сказать такія слова іезуиту: «Ne autem cogitetis vos causam dedisse huic expeditioni; *non* scimus enim de vestra honesta vita (когда въ приказѣ лежала въ подлинникѣ ихъ непотребная переписка), et virtuosa conversatione; causa unica est sanctissimus noster patriarcha, qui cum toto suo clero instanter supplicavit Tsareis Majestatibus et in suo concilio ecclesiastico conclusit, vos non esse hic tolerandos, quia religio et fides vestra nostrae benedictae religioni et ecclesiae est nimium quantum, imo antipathice contraria. *Haec est summa culpa*». Іезуиты очень хорошо знали, за что ихъ высылали, но понимали, что интересъ ихъ ордена требуетъ, чтобы другіе о томъ не вѣдали, чтобы быть въ состояніи предстать передъ Европою какъ невинные мученики и сказать ей: «Nos autem imus gaudentes, quoniam digni habiti sumus pro nomine Jesu contumeliam pati»,—слова, которыми оканчивается іезуитская записка. Для этого-то они взяли отъ польскаго резидента себѣ аттестатъ, за его подписью

нили послу о томъ, что и въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ, какъ напримѣръ въ Венеціи, іезуиты нетерпимы.

Курцей увѣрялъ, что всѣ неудовольствія на іезуитовъ произошли отъ происковъ и клеветъ живущихъ въ Москвѣ еретиковъ, лютеранъ и кальвинистовъ, что напротивъ іезуиты столько же отличаются своимъ образованіемъ, сколько и смиреніемъ, желали они одного — отправлять службу Божію, и что ежели бы они впослѣдствіи, по слабости человѣческой, и отступили ненамѣренно отъ этого правила и предписаній высшей духовной ихъ власти, то ихъ легко остановить и строго приказать болѣе того не дѣлать. Въ Венеціи же іезуиты живутъ, только каждые три года перемѣняются въ личномъ составѣ. Даже и въ Англіи есть іезуиты, но только тайные, переодѣтые въ свѣтское платье, такъ что ихъ нельзя узнать, для того, чтобы не возбудить народнаго волненія и облегчить ихъ сношенія. Послѣ этихъ объясненій, Курцей, понимая, что нельзя настаивать на безусловномъ возвращеніи іезуитовъ, просилъ разрѣшить имъ оставаться въ Москвѣ, по примѣру Венеціи, т. е., перемѣняясь каждые три года, и чтобы купленный имъ прежде домъ для нихъ подъ ложною

и съ его печатью, въ которомъ прописана была та же приведенная нами басня. — Мимоходомъ мы посовѣтуемъ всѣмъ отступникамъ, подобнымъ Гагарину, если они не покинутъ наивной своей мечты объ обращеніи Россіи въ латынство, употреблять, для успѣха своей миссіи, болѣе вѣрные историческіе факты, а не одни лживыя іезуитскія показанія, которыя не могутъ выдержать критики, и вызываютъ въ отвѣтъ данныя, доказывающія положительный вредъ іезуитскаго ордена, а вовсе не приносящія ему славы, что, повидимому, было цѣлію означеннаго изданія іезуитскаго неофита.

фирмою Гваксонія записать оффиціально на имя германскаго императора. Чтобы успокоить правительство, онъ предложилъ составить инструкцію, какъ іезуиты должны поступать и дѣйствовать, живя въ Россіи, и ручался за то, что они исполнятъ въ точности такое предписаніе. «Ежели и на это не согласятся государи, то въ какое положеніе они поставятъ императора? Онъ далъ имъ слово, что не будутъ изгнаны изъ Россіи, и слова этого не сдержитъ! Какую славу получатъ іезуиты? Московскіе лютеране и кальвинисты огласили по всей Европѣ объ изгнаніи іезуитовъ, взвели на нихъ разныя клеветы, и теперь это пятно лежитъ на нихъ, вездѣ ихъ поносятъ, и некому оправдать этихъ невинныхъ страдальцевъ,—вотъ отчего цесарь и желаетъ такъ, чтобы іезуиты прибыли снова въ Москву,—это оправдаетъ ихъ въ общественномъ мнѣніи».

Какой стыдъ императору, отвѣчали Курцею, что іезуиты не исполнили своего долга, что завели у насъ пропаганду и за это уволены изъ Россіи? Этого нечего стыдиться, да и печалиться объ этомъ не стоитъ. А іезуитамъ уже болѣе въ Россіи жить не доведется, да и размножать у насъ латынскаго ученія, какъ проговорился Курцей, не надобно и неудобно, потому что мы изстари имѣемъ свою христіанскую вѣру, непоколебимо ей преданы и иностранныхъ ученій не принимаемъ. Ежели же цесарь непремѣнно желаетъ, чтобы іезуиты находились въ иностранныхъ государствахъ, то пускай онъ пошлетъ ихъ къ такимъ народамъ, которые не исповѣдуютъ и не знаютъ истиннаго Господа Бога и блуждаютъ во мракѣ,—тѣхъ бы они просвѣщали и обращали въ свою римскую вѣру. Что касается до лютеранъ и

кальвинистовъ, то хотя ихъ ученіе гораздо болѣе различествуетъ отъ православнаго, чѣмъ римско-католическое, но они живутъ въ Россіи спокойно, не мѣшаются въ дѣла до нихъ не касающіяся, и не затѣваютъ пропаганды; а позорили ли они іезуитовъ или нѣтъ, до этого правительству нѣтъ дѣла. Домъ іезуитскій въ Москвѣ купленъ на имя Гваксонія, пускай онъ имъ и владѣетъ, а записывать его на имя императора не пристойно и не для чего, ибо этого и прежде никогда не бывало, да и въ германской имперіи нѣтъ ни одного дома, принадлежащаго русскимъ государямъ.

Въ заключеніе Курцею объявлено, что государи, снисходя на просьбу начальныхъ людей римско-католическаго закона, разрѣшаютъ побыть въ Москвѣ одному ксендзу, но никакъ не монаху, и еще менѣе іезуиту, и отправлять богослуженіе на дому, съ условіемъ, чтобы онъ не мѣшался въ свѣтскія дѣла и не покушался совращать православныхъ; ежели же, подъ именемъ священника, присланъ будетъ іезуитъ только въ одеждѣ принятой бѣлымъ духовенствомъ, то онъ будетъ отправленъ заграницу и римско-католическіе духовные не будутъ болѣе приняты въ Россію.

Не убѣдивъ русскаго правительства своими доводами въ пользу іезуитовъ, цесарскій посолъ попробовалъ подѣйствовать на него экономическими расчетами, привелъ, какъ невыгодно содержать свѣтскихъ ксендзовъ, привыкшихъ получать значительные доходы, тогда какъ служивыхъ людей католиковъ въ Россіи мало, значитъ и содержать духовника будетъ имъ трудно. Напротивъ того, содержаніе іезуитовъ почти ничего не стоитъ: они монахи, ѣдятъ мало

всё постятся и молятся. Въ этомъ его успокоили: служивые люди генералы и полковники безъ затрудненія примутъ на себя содержаніе священника, сказано было Курцею, а іезуитамъ, хотя они и постятся постоянно и проводятъ жизнь свою въ лишеніяхъ, никогда болѣе не позволятъ жить въ Россіи.

Поблагодаривъ и за это, Курцей сталъ просить, чтобы свѣтскому священнику приданъ былъ еще другой въ качествѣ помощника, и чтобы, до присылки этихъ ксендзовъ, находившійся при немъ доминиканинъ исполнялъ временно эту должность. Желая сдѣлать пріятное цесарю, правительство на это согласилось, положивъ тѣмъ конецъ неотвязчивымъ притязаніямъ императорскаго посла, которыя заняли три аудіенціи [1].

Не такихъ послѣдствій ожидалъ отъ своей миссіи Курцей. Ѣхавъ въ Москву, онъ повидимому впередъ заготовилъ письменное признаніе царями его домогательствъ: сохранилась грамата, написанная на латынскомъ языкѣ отъ имени государей и помѣченная 1691 годомъ, которая не оставляетъ никакого сомнѣнія о принадлежности своей къ дѣламъ этого посольства, какъ по означенному на ней году, такъ и въ особенности по своему содержанію. Этою граматою государи, въ угоду римскому императору, обязываются призвать іезуитовъ, дозволить постройку костела и отправленіе какъ въ немъ, такъ и внѣ его, католическаго богослуженія и всѣхъ церемоній по обрядамъ этой вѣры, и ручаются вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти привиллегіи будутъ сохранены ихъ

---

[1] Моск. арх. м. ин. д. См. также Полн. собр. зак. т. III, № 1388.

наслѣдниками [1]. Искусны были доводы Курцея, весьма ловко онъ придумалъ обезпечить жилище іезуитовъ, заставивъ признать его собственностію императора и потому сохранить навсегда поводъ вмѣшиваться въ дѣла русскихъ римско-католиковъ и предъявлять новыя требованія, но онъ былъ понятъ вполнѣ и сочиненный имъ проэктъ привиллегій не имѣлъ никакого хода, послѣ неуспѣха изустныхъ объясненій. Постоянное водвореніе въ Россіи римскаго католицизма, сдѣлавшееся необходимостію съ переселеніемъ къ намъ иностранцевъ, было совершенною новостію въ это время. Однако, не смотря на это, видимъ, что русскіе государственные люди весьма разумѣли духъ этого ученія и очень вѣрно провели черту между религіею и пропагандою, между духовными нуждами католиковъ и кастовыми притязаніями ихъ духовенства: римско-католики могли молиться по обрядамъ ихъ вѣры и имѣть для этого своихъ священниковъ, но не принадлежащихъ къ монашескимъ орденамъ, учрежденнымъ по большей части для распространенія католицизма прозелитизмомъ; они и въ Россіи оставались католиками, никто не принуждалъ ихъ перемѣнять вѣры, но за то рѣшительно воспрещено католическимъ духовнымъ совращать православныхъ.

Вѣрность этого взгляда и этихъ опасеній, возбужденныхъ іезуитскими происками, подтвердилась, какъ увидимъ, и впослѣдствіи: не религія, а жажда владычества духовнаго руководила латынскими пастырями; а вліяніе на дѣла нѣкоторыхъ иностранцевъ

---

(1) См. приложеніе 4-е.

этой вѣры, постоянная опора въ императорѣ римскомъ давали имъ смѣлость дѣйствовать рѣшительнѣе.

Представителемъ современныхъ католическихъ интересовъ въ Россіи былъ генералъ-поручикъ Гордонъ; онъ воспитывался въ іезуитской коллегіи въ Браунсбергѣ, гдѣ находилась каѳедра епископа эрмеландскаго (Warmia), и во всю свою жизнь былъ ревностнымъ, даже фанатическимъ католикомъ; женатъ былъ на католичкѣ Бокховенъ (Bockhowen); трехъ сыновей своихъ послалъ изъ Россіи въ Германію и Англію, для воспитанія въ іезуитскихъ училищахъ, и, служа въ Россіи, находился въ постоянной перепискѣ съ заграничными іезуитами. Черезъ Гордона и его именемъ работали іезуиты и замѣстившіе ихъ духовные. Еще въ 1684 году, и конечно по внушенію іезуитовъ, Гордонъ подалъ просьбу о построеніи католическаго храма; къ этой просьбѣ собраны были подписи и другихъ католиковъ, жившихъ въ Москвѣ. Такъ выражались просители: «служимъ и работаемъ мы холопи вамъ, великимъ государямъ, многіе годы верою и правдою, и мы торговые люди по вашему великихъ государей милосердному изволенію живемъ и пошлину платимъ по вашему великихъ государей указу, а живемъ мы въ немецкой слободѣ, и мы холопи ваши на вашихъ великихъ государей службахъ въ разныхъ городѣхъ, а молитвенного дому и пастыра душамъ нашимъ у насъ нѣту; а которые, государи, иноземцы люторския и калвинския вѣры, и тѣ пастырей и молитвенныя мѣста имѣють, а намъ, государи, очищения в верѣ нету и оттово намъ чинитца великое вражжение

душамъ нашимъ» (1). Просьбу эту подкрѣпили находившіеся тогда въ Москвѣ цесарскіе послы Жировскій и Блумбергъ, требуя именемъ императора построенія въ Москвѣ костела (2). Государи посовѣтуются о томъ съ патріархомъ,—было отвѣтомъ. Но прошло два года, а разрѣшенія не дано; тогда императоръ письменно возобновилъ свою просьбу. Повторяя уже данное дозволеніе отправлять богослуженіе для католиковъ въ частномъ домѣ, правительство отказало въ постройкѣ церкви. Но цесарь все настаивалъ, требовалъ, чтобы церковь построена была съ колоколами, чтобы погребеніе умершихъ совершалось открыто, и чтобы это подтверждено было государями граматою за себя и своихъ наслѣдниковъ. Этого «и слышати не годитца, и костелы римскіе въ россійскомъ царствіи никогда не бывали и впредь тому быть невозможно». Въ такомъ же смыслѣ отвѣчалъ находившійся въ 1686 году въ Вѣнѣ посломъ бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Чтобы расположить его къ уступкамъ, цесарь обѣщалъ отдавать русскимъ посламъ отвѣтныя граматы изъ собственныхъ рукъ, но только въ такомъ случаѣ, когда государи дозволятъ построить въ Москвѣ костелъ съ колоколами, открыть іезуитскія школы, учредить католическія процессіи и открытое погребеніе умершихъ, и когда все это они подтвердятъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ граматою. Шереметевъ отвѣчалъ, что пребываніе ксендзовъ въ Москвѣ и отправленіе молитвъ по римскому обычаю въ домахъ позволено государями «по любви къ цесарю», а не

(1) Московск. арх. мин. ин. дѣлъ.
(2) Тамъ же.

по праву и понужденію, и потому всякое обязательство въ такомъ дѣлѣ было бы непристойно; отдавать же отвѣтныя граматы цесарь долженъ изъ своихъ рукъ, потому что и государи отдаютъ ихъ цесаревымъ посламъ изъ своихъ же рукъ. Происки іезуитовъ, раздраживъ и испугавъ православныхъ, сдѣлали правительство еще болѣе осторожнымъ относительно католическаго духовенства: трудно было ему достигнуть того, въ чемъ не успѣли іезуиты, живя въ Москвѣ, и самъ цесарь черезъ безпрерывныя посольства. Тогда они рѣшились дѣйствовать произвольно, но скрытно: сначала извѣстный іезуитскій агентъ Гваксоній построилъ деревянную каплицу въ Москвѣ, а потомъ, подъ предлогомъ порученія Гордона, велѣлъ вырыть подлѣ своего дома въ нѣмецкой слободѣ склепъ для погребенія семейства этого генерала, а надъ этимъ склепомъ сталъ возводить каменную церковь, торопя работниковъ окончаніемъ ея. Но прежде, чѣмъ она приведена была къ концу, православные жители догадались, донесли правительству. Посольскій приказъ послалъ докладъ государю, бывшему въ азовскомъ походѣ. Петръ извѣстилъ, что онъ никогда не разрѣшалъ эту постройку, велѣлъ остановить ее и распросить католическаго священника, кѣмъ онъ былъ на то уполномоченъ. Начались розыски. Католическое духовенство, зная вѣсъ, который Гордонъ имѣлъ при императорѣ Петрѣ, всю отвѣтственность сложило на него; Гваксоній отозвался, что постройка дѣлается по приказанію, чертежу и на счетъ Гордона, что онъ велѣлъ не жалѣть на то его денегъ, но что строеніе это только склепъ, «и надъ нимъ палата не для костельнаго дѣйствованія, и то строеніе не костелъ, а надъ погребомъ палата

сдѣлана для гулянья, а не для католицкой вѣры какова въ богомоліи дѣйствованія»; имѣлъ ли же Гордонъ на это разрѣшеніе государя, или отдалъ приказъ самъ собою, имъ не извѣстно. Въ дѣйствительности произошло это такимъ образомъ: въ 1694 году государь ѣхалъ съ Гордономъ на свадьбу къ одному иностранцу, бывшему въ русской службѣ; проѣзжали они по улицѣ, гдѣ католики положили уже сами собою выстроить костелъ; Гордонъ разговорился объ этомъ съ государемъ, тотъ не возражалъ, и Гордонъ истолковалъ это за полученное отъ государя разрѣшеніе (1). Вѣроятно Гордонъ прикрылъ произведенное о постройкѣ костела слѣдствіе, ибо дѣло это не имѣло никакихъ послѣдствій. Ксендзы, распорядившіеся произвольно постройкою, поспѣшили между тѣмъ прикрыть себя полученіемъ законнаго дозволенія, и подали просьбу государю, чтобъ католикамъ имѣть въ Москвѣ каменный костелъ (какъ будто его не начинали строить), «ради любви брата государева, православнаго христіанскаго великаго цесаря Леопольда», обѣщая за это побѣду надъ турками. Дѣло было забыто, постройка церкви прекращена, но послѣ католики потихоньку принялись за нее опять, и неизвѣстно, въ какомъ году выстроили себѣ церковь, которая и осталась. Посольскій приказъ сталъ распрашивать, и сынъ Гордона отвѣтилъ, что послѣ состоявшагося запрещенія достраивать церковь священники послали просьбу къ генералу Гордону подъ Азовъ, который и исходатайствовалъ позволеніе государя докончить постройку, но

(1) *Posselt*, Tagebuch des Generals Patrick Gordon. 2 B. S. 494. См. также стр. 444 того же тома.

было ли это разрѣшеніе письменное, или словесное, онъ не знаетъ и не помнитъ, потому что его тогда не было въ Москвѣ, церковные же документы отобраны при высылкѣ въ 1719 году священниковъ, потому въ церкви нѣтъ объ этомъ и слѣда. Такимъ образомъ, возникъ первый католическій храмъ въ Москвѣ, во имя св. Петра и Павла, существующій понынѣ въ первоначальной формѣ безъ значительнѣхъ измѣненій (1). Камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, сопровождавшій въ Россію герцога голштинскаго Карла-Фридриха, женившагося въ 1725 году на дочери Петра великаго, Аннѣ Петровнѣ, видѣлъ этотъ костелъ въ 1722 году, и оставилъ свидѣтельство, что церковь внутри хорошо отдѣлана, расписана и украшена, снабжена также весьма недурнымъ органомъ (2).

Вслѣдствіе переговоровъ съ императорскимъ посломъ Курцеемъ, оставленъ былъ въ Москвѣ на первое время находившійся при немъ доминиканинъ Блееръ, къ которому въ декабрѣ 1692 года присоединились присланные Курцеемъ миссіонеры—Лефflеръ и Ерошхъ. Руководителемъ ихъ былъ Гордонъ; онъ слѣдилъ за ихъ поведеніемъ и доводилъ до свѣдѣнія Курцея объ ихъ поступкахъ и дѣятельности, объ успѣхахъ, которые Блееръ дѣлаетъ въ русскомъ и славянскомъ языкахъ, объ осторожности миссіонеровъ; отъ имени всей московской общины благодарилъ Курцея за доставленіе миссіонеровъ, и даже прямо писалъ цесарю, что его покровитель-

---

(1) Москов. арх. мин. ин. дѣлъ.

(2) Дневникъ камеръ-юнкера *Берхгольца*, переводъ съ нѣмецкаго Аммона. Часть 2-я. Москва. 1858 г. стр. 158.

ству обязаны католики водворенiемъ и утвержденiемъ въ Москвѣ католицизма; однимъ словомъ, Гордонъ былъ главнымъ дѣятелемъ римско-католической пропаганды въ Россiи ([1]). Миссiонеры поселились на нѣмецкой слободѣ въ iезуитскомъ домѣ Гваксонiя, и противъ ожиданiя правительства начали дѣйствовать по примѣру iезуитовъ, но осторожнѣе, скрытнѣе и умѣреннѣе, завели училище, зачали пропаганду и, какъ мы видѣли выше, стали безъ спроса строить костелъ. Пять лѣтъ спустя присланы были съ цесарскимъ посланникомъ Гварлентомъ, на смѣну этихъ ксендзовъ, три священника, также изъ бѣлаго духовенства.

Есть извѣстiе, что въ 1698 году, вмѣстѣ съ иностранными техниками и военными, набранными Петромъ во время путешествiя его за границу, прибылъ въ Москву изъ Рима какой-то латынскiй епископъ ([2]),

---

([1]) *Posselt*, Tagebuch des Generals Patrick Gordon. 3 B. S. 307, 326, 346, 353.

([2]) Подъ iюлемъ мѣсяцемъ 1698 года *Желябужскiй* отмѣтилъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: «а на Москву въ тѣхъ же числѣхъ пришли изъ розныхъ государствъ нѣмцы гусары и и онженеры, всего ихъ пришло 700 человѣкъ. Да съ ними жъ пришолъ изъ Риму отъ папы римского митрополитъ; просился у нашего патрiарха, чтобъ ево велѣлъ пустить въ соборную апостольскую церковь. И святѣйшiй патрiархъ ево въ соборную апостольскую церковь пускать не велѣлъ... И тотъ римской митрополитъ говорилъ съ соборными протопопы и архидiаконы о вѣрѣ православной христiянской, и о законѣ, и о церквахъ, и о службахъ, чтобъ службы служить церковныя на однихъ опрѣснокахъ, а не такъ, какъ у насъ, и иные сказывалъ многiе прилоги: «я де самъ лучше вашего патрiарха». И такое развращенiе и мятежъ противъ ево словъ сказали святѣйшему патрiарху, и святѣйшiй патрiархъ велѣлъ ему говорить: за такой де мятежъ и прельщенiе церквамъ не подобаетъ тебѣ быть въ московскомъ государствѣ; за такимъ де мятежемъ не велитъ

и что уже въ первыхъ годахъ XVIII вѣка капуцины поселились въ Москвѣ и будто бы устроили тамъ монастырь; это послѣднее свѣдѣніе, находящееся только въ римскихъ источникахъ ([1]), мы почитаемъ невѣрнымъ, такъ какъ въ русскихъ государственныхъ актахъ не сохранилось никакого слѣда объ этомъ фактѣ, и въ послѣдующемъ изложеніи увидимъ, что гораздо позже капуцины высланы были изъ-за границы, значитъ прежде въ Москвѣ ихъ не было.

Іезуиты однако не переставали дѣлать свое дѣло. Подъ именемъ свѣтскихъ священниковъ и въ одеждѣ бѣлаго духовенства, они потихоньку пробирались въ Россію, подъ предлогомъ проѣзда въ Индію и Персію, а преимущественно подъ покровительствомъ императорскихъ пословъ, при которыхъ состояли духовниками, и съ рекомендательными письмами отъ римскаго императора. Вначалѣ невѣдѣніе, а потомъ желаніе сохранить дружественныя сношенія съ вѣнскимъ дворомъ обезпечили пребываніе іезуитовъ въ Россіи. Они получали отъ цесаря на содержаніе по 800 р. ежегодно ([2]). Московскій костелъ ихъ былъ очень хорошъ; проповѣди говорили они понѣмецки и попольски; хотя всѣмъ католическимъ духовнымъ дозволялось носить ихъ священническія и монашескія одѣянія, но іезуиты одѣвались въ Петер-

---

тебе святѣйшій патріархъ и въ Кремль пускать, не токмо что по церквамъ; ты де сталъ соборной восточной апостольской церкви противникъ, а народу мятежникъ». (Записки *Желябужскаго* съ 1682 по 2-е іюля 1709 г. Спб. 1840 г. стр. 123).

([1]) Въ проэктѣ папской граматы отъ Климента XI къ императору Петру, которую предполагалось отправить въ 1707 году съ княземъ Куракинымъ.

([2]) Дневникъ камеръ-юнкера *Берхгольца*. Часть 2-я, стр. 158.

бургѣ въ обыкновенное штатское платье, а въ Москвѣ какъ свѣтскіе священники ([1]). Пріобрѣвъ снова нѣкоторую осѣдлость, и когда правительство свыклось уже съ мыслію, что они опять въ Москвѣ, іезуиты сбросили съ себя маску, учредили опять училище ([2]) и начали открыто принимать въ него русскихъ дѣтей изъ лучшихъ фамилій, уговоривъ посольскій приказъ помѣщать въ эту школу приготовлявшихся для дипломатической службы мальчиковъ; для изученія будто бы языковъ латынскаго и нѣмецкаго; въ 1707 году въ іезуитской школѣ было уже 50 русскихъ дѣтей ([3]). Пропаганда пошла своимъ чередомъ: нѣкоторыхъ русскихъ дѣтей іезуиты успѣли даже отправить въ Римъ; такъ напримѣръ Ладыженскій, подготовленный московскими іезуитами, вступилъ въ Римѣ въ

([1]) Акты *Тургенева*. т. 2. стр. 339—340.

([2]) См. приложеніе 5-е.

([3]) Въ 1707 году іезуитъ Броджіо, обозрѣвавшій успѣхи латынской пропаганды въ Россіи, доносилъ, между прочимъ, римскому двору: «Interim patribus missionariis e Societate Jesu Moscuae degentibus id unice cordi est, ut juventutem selectissimam principum et nobilium Moschorum (quorum hactenus quinquaginta circiter privatas scholas nostras constanter frequentabant) deinceps in publico gymnasio erudiant litteris et artibus liberalibus, qui nobilissimi juvenes, extincta suo tempore rudium parentum suorum vita, in latinitate eruditi, et bono affectu, quem nunc inbibunt, ducti, facile dein libros in terras suas invehi patientur, e quibus salubriter illuminati, saniora profecto in salutis negotio consilia atque magis stabili cum animo sunt suscepturi. Unicum proinde atque ardentissimum pp. missionarium votum est, ut Beatissimus Pater suam sanctissimam benedictionem huic saluberrimae missioni impartiri dignetur, qua adjuti haec spinosa vinea tanto fructuosius excolatur, errantesque tot vastissimarum regionum oviculae ad verum Christi ovile tandem felicissime reducantur». (*Theiner*, Monuments historiques de Russie. p. 409).

ихъ орденъ ([1]), и іезуиты хлопотали получить для себя принадлежавшее ему въ Россіи имѣніе. Но они сдѣлали болѣе прозелитовъ въ среднемъ кругу. Тоже отношеніе сохранили іезуиты и къ вѣнскому кабинету: они остались его шпіонами. Наиболѣе замѣчательный и дѣятельный изъ нихъ былъ Енгель, присланный въ Петербургъ въ 1715 году инфлятскимъ римско-католическимъ епископомъ Шембекомъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ государственному канцлеру графу Головкину. Ему усердно помогали прибывшій въ томъ же году іезуитъ Байеръ и остававшійся въ Москвѣ Миланъ. Правительство, уже знавшее близко этотъ орденъ, не могло не знать объ его дѣйствіяхъ, но, въ угоду вѣнскому двору, смотрѣло на нихъ какъ-бы сквозь пальцы, пока не измѣнились политическія отношенія съ императоромъ римскимъ. Укрывательство царевичи Алексѣя въ Австріи, затрудненія въ выдачѣ его разгнѣванному отцу охладили и даже пресѣкли сношенія обоихъ правительствъ. Императорскій посолъ Блееръ, подозрѣваемый въ интригахъ въ пользу царевича и противъ государя, долженъ былъ выѣхать изъ Россіи; но императоръ Петръ, не высылая его самъ, просилъ вѣнскій дворъ отозвать его, и когда онъ получилъ отъ своего кабинета предписаніе прибыть въ Вѣну, то ему дозволено было послѣ того пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ. Съ своей стороны, цесарь не нашелъ нужнымъ отвѣчать тою же учтивостью: онъ предложилъ русскому послу Ве-

([1]) Въ 1710 году онъ отпущенъ былъ за границу «для обученія всякихъ наукъ», и до 1736 года проживалъ въ Польшѣ. См. о немъ дѣла св. Синода: 1710 г. № 68; 1736 г. № 220; 1742 г. № 478.

селовскому выѣхать черезъ недѣлю изъ австрійскихъ владѣній, не давъ ему времени ни увѣдомить свое правительство, ни собраться приличнымъ образомъ въ путь, и выслалъ кромѣ того русскаго агента по коммерческимъ дѣламъ, не принимавшаго никакого участія въ политикѣ. Желая отвѣтить тѣмъ же цесарю, Петръ повелѣлъ декларацiею 17 апрѣля 1719 года выслать изъ Россіи іезуитовъ, столь ревностно покровительствуемыхъ германскимъ императоромъ.

Іезуиты предупреждены были во время: еще въ январѣ 1719 года они получили предписаніе своего провинціала прекратить корреспонденцію и вести переписку только черезъ агентовъ австрійскаго правительства; поэтому успѣли уничтожить всѣ подозрительныя письма. Только 25 апрѣля іезуитъ Енгель приглашенъ былъ къ графу Головкину и Шафирову и освидѣтельствованы его бумаги; въ нихъ, разумѣется, ничего важнаго уже не нашли. Распоряженія высылкою іезуитовъ предоставлены были императоромъ тому самому Румянцеву, который вывезъ изъ Австріи царевича Алексѣя. На приготовленіе къ дорогѣ дано было четыре дня со времени объявленія указа; имъ дозволено было брать подводъ сколько пожелаютъ; капитанъ бѣлозерскаго полка провожалъ ихъ до границы. Одинъ экземпляръ декларацiи 17 апрѣля прибитъ былъ къ стѣнѣ московскаго костела, другой отданъ іезуитамъ, а третій свѣтскимъ римско-католическимъ священникамъ, бывшимъ въ Россіи. Кромѣ того, эта декларація разослана была ко всѣмъ дворамъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ англійскій, признали, что распоряженія Петра отно-

сительно вѣнскаго кабинета правильны и справедливы ([1]).

Итакъ въ теченіе тридцати лѣтъ дважды успѣли іезуиты пробраться въ Россію и дважды были изъ нея изгнаны, но по совершенно различнымъ видамъ и побужденіямъ. Въ первый разъ вооружилось противъ нихъ оскорбленное прозелитизмомъ православіе и выслалъ ихъ не царь, а патріархъ; во второй разъ уже не слышно болѣе голоса православной Церкви, и іезуиты удалены не какъ враги господствующей вѣры, совратители ея чадъ, а какъ орденъ, покровительствуемый цесаремъ,—они принесены въ жертву политикѣ ([2]). Разительная противоположность между древнею и новою Россіею, между правительствомъ, проникнутымъ прародительскою религіозностію, и правленіемъ, основаннымъ на новыхъ европейскихъ началахъ!

Въ царствованіе Петра I католики получили полную свободу богослуженія какъ въ столицахъ, такъ и во всемъ государствѣ, и строили костелы. Пользуясь союзомъ Петра съ польскимъ королемъ Августомъ II, католическое духовенство поспѣшило получить письменное подтвержденіе этихъ привиллегій. Это было преимущественно дѣломъ іезуита, духов-

---

([1]) Моск. арх. м. и. д. См. также Полн. собр. зак. т. V, № 3356.

([2]) 26 апрѣля 1719 г. адмиралъ Змаевичь писалъ брату своему, архіепископу зарскому: «S. M. Czarea nostro augustissimo monarca è devenuto l'altro giorno in risoluzione di ordinar la partenza dei giesuiti da quest' imperio, veramente non per alcuna loro colpa, ma solo per esser stati dipendenti dell' imperatore de' Romani, et a di lui recommandazione introdotti in questo stato». (*Theiner*, Monuments historiques de Russie. p. 517.)

ника короля польскаго. Въ 1704 году, когда императоръ Петръ, идя войною противъ Карла XII, стоялъ съ своимъ войскомъ у Нарвы, явился къ нему польскій посолъ Дзялинскій, воевода хелмскій, съ предложеніемъ выдать актъ въ пользу живущихъ въ Россіи католиковъ. Актъ этотъ, состоявшійся въ Гроднѣ 12 декабря 1705 года, заключаетъ въ себѣ обѣщаніе государя, что онъ «управленія и употребленія вѣры католической на столицѣ и повсюду въ государствахъ своихъ не запрещаетъ и запрещати не будетъ; также и свободное костеловъ каменное строеніе охотно его царское величество позволяетъ, *для лутчей къ себѣ всей Рѣчи посполитой склонности*». Кромѣ столицъ, было довольно католиковъ въ Тулѣ, Казани, Архангельскѣ, Астрахани, Азовѣ, и въ этихъ городахъ отправлялось католическое богослуженіе. Первый костелъ выстроенъ былъ, какъ мы видѣли, въ Москвѣ; позже также, какъ и московскій, безъ разрѣшенія правительства, построены были еще два: одинъ въ Петербургѣ, а другой въ 1721 году въ Астрахани. Здѣсь избранъ былъ пунктъ для латынской пропаганды на востокѣ и совращенія армянъ. Подъ предлогомъ проѣзда въ Азію, пріѣзжали сюда почти ежегодно черезъ Россію католическіе духовные, которые и построили тамъ костелъ какъ-бы для торговыхъ людей разныхъ европейскихъ націй, остающихся въ Астрахани, но въ дѣйствительности, какъ будетъ видно ниже, для прозелитизма, направленнаго противъ армянскаго народонаселенія. «Въ Астрахани, писалъ въ 1716 году іезуитъ Миланъ къ Енгелю, никакого дѣла для капуциновъ, кромѣ армянъ, нѣтъ», и сомнѣвался даже, чтобы русское правительство стало терпѣть·

тамъ католическихъ духовныхъ. Между тѣмъ, капуцины жили въ Астрахани совершенно свободно, и ходили по городу въ монашескомъ своемъ одѣяніи (1). Ксендзы находились не только при церквахъ, но и въ домахъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ иноземцевъ-католиковъ въ Петербургѣ: у контръ-адмирала Змаевича (2) жилъ францисканъ изъ Турина; для домовой каплицы графа Растрели выписанъ былъ священникъ изъ Парижа. Другіе патеры жили въ качествѣ воспитателей дѣтей у петербургскихъ иностранцевъ.

Смѣшанные браки положительно разрѣшены были св. Синодомъ въ посланіи къ православнымъ 1721 года, съ условіемъ, чтобы передъ вступленіемъ въ бракъ иновѣрцы обязывались подпискою, что не будутъ обращать въ свою вѣру православныхъ супруговъ, и что всѣ дѣти, въ этихъ бракахъ рожденные, будутъ креститься въ вѣру православную (3).

(1) Акты *Тургенева.* т. 2. стр. 340.

(2) Змаевичъ, братъ архіепископа зарскаго, съ которымъ былъ въ сношеніяхъ Шафировъ, былъ какъ-бы наслѣдникомъ Гордона по руководству латынскою пропагандою въ Россіи, и переписывался по этому предмету непосредственно съ папою. Въ 1714 году онъ писалъ папѣ: «Ho avuto emolare l'esempio di monsign. fratello con promuovere la christiana pietà in questi paesi con fabbrica di chiesa, e con stabilimento di sacerdoti latini nella città di Peterburgo, residenza al presente della corte, arsenale dell' armata, e emporio di tutta la Moscovia, e se ho operato fin hora col solo istinto della mia devotione verso la santa religione cattolica Romana, operarò nell' avvenire anche per motivo della più riverente gratitudine alle magnanime beneficenze della Santtà vostra verso la mia persona e famiglia». (Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michailowitch, Féodor III et Pierre le grand, czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par *Augustin Theiner*. Rome. 1859. p. 468).

(3) Полн. собр. зак. т. VI, № 3814.

Послѣ вторичнаго изгнанія іезуитовъ, призваны были на ихъ мѣсто капуцины изъ Рима и Швейцаріи: шесть человѣкъ римскихъ капуциновъ, прибывшіе въ 1720 году, опредѣлены были къ петербургскому костелу, а пріѣхавшіе въ томъ же году четыре капуцина изъ Швейцаріи къ московской католической церкви; въ Астрахани священническія мѣста еще прежде замѣщены были капуцинами. Патрицій, родомъ изъ Милана, былъ передъ этимъ начальникомъ капуциновъ (superieur) въ Астрахани. Священники всѣхъ этихъ трехъ городовъ подчинены были суперіору изъ того же ордена, Патрицію, находившемуся при петербургскомъ костелѣ. Съ перваго шага капуцины встрѣтили противодѣйствіе отъ своихъ же собратій: узнавъ объ изгнаніи іезуитовъ, папа, не ожидая распоряженій русскаго правительства, отправилъ на ихъ мѣсто францисканъ, назначивъ надъ ними суперіоромъ возвращавшагося изъ втораго путешествія въ Персію черезъ Россію патера Доледжіо. Нужно замѣтить, что послѣ перваго своего путешествія въ Персію Доледжіо былъ въ 1718 г. проѣздомъ въ Петербургѣ, имѣлъ аудіенцію у императора, очень понравился Петру, который, быть можетъ, думалъ употребить его въ своихъ видахъ въ Азіи; по просьбѣ Петра, папа послалъ его во второй разъ въ Персію [1]. Вѣроятно это обстоятельство и возбудило увѣренность во францисканахъ завладѣть латынскими церквами въ Россіи.—Прибывъ въ Петербургъ и опираясь на повелѣніе папы, францискане хотѣли оттѣснить капуциновъ отъ петербургскаго костела. Католическое общество раздѣли-

(1) *Theiner*, Monuments historiques de Russie. p. 504 et 518.

лось на двѣ партіи: католическую и папистскую. Желаніе первой было отправлять просто богослуженіе, какъ слѣдуетъ настоящимъ католикамъ; вторая стремилась къ утвержденію полной подчиненности Риму. Представители ея говорили: «намъ католикамъ другихъ священниковъ, которые не учреждены отъ папы и римскаго собора, содержать безъ вреды нашихъ совестей невозможно, того ради желаемъ по пристоинству быть послушны декретамъ нашей церкве безъ всякой отговорки». Въ сентябрѣ 1720 года настоятель Патрицій подалъ государю просьбу, въ которой жаловался на своихъ единовѣрцевъ, старающихся удалить его отъ петербургской церкви, на томъ основаніи, что онъ не довольно ученъ. «Правда, всещедрѣйшій монархъ», писалъ Патрицій, «что я всегда со смиреніемъ и безъ далныхъ наукъ подвизался монашеское мое житіе содержать, разсуждая, что оному и не довлѣютъ лишные мудрости, но болше жъ радѣтелное отправление церковныхъ таинствъ и уединение въ своей келіи». Въ тотъ же день П. А. Толстой объявилъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ волю государя, чтобы выдала указъ объ оставленіи по прежнему Патриція и капуциновъ при костелѣ, и чтобы никто изъ католиковъ не смѣлъ имъ мѣшать и стращать изгнаніемъ изъ Россіи. Ошибочно, впрочемъ, было бы думать, что капуцины вовсе отказались отъ главнаго характера всякаго латынскаго монашескаго ордена: папизма и пропаганды; нѣтъ, и они были агентами папства и орудіями латынской пропаганды въ Россіи, но дѣйствовали болѣе осмотрительно: доносили папѣ о своихъ успѣхахъ, но потихоньку: въ два года имъ

удалось совратить 25 человѣкъ (¹). И они, какъ всѣ римскіе фанатики, мечтали о соединеніи церквей, и столь же наивно, какъ и другіе ихъ собратія, приписывали неуспѣхъ однимъ проискамъ и недоброжелательству вліятельныхъ въ то время нѣмцевъ лютеранъ. Указъ въ пользу капуциновъ состоялся 14 сентября. На другой же день францисканскій суперіоръ Доледжіо подалъ жалобу съ своей стороны, доказывая права францискановъ быть при петербургскомъ костелѣ и объясняя пользу, которую имѣли бы отъ того католики, слушая проповѣди на разныхъ извѣстныхъ францисканамъ языкахъ, именно: на итальянскомъ, польскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Просьба эта оставлена была безъ вниманія. Генералъ капуцинскаго ордена написалъ изъ Рима благодарственное письмо императору за всѣ оказанныя имъ капуцинамъ милости. Но Патрицій поплатился за успѣхъ. Францискане обжаловали его въ Римѣ, и конгрегація послала ему строгій выговоръ, или, какъ выражено въ современномъ переводѣ, «писмо весма жестокихъ терминахъ, въ которомъ безъ пощадѣния оная конгрегация на меня гнѣвается, по оклеветанію моихъ неприятѣлей, отсюды на мене ложно клевещущихъ». Въ страхѣ, и желая оправдаться, Патрицій взялъ свидѣтельство отъ прихожанъ въ свою пользу и принесъ его въ коллегію для приложенія казенной печати, «для большей вѣрности, какъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно водится».

(¹) «Il numero delle prediche fatte in S. Petersburgo e nella città di Mosca da' nostri missionarii ascende a 400, le catechesi a 200, e le conversione a 25 nel breve spazio di due anni». (*Theiner*, Monuments historiques de Russie. Rome. 1859. p. 540).

Защита Рима не помогла, а повредила францисканамъ. Въ 1721 году случайно были перехвачены и представлены, мимо коллегіи, въ Святѣйшій Синодъ двѣ граматы, посланныя францисканамъ отъ папы и римской конгрегаціи, въ которыхъ, увѣдомляя ихъ о принятыхъ мѣрахъ къ удаленію изъ Россіи капуциновъ, имъ предписывалось вмѣстѣ всячески распространять въ Россіи римскій католицизмъ. Синодъ, въ противоположность прежнихъ патріарховъ, не только не имѣвшій никакого участія въ дѣлахъ иновѣрцевъ, но не получавшій даже ни малѣйшихъ свѣдѣній о нихъ, ужаснулся этой новости, и довелъ о ней до свѣдѣнія государя въ такихъ выраженіяхъ: въ Петербургѣ «всѣ дѣла о мирѣ и войнѣ управляются; того де ради безъ сумнѣнія разсуждается, что францисканы папскіе шпіоны; совѣты же папы такъ безчеловѣчные, злочестивые и святотатскіе иногда бываютъ, что и о убійствѣ императоровъ замышляются и чрезъ такихъ его законниковъ въ дѣйство производятся, какъ и отъ исторіи можно видѣть». По прошенію Синода, государь приказалъ коллегіи развѣдать о францисканахъ, «дабы цѣлость вѣры и государства безвредна была соблюдена», и увѣдомить Синодъ, сколько католиковъ проживаетъ въ Россіи, и въ какихъ городахъ, извѣщая его ежегодно о пріѣзжающихъ въ Россію духовныхъ; а въ частныхъ домахъ не иначе держать духовныхъ особъ иновѣрныхъ исповѣданій, какъ съ разрѣшенія Синода (1). Не смотря на это, францискане остались и продолжали интриговать противъ капуциновъ, до тѣхъ поръ, пока одержали надъ ними верхъ. Имъ

(1) Полн. собр. зак. т. VI, № 3963.

покровительствовалъ руководившій въ то время русскими римско-католиками адмиралъ Змаевичъ; только что выгнаны были іезуиты, онъ задумалъ замѣстить ихъ францисканами, и преимущественно изъ славянскихъ странъ, которые могли бы проповѣдывать пославянски, разумѣется, для того, чтобы русскіе понимали ихъ проповѣдь и совращались тѣмъ удобнѣе въ латынство [1]. Указомъ 7 февраля 1724 года повелѣно было передать петербургскій костелъ на четыре года францисканамъ, которыхъ назначалось при немъ четыре человѣка, подъ начальствомъ суперіора, капуцины же вовсе удалялись отъ этой церкви. Вручая костелъ францисканамъ, правительство приняло мнимую предосторожность, чтобы они называли себя парохами или *кураторами душъ*, а не миссіонерами, «для того», какъ объяснялось имъ, «что вы для свободнаго отправленія службы исповѣданія своего всемилостивѣйшими Его Императорскаго Величества привилегіями позволеннаго римско-католикамъ въ Россію призваны и присланы быть были должны, а не для новой какой проповѣди». Едвали францискане успѣли воспользоваться своею побѣдою. Принадлежавшій къ антипапичной партіи французскій посолъ Кампредонъ отстоялъ капуциновъ: 4-го мая того же года имъ снова разрѣшено было остаться при костелѣ, на время.—Вражда двухъ католическихъ орденовъ, непріятная для прихожанъ, была столько же непріятна и утомительна для правитель-

---

([2]) 26 апрѣля 1719 года Змаевичъ писалъ своему брату, архіепископу зарскому: «Sono intenzionato di proponere alla communità di cattolici di ricercar Franciscani, frà quali se vi fosse qualche Slavo, non sarebbe che sommamente bene e di gran avantaggio». (*Theiner*, Monuments historiques de Russie. p. 518).

ства: францискане и капуцины заискивали протекціи чужестранныхъ министровъ, мѣшались въ дѣла для нихъ постороннія и надоѣдали коллегіи. Чтобы положить конецъ междоусобицѣ, предложено было въ ноябрѣ 1724 г. какъ капуцинамъ, такъ и францисканамъ выѣхать изъ Россіи ([1]). На мѣсто ихъ положено было призвать доминиканъ, на томъ основаніи, будто бы «орденъ ихъ не допущаетъ въ свѣцкіе дѣла мѣшаться», а преимущественно для того, чтобы сдѣлать любезность папѣ, бывшему въ доминиканскомъ орденѣ. Получивъ по ништатскому миру право заботиться о духовномъ благосостояніи православныхъ въ Польшѣ, императоръ Петръ нуждался въ папѣ, чтобы уменьшить уніятскія гоненія; всѣмъ этимъ соображеніямъ обязаны доминикане водвореніемъ своимъ въ Петербургѣ. До пріѣзда ихъ, оставлены при церкви два францискана, по выбору общества, обязывавшагося поручиться за то, что они будутъ жить спокойно, не затѣвать споровъ, и особенно не мѣшаться въ свѣтскія дѣла; иначе они будутъ высланы и до пріѣзда доминиканъ ([2]).

Переходя къ сношеніямъ русскаго правительства съ римскимъ дворомъ, мы должны замѣтить, что во время совокупнаго царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей прямыхъ сношеній съ Римомъ не было, но были неоднократно возобновляемы переговоры о взаимныхъ титулахъ, черезъ посредство цесарскихъ посланниковъ, пріѣзжавшихъ въ Россію.

([1]) Подробности распрей капуциновъ съ францисканами см. въ дѣлахъ Св. Синода: 1721 г. №№ 235, 236, 237 и 238; 1722 г. № 241; 1723 г. №№ 352 и 353; 1724 г. №№ 263 и 267; 1725 г. №№ 200 и 291.

([2]) Моск. а. м. и. д.

Въ 1684-мъ году отправленный императоромъ въ Персію Себастіанъ Кнабе, архіепископъ наксиванскій, проѣзжая чрезъ Россію, былъ въ Москвѣ, видѣлся съ Менезіусомъ, и въ государственномъ посольскомъ приказѣ говорилъ и подалъ на письмѣ, что папа Иннокентій XI желаетъ возобновить сношенія съ государями, которыя прекратились отъ затрудненій въ титулахъ; что ему положительно извѣстно, что папа согласенъ писать полный титулъ къ государямъ, но съ тѣмъ, чтобъ и государи не отказались давать папѣ настоящій его титулъ; что онъ проситъ посольскій приказъ дать ему письменно образецъ полнаго титула государей, дабы онъ могъ отправить его въ Краковъ къ папскому посланнику и въ Римъ къ кардиналу Цибѣ. Архіепископу наксиванскому отвѣчали, что русское правительство согласно возобновить сношенія съ римскимъ дворомъ, но чтобы папа прислалъ для этого своего особаго уполномоченнаго посланника, какъ это было обѣщано Менезіусу при отъѣздѣ его изъ Рима, но доселѣ еще не исполнено, и чтобы въ граматѣ, которая съ нимъ будетъ отправлена, титулы государевы были написаны полные, безъ малѣйшей убавки, такъ точно, какъ они сами себя въ своихъ граматахъ именуютъ; послѣ этого и государи отправятъ своего уполномоченнаго съ граматою въ Римъ. При этомъ сообщены были архіепископу и образцы, какъ долженъ папа писать титулы государей и какъ государи будутъ писать папскій титулъ: первый написанъ былъ обыкновенный большой, а послѣдній такъ, какъ онъ писанъ былъ въ граматѣ царя Алексѣя Михаиловича. По прочтеніи образцовъ, архіепископъ возвратилъ ихъ въ посольскій приказъ, и

объявилъ, что ежели государи не согласятся писать папѣ: «Святѣйшему великому господину и отцу», то онъ не можетъ принять образцовъ; въ этомъ ему было отказано, и архіепископъ отпущенъ въ Персію (1). Послѣ его отъѣзда, находившійся въ Москвѣ цесарскій посолъ Янъ Христофоръ Жировскій возобновилъ переговоры; русское правительство соглашалось давать папѣ такой титулъ: «Честнѣйшему и избраннѣйшему господину Иннокентію XI, папѣ и пастырю римскаго костела, достойнѣйшему»; но и тутъ не сошлись, и Жировскій оставилъ Москву, не покончивъ этого дѣла.

Въ 1685 году пріѣхалъ въ Москву изъ Вѣны ксендзъ Албертъ Дебоа, состоявшій при цесарскомъ гонцѣ Курцеѣ, съ граматою папы, въ которой дѣлалось предложеніе о союзѣ противъ турокъ и о возстановленіи сношеній съ римскимъ дворомъ, для чего слѣдовало разрѣшить происшедшія затрудненія относительно титуловъ. Хотя грамату папы привезъ Дебоа, но какъ посредникомъ между обоими дворами былъ цесарь, то въ переговоры съ посольскимъ приказомъ вступилъ Курцей. Онъ объявилъ, что, по желанію императора, папа написалъ въ своей граматѣ полный титулъ государей, но что цесарь не велѣлъ эту грамату отдавать прежде, чѣмъ русскіе государи обяжутся писать папѣ также настоящій его титулъ; но какъ для переговоровъ нужно было знать точное содержаніе этого акта, то Курцей выдалъ съ него копію. Посольскій приказъ нашелъ,

(1) Моск. арх. — Донесеніе объ этомъ архіепископа нахичеванскаго помѣщено у *Тейнера*, Monuments historiques de Russie. Rome. 1859. p. 278.

что титулъ царскій не совсѣмъ полонъ, а что папѣ русское правительство можетъ предоставить тотъ титулъ, который былъ уже сообщенъ прежнему цесарскому послу Жировскому, а никакъ не бо́льшій, какъ бывало во времена царя Іоанна Васильевича, ибо съ тѣхъ поръ учреждено въ Россіи патріаршество. Курцей далъ подписку, что папа будетъ довольствоваться предлагаемымъ для него титуломъ, а государей будетъ титуловать какъ они желаютъ, послѣ чего представилъ подлинную папскую грамату. Оказалось, что прежде выданная имъ копія не соотвѣтствовала съ оригиналомъ, что въ семъ послѣднемъ царскій титулъ былъ значительно уменьшенъ, а поэтому и приготовленная отвѣтная грамата папѣ была отложена, и Курцей отпущенъ былъ безъ граматы. Такимъ образомъ, вопросъ о титулахъ и связанный съ нимъ гораздо болѣе важный вопросъ о возобновленіи прямыхъ сношеній русскаго правительства съ римскимъ дворомъ остались неразрѣшенными, но посредственныя сношенія по временамъ продолжались.

Въ царствовованіе императора Петра I отправлено было въ 1697 году посольство къ папѣ Иннокентію XII, съ цѣлію возобновить сношенія и составить союзъ противъ турокъ. Посольство это состояло изъ генераловъ Лефорта и Головкина и думнаго дьяка Возницына; но, по обстоятельствамъ, посольство это возвратилось въ Россію, не доѣхавъ до Рима.

Въ томъ же 1697 году императоръ Петръ поручилъ отправившемуся путешествовать въ Италію фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву осмотрѣть устройство морскихъ ополченій кавалеровъ

*

Мальтійскаго ордена, и такъ какъ онъ намѣрсвался побывать въ Римѣ, то далъ ему рекомендательное письмо къ папѣ, безъ всякаго впрочемъ оффиціальнаго порученія. Въ Римъ влекли его особенное почтеніе къ св. апостоламъ Петру и Павлу и обѣтъ, данный во время войны съ турками, поклониться ихъ мощамъ. Въ сопровожденіи двухъ своихъ братьевъ и одиннадцати человѣкъ свиты, Шереметевъ прибылъ въ Римъ 21 марта 1698 года, и былъ принятъ съ особеннымъ почетомъ. Набожность фельдмаршала, благоговѣніе его къ нѣкоторымъ святынямъ, находящимся въ Римѣ, заключеніе союза съ Польшею противъ турокъ, устроенное имъ, наконецъ его побѣды противъ враговъ христіанства,—все это располагало къ нему папу и римскій дворъ. Не смотря на то, что въ царской граматѣ папа титулованъ былъ по прежнему «учителемъ римской церкви», Иннокентій XII взялъ ее самъ изъ рукъ Шереметева; фельдмаршалу дозволено быть на аудіенціи съ шляпою въ рукахъ и со шпагою, его не принуждали цѣловать папскую ногу, наконецъ папа одарилъ его разными образами и подарками, а отъ него принялъ также подарки, состоявшіе изъ русскихъ дорогихъ мѣховъ. Пробывъ недѣли двѣ въ Римѣ, Шереметевъ отправился въ Мальту, а оттуда пріѣхалъ опять на три недѣли въ Римъ, гдѣ получилъ отвѣтную грамату папы къ государю и въ слѣдующемъ 1699 году возвратился въ Россію.—Во время пребыванія этого боярина въ Римѣ, іезуиты, видя чрезвычайную его набожность и заключая отсюда о возможности совратить его въ р. католицизмъ, оказывали ему всякое уваженіе, льстили и обманывали. Чтобы угодить ему, какъ воину, они преобра-

зили свою римскую академію въ фехтовальную залу и въ циркъ, гдѣ заставили своихъ воспитанниковъ представлять сраженія героевъ древности, исполнять военныя экзерциціи пѣшкомъ и на деревянныхъ лошадяхъ. Одинъ іезуитъ писалъ о Шереметевѣ такъ: «онъ, очевидно, весьма близокъ къ царствію Божію и къ обращенію, которое сдѣлало бы его апостоломъ для Московіи; но эти вещи должны сохраняться въ тайнѣ; остается желать, чтобы знающій славянскій языкъ патеръ почаще видѣлся съ нимъ и бесѣдовалъ о богоугодныхъ предметахъ». Но іезуиты остались только при своихъ хлопотахъ и надеждахъ.—Въ 1701 году князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ также путешествовалъ въ Римъ по обѣщанію (ex voto).

Благосклонный пріемъ папою фельдмаршала Шереметева далъ надежды ультрамонтанамъ видѣть въ скоромъ времени въ Римѣ самого царя; въ іюлѣ 1698 года Петръ былъ въ Вѣнѣ, для убѣжденія цесаря продолжать войну противъ турокъ, и собирался проѣхать оттуда въ Венецію. Папскіе нунціи, слѣдившіе за каждымъ его шагомъ съ самаго выѣзда изъ Голландіи, утѣшали себя мыслію, что онъ проѣдетъ инкогнито въ Римъ и тамъ непремѣнно присоединится къ римской церкви (1). Стрѣлецкій бунтъ измѣнилъ маршрутъ, и царь, черезъ Польшу, вернулся въ Москву.

Ультрамонтаны нагоняли царя на пути въ его столицу. Узнавъ, что онъ остановится въ Замостьѣ, папскій нунцій въ Варшавѣ заставилъ пригласить себя на царскій обѣдъ. Сначала онъ обратился было

---

(1) *Theiner,* Monuments historiques de Russie. p. 374 et 377.

къ Лефорту съ разными требованіями въ пользу римско-католиковъ, но этотъ «жаркій кальвинистъ, женевскій уроженецъ» (такъ онъ его характеризуетъ), отклонилъ разговоръ, сказавъ, что іезуитамъ не дозволятъ пріѣхать въ Россію. Тогда нунцій упросилъ графиню Замойскую доставить ему возможность лично объясниться, послѣ обѣда, съ Петромъ, что̀ и было устроено. Царь возобновилъ обѣщаніе дозволить латынскимъ миссіонерамъ, отправляющимся въ Китай, проѣзжать черезъ Россію и доставлять имъ пособіе на пути; нунцій попросилъ было письменное на это подтвержденіе, но въ этомъ царь отказалъ. Таковъ былъ единственный результатъ свиданія и переговоровъ. Въ Равѣ, гдѣ царь провелъ нѣсколько дней съ королемъ польскимъ, представлялся ему знакомый іезуитъ Вота, одинъ изъ первыхъ и главныхъ сѣятелей іезуитизма въ Москвѣ. Въ Брестѣ греко-уніатскій митрополитъ Залевскій простеръ слишкомъ далеко свою ревность къ римскому католицизму: онъ сталъ поносить передъ Петромъ православную Церковь. Царь отвѣтилъ ему: «я уважаю добрыхъ католиковъ; но людей такихъ дерзкихъ, какъ вы, бью батогами и вѣшаю» [1]. Итакъ, начиная съ Голландіи черезъ Вѣну и Польшу, почти до самыхъ границъ Россіи, ультрамонтаны преслѣдовали Петра, и остались, какъ и всегда, при однихъ несбыточныхъ своихъ надеждахъ.

Но надежды эти не угасали. Въ 1702 и 1703 гг. папскіе нунціи въ Вѣнѣ и Польшѣ хлопотали о томъ, чтобы послать двухъ пропагандистовъ въ Москву для непосредственныхъ объясненій съ Петромъ

(1) *Theiner*. p. 379—383.

о соединеніи церквей; одного изъ нихъ, доминиканина Августина Левези, они представили русскому послу въ Вѣнѣ князю Голицыну, который и бесѣдовалъ съ нимъ о вѣрѣ. Лучшимъ средствомъ склоненія Россіи къ Риму они находили бракъ царевича Алексѣя Петровича съ одною изъ эрцгерцогинь австрійскихъ (1).

Неудачная въ началѣ война Петра противъ шведовъ дала шведскому королю Карлу XII возможность вторгнуться въ Польшу, лишить престола короля Августа, союзника Петра, и возвести на его мѣсто преданнаго ему воеводу познанскаго, Станислава Лещинскаго; это раздѣлило Польшу на двѣ партіи: одна, покоряясь побѣдителю, признала королемъ Станислава, другая, желавшая сохраненія своихъ политическихъ правъ, осталась вѣрною Августу и даже послѣ его отреченія не соглашалась признать Станислава, но хотѣла приступить къ избранію новаго короля. Императоръ Петръ, поддерживая противодѣйствія поляковъ Станиславу, искалъ себѣ союзниковъ противъ шведскаго короля, и при этомъ весьма естественно остановился на римскомъ дворѣ, ибо Карлъ XII былъ лютеранинъ, почему ни онъ, ни обязанный ему престоломъ Лещинскій не могли нравиться римско-католическому духовенству. Намѣреваясь, такимъ образомъ, возстановить римскій дворъ противъ Лещинскаго, царь отправилъ, въ 1707 году, къ папѣ Клименту XI своего камергера и гвардіи подполковника князя Бориса Ивановича Куракина не въ качествѣ посланника, а какъ-бы *инкогнито*, съ полуоффиціальнымъ порученіемъ; при-

(1) Ibid. p. 387—391.

немъ находился секретаремъ Веселовскій. Въ мартѣ князь Куракинъ пріѣхалъ въ Римъ съ граматою къ папѣ и съ письмомъ отъ царя къ кардиналу статсъ-секретарю Паулучи, и очень искусно велъ переговоры. Онъ увѣрялъ папу и кардинала, что, ведя войну противъ Карла XII, Петръ защищаетъ, будто бы, не однѣ свои выгоды, но и выгоды римско-католической религіи, потому что король шведскій, какъ покровитель лютеранскаго исповѣданія, есть всегдашній непріятель римско-католической церкви, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ прежняя война, въ продолженіе которой множество костеловъ разорено или обращено въ лютеранскія кирки, и ученіе Лютерово такъ усилилось было въ Польшѣ, что нужно было много времени, чтобъ потушить это разлившееся пламя. Для укрѣпленія поляковъ въ намѣреніи сопротивляться королю шведскому, государь желалъ бы, говорилъ князь Куракинъ, чтобъ папа послалъ имъ грамату, въ которой объявилъ бы, что онъ, согласно съ русскимъ правительствомъ, не признаетъ королемъ Станислава, и тѣмъ ободрилъ бы поляковъ приступить скорѣе къ избранію новаго короля, чтò полезно будетъ не одной Россіи, но и римско-католической церкви въ Польшѣ, и самому римскому двору, ибо если допустить шведовъ до утвержденія Станислава на польскомъ престолѣ противъ воли и благословенія святаго отца, то это послужитъ не только къ униженію папской власти, но можетъ имѣть послѣдствіемъ и совершенное истребленіе римско-католической вѣры въ Польшѣ. Для бóльшаго расположенія римскаго двора къ русскому правительству, князь Куракинъ сказалъ папѣ при первой торжественной аудіенціи, что государь имѣ-

етъ особое уваженіе къ папѣ, вслѣдствіе чего онъ позволилъ свободное отправленіе римско-католической вѣры и строеніе костеловъ въ Москвѣ, также и свободный проѣздъ черезъ Россію миссіонеровъ, отправляющихся въ Китай и Персію. Римскій дворъ обѣщался дѣйствовать въ видахъ императора Петра до тѣхъ поръ, пока это будетъ возможно, но не рѣшился открыто не признавать Лещинскаго королемъ.

Если для князя Куракина, въ его переговорахъ, сверженіе съ польскаго престола Станислава составляло конечную цѣль, а указаніе папѣ на свободу вѣры, которая дарована римско-католикамъ въ Россіи, только средство склонить въ свою пользу папу, то для римскаго двора, напротивъ того, переговоры съ княземъ Куракинымъ о польскомъ престолѣ послужили только поводомъ къ требованіямъ объ утвержденіи въ Россіи католичества, къ чему русскій посолъ далъ предлогъ, заговоривъ о католикахъ въ Россіи. Римскій дворъ введенъ былъ въ заблужденіе донесеніями іезуитовъ, проживавшихъ въ Россіи, увѣрявшихъ, что князь Куракинъ имѣетъ порученіе просить о присылкѣ въ Россію нунція и о соединеніи церквей; заблужденія эти раздѣлялись вѣнскимъ и польскимъ нунціями, которые писали въ этомъ смыслѣ въ Римъ ([1]). Увлеченія іезуитовъ простирались такъ далеко, что они воображали достигнуть тогда же, въ 1707 году, соединенія церквей, и основывали свои расчеты на самыхъ ложныхъ выводахъ. Такъ, напримѣръ, потому, что Петръ присутствовалъ иногда

([1]) Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le grand, czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par *Augustin Theiner*. Rome. 1859. p. 407—416.

въ латынской церкви на бракосочетаніяхъ, крестинахъ римско-католиковъ, бывшихъ у него на службѣ, они воображали, что онъ склоненъ къ римскому католицизму; въ уничтоженіи патріаршества они видѣли устраненіе соперника для папы; примѣчали наклонность къ латынству въ Стефанѣ Яворскомъ, на томъ основаніи, что онъ воспитывался въ кіевской академіи, подъ вліяніемъ іезуитской науки; находили мало симпатіи въ Петрѣ къ православному духовенству; замѣчали, что въ его царствованіе набожность въ русскихъ уменьшилась, точно также, какъ и уваженіе ихъ къ своему духовенству; увѣряли, что будто бы Петръ одобрялъ фельдмаршала Шереметева за перемѣну вѣры въ Римѣ, чего никогда не было; наконецъ, расчитывали на брачный союзъ Россіи съ Австріею, который несомнѣнно долженъ былъ ихъ усилить. Вообразивъ все это о Петрѣ, имъ не трудно было распространить свои надежды и на всю націю, потому что русскіе, писали они, въ бóльшей подчиненности у царя, чѣмъ турки у султана, значитъ, стоитъ только царю перемѣнить вѣру, за нимъ послѣдуютъ всѣ его подданные, а по вліянію Россіи—и остальные славяне (1). Понятно, что такія мѣстныя свѣдѣнія приняты были римскимъ дворомъ за правдивое описаніе положенія дѣлъ въ Россіи. При первой же аудіенціи папа просилъ князя Куракина передать государю выраженіе его благодарности за милости къ исповѣдникамъ римской вѣры, а потомъ сталъ уже настаивать, чтобы государь выдалъ на это особую грамату за своимъ подписаніемъ,—Риму желалось получить форменное обязательство отъ русскаго

(1) *Theiner*, Monuments historiques de Russie. p. 409—416.

правительства, нѣчто въ родѣ конкордата. Князь Куракинъ отвѣчалъ, что такая общая грамата вскорѣ выдана быть не можетъ, но что письменныя дозволенія въ частности на постройку костеловъ въ Россіи даваться будутъ, какъ государь обязался уже въ этомъ королю польскому Августу II въ Гроднѣ, и при этомъ, желая упрочить въ порученномъ ему дѣлѣ участіе римскаго двора и на будущее время, уклончиво присовокупилъ, что государь не откажется дать и этой общей граматы, но только по окончаніи войны со шведами, и въ такомъ только случаѣ, если папское благорасположеніе къ нему продолжится. Не понравилось это римскому двору, но дѣлать было нечего; попробовали потомъ отобрать хотя росписку отъ князя Куракина, что государь позволяетъ отправлять въ Россіи свободно римско-католическую вѣру, строить костелы и миссіонерамъ проѣзжать въ Китай и Персію, чтобы такой письменный документъ остался въ папской канцеляріи, но и этой росписки отъ русскаго посланника не получили; кончилось тѣмъ, что папа удовольствовался заявленіемъ этихъ удостовѣреній и обѣщаній князя Куракина въ отвѣтной граматѣ своей къ царю (1).

Князь Куракинъ прожилъ въ Римѣ около семи мѣсяцевъ, съ марта по октябрь, принятъ былъ папою благосклонно, но во внѣшнихъ сношеніяхъ своихъ не съумѣлъ показать того достоинства, которое такъ упорно отстаивалъ въ 1673 году католикъ Менезіусъ: хотя на публичной аудіенціи былъ онъ съ шляпой въ рукахъ и со шпагой, отдалъ царскую

---

(1) См. приложеніе 6-е.

грамату прямо папѣ въ руки, но становился передъ папою на колѣна и цѣловалъ его ногу ([1]).

Въ переговорахъ князя Куракина мы не можемъ не остановиться на одномъ характеристическомъ эпизодѣ. На аудіенціи онъ сказалъ, между прочимъ, папѣ, что въ западной Россіи православныя церкви разоряются, что хотя, по существующимъ съ Польшею трактатамъ, государь не имѣлъ бы права оборонять православныхъ вооруженною рукою отъ присоединенія къ уніи, производимаго не только посредствомъ убѣжденія, *но большею частію принужденіемъ и силою*, но что, по доброму расположенію своему къ папѣ и къ римскому престолу, онъ оставилъ полную свободу всѣмъ присоединяться къ уніи, а проситъ только папу признать королемъ польскимъ того, кого поляки изберутъ. Папа отвѣчалъ, что онъ *благодаритъ государя за милость его къ уніи.* Этотъ эпизодъ подтверждаетъ наше убѣжденіе, что политическія цѣли всегда брали верхъ у Петра I надъ соображеніями о пользахъ Церкви, столь тѣсно связанной съ русскою народностію, и что такое направленіе государственной дѣятельности діаметрально противоположно дѣйствіямъ всѣхъ царскихъ его предшественниковъ.

Послѣ отъѣзда изъ Рима князя Куракина, кардиналъ статсъ-секретарь неоднократно предписывалъ папскому нунцію въ Польшѣ употребить все свое вліяніе, чтобы достигнуть отъ русскаго императора торжественнаго подтвержденія правъ, коими пользовалась уже въ Россіи римско-католическая церковь,

---

([1]) Рукописи моск. арх. См. также акты изд. *Тургенева*. т. 2, стр. 284 и 285.

и дѣйствовать въ этомъ случаѣ на царя чрезъ посредство короля Августа II, союзника государя, чрезъ архіепископа гнѣзненскаго и чрезъ епископа куявскаго, въ которыхъ нуждался Петръ для составленія пріязненной себѣ партіи въ Польшѣ; при этомъ нунція ободряли тѣмъ, что, въ случаѣ успѣха сего дѣла, имя его останется въ лѣтописяхъ церкви. Однако, царь не выдалъ папѣ столь желаемой росписки ([1]), продолжая по прежнему дозволять подданнымъ своимъ римско-католическую вѣру и полную свободу богослуженія по ихъ догматамъ и обрядамъ.

Въ 1717 году, передъ ожидавшимся пріѣздомъ императора Петра въ Парижъ, находившійся тамъ папскій нунцій Бентиволіо (Bentivoglio), архіепископъ карѳагенскій, просилъ кардинала статсъ-секретаря дать ему инструкцію, какъ дѣйствовать во время пребыванія Петра въ Парижѣ и не слѣдуетъ ли воспользоваться этимъ случаемъ, для домогательства разныхъ привиллегій римско-католической церкви въ Россіи, о коихъ хлопотали, но безуспѣшно, многіе папы. Въ отвѣтъ на это предложеніе, кардиналъ статсъ-секретарь Паулучи, тотъ самый, который въ 1707 году велъ переговоры съ княземъ Куракинымъ въ Римѣ, прославъ нунцію Бентиволіо, для ознакомленія его, историческую записку о бывшихъ сношеніяхъ Рима съ русскимъ правительствомъ со време-

---

([1]) Акты *Тургенева.* т. 2, стр. 286, 287, 297. Тамъ же на стр. 301, подъ 1710-мъ годомъ читаемъ: «Quemadmodum vero in imperio Magni Moschoviae Ducis habitantibus specialiter catholicis permittitur liberum exercitium suae religionis secundum veras suas consuetudines, licet in hoc nullam habere se dicat obligationem».

ни совмѣстнаго царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей, съ указаніемъ секретныхъ соображеній, коими римскій дворъ при этомъ руководствовался, предписалъ нунцію достигнуть у царя опубликованія граматы о свободахъ римско-католической церкви въ Россіи и дозволенія прислать въ Петербургъ нунція. Паулучи предложилъ ему дѣйствовать въ этомъ случаѣ такимъ образомъ: прежде всего отправиться къ князю Куракину, сопровождавшему царя, который говорилъ поитальянски, и, не дѣлая никакого оффиціальнаго предложенія, завести съ нимъ рѣчь о Римѣ и распросить его, какъ будто онъ самъ ничего не знаетъ, какіе именно предметы вѣры составляли сущность тогдашнихъ переговоровъ князя съ римскимъ дворомъ, наведши его такимъ образомъ на дѣло, просить его содѣйствія у царя въ пользу римско-католической церкви, т. е. о выдачѣ столь давно желанной граматы, и потомъ сказать, что въ столь короткое время пребыванія царя въ Парижѣ и при ежедневныхъ развлеченіяхъ нельзя переговорить о всѣхъ дѣлахъ, а потому необходимо прислать папскаго нунція въ Россію. Герцогъ Орлеанскій, предваренный обо всемъ этомъ, какъ нунціемъ Бентиволіо, такъ и кардиналомъ Тремульскимъ (de la Tremouille), обѣщалъ помогать. Бентиволіо исполнилъ въ точности данное ему порученіе, явился къ князю Куракину, говорилъ съ нимъ о дѣлѣ, напомнилъ, что если переговоры князя о вѣрѣ въ Римѣ не имѣли никакого результата, то это только потому, что тогда папа не далъ царю въ своей граматѣ титла величества (Majesté), но что теперь взглядъ его двора перемѣнился, и что ежели теперь выдадутъ ему грамату о свободѣ римско-католическаго вѣроиспо-

вѣданія въ Россіи, то онъ, принявъ ее одною рукою, тутъ же, другою рукою подастъ бреве папское съ самыми полными титулами, которые только царь можетъ желать. Чтобы дать папѣ бо́льшій вѣсъ и значеніе въ глазахъ царя, Бентиволіо прибавилъ въ этомъ разговорѣ съ княземъ Куракинымъ, что римскій дворъ имѣетъ большое вліяніе и на государственныя дѣла разныхъ державъ, въ особенности же на польскія, которыя не чужды интересамъ Россіи. При этомъ случаѣ Бентиволіо нашелъ нужнымъ осыпать укоризнами своими церковь галликанскую, какъ-бы предчувствуя, что представители этой церкви имѣютъ своего рода виды на Россію, и увѣрялъ, что все разногласіе національной французской церкви съ ультрамонтанизмомъ произведено немногими епископами, упорно отказывающимися отъ повиновенія главѣ церкви. По просьбѣ Бентиволіо, князь Куракинъ обѣщалъ доставить ему аудіенцію у царя, и дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней императоръ его принялъ. Въ весьма витіеватой рѣчи, изложивъ великія достоинства и заслуги царя, Бентиволіо упомянулъ и о протекціи, оказываемой государемъ римскимъ католикамъ въ Россіи, и прибавилъ, что папа надѣется на продолженіе этихъ милостей и на то, что привиллегіи, данныя исповѣдникамъ этой вѣры, будутъ еще увеличены и вполнѣ подтверждены. Императоръ сказалъ въ отвѣтъ нѣсколько любезностей о папѣ, но, къ сокрушенію нунція, ни одного слова о вѣрѣ (ma all' articolo della religione non rispose parola). Куракинъ видимымъ образомъ также избѣгалъ дальнѣйшихъ объясненій по этому предмету, и обратилъ нунція въ дипломатическую канцелярію императора; здѣсь баронъ Шафировъ далъ отзывъ, что

если папа находитъ нужнымъ вести переговоры по изложенному дѣлу, то можетъ прислать довѣренное лице въ Петербургъ ([1]).

Изо всего видно, что римскому двору желательно было не столько возобновить оффиціальныя, такъ сказать, свои сношенія съ русскимъ правительствомъ, сколько подѣйствовать лично на императора Петра, въ пользу католицизма, чрезъ одного изъ своихъ искусныхъ агентовъ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствія Бентиволіо были вполнѣ неудачны; почему предписано было изъ Рима нунцію въ Кёльнѣ отправиться въ Спа и представиться къ государю; но такъ какъ императоръ выѣхалъ въ это время изъ Спа въ Амстердамъ, то кёльнскій нунцій, зная, что Петръ во время своихъ путешествій не любитъ имѣть при себѣ иностранныхъ министровъ, не смѣлъ ѣхать въ этотъ городъ, безъ особаго разрѣшенія императора, и послалъ въ Амстердамъ графа Кавалькино къ канцлеру графу Головкину узнать, угодно ли будетъ императору принять его, въ противномъ же случаѣ, просилъ, чтобы государь принялъ графа Кавалькино, которому вполнѣ извѣстны намѣренія папы. Въ августѣ государь принялъ въ Амстердамѣ Кавалькино милостиво, но эта аудіенція осталась безъ особаго успѣха для римскаго двора: ему объявлено было то же, что и папскому нунцію въ Парижѣ, т. е. что папа можетъ прислать уполномоченнаго въ Россію. Такъ тщетно преслѣдовалъ римскій дворъ Петра, начиная съ Парижа, по пути въ Спа и до Амстердама ([1]).

([1]) Historica Russiae monumenta. tomus 2, p. 317—329; также стр. 332.

([2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ въ Москвѣ: переписка папскаго

Всѣ надежды римскаго двора должны были слѣдовательно сосредоточиться на выборѣ лица, которое должно было отправиться въ Петербургъ. Еще въ первые года царствованія Петра I въ Римѣ думали объ учрежденіи нунціатуры въ Россіи, а въ 1705 году папа, по рѣшенію конгрегаціи кардиналовъ, положилъ было и привести этотъ планъ въ исполненіе. Задняя, потаенная мысль этого проэкта и конечная цѣль нунціатуры были вѣковыя, никогда не исполнившіяся, но не менѣе того всегда присущія въ Римѣ желанія и надежды распространить въ Россіи католицизмъ и достигнуть соединенія церквей. Тогда проэктъ этотъ былъ отложенъ, потому что дошли до папы свѣдѣнія, что царь не расположенъ къ римско-католической церкви (1). Но видно ласковый пріемъ, сдѣланный имъ въ Парижѣ нунцію, а въ Амстердамѣ графу Кавалькино, возбудилъ въ римскомъ дворѣ лучшія ожиданія; онъ не боялся уже компрометировать себя посылкою нунція въ Петербургъ. Напротивъ того, Кавалькино нашелъ, что Петръ очень расположенъ къ папѣ, что канцлеръ графъ Головкинъ и вице-канцлеръ баронъ Шафировъ склонны къ католицизму, а потому написалъ подробныя соображенія, какъ насчетъ выбора лица нунція, такъ и способовъ предстоявшей ему дѣятельности. Преимущественное вниманіе обращено было на личность русскаго самодержца, на его наклонности, вкусы, на средства ему нравиться. Кавалькино совѣтовалъ, чтобы нунціемъ выбранъ былъ

нунція въ Кёльнѣ съ канцлеромъ; также Historica Russiae monumenta. tomus 2, p. 331 et 332.

(1) Historica Russiae monumenta. tomus 2, p. 320.

человѣкъ, который, понимая порусски, зналъ науки математическія, архитектуру и вообще техническія искусства, чрезъ которыя онъ можетъ получить свободный доступъ у царя, а, говоря порусски, въ состояніи будетъ бесѣдовать съ царемъ наединѣ безъ переводчиковъ и посредниковъ; что такъ какъ Петръ любитъ изящныя искусства, то нунцій можетъ легко привлечь его къ себѣ, поднеся ему какую-нибудь картину, или статую, или фабричную модель; свойства свиты нунція и образъ поведенія его окружающихъ были также обдуманы [1]. Все это осталось однако однимъ мечтаніемъ, — нунцій не былъ посланъ въ Петербургъ, вѣроятно по случаю происшедшихъ несогласій, а потомъ и совершеннаго разрыва между русскимъ дворомъ и цесаремъ и послѣдовавшаго послѣ этого изгнанія изъ Россіи іезуитовъ.

Какъ Кавалькино замѣтилъ, царь Петръ былъ дѣйствительно большой любитель изящныхъ произведеній и искалъ ихъ по Европѣ для Россіи. Между прочимъ, два раза посылалъ онъ въ Римъ для пріобрѣтенія статуй; въ 1718 году Кологривовъ купилъ въ Римѣ древнюю мраморную статую Венеры, и отдалъ ее для исправленія скульптору Лееро; римскій губернаторъ Фалконіери, узнавъ объ этомъ, запретилъ выпускать эту статую изъ Рима. Канцлеръ графъ Головкинъ поручилъ русскому посланнику въ Венеціи графу Саввѣ Разумовскому выручить эту статую, началась переписка съ кардиналами, и Венеру выручили изъ-подъ ареста, отдали графу Рагузинскому, а кардиналу Оттобони, наиболѣе помо-

---

[1] Historica Russiae monumenta, tomus 2, p. 334—336.

гавшему къ ея освобожденію, царь прислалъ благодарственное письмо, съ обѣщаніемъ вознаградить кардинала тѣмъ, что̀ онъ самъ просилъ за свои услуги, именно добыть въ Швеціи мощи св. Бригитты (1) и доставить ихъ въ Римъ. Но если кардиналъ имѣлъ нескромное и, по нашему мнѣнію, вовсе нехристіанское желаніе получить за статую Венеры мощи святой, чтимой римскою церковью, то римскій дворъ, по поводу этой статуи, предъявилъ иныя, важныя въ политико-религіозномъ отношеніи, требованія. Римскій дворъ домогался получить отъ русскаго императора дипломъ, или, другими словами, конкордатъ на пергаментѣ, за собственноручнымъ подписаніемъ государя, переплетенный въ видѣ книги, съ серебряною печатью и другими украшеніями, употребляемыми въ русской дипломатической канцеляріи, въ которомъ государь обязался бы за себя и за своихъ наслѣдниковъ предоставить римско-католической церкви въ Россіи и ея послѣдователямъ слѣдующія права: 1) Свободно отправлять въ Россіи католикамъ обряды ихъ вѣры (что̀ давно уже было дозволено) со всѣми внѣшними внѣ храма церемоніями (это было ново). 2) Строить церкви безпрепятственно, т. е., конечно безъ всякаго контроля правительства. 3) Всѣмъ римско-католическимъ духовнымъ безъ исключенія отправлять богослуженіе. При этомъ римскій дворъ не могъ не предвидѣть затрудненія со стороны русскаго правительства, ибо и двухъ лѣтъ не прошло еще со времени высылки изъ Россіи

(1) Бригитта, жившая въ половинѣ XIV вѣка, была дочь Биргера, за мужемъ за шведскимъ вельможею Гудмарсономъ; славилась святостію жизни и пророчествами.

*

іезуитовъ, потому онъ почелъ нужнымъ успокоить его такими разсужденіями: упоминать объ исключеніи іезуитовъ, говорилось въ римской объяснительной запискѣ, нѣтъ нужды, потому что и безъ того папа не пошлетъ въ Россію такихъ миссіонеровъ, которые неугодны его величеству, и государь всегда можетъ не допускать въ предѣлы своего государства людей вредныхъ и высылать ихъ; римскій же дворъ будетъ посылать въ Россію преимущественно капуциновъ, францисканoвъ, бенедиктиновъ и кармелитовъ босыхъ, которые ничѣмъ инымъ не занимаются, какъ отправленіемъ божественной службы и наставленіемъ въ законѣ Божіемъ; сверхъ того, папа обяжетъ ихъ, подъ страхомъ жесточайшаго наказанія, даже и помышленіемъ не мѣшаться въ дѣла гражданскія и государственныя. 4) Римско-католическимъ духовнымъ заводить въ Россіи школы, коллегіи и университеты, гдѣ юношество свободно можетъ обучаться наукамъ, и если можно, то прибавить: *«и римско-католическому закону»*, т. е. для тѣхъ, которые исповѣдуютъ не римскую, а другія христіанскія религіи. 5) Дозволить миссіонерамъ свободный проѣздъ чрезъ Россію въ Китай и Персію, что, какъ мы знаемъ, вовсе имъ не возбранялось ([1]). Осуществленіе всѣхъ этихъ условій было бы равносильно водворенію въ Россіи безотчетнаго, полнаго ультрамонтанизма, *status in statu*. За такія уступки первѣйшей государственной важности римскій дворъ обѣщалъ: 1) предоставить русскому императору слѣдующій громкій титулъ: «Serenissimo, Potentissimo, ac Magno Domino Czari et Magno Duci

---

([1]) См. приложеніе 7-е.

Petro primo, universae Magnae, Parvae et Albae Russiae autocratori, nec non Magnorum Dominiorum Orientalium, Occidentalium et Septentrionalium Paterno, avitoque haeredi successori, Domino et Dominatori»; 2) подарить нѣсколько статуй и другихъ древностей. Въ началѣ, повидимому, графъ Рагузинскій склонялся къ удовлетворенію этихъ безграничныхъ требованій, потому что онъ просилъ государя, если удостоитъ подписаніемъ этотъ дипломъ или конкордатъ, то приказалъ бы прислать оный къ нему, дабы, прежде отъѣзда своего въ Россію, онъ могъ вручить этотъ дипломъ лично папѣ; русскій дворъ, кажется, тоже готовъ уже былъ подписать это обязательство, ибо около этого времени имѣлось въ виду избрать въ Римѣ, по примѣру римско-католическихъ державъ, одного кардинала, которому поручить русскіе интересы, и при этомъ тайный совѣтникъ П. А. Толстой, доставивъ въ коллегію объясненіе о значеніи кардинала, протектора Франціи, прибавилъ, что «*при отправленіи* къ кардиналу *диплома* или патента должно объявить его протекторомъ». Итакъ статуя Венеры, которая теперь украшаетъ императорскій эрмитажъ въ Петербургѣ, едва не стоила Россіи самаго пагубнаго для будущаго ея развитія конкордата съ римскимъ дворомъ. Не состоялся онъ, кажется, случайно: 8-го марта 1721 года скончался папа Климентъ XI, и Рагузинскій, видно понявшій странность требованій и обѣщаній Рима, писалъ императору: «нынѣ я мню не лучшель отложить до времени» посылку диплома, въ ожиданіи повторенія этихъ домогательствъ со стороны новоизбраннаго папы. Русское правительство послѣдовало его совѣту, а новый папа не воз-

обновилъ требованій, и этимъ самымъ римскій дворъ потерялъ тѣ выгоды, о которыхъ онъ тщетно хлопоталъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ и которыя въ это время отъ него самого зависѣло получить (1).

Любимая мысль Запада о соединеніи православной Церкви съ римскою повторилась въ царствованіе Петра, но на этотъ разъ она шла не изъ Рима. Путешествуя по Европѣ, въ 1717 году государь посѣтилъ Парижъ, и 14 іюня пріѣхалъ въ сорбонскую академію. При осмотрѣ ея библіотеки, обратили его вниманіе на нѣкоторыя церковныя славянскія книги и этимъ случаемъ воспользовались сорбонскіе богословы, чтобы завязать рѣчь о вѣрѣ и о соединеніи церквей, — что̀ они почитали дѣломъ весьма возможнымъ. Вступивъ съ ними въ разговоръ, императоръ весьма хладнокровно замѣтилъ, что между обоими вѣроисповѣданіями есть существенныя различія, изъ которыхъ онъ привелъ два, но прибавилъ, что, занимаясь дѣлами государственными и войною, онъ не можетъ вступать въ богословскія пренія, но что если сорбонскіе учители хотятъ вступить по этому въ сношенія съ православными епископами, то онъ предложитъ имъ отвѣчать на ихъ вопросы (2). Тогда эти богословы составили краткую

(1) О сношеніяхъ имп. Петра I съ римскими папами см. приложеніе 8-е.

(2) Въ журналѣ Петра великаго подъ 1717 годомъ записано: «іюня въ 3-й день Его Величество былъ въ академіи, гдѣ предлагали Его Величеству учители сорбонскіе о соединеніи вѣры, разсуждая, что легко сіе учинить. На что Его Величество изволилъ имъ отвѣтствовать, что сіе дѣло не малое, и учинить скоро того невозможно; къ тому жъ Его Величество больше обращается въ дѣлахъ воинскихъ. А ежели они того подлинно желаютъ, чтобъ о томъ писали къ россійскимъ архіереямъ,

записку по сему предмету, наскоро, какъ говорили они, потому что государь былъ уже на отъѣздѣ. И дѣйствительно, въ этой запискѣ едва коснулись они главныхъ различій вѣръ, о многихъ же и не упомянули; но врядъ ли это сдѣлано было изъ поспѣшности. По самому тону записки видно, какъ осторожно избѣгнуты всякія укоризны и полемика, столь обыкновенныя западнымъ богословамъ, съ понятною цѣлію не раздражать православнаго духовенства, а напротивъ умѣренностію склонить его къ общему дѣлу. Сколько поверхностно сказано о различіяхъ, столько же наоборотъ приведено подробно доказательствъ о сходствѣ обоихъ вѣроисповѣданій, въ противоположность съ протестантизмомъ. Объ обрядахъ и церковной дисциплинѣ, о причастіи подъ двумя видами не почитали они нужнымъ входить въ разсужденіе, потому что даже въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ обрядность не одинаковая, и православные могутъ удержать свои обряды, подобно тому, какъ это дозволено римскимъ дворомъ уніатамъ, только чтобы не хулили латынскихъ. Изъ догматовъ въ сущности разобранъ только одинъ: объ исхожденіи Святаго Духа, съ заключеніемъ, что разница здѣсь между обоими вѣроисповѣданіями только въ словахъ, но что обѣ церкви придаютъ то же значеніе этому символу вѣры, и что право-

---

ибо сіе дѣло важное и требуетъ на то духовнаго собранія; и при томъ изволилъ обѣщать имъ по своей отъ Бога дарованной власти повелѣть россійскимъ архіереямъ, ежели тѣ учители будутъ писать къ нимъ, на то отвѣтствовать». Журналъ или поденная записка блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра великаго съ 1698 года даже до заключенія нейштатскаго мира. Изд. князя Михаила Щербатова. Спб. 1772 г. Часть 2-я, стр. 411.

славные не обязаны прибавлять знаменитаго въ богословіи *filioque*. Оставалось разсмотрѣть догматъ духовно-политическій: о власти папы, и въ этомъ изложеніи сорбонскіе учители еще менѣе противорѣчили православному ученію. Они придавали папѣ тѣже права, что и всѣмъ епископамъ, съ первенствомъ между ними, какъ преемнику св. Петра, но отрицали какъ его непогрѣшимость, такъ и извѣстное стремленіе римскаго двора вмѣшиваться въ дѣла свѣтскія, и доказывали, что нѣтъ никакого основанія русской Церкви подчиняться разнымъ составленнымъ въ Римѣ привиллегіямъ, которыя не признаются и многими католиками. «Таковы наши понятія о папѣ, прибавляли они, и хотя они не раздѣляются ультрамонтанистами, но это не мѣшаетъ намъ оставаться католиками» (1).

На предложеніе Сорбонны написаны были въ 1718 году два проэкта отвѣта: одинъ Стефаномъ Яворскимъ, другой Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Содержаніе ихъ было одинаковое, но какъ Яворскій написалъ свое разсужденіе весьма витіеватымъ слогомъ и притомъ съ сильными намеками на то, что въ раздѣленіи церквей виноваты папы, то вѣроятно поэтому предпочтенъ былъ проэктъ, изготовленный Прокоповичемъ. Въ этомъ отвѣтѣ русскіе епископы благодарятъ Сорбонну за похвальное ея стремленіе соединить церкви, говорятъ, что это было и всегдашнее желаніе Церкви православной, которая ежедневно молится о соединеніи вѣръ, но достигнуть этого не такъ легко, какъ думаетъ Сорбонна; русскіе епископы не только не имѣютъ права рѣшить

(1) См. приложеніе 9-е.

столь важное дѣло, но даже и приступить къ его разсмотрѣнію; потому что не одна Россія, но и многія другія страны исповѣдуютъ православную вѣру, потому нужно прежде всего обратиться къ четыремъ православнымъ восточнымъ патріархамъ, а лучше всего предоставить это великое дѣло волѣ Всемогущаго. Посланіе это подписано было Стефаномъ Яворскимъ, митрополитомъ рязанскимъ и муромскимъ, Варнавою, епископомъ холмогорскимъ и важскимъ, и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, архіепископомъ псковскимъ, нарвскимъ и изборскимъ (1); послано же Сорбоннѣ только въ 1720 году (2). Московскіе іезуиты непріятно были поражены выраженнымъ католическими богословами понятіемъ, которое имѣетъ Франція о папѣ, удивлялись какъ 18 сорбонскихъ священниковъ осмѣлились подать такую записку императору, какъ къ ней не подписался ни одинъ епископъ, и утѣшали себя мыслію, что такое ученіе найдетъ противниковъ во Франціи (3). Между тѣмъ, въ Петербургѣ были тогда послѣдователи галликанской церкви; такъ сохранилось извѣстіе, что въ 1719 году находился тамъ, для французской націи, одинъ францисканинъ галликанинъ, весьма немилый іезуитамъ (4).

---

(1) Журналъ Петра великаго, ч. 2-я подъ литерою *а* проэктъ Яворскаго, и стр. 436—438.

(2) Журналъ министер. народн. просвѣщенія за 1843 годъ. часть 37-я, стр. 166.

(3) Это видно изъ одного отобраннаго въ 1719 году письма іезуита Милана къ Енгелю. (Моск. арх. м. и. д.).

(4) Historica Russiae monumenta. t. 2. p. 340. «Ritrovo in Pietroburgo... un padre francescano osservante francese, come capellano della sua nazione, non troppo lodevole per il suo imprudente modo di parlare Sorbonese». (Relazione del padre

Ежели бы соединеніе церквей было дѣломъ практически возможнымъ, то нѣтъ сомнѣнія, что галликанское ученіе нашло бы болѣе папистскаго сочувствія какъ въ Россіи, такъ и въ убѣжденіяхъ Петра, весьма наклоннаго къ протестантизму. Печатавшіяся въ Голландіи брошюры противъ папы находили радушный пріемъ при дворѣ Петра, расходились по рукамъ царедворцевъ и даже переводились на русскій языкъ; во дворцѣ представлялись въ шуточномъ видѣ конклавы и кардиналы, и роль папы игралъ Зотовъ (1).

По смерти императора Петра продолжались еще нѣкоторое время затрудненія съ католическими духовными. Капуцины и францискане не торопились выѣхать изъ Россіи, наводили на себя подозрѣніе правительства и заводили распри въ католическомъ обществѣ. Цесарскій капуцинъ Хризологъ, въ царствованіе Екатерины I, искалъ возстановить противъ нея сына царевича Алексѣя, Петра (2), былъ высланъ

Giacomo d'Oleggio missionario apostolico dei Minori Osservanti riformati).

(1) Объ этомъ есть довольно подробное описаніе на стр. 33—51 сочиненія: Mémoires sercets pour servir à l'histoire de la cour de Russie sous les règnes de Pierre le grand et de Catherine I, redigés et publiés pour la première fois d'après les manuscrits originaux du sieur de Villebois, chef d'escadre et aide de camp de S. M. le czar Pierre I, par M. *Théophile Hallez*. Paris. 1853. Тутъ, между прочимъ, на стр. 37 сказано: «Cet ivrogne (Зотовъ) n'etait pas privé de raison au point d'ignorer ce qu' etait le pape. Il le fit bien connaitre en répétant devant tout le monde ce qu'il pouvait en avoir appris par la lecture de brochures injurieuses qu'on imprime en Hollande, d'où elles passent à la cour de Russie, où l'on a la politique de les traduire en langue russienne, et de les donner toutes les semaines en forme de supplément aux gazettes du pays».

(2) «Капуцинъ Петръ Хризологъ, будучи при Санктъ-питер-

изъ Петербурга, но долго не хотѣлъ оставить Ревеля, пока его оттуда не вывезли. Французскій посолъ вошелъ въ распри съ католическими прихожанами за францискана Кальо, укорялъ его въ развратномъ поведеніи и требовалъ, подъ угрозою тѣлеснаго наказанія, чтобы онъ былъ высланъ въ 24 часа изъ Петербурга ([1]). Въ концѣ 1728 года пріѣхалъ въ Россію священникъ, изъ Аніера близъ Парижа, аббатъ Жюбе, въ качествѣ гувернера дѣтей княгини Ирины Петровны Долгоруковой, жены князя Сергѣя Петровича, урожденной Голицыной. Эта княгиня Долгорукова, въ 1727 году въ Голландіи, обращена была въ римско-католическую вѣру принцессою овернскою (d'Arenberg) и присоединена къ латынской церкви утрехтскимъ архіепископомъ Бархманомъ; а Жюбе былъ тайнымъ агентомъ Сорбонны, которая послѣ двухлѣтняго разсмотрѣнія вопроса о миссіи въ Россію рѣшила послать его туда по совѣту гг. Птипье, Бурсіе, Этмара, П. Фуке и другихъ, дала ему вѣрительную грамату отъ 24 іюня 1728 г. и облекла полномочіемъ вступить въ переговоры съ русскимъ духовенствомъ о соединеніи церквей. Ему помогалъ испанскій посолъ Дюкъ-де-Лиріа, бывшій въ самыхъ лучшихъ сношеніяхъ съ императорскимъ фаворитомъ Долгоруковымъ и весьма любимый императоромъ Петромъ II; онъ былъ упол-

---

бурхе, своего закона людемъ разглашалъ, якобы ея величество римская императрица рекомендовала ему россійскаго в. князя Петра Алексѣевича, и искалъ тайно способу его высочество видѣть, а учрежденнымъ при его высочествѣ персонамъ о томъ не сказывалъ, чтобы то ево желаніе было исполнено и предъ его высочество былъ бы представленъ». Москов. арх. м. и. д.

([1]) См. приложеніе 10-е.

номоченъ своимъ дворомъ именовать Жюбе капелланомъ (aumônier) испанскаго посольства, съ дозволеніемъ жить у княгини Долгоруковой. Аббату Жюбе особенно покровительствовали Долгоруковы, бывшіе тогда въ силѣ, равно какъ два брата Ирины Петровны, князья Голицыны, члены верховнаго совѣта; въ домѣ одного изъ этихъ послѣднихъ, въ деревнѣ, были собранія для разсужденія о соединеніи церквей (1). Разсуждать объ этомъ безъ участія русскихъ епископовъ было большою ошибкою; и потому эти собранія остались безплодными. Жюбе былъ высланъ изъ Россіи въ 1732 году (2). Впослѣдствіи времени, прибыли вновь изъ Австріи капуцины: въ 1732 году три капуцинскіе монаха опредѣлены были къ московскому костелу, такъ что доминикане остались только въ Петербургѣ.

Католическая пропаганда, хотя медленно, но шла своимъ чередомъ. Въ 1730 году правительство вынуждено было запретить пропускъ въ Россію польскихъ выходцевъ, обращавшихъ православныхъ обывателей въ католицизмъ (3), а въ 1735 году, издавая законъ о дозволеніи свободнаго богослуженія всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ въ Россіи,

---

(1) Histoire abregée de l'Eglise métropolitaine d'Utrecht, principalement depuis la revolution arrivée dans les VII provinces unies des Pays-Bas sous Pilippe II, jusqu' à présent. Utrecht. 1765. p. 546—551.

(2) *Филарета*, Исторія русской церкви. Москва. 1848 г. стр. 77. Въ запискахъ Дюка Лирійскаго, переведенныхъ съ французскаго Языковымъ и напечатанныхъ имъ въ С.-Петербургѣ въ 1845 году, объ этомъ аббатѣ не упоминается; впрочемъ записки эти оканчиваются 1730 годомъ, а Жюбе высланъ былъ изъ Россіи двумя годами позже.

(3) Полн. соб. закон. т. VIII, № 5538.

присовокупить условіе, чтобы въ оныя не привлекались русскіе подданные, какой бы вѣры они ни были, подъ опасеніемъ суда и наказанія, «какъ то во многихъ другихъ государствахъ въ предосужденіе настоящаго того государства закона весьма не позволяется; но Мы къ неудовольствію нашему слышать принуждены, что нѣкоторые изъ оныхъ тому противно поступаютъ, и изъ нашихъ подданныхъ всякими своими внушеніями въ свой законъ приводить стараются» (1).

Наибольшій успѣхъ имѣлъ латынскій прозелитизмъ въ Астрахани, но обратилъ на себя вниманіе русскаго правительства тогда, когда прекратить его уже было поздно. Мы видѣли, что во все царствованіе Петра I латынскіе миссіонеры стремились въ Астрахань подъ предлогомъ проѣзда въ Персію, открыли въ Астрахани католическое богослуженіе, соорудили произвольно костелъ, и только въ 1721 году коллегія иностранныхъ дѣлъ догадалась спросить астраханскаго губернатора: какіе тамъ католики, какіе у нихъ священники, и есть ли церковь, также можно ли пропускать туда капуциновъ. Знаменитый Волынскій, бывшій губернаторомъ, отвѣчалъ, что въ Астрахани живутъ разные иностранные торговцы, особенно цесарцы и армяне, изъ которыхъ многіе исповѣдуютъ католическую вѣру, и что, по его мнѣнію, не только нѣтъ причинъ не допускать туда латынскихъ священниковъ, но что, напротивъ того, пребываніе ихъ можетъ быть полезно для цивилизаціи края, такъ какъ они обучаютъ юношество латынскому и другимъ языкамъ. Съ этимъ мнѣніемъ

(1) Тамъ же, т. IX, № 6693.

былъ согласенъ и Синодъ; армяне же, до которыхъ это прямо относилось, не подавали голоса до той поры, пока имъ стала очевидна опасность для ихъ вѣры отъ католическаго прозелитизма. Неудивительно, что они спохватились поздно: римскій дворъ дѣйствовалъ осторожно, почти незамѣтнымъ образомъ; не принуждалъ армянъ принимать прямо католицизмъ, а вводилъ его постепенно въ догматы армянской вѣры, оставлялъ на время прежніе обряды, т. е. внѣшность, бросавшуюся въ глаза, и измѣнялъ основанія, большинству народа непонятныя. Однимъ словомъ, Римъ ввелъ въ армянское исповѣданіе, какъ нѣкогда въ православное, *унію*, и образовалъ то смѣшанное вѣроисповѣданіе, которое сохранилось доселѣ подъ именемъ армяно-католическаго, имѣющаго теперь свой центръ, свою академію въ Венеціи. Изъ Астрахани католическіе миссіонеры имѣли сношеніе съ Персіею, гдѣ іезуиты и разные другіе монашескіе ордена обращали не однихъ магометанъ, но также и армянъ; члены ихъ орденовъ пользовались протекціею нѣкоторыхъ сатраповъ, а въ случаѣ нужды всегда имѣли убѣжище въ южной Россіи. Наконецъ, въ пятидесятыхъ годахъ они открыто объявили себя въ Астрахани подъ названіемъ *римско-астраханской проповѣднической миссіи*. Русскій консулъ въ Гилянахъ Бакунинъ рѣшился открыть глаза правительству: въ 1746 году онъ донесъ коллегіи объ іезуитскихъ проискахъ въ Персіи, о совращеніи тамошнихъ армянъ, о томъ, что эти миссіонеры въ постоянной перепискѣ съ астраханскими капуцинами, «которые ни въ чемъ иномъ, какъ въ превращеніи тамошнихъ армянъ и другихъ иновѣрцевъ въ папежство упражняются», и притомъ при-

бавилъ разсужденіе, что если не дозволяется впускать въ Россію изъ Индіи и Персіи дервишей, по опасенію шпіонства, то «сіи римскіе попы еще и тѣхъ опаснѣе». Одинъ капуцинъ Рудольфъ, остававшійся семь лѣтъ въ Персіи, единственно для совращенія грузинъ и армянъ, наконецъ выѣхалъ оттуда, объявивъ, что возвращается въ Италію; но вмѣсто того остался на пути въ Астрахани и сталъ продолжать тамъ свое проповѣдничество. Коллегія приняла наконецъ мѣры противъ этого прозелитизма; предписала въ 1747 году астраханскому губернатору Брылкину пригласить Рудольфа немедленно выѣхать изъ Астрахани, а персидскому нашему консулу не давать паспортовъ и дозволенія переѣзжать на русскихъ судахъ возвращающимся въ Европу миссіонерамъ, или, какъ сказано, «скитающимся римскимъ попамъ», проѣхавшимъ въ Персію мимо Россіи и безъ русскихъ паспортовъ, а предлагать имъ возвращаться тѣмъ путемъ, по которому проѣхали въ Персію, «или инако куда хотятъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было ревностнѣйшему въ совращеніяхъ армянскому капуцину, чтобъ онъ остерегался подобныхъ дѣйствій, «что по указамъ въ здѣшней имперіи отнюдь никому не позволяется такія превращенія въ вѣрѣ дѣлать, и чтобъ онъ, не подвергая себя жестокому штрафу за то, спокойно пребывалъ, довольствуясь токмо съ прочими тамо живущими единозаконными дозволеннымъ отправленіемъ вѣры и службы Божіей». Но увѣщанія были безполезны, а мѣры предосторожности приняты поздно; капуцины продолжали по прежнему совращать армянъ, всѣхъ дѣтей, родившихся отъ смѣшанныхъ браковъ армянъ съ католиками, крестили въ католическую вѣру; ме-

жду армянами сдѣлалось волненіе, они громко упрекали совратителей, угрожали выгнать капуциновъ, такъ что римскій дворъ умолялъ наше правительство защитить ихъ; армянское духовенство рѣшительно возстало. Астраханскій армянскій архіерей Стефанъ, жалуясь въ 1755 году на капуциновъ и излагая ихъ дѣйствія, прислалъ списокъ всѣхъ совращенныхъ ими. Когда дѣло это получило гласность, два капуцина пріѣхали нарочно изъ Астрахани въ Петербургъ, чтобы противодѣйствовать армянамъ, и привезли съ собой какую-то армянскую книгу, въ которой оспаривались догматы православной Церкви. Съ помощію такого орудія, они домогались и думали достигнуть оффиціальнаго разрѣшенія обращать въ католичество армянъ не русскихъ подданныхъ и формальнаго запрещенія армянскому архіерею на то жаловаться и быть недовольнымъ. Въ то же самое время получены были достовѣрныя извѣстія о томъ, что миссіонеры совращаютъ въ Астрахани и православныхъ. Капуцинамъ отказано было въ ихъ неправильномъ искѣ и предложено отвѣчать на обвиненіе православныхъ. Но они избѣгали отвѣта и требовали только, чтобы ихъ пропустили въ Римъ, гдѣ они посовѣтуются на счетъ отвѣта съ своими старшими, или чтобы по крайней мѣрѣ дозволили списаться съ ними, угрожая вице-канцлеру графу Воронцову, что, въ случаѣ рѣшенія дѣла не въ ихъ пользу, они будутъ протестовать, и что иностранные государи вступятся за нихъ. Синодъ настаивалъ на томъ, чтобъ сдѣлать изслѣдованіе и подвергнуть виновныхъ въ совращеніи наказанію; но управленіе иностранными дѣлами взяло верхъ, дѣло было замято, армяне не удовлетворены, и капуцины остались правы. Въ сообщеніи колле-

гіи св. Синоду отъ 1 сентября 1757 года такъ излагались побудительныя причины дѣйствій нашего правительства: «ежели съ тѣмъ капуциномъ поступить такъ, какъ въ святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ опредѣлено, то, хотя бы и явная его въ томъ вина оказаться могла, учинить съ нимъ за оное по уложенію и по указамъ будетъ несходственно, ибо римско-императорскій дворъ по единовѣрію безъ сумнѣнія за нихъ вступиться можетъ, а съ тѣмъ дворомъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ въ холодность приходить весьма неприлично и для того сходственнѣе сіе дѣло нынѣ оставить въ молчаніи и его отсюда выслать, яко еще не обличеннаго, и когда въ самомъ дѣлѣ онъ обвиненъ будетъ, и тогда сіе оставлять уже будетъ предосудительнѣе». Другими словами, политикѣ принесена въ жертву вѣротерпимость, которая не состоитъ въ притѣсненіи одной вѣры другою, а въ одинаковой свободѣ исповѣдывать каждому свою религію; католическіе миссіонеры, явно вредные, оставлены, точно также, какъ оставлены были въ Россіи при Петрѣ уже разъ изгнанные и опять тайно прокравшіеся іезуиты, и точно также въ угоду Австріи, и пока почиталось нужнымъ ей угождать. Со времени Петра система правительства въ дѣлахъ иновѣрцевъ состояла не въ томъ, чтобы уравнивать права ихъ, а въ томъ, чтобы пользоваться ими, какъ орудіемъ въ дѣлахъ политическихъ: покровительствовать, чтобы снискать или поддержать союзъ, отнять защиту, чтобы сдѣлать какому-нибудь иностранному двору демонстрацію. Но въ настоящемъ случаѣ и политика была ложная: не Россія нуждалась въ союзѣ съ Австріею, а Австріи было необходимо содѣйствіе Россіи, ибо Фридрихъ вели-

кій былъ опасенъ не намъ, а австрійской имперіи, не на Россію шелъ онъ войною, а противъ Габсбургскаго дома; значитъ, актъ справедливости въ дѣлѣ цесарскихъ капуциновъ не могъ быть и опасенъ нашему правительству, ибо Австріи гораздо нужнѣе было защитить свои владѣнія отъ прусскихъ войскъ, чѣмъ фанатическихъ своихъ миссіонеровъ отъ дѣйствія русскаго правосудія. Но, наперекоръ истинѣ и здравой политикѣ, капуцины получили еще бо́льшее покровительство: въ слѣдующемъ году, по ходатайству австрійскаго посла графа Эстергази, предписано было астраханскому губернатору Жилину всячески защищать католическихъ ксендзовъ, стараясь помирить ихъ съ армянскимъ духовенствомъ. Съ такою протекціею, капуцины стали дѣйствовать еще рѣшительнѣе: продолжали открыто совращать православныхъ. Православный астраханскій епископъ Меѳодій жаловался, писалъ, что «въ Астрахани природныхъ римлянъ, кромѣ превращенныхъ, какъ по справкамъ съ губерніею оказалось, почти никого не имѣется», но правительство по прежнему бездѣйствовало. Результатомъ этого было то, что въ Астрахани, гдѣ до Петра I не было ни одного природнаго жителя католика, въ 1760 году числилось уже совращенныхъ въ латынство армянъ 87 дворовъ, изъ коихъ 53 двора были армянъ русскихъ подданныхъ, т. е. почти пятая часть народонаселенія города (¹).

Въ Петербургѣ доминикане также мало, какъ и ихъ предшественники, ладили съ своими прихожанами. Присылаемые изъ Рима ксендзы, зная только поитальянски, безполезны были для уроженцевъ

(¹) Моск. архив. мин. ин. дѣлъ.

нѣмецкихъ, французскихъ и польскихъ, а настоятели, завися только отъ римскаго двора, пренебрегали правами приходскаго общества, почитали, что все достоянiе церковное, собранное прихожанами, принадлежитъ Риму, значитъ имъ, уполномоченнымъ папою, хотя съ своей стороны ничего въ пользу церкви не жертвовали, забирали церковныя деньги, отдавали ихъ въ ростъ для себя, а потомъ, не отдавая никому отчета, уѣзжали въ Италiю, оставляя долгъ на прихожанахъ. Прихожане, тѣснимые своимъ духовенствомъ, обратились къ римской конгрегацiи и просили дозволенiя самимъ выписывать себѣ духовныхъ, выбирать настоятеля и церковныхъ старостъ для управленiя церковнымъ имѣнiемъ. Нѣсколько лѣтъ конгрегацiя не давала никакого отвѣта, и по прежнему посылала настоятелей по своему выбору. Тогда католическое общество предоставило свои интересы императрицѣ Екатеринѣ II, прося государыню положить прочное управленiе ихъ церковью. Коллегiи иностранныхъ дѣлъ повелѣно было въ 1766 году снестись съ курфирстомъ какого-либо изъ нѣмецкихъ округовъ, съ тѣмъ, чтобы выписывать оттуда впослѣдствiи францисканов [1], а въ 1769 году изданъ былъ императрицею регламентъ для петербургской католической церкви, главныя основанiя котораго были слѣдующiя: 1) Духовенство должно быть францисканскаго ордена въ числѣ шести, а не четырехъ человѣкъ, какъ было прежде; они же обязаны были ѣздить для духовныхъ требъ въ Кронштадтъ, Ямбургъ, Ригу и Ревель. 2) Прихожане выбираютъ настоятеля и синдиковъ или

---

(1) Полн. собр. зак. т. XVII, № 12777.

церковныхъ старостъ, въ числѣ восьми человѣкъ, которые, въ качествѣ помощниковъ настоятеля, завѣдываютъ экономическими дѣлами церкви. 3) При церкви открыто училище, «въ которомъ юношество римскаго, а не другаго закона, пристойнымъ обучаться могло наукамъ». 4) Церковь, школа и всѣ церковныя строенія избавлены были отъ всѣхъ городскихъ повинностей. 5) Духовенство обязывалось не склонять въ католицизмъ исповѣдниковъ другихъ религій. 6) Высшее завѣдываніе церковными дѣлами и разбирательство споровъ прихожанъ съ духовенствомъ предоставлено юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, съ тѣмъ только, чтобъ коллегія ни подъ какимъ видомъ не вмѣшивалась въ самые догматы римской вѣры. — Этотъ же регламентъ распространенъ былъ и на московскій костелъ ([1]). Такимъ учрежденіемъ обезпечено было петербургское и московское католическое общество отъ произвола своихъ духовныхъ; но этотъ правительственный актъ имѣетъ кромѣ того и иное, гораздо высшее значеніе. Предоставляя полную свободу католическаго богослуженія, но безъ прозелитизма, строго запрещая мѣшаться въ догматы этой вѣры, государыня, имѣвшая тогда едва нѣсколько сотъ подданныхъ вѣры римской, не признаетъ однако римскому двору права распоряжаться управленіемъ латынскаго духовенства въ своемъ государствѣ, не ждетъ отъ римской конгрегаціи назначеній, а сама выписываетъ духовныхъ изъ Германіи и подчиняетъ ихъ вѣдѣнію ею же учрежденной коллегіи. Католическое общество приняло этотъ регламентъ, какъ

([1]) Полн. собр. зак. т. XVIII, №№ 13251 и 13252.

милость, избавившую его отъ притѣсненій, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что сколько догматы его ученія независимы отъ власти свѣтской, столько же духовенство ей подчинено.

Съ первыхъ годовъ царствованія императрицы Екатерины переходятъ въ Россію переселенцы изъ Германіи, и образуютъ существующія доселѣ колоніи въ саратовской губерніи и новороссійскомъ краѣ, изъ которыхъ однѣ принадлежатъ къ католическому, другія къ лютеранскому исповѣданію. Переселенцамъ этимъ, облагодѣтельствованнымъ особыми и, какъ опытъ показалъ, неоправданными принесенною Россіи пользою льготами и преимуществами, построены были на казенный счетъ церкви и дома для священниковъ, а храмы снабжены всею необходимою утварью. Священники въ колоніи назначались канцеляріею опекунства иностранныхъ (1), а отношенія ихъ къ прихожанамъ и высшему правительству подчинены были изданному въ 1769 году регламенту для с.-петербургской церкви.

Съ тѣхъ поръ начинается нѣкоторая организація въ духовномъ устройствѣ римско-католиковъ въ Россіи, подъ главнымъ руководствомъ юстицъ-коллегіи; но управленія собственно еще не было, его не для кого и не изъ чего было составить. Кромѣ предназначенныхъ церквей въ колоніяхъ, было по костелу въ Петербургѣ, Москвѣ, Астрахани и Нѣжинѣ (неизвѣстно когда построенный); католиковъ изъ русскихъ подданныхъ было весьма мало,—только тѣ иноземцы, которые были приняты въ русскую службу, и нѣсколько совращенныхъ армянъ въ Астрахани. Като-

(1) Полн. собр. зак. т. XVII, № 12322.

лическое народонаселеніе получила Россія съ постепеннымъ возсоединеніемъ съ нею западнаго края, по тремъ раздѣламъ Польши, и нашла тамъ издавна существовавшую римско-католическую іерархію, съ своими постановленіями, правами и преданіями. Только съ этого времени настаетъ, собственно говоря, и исторія этой церкви въ Россіи и государственное устройство ея правительствомъ. Чтобы понять и оцѣнить дѣйствія Екатерины по духовнымъ римско-католическимъ учрежденіямъ, необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на состояніе католицизма въ западной Россіи во время соединенія ея съ имперіею, сколько позволяютъ предѣлы этого изслѣдованія, ибо для полнаго изложенія нужно было бы представить историческій обзоръ католицизма и въ самой Польшѣ, а исторія католицизма въ Польшѣ есть вся польская исторія; онъ не раздѣленъ съ ея судьбами, онъ ими руководилъ, онъ создалъ, образовывалъ, мутилъ и губилъ эту несчастную страну. Читатель, желающій подробнѣе узнать, какую роль играло католическое духовенство въ исторіи Польши, и какой духъ и направленіе внесло оно въ Литву, со введеніемъ римскаго католицизма въ этой странѣ, найдетъ въ приложеніяхъ къ настоящему тому краткій очеркъ церковно-политической исторіи Польши до половины XIV столѣтія ([1]); что же касается исторіи римско-католической церкви въ Литвѣ, то мы ограничимся здѣсь изложеніемъ только тѣхъ фактовъ, которые имѣютъ связь съ послѣдующими распоряженіями русскаго правительства по управленію духовными дѣлами католиковъ въ Россіи.

---

(1) См. приложеніе 11-е.

V.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ РИМСКАГО КАТОЛИЦИЗМА ВЪ ЛИТВѢ ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ПОЛЬШИ.

Въ западномъ краѣ православная Церковь существовала прежде римской церкви.—Введеніе тамъ римскаго католицизма.—Встрѣченныя имъ пряпятствія.—Идолопоклонство въ Литвѣ въ XVI столѣтіи. — Учрежденіе епархій и прибытіе монашескихъ орденовъ. — Латынство вноситъ въ Литву совершенно новый историческій элементъ.—Іерархическая организація духовенства. — Реформація и ея успѣхи въ Литвѣ. — Кардиналъ Коммендони заставляетъ принять тридентинскій соборъ въ Литвѣ, 1564 г. — Прибытіе іезуитовъ въ Литву, 1569 г.; — быстрые успѣхи ихъ. — Покровительство польскихъ королей іезуитамъ.—Іезуитскія коллегіи, училища, монастыри, миссіи, братства въ Литвѣ.—Іезуиты останавливаютъ тамъ распространеніе кальвинизма.—Православная Церковь въ Литвѣ.—Поведеніе іезуитовъ по отношенію къ ней.—Борьба между латынскимъ и православнымъ духовенствомъ. — Средства, употребленныя іезуитами ко введенію уніи.—Гоненіе на православную Церковь. — Полемика между латынскимъ и православнымъ духовенствомъ.—Негодованіе противъ іезуитовъ въ средѣ римскихъ католиковъ въ Литвѣ.—Король Владиславъ IV противопоставляетъ іезуитамъ піаровъ.—Противодѣйствіе и интриги іезуитовъ противъ піаровъ въ Литвѣ.—Вліяніе іезуитовъ.—Іезуитскіе календари.—Внутреннее устройство

римско-католическаго духовенства.—Вражда между духовенствомъ и дворянствомъ.—Роль, присвоенная себѣ римско-католическимъ духовенствомъ въ государствѣ.—Мѣры противъ умноженія богатствъ духовенствомъ.—Латынское духовенство содѣйствуетъ паденію Польши.—Дѣйствія католическаго духовенства противъ диссидентовъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.—Постепенное окатоличеніе уніатовъ.—Политическая сторона уніи.—Притѣсненіе евреевъ латынскимъ духовенствомъ.

Во время владычества Польши, нынѣшній западный край, т. е. губерніи виленская, ковенская, минская, гродненская, волынская, подольская и часть кіевской составляли литовское великое княжество, когда это княжество вполнѣ образовалось. Собственно же Литва ограничивалась нынѣшними губерніями виленской и ковенской. Исторія этой страны извѣстна: за исключеніемъ собственно Литвы, разумѣя подъ этимъ именемъ и Самогитію, т. е. губернію ковенскую и южную часть курляндской, всѣ остальныя земли были первоначально чисто русскія, входили въ составъ различныхъ удѣльныхъ княжествъ, а южныя страны были даже и колыбелью русскаго государства и православія: Кіевъ, Владиміръ-Волынскій, гдѣ доселѣ сохранилась такъ называемая обыденная церковь, построенная святымъ Владиміромъ, и другіе города, — завѣтные первенцы нашей исторической жизни. Самая Литва, населенная инымъ племенемъ, близка была къ Россіи, откуда впервые перешла въ эту страну христіанская проповѣдь, когда и не слышно было тамъ о римскомъ католицизмѣ. Въ виленскомъ православномъ Святодуховѣ монастырѣ почиваютъ мощи первыхъ православныхъ мучениковъ: Антонія, Іоанна и Евстаѳія, умерщвленныхъ литовскими язычниками; каменная, ветхая, полураз-

рушенная церковь во имя св. Бориса и Глѣба въ Новогрудкѣ напоминаетъ намъ и теперь о глубокой своей древности, о XIII столѣтіи, и до сихъ поръ сохранила она названіе *митрополичьей*, ибо въ то время Новогрудокъ былъ мѣстопребываніемъ митрополита православнаго; возлѣ самаго города укажутъ вамъ домъ съ большимъ, стариннымъ садомъ, сохранившій доселѣ названіе митрополіи. Впослѣдствіи литовскіе митрополиты переѣхали въ Вильну: Пречистенская соборная церковь въ этомъ городѣ, иначе называвшаяся Спасскою, передѣлана была изъ деревянной митрополитальной XIV вѣка; возлѣ этой церкви жилъ православный митрополитъ, и всѣ дома, около нея находящіеся, принадлежали въ древности нашему духовенству. Семейныя связи литовскихъ князей, прибытіе съ Руси многихъ духовныхъ, убѣгавшихъ татарскаго гоненія, сближали также Литву съ Россіею: русскій языкъ проникъ туда съ вѣрою, укоренился тамъ, и остался надолго языкомъ господствующимъ и законодательнымъ, какъ свидѣтельствуютъ позднѣйшіе юридическіе памятники,—литовскій статутъ, гродскія книги и другіе.

Усилія Меченосцевъ внести въ Литву римско-католическую вѣру мечемъ съ единственною цѣлію завоеванія ихъ страны, миссіи нѣсколькихъ доминикановъ и францисканов, не гнушавшихся употреблять средства принудительныя, даже обложеніе папами десятиною всего польскаго духовенства на крестовый походъ противъ русскихъ, поддерживавшихъ въ Литвѣ православіе ([1]), были совершенно безус-

([1]) Въ 1351 г. папа Климентъ VI, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, предписалъ всему польскому духовенству уплачивать въ теченіе четырехъ лѣтъ десятину на войну противъ

пѣшны. Въ концѣ XIV и даже въ началѣ XV вѣка жители эти, какъ передали намъ сами западные писатели, были или язычники, или православные ([1]). Насильственное и болѣе успѣшное введеніе римскаго католицизма современно съ соединеніемъ Литвы съ Польшею при Ягеллѣ; собственно же латынская проповѣдь начинается не прежде XV вѣка, когда Іеронимъ прагскій, оставивъ взволнованную гуситами Богемію, явился съ крестомъ въ Польшу ([2]). Като-

---

русскихъ. *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae. 1860. p. 531—534.

([1]) Ibid. p. 695—696. Epistolae Gregorii Pp. XI 23 oct. 1373: 1) Ludovico regi Hungariae et Poloniae, ut ad convertendos Lithuanos laborare sollicite velit; 2) Semovito duci Masoviensi super eodem argumento.

([2]) Chronica ab initio mundi. Напечатана въ концѣ XV вѣка. Сочиненіе это издано и написано докторомъ *Германомъ Шеделемъ*; вышло въ Нюренбергѣ въ 1493 году. Полагаютъ, что рисунки къ нему сдѣланы знаменитымъ Михаиломъ Волгемутомъ, учителемъ Алберта Дюрера. Въ послѣднемъ третьемъ отдѣлѣ этого изданія помѣщена хроника Енея Сильвія, впослѣдствіи папы Пія II (род. 1405, ум. 1464). Въ ней на стр. 280 онъ говоритъ о Литвѣ: «Sermo gentis slavonica est, latissima etiam est haec lingua et in varias divisa sectas. Ex Sclavis etiam alii romanam ecclesiam sequuntur, ut Dalmati, Croatani ac Poloni; alii Graecorum sequuntur errores, ut Bulgari, Rutheni *et multi ex Lithuanis*. Alii gentili adhuc caecitate tenentur, quemadmodum *multi ex Lithuanis et idola colentes;* horum magna pars aevo nostro ad Christum conversa, postquam Vladislaus in ea gente Poloniae regnum accepit. Novi ego Iheronimum Pragensem, sacris litteris apprime eruditum, vitae munditia et facundia singularia clarum, qui annis supra viginti in heremo Camaldulensi in Appenino Etrusco poenitentiam egit. Hic oriente apud Bohemos Hussitarum heresi fugiens pestiferos viros, in Polonia transivit, ubi, acceptis litteris a Vladislao rege commendaticiis praedicaturum Evangelium Christi, ad Vitoldum principem in Lithuaniam penetravit, multosque populos, Vitoldi favore fretus, ad salutiferam Dei nostri fidem convertit». Далѣе разсказываетъ слышанное имъ отъ самаго Іеронима объ

лицизмъ встрѣтилъ сначала существенныя препятствія къ своему водворенію въ Литвѣ: насильственность его введенія и непонятность для народа богослужебнаго латынскаго языка, потому и обращенія были или медленныя, или невѣрныя, т. е. принужденныя. Католическіе монахи разныхъ орденовъ, насылаемые изъ Рима, не зная народнаго языка, проповѣдывали чрезъ переводчиковъ, такъ что ни народъ не понималъ ихъ, ни они не понимали народа. Съ другой стороны, стараясь увеличить число паствы преимущественно для умноженія своихъ доходовъ, они съ трудомъ могли привлечь къ своей вѣрѣ литовское народонаселеніе.

Не смотря на всѣ усилія великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ, римскій католицизмъ дѣлалъ мало успѣховъ [1], и идолопоклонство сохранилось въ Литвѣ до половины XVI вѣка и даже позже. Иначе и быть не могло, ибо католицизмъ утвердился въ Литвѣ въ то время, когда зараженный мірскими видами и расчетами, онъ въ западной Европѣ клонился уже къ своему паденію. Не чистое евангельское ученіе, не христіанская ревность первыхъ вѣковъ внесены были католическимъ духо-

---

идолопоклонствѣ литовцевъ и его проповѣди. Свидѣтельство это замѣчательно потому, во 1-хъ, что онъ лично зналъ перваго римско-католическаго проповѣдника въ Литвѣ, и во 2-хъ въ особенности потому, что изъ него открывается давность греческаго исповѣданія въ этой странѣ въ то время, когда Іеронимъ только положилъ въ ней начало римскаго католицизма мирною проповѣдію.

(1) Папскій легатъ Захарій Ferresiuz писалъ въ 1520 г. о литовскихъ епархіяхъ: «Nam sicuti et oculis nostris vidimus et manibus nostris palpavimus ob maximam parrochialium ecclesiarum a plebe distantiam et earum raritatem in tam spatiosa et ampla regione» etc.

венствомъ въ Литву, а корыстолюбіе, стремленіе къ преобладанію, испорченность нравовъ и невѣжество въ служителяхъ алтаря. «Во всей Литвѣ», говоритъ кардиналъ Коммендони, «нѣтъ вовсе духовнаго просвѣщенія и настоящихъ священниковъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые пріѣзжаютъ изъ Польши, впрочемъ и оттуда выходятъ только такіе, которымъ трудно найти мѣсто на родинѣ, т. е. люди по большей части необразованные и невѣжественные» (1). Время учрежденія римско-католическихъ епархій вовсе не соотвѣтствуетъ эпохѣ дѣйствительнаго водворенія латынской вѣры въ Литвѣ. Въ 1389 году основана была папою Урбаномъ IV виленская епархія, въ началѣ XV вѣка учреждены епархіи самогитская и каменецкая, не по необходимости удовлетворенія духовныхъ потребностей народонаселенія, въ Литвѣ по большей части, а въ галицкомъ княжествѣ почти исключительно православнаго, а для прочнаго основанія пропаганды. Не говоря уже о томъ, что въ то время въ Литвѣ почти вовсе не было католиковъ, слѣдовательно не для кого было и учреждать епархію, лучшимъ доказательствомъ несвоевременности основанія ея служитъ и то, что она дѣйствительно организована была только въ XVI вѣкѣ. Именно виленскій капитулъ и все епархіальное управленіе, установленное виленскимъ епископомъ Радзивилломъ, только въ 1520 году утверждено было папскимъ нунціемъ Захаріемъ, епископомъ гардіенскимъ, въ вознагражденіе, какъ сказано въ этомъ актѣ, за утѣсненіе схизматиковъ и въ видѣ поощренія для

(1) *Malinowskiego*, Pamietniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta, obejmujace listy J. F. Commendoni do Karola Borromeusza. Wilno. 1851. t. 2, p. 11.

подобнаго дѣйствованія въ будущемъ. Семинарія же виленская основана была еще позднѣе. Точно такую же цѣль имѣлъ Римъ при учрежденіи каменецкой епархіи. Съ тою же цѣлію монашескіе ордена постепенно прибывали въ Литву: въ концѣ XIV вѣка явились доминикане и францискане, въ концѣ XV бернардины, въ началѣ XVI кармелиты древнихъ правилъ.

Римскій католицизмъ внесъ съ собою въ Литву новое сословіе духовенства, новый языкъ, новое законодательство каноническое, однимъ словомъ—совершенно новый историческій элементъ, существенно измѣнившій существовавшіе: каноническое право проникло въ суды свѣтскіе, богослужебный языкъ въ языкъ литературный, а духовенство во всѣ свѣтскія сословныя отношенія какъ различныхъ классовъ народонаселенія, такъ и въ связи ихъ съ государственною властію. Католицизмомъ поставлена была въ Литвѣ наряду съ правительствомъ другая равносильная и чуждая ему власть, власть папы, часто противорѣчившая потребностямъ государственнымъ и не подчинявшаяся правительству; до конца XV вѣка назначеніе въ важную должность епископа присвоивалъ себѣ Римъ. — второй виленскій епископъ Іаковъ I былъ избранъ капитуломъ и утвержденъ папою Бонифаціемъ XIV безъ соизволенія короля Ягелла. Католическое духовенство присвоило себѣ не только права суда въ дѣлахъ, принадлежавшихъ прежде разбирательству судовъ свѣтскихъ, но и права политическія, ограничившія аристократію, и права поимущественныя, обогащавшія его въ ущербъ другихъ сословій. Потому съ самаго начала XVI вѣка духовенство это вступаетъ въ

открытую борьбу съ свѣтскою властію и со всѣми сословіями государства не за догматы и чистоту вѣры, а за личныя свои выгоды [1]. Оно отказывалось платить подати и нести всякія повинности, не хотѣло подчиняться государственнымъ законамъ и судопроизводству, своевольно, безъ вмѣшательства правительства, облагало налогомъ всѣ классы народонаселенія, свои же имѣнія, на основаніи римскихъ декретовъ, имѣло право защищать оружіемъ [2]. Король и дворянство не могли всегда равнодушно смотрѣть на такія дѣйствія духовныхъ и безотчетно повиноваться ихъ опредѣленіямъ, но рѣдко имѣли успѣхъ, ибо высшее разбирательство всѣхъ подобныхъ дѣлъ предоставлено было папою тому же духовенству въ лицѣ папскаго нунція, находившагося въ Варшавѣ. Ежели и случалось, что духовенство, по случаю войнъ, помогало правительству деньгами, то не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы подобный сборъ не былъ обращенъ въ обязательный, и притомъ съ тѣмъ, чтобы ему даны были какія-нибудь новыя привилегіи. Правительство, находясь въ постоянномъ противоборствѣ съ духовенствомъ, не подчинявшимся власти свѣтской и вмѣшивавшимся въ дѣла государственныя, принуждено было, съ другой стороны, защищаться отъ вліянія, почти не-

---

(1) Есть примѣры, что съ самаго основанія, въ продолженіе столѣтій, монастыри вели процессы съ городомъ за землю; такъ процессъ бернардинскаго ковенскаго монастыря съ г. Ковно продолжался съ 1481 по 1776 годъ.

(2) Epistola Alexandri Pp. VI 23 junii 1501 an. episcopo Wilnensi, ut ex concessione magni ducis Lithuaniae gladio temporali contra invasores bonorum ecclesiasticorum uti possit. (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. 2, p. 293).

ограниченнаго, Рима на внутреннее устройство духовнаго сословія. Потому уже съ конца XV вѣка назначеніе епископовъ, зависѣвшее до тѣхъ поръ исключительно отъ папы, предоставили короли себѣ, безъ всякаго ограниченія со стороны капитула, который обыкновенно избиралъ того, кого назначалъ король; съ конца XVI столѣтія вывозъ аннатъ или сбора въ пользу папъ былъ запрещенъ, равно какъ опредѣленіе папою къ нѣкоторымъ духовнымъ должностямъ, зависѣвшимъ отъ короля, не было признаваемо законнымъ и не приводилось въ исполненіе.

Во внутреннемъ своемъ устройствѣ, въ іерархической организаціи, католическое духовенство было далеко отъ порядка и единства въ дѣйствіи. Монашескіе ордена, подчиненные генераламъ, жившимъ въ Римѣ, не признавали власти епископской, приходскіе священники весьма часто не повиновались благочиннымъ или деканамъ, враждовали между собою за количество паствы, присвоивали себѣ деньги, назначавшіяся на постройки или исправленія церквей, владѣли, противно уставамъ церкви, многими бенефиціями, и не жили при своихъ приходахъ.

При такомъ положеніи духовенства, при такой неопредѣлительности отношеній власти свѣтской съ духовною, проникла въ Литву въ половинѣ XVI вѣка реформація, къ принятію которой литвины приготовлены были какъ давно распространеннымъ въ этихъ странахъ гусситскимъ ученіемъ, такъ и существовавшею законно въ Польшѣ съ 1539 года свободою книгопечатанія. Реформа была принята съ такимъ увлеченіемъ, что во второй половинѣ этого столѣтія почти весь сенатъ литовскій состоялъ изъ лютеранъ и кальвинистовъ, въ цѣломъ войскѣ литов-

скомъ былъ одинъ только католическій священникъ при гетманѣ, и самое духовенство римское, не исключая нѣкоторыхъ епископовъ, противъ коренныхъ уставовъ ихъ церкви, вступило въ брачные союзы (Николай Пацъ, епископъ кіевскій). Обращаясь къ памяти виленскаго епископа Валеріана Протасевича, вызвавшаго въ Литву гонителей реформаціи іезуитовъ, Скарга говорилъ: «скажи, Валеріанъ, каково было Вильно, гдѣ католическому ксендзу почти нельзя было показаться на улицѣ, какъ рѣдко можно было встрѣтить католика въ цѣломъ этомъ великомъ княжествѣ и въ особенности между людьми знатными». Между тѣмъ епископы, вмѣсто того, чтобы противопоставить оплотъ новому ученію, враждовали между собою и съ правительствомъ за имѣнія и доходы. Эта вражда, по удостовѣренію кардинала Коммендони, переходила всякія границы; «когда костелы переходятъ въ руки иновѣрныхъ», говоритъ онъ, «когда умолкаетъ слава истиннаго Бога, тогда епископы молчатъ; когда же дѣло идетъ о клочкѣ земли, они готовы схватиться за оружіе» (¹). Короли назначали нерѣдко въ эти почетныя званія людей неспособныхъ, иногда даже не-католиковъ, и малолѣтныхъ. Такъ король Сигизмундъ Августъ, въ надеждѣ получить денежное пособіе отъ герцога мекленбургскаго, представлялъ сына его Іоанна Альберта, пятнадцати-лѣтняго мальчика и лютеранина, на мѣсто епископа рижскаго.

Пользуясь смутными обстоятельствами, папскій нунцій Коммендони въ 1564 году успѣлъ склонить на парчовскомъ сеймѣ короля и сенатъ къ принятію

(¹) *Malinowskiego*, Listy Commendoni. t. 1, p. 79 et 205.

хартіи папскаго полновластія, отвергнутой соборомъ духовенства Франціи,—постановленій тридентинскаго собора, безъ ограниченія и даже безъ разбора и прочтенія ихъ. Нѣкоторые польскіе ученые стараются доказать, что соборъ этотъ никогда не былъ признанъ въ Польшѣ на томъ основаніи, что постановленія его приняты были не сеймомъ, а только королемъ и сенатомъ (1); въ строгомъ юридическомъ смыслѣ это справедливо, но въ смыслѣ фактическомъ, т. е. въ дѣйствительной государственной жизни, это положительно невѣрно, ибо съ тѣхъ поръ духовенство стало дѣйствовать согласно съ этими постановленіями, государственная власть не отрицала ихъ, а римскій дворъ всегда почиталъ, что они не въ полной силѣ въ Польшѣ и Литвѣ. Коммендони только потому не предложилъ ихъ сейму, что въ то время онъ состоялъ преимущественно изъ кальвинистовъ. Духовенство признало ихъ также съ готовностью, но только съ условіемъ, чтобы положеніе собора о бенефиціяхъ не было выполняемо, т. е. чтобы священникъ имѣлъ право, какъ прежде, владѣть многими бенефиціями и не обязывался бы жить при своемъ приходѣ. Это препятствіе было непреодолимое, такъ что Коммендони былъ убѣжденъ, что духовные, принявъ постановленія собора, не исполнятъ этихъ двухъ условій, или же вовсе не примутъ собора и оставятъ католическую вѣру; потому онъ полагалъ необходимымъ, чтобы римскій дворъ согласился на это изъятіе, но только временно; «королевство польское», говоритъ онъ, «походитъ на боль-

---

(1) *Bandtkie*, Historya prawa Polskiego. Varszawa. 1850. p. 499—515.

наго, съ самаго начала дурно леченнаго, который дошелъ наконецъ до такого состоянія, что не выноситъ никакого лекарства и что принятіе его только ускорило бы смерть» (¹).

Не будучи въ состояніи ограничить распространеніе ученія диссидентовъ, папскій нунцій согласилъ короля Сигизмунда-Августа вызвать въ Литву іезуитовъ, и, по его порученію, написалъ въ 1565 г. генералу іезуитскаго ордена Лайнезу (Lainez), чтобы онъ выслалъ въ Вильну изъ членовъ этого ордена профессоровъ богословія, философіи, математики и другихъ наукъ; но религіозныя смуты, весьма сильныя тогда на Литвѣ, заставили отложить на короткое время это намѣреніе; когда же умеръ знаменитый кальвинистъ князь Николай Радзивиллъ Черный, воевода виленскій, католическая партія ободрилась (²), и чрезъ четыре года послѣ этого виленскій римско-католическій епископъ Протасевичь вызвалъ въ Литву іезуитовъ. Будучи обезпечены значительными имѣніями, они прибыли въ Вильно въ 1569 году и тотчасъ же занялись обращеніемъ иновѣрцевъ и воспитаніемъ юношества. На другой же годъ открыта была ими въ зданіи, принадлежащемъ къ костелу св. Іоанна, виленская коллегія, возведенная въ 1579 году папою Григоріемъ XIII на степень академіи, «ad fidei orthodoxae propugnaculum, civitatis ornamentum felicissimum totiusque provinciae decus», и сравнена въ правахъ и преимуществахъ

(¹) *Malinowskiego*, Listy Commendoni, t. 1, p. 24; t. 2, p. 196—198. Просьба объ этомъ польскихъ епископовъ къ папѣ помѣщена у *Тейнера*: Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 2, p. 708.

(²) Ibid. t. 2, p. 11 et 170.

съ академіею краковскою. Въ томъ же 1579 году основана была въ Вильнѣ епископомъ Протасевичемъ бурса, названная по его имени Валеріанскою, въ которой содержались бѣднѣйшіе ученики, воспитывавшіеся въ іезуитскихъ школахъ; бурса эта состояла въ вѣдѣніи виленскаго капитула. Но когда въ 1604 году іезуиты поссорились съ капитуломъ, то они бросили эту бурсу, и приняли ее обратно только въ 1631 году, при чемъ капитулъ уступилъ имъ и всѣ принадлежавшіе этой бурсѣ фундуши и суммы.

Іезуитамъ и ихъ академіи покровительствовалъ король Стефанъ Баторій, преимущественно въ угоду Рима, гдѣ они были всесильны, а Баторій нуждался въ папѣ для того, чтобы чрезъ посредство вліянія римскаго двора на императора германскаго отклонить его отъ исканія польской короны и побудить къ окончанію споровъ Австріи за родную для Баторія Трансильванію. (Фанатизмъ Сигизмунда III достаточно извѣстенъ; онъ, по завѣщанію, оставилъ академіи свою библіотеку). Король Владиславъ IV мало былъ склоненъ къ іезуитизму; но за то братъ его Іоаннъ-Казиміръ, самъ вступившій въ 1643 году въ іезуитскій орденъ въ Римѣ, сдѣлавшись королемъ польскимъ, остался вѣрнымъ ихъ собратомъ и въ продолженіе всей своей жизни дѣйствовалъ въ ихъ пользу. Впослѣдствіи привилегіи виленской академіи увеличены были королями Августами II и III.

Соревнованіе съ академіею краковскою послужило къ увеличенію въ 1641 году виленской академіи двумя факультетами,—юридическимъ или, какъ онъ тогда назывался, «гражданскаго права» и богослов-

скимъ или каноническимъ; фундушъ [1] на содержаніе четырехъ профессоровъ этихъ факультетовъ пожертвованъ былъ въ 1644 году Львомъ Сапѣгою, подканцлеромъ великаго княжества литовскаго, который выписалъ также двухъ профессоровъ юридическихъ наукъ изъ извѣстной въ то время академіи ингольштатской въ Баваріи. Но іезуиты не сочувствовали наукѣ права, какъ и никакой наукѣ, а ввели ее въ академію единственно изъ одного тщеславія, чтобы не отстать, хотя по внѣшности, отъ тогдашнихъ высшихъ заведеній въ другихъ мѣстахъ; потому дѣло шло только пока былъ живъ Сапѣга, тѣмъ болѣе, что сынъ его слушалъ лекціи въ этомъ факультетѣ; послѣ же его смерти каѳедры не замѣщались, а іезуиты даромъ пользовались приписаннымъ къ нимъ фундушемъ; только въ 1760 году гражданское право стало вновь преподаваться.—Ученіе въ академіи заключалось почти единственно въ латыни, но не классической, а испорченной средневѣковой латыни, и въ схоластикѣ, которая не развивала, а затемняла юношескій умъ; исторія была принаровлена къ іезуитскимъ цѣлямъ, т. е. совершенно извращена; изъ географіи и математики проходили только первоначальныя данныя этихъ наукъ, и все, разумѣется, полатынѣ; польскій языкъ искажался вставкою латынскихъ словъ, отъ чего значительно потерпѣла чистота его, и этотъ языкъ отдѣлился насильственно отъ другихъ славянскихъ нарѣчій. И

---

[1] Сначала онъ заключался въ 25 т. злотыхъ; но въ 1655 г. Сапѣга далъ, взамѣнъ его, на содержаніе юридическаго факультета имѣніе Почаевиче, въ оршанскомъ повѣтѣ, состоявшее изъ 16 деревень и изъ части города Лукомля, которые приносили до 30 т. злотыхъ дохода.

эти немногіе и столь извращенные предметы не могли излагаться съ достаточною полнотою; мѣшало этому распредѣленіе времени и другія занятія учениковъ: ежедневно, предъ началомъ лекціи, они слушали литургію, и ежемѣсячно пріобщались, участвовали въ церковныхъ процессіяхъ и прислуживали при богослуженіи, обязаны были записываться въ братство Божіей Матери, которое налагало на нихъ прочтеніе ежедневно многихъ молитвъ и частые посты; кромѣ того, ученики отвлекались отъ занятій разными представленіями въ честь короля и покровительствовавшихъ іезуитамъ вельможъ, заучиваніемъ для нихъ рѣчей, стиховъ и пѣсень, и т. п. ([1]).

Такое печальное состояніе іезуитскаго воспитанія нисколько не мѣшало іезуитскому ордену распространяться, благодаря покровительству королей и аристократіи. Съ 1580 года является іезуитская коллегія въ Полоцкѣ, первымъ ректоромъ которой былъ знаменитый проповѣдникъ Скарга ([2]). Въ 1584 году

([1]) *Michala Balińskiego*, Dawna Akademia Wileńska, proba jej historyi od Założenia w roku 1579 do ostatecznego jej przekształcenia w roku 1803. Peterburg. 1862.

([2]) Въ 1573 году Скарга былъ вызванъ изъ Пултуска въ Вильну въ званіе помощника ректора Варшевицкаго; въ 1574 году Варшевицкій отправился въ Стокгольмъ, а Скарга исправлялъ его должность до 1578 года. Въ 1580 году былъ онъ уже ректоромъ виленской академіи и, не оставляя этой должности, принялъ на себя въ 1582 году ректорство полоцкой коллегіи, но оставался большею частію въ Вильнѣ, пріѣзжая въ Полоцкъ только по временамъ. Въ 1584 году онъ переѣхалъ въ Краковъ, а въ 1588 году, тотчасъ послѣ коронаціи Сигизмунда III, сдѣлался придворнымъ проповѣдникомъ и духовникомъ короля. — Въ 1850 году г. Рыхцицкій посвятилъ памяти Скарги обширное сочиненіе въ двухъ томахъ (Piotr Skarga i jego wiek. Kraków). Въ противоположность многимъ польскимъ историческимъ

князь Николай-Христофоръ Радзивиллъ заложилъ іезуитскую коллегію въ Несвижѣ; она была открыта въ 1595 году (1). Въ короткое время іезуиты наводнили своими коллегіями и монастырями области великаго княжества литовскаго, и въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ утвердили свое пребываніе и основали училища, обезпеченныя богатыми фундушами, въ двадцати главнѣйшихъ городахъ, кромѣ того, имѣли въ другихъ при каѳедральныхъ соборахъ такъ называемыя миссіи, а при церквахъ заводили братства (2). Обученіе юношества составляло не цѣль іезуитскаго ордена, а средство къ достиженію тайныхъ предначертаній, стремившихся къ тому, чтобы овладѣть общественнымъ мнѣніемъ, потому при образованіи молодыхъ людей все было приспособлено къ этой цѣли. Пожертвованія на содержаніе іезуитскихъ заведеній и монастырей увеличивались безпрестанно: Стефанъ Баторій подарилъ имъ обширныя

сочиненіямъ, заключающимъ въ себѣ по большей части одинъ перечень событій, нѣчто въ родѣ лѣтописи, не всегда вѣрной, книга эта написана съ замашками историческаго труда; авторъ дѣлаетъ обзоръ общаго состоянія государства, выводитъ причины фактовъ, и т. п. Но это только обманчивая внѣшность; въ сущности, сочиненіе это написано въ смыслѣ іезуитскихъ полемикъ XVII вѣка, т. е. съ величайшею недобросовѣстностью. Іезуиты выставлены какими-то святыми людьми; въ дѣйствіяхъ ихъ противъ православныхъ и протестантовъ не было будто бы никакого насилія; унія введена по желанію русскаго народа, и т. д.

(1) Kalendarz Jezuicki na rok 1740. Ректоры академіи виленской и коллегій полоцкой и несвижской означены въ приложеніи 12-мъ.

(2) Начало братствамъ положено было Скаргою, который въ 1572 году учредилъ братство св. таинъ при церкви Святоянской въ Вильнѣ. При той же церкви основано было въ 1586 году братство пресвятой Богородицы (Sodalitas Mariana).

недвижимыя имѣнія въ полоцкомъ воеводствѣ, умноженныя впослѣдствіи королемъ Сигизмундомъ III; фамиліи Радзивилловъ, Сапѣговъ, Ходкевичей и другія дѣлали въ пользу ихъ богатыя записи. Для полнаго успѣха своихъ дѣйствій іезуитамъ необходимо было овладѣть умами высшаго сословія и преимущественно короля: они вполнѣ того достигли въ царствованіе Сигизмунда III. Въ продолженіе тридцатилѣтняго правленія его, они распоряжались самовластно дѣлами государственными,—единственное желаніе короля состояло въ томъ, чтобы угодить іезуитамъ. Для совращенія народа въ католицизмъ, кромѣ заведенія училищъ, они переводили духовныя и церковныя книги на народное нарѣчіе, строили монастыри, открывали чудотворныя иконы и другія святыни, такъ что въ одно XVII столѣтіе въ Литвѣ канонизовано было болѣе святыхъ, чѣмъ во всѣ предыдущія.

Вскорѣ послѣ призванія іезуитовъ, знатнѣйшія фамиліи, отдѣлившіяся отъ римско-католической церкви, снова къ ней присоединились, и тѣ лица, которыя были ревностнѣйшими защитниками диссидентовъ, сдѣлались самыми дѣятельными агентами іезуитовъ и обогатили ихъ своими пожертвованіями ([1]).

([1]) Іезуиты любили хвалиться покровительствомъ сильныхъ и знатныхъ, чтобы этимъ выставить въ общественномъ мнѣніи превосходство своего ордена. Вотъ какъ выражается одинъ изъ польскихъ іезуитовъ о сочувствіи магнатовъ къ ихъ обществу: «Ne soli pontifices, imperatores ac reges societatem dilexisse atque promovisse videantur; possem in omnibus regnis ac provinciis innumeros magnates ac dynastas utriusque ordinis sacr et saecularis afferre, qui idem de societate quod principes censerunt, et fundatis collegiis suum universo orbi de societate judicium testatum fecerunt; sed omnes praetereo, domestica tan-

Сыновья князя Николая Радзивилла Чернаго, могущественнаго покровителя кальвинистовъ, иждивеніемъ коего изданъ былъ въ 1563 году въ Брестѣ польскій переводъ Библіи, перешли также въ латынство, выгнали изъ обширныхъ имѣній своихъ, Несвижа, Олыки, Клецка и другихъ, министровъ кальвинскихъ и передали кальвинскія церкви съ ихъ имуществами, типографіи и книжныя лавки латынскому духовенству. Въ продолженіе королевствованія Сигизмунда III почти половина кальвинистовъ изъ дворянъ обратилась снова въ латынство, а въ годъ смерти этого короля въ литовскомъ сенатѣ не оставалось уже ни одного диссидента. Іезуитамъ, разумѣется, тяжело сознаться, что распространеніемъ своего ордена въ Литвѣ они обязаны преимущественно фанатическому изувѣрству Сигизмунда; потому современные іезуитскіе писатели самымъ неблагодарнымъ образомъ какъ-бы отрекаются отъ него: что же въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ онъ необыкновеннаго для іезуитовъ?—говорятъ они; — то ли, что онъ бралъ изъ нихъ своихъ духовниковъ и проповѣдниковъ? но такъ было тогда во всей Европѣ; во все свое продолжительное царствованіе онъ основалъ на свой счетъ только двѣ іезуитскія коллегіи, остальныя же учреждены были не имъ, а частными лицами и епископами [1]. Та-

tum exempla sumo et in medium profero non homines obscuros, sed clarissimos viros; non privatos, sed in dignitate constitutos; non e media turba excerptos, sed ex supremo ordine selectos, qui cum generis splendore nemini cedant, aetate, doctrina, experientia, meritis multis antecedunt». (*Argenti*, De rebus societatis Jesu in regno Poloniae. Editio tertia. Cracoviae. 1620. p. 387).

[1] *Rychcickiego,* Piotr Skarga i jego wiek. Kraków. 1850. t. 2, p. 13—14.

кова польско-іезуитская историческая правда и въ наши дни!

Въ 1607 году произошло раздѣленіе іезуитскаго ордена въ Литвѣ на двѣ провинціи, — польскую и литовскую.

Гоненія іезуитовъ испытали не одни кальвинисты, но и православные жители великаго княжества литовскаго. Съ самыхъ временъ Ягелла православіе стало предметомъ угнетенія римско-католическаго духовенства. Ксендзы, не довольствуясь своими доходами, начали брать десятину съ православныхъ прихожанъ, а впослѣдствіи и съ православныхъ священниковъ. Но не смотря на гоненія православіе такъ укоренилось въ Литвѣ, что, по словамъ Герберштейна и Гваньини, въ самой Вильнѣ было болѣе православныхъ церквей, чѣмъ костеловъ (¹), и даже при Стефанѣ Баторіѣ, въ концѣ XVI вѣка, оставалось въ этомъ городѣ тридцать православныхъ храмовъ (²). Знатнѣйшія фамиліи литовскія: Ходвичи, Пузыны, Тишкевичи, Хребтовичи, Чарторижскіе и многія другія исповѣдывали прежде православную вѣру. До сихъ поръ остались на Литвѣ видимыя, пощаженныя вѣками воспоминанія о томъ въ православныхъ храмахъ: въ Святотроицкомъ ви-

---

(¹) *Sigismundi Herbersteini*, Rerum Moscoviticarum commentarii. Изд. Старчевскаго, т. 2, стр. 19: «quae (Vilna) etsi romanum ritum sequatur, plura tamen templa Ruthenici, quam Romani ritus in ea cernuntur». *Alexandri Guaynini Veronensis*, Omnium regionum Moscoviae descriptio. Spirae. 1581. Старчевск. т. 1, стр. 19: «media pars Ruthenorum eam (Vilnam) incolit, pluresque ecclesiae in ea Ruthenicae, quam Romanae conspiciuntur».

(²) *Pauli Oderbornii*, De Russorum religione et ritibus narratio. 1582. Старчевск. т. 2, стр. 39: «Vilnae triginta templa habent (т. е. православные) omnia fere opere laeteritio structa».

ленскомъ монастырѣ стоитъ усыпальница Тишкевичей; въ двухъ миляхъ отъ Бѣлостока возвышается и теперь Супрасльскій монастырь, построенный въ 1506 году Александромъ Ходкевичемъ, тогда православнымъ, на подобіе Софійскаго собора въ Константинополѣ. Много другихъ подобныхъ памятниковъ разсѣяно по Литвѣ (1). Постановленія собора флорентійскаго (1438 г.), провозгласившаго сліяніе или унію Церкви православной съ римскою, остались на бумагѣ, на дѣлѣ же римскій дворъ не могъ привести въ исполненіе ни одного изъ своихъ предположеній (2): православіе литовское стояло твердо; его поддерживали патріархи константинопольскіе своими посланіями и даже личными посѣщеніями западной Россіи, а также сосѣдняя и единовѣрная Россія. Даже неудачу флорентійскаго собора въ Литвѣ католики приписываютъ браку великаго князя литовскаго Александра съ дочерью великаго князя Іоанна III, Еленою, которая сохранила свою вѣру (3), не смотря на принужденія польскаго духовенства и самого папы, предписавшаго даже употребить про-

---

(1) Русско-литовскій писатель XVII вѣка говоритъ: «и по нынѣшній день найдутся маліоване обычаемъ грецкимъ, зъ написами словенскими по стенамъ костеловъ польскихъ». (Палинодія. 1621 г. глав. 3, раздѣлъ 1, артикулъ 2).

(2) Это подтверждаютъ сами уніаты. «Благодатию Бога Вседержителя и преизволениемъ его светымъ, безъ которого воли ничто человеку невозможно, сталосе соединение межи церковъю греческою и рымскою (брестскій соборъ) в панстве его королевское милости пана нашого милостивого, которое по такъ долгомъ времени схызмы проклятое мало не полътораста летъ недбалостью старшыхъ церковныхъ по соборе флорентейскомъ отлогомъ лежало; а теперъ часовъ нашихъ одновено». (Антирхезисъ, стр. 441).

(3) Подробности см. въ сборникѣ *Муханова.*

тивъ нея насиліе, разлучить съ мужемъ и захватить приданое ([1]); находившіеся при Еленѣ русскіе духовные напоминали своимъ ученіемъ и примѣромъ о догматахъ православія, нѣкоторые даже получили должности въ Литвѣ ([2]). Гоненія продолжались по прежнему, и не бывшіе въ состояніи ихъ выдержать магнаты литовскіе переѣзжали на службу въ Москву ([3]). Но противодѣйствіе православнаго ли-

---

([1]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 2. Romae. 1861. p. 288—291. «A pluribus catholicis et gravibus viris fuisse temptatum, ut nobilem Helenam,... Ruthenorum pravitate relicta, ad orthodoxam fidem amplectendam inducerent, ad quod nullis unquam rationibus adduci potuit». Въ 1501 году папа Александръ VI писалъ, между прочимъ, великому князю литовскому: «Committimus... episcopo Vilnensi per breve nostrum, quod cum exemplo ejusdem hic alligatum habebis, ut eandem Helenam inducat quibus poterit suasionibus, ac moneat, et si opus fuerit, per censuras ecclesiasticas et alia juris remedia cogat et compellat, ut abjuratis erroribus suis ad unitatem fidei catholicae veniat. Quod si in pertinacia sua, paternis ejus monitionibus contemptis, perstiterit, eandem Helenam a cohabitatione thori tui separet, et aliis maritalibus obsequiis privet, ac penitus a te dimoveat».

([2]) Exethesis przez *Meletiusza Smotrzyckiego*. we Lwowie. p. 91. «Gdyby nie z Moskwy ta piekielna iedza, przekleta, mowie. schisma, z krolowa Helena do Ruskich naszych kraiow byla wlazla, y po dni nasze Florentskiego soboru iedność w cerkwi narodu naszego Ruskiego zostawalaby. Ta pani monaster w Mińsku Litewskim ufundowawszy, y Jone sobie podobnego schismatyka archimandryta nad nim przeloźywszy, tego potym przyczyna swoia dokazala, źe po śmierci metropolity Josepha Soltana, na metropolia ruska byl podniesiony, a z nim schisma w ruska cerkiew stala sie wtrawna». См. также Hierarchia Dubowicza. we Lwowie. 1644 г. книга 4, раздѣлъ 5: «Schisma następować poczela za przyiechaniem królowey Heleny Moskiewski, która duchownych z soba z Moskwy przywiodszy, pomogla im do tego, źe przéloźonymi w duchowienstwie tu u nas pozostowali i ci schisme odnowili».

([3]) Сборникъ *Муханова*. № 71.

товскаго народа, достаточное, съ помощію сильной вѣры, защищаться отъ латинскаго гнёта, во времена обыкновенныя, сдѣлалось почти невозможнымъ, когда католицизмъ избралъ своимъ орудіемъ іезуитовъ, сильныхъ богословскими знаніями, руководимыхъ фанатизмомъ, поддерживаемыхъ королемъ, дворянствомъ, привилегіями и всевозможными политическими правами. Іезуиты не ограничивались собственно Литвою, гдѣ всего болѣе было людей ихъ вѣры, но именно стремились въ православныя страны великаго княжества литовкаго, въ Украйну [1], Подолію и Волынію, успѣли основать свои коллегіи въ Луцкѣ, Каменцѣ, Барѣ, Винницѣ и другихъ городахъ этого края и, поддерживаемые польскимъ дворянствомъ, тамъ утвердились; въ пользу ихъ заведеній дворяне не только жертвовали своими имѣніями и капиталами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Каменцѣ, дѣлали общественные склады и сборы [2], и всѣ эти усилія принимались для того, чтобы совратить въ латынство принадлежавшихъ имъ православныхъ крестьянъ [3]. Вообще іезуитская тактика, какъ они и сами сознавались [4], состояла въ томъ,

---

[1] Вотъ что писалъ въ 1620 году объ этомъ краѣ іезуитъ Анцута: «Illuc vix vel sacerdotem latinum, vel templum catholicum, vel verae religionis exercitium fas erat reperire. Omnia plena schismate, infecta haeresi, polluta judaismo,—catholici paucissimi». (*Argentus*, p. 43).

[2] Ibid. pag. 396.

[3] «Duces illustrissimi Chrisophorus Sbarascius et Georgius Czartoryjski, ad stabiliendam in suis ditionibus religionem romanam atque suos subditos in via salutis continendos, domum nostrum Vinnicensem digna principibus liberalitate perpetuam esse voluerant». Ibid. pag. 44.

[4] Ibid. pag. 35.

чтобы окатоличить православныя окраины литовскаго княжества, смежныя съ Россіею: съ этою цѣлію они проникли въ Украйну, и для того же ревностно трудились основаться въ Бѣлоруссіи; но въ началѣ XVII вѣка имъ удалось захватить тамъ только два пункта: Полоцкъ и Оршу [1].

---

[1] Ibid. pag. 29.—Въ XVI вѣкѣ іезуиты имѣли въ Литвѣ: 1) академію въ Вильнѣ (преобразованную изъ коллегіи въ 1578 году) и коллегіи 2) въ Полоцкѣ (1580 г.) и 3) въ Несвижѣ (1584); послѣдняя основана Радзивилломъ Сѣроткою, по возвращеніи его изъ путешествія въ Іерусалимъ; въ Полоцкъ ввелъ іезуитовъ знаменитый Скарга; на сеймѣ 1587 г. мѣстное дворянство просило объ удаленіи ихъ отсюда; нерасположеніе къ этому ордену тамъ было такъ велико, что сначала въ полоцкую коллегію никто не шелъ, и въ ней было всего пять учениковъ; коллегія эта была одна изъ богатѣйшихъ. Въ XVII вѣкѣ у іезуитовъ уже были коллегіи въ слѣдующихъ мѣстахъ: 4) въ Гроднѣ (основ. 1621 г. Станиславомъ Козалуцкимъ, одна изъ самыхъ богатыхъ); 5) въ Каменцѣ-Подольскомъ (основ. епископомъ Іоанномъ Прухницкимъ); 6) въ Ковнѣ; 7) въ Оршѣ (всѣ основаны при Сигизмундѣ III); 8) въ Новгородѣ-Сѣверскомъ (въ началѣ XVII вѣка); 9) въ Луцкѣ (1609 г., основ. епископомъ Мартыномъ Шашковскимъ; 10) въ Барѣ (между 1610—1614 гг.); 11) резиденція въ Винницѣ (между 1610—1618); 12) въ Крожахъ (1614), куда іезуиты пришли изъ Вержбилова, вызванные Іоанномъ-Карломъ Ходкевичемъ, гетманомъ великаго княжества литовскаго; 13) въ Кіевѣ (1620 г.; послѣ она была перенесена въ м. Фаустово, потомъ опять въ Кіевъ); 14) въ Острогѣ (1624); 15) резиденція въ Бобруйскѣ (1627 г., осн. Петромъ Тризною, воеводою парнавскимъ); 16) въ Пинскѣ (1635), куда іезуиты были призваны Албертомъ IV Станиславомъ Радзивилломъ, канцлеромъ вел. княжества литовскаго, воеводою панскимъ; въ началѣ прибыло ихъ четыре человѣка: «duo ad paganos (православныхъ) excurrebant, duo in civitate agebant catholicae religionis oppidanis magistri (*Rostowsky*. p. 330); замѣчательно, что во время Августа III тутъ преподавали греческій языкъ, чего не было въ другихъ іезуитскихъ коллегіяхъ въ Литвѣ; 17) въ Смоленскѣ (при Владиславѣ IV); 18) въ Витебскѣ (1640); 19) въ Минскѣ (въ поло-

Впрочемъ, все предвѣщало іезуитамъ дальнѣйшіе успѣхи, тогда какъ защищавшемуся отъ нихъ православному народу мало было надежды получить откуда бы то ни было подпору. Дальній Константинополь, погруженная въ свои собственныя дѣла Москва, были плохою защитою противъ врага, ставшаго лицомъ къ лицу; оставались одни собственныя домашнія средства,—терпѣніе народа и руководство православнаго духовенства. Терпѣніе было большое, потому что велика была вѣра; но духовенство не отвѣчало своему призванію въ эту тяжкую эпоху. Безправное, бѣдное, загнанное, оно не имѣло не только образованія, но часто и куска насущнаго хлѣба. Пусть познакомитъ насъ съ нимъ очевидецъ православный собственными горькими словами: «Спите пастыри, а непріятель тутъ! О, архипастыри, учители и вожди овецъ Отца вашего! доколѣ пребудете нѣмыми, доколѣ будете пожирать своихъ овецъ! Настигъ насъ не гладъ хлѣба, а гладъ слова Божьяго, не жажда питія, а алканіе проповѣди евангельской.

винѣ XVII в.); 20) въ Дрогичинѣ (1660): нынѣ заштатный городъ гродненской губерніи; іезуитъ Ростовскій описываетъ (стр. 398), какъ его собратія были приняты въ Дрогичинѣ православными: «Palatinus Podlachiae firmavit suis praesidiis domum horum aliorumque pietas adversus Phocianos, schismaticos, ejus civitatis incolas, qui socios aditu etiam oppidi arcerent pertinaciter»; 21) резиденція въ Меречѣ (1676); 22) резиденція въ Овручѣ (1680, одна изъ богатѣйшихъ); 23) въ Слуцкѣ (1696). Въ XVIII вѣкѣ къ этому числу іезуитскихъ заведеній прибавились: 24) коллегія въ Кременцѣ (1720) и 25) миссія въ Житомірѣ (1724). Кромѣ того, ордену іезуитовъ принадлежали коллегіи: 26) въ Брестѣ-Литовскомъ и 27) въ Динабургѣ, и резиденціи: 28) въ Могилевѣ «для обращенія схизматиковъ» и 29) въ Слонимѣ, время основанія которыхъ намъ неизвѣстно. См. Historya szkol w Koronie i Wielkiem ksiestwie Litowskiem, przez *Lukaszewicza*. Poznan. 1851. t. IV.

Лишены мы пророка и Господа, лишены вождя и пастыря; много нынѣ пастырей именемъ, а мало дѣломъ. Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ пастырей разумной твари Христовой скорѣе должны бы пасти неразумное стадо ословъ... О, несчастное стадо! Ужели можетъ быть пастыремъ и учителемъ тотъ, который самъ ничему не учился, который не понимаетъ обязанностей своихъ ни въ отношеніи къ Богу, ни въ отношеніи къ ближнимъ? Чтò же можетъ доставить ввѣреннымъ овцамъ тотъ, кто съ юныхъ лѣтъ занимался не изученіемъ святаго Писанія, а дѣлами противными сану духовному, или же проводилъ время въ праздности? Не имѣя пищи и одежды, гнетомый нуждою, вдругъ вздумалъ священствовать, не зная, чтò такое священство, и не понимая, какъ должно исполнять его. Прельщенные златомъ и сребромъ, вселяются въ домъ Божій—одни изъ корчемъ, другіе изъ дворовыхъ людей, тѣ изъ солдатъ, а нѣкоторые изъ крестьянъ, безъ всякаго избранія и безъ всякаго свидѣтельства. Вотъ какихъ имѣемъ вождей и пастырей. Умирая сами съ голода, вздумали питать другихъ. Сами слѣпы, а хотятъ водить другихъ; сами хромаютъ на обѣ ноги, а думаютъ служить подпорою другимъ; сами невѣжды, а думаютъ научать другихъ» (¹). Показанія столь же безпристрастнаго въ этомъ дѣлѣ свидѣтеля, князя Курбскаго, вполнѣ подтверждаютъ вѣрность изображеннаго состоянія православнаго духовенства въ Литвѣ передъ уніею: священники пировали въ корчмахъ, обирали церкви (²) и т. п. Для перевода Златоуста

(¹) Θρῆνος, to iest Lament iedyncy s. powszechney Apostolskiey wschodniey Cerkwie. w Wilnie. 1610. pag. 12, 13, 14.

(²) Жизнь князя Курбскаго. т. 1, стр. 227. т. 2, стр. 148.

съ латынскаго языка на славянскій, Курбскій искалъ людей, хорошо знающихъ церковный языкъ, но не нашелъ ихъ. «Аще и елицыхъ обрѣтохъ мниховъ и мірскихъ, не возхотѣша помощи ми: мниси отрекошася, уничажающеся непохвалне, не глаголю лицемѣрне, або лѣностне, отъ того достохвальнаго дѣла; мірскіе не восхотѣша, объяты будучи суетными міра сего и подавляюще сѣмя благовѣрія терніемъ и осотомъ» (1). «Увлекаемые симоніею», говорилъ Смотрицкій, тогда еще православный, «мы допускаемъ къ священству пятнадцатилѣтнихъ ребятъ. Всѣмъ извѣстно, что у иныхъ еще матернее молоко на губахъ не обсохло, а мы ихъ противъ всякаго приличія сдѣлали отцами; они еще читать по складамъ не выучились, а мы послали ихъ на проповѣдь слова Божія; собственными домами еще не управляли, а мы вручили имъ управленіе Церкви... Что̀ скажу я и о монастыряхъ, мнѣ подчиненныхъ, въ которыхъ иноки, своевольно нарушивъ священные уставы предковъ, попрали ихъ и уничтожили, такъ что не осталось и слѣда того благочестиваго житія въ постѣ и молитвѣ, и въ подвигѣ, и въ ученіи св. Писанія. Горе мнѣ пастырю; я долженъ во всемъ этомъ отдать отчетъ Господу въ день судный» (2).

Такіе противники, никѣмъ не защищаемые, не могли быть опасны іезуитамъ, поборовшимъ уже реформацію, овладѣвшимъ общественнымъ мнѣніемъ, и поддерживаемымъ польскимъ правительствомъ въ

(1) Жизнь кн. Курбскаго. т. 2, стр. 311.
(2) Ламентъ *Смотрицкаго.* глава 2.

стремленіи искоренить православіе ([1]). Современное съ вызовомъ іезуитовъ окончательное сліяніе съ Польшею Литвы еще болѣе придвинуло ее къ римскому католицизму, отдаливъ отъ Москвы. Не говоря о частныхъ насильствахъ, объ отнятіи разныхъ православныхъ храмовъ, преслѣдованіи личностей и т. п., общая стычка римско-католическаго духовенства съ православнымъ наступила при введеніи новаго календаря.

Народъ, не понимающій астрономіи, видѣлъ въ этомъ нововведеніи святотатство, нарушеніе обычнаго времени его праздниковъ, постовъ, всего его

([1]) Польское правительство, особенно при Сигизмундѣ III, не скрывало своего намѣренія уничтожить православіе при помощи іезуитовъ. Доказательствъ тому слишкомъ много; для примѣра приведемъ здѣсь извлеченіе изъ привиллегіи 6 февраля 1609 года на учрежденіе іезуитской коллегіи въ Луцкѣ: «Cum vero patres societatis Jesu singularem cultus divini zelum animo conceptum ita ardenti studio promoveant, ut in extirpandis haeresibus, juventute literis et pietate instituenda, ac veritate catholica, doctrina et moribus asserenda et illustranda primas sibi partes vendicent, et praeclara per universum orbem haeresibus fractis et debilitatis, ac feris etiam et barbaris nationibus sub juga fidei Chrisrianae redactis, suorum conatuum specimen ediderint, hocque regnum nostrum doctrina et pietate ita paucos ante annos excoluerint, ut pristinae religionis integritati magna ex parte eorum opera restitutum censeri possit. *Idcirco ut instituti sui prosequendi majorem facultatem et in iis quoque partibus, quae Scythis finitimae ab unitate sacrosanstae et universalis romanae ecclesiae olim alienatae, ignorantiae tenebris obductae sunt, lumen veritatis proponant, permittimus illis et concedimus in inferiori arce nostra Luceoriensi in arcis, quas patres sui juris fecerint, collegii prout commodius illis videbitur extruendi potestatem*, locumque illum et arcas aedificiis collegii occupandas, ac collegium ipsum libertatibus ecclesiasticis adscribimus, et ab omni tam terrestri, quam castrensi, aut etiam civili, vel quacumque alia jurisdictione eximimus et exemptum ac immune temporibus perpetuis esse jubemus».

общежитія. Болѣе образованные опасались иного: начала измѣненія въ православныхъ его обрядахъ. Волненіе было такъ сильно, что Стефанъ Баторій, вводя новый календарь для католиковъ, долженъ былъ согласиться не распространять его на православныхъ, пока на то не послѣдуетъ соизволеніе патріарха константинопольскаго [1] (1584 г.). Близкій къ этому времени православный писатель разсказываетъ, что знаменитый ревнитель православія князь К. К. Острожскій, пріѣхавъ къ Баторію въ Городню, имѣлъ длинный разговоръ съ нимъ по этому предмету. Король, принявъ его ласково, обнявъ его голову своими руками, сказалъ, что онъ получилъ папскій декретъ о введеніи между русскими новаго календаря. Острожскій отвѣчалъ, что сдѣлать этого нельзя безъ сношенія съ восточными патріархами. «Такъ я и думаю», сказалъ Баторій: «народъ рускій помогаетъ намъ въ мирѣ и войнѣ, потому нужно оставить его въ спокойствіи, а введеніе новаго календаря и подчиненіе православныхъ папѣ не сблизятъ оба народа, а разъединятъ ихъ; я этихъ новостей не хочу,—пусть останется при мнѣ такъ, какъ я засталъ» [2].

Сигизмундъ III и іезуиты въ особенности думали иначе: имъ нужно было только время для осуществленія своего завѣтнаго призванія, склонить хотя нѣкоторыхъ изъ православныхъ епископовъ, и обратить въ дѣло слова почти забытаго на Литвѣ фло-

---

(1) Грамата о семъ Стефана Баторія напечатана въ Минскихъ актахъ, № 31. См. также Antigraf (Wilno. 1608). стр. 10. Въ 1589 году это подтверждено было Сигизмундомъ III для православныхъ мѣщанъ города Минска. Минскіе акты, № 61.

(2) Палинодія (1621 г.), глава 4, раздѣлъ 2, артикулъ 5.

рентійскаго собора. Главнымъ своимъ орудіемъ они употребили Ипатія Поцѣя, епископа владимірскаго и брестскаго, къ которому присталъ луцкій епископъ Терлецкій и нѣкоторые другіе, въ томъ числѣ и кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза. Безъ сношенія съ константинопольскимъ и другими православными патріархами, съ единовѣрцами въ Россіи и западныхъ славянскихъ государствахъ, безъ малѣйшаго соглашенія съ исповѣдниками православія на Литвѣ, созванъ былъ, въ 1596 году, окончательный соборъ въ Брестѣ-Литовскомъ для подчиненія православной Церкви Риму. Когда узнали объ этомъ православные, они съ шумомъ окружили измѣнявшихъ епископовъ, требовали отъ нихъ отвѣта и помѣшали открыть совѣщанія въ предназначенный день; но ихъ разогнали именемъ короля и силою; сѵнодъ состоялся, и весьма поспѣшно, ибо боялись вмѣшательства Россіи, и Поцѣй съ Терлецкимъ отвезли въ Римъ грамату о подчиненіи восточной Церкви папѣ, не смотря на то, что нѣкоторые изъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, какъ перемышльскій Михаилъ Копыстенскій и львовскій Гедеонъ Балабанъ, не подписались подъ опредѣленіями собора. Тогда провозглашено было соединеніе или унія обѣихъ церквей на условіяхъ, съ перваго взгляда, весьма выгодныхъ для православныхъ исповѣдниковъ, ибо имъ оставлялись неприкосновенными не только богослужебный славянскій языкъ и обряды, но даже догматы и таинства, именно: не заставляли присоединять къ символу вѣры *Filioque*, признавать чистилище; причащаться подъ видомъ одного тѣла Господня, оставили имъ епископовъ, и съ тѣмъ еще, чтобы они назначались, за исключеніемъ митропо-

лита, по прежнему, а не папою, какъ католическіе, оставили и женатыхъ священниковъ; мало того: латынскимъ епископамъ и ксендзамъ положительно запрещено совершать богослуженіе въ уніатскихъ храмахъ даже на славянскомъ языкѣ. Значитъ, все соединеніе церквей состояло, повидимому, въ признаніи главенства папы и упоминаніи его имени на литургіи вмѣсто патріарха константинопольскаго: ученіе, обряды, духовенство остались тѣже; потому и говорили католики, что унія не есть соединеніе церквей въ одну, а только единеніе, не сліяніе ихъ, а союзъ (1). Такъ что для простаго человѣка ничего не перемѣнилось: та же церковь, тѣ же иконы, тотъ же священникъ, то же богослуженіе. Но въ сущности православные догматы уніею были разрушены, ибо по акту оной ученіе и обряды греческой Церкви сохранены были на одномъ условіи: *поколико то не противно римской* (2). Условіе это вначалѣ не приводилось въ исполненіе; напротивъ того, римскій дворъ показалъ въ этомъ дѣлѣ такую предусмотрительную осторожность, такое терпѣливое выжиданіе, которыя рѣдко повторяются въ исторіи политическихъ преобразованій; онъ заставилъ только признать гласно папу, это звѣно соединенія, остальное предоставилъ времени,—актъ былъ совершенъ, а положенія его осуществляться должны были постепенно, тихо, незамѣтно, смотря по обстоятельствамъ. Римъ не отступалъ отъ этой системы и впослѣдствіи; на-

(1) Antirchesis. p. 51, 59, 195, 215, 284, 465. — Paraenesis (w Krakowie. 1629). p. 48—52.

(2) «Dummodo veritati et doctrinae fidei catholicae non adversentur et communionem cum romana ecclesia non excludant».

рушали ее своею поспѣшною ревностію его слишкомъ запальчивые приверженцы и исполнители.

До какой степени римскій дворъ расчитывалъ на невѣдѣніе народа въ дѣлѣ вѣры и на удобство привести его постепенно въ католицизмъ самымъ наглымъ обманомъ, такъ чтобы онъ этого и не замѣтилъ, лучше всего можно видѣть изъ единовременно изданныхъ буллъ по случаю объявленія уніи. Въ одной (1), предназначенной для публики, папа сохраняетъ уніатамъ не только обряды ихъ ученія, но и совершеніе, согласно съ ними, всѣхъ таинствъ; въ другой, заставляетъ Поцѣя и Терлецкаго клясться предъ собою лично, въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ, въ томъ, что они вѣруютъ въ исхожденіе Духа Святаго отъ Отца *и Сына*, въ чистилище, въ причастіе подъ однимъ видомъ, въ истинность совершенія всѣхъ таинствъ только по обрядамъ римской церкви, въ томъ, что они признаютъ индульгенціи за спасительнѣйшее учрежденіе, принимаютъ всѣ постановленія тридентинскаго собора, и что они, наконецъ, обязываются внушать это ученіе своей паствѣ, въ чемъ и клянутся Богомъ и Его святымъ евангеліемъ (2). Итакъ одно ученіе для народа, ученіе явное, открытое, а другое ученіе тайное, для его пастырей, присягающихъ на евангеліи въ томъ, что они будутъ обманывать свою паству: и то, и другое, какъ-бы та же самая вѣра, подъ названіемъ уніи, утверждено считающимъ себя намѣстникомъ Христа на землѣ, т. е. Бога истины, правды и любви.

Недостаточно однако было составить соборъ и

---

(1) Булла: «Decet Romanum Pontificem».
(2) Булла: «Magnus Dominus et laudabilis».

письменный актъ: памятное тому доказательство былъ соборъ флорентійскій; нужно было заставить и признать этотъ соборъ, и въ этомъ-то именно состояла самая трудная задача для іезуитовъ. Узнавъ о брестскомъ соборѣ, православные жители, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, подали противъ него протестацію на сеймахъ и сеймикахъ, отреклись отъ повиновенія отступнымъ епископамъ, обличили ихъ, что они произвольно присягали за нихъ въ томъ, что̀ имъ было вовсе неизвѣстно, ѣздили въ Римъ въ качествѣ пословъ, тогда какъ ихъ туда никто не посылалъ, представляли граматы, о которыхъ, говорили они, намъ и не снилось (1). Бо̀льшая часть священниковъ осталась въ православіи. Патріархи константинопольскій и александрійскій (2), схимники аѳонскіе (3) присылали посланія православнымъ, убѣждая ихъ оставаться твердыми въ своей вѣрѣ и укоряя измѣнниковъ. Мелетій александрійскій писалъ Поцѣю, что, оставивъ правовѣрныхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не доставилъ и полнаго удовольствія Риму, къ которому только присталъ наполовину; да и что за

---

(1) Отписѣ на листъ в бозѣ велебнаго отца Ипатіа володимерского і берестейского епископа до ясне освецоного княжати Костентина Острозского, воеводы киевского о залецанью и прехваланью восточной церкви з заходнымъ костеломъ, о унѣи, або згоды, року 1598 писаный. Черезъ одного наменшого клирика церкви острозской в томъ же року отписаный.

(2) Посланіе александрійскаго патріарха Мелетія къ Ипатію Поцѣю отъ 15 октября 1599 года.

(3) Посланіе отъ святыя горы Аѳонскіа скитствующихъ и о царствіи Христовѣ нудящихся святыхъ отецъ благовѣрному князю Констянтину съ протчими православными христіяны, укрѣпляюще отъ вѣры Христовы не отпадати, но крѣпко и благодерзновенно стояти противъ латинъ. (Литовскій просвѣтитель).

радость для епископа, прибавлялъ онъ, управлять тѣми, которые его не признаютъ? На самомъ мѣстѣ, на родной почвѣ, явилась сила, съ которою іезуитамъ нужно было посчитаться: то былъ одинъ только человѣкъ, правда, но человѣкъ, въ которомъ олицетворялись легіоны, — этотъ князь Константинъ Константиновичь Острожскій, котораго слушала Волынь и Подолія, знала и уважала Вильна. Не даромъ Поцѣй старался склонить его къ своимъ замысламъ еще задолго до брестскаго собора; когда ему это не удалось, и по состояніи уже собора, онъ всячески заискивалъ у него, хотѣлъ успокоить, разубѣдить, примирить съ своимъ дѣломъ. Князь Острожскій не допускалъ его до себя ([1]), а на письма его отвѣчалъ чрезъ своего клирика. Іезуитамъ представлялись два образа дѣйствованія, два пути: путь убѣжденія, —а они были богаты богословскими знаніями, — и сила, ибо въ ихъ рукахъ была свѣтская власть. Они избрали и тотъ, и другой, смотря по сословіямъ, съ которыми предстояло дѣло, но прежде всего употребили силу, какъ средство, если не вѣрнѣйшее, то скорѣйшее съ народною массою. Многія церкви обратили въ костелы, черезъ полицейскихъ урядниковъ приводили въ латынскую вѣру, окончательно лишили православныхъ всѣхъ правъ гражданства. «Съ насъ снимаютъ послѣднюю рубашку», говорили православные учители церкви, «мы ее отдаемъ съ радостію; останемся голыми, но съ чистою душею» ([2]). Съ дворянствомъ іезуиты поступали иначе и достигли бóльшаго успѣха: они прельстили его свѣт-

---

([1]) Палинодія, часть 4, раздѣлъ 2, артикулъ 4.
([2]) Тамъ же, часть 4, раздѣлъ 1, артикулъ 2.

скими выгодами, мѣстами, почестями, и съ неимовѣрною скоростію, въ теченіе какихъ-нибудь десяти, пятнадцати лѣтъ, присоединили къ римско-католической церкви лучшія литовскія православныя фамиліи: князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Сангушекъ, Чарторижскихъ, Пронскихъ, Масальскихъ, Пузынъ, также Ходкевичей, Сапѣгъ, Пацовъ, Тышкевичей, Хребтовичей и многихъ другихъ [1]. Лѣтъ черезъ тридцать послѣ уніи цѣлыми тысячами приводили къ ней православныхъ: родители сохраняли свою вѣру, а дѣти ихъ были уже католиками: даже сынъ князя Острожскаго измѣнилъ православію. Противъ силы народъ употреблялъ также силу единственное оставшееся ему средство противъ притѣсненій: билъ и убивалъ ксендзовъ и уніатовъ, отстаивалъ головою свои храмы: «унитъ онъ, ну такъ его подъ ледъ, ну его подъ мечь»,—такъ сильно было озлобленіе.

Живописно изображаетъ православный учитель, котораго съ горестію потеряла потомъ наша литовская церковь (онъ также обратился въ латынство), состояніе въ это время православной Церкви. Олицетворивъ ее, онъ такія слова влагаетъ въ ея уста: «Увы мнѣ бѣдной, увы несчастной, отовсюду лишаемой собственности! Увы мнѣ совлеченной разъ на всесвѣтный позоръ моего тѣла! Горе мнѣ обремененной нестерпимою тяжестію! Руки въ оковахъ, ярмо на шеѣ, желѣза на ногахъ, цѣпи вокругъ тѣла, мечь надъ главою, глубина водъ подъ ногами, неугасимый огонь вокругъ; отовсюду вопли, отовсюду страхъ и преслѣдованія! Бѣды въ городахъ и се-

---

(1) Lament. стр. 15.

лахъ, бѣды въ поляхъ и дубравахъ, бѣды въ горахъ и пропастяхъ земныхъ. Нигдѣ спокойнаго мѣста и безопаснаго убѣжища. Дни въ болѣзняхъ и ранахъ, ночи въ стенаніяхъ и вздохахъ; жаркое лѣто къ изнеможенію, холодная зима къ смерти; ибо я терплю жалкую наготу, и меня преслѣдуютъ на смерть. Нѣкогда украшенная и богатая, нынѣ искажена и убога; древле царица, всѣми любимая, нынѣ всѣми презираема и угнетенна. Придите ко мнѣ всѣ народы, приступите всѣ живущіе на землѣ, выслушайте голосъ мой, узнайте чѣмъ была я прежде, и удивитеся. Посмѣшище нынѣ міру, я прежде была удивленіе и людямъ и ангеламъ. Украшена была паче всѣхъ, прекрасна и любима; прекрасна какъ утренняя заря, прелестна какъ луна, избранна какъ солнце; единородная у моей матери, я была ея любимою, чистою голубицею, неоскверненною и никакого порока въ себѣ не имѣющею. Мvро изліянное—имя мое, кладезь воды живой—названіе. Смотря на меня, дщери Сіона глашали меня благословеннѣйшею изъ царицъ. Словомъ, я была тѣмъ въ дщеряхъ Сіона, чѣмъ Іерусалимъ во градѣхъ іудовыхъ. Что̀ лилія между терніемъ, то̀ была я между дѣвами. И вожделѣ царь доброты моея; краснѣйшій паче сыновъ человѣческихъ полюбилъ меня и соединилъ себѣ вѣчнымъ союзомъ супружества. Я родила и воспитала дѣтей, а они отреклись меня и стали мнѣ на посмѣшище и поруганіе. И совлекли они ризы мои и въ наготѣ изгнали изъ дома; отняли украшеніе тѣла моего и красоту главы моей взяли. И что же? Днемъ и ночью ищутъ души моей и о пагубѣ моей помышляютъ безпрестанно. О вы, стоящіе предо мною, вы, взирающіе на меня, послушайте и разсудите, аще

есть болѣзнь, яко болѣзнь моя? Есть ли гдѣ огорченіе, какъ мое? Родила дѣтей и воспитала ихъ, а они меня отреклись и послужили къ паденію моему. И я, прежняя владычица востока и запада, юга и сѣвера, сижу теперь, какъ вдовица рыдающая. Плачу день и ночь и слезы какъ рѣка текутъ по ланитамъ моимъ, и нѣтъ утѣшающаго; всѣ покинули меня, всѣ пренебрегли мною. Ближніи мои отдалече мене сташа, и друзья мои сдѣлались врагами мнѣ: сыны мои, подобно злымъ гадамъ, уязвляютъ жизнь мою ядовитымъ жаломъ» (1).

Дѣйствуя происками, частными внушеніями, опираясь на свѣтскую власть, іезуиты вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно употребляли и полемику, сначала противъ кальвинистовъ, потомъ, особенно по состояніи уніи, противъ православныхъ. На этомъ поприщѣ ловкостію и знаніемъ они, разумѣется, превосходили русское духовенство, пока оно не образовалось горемъ и гоненіемъ; въ первое же время оно мало было приготовлено къ богословскимъ диспутамъ, потому рѣдко и возражало. Обращаясь къ своимъ духовнымъ, Смотрицкій говорилъ: «спрашиваю: зачѣмъ молчите вы противъ столь неслыханныхъ клеветъ? Зачѣмъ не оправдываетесь противъ лжи? Зачѣмъ не отрицаете обвиненій? Клеветники не оставили вамъ ни чести, ни вѣры, а вы противъ столь заразительнаго зла не вымолвите ни слова? Скажите же: что вы дѣлаете? Слышать не слышите, видѣть не видите и не обращаете вниманія, какъ на вещь до васъ не касающуюся. Скажите же, зачѣмъ природа одарила васъ языкомъ? Зачѣмъ дала разумъ? Зачѣмъ

(1) Lament. (Wilno. 1610). гл. 1.

отличила васъ отъ другихъ созданій словомъ? Когда оскорбляютъ и разъяряютъ безразсудныхъ и безсловесныхъ животныхъ, то и они сколько могутъ защищаются и выражаютъ свои чувства. А вы, одаренные разумомъ и словомъ, созданные по образу и по подобію Божію, вы слышите и видите святую правду оклеветанную, поруганную, оболганную, — и молчите» ([1]). Унія создала и богословскую полемику, къ сожалѣнію до сихъ поръ весьма мало изслѣдованную нашими учеными, но часто весьма замѣчательную: открывая новые историческіе факты, она знакомитъ съ современнымъ состоніяемъ общества, съ положеніемъ и образомъ дѣйствія нападающаго и защищающагося духовенствъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности; назовемъ только наиболѣе замѣчательныя сочиненія съ обѣихъ сторонъ. Православные могутъ гордиться *Антиграфомъ* (Вильно, 1608), *Плачемъ* Смотрицкаго (Вильно, 1610), *Апокризисомъ*, *Палинодіею* (1621) и нѣкоторыми другими. Католическое и уніатское духовенство искусно вело богословскую войну въ *Антирхсзисѣ*, въ сочиненіяхъ Смотрицкаго, по принятіи имъ уніи, именно: *Апологіи*, *Паренезисѣ*, *Екзетезисѣ* (1623—1629 г.); изъ послѣдующихъ *Іерархія* Дубовича (1644) и произведенія нѣкоторыхъ краснорѣчивыхъ іезуитскихъ проповѣдниковъ заслуживаютъ вниманія.

Этотъ бой слова служилъ дополненіемъ боя на площадяхъ, улицахъ и въ деревняхъ, произведеннаго уніею и католическими гоненіями. Не всѣ православныя полемическія сочиненія были безукоризненны по вѣрному толкованію догматовъ вѣры; нѣ-

([1]) Lament. гл. 2.

которыя изъ нихъ не допускались въ Москвѣ; но всѣ онѣ принимались съ восторгомъ православнымъ народомъ Литвы, видѣвшимъ въ ихъ сочинителяхъ защитниковъ отъ угнетеній; простой народъ цѣловалъ эти книги, смотрѣлъ на нихъ какъ на святыню. Впрочемъ, и тутъ бой былъ неравный: католики и уніаты могли безнаказанно хулить православіе, взводить на него самыя невѣроятныя клеветы; православныхъ же писателей преслѣдовали за ихъ сочиненія полицейскими мѣрами ([1]). Не смотря на то, нѣкоторыя изъ ихъ произведеній искусно и даже съ относительною умѣренностію обличили невѣрность обвиненій противниковъ. Сущность католической полемики заключалась въ опроверженіи извѣстныхъ догматовъ православной Церкви, несходныхъ съ римскимъ ученіемъ; доказательства противнаго составляли предметъ православныхъ полемическихъ сочиненій. Но кромѣ того, чтобы привлечь въ свою вѣру, католики и уніаты старались опозорить восточное исповѣданіе и привлечь въ свое выгодами матеріальными, свѣтскими. Не приводя обвиненій, подобныхъ, напримѣръ, тѣмъ, что православнымъ монахамъ дозволяется жить съ чужими женами, что они убиваютъ и отравляютъ епископовъ, не боятся Бога, не слушаютъ короля и властей и т. п., приведемъ вкратцѣ нѣкоторые изъ общихъ всѣмъ этимъ поле-

---

([1]) «Коли хто зъ нашихъ, особливо противъ латинниковъ, выдаетъ книгу, теды таковаго преслѣдовати, и презъ верхность свецкую опримовати не стыдаются; нельзя теды едны за таковыми задатками отступникомъ, называючимся уніятомъ отповѣсти и справитися правды своей и выводъ о себѣ дати, чого и право всѣхъ народовъ допущаетъ». (Палинодія).

мическимъ произведеніямъ и болѣе основательныхъ доводовъ:

1) Католики опровергали нѣкоторые обряды восточной Церкви. На это православные отвѣчали: если обряды нашей Церкви такъ нелѣпы, то за что же они были удержаны флорентійскимъ соборомъ, который хотѣлъ соединить Церковь восточную съ западной? Значитъ, соединеніе это было только маскою, ловушкою для простаго народа. Ежели уніаты вѣрятъ, что догматы и обряды латынской церкви основательнѣе восточныхъ, то зачѣмъ же они не присоединяются къ римской церкви явно и открыто, оставивши вѣру и обряды греческой? Зачѣмъ безстыдно называться сыномъ матери, которую порочишь? Зачѣмъ оставлять и давать клятву, что сохранятъ и въ будущемъ обряды, по ихъ мнѣнію, нелѣпые?

2) Превосходство римской церкви предъ восточною послѣдователи ея доказывали, между прочимъ, тѣмъ, что турки, завоевавъ Константинополь, лишили духовенство имѣній, свободнаго отправленія богослуженія и стали преслѣдовать его, тогда какъ римская церковь независима, въ довольствѣ, значитъ и есть истинная церковь Божія. Восточные же подъ игомъ турецкимъ не могли сохранить въ чистотѣ своей вѣры. Православные возражали на это, что превосходство Церкви Христовой состоитъ не въ томъ, что она не подвержена гоненіямъ невѣрныхъ, а въ томъ, что эти невѣрные не въ состояніи не только уничтожить ее, но и поколебать; напротивъ того, эти угнетенія служатъ ей въ пользу. Не тотъ достоинъ славы, кто, оставаясь постоянно въ покоѣ, не подвергается нападенію враговъ, а тотъ, кто на

открытомъ полѣ безстрашно сойдясь съ непріятелемъ, мужественно, твердою рукою опрокинувъ его полчища, невредимо и со славою возвращается въ родимое гнѣздо. Такъ и Церковь Христова наиболѣе удостоилась славы за то, что отразила ринувшія на нее массы невѣрныхъ. Ежели же въ числѣ патріарховъ константинопольскихъ и были люди недостойные, то ихъ лишали этого сана; во всякомъ случаѣ, въ Церкви восточной, гдѣ нѣтъ видимой главы, а есть четыре патріарха, пороки лица патріарха не могутъ сдѣлать предосудительнымъ ученіе Церкви, какъ въ римской, гдѣ папа есть видимая глава, а слѣдовательно, при поврежденіи главы, должны повреждаться и всѣ члены. Видно, говорили православные, католики никогда не слышали, что такое истинная вѣра. Ежели это есть чувство внутреннее, невидимое, неумирающее, данное намъ Богомъ безсмертнымъ, то какимъ образомъ можетъ отнять и уничтожить его видимое орудіе человѣка смертнаго? Ежели думаете вы, что этого можно достигнуть насиліемъ, то напрасны были бы тогда слова и обѣщанія Спасителя: «не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити». Суетна была бы вѣра, суетна была бы надежда не только наша, но и всѣхъ избранниковъ Божіихъ, отцевъ Церкви и св. мучениковъ, которые, претерпѣвъ страданія отъ владыкъ міра сего, утративъ мученически жизнь, не утратили однако подъ мечемъ вѣры въ глубинѣ сердецъ своихъ. Ежели справедливо, что восточная православная Церковь перестала существовать съ тѣхъ поръ, какъ турки завоевали Грецію, потому что христіане подпали подъ власть невѣрныхъ, то поэтому не было на землѣ истинной Церкви и во времена апостольскія,

когда исповѣдники истиннаго Бога не только терпѣли неволю, но и самыя ужасныя преслѣдованія, продолжавшіяся и впослѣдствіи до самаго Константина великаго, когда не было ни одного христіанскаго государя, а Церковь Божія, находясь въ постоянномъ угнетеніи, цвѣла какъ роза среди тернія. Наконецъ, вы должны порицать и того св. апостола Петра, котораго преемникомъ почитаете своего папу, ибо онъ не только не имѣлъ власти свѣтской и тѣхъ огромныхъ богатствъ, которыми пользуется мнимый его преемникъ, но до самой мученической своей смерти несъ на раменахъ своихъ крестъ неволи, убожества, преслѣдованія и страданія. Вы должны также осуждать и избранника Божія апостола Павла, да и самого образца всевозможнаго терпѣнія и покорности, Іисуса Христа. Развѣ не принялъ Онъ на Себя ига невольничества? Развѣ не говорилъ, что царствіе Его не отъ міра сего? Развѣ не платилъ дань власти свѣтской? Развѣ не убѣждалъ и насъ, что слуга не можетъ быть выше господина своего? ([1]).

3) На обвиненія католиковъ православнаго духовенства въ невѣжествѣ, отвѣчали, что дѣйствительно латынскіе духовные ученѣе, но что лютеране и кальвинисты имѣютъ еще большее образованіе, что̀ однако же не мѣшаетъ имъ оставаться по ученію православной Церкви еретиками; древніе философы были мудры, однако системы ихъ должны были уступить свѣту евангельской истины; пускай католики первенствуютъ въ богословской полемикѣ, мы же будемъ стараться только жить похристіански, какъ

([1]) Antigraf. стр. 38, 73—78.

тѣ пустынножители первыхъ вѣковъ, которые не были учеными ([1]).

4) Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ доводовъ о пользѣ принятія уніи былъ тотъ, что какъ духовенство, такъ и народъ получили бы съ тѣмъ вмѣстѣ разныя политическія права, возможность занимать различныя должности ([2]) и т. п. Отвѣты на подобные способы убѣжденія въ дѣлѣ вѣры были нетрудны.

Во главѣ латынской полемики стояли, разумѣется, іезуиты, хотя и другіе католическіе и уніатскіе духовные ею занимались; но направленіе, но энергію и жаръ сообщали члены этого ордена. Понятно, что ненависть православныхъ болѣе всего падала на нихъ, какъ на виновниковъ ихъ гоненія; потому и слабыя, или, вѣрнѣе сказать, предосудительныя стороны этого ордена изучались и раскрывались съ ревностію предъ народомъ. «Извѣстно всѣмъ и каждому», разсказывали православные, «какими удивительными и разнообразными способами пріобрѣтаютъ эти благочестивые отцы имѣнія: то лестію и просьбами, то силою, но подъ предлогомъ права; всякимъ способомъ угнетаютъ эту шляхту, называющую себя вольною и свободною, и лишаютъ ее хлѣба, кровавымъ потомъ добытаго. Не будемъ говорить о томъ, что всѣ присутственныя мѣста, суды земскіе, градскіе, дворскіе, наконецъ самые трибуналы сеймовые полны жалобъ на іезуитовъ. Доказательствомъ тому выгнанные изъ домовъ своихъ шляхтичи, вдовы, вытѣсненныя изъ своихъ имѣній, разоренныя въ младенче-

---

([1]) Палинодія, часть 2, раздѣлъ 12, артикулъ 3.
([2]) Paraenesis. стр. 31.

ствѣ своемъ сироты. Іезуиты разсуждаютъ такъ: это, говорятъ они, на костелъ, а ты, сынокъ, ты, дочка, подите съ сумою; это на коллегію, а ты, отецъ, ты, мать, дѣлайте что хотите; это на визиты, а вы, братья и сестры и кровные ваши, ищите хлѣба у чужихъ людей; это на отца святаго папу, а ты самъ съ женой и дѣтьми, лишившись собственнаго хлѣба, у другихъ проси милостыни. Такимъ-то образомъ эти искусники все подбираютъ къ своимъ рукамъ, все захватываютъ, все пожираютъ и остаются въ совершенномъ покоѣ; ибо судъ надъ ними въ Римѣ, расправа съ ними въ Римѣ, декретъ противъ нихъ можетъ дать только Римъ. Итакъ, бѣдный шляхтичь, продай свое убогое достояніе, заложи жену и дѣтей своихъ, и поѣзжай судиться съ ними въ Римъ, гдѣ, ежели не уморятъ тебя, то вернешься оттуда домой ни съ чѣмъ» ([1]).

Обвиненія эти не были слѣдствіемъ одной безотчетной, слѣпой ненависти; въ сущности ихъ лежала истина. Сами благомыслящіе католики вскорѣ по призваніи іезуитовъ постигли весь вредъ, который долженъ былъ принести Польшѣ этотъ орденъ, по самой своей организаціи, укоряли іезуитовъ въ ослабленіи епархіальной власти, въ проискахъ, вмѣшательствѣ въ дѣла государственныя, въ раздачѣ разныхъ должностей своимъ приверженцамъ, по неограниченному вліянію на Сигизмунда III, выставляли ихъ корысть, раздоры и волненія, которыя они повсюду возбуждали, для эгоистическихъ цѣлей, и наконецъ указывали и на посягательства ихъ на дворянскія привиллегіи; а въ 1606 году представ-

([1]) Lament. отдѣлъ 4.

ленъ былъ даже проектъ объ отнятіи у іезуитовъ народнаго воспитанія и объ изгнаніи ихъ изъ Литвы.

Іезуиты, дорожа общественнымъ мнѣніемъ, вынуждены были защищаться публично,—такъ негодованіе противъ нихъ было сильно и обще. Всѣ справедливыя обвиненія называли они, разумѣется, клеветою; увѣряли, что въ политическія дѣла не вмѣшиваются, что безкорыстіе доводитъ ихъ почти до нищеты, потому что они отказываются отъ того, что имъ предлагаютъ, что смутъ они не производятъ, но только защищаютъ себя и свои заведенія, привилегій дворянскихъ не нарушаютъ, а стоятъ за свои собственныя, и т. п. Но самыми своими оправданіями они доказывали справедливость сдѣланныхъ противъ нихъ обвиненій; такъ, напримѣръ, стараясь убѣдить, что они чужды дѣлъ міра сего, говорили, что это не лишаетъ ихъ однако права руководить совѣстію государей, ибо это составляетъ призваніе духовныхъ, что самъ св. Людовикъ въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ всегда совѣтовался съ богословами,—что не назначать, а только рекомендовать на должности людей честныхъ похвально для духовныхъ, и что наконецъ одни государи, дѣйствующіе по внушенію духовныхъ, могутъ сдѣлать истинное добро отечеству, а что какъ скоро они удаляются отъ ихъ совѣтовъ, то государства пропадаютъ ([1]). Не эти мало убѣдительныя оправданія поддержали іезуитовъ, а заступничество

([1]) *Argenti*, De rebus societatis Jesu in regno Poloniae. Editio 3. Cracoviae. 1620. Посвящено королю Сигизмунду III. Первое изданіе этого сочиненія было сдѣлано въ 1615 году. Это сочиненіе излагаетъ успѣхи іезуитской пропаганды въ Польшѣ и Литвѣ, со времени призванія іезуитскаго ордена.

папы ([1]), и въ особенности сильное покровительство Сигизмунда III: пока онъ былъ живъ, всѣ попытки ограниченія ихъ власти и вліянія оставались безуспѣшными. Не такъ смотрѣлъ на нихъ сынъ его, Владиславъ IV. Король этотъ, негодуя на іезуитовъ, мѣшавшихся въ дѣла правленія при отцѣ его, обратившихъ въ свой орденъ его роднаго брата, не только удалилъ отъ двора всѣхъ членовъ ихъ сословія, но призвалъ въ Польшу для противоборства съ ними піаровъ, занимавшихся также обученіемъ юношества. Въ 1655 году піары получили право учреждать свои заведенія и въ областяхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ. Эти привиллегіи подтверждены были въ 1670 году королемъ Михаиломъ и въ 1726 году Августомъ II. Но въ Литвѣ піары являются только съ 1722 года, когда основана была ихъ коллегія въ Вильнѣ; коллегія эта состояла подъ надзоромъ виленскихъ епископовъ и капитула, а основателемъ ея былъ Антоній Казиміръ Сапѣга, староста мерецкій, который въ 1729 году пожертвовалъ піарамъ свой виленскій дворецъ, называвшійся Полубинскимъ, потому что

([1]) 19 мая 1607 года папа Павелъ V писалъ королю: «Quanto emolumento sint rebus catholicorum in isto amplissimo Poloniæ regno tuo filii nostri dilecti sacerdotes societatis Jesu, Majestas tua optime novit, et nos, qui quotidie experimur salutarem eorum operam in procuranda Dei gloria et animarum salute, facile conjicimus. Quamobrem vehementer soliciti sumus, quod, ut accepimus, dubitatur, ne in futuris istius regni comitiis aliquid adversus eos moliantur religionis catholicæ et communis tranquillitatis adversarii. Etsi procul dubio speramus confisi in praestante virtute atque prudentia Majestatis tuæ, illos fore defensos atque protectos abs te ita, ut malignantium consilia eis nocere ullo pacto non possint». (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniæ et Lithuaniæ. t. 3, p. 295).

перешелъ къ Сапѣгѣ по наслѣдству отъ Полубинскаго, маршала в. к. литовскаго. Піарское воспитаніе было во многомъ сходно съ іезуитскимъ по системѣ, но отличалось отъ него по своему духу, именно въ томъ отношеніи, что оно не было пропитано тѣмъ фанатизмомъ и тою узкою исключительностью, которые присущи іезуитизму. Легко можно себѣ представить, какъ приняли іезуиты такихъ соперниковъ; едва открыли піары свое заведеніе въ Вильнѣ, какъ іезуиты потребовали его закрытія, стали сочинять прошенія противъ піаровъ, вымогали на нихъ подписи отъ дворянъ, жаловались папѣ, интриговали у двора. Виленскій капитулъ выразился въ 1726 году явно въ пользу піаровъ ([1]), также

([1]) 20 іюля 1726 года состоялось слѣдующее постановленіе виленскаго капитула: «Advertendo quam injustis, nec cessantibus obstaculis, variisque impedimentorum generibus per aemulam partem impugnetur novella religiosorum patrum scholarum Piarum in hac civitate metropolitana Vilnensi fundatio, nec aequo animo injustos hujusmodi conatus, ac vel maxime crescentem exinde publicam in omnibus admirationem, seu potius scandalum ferre valentes, justo ampliandae gloriae Dei, ac manutenendi pii hujus instituti evidentisque ex illo in dioeces nostra promanaturi fructus permoti zelo, unanimi consensu decrevimus opportunis mediis, ac subsidiis praefatae scholarum Piarum fundationi, atque erectioni succurrere, et adversus contraria machinamenta publicum nostrum testimonium bona fide ac conscientia roboratum interponere. Cum enim notum, certumque nobis sit qualiter religiosi Pp. societatis Jesu quaedam instrumenta religionis Rr. Pp. scholarum Piarum, eorum praedictae fundationi Vilnensi contraria, per se ipsos combinata et conscripta, certis personis ad subscribendum obtulerint, ac subscriptionem eorum obtinuerint, id etiam pro certo, ac documentaliter, tam ab ipsis subscriptis, quam aliis dignis personis comperimus, quod praefata instrumenta, sive litterae, ad importunas partis instantias, sinistrasque relationes, ab aliis etiam per minas, nec via ac solemnitate debita, imò non animo contrariandi

точно поступило дворянство виленскаго воеводства ([1]). Іезуиты, съ своей стороны, представили римскому двору подложные документы, но это было открыто,

---

tam laudabilis instituti, et in hoc ducatu apprimè necessarii fundationi, verum memoratas importunitates declinandi gratiâ subscriptae fuerint; florente namque in hoc magno ducatu Lithuaniae orthodoxa fide, religione et pietate impium videtur, ampliorem Dei cultum ac religiosarum familiarum augmentum impedire; imò cum in hac civitate Metropolitana per pacta et tractatus haereticis et schismaticis commorari, ac domicilia figere liceat, religiosos praesertim ecclesiae ac reipublicae per eruditionem juventutis adeo proficuos, velle excludere, haec omnia suprascripta, quod verè et sine omni ambiguitate ita se habeant proprio motu et solo justitiae intuitu, publicum hoc testimonii instrumentum dedimus, ac in meliorem fidem manibus propriis subscripsimus, sigilloque capituli nostri communiri mandavimus. Datum Vilnae, anno Domini 1726, die 20 mensis julii».

([1]) Wypis z ksiąg grodzkich powiatu Wilkomierskiego. 1726 miesiąca Lutego dnia 1: «Na urzędie J. K. Mei grodzkim Wilkomierskim przedemną Jerzym Mateuszem de Lodwid Borkiewiczem, Cześnikiem y Podstarościm powiatu Wilkomierskiego, stanąwsky Imc. P. Stanislaw Miszewski od szhlachty Woiewodztwa Wileńskiego z seymikow pierwszego dnia Lutego od Woiewodzwa Wileńskiego mianych, taką protestacyą do actow cancellaryi sądu Wilkomierskiego podal, pisana w te slowa: My szlachta Woiewodztwa Wileńskiego niźey na podpisie rąk naszych specificowani, do Wilna na obrąde publiczną na seymik roku terecznieyszego 1725 wraz zgromadzeni solennie ratione infrascriptorum protestuiemy się. Iź Ichmość panowie officyalistowie niektorźe y inni obywatele tego prześwietnego woiewodztwa, między roźnemi tranzakcyami publicznemi kondyktownie z xięźa Jezuitami Wileńskiemi (ktorzy przez swoie fomentowania y konspiracye przeciw przyszley xięźy scholarum Piarum fundacyi, destynowaney od fundatorow y kolatorow dla roskrzewienia wiary y pomnoźenia chwaly Boskiey, nie zwaźaiąc, y z gorszeniem sprzeciwiaiąc sie podeyścia czynia) dali Ichmośćiom panom poslom na seym Grodzieński suplement iąkiś do instrukcyi na seym przydany, y instrument swoy instancyalny, sprzeciwiaiac sie tak zbawiennemu nowey erekcyi y fundacyi xięźy scholarum Piarum dzielowi. Ten tedy suplement, pro parte et interesse xięźy

и, въ разрѣшеніе споровъ іезуитовъ съ піарами, послѣдовалъ въ 1727 году римскій декретъ, дозволявшій піарамъ открыть въ Вильнѣ училища, но только низшія, элементарныя, безплатныя, для бѣдныхъ дѣтей ([1]); впрочемъ, въ 1731 году разрѣшено имъ было открывать и высшія училища и принимать въ нихъ дѣтей всѣхъ состояній, а не одних бѣдныхъ. Іезуиты, вѣрные своему правилу слушать Римъ только тогда, когда онъ дѣйствуетъ въ ихъ пользу, не только не подчинились этимъ римскимъ постановленіямъ, но и совершенно ихъ уничтожили декретомъ королевскимъ. Тогда папа Климентъ XII въ 1733 году, подтвердивъ данное піарамъ разрѣшеніе открывать въ Вильнѣ коллегіи, семинаріи и конвикты, приказалъ іезуитамъ не возобновлять этого дѣла ([2]). Но они поступили по своему: въ 1738 году они достигли закрытія піарскихъ заведеній по судебному приговору. Какъ ни хлопотали піары, имъ удалось только получить въ 1753 году дозволеніе содержать въ Вильнѣ частный пансіонъ на 24 воспитанника бла-

---

Jezuitow uczyniony, iź oprocz myśli wiadomości, y zezwolenia generalnego naszego uformowany, iako pro irrito et illegitimo censetur, y poczytany bydź powinien, tak de invaliditate iego, iako na wielkie praejudicium uformowanego, protestuiemy się. Dan w Wilnie 1725 dnia 1 Lutego».

([1]) «Licere patribus scholarum Piarum Wilnae aperire scholas juxta modum duntaxat, scilicet inferiores pro pueris pauperibus sine stipendio imbuendis in primis elementis, grammatica, computo, et praecipue in bonis moribus et fidei catholicae rudimentis, ad formam bullae sanctae memoriae Pauli V interdicta quaestuatione et amplius causam non proponi mandavit».

([2]) Summarium privilegiorum, decretorum, testimoniorum etc. concernentium fundationem Vilnensem scholarum Piarum. Сборъ этихъ привилегій сдѣланъ былъ въ 1738 году для процесса піаровъ съ іезуитами.

городнаго сословія и 6 бѣдныхъ учениковъ «безъ употребленія класснаго звонка». Даже такое небольшое піарское заведеніе іезуиты считали для себя опаснымъ, почему и устроили тогда же въ Вильнѣ благородный пансіонъ (collegium nobilium) на неограниченное число воспитанниковъ изъ богатѣйшаго дворянства, за ничтожную плату. Итакъ іезуиты торжествовали; они остались по прежнему привилегированными воспитателями цѣлыхъ поколѣній.

Власть папская положила однако конецъ существованію вреднаго іезуитскаго ордена, наполнившаго Литву фанатизмомъ и невѣжествомъ, подъ оболочкою богословскаго просвѣщенія. До 1773 же года іезуиты оставались представителями римско-католической іерархіи въ Литвѣ, пропагандистами латынскаго ученія и неутомимыми гонителями всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій; такъ что исторія этого ордена въ западной Россіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая подробная исторія римско-католической церкви въ этомъ краѣ, во время ихъ пребыванія въ ономъ. Не только низшее, но и высшее духовенство, какъ епископы, по большей части выходили изъ среды іезуитовъ, управлявшихъ въ собственномъ смыслѣ дѣлами всего латынскаго духовенства.—На народъ іезуиты имѣли рѣшительное вліяніе: богатствомъ, воспитаніемъ, проповѣдью, наконецъ сочиненіями, предназначавшимися въ особенности для народнаго чтенія. Любопытнымъ образчикомъ, въ какомъ свѣтѣ выставлялъ себя этотъ орденъ передъ массами, могутъ служить такъ называемые *іезуитскіе календари*, въ которыхъ подъ каждымъ числомъ мѣсяца выставлялись скончавшіеся іезуиты, ихъ заслуги, видѣнія, чудеса ихъ при жизни и по смерти, и доказывалось,

что спастись можно только въ этомъ орденѣ. Произведенія эти до того характеристичны, что нелишне сдѣлать изъ нихъ хотя нѣсколько біографическихъ выписокъ о болѣе извѣстныхъ іезуитахъ. 1) Начнемъ съ кардинала Станислава *Гозія*, призвавшаго іезуитовъ въ Польшу, и названнаго отцемъ этого ордена; о немъ (подъ 5 августа) сказано, что онъ умеръ въ 1579 году въ Римѣ въ великой святости. 2) *Ширвидъ* умеръ въ святости въ Вильнѣ 23 августа 1631 г. 3) Въ томъ же городѣ умеръ 4 августа 1663 года также въ святости *Гинкевичъ*, ректоръ коллегіи несвижской. 4) Тѣло іезуита *Гавронскаго*, умершаго 11 апрѣля 1610 года въ Познани, осталось нетлѣннымъ. 5) *Старосцирскій* († 5 декабря 1656 г.), по смерти явился въ святости одному іезуиту, находившемуся въ плѣну у шведовъ, и наставлялъ его терпѣніемъ заслужить вѣчнаго вѣнца. 6) *Варшевицкій* († 3 октября 1591 г.), первый ректоръ виленской коллегіи, воспитатель Сигизмунда III, обратившій многихъ пановъ польскихъ и литовскихъ въ католицизмъ, показался по смерти своей въ славѣ ксендзу Петру Скаргѣ. 7) О заслугахъ *Ласко* († 23 мая 1615 г.) сказано, что онъ былъ трудолюбивый и счастливый пропагандистъ, возвратилъ въ католицизмъ весь краковскій магистратъ и былъ творцомъ декрета, по которому ни одного диссидента не велѣно принимать въ сенатъ. 8) О *Рыпинскомъ* († 30 декабря 1652 г.) разсказывается, что онъ происходилъ отъ порядочныхъ, но схизматическихъ родителей; служа у одного пана католика, онъ ѣздилъ съ нимъ въ Ченстохово. Во время литургіи, при изгнаніи оглашенныхъ, діаволъ, увидѣвъ его, закричалъ: «вонъ братъ нашъ, вонъ онъ тамъ стоитъ, пустите

же и меня». Устрашенный этимъ, Рыпинскій обратился въ католицизмъ и вступилъ въ іезуитскій орденъ. 9) Знаменитый проповѣдникъ *Скарга* († 27 сентября 1612 г.) за восемь лѣтъ до смерти, будучи боленъ, видѣлъ стоящихъ возлѣ него св. Игнатія, св. Франциска де Паула и іезуита Варшевицкаго, уже умершаго, который совѣтовалъ Скаргѣ просить у Бога продолженія жизни на умноженіе хвалы Его. Передъ смертью онъ сдѣлалъ собственноручно свѣчу изъ бѣлаго воска и послалъ ее въ монастырь ченстоховскій, передъ образъ Божіей Матери; только что сгорѣла эта свѣча, погасла земная жизнь Скарги. 10) По смерти *Сикула* († 16 іюня 1619 г.) видѣли его душу, сопровождаемую на небо св. Игнатіемъ, Ксаверіемъ и Алоизіемъ. 11) Одареннаго отъ Бога даромъ пророчества *Бартилія* († 28 августа 1635 г.) нѣкоторые молившіеся видѣли вознесеннымъ на небо. При жизни шелъ онъ разъ пѣшкомъ въ Лорету подъ проливнымъ дождемъ, но на него и капля не попала. 12) Правая рука *Вуека* († 27 іюля 1597 г.), писавшая много въ честь Божію, найдена, по прошествіи многихъ лѣтъ по его смерти, неповрежденною. 13) *Бруновскій*, *Войничъ*, *Красноставскій* и *Домагальскій* (подъ 5 мая), трудолюбивые миссіонеры, были убиты русскими схизматиками въ лѣсу на Червонной Руси, въ то время, когда они усердно и счастливо приводили ихъ къ уніи; на мѣстѣ, гдѣ ихъ похоронили, видѣнъ былъ свѣтъ съ неба въ продолженіе часа. 14) *Костка* призванъ былъ въ іезуитскій орденъ Божіею Матерію, два раза накормленъ ангелами тѣломъ Христовымъ, взятъ на небо въ Римѣ въ 1568 году, а въ 1605 году признанъ блаженнымъ. 15) О *Лукашевичѣ* († 17 августа 1721 г.)

сами шведы разсказывали дивныя вещи, именно, что онъ выходилъ сухъ изъ водъ Виліи и Оржицы; въ особое достоинство ему ставится то, что онъ ничего кромѣ пива не пилъ. 16) *Суслига* видѣлъ во снѣ Матерь Божію съ младенцемъ Іисусомъ, который сказалъ ему: «Суслига! проси у меня чего хочешь»; на это онъ отвѣчалъ: «ни о чемъ, Господи, не прошу, только, чтобъ быть съ Тобою на вѣки». На это Христосъ сказалъ: «будешь». Но Суслига возразилъ: «не довѣряю себѣ, Господи, ибо грѣшникъ есмь». «Вотъ тебѣ рука моя, сказалъ Христосъ, въ доказательство, что будешь со Мною на вѣки». Онъ взялъ Христа за руку и вознесся съ Нимъ на небо (27 ноября 1623 г.) (1). Вотъ что писали о себѣ іезуиты; не трудно послѣ этого представить себѣ, что они внушали народу о своемъ орденѣ въ изустныхъ бесѣдахъ, на исповѣдяхъ, въ проповѣдяхъ; народъ конечно имъ вѣрилъ, ибо иначе подобныя, столь далекія отъ христіанскаго смиренія, произведенія не могли бы появляться.

Дѣйствительную услугу оказали іезуиты не польскому народу, а Риму, увеличеніемъ латынской паствы черезъ совращеніе кальвинистовъ и введеніе уніи, и посредствомъ усиленія въ духовенствѣ безъ того присущихъ римскому ученію духа пропаганды и самовластительства. Отчуждая себя совершенно отъ коренныхъ постановленій государственныхъ, латынское духовенство съ тѣмъ вмѣстѣ стремилось къ

---

(1) Kalendarz Jezuicki większy na rok przestępny 1740, societatis Iesu Jubileuszowy wtory, kończacy dwieście lat od potwierdzenia tegoź zakonu. Zebrany z approbowanych authorow przez I. Poszakowskiego, rectora collegii Nesvisiensis. Vilnae, typis sacrae Reg. M. Academicis S. J.

расширенію своей духовной власти извнѣ, употребляя для того, кромѣ извѣстныхъ средствъ, внѣшній блескъ, всегда дѣйствительный надъ народомъ. Съ этою цѣлію учреждались даже епархіи въ странахъ, въ коихъ преобладали другія вѣроисповѣданія и владычество надъ коими не было надежно, именно для того, чтобы великолѣпіемъ епископскаго двора, его прелатовъ и канониковъ, торжественными процессіями поразить народъ и привлечь его къ католицизму.

Такому внѣшнему преобладанію вовсе не соотвѣтствовало внутреннее устройство духовенства: могущественные передъ свѣтскою властью епископы были часто безсильны въ своемъ собственномъ управленіи; монашескіе ордена изъяты были отъ ихъ зависимости, имѣя своихъ начальниковъ даже внѣ государства, такъ напримѣръ изъ восьми бывшихъ въ Литвѣ въ XVII вѣкѣ бенедиктинскихъ монастырей семь подчинялись кульмской бенедиктинской конгрегаціи, а трокскій монастырь клюньской конгрегаціи ([1]). Весьма немногіе ордена составляли исключенія изъ этого правила; къ нимъ нужно отнести канониковъ регулярныхъ латеранскихъ, которые были подвѣдомственны епископамъ. Само бѣлое духовенство весьма часто не слушалось епископовъ и не дѣйствовало соотвѣтственно съ своимъ назначеніемъ; и эти разстройства не были временными, или мѣстными, въ чемъ можно удостовѣриться изъ постановленій синодовъ или соборовъ главнѣйшей на Литвѣ латынской

([1]) Aquila Polono-Benedictina, auctore R. P. *Stanislao Sczygielski*, praeposito Tuchoviensi ordinis S. Benedicti. Cracoviae. 1663.

епархіи виленской и епископскихъ посланій къ ихъ паствѣ: епископа Бенедикта Войны съ 1601 по 1616 годъ, Стефана Паца 1682 года, опредѣленія синода 1679 года, при епископѣ Матвѣѣ Сапѣгѣ и др. Во всѣхъ этихъ актахъ постоянно указывается на дурное устройство духовенства, но уличить его было трудно, ибо епископы не имѣли надлежащей власти. Высшее духовенство, составлявшее капитулъ, занималось преимущественно управленіемъ своихъ обширныхъ имѣній; предметы занятій капитула почти исключительно заключались въ продажѣ, или мѣнѣ имѣній, хозяйственныхъ расчетахъ, денежныхъ искахъ и т. п. Но при всемъ томъ устройство этихъ имѣній было такъ дурно, что должностныя лица иногда по нѣскольку лѣтъ не получали слѣдующаго имъ съ онаго жалованья; вспоможеніе, которое обѣщало иногда духовенство правительству, подъ именемъ *subsidia charitativa*, не уплачивалось, а крестьяне разорялись евреями, арендовавшими эти земли. Гораздо бо́льшее зло лежало въ отношеніяхъ духовенства съ правительствомъ и другими сословіями, въ особенности съ дворянствомъ. Составля *status in statu*, духовенство не подчинялось свѣтской власти, было въ постоянныхъ раздорахъ съ литовскою аристократіею и почитало себя какъ-бы не принадлежащимъ и чуждымъ польскому государству.

Въ XVIII столѣтіи вражда духовенства съ дворянствомъ достигла крайнихъ предѣловъ; свѣтскія лица, не желая выплачивать духовенству ежегодныхъ взносовъ по записямъ, дѣлали наѣзды на духовныя имѣнія, разоряли ихъ и сами расправлялись съ священниками и монахами. Вліяніе духовенства видимо начало слабѣть; пороки и слабости его выставлялись

на судъ публики, открылась печатная полемика между властію свѣтской и духовной ([1]); и тутъ выразилось явно, къ чему стремилось духовенство и какъ оно само себя разумѣло. Для вѣрности взгляда и безпристрастія суда, выслушаемъ его мнѣнія о духовномъ сословіи. Поводомъ открытія его послужила вышедшая во Франціи книжка Делаборда объ отношеніяхъ власти свѣтской къ духовной, запрещенная въ 1755 году папою Бенедиктомъ XIV, но тѣмъ не менѣе весьма распространенная въ Литвѣ и Польшѣ. Возражая на это сочиненіе, архіепископъ львовскій Выжицкій приводитъ такія разсужденія: «Большая разница между двумя властями. Какъ душа въ человѣкѣ важнѣе тѣла, такъ власть церковная важнѣе свѣтской. Потому Иннокентій III сравниваетъ эти двѣ власти съ двумя свѣтилами небесными, то есть, съ солнцемъ и луною, и говоритъ, что власть церковная, какъ высшее свѣтило, свѣтитъ для дѣлъ духовныхъ, а власть свѣтская, какъ свѣтило меньшее, освѣщаетъ ночь временныхъ суетъ». Выведши отсюда, что власть церковная никогда и ни въ чемъ не зависитъ отъ свѣтской, и что напротивъ свѣт-

---

([1]) Prawdziwy stan duchowienstwa w Polszcze, przez J. X. W. L. Skarszewskiego, kanonika katedralnego Kamienieckiego. w Warszawie. 1776.—Stan kościolow y duchownych opisany, albo kazanie na uroczystość poświacania reformowanego kościola katedralnego Lwowskiego J. X. Jana Kowalskiego, kanonika kollegiaty Lwowskiey, teologa arcybiscupiego, miane dnia 23 kwietnia roku 1776. Podane do druku r. 1778.—Въ 1762 году появилось въ защиту духовенства противъ дворянства сочиненіе подъ заглавіемъ: «Uwaga na Reflexye osoby niewążacey się do zadney strony nad porosnieniem sie shlachty z duchowienstwem w Polsce». Мѣсто печатанія не означено. Въ 16-ю долю листа 132 страницы.

ская власть подчинена духовной, архіепископъ продолжаетъ: «Какія же послѣ того имѣетъ правительство власть и обязанности въ отношеніи къ церкви? Распространяться объ этомъ нечего: оно имѣетъ власть и обязанность защищать церковь отъ еретиковъ, не допускать въ государствѣ свободы вѣроисповѣданія; ибо свобода вѣроисповѣданія вредна, противна Евангелію и ученію Спасителя, который хотѣлъ имѣть одну церковь, одну овчарню, одного верховнаго пастыря. Правительство имѣетъ власть и обязанность распространять въ государствѣ честь и хвалу имени Божьяго, догматы религіи, безъ разсужденія, не какъ судья въ этихъ дѣлахъ, относящихся до высшей власти духовной, но какъ простой исполнитель, *executores*, *ministri*. Господь Богъ, обратившій государей къ истинной вѣрѣ, отдалъ ихъ, какъ дѣтей, какъ овецъ, въ науку духовенству, не далъ имъ власти надъ церковью, велѣлъ слушаться церкви, какъ говоритъ Исаія: «малютка будетъ управлять королями», то есть, убогое духовенство, обратившее государей въ истинную вѣру, будетъ управлять ими». Послѣдствіемъ этихъ разсужденій были такія положенія: никакой государь не имѣетъ права вмѣшиваться въ назначеніе епископовъ; напротивъ того, епископы, въ качествѣ владѣтелей приписанныхъ къ ихъ каѳедрамъ имѣній, пользуются всѣми правами свѣтскими и могутъ вести войны; еретическія сочиненія не могутъ быть переводимы на народное нарѣчіе и печататься въ государствѣ католическомъ, ибо ежели извѣстною буллою «in coena Domini» отлучаются отъ церкви читающіе еретическія книги, то это отлученіе еще болѣе распространяется на тѣхъ, которые переводятъ и печатаютъ эти книги,

и т. п. ([1]). Выгоду, отъ духовенства происходящую, писатели этого сословія объясняли тѣмъ, что оно поддерживаетъ дворянство, въ особенности въ государствахъ аристократическихъ, но не основанныхъ на маіоратахъ, а гдѣ состояніе дѣлится между всѣми дѣтьми. «Чтобы женатый шляхтичь», говоритъ Ковальскій, «могъ жить у насъ прилично своему званію, ему нужно по крайней мѣрѣ 10 т. злотыхъ годоваго дохода, да и такіе даже жалуются на недостатокъ средствъ. Тотъ же шляхтичь, сдѣлавшись священникомъ даже незначительнаго прихода, можетъ легко жить половиною этой суммы; ежели же онъ пострижется въ монашество, будь онъ княжескаго или даже королевскаго рода, проживетъ въ монастырѣ и менѣе чѣмъ съ тысячею злотыхъ, и притомъ совершенно прилично своему происхожденію. Ежели же бы въ такихъ государствахъ всѣ дворяне вступали въ браки, пришло бы наконецъ время, когда на одной десятинѣ жили бы по два шляхтича, да и теперь уже довольно такихъ, которые обратились въ ремесленники и хлѣбопашцы. Но что же сказать о выгодѣ, которую получаетъ дворянство, имѣющее членовъ своего рода въ званіяхъ прелатовъ и на другихъ духовныхъ священническихъ мѣстахъ? Во-первыхъ, такіе духовные могутъ уступить и часто уступаютъ своимъ родственникамъ еще при жизни слѣдующую имъ часть имѣнія; во-вто-

---

([1]) Odpisanie na ksiąszke francuzka, autora de la Borde, Oratorii Jesu, przetlumaczona na Polski ięzyk, którey tytul: Nauki o istocie, róznicy i granicach dwoch wladz, to iest duchowney y swieckiey; przez Mikolaia Ignacego na Wyzycach Wyzyckiego, arcybiskupa Metropolii Lwowskiey. W drukarni Lwowskiey. J. K. M. Collegii Soc. Jesu roku pansk. 1756.

рыхъ, помогаютъ имъ получаемыми дарами и приношеніями, и въ-третьихъ, удѣляютъ имъ доходы съ церковныхъ имѣній; хотя этими доходами и не слѣдовало бы обогащать своихъ родственниковъ, но съ другой стороны, ежели должно помогать бѣднымъ вообще, то справедливо приходить на помощь и бѣднымъ родственникамъ, а родителямъ даже и необходимо» (1). Итакъ, могущество и богатство,—вотъ чѣмъ латынское духовенство старалось привлечь въ свое сословіе; но эти времена уже прошли: именно могущество и богатство вооружило всѣхъ противъ духовенства.

Уже въ XVII вѣкѣ приняты были мѣры противъ корыстолюбиваго посягательства духовныхъ къ пріобрѣтеніямъ, противъ скопленія въ его рукахъ, правдою и неправдою, огромныхъ богатствъ, не приходившихъ на помощь нуждамъ государственнымъ. Еще конституціею 1632 года запрещено было отчуждать наслѣдственныя дворянскія имѣнія на новыя духовныя фундаціи, безъ соизволенія Рѣчи посполитой. Но такъ какъ духовенство всячески устраняло себя отъ исполненія этого постановленія, то оно неоднократно подтверждалось сеймами, именно: въ 1635, 1669, 1676 (1), 1677, 1726 и наконецъ въ 1768 годахъ; законъ этотъ признанъ вѣчнымъ, ибо безъ него, какъ сказано въ конституціи 1676 г.,

(1) *Ковальскій.* стр. 84—86.

(2) Въ этомъ году, по случаю утвержденія фундаціи половинскихъ доминикановъ, сеймъ опредѣлилъ, что «земскія имѣнія, присвоенныя духовными незаконнымъ образомъ, по неправильнымъ рѣшеніямъ, исходатайствованнымъ *происками*, не будутъ обращаемы въ вѣчное ихъ владѣніе, и дворянамъ всегда вольно ихъ отыскивать».

достояніе и силы республики, а также и оборона ея должны бы были истощиться. Пріобрѣтенныя же духовенствомъ, въ противность этого закона, имѣнія конфисковались, и половина ихъ отдавалась доносителю, а другая половина поступала въ казну. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія ограничены права даренія и записей въ пользу духовенства, три части имущества, остающагося послѣ умершихъ безъ завѣщанія священниковъ, предоставлены его родственникамъ и только четвертая часть церкви; имѣнія, остававшіяся послѣ монахинь, предписано отдавать ихъ наслѣдникамъ, а не монастырямъ (1); сноповая десятина обращена была въ денежную, временное вспоможеніе отъ духовенства подъ названіемъ *subsidium charitativum* оставлено постояннымъ; проценты, получаемые духовенствомъ, уменьшены были въ Польшѣ на половину (на Литву законъ этотъ не былъ распространенъ); наложена была штемпельная подать на церковныя имущества при переходѣ ихъ отъ одного духовнаго лица къ другому; наконецъ сеймъ 1789 года постановилъ, чтобы епископскія и другія духовныя имущества отобраны были въ казну; нѣкоторые изъ приходскихъ священниковъ оставлены на жалованьи, и въ 1790 году, по опредѣленію сейма, стали приводиться въ извѣстность всѣ фундуши семинарій и содержимыхъ этимъ духовенствомъ богоугодныхъ заведеній, конечно съ цѣлію секуляризаціи ихъ. Римскій дворъ встревожился: посланіе за посланіемъ получалъ король Станиславъ Августъ отъ папъ Климента XIV и Пія VI; въ нихъ вся надежда охраненія правъ рим-

(1) Конституція 1768 года.

ской церкви возлагалась на короля, выхвалялась его набожность, представлялись бѣдствія отъ упадка церкви и т. п.; обыкновенно эти папскія бреве посылались передъ открытіемъ сеймовъ, такъ въ 1784 году, передъ гродненскимъ сеймомъ, въ 1786 году, и др. Когда же дошло до Рима извѣстіе о сеймовомъ постановленіи 1789 года, «объ этой страшной ранѣ, нанесенной церкви», какъ сказано въ буллѣ, «о томъ, что грабятъ епископовъ, изгоняютъ ихъ изъ владѣній», то папа обратился съ просьбами и выраженіемъ своей печали уже не къ одному королю, но и къ обоимъ сеймовымъ маршаламъ коронному и литовскому и даже къ самому сейму (1). Но не эти пастырскія увѣщанія остановили сеймъ. Скорое паденіе Польши не дало времени исполнить вполнѣ сеймовыя опредѣленія 1789 года; они осуществились уже гораздо позднѣе русскимъ правительствомъ. Вліяніе вѣка, французской литературы и философіи, быть можетъ, способствовало принятію этихъ мѣръ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что вызвали ихъ не они, а государственная необходимость, убѣжденіе въ недуховности духовнаго сословія, въ безполезности его правъ и богатствъ для блага польскаго народа и самой религіи. Въ самомъ дѣлѣ, Польша раздѣлялась уже на части между сосѣдними державами, черезъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ пробить послѣдній часъ ея, и что дѣлало въ это время привиллегированное, богатое польское духовенство? Оно просило уничтоженія ограниченій въ поимущественныхъ своихъ правахъ, объ уменьшеніи своихъ расходовъ на пользу

(1) Подлинныя папскія граматы и бреве, написанныя на пергаменѣ, хранятся въ моск. главн. архивѣ м. и. д.

погибавшей республики; оно въ эти минуты домогалось увеличенія своего политическаго значенія, жалуясь на то, что не имѣетъ своихъ депутатовъ на сеймѣ; наконецъ духовенство это, уже послѣ перваго и наканунѣ втораго раздѣла Польши, говорило: «Какъ мы можемъ называть отечествомъ и любить ту страну, которая, благопріятствуя другимъ сословіямъ, оставляетъ насъ въ уничиженіи? Непрочность собственности, безпрестанное опасеніе, чтобы она не была уменьшена или отнята,—самое большое несчастіе для человѣка» (1). Повторимъ еще разъ, много сдѣлали іезуиты въ Польшѣ для Рима, и ничего для Польши; польское духовенство принадлежало болѣе Риму, чѣмъ Польшѣ, составляло скорѣе касту, чѣмъ народное сословіе, оттого и было предано болѣе своимъ выгодамъ, чѣмъ отечеству.

Возвращаясь къ дѣйствіямъ католическаго духовенства противъ диссидентовъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, мы должны сказать, что оно употребляло въ этихъ случаяхъ не столько силу убѣжденія, сколько свое вліяніе на правительство и нерѣдко физическое насиліе; такъ ученики іезуитскихъ заведеній постоянно употреблялись какъ матеріальная сила противъ иновѣрцевъ. Съ начала XVII вѣка кальвинизмъ началъ значительно упадать въ Литвѣ, церкви стали пустѣть, духовенство уменьшилось. Были двоякія причины такого упадка: внутреннія, лежавшія въ самомъ устройствѣ кальвинской церкви, и внѣшнія,—стѣсненіе ея мѣрами административными. Церковь

(1) «Проэктъ адреса польскаго духовенства депутаціи, назначенной сеймомъ, 1789 года для разсмотрѣнія нуждъ этого сословія». См. приложеніе 13-е.

эта не имѣла постояннаго центра, созывавшіеся синоды не могли замѣнить собою недостатокъ духовной исполнительной и руководствующей власти; появленіе разныхъ сектъ ослабило еще болѣе протестантизмъ, въ особенности усиленіе социніанизма; наконецъ между двумя главнѣйшими вѣтвями протестантскаго ученія, между кальвинизмомъ и лютеранизмомъ, не было живой искренней связи, и быть ея не могло, потому что кальвинисты были поляки, а лютеране почти исключительно нѣмцы. Правда, между двумя этими вѣроисповѣданіями послѣдовалъ въ 1570 году союзъ въ Сендомірѣ, который возобновленъ былъ въ 1669 и 1719 году въ Кейданахъ, но союзъ этотъ былъ, такъ сказать, только форменный и внѣшній, а внутренней связи и сочувствія никогда между ними не было; задуманное было королемъ Владиславомъ IV соглашеніе духовенствъ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, для чего созванъ былъ въ 1644 году соборъ въ Торнѣ, имѣло результатъ совершенно противоположный, не только не послѣдовало никакого соглашенія въ дѣлахъ вѣры, но духовные еще болѣе ожесточились. Сами кальвинскіе учители виноваты были въ томъ, что ученіе ихъ не пустило корня на литовской почвѣ, они ограничивали свою дѣятельность исключительно высшимъ и отчасти среднимъ сословіемъ, нисколько не заботясь объ укорененіи своего ученія между массами народа. Къ этой внутренней слабости присоединились внѣшнія притѣсненія: диссиденты лишены были права посылать депутатовъ на сеймы, занимать общественныя должности, а съ 1717 года и имѣть представителей въ трибуналѣ литовскомъ, въ которомъ

разрѣшались по апеляціямъ споры между католиками и иновѣрцами, производить открытое богослуженіе; латинское духовенство отнимало у нихъ церкви, призывало къ своему суду, обращало всякими средствами въ свою вѣру, такъ, напримѣръ, дѣти протестанты перекрещивались въ латынство въ томъ случаѣ, когда мать ихъ, также протестантка, овдовѣвъ, вступала во второй бракъ съ католикомъ. Часто кальвинисты жаловались на эти угнетенія сеймамъ, и нужно сказать, что обыкновенно сеймы осуждали подобныя дѣйствія латынскаго духовенства и подтверждали свободу вѣроисповѣданій, но постановленія ихъ оставались мертвою буквою. Положеніе кальвинистовъ стало въ концѣ XVII вѣка до того невыносимымъ, что имъ не оставалось другаго средства, какъ прибѣгать къ покровительству протестантскихъ державъ, именно: Англіи, Голландіи, Даніи, Швеціи и въ особенности Пруссіи; берлинскій дворъ сталъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ петербургскій былъ для православныхъ. Это вмѣшательство иностранныхъ государствъ въ дѣла Польши имѣло послѣдствіемъ, какъ извѣстно, гибель этой несчастной страны; но латынское духовенство, дѣйствуя въ своихъ исключительныхъ цѣляхъ, не обращало вниманія на благо отечесгва, а заботилось только о выгодахъ іерархическихъ и корпоративныхъ, и въ этомъ смыслѣ вполнѣ достигло желаннаго результата. Во второй половинѣ XVII вѣка въ большихъ городахъ, какъ то: въ Вильнѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ и т. д. почти не было кальвинистовъ; въ концѣ этого столѣтія въ Литвѣ считалось всего 48 кальвинскихъ церквей, 4 школы и 47 ч. духовныхъ, а въ половинѣ XVIII

вѣка осталось у нихъ во всей этой странѣ только 28 церквей ([1]).

Исторія кроваваго угнѣтенія, извѣстнаго подъ именемъ *уніи*, лишившаго Польшу Малороссіи, не можетъ имѣть мѣста въ этомъ изложеніи; намъ достаточно будетъ упомянуть кратко о постепенномъ окатоличеніи уніатовъ, которыхъ мы встрѣтимъ позднѣе подъ русскимъ владычествомъ. Въ теченіе XVII столѣтія, сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, уніатамъ сохранены были по большей части и православные догматы и православные обряды, на основаніяхъ брестскаго собора ([2]); измѣнены же были немногіе, такъ напримѣръ, на соборѣ новогрудскомъ 1617 года велѣно духовнымъ уніатскимъ, чтобы по немногу привести ихъ въ видъ католическихъ, не дѣлая тонсуры, подстригать волосы головы, и не брѣя бороды, подравнивать, уменьшать ее ([3]). Но ученіе явно склонялось къ католическому, такъ, напримѣръ, въ богословскихъ сочиненіяхъ доказывалась уже необходимость причащенія подъ однимъ видомъ (тѣла), браки священниковъ считались только терпимыми, а не законными ([4]), и т. п. На синодѣ замойскомъ, собранномъ подъ предсѣдательствомъ папскаго нунція въ 1720 году, подтверждены почти всѣ обряды восточной Церкви и укрѣплена видимая отдѣльность уніатской церкви отъ римско-католической,

---

([1]) *Krasinski*, Geschichte des Ursprungs, Fortschritts und Verfalls der Reformation in Polen. Nach dem englischen Original bearbeitet von *W. A. Lindau*. Leipzig. 1841.—*Lukaszewicza*, Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie. Posnań. 1842—1843. 2 vol.

([2]) Hierarchia Dubowicza. p. 229.

([3]) Народовѣщаніе. Почаевъ. 1768. стр. 278.

([4]) Антирхезисъ. стр. 227—240.

что̀ составляло постоянную политику римскаго двора и въ послѣдствіи (¹), дабы, вводя постепенно католицизмъ въ унію, не быть принужденнымъ присоединять цѣлое народонаселеніе прямо къ латынской церкви, такъ какъ это не могло быть сдѣлано безъ сильныхъ потрясеній. Но въ числѣ постановленныхъ этимъ синодомъ праздниковъ мы замѣчаемъ тоже празднованіе тѣла Господня, то есть, праздникъ чисто католическій (²). Причащеніе подъ видами тѣла и крови Господней, крестное знаменіе съ праваго плеча на лѣвое, посты, старый календарь удержали уніаты до самаго присоединенія Литвы къ Россіи. Но уже во второй половинѣ XVIII вѣка измѣненъ былъ символъ о Св. Духѣ, признано чистилище, введены были въ богослуженіе колокольчики, крестить стали поливаніемъ, на одномъ престолѣ отправлять въ одинъ и тотъ же день нѣсколько литургій, и браки священниковъ были запрещены. Кромѣ того, католическіе священники могли принимать на исповѣдь уніатовъ, и *наоборотъ*, а въ нуждѣ и крестить, но впрочемъ съ оставленіемъ крещеннаго въ вѣрѣ родителей (³), также служить обѣдню въ уніатскихъ

(¹) См. буллу Бенедикта XIV 1744 года: «Inter plures jucunditatis fructus». См. также буллу того же папы 1751 года: «Etsi persuasum habemus».

(²) Synodus provincialis Ruthenorum habita in civitate Zamosciae anno 1720, S. D. N. Benedicto Pp. XIII dicata, Romae 1724 edita. Reïmpressa Vilnae 1777, typis Basilianis.

(³) Въ буллѣ Бенедикта XIV отъ 1743 года: «Demandatam coelitus humilitati nostrae», въ § 18 говорится: «Caeterum, si quos imposterum Graecos, necessitate cogente, ob defectum parochi catholici ritûs graeci, baptismum aut alia sacramenta a latino presbytero recipere eveniat: illi non ideo censendi erunt latinum ritum suscepisse; sed omni dubitatione sublata, ritum graecum, in quo orti sunt, observare teneantur».

храмахъ, только въ ризахъ духовенства этихъ церквей, но причащаться каждый долженъ былъ въ своей церкви. Съ введеніемъ католическихъ догматовъ и обрядовъ въ уніатскую церковь, передавали католики свой духъ и духовенству этой церкви, такъ напримѣръ учили, что для поступленія въ монашество требуется дворянское происхожденіе, что духовные не подлежатъ суду свѣтскому, что священнику подобаютъ царскія почести, потому онъ не долженъ пахать, и т. д. (1). Но ученіе это было непримѣнимо на дѣлѣ, ибо поляки и римское духовенство угнетали духовныхъ уніатскихъ, точно также какъ и православныхъ, лишали ихъ своихъ привиллегій, образованія и приличныхъ способовъ къ жизни, значитъ и не могли они занять мѣста въ средѣ аристократическаго польскаго духовенства и имѣть о себѣ слишкомъ высокое мнѣніе. Едвали это было политично со стороны Польши. Вглядываясь въ борьбу уніи, нельзя не видѣть, что это не только вражда религіозная, но и противоборство двухъ противоположныхъ политическихъ элементовъ: аристократическаго, къ которому принадлежало польское латынское духовенство, дворянское по самому своему сану, богословски образованное, богатое, съ церковными обширными маіоратами, переходившими, разумѣется, не по рожденію, а по должности, обезпеченное всевозможными политическими привиллегіями,—и элемента народнаго, представителемъ котораго былъ русскій православный священникъ, бѣдный какъ русскій крестьянинъ, какъ онъ безправный, какъ онъ

(1) Богословіа нравоучительная. Почаевъ 1756. г.—Народовѣщаніе. Почаевъ. 1768 года.

неученый, иногда полуграмотный, какъ онъ гнетомый и преслѣдуемый, но по всему этому къ нему близкій. Священникъ, какъ знаемъ отъ Курбскаго, пировалъ съ крестьяниномъ въ корчмѣ, съ нимъ жилъ, съ нимъ дѣлилъ свои радости, а чаще горе. Оттого-то народъ такъ непреклонно оставался въ православіи, не смотря на всѣ гоненія, а литовская аристократія такъ легко и скоро не только перешла въ унію, но и обратилась въ чистый римскій католицизмъ. Русскій элементъ на Литвѣ былъ и остался элементомъ народнымъ какъ въ сословіи крестьянъ, такъ и въ сословіи православнаго духовенства; напротивъ того, польское дворянство и духовенство выражали собою элементъ аристократическій, и послѣ потери аристократическихъ привиллегій потеряли и свое значеніе. Не даромъ остались доселѣ прозвища: *Panska wiara* и *chlopska wiara*, или иначе: *Polska wiara* и *Ruska wiara*,—они лучше всего выражаютъ нашу мысль и убѣжденіе, что ожесточенная борьба уніи была столько же религіозною, сколько и политическою. Поэтому именно привиллегированное сословіе, не допуская слиться съ собою уніатское духовенство, оставляло его на противоположной народной почвѣ, основанной на русскихъ началахъ.

Говоря о католическомъ духовенствѣ, нельзя не упомянуть о дѣйствіяхъ его съ евреями, которыя показались бы невѣроятными, ежели бы подлинные документы не свидѣтельствовали о ихъ справедливости. Даже въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія евреевъ заставляли запираться въ домахъ во время католическихъ церковныхъ процессій и страстной недѣли, платить съ каждаго дома, лавки

и погреба подать приходскому ксендзу на томъ основанiи, что ежели бы эти дома не принадлежали евреямъ, то были бъ во владѣнiи католиковъ, которые жертвуютъ на костелъ и т. п. Наконецъ, евреи облагались десятиною въ пользу католическаго духовенства по тому уваженiю, что по книгамъ Моисея, признаваемымъ и евреями священными, они обязаны отдавать левитамъ десятую часть отъ плодовъ земныхъ и животныхъ.

VI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХЪ ЕПАРХІЙ ВЪ ЛИТВѢ.

I. Виленская епархія. — Пространство ея. — Распространеніе римскаго католицизма въ этой епархіи.—Православная вѣра существовала въ этихъ странахъ прежде введенія католицизма.—Раздѣленіе епархіи на деканаты.—Первые епископы этой епархіи. — Религіозная нетерпимость. — Постепенное прибытіе монашескихъ орденовъ.—Папскіе легаты.—Соображенія, главнымъ образомъ руководившія назначеніемъ на епископскую каѳедру.—Вліяніе іезуитовъ на епископовъ.—Положеніе епископовъ по отношенію къ капитулу.—Составъ капитула.—Противодѣйствіе капитула епископамъ и вражда между ними.—Имѣнія и юрисдикція капитула.—Семинарія;—она ввѣрена іезуитамъ, 1588 г.—Іезуиты оставляютъ семинарію, 1652 г.—Семинарія подъ управленіемъ свѣтскаго духовенства.—Семинарія на нѣсколько времени закрывается, потомъ переходитъ въ руки миссіонеровъ.—Жалкое состояніе семинаріи.—Провинціальные соборы.—Наружный блескъ виленской каѳедры. — Учрежденіе новыхъ должностей въ капитулѣ: виленскаго суффрагана,—бѣлорусскаго архидіакона и суффрагана.—Несогласія между духовенствомъ и дворянствомъ.—Распри между духовенствомъ и войскомъ.—Открытая борьба между епископомъ Бржостовскимъ и гетманомъ Сапѣгой, 1693—1698 гг.—

II. Жмудская (самогитская) епархія. — Пространство ея. —

Насильственное введеніе римскаго католицизма на Жмуди.— Основаніе епархіи, 1417 г.—Распространеніе католицизма въ этой епархіи.—Возвращеніе жмудиновъ къ идолопоклонству въ XVI вѣкѣ.—Мѣстопребываніе епископской каѳедры.—Отношенія жмудской епархіи къ виленской.—Составъ капитула. — Раздѣленіе епархіи на деканаты. — Епископы жмудскіе.—Отношенія ихъ къ капитулу.—Семинарія.—Іезуиты берутъ ее въ свое управленіе.—Процессъ между епископомъ и іезуитами по поводу семинаріи, 1624 г.—Семинарія ввѣряется піарамъ, 1741 г.—Семинарія снова переходитъ къ іезуитамъ, 1760 г.—Система іезуитскаго воспитанія.—Порученіе семинаріи миссіонерамъ, 1774 г.—Церковныя наказанія народа и духовенства.—Позднее прибытіе монашескихъ орденовъ въ Жмудь.—Притѣсненіе свѣтскаго духовенства монахами.—Провинціальные соборы.—

III. Каменецкая епархія.—Основаніе этой епархіи, 1414 г.—Зависимость ея отъ митрополіи львовской.—Неустройство каменецкой каѳедры.—Составъ капитула.—Учрежденіе суффраганіи, 1730 г.—Злоупотребленія монашескихъ орденовъ.—Семинарія.—Іезуиты не могли завладѣть ею.—Усилія римско-католическаго духовенства освободиться отъ государственныхъ податей.—Раздѣленіе епархіи на деканаты.—

IV. Луцкая епархія.—Основаніе этой епархіи.—Пространство ея.—Составъ капитула.—Семинаріи.—Провинціальные соборы.—Раздѣленіе епархіи на деканаты.—

V. Кіевская епархія.—Предположенія о времени ея основанія.—Вымыслы католиковъ о католицизмѣ Кіева.—Миссія доминикановъ и францисканов въ XIII вѣкѣ.—Пространство епархіи.—Основаніе монастырей для противодѣйствія успѣхамъ православія (XVIII вѣк.).—Раздѣленіе епархіи на деканаты.—Перемѣщеніе каѳедры кіевскихъ епископовъ въ Люблинъ (1684), въ Житоміръ (1724) и въ другія мѣста (1743—1768).—Освященіе житомірскаго собора, 1751 г.—Титулъ епископовъ: кіевскій и черниговскій.—Званіе черниговскаго архидіакона. — Составъ капитула. — Учрежденіе суффраганіи, 1740 г. — Семинарія, 1762 г. — Провинціальные соборы.—

VI. Смоленская епархія.—Основаніе ея, 1638 г.—Капитулъ.—Суффраганія.—Эту епархію составляли только четыре костела.—

VII. Инфляндская или ливонская епархія.—Ея образованіе.—Суффраганія, 1743 г.—Капитулъ.—Семинарія, 1755 г.—Общее замѣчаніе.

Послѣ общаго историческаго обзора распространенія въ западной Россіи римскаго католицизма и дѣйствій латынскаго духовенства, мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя частности, нѣкоторыя спеціальныя историческія данныя по епархіямъ, которыя, дополняя изложенное, подтвердятъ, какъ думаемъ, еще болѣе сдѣланные выводы.

I. *Епархія виленская*, въ полномъ составѣ своемъ, простиралась, при польскомъ правительствѣ, по нынѣшнимъ губерніямъ: виленской, гродненской, восточной части ковенской (восточная часть уѣздовъ поневѣжскаго и ковенскаго, уѣзды вилькомірскій и новоалександровскій), могилевской, витебской и минской. Мы не имѣемъ другаго способа прослѣдить постепенное распространеніе калолицизма, какъ разсматривая время постройки костеловъ, хотя и должны сознаться, что способъ этотъ далеко не совершенный; извѣстно, что, по насильномъ введеніи въ эти страны латынства, великіе князья литовскіе строили костелы, на счетъ казны, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вовсе не было католиковъ, и преимущественно въ городахъ, какъ центрахъ административныхъ; впослѣдствіи, магнаты, принявъ латынскую вѣру, стали воздвигать въ своихъ имѣніяхъ великолѣпные католическіе храмы собственно для себя и своей домашней прислуги, такъ какъ поселяне весьма часто принадлежали къ вѣрѣ греческой. Но какъ бы то ни было, церкви, служа внѣшнимъ выраженіемъ принадлежности къ извѣстному вѣроисповѣданію, доказываютъ въ настоящемъ случаѣ, если не полное повсемѣстное водвореніе въ такихъ мѣстахъ католицизма, по крайней мѣрѣ пункты, изъ коихъ онъ могъ выходить. Смотря съ этой точки зрѣнія на

хронологію церквей римско-католическихъ, мы найдемъ, что въ виленской епархіи латынская вѣра въ XV вѣкѣ почти не выходила изъ предѣловъ нынѣшнихъ виленской и гродненской губерній, за самыми незначительными исключеніями ([1]), и здѣсь она уже нашла вѣру греческаго закона; такъ, когда Ягелло началъ крестить жителей Вильны, то почти половина народонаселенія этого города не подверглась латынскому крещенію, потому что принадлежала уже къ греческой Церкви ([2]). Въ восточной же части ковенской губерніи костелы начали строить по большей части уже въ XVI вѣкѣ; въ половинѣ же этого столѣтія построено довольно много латынскихъ церквей въ бѣлостокской области: королева Бона, Сигизмундъ III, Радзивиллы и другія знатныя фамиліи строили въ этомъ вѣкѣ множество церквей въ своихъ имѣніяхъ; но и въ этомъ вѣкѣ католицизмъ почти не выходилъ изъ двухъ вышеупомянутыхъ губерній; только развѣ въ минской по границамъ виленской губерніи находимъ нѣсколько костеловъ, да пять—шесть въ Бѣлоруссіи. Въ самыхъ этихъ двухъ губерніяхъ однако вообще не очень много воздвигнуто еще было латынскихъ церквей; одно изъ важныхъ препятствій къ упроченію здѣсь латынства было незнаніе духовенствомъ мѣстнаго языка. Въ XVI столѣтіи были еще въ Литвѣ цѣлыя мѣстности, гдѣ христіанство было невѣдомо; такъ, напримѣръ, епи-

---

([1]) Такъ напримѣръ постройку гайненскаго (Hayno) костела въ борисовскомъ уѣздѣ (минской губерніи) относятъ къ 1387 году, койдановскаго (минскаго уѣзда) и слуцкаго къ 1439 году, сѣнискаго (Sienno) въ могилевской губерніи къ 1440 году, полоцкаго къ 1498 году.

([2]) *Narbutta*, Dzieje narodu Litewskiego. t. 5, p. 408.

скопъ Войцехъ Радзивиллъ (1508—1519) во многихъ мѣстахъ и въ особенности въ своихъ имѣніяхъ собственноручно сбивалъ идоловъ ([1]); Сигизмундъ I велѣлъ заложить костелъ въ имѣніи своемъ Крынкахъ (гродненскаго уѣзда) потому, что жители этого селенія только что приняли въ 1522 г. христіанство ([2]); въ актѣ заложенія костела въ Ясеновцѣ (бѣлостокской области) въ 1553 году сказано, что съ самаго времени введенія въ Литву католицизма жители этой мѣстности не видали ксендза, жили и умирали безъ исповѣди ([3]); въ 1589 году польская королева Анна закладываетъ костелъ въ Понемунѣ, надъ Нѣманомъ, верстахъ въ 20-ти отъ Гродна, «для удержанія тамошнихъ людей отъ мерзкаго идолопоклонства и дьявольскаго суевѣрія» ([4]); подобные примѣры встрѣчаемъ даже въ XVII вѣкѣ; такъ въ 1626 году Николай Сапѣга основалъ костелъ въ Немонойцахъ (трокскаго уѣзда) для того, что «тамошніе жители, не имѣя ксендза, живутъ безъ законныхъ браковъ и безъ исповѣди» ([5]), и т. п. Въ мѣрахъ принужденія и строгости не было недостатка; такъ напримѣръ, король Сигизмундъ I, приказывая въ 1518 году построить костелъ въ королевскомъ имѣніи Высокій Дворъ (трокскаго уѣзда), назначилъ содержаніе приходскому священнику съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ понуждалъ лѣнивыхъ къ вѣрѣ прихожанъ чрезъ полицію и бралъ по 12 рублей штрафу съ тѣхъ, которые не будутъ ходить на богослуженіе. Въ 1617 году

([1]) Ibid. t. 1, p. 93.
([2]) Ibid. t. 1, p. 126.
([3]) *Przyalgowskiego*, Zywoty biskupów Wileńskich. t. 1, p. 158.
([4]) Ibid. t. 2, p. 35.
([5]) Ibid. t. 1, p. 101.

Николай Вольскій, закладывая монастырь каноников латеранскихъ въ Кременицѣ (гродненской губерніи волковыскаго уѣзда), въ актѣ учрежденія постановилъ, что за нехожденіе въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отбирается въ пользу монастыря съ каждаго крестьянина-домохозяина по волу; до сихъ поръ сохранилась въ простонародьи поговорка, которую можно слышать при колокольномъ звонѣ: «zwon rawieć, wala ciahnieć» ([1]). Но такія мѣры мало помогали римскому католицизму утвердиться и расширить свои предѣлы. Между тѣмъ уже въ XIV и началѣ XV вѣка въ предѣлахъ виленской римско-католической епархіи находились четыре епархіи православныя, именно: пинская или туровская, минская, могилевская и полоцкая ([2]); естественно, что чѣмъ болѣе было жителей православныхъ, тѣмъ менѣе могло быть католиковъ. Этимъ объясняется чрезвычайно медленное движеніе католицизма въ губерніяхъ могилевской, витебской и минской; онъ проникъ туда, собственно говоря, преимущественно въ XVII вѣкѣ ([3]), вмѣстѣ съ іезуитами, и въ весьма невыгодныхъ для себя условіяхъ;

([1]) *Tyszkiewicza,* Wiadomość historyczna o zgromadzeniach i fundacyach rz. kat. klasztórow w dyecezyi Wilenskiej. Wilno. 1858. p. 111.

([2]) *Narbutt,* t. 8, p. 467.

([3]) Въ полоцкомъ деканатѣ костелъ докшицкій построенъ въ 1608 г.; въ витебскомъ деканатѣ костелъ церейскій въ 1604 г., борисовскій въ 1642 г.; въ оршанскомъ деканатѣ костелы оршанскій, чаускій, толочинскій въ 1604 г., мстиславскій въ 1626 г. и въ Дабровнѣ въ 1630 г.; въ минскомъ деканатѣ: минскій, ивеницкій (1606 г.), раковскій (1679); въ радошковскомъ деканатѣ: локойскій (1609 г.), зембинскій (1640); въ бобруйскомъ деканатѣ: мозырскій (1616 г.), бобруйскій (1620 г.), петриковскій (1638 г.), глускій (1667 г.).

такъ, напримѣръ, когда король Сигизмундъ III велѣлъ выстроить костелъ въ Могилевѣ, тамъ было уже семь православныхъ церквей [1]; въ такомъ взаимномъ отношеніи въ смыслѣ религій были и другія мѣстности этихъ губерній. Отъ этого даже въ XVIII столѣтіи находившіеся въ этихъ губерніяхъ деканаты, занимая огромное пространство, заключали въ себѣ весьма немного костеловъ, именно: 1) полоцкій деканатъ, распространяясь по уѣздамъ полоцкому, лепельскому и дисненскому (витебской губерніи) и части уѣзда вилейскаго (виленской губерніи), имѣлъ всего 13 костеловъ; 2) витебскій деканатъ, отъ сѣвера къ югу, шелъ, пересѣкая деканатъ оршанскій, чрезъ всю могилевскую губернію до города Бѣлицы, а къ западу до Борисова (минской губерніи) на разстояніи около 100 верстъ; въ немъ было только 8 костеловъ; 3) деканатъ оршанскій имѣлъ обширное пространство, распространяясь по пяти нынѣшнимъ уѣздамъ могилевской губерніи, именно: оршанскому, мстиславскому, чаускому, могилевскому и быховскому; въ немъ было 17 церквей, и въ томъ числѣ 8 монастырскихъ; 4) деканатъ радошковскій былъ сравнительно сплошнѣе, онъ шелъ по уѣздамъ борисовскому и вилейскому; въ немъ было 13 костеловъ; 5) деканатъ бобруйскій занималъ болѣе половины нынѣшней минской губерніи, именно уѣзды: игуменскій, бобруйскій, рѣчицкій, мозырскій и слуцкій, и простирался даже въ могилевскую губернію въ уѣздъ бѣлицкій; на такомъ значительномъ протяженіи стояло всего 13 косте-

---

(1) *Balinskiego*, Starożytna Polska. Warszawa. 1846. t. 3, p. 806.

ловъ ([1]). Итакъ, въ собственномъ смыслѣ, виленская римско-католическая епархія заключалась въ губерніяхъ виленской, гродненской и восточной части ковенской, имѣя разбросанные на обширномъ пространствѣ губерній витебской, могилевской и минской отдѣльные костелы, искусственно соединенные въ деканаты для управленія. Въ самомъ, такъ сказать, центрѣ этой епархіи значительное число костеловъ воздвигнуто было въ противоборство кальвинизму уже въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка.

Виленская епархія, когда она уже совершенно сложилась въ предѣлахъ, нами выше означенныхъ, раздѣлена была на 26 деканатовъ или благочиній, въ коихъ было церквей и каплицъ: въ 1669 году 404, въ 1717 году 435, въ 1744 году 364 ([2]).

([1]) Decreta Synodi diocesanae Vilnensis 1717. Vilnae, typis academicis societatis Jesu. p. 149—156.

([2]) *Названіе деканатовъ:* *Число церквей и каплицъ:*

Названіе деканатовъ	въ 1669 г.	въ 1717 г.	въ 1744 г.
1. Виленскій	15	19	16
2. Побойщинскій	15	16	16
3. Ошмянскій	14	17	12
4. Свирскій	18	20	13
5. Лидскій	14	16	16
6. Радунскій	15	18	12
7. Вилькомірскій	20	22	16
8. Купыскій	22	25	17
9. Браславскій	26	19	15
10. Трокскій	11	14	11
11. Семненскій	13	13	12
12. Гродненскій	21	24	20
13. Ковенскій	19	20	17
14. Ольвитскій	13	16	15
15. Полоцкій	15	15	12
16. Новогрудскій	13	19	13

По огромному пространству этой епархіи, хотя и съ весьма незначительнымъ, относительно ея протяженія, числомъ церквей, управленіе оною, при несуществованіи хотя сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія, было весьма затруднительно. Поэтому епископъ Массальскій раздѣлилъ было ее на три части, назначивъ въ каждой изъ нихъ особенную консисторію, именно—въ Трокахъ, Гроднѣ и Слуцкѣ; консисторіи эти, составленныя подъ предсѣдательствомъ оффиціала изъ нѣсколькихъ ассесоровъ, имѣли обширныя власти, а аппеляціи на нихъ поступали въ консисторію виленскую. Такое раздѣленіе епархіи продолжалось десять лѣтъ, но опытъ не оправдалъ его: вмѣсто лучшаго порядка, въ дѣлахъ оказалось болѣе безпорядка; мѣстныя консисторіи, помимо епископа, стали сноситься непосредственно съ Римомъ, такъ что предполагалось, что со временемъ онѣ могутъ вовсе выйти изъ-подъ власти епископа и составятъ три отдѣльныя епархіи; въ 1781 году консисторіи эти были закрыты, и все духовное управленіе сосредоточилось вновь въ Вильнѣ, какъ всегда было прежде.

Виленская епархія, какъ знаемъ, учреждена была въ 1388 году и подчинена архіепископу гнѣзнен-

---

17. Слонимскій	14	15	13
18. Рожанскій	13	12	12
19. Волковыскій . . .	12	15	13
20. Витебскій.	14	9	9
21. Оршанскій	18	18	19
22. Минскій	13	18	15
23. Радошковскій . . .	18	14	14
24. Бобруйскій	14	16	13
25. Августовскій . . .	13	13	11
26. Кнышынскій.	11	12	12

*

скому. Первые два епископа виленскіе были изъ ордена францисканскаго, но съ 1407 года не было уже ни одного епископа изъ монашескаго духовенства; это объясняется извѣстнымъ нерасположеніемъ бѣлыхъ священниковъ къ монахамъ, которое выразилось въ этой епархіи весьма рано: капитулъ принудилъ епископа Георгія Плихту присягнуть на томъ, что онъ будетъ увеличивать число приходскихъ церквей и опредѣлять къ нимъ священниковъ изъ бѣлаго духовенства, монастыри же уменьшать и отдавать монастырскія церкви бѣлому духовенству (1). Изъ первыхъ четырехъ виленскихъ епископовъ три были поляки, но уже съ 1421 года ни одинъ полякъ не восходилъ на виленскую каѳедру; это право принадлежало исключительно литвинамъ и строго охранялось даже послѣ совершеннаго сліянія Литвы съ Польшею; такъ, по смерти епископа князя Георгія Радзивилла (1590), луцкій епископъ Бернардъ Мацеіовскій, не смотря на покровительство короля Сигизмунда III и на то, что выхлопоталъ въ Римѣ ставленную грамату, не былъ принятъ на виленскую каѳедру потому только, что былъ родомъ полякъ, а не литовецъ (2). Назначеніе первыхъ виленскихъ епископовъ изъ поляковъ и изъ монаховъ объясняется тѣмъ, что въ это время не было еще въ Литвѣ національнаго бѣлаго духовенства (3).

Съ первымъ появленіемъ въ Литвѣ латынства является и нетерпимость къ другимъ вѣроисповѣданіямъ: Ягелло, принявши католицизмъ, издалъ въ

(1) *Przyalgowski*. t. 1, p. 29.
(2) Ibid. t. 2, p. 28.
(3) См. списокъ виленскихъ епископовъ въ приложеніи 14-мъ.

1387 году постановленіе, по которому литвинамъ запрещалось вступать въ браки съ дѣвицами православнаго исповѣданія, если онѣ не обратятся въ латынство ([1]). Съ первымъ латынскимъ епископомъ заблестѣлъ въ Литвѣ и мечь духовный: въ 1391 году, собравши прелатовъ и канониковъ, епископъ Андрей, съ предварительнаго разрѣшенія папы, объявилъ имъ, что даетъ имъ право призывать къ суду духовному, и послѣ трикратнаго напоминанія, отлучать отъ церкви всѣхъ тѣхъ, которые не платятъ десятинъ, или нападаютъ на духовныя имѣнія ([2]). Судъ духовный и проклятія казались однако латынскому духовенству недостаточными, такъ какъ они не могли распространяться на иновѣрцевъ; потому епископъ Таборъ (1492—1507) получилъ отъ папы разрѣшеніе, какъ для себя и своихъ преемниковъ, такъ и для всего духовенства, употреблять оружіе противъ татаръ, армянъ и православныхъ, и самъ ходилъ иногда съ мечемъ ([3]). Первые проповѣдники латынства въ Литвѣ были францискане; въ 1469 году прибыли въ Вильну бернардины, а въ концѣ XV вѣка доминикане основались въ Трокахъ. Папскіе легаты наѣзжали отъ времени до времени осматривать епархію, немало денегъ шло изъ нея въ Римъ; въ 1501 году великій князь Александръ запретилъ отсылать къ папѣ деньги, собранныя на юбилеѣ, а велѣлъ заплатить ими жалованье войску, готовившемуся къ войнѣ съ Россіею; папскій нунцій, пріѣхавъ потомъ въ Польшу, строго

([1]) *Narbutt.* t. 6, p. 341.
([2]) *Przyalgowski.* t. 1, p. 19.
([3]) *Przyalgowski.* t. 1, p. 81.

выговаривалъ за то епископу Табору, но было уже поздно ([1]).

Съ XVI вѣка, когда число костеловъ и духовенства, а съ тѣмъ вмѣстѣ обширность и доходность епископскихъ имѣній увеличились, епископская виленская каѳедра стала какъ-бы достояніемъ литовской аристократіи; «съ тѣхъ поръ», говоритъ одинъ современный католическій духовный, «протекція магнатовъ значила болѣе, чѣмъ истинная заслуга». Эпоху эту открываетъ князь Войцехъ Радзивиллъ, за нимъ слѣдуетъ Іоаннъ, побочный сынъ короля Сигизмунда I, потомъ князь Павелъ Голшанскій; эти три аристократа занимали виленскую каѳедру въ продолженіе цѣлой первой половины XVI столѣтія. При такомъ взглядѣ на высшую епархіальную должность, естественно истинныя пастырскія достоинства должны были составлять счастливое исключеніе; въ этомъ легко убѣдиться изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ назначеніе на епископскую каѳедру. Побочный сынъ Сигизмундовъ Іоаннъ былъ назначенъ преемникомъ виленскаго епископа, когда ему едва минуло 17 лѣтъ ([2]), а 20 лѣтъ онъ былъ уже епархіальнымъ епископомъ ([3]); и двѣнадцать лѣтъ спустя еще не имѣлъ священническаго сана ([4]); мать его брала въ свою пользу доходы съ духовныхъ имѣній и мѣшалась въ епископскія дѣла; самъ онъ велъ себя такъ неприлично, что разъ подрался съ молодымъ Станиславомъ Радзивилломъ, который саблею изуро-

---

([1]) *Przyalgowski*. t. 1, p. 78.
([2]) Ibid. p. 94.
([3]) Ibid. p. 103.
([4]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 2, p. 460 et 464.

довалъ ему палецъ правой руки [1]; въ сущности онъ былъ только номинальнымъ епископомъ, а епархіею управлялъ король Сигизмундъ; не смотря на это, епископъ Іоаннъ нравился польской аристократіи, потому что онъ старался распространить между литовцами и русинами знаніе польскаго языка, почему приказалъ объяснять народу евангеліе и апостоловъ не только на языкѣ литовскомъ, но и на польскомъ [2]. Тяжелыя опустошенія, произведенныя въ Литвѣ реформаціею, не доставили однако болѣе яснаго понятія о важности епископскаго сана; Георгій Радзивиллъ, имѣя 18 лѣтъ отъ роду, назначенъ былъ въ 1574 году епископомъ суффраганомъ виленскимъ *cum futura successione* и послѣ этого уже посланъ былъ іезуитами въ Римъ для обученія и и посвященія въ священство [3]; 23 лѣтъ, состоя иподіакономъ, былъ онъ уже епархіальнымъ епископомъ и кардиналомъ. Всѣ эти раннія почести вскружили ему голову, къ духовному званію склонности онъ не имѣлъ, а епархіею не дорожилъ, желая для себя чего-либо большаго; вмѣсто того, чтобы жить въ епархіи, только что пріѣхавши въ Вильну, онъ принялъ въ 1582 году званіе королевскаго намѣстника въ Инфлянтахъ, гдѣ и оставался генералъ-губернаторомъ въ теченіе трехъ лѣтъ [4]; этотъ генералъ-губернаторъ, епископъ и кардиналъ только въ столицѣ своего намѣстничества, Ригѣ, посвященъ былъ сначала въ діаконы, а потомъ во священники [5]. Послѣ своего

---

(1) *Przyalgowski.* t. 1, p. 105

(2) Ibid. p. 115.

(3) Ibid. p. 197.

(4) Ibid. t. 2, p. 18.

(5) Ibid. p. 19

генералъ-губернаторства въ Ригѣ, Радзивиллъ ѣздилъ два раза въ Римъ на конклавы, папою Климентомъ VIII назначенъ былъ легатомъ въ Польшѣ, мирилъ Сигизмунда III съ цесаремъ Рудольфомъ, и потомъ переведенъ былъ на высшую краковскую каѳедру, такъ что въ сущности въ Вильнѣ онъ не жилъ и виленскою епархіею не управлялъ. Сдѣлавшись уже краковскимъ епископомъ, онъ желалъ остаться вмѣстѣ и администраторомъ виленской епархіи, для того, чтобы пользоваться огромными доходами епископскихъ имѣній; это ему и удалось, но только на короткое время: черезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ капитулъ назначилъ особаго администратора; такая администрація, переходя изъ рукъ въ руки, подъ надзоромъ папскаго легата, продолжалась около десяти лѣтъ. Епископъ Волловичъ (1616—1630), будучи королевскимъ вице-канцлеромъ, во все время своего епископства, былъ всего два раза въ Вильнѣ: разъ для торжественнаго восшествія на каѳедру, а другой въ 1629 г. на совѣщаніяхъ капитула ([1]). Епископъ Іоаннъ Довгяйло Завиша (1656—1661) не вступилъ даже и въ управленіе епархіею, проводя все свое время въ переѣздахъ на сеймы и сеймики. Во второй половинѣ XVII вѣка фамилія Сапѣговъ начала упадать въ Литвѣ; желая подняться, на счетъ доходовъ съ духовныхъ имѣній, эта фамилія предназначила одного изъ своихъ членовъ Александра къ духовному званію; въ самыхъ юныхъ лѣтахъ онъ былъ уже инфулатомъ, а потомъ съ 1667 по 1672 годъ епископомъ виленскимъ. Преемникомъ Сапѣги былъ женатый человѣкъ, воевода трокскій, кастелянъ виленскій,

([1]) Acta capituli Vilnensis sub anno 1616.

отличавшійся нѣкогда на войнѣ, промотавшійся и намѣревавшійся на виленской каѳедрѣ поправить свое состояніе,—Николай Пацъ (1672—1684); ему покровительствовалъ король Михаилъ Корибутъ; только что Пацъ сдѣлался клерикомъ, король пожаловалъ его въ каноники и назначилъ администраторомъ виленской епархіи, а потомъ онъ посвященъ былъ въ епископы. Пацъ рѣдко оставался въ Вильнѣ,—то ѣздилъ на сеймы, то въ Варшаву, то въ Яворово, гдѣ король любилъ жить, то въ свои имѣнія, наконецъ бывалъ въ Римѣ и Италіи. Такая система назначенія въ санъ епископскій продолжалась до послѣдняго времени существованія Польши: князь Массальскій избранъ былъ епископомъ преимущественно по тому уваженію, «что происходилъ изъ знатнаго рода, слѣдовательно будетъ полезенъ для церкви». Іезуиты, со времени появленія ихъ въ Литвѣ, старались прежде всего имѣть вліяніе на виленскаго епископа, какъ на начальника самой обширной литовской епархіи, и по большей части достигали этого. Склонность къ нимъ епископа Протасевича, призвавшаго ихъ въ Вильну, извѣстна; кардиналъ князь Георгій Радзивиллъ [1], Бенедиктъ Война, Волловичъ, Георгій Тышкевичъ, Александръ

---

[1] Кардиналъ князь Радзивиллъ умеръ въ Римѣ въ 1600 году и похороненъ былъ тамъ у іезуитовъ. Іезуитъ Ростовскій разсказываетъ это такъ: «Testamento cavit, commendavitque executuris, ut cui viventi in eam (societatem Iesu) per certas rationes non licuit, mortuus utique in sociorum commune sepulchrum reciperetur. Funus boni Principis, jussu Clementis VIII, majoris celebritatis causâ, per ipsa pontificii spatia palatii deductum, magno omnium luctu, in aede nominis Jesu nostra Romæ conditum». (Lituanicarum societatis Jesu historiarum provincialium pars prima. Vilnæ. 1769. p. 207).

Сапѣга, Анцута были сначала воспитанниками, а потомъ ревностными покровителями учителей своихъ іезуитовъ. Чѣмъ слабѣе, чѣмъ неспособнѣе и чѣмъ знатнѣе по роду былъ епископъ, тѣмъ болѣе онъ пользовался расположеніемъ этого ордена.

Если личность епископовъ и совершенно свѣтскіе расчеты, руководившіе полученіемъ каѳедры, часто приносили вредъ церкви, то ограниченіе епископской власти капитуломъ мѣшало и ревностнымъ епископамъ приносить ту пользу, которую, быть можетъ, они доставили бы католической религіи при другомъ, болѣе правильномъ іерархическомъ устройствѣ. Ближайшими помощниками епископа должны быть члены капитула, то есть, прелаты и каноники; въ дѣйствительности же весьма часто они были или совершенно безполезны по своей неспособности, по своему нерадѣнію, или же напротивъ того систематически противодѣйствовали епископу, съ цѣлію, ограничивъ до нельзя епископскую власть, усилить на ея счетъ права и значеніе капитула.

При учрежденіи виленской епархіи положено было имѣть при каѳедрѣ 10 каноникОвъ и 2 прелата; въ послѣдствіи вводились новыя капитульныя должности, а число членовъ увеличилось до чрезмѣрности. Кромѣ штатныхъ прелатовъ и каноникОвъ, появились такъ называемые *титулярные* или *почетные*, которые получали доходы съ капитульныхъ имѣній, имѣли мѣсто въ капитулѣ, и только койкогда, весьма рѣдко, присутствовали въ капитульныхъ засѣданіяхъ. Такъ какъ великіе князья литовскіе, а въ послѣдствіи короли польскіе были коллаторами виленскаго капитула, то есть, отъ нихъ зависѣла раздача званій въ этомъ капитулѣ, то епи-

скопъ обязанъ былъ принимать въ составъ его всякаго, назначеннаго верховною властію; оттого въ этихъ званіяхъ находимъ мы по большей части людей свѣтскихъ, или же клириковъ низшихъ степеней, т. е. не получившихъ священства, разныхъ иностранцевъ, ученыхъ, докторовъ медицины, физиковъ, даже алхимиковъ; покровительство и знатность рода служили главнымъ, почти единственнымъ условіемъ для полученія этихъ духовныхъ почестей. Поэтому не нужно удивляться, встрѣчая юношей, почти дѣтей, въ этихъ званіяхъ; такъ изъ виленскихъ епископовъ Бржостовскій и Массальскій пожалованы были каноникаии, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, Волловичь и Авраамъ Война 20 лѣтъ, и уже послѣ посвящены были въ священники. Такіе каноники назывались *столовыми*, т. е. вассалами стола епископскаго, обыкновенно не жили въ Вильнѣ, а проводили время или при дворѣ, или въ своихъ имѣніяхъ, или въ другихъ мѣстахъ, по желанію, нисколько не заботясь объ исполненіи того правила тридентинскаго собора, которымъ требуется, чтобы «всѣ каноники исполняли божественныя обязанности сами, а не чрезъ подставныхъ лицъ (omnes canonici divina per se, non per substitutos compellantur obire officia)». Для исправленія службы при каѳедрѣ, вмѣсто прелатовъ и канониковъ, находились викаріи (человѣкъ 12); они-то и были настоящими и почти единственными работниками и тружениками церковными, получая за то самую умѣренную плату, тогда какъ члены капитула, живя въ праздности, роскоши, часто развратные до очевидности, пользовались огромными доходами съ капитульныхъ имѣній, и этого имъ было мало; «всякій изъ нихъ», говоритъ ксендзъ

Пржіалговскій, «думалъ только о томъ, какъ бы получить поболѣе бенефицій, должностей и почестей; для положенія и значенія въ обществѣ, нужно было имѣть по крайней мѣрѣ двѣ или три должности и владѣть нѣсколькими приходами» (1). Такіе ли духовные могли приходить на помощь страждущему человѣчеству! Постигало ли городъ Вильну какое-либо несчастіе, нападеніе непріятельское, просто переходъ непріятельскихъ войскъ, — прелаты и каноники вмѣстѣ съ епископомъ мигомъ разъѣзжались; появлялось ли моровое повѣтріе, или какая эпидемія,—члены капитула торопились выѣхать изъ города; такъ было въ 1602, въ 1625, въ 1631, въ 1656 годахъ; «таковъ ужь изстари былъ обычай», говоритъ ксендзъ Пржіалговскій, «что духовные, особенно въ высшихъ должностяхъ, заботясь о сохраненіи своего здоровья и жизни, не смѣли смотрѣть прямо въ очи смерти» (2). Кто же оставался для утѣшенія страждущихъ, для помощи нуждающимся, наконецъ просто для христіанскаго погребенія умершихъ? Тѣ же простые и бѣдные викаріи. Еще Скарга говаривалъ: «не съ викаріями Господь Богъ уговорился придти на работу, а съ тобою, пастырь; если же викарій работаетъ безъ тебя, то зачѣмъ отнимаешь у него плодъ его трудовъ»? Итакъ всѣ эти высшія духовныя званія были болѣе нужны для помпы епископской, для римской торжественности, чѣмъ для истинно Христовой церкви; естественно, что народъ не могъ чувствовать особой симпатіи къ этимъ духовнымъ сановникамъ; онъ видѣлъ въ нихъ не

(1) T. 1, p. 143.
(2) T. 1, p. 193.

отцовъ своихъ, «а пановъ, магнатовъ, одѣтыхъ въ атласныя матеріи, ѣдущихъ цугомъ», какъ справедливо замѣчаетъ ксендзъ Пржіалговскій ([1]); «мужикъ не имѣлъ смѣлости до нихъ приблизиться».

Въ отношеніи къ епископу капитулъ составлялъ не сенатъ его, не совѣщательный совѣтъ, каковъ дѣйствительный смыслъ этого учрежденія, но сеймъ, и притомъ сеймъ польскій, т. е. самый безалабернѣйшій изъ всѣхъ сеймовъ. Польскій политическій складъ перешелъ и въ духовную область; «какъ король безъ сейма», говоритъ тотъ же ксендзъ-историографъ виленской епархіи ([2]), «такъ епископъ безъ капитула въ сущности ничего не значилъ,—таковы были духъ времени и обычаи польскіе; церковь предоставляла епископу высшую духовную власть, но эта власть была разбита на части между прелатами, оттого частыя взаимныя неудовольствія и большое помѣшательство епископамъ осуществлять даже самыя благія намѣренія». Уже при второмъ виленскомъ епископѣ Георгіѣ Плихтѣ (1398 — 1407) капитулъ значительно ограничилъ епископскую власть и заставилъ его присягнуть на своихъ *pacta conventa;* съ тѣхъ поръ каждый виленскій епископъ, при вступленіи своемъ на каѳедру, давалъ въ каѳедральномъ соборѣ торжественно присягу въ томъ, что будетъ свято содержать привиллегіи капитула, т. е. во всемъ соглашаться съ волею прелатовъ и канониковъ; епископъ Александръ Сапѣга попробовалъ было исполнить этотъ обрядъ частнымъ образомъ въ сакристіи, но капитулъ ему этого не позволилъ.

([1]) Т. 3, р. 187.
([2]) Ibid. p. 80.

Начало противодѣйствія капитула епископу находимъ во время епископства Іоанна (1519—1537); на епископа Протасевича (1556—1580) капитулъ аппелируетъ примасу архіепископу гнѣзненскому и копіи съ своей аппеляціи прибиваетъ къ дверямъ костельнымъ; въ 1629 году капитулъ сопротивлялся епископу Волловичу въ учрежденія должности канцлера, тогда какъ и фундушъ на эту должность былъ пожертвованъ, потому что канцлеръ, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ документы капитульные и будучи одолженъ своимъ мѣстомъ епископу, могъ передавать епископу, что дѣлается въ засѣданіяхъ и по волѣ его направлять дѣла; «этотъ канцлеръ», объяснялъ капитулъ, «подлежалъ бы, по мысли епископа, двумъ властямъ,—епископской и капитульной, и потому не былъ бы въ состояніи исполнять предписаній ни той, ни другой, по словамъ евангелиста Луки: *deficit enim ambobus, qui vult servire duobus*» ([1]). Нужно замѣтить, что при вступленіи въ капитулъ каждый членъ его давалъ клятву, что никому не будетъ разсказывать, что происходитъ въ капитульныхъ засѣданіяхъ, въ томъ числѣ и епископу; разъ одинъ каноникъ пересказалъ епископу Бялозору (1661—1667) о бывшихъ въ капитулѣ разсужденіяхъ, испросивши предварительно разрѣшеніе у епископа отъ такой присяги; тогда капитулъ прибавилъ къ присягѣ клятву, что члены онаго ни подъ какимъ предлогомъ не будутъ домогаться ни у епископа, ни у папы освобожденія себя отъ сохраненія секрета капитульныхъ совѣщаній. Еще въ 1633 году состоялось также капитульное постановленіе: «буде кто

([1]) Acta capit. Viln. sub anno 1629.

изъ членовъ капитула осмѣлится, по своимъ частнымъ видамъ, въ ущербъ капитула, искать суда у епископа, и будетъ въ томъ уличенъ, такого подвергнуть неминуемо наистрожайшему наказанію» (1). Георгій Тышкевичъ, получивъ каѳедру, подъѣзжалъ къ Вильнѣ, и на дорогѣ былъ встрѣченъ послами отъ капитула, которые привезли ему форму присяги; епископъ этотъ, человѣкъ характера твердаго, удивился предложенію ограничить его духовную власть, не принялъ этой присяги, а самъ написалъ форму, подписалъ, запечаталъ и отдалъ посламъ, сказавъ, что онъ выполнитъ такую, а не какую иную присягу. Кажется, память этого энергическаго епископа мало чтилась капитуломъ: цѣлый вѣкъ тѣло его лежало въ склепѣ лютеранской кирхи въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ умеръ, да и потомъ не позволили похоронить его въ каѳедральномъ виленскомъ соборѣ. Никогда въ виленской епархіи раздоры капитула съ епископомъ не были такъ сильны и продолжительны, какъ при епископѣ Пацѣ (1672—1684), почти все время управленія его епархіею прошло въ этихъ несогласіяхъ. Началомъ этихъ непріятностей были денежные расчеты; по существовавшимъ обыкновеніямъ, послѣ смерти епископа до вступленія на каѳедру новаго, епископскія имѣнія разбирали члены капитула и пользовались доходами съ нихъ, такъ было и при Пацѣ, который былъ только клерикомъ, когда его назначили епископомъ, отправился въ Римъ для посвященія въ священство, и въ продолженіе двухъ лѣтъ, не вступая въ управленіе епархіею, не пользовался епископскими имѣніями; между

(1) Acta cap. Vil. sub anno 1633.

тѣмъ потребовался съ нихъ сборъ для казны, по случаю турецкой войны, и капитулъ не хотѣлъ внести онаго, епископъ же весьма естественно отъ того отказывался. Это обстоятельство на первыхъ же порахъ поставило епископа въ дурныя отношенія къ прелатамъ и каноникамъ; капитулъ взвелъ на него разныя обвиненія къ нунцію, къ примасу и къ королю и требовалъ отъ нунція, чтобы Пацъ лишенъ былъ духовной власти и епископской каѳедры, и къ самому епископу прислалъ дерзкій отзывъ; прочитавши, Пацъ, въ присутствіи многихъ духовныхъ, разорвалъ его и бросилъ на землю, сказавъ, что прелаты бунтовщики, а представившаго ему этотъ отзывъ члена капитула велѣлъ посадить на псарный дворъ, самъ же отправился въ Варшаву съ жалобою къ королю. Посредничество короля Яна III не привело къ миру; капитулъ отправилъ двухъ уполномоченныхъ въ Римъ вести процессъ съ Пацомъ; между тѣмъ епископъ, сдѣлавъ уступки, почти было помирился съ капитуломъ; въ это время пріѣзжаетъ въ Вильну двоюродный братъ его, жмудскій епископъ Казиміръ Пацъ, искавшій для себя виленской каѳедры, и разстроиваетъ все дѣло; послѣ этого виленскій епископъ отправляется самъ въ Римъ, находитъ тамъ уполномоченныхъ капитула, старается сойтись съ ними, но напрасно, даетъ балы кардиналамъ, сыплетъ деньгами въ разныхъ канцеляріяхъ, но ничего не удалось. Въ это время жмудскій епископъ самовольно переѣхалъ въ епископскій дворецъ виленскаго епископа. Возвращается изъ Рима Пацъ, капитулъ не встрѣчаетъ его, какъ слѣдовало встрѣтить епископа, постановляетъ, чтобы не подходить къ нему подъ благословеніе, бунтуетъ епископскихъ крестьянъ, и

снова начинаются тѣ же взаимныя оскорбленія, жалобы къ нунцію, королю и папѣ. Пацъ продолжалъ управлять епархіею, но былъ посвященъ только въ 1682 году, за два года до своей смерти; тогда помирился съ капитуломъ,—время охладило вражду. Нѣтъ сомнѣнія, что привычка къ власти, при прежнемъ занятіи важныхъ государственныхъ должностей, въ соединеніи съ весьма энергическимъ характеромъ, и внезапный переходъ изъ сферы свѣтской въ духовную во многомъ способствовали этимъ печальнымъ, даже скандальнымъ отношеніямъ епископа къ капитулу; но, разумѣется, не эти одни обстоятельства ихъ произвели. Корень всего неустройства, какъ мы сказали, лежалъ въ самомъ духѣ и направленіи капитула, отражавшемъ въ себѣ всю польскую неурядицу; при епископѣ Зенковичѣ (1730 — 1761) произошла весьма неприличная ссора капитула съ епископомъ за назначеніе въ должность архидіакона и за фундушевыя имѣнія, этой должности приписанныя, гдѣ дошло даже до битвы между экономами двухъ духовныхъ, изъ коихъ одинъ опредѣленъ былъ въ архидіаконы епископомъ, а другой избранъ въ то же время и въ то же званіе капитуломъ; король рѣшалъ въ пользу епископа, Римъ оправдывалъ капитулъ, споры продолжались восемь лѣтъ, и также одна продолжительность времени ихъ прекратила; какъ и въ дѣлѣ Паца ни одна сторона не была признана виновною, обѣ оказались правыми.

Виленскому капитулу принадлежали весьма значительныя населенныя имѣнія, а въ самой Вильнѣ подлежали его исключительной власти разные ремесленники, какъ то: портные, ткачи и т. п., которые были изъяты отъ свѣтскихъ судовъ, повинностей и

налоговъ, а подчинены были единственно суду капитула и его распоряженіямъ; провинившихся капитулъ заключалъ въ епископскій замокъ [1], но такъ какъ многіе оттуда убѣгали, то въ 1637 году капитулъ былъ занятъ пріисканіемъ болѣе надежной тюрьмы для своихъ юрисдичанъ [2]. Промыслы этихъ ремесленниковъ подвержены были регламентаціямъ того же капитула; такъ, напримѣръ, когда въ 1607 году въ городѣ начали жаловаться на дороговизну полотенъ, то капитулъ нашелъ, что это происходитъ отъ продажи оныхъ въ малопосѣщаемыхъ частяхъ города и отъ вывоза за границу, почему предписалъ находившимся подъ управленіемъ его ткачамъ, чтобы полотна продавали только на опредѣленномъ для сего рынкѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не вывозили ихъ за границу. Капитульнымъ ремесленникамъ строго запрещено было поступать въ городовые цехи *(contubernia)*, чтобъ чрезъ то не подчиниться свѣтской власти [3]; въ числѣ обязанностей этихъ людей было участіе въ процессіи Божьяго тѣла и въ другихъ каѳедральныхъ церемоніяхъ [4]. Епископъ виленскій, не смѣвшій мѣшаться въ дѣла капитульныхъ юрисдичанъ [5], владѣлъ самъ почти третьею частію города Вильны, и имѣлъ въ немъ своихъ мѣщанъ, одному ему подчиненныхъ и изъятыхъ изъ подъ дѣйствія магдебургскаго права, коимъ пользовались цеховые ремесленники; но еще епископъ Іоаннъ усту-

---

(1) Acta capit. Vilnens. sub anno 1605.
(2) Ibid. sub anno 1637.
(3) Ibid. sub anno 1617.
(4) Ibid. sub anno 1604.
(5) Ibid. sub anno 1650.

пилъ право суда надъ ними городскимъ войтамъ ([1]).

Что касается до положенія свѣтскаго сельскаго духовенства, то состояніе, въ разное время, семинарій можетъ служить мѣриломъ степени приготовленности ксендзовъ быть проповѣдниками слова Божія и наставниками народа. Въ половинѣ XVI вѣка, когда реформація проникла уже въ Литву, въ виленской епархіи не было еще семинаріи; молодые люди, желавшіе поступить въ духовное званіе, обучившись въ приходской церкви церковнымъ обрядамъ, выучившись читать и писать и немного латынѣ, посвящались въ священники. Семинарія учреждена была только въ 1588 году кардиналомъ княземъ Георгіемъ Радзивилломъ на 12 клериковъ, воспитаніе и образованіе коихъ отдано іезуитамъ, а матеріальное содержаніе предоставлено капитулу; разграниченіе этихъ обязанностей сдѣлано было на такихъ основаніяхъ: 1) управленіе недвижимыми имѣніями семинаріи и доходами съ нихъ принадлежитъ капитулу, въ это управленіе іезуиты не вмѣшиваются; 2) капитулъ выдаетъ ежегодно извѣстную сумму на содержаніе семинаріи іезуитамъ и не требуетъ отъ нихъ никакого отчета въ употребленіи этихъ денегъ; и 3) іезуитамъ принадлежитъ полная власть во всемъ, что̀ касается преподаванія наукъ въ семинаріи, нравственнаго воспитанія юношества и ихъ совѣсти, и никто не можетъ мѣшаться въ ихъ распоряженія ([2]). Въ 1613 году, по просьбѣ жмудскаго епископа Николая Паца, дозволено было принимать въ эту семи-

([1]) *Przyalgowski*. t. 1, p. 116—117.
([2]) Acta capit. Vilnens. sub anno 1636.

нарію и клериковъ жмудской епархіи, съ условіемъ, чтобы жмудскій епископъ внесъ единовременно извѣстную сумму денегъ на исправленіе семинарскаго зданія, и чтобъ жмудскіе семинаристы участвовали въ праздничные дни въ каѳедральномъ богослуженіи вмѣстѣ съ виленскими ([1]). Іезуиты, имѣя академію въ Вильнѣ и много школъ на Литвѣ, обращали весьма мало вниманія на эту епархіальную семинарію, а капитулъ, управляя очень дурно семинарскими имѣніями, давалъ съ доходовъ этихъ имѣній самыя ограниченныя средства на содержаніе этого заведенія; итакъ, какъ въ матеріальномъ, такъ въ научномъ и нравственномъ отношеніяхъ семинарія не соотвѣтствовала своему назначенію, чему содѣйствовало отчасти и самое двоевластіе іезуитовъ и капитула. Впрочемъ должно сказать, что, учреждая эту семинарію, епископъ Радзивиллъ имѣлъ болѣе цѣлію выполнить предписаніе тридентинскаго собора, чѣмъ доставить епархіи дѣйствительно образованное духовенство. Въ виленской семинаріи воспитывалось не 12 клериковъ, какъ первоначально полагалось, а 6 и не болѣе 8; для этихъ воспитанниковъ былъ одинъ учитель, онъ же и гувернеръ *(magister)*; принимали не юношей, а дѣтей, преподавали имъ только риторику и казуистику, содержали дурно, одежду отпускали на два года, а когда доходы съ имѣній уменьшались, то и вовсе не давали одежды, такъ что клерики являлись на каѳедральное богослуженіе въ лохмотьяхъ; при выпускѣ изъ семинаріи не давали ни одежды, ни бревіаріевъ. Уже въ 1628 году возбужденъ былъ вопросъ: слѣдуетъ ли

([1]) Acta cap. Viln. sub anno 1613.

оставлять далѣе епархіальную семинарію въ управленіи іезуитовъ? Въ 1638 году капитулъ желалъ достигнуть, чтобы іезуиты сами отказались отъ этого заведенія, приписывая ихъ невниманію жалкое положеніе, въ которомъ семинарія находится. Іезуиты, съ своей стороны, упрекали капитулъ въ дурномъ управленіи семинарскихъ имѣній и въ крайней ограниченности средствъ, имъ предоставленныхъ, объясняли, что если они принимаютъ дѣтей слишкомъ молодыхъ лѣтъ, то это потому, что этимъ дѣтямъ покровительствуютъ люди сильные, что они не находятъ нужды усилить преподаваніе наукъ, потому что воспитанники объ этомъ не просятъ (1), и т. п. Наконецъ въ 1652 году произошелъ рѣшительный разрывъ между капитуломъ и іезуитами, за право назначать приходскаго священника въ виленской іезуитской церкви св. Іоанна; іезуиты такъ разсердились, что, въ отмщеніе капитулу, велѣли выгнать ночью всѣхъ семинаристовъ, захватили вещи и книжки воспитанниковъ и объявили, что съ этой минуты они не хотятъ знать семинаріи (2). Съ тѣхъ поръ семинарія поступила въ непосредственное завѣдываніе епархіальныхъ епископовъ, отчего впрочемъ положеніе ея нисколько не улучшилось. Охотниковъ до поступленія въ семинарію было весьма немного, потому что по окончаніи наукъ и посвященіи въ священники имъ не давали прямо приходовъ, а посылали сначала къ церквамъ въ качествѣ викаріевъ, тогда какъ въ то же время, по протекціи, клерики самыхъ юныхъ лѣтъ, не имѣвшіе никакихъ духов-

(1) Acta capit. Vilnen.
(2) Ibid. sub anno 1652.

ныхъ степеней, возводились въ каноники; при такомъ порядкѣ добыванія церковныхъ должностей естественно невозможно было пріохотить молодыхъ людей къ поступленію въ семинарію. Съ теченіемъ времени, число воспитанниковъ въ виленской семинаріи еще уменьшилось: въ 1668 году ихъ было всего четыре, потомъ опять доходило до шести при епископахъ Пацѣ и Бржостовскомъ. При слабомъ епископѣ Панцержинскомъ (1724—1730), фаворитъ его, Казиміръ Анцута, епископъ антипатренскій, присвоилъ себѣ доходы съ семинарскихъ имѣній, такъ что семинарія дошла до положенія отчаяннаго; два прелата, сдѣлавшіе, по порученію капитула, неожиданный осмотръ семинаріи, нашли, что въ ней содержится семь клериковъ, что клерики эти ничего не знаютъ, кромѣ того, чему выучились въ школѣ; кто хочетъ учиться, долженъ отправляться въ другія училища, а кто учиться не желаетъ, тотъ остается въ семинаріи, ничего не дѣлая; въ теченіе цѣлаго дня они поютъ только двѣ литаніи утромъ и вечеромъ и прочитываютъ одинъ раздѣлъ изъ Томаса Кемпійскаго, болѣе ничего; кормятъ ихъ еще кое-какъ, но свѣчъ не даютъ,—въ длинные осенніе вечера отпускаютъ на все зданіе только двѣ свѣчи, и тѣ грошовыя [1]. Въ началѣ епископства князя Массальскаго семинарскія имѣнія были до такой степени разграблены, что заведеніе совершенно закрылось, и возобновилось только тогда, когда перешло въ руки миссіонеровъ, управлявшихъ имъ до 1800 года. Хотя при нихъ число клериковъ возрасло

---

(1) *Przyalgowski.* t. 3, p. 131—132.

до 30 ([1]), но внутреннее состоянiе семинарiи не улучшилось: до 1792 года воспитанники поступали безъ всякихъ экзаменовъ и аттестатовъ, не получали необходимой одежды и обуви, обучались однимъ предметамъ духовнымъ и оставались въ заведенiи не на опредѣленный срокъ ученiя, а по волѣ и прихоти регенса. Хотя, по церковнымъ уставамъ, ежегодно посылались два ревизора, одинъ отъ епископа, другой отъ капитула, но они не могли принести существенной пользы заведенiю, ибо, будучи представителями двухъ отдѣльныхъ властей, ссорились между собою и представляли отчеты одинъ другому противоположные. Семинарскiя имѣнiя, въ коихъ было до 2,000 душъ, пришли снова въ такой упадокъ, что не только не были достаточны для поддержанiя семинарiй, но и для уплаты процентовъ сдѣланнаго долга. Преподаватели, коихъ было четыре человѣка, получали жалованье весьма недостаточное, именно по 100 рублей въ годъ, а семинарское зданiе совершенно разрушалось. Что касается до самаго образованiя клериковъ, то оно было столь же ограниченно, сколько экономическое состоянiе семинарскаго хозяйства малоудобно для ихъ содержанiя. «Достаточно ли это воспитанiе», говоритъ каноникъ, осматривавшiй въ концѣ прошлаго вѣка семинарiю, «для молодыхъ людей, предназначенныхъ не только для занятiя мѣстъ викарiевъ и плебановъ, но и должностей проповѣдниковъ, канониковъ, прелатовъ и епископовъ? Предметъ этотъ достоинъ основательнаго изслѣдованiя, дабы можно было прочно утвердить систему образованiя въ семинарiи, которое, смѣло

([1]) Ibid. pp. 182 et 196.

говорю, совершенно заброшено, и, какъ мнѣ кажется, далеко недостаточно» (1).

Для улучшенія положенія епархіи и ея духовенства собирались такъ называемые провинціальные синоды или соборы; такихъ синодовъ въ виленской епархіи было 14, именно они созваны были въ Вильнѣ въ слѣдующихъ годахъ: 1526, 1555, 1582, 1604, 1607, 1613, 1623, 1631, 1635, 1654, 1669, 1685, 1717 и 1744. Побудительныя причины созыва епархіальнаго духовенства на эти синоды были различныя: первые три синода собраны были по случаю сильнаго распространенія въ Литвѣ кальвинизма; синодъ 1635 года послѣдовалъ вслѣдствіе ограниченія правъ духовенства на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ; на синодѣ 1654 года разсуждалось, между прочимъ, о сборахъ съ духовенства въ казну; но большая часть синодовъ созвана была единственно для формы. На основаніи 24-го засѣданія 2-й главы тридентинскаго собора вмѣнено всѣмъ епископамъ въ обязанность собирать провинціальные синоды; для исполненія этого постановленія собственно и собиралось духовенство въ Вильнѣ на эти соборы; существенной пользы они принести не могли уже и потому, что продолжались только три дня, и въ этотъ короткій срокъ разныя церемоніи брали много времени; обыкновенно заключенія приготовлялись прежде, чѣмъ съѣзжалось духовенство, которое только подписывалось подъ ними. Что синоды эти созывались преимущественно для соблюденія формы, видно, между прочимъ, и изъ того, что, напримѣръ, епископъ Авраамъ Война (1631—1649) объявилъ

(1) Acta capit. Vilnensis.

при восшествіи своемъ на каѳедру, что въ этотъ же день онъ собираетъ синодъ; епископъ Котовичъ (1685—1686) сдѣлалъ то же, назначивъ синодъ на другой день по восшествіи своемъ на каѳедру; естественно, что на этихъ синодахъ могли находиться только тѣ духовные, которые случайно присутствовали при посвященіи этихъ епископовъ, и что во всякомъ случаѣ приготовиться къ обсужденію епархіальныхъ дѣлъ они не могли, точно также какъ и порядочно обсудить ихъ въ три дня. Постановленія всѣхъ этихъ синодовъ ограничивались обыкновенно разными увѣщаніями, которымъ рѣдко слѣдовали, отчего они и повторялись безуспѣшно на многихъ синодахъ; поэтому мы почитаемъ совершенно излишнимъ утомлять вниманіе читателей выписками этихъ мертвыхъ постановленій, а чтобы дать понятіе о нихъ, разскажемъ содержаніе послѣдняго виленскаго синода, бывшаго при епископѣ Зенковичѣ въ 1744 году. Изъ опредѣленій этого синода видно, что 1) приходскіе священники часто не повиновались своимъ благочиннымъ или деканамъ, почему и предписано имъ послушаніе; 2) приходскіе священники безпрестанно ссорились между собою за границы своихъ приходовъ, что видимъ и изъ постановленій синода 1717 года; 3) монашескіе ордена не повиновались епископу *(nostrae ordinariae authoritatis ignorantur aut contemnentur)*; почему, хотя синодъ не могъ обязать ихъ повиновеніемъ, напомнилъ имъ однакоже постановленія тридентинскаго собора, которыя касаются отношеній монастырей къ епископамъ; 4) женскіе монашескіе ордена точно также не признавали власти епископской, особенно бенедиктинки; 5) священники присвоивали себѣ деньги,

назначенныя для постройки или возобновленія церквей; 6) священники брали слишкомъ много за погребеніе, а бѣднымъ людямъ часто не отводили могилъ ([1]). Судя по послѣдующему состоянію духовенства виленской епархіи оказывается, что увѣщанія эти остались тщетными. Независимо отъ синодовъ, нѣкоторые епископы обращались съ посланіями къ духовенству епархіи, въ которыхъ давали разныя наставленія; въ этомъ отношеніи наиболѣе отличался епископъ Бенедиктъ Война; дошелъ также до насъ мандатъ епископа Паца ([2]).

Наружный блескъ заставлялъ забывать недостаточность внутренняго содержанія: епископъ виленскій, богатый, знатный, одинъ изъ главныхъ сенаторовъ республики, окруженный пышнымъ капитуломъ изъ прелатовъ и канониковъ, постепенно увеличивалъ блескъ своей каѳедры умноженіемъ разныхъ почетныхъ должностей. При епископѣ Іоаннѣ (1519—1537) учреждена должность виленскаго суффрагана, который именовался обыкновенно епископомъ *метоненскимъ;* необходимость учрежденія суффрагаміи молодой епископъ Іоаннъ наивно объяснялъ своимъ невѣдѣніемъ духовныхъ дѣлъ и своими занятіями и дѣлами политическими ([3]). При епископѣ

([1]) Засѣданія этого собора происходили 10, 11 и 12 февраля.

([2]) Modus et ordo boni regiminis in diocesem Vilnensem introducendi sancitus ex mandato illustrissimi reverendissimi et excellentissimi domini D. Nicolai Stephani Pac episcopi Praeconisati et administratoris ecclesiae et episcopatus Vilnensis. Anno 1682.

([3]) «quia nondum sum sacris initiatus, tum quia sum primarius in hoc magno ducatu Lithuaniae consiliarius, seduloque in negociis reipublicae occupatus». (Донесеніе его папѣ Клименту VII отъ 10 апрѣля 1529 г. у *Тейнера*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 2, p. 464).

Волловичѣ (1616—1630) учреждено званіе бѣлорусскаго архидіакона, который потомъ, при епископѣ Георгіи Тышкевичѣ (1650—1656), получилъ митру, съ титуломъ суффрагана бѣлорусскаго, и жилъ не въ Бѣлоруссіи, а въ Вильнѣ, исполняя капитульныя обязанности. Со второй половины XVII вѣка епископы смоленскіе, а впослѣдствіи и инфляндскіе, не имѣя въ сущности епархій, были не болѣе какъ высшими прелатами виленской епархіи, а капитулы ихъ слились въ составъ виленскаго капитула. При торжественностяхъ виленскаго епископа, эти четыре епископа, а иногда и жмудскій съ своимъ капитуломъ, служили ассистентами, и великолѣпіе главнаго на Литвѣ римско-католическаго епископа льстило народному самолюбію столько же, сколько тщеславію польскаго дворянства и латынскаго духовенства.

Впрочемъ чрезмѣрныя богатства духовенства, его вымогательства и неограниченныя привиллегіи, выводившія его вовсе изъ общаго государственнаго склада, обратили уже на себя давно вниманіе. Первоначально возникли споры за десятину, а потомъ, начиная съ XVII вѣка, дворянство стало возставать противъ многихъ исключительностей духовнаго сословія. Въ 1612 году виленскій капитулъ призналъ необходимымъ, чтобы епископъ письменно протестовалъ противъ исправителей *(correctores)* статутовъ в. к. литовскаго, старающихся уничтожить права и привилегіи духовенства; въ 1614 году постановилъ просить епископа, чтобъ на предстоящемъ генеральномъ сеймѣ въ Вильнѣ не допускалъ дворянство мѣшать членамъ капитула выражать на совѣщаніяхъ сейма свои мнѣнія и подавать голоса; въ 1620 году, назначая епископа суффрагана Войну

своимъ представителемъ на сеймѣ, который созывался въ Варшавѣ, поручилъ ему защищать на ономъ права и выгоды духовенства в. к. литовскаго и обсудить, со всѣми епископами королевства, какія слѣдуетъ принять мѣры противъ намѣреній противниковъ духовнаго сословія; въ 1629 году состоялось такое постановленіе капитула: «по случаю нынѣшней тяжкой годины и злости людей, тѣхъ въ особенности, которые зарятся на чужое и именно церковное добро, и по подученію злаго духа хватаютъ имѣнія духовенства и завладѣваютъ оными, постановили, для вѣрнѣйшей отъ таковыхъ обороны, содержать особаго агента при судахъ королевскихъ, съ уплатою ему ежегодно ста злотыхъ изъ кассы капитульной». На сеймѣ 1635 года состоялся законъ, что духовенство не имѣетъ права принимать какія бы то ни было записи и фундуши безъ предварительнаго утвержденія сейма; такое рѣшеніе взволновало все духовенство; епископъ Авраамъ Война нарочно собралъ по этому случаю провинціальный синодъ въ Вильнѣ; все духовенство какъ польское, такъ и литовское, подало общую коллективную протестацію, Оссолинскій посланъ былъ къ папѣ Урбану VIII просить его быть посредникомъ между дворянствомъ и духовенствомъ; въ слѣдующемъ 1636 году капитулъ, выбравши судей въ трибуналъ королевскій, пригласилъ епископа назначить въ пользу ихъ общую денежную складку со всего епархіальнаго духовенства, «дабы они могли привлечь на свою сторону сотоварищей своихъ, свѣтскихъ членовъ, въ томъ же трибуналѣ засѣдающихъ, и склонить ихъ дѣйствовать въ пользу духовенства». Въ 1643 году епископъ Авраамъ Война, пришедши

въ собраніе капитула, объявилъ, что по многимъ повѣтамъ королевства и Литвы, при избраніи пословъ на наступающій сеймъ, даны имъ инструкціи дѣйствовать противъ правъ и свободъ духовенства, почему и назначилъ повсемѣстныя молебствія въ церквахъ, «дабы Господь смѣшалъ враговъ церкви и духовенства». Въ 1647 году капитулъ, по совѣщаніи съ епископомъ, постановилъ внести протестацію въ городскіе акты противъ послѣдовавшаго на послѣднемъ сеймѣ 2-го мая постановленія на счетъ духовныхъ имѣній. Въ 1654 году въ инструкціи посламъ капитула на сеймъ варшавскій предписано имъ было: 1) быть на всѣхъ собраніяхъ духовныхъ пословъ и условиться съ ними о дѣлахъ, касающихся церкви, и 2) побуждать епископовъ публично, *in facie Reipublicae*, протестовать противъ всѣхъ постановленій, нарушающихъ привилегіи духовенства; вмѣстѣ съ тѣмъ на сеймики повѣтовъ трокскаго, ковенскаго, полоцкаго и княжества жмудскаго, а также къ канцлеру в. к. литовскаго Станиславу Альберту Радзивиллу разосланы были записки, въ коихъ изображалось требованіе капитула о сохраненіи правъ и свободъ духовенства. Въ 1673 году капитульные уполномоченные на сеймики получили благодарность капитула за то, что протестовали противъ опредѣленія предшествовавшаго сейма, по коему свѣтскіе заимодавцы должны были платить духовенству не по 8%, какъ было прежде, а по 7%, и установленъ новый сборъ со всѣхъ корчемъ въ Литвѣ и съ продажи вина [1]. Эти данныя

---

[1] Свѣдѣнія эти заимствованы изъ актовъ виленскаго капитула.

достаточно объясняютъ отношенія духовенства къ дворянству: первое поддерживало свою исключительность, второе стремилось къ тому, чтобы подчинить духовныхъ общимъ законамъ, заставить ихъ принять участіе въ нуждахъ республики и сдѣлать изъ нихъ полезныхъ гражданъ. Полагаемъ излишнимъ приводить послѣдующіе факты, свидѣтельствующіе о томъ же самомъ направленіи; достаточно сказать, что эти отношенія нисколько не измѣнились въ послѣдующемъ XVIII вѣкѣ; такъ, напримѣръ, въ 1736 году епископъ Зенковичь, пріѣхавъ въ Вильну изъ Пруссіи, объявилъ капитулу, что на пути онъ былъ въ Варшавѣ на сеймѣ, гдѣ слышалъ сильныя нареканія дворянства и другихъ сословій на чрезмѣрныя богатства монастырей и другихъ духовныхъ, и что духовенству угрожаетъ отобраніе всѣхъ недвижимыхъ его имуществъ.

Намъ извѣстно, что въ чрезвычайныхъ военныхъ обстоятельствахъ духовенство обязывалось помощью республикѣ, называвшеюся *subsidium charitativum*, кромѣ того съ имѣній своихъ доставлять провіантъ и давать постой войску въ этихъ имѣніяхъ. Вся тяжесть этихъ сборовъ ложилась на крестьянъ, ибо духовенство, уплативши подать, выбирало ее потомъ съ крестьянъ духовныхъ имѣній; не смотря на это, постоянно стремилось оно вовсе освободить себя и свои имущества отъ всякихъ повинностей въ пользу государства; такъ въ 1650 году литовское духовенство объявило, что оно не въ состояніи жертвовать что-либо королевству, и что послы виленскаго капитула никогда не соглашались на сеймѣ на подобные сборы; въ 1662 году епископъ Бялозоръ и капитулъ послали къ войсковому начальству своихъ

уполномоченныхъ объявить, что духовенство отказывается отъ контрибуціи, потому что безъ дозволенія апостольской столицы никакая чрезвычайная подать на духовенство накладываема быть не можетъ, и что еслибъ это допустить, то и впредь стали бы облагать духовенство новыми податями. Воинскіе постои были всего тягостнѣе для имѣній, поэтому иногда виленскіе епископы входили въ соглашеніе съ гетманами в. к. литовскаго о замѣнѣ этой повинности деньгами, но еще чаще духовенство домогалось на сеймахъ о совершенномъ избавленіи духовныхъ имѣній отъ всякихъ воинскихъ повинностей и при этомъ случаѣ употребляло иногда средства довольно неприличныя; такъ, напримѣръ, въ 1669 году предписано было капитульному уполномоченному на сеймъ «не гнушаться никакими средствами для достиженія, чтобы имѣнія духовныя избавлены были отъ зимнихъ воинскихъ постоевъ». Эти причины поддерживали постоянно дурныя отношенія духовенства къ войску и его начальству, которыя нагляднымъ образомъ выразились въ открытой борьбѣ виленскаго епископа Константина Бржостовскаго съ гетманомъ Сапѣгою. Бржостовскій запретилъ крестьянамъ епископскихъ имѣній доставлять провіантъ войску, стоявшему тамъ на квартирахъ, такъ какъ, по его понятіямъ, духовныя имѣнія свободны отъ всякихъ податей и повинностей, а ежели иногда духовенство и помогало казнѣ, то не иначе, какъ въ видѣ добровольнаго приношенія *(subsidium charitativum)*; въ 1693 году подалъ онъ жалобу въ суды литовскіе, а потомъ королю на Казиміра Іоанна Сапѣгу, палатина виленскаго, главнокомандующаго литовскими войсками; но жалоба эта не была при-

знана основательною. Тогда Бржостовскій пригласилъ епископовъ выступить открытою войною противъ свѣтской власти, но, не получивъ на то ихъ согласія, рѣшился дѣйствовать одинъ,—собралъ съ крестьянъ деньги для войска и оставилъ у себя, а овесъ и сѣно въ епископскихъ деревняхъ сжегъ, чтобъ они не достались солдатамъ; приходскимъ священникамъ приказалъ возбуждать народъ на исповѣди и проповѣдяхъ противъ войска и его начальника. Разбирателемъ и посредникомъ между епископомъ и Сапѣгою былъ папскій нунцій Сантакруцій, который держалъ сторону епископа, и издалъ декретъ противъ Сапѣги. Сапѣга отвѣчалъ ему, что размѣщеніе войска зависитъ отъ власти правительственной, а не духовной, а еще менѣе отъ посланника чужеземной державы, и что вывести войско изъ всѣхъ епископскихъ имѣній въ такія трудныя для государства времена невозможно. 18 апрѣля 1694 года Бржостовскій далъ повсемѣстное по епархіи приказаніе отлучить отъ церкви Сапѣгу и его сподвижниковъ (за исключеніемъ впрочемъ самаго войска) и проклясть его по всѣмъ церквамъ публично, и самъ первый проклялъ Сапѣгу въ каѳедральномъ соборѣ, послѣ чего велѣлъ прекратить въ немъ на нѣсколько дней богослуженіе, какъ-бы въ видѣ траура церкви. Дворянство и жители города Вильны собрались во дворецъ главнокомандующаго въ Антоколахъ и единогласно признали такой поступокъ епископа своевольнымъ; всѣ монашескія ордена въ Вильнѣ нашли это дѣйствіе противозаконнымъ и отказались читать въ своихъ церквахъ это епископское опредѣленіе. Сапѣга въ тотъ же день далъ балъ въ своемъ антокольскомъ дворцѣ, публиковалъ

свою протестацію, и народъ сталъ шумѣть противъ епископа. Бржостовскій, представляя себя обиженнымъ и разореннымъ, снялъ съ себя золотой крестъ, надѣлъ мѣдный и угрожалъ удалиться въ Ригу, но этимъ показался онъ народу только смѣшнымъ, а вовсе не мученикомъ, какимъ желалъ выставить себя. Архіепископъ гнѣзненскій, отъ коего зависѣла виленская епархія, укорялъ Бржостовскаго въ самоуправствѣ, въ преувеличеніи правъ своей власти, наконецъ въ поспѣшности; теперь, говорилъ онъ, когда татарскій ханъ идетъ на насъ съ многочисленнымъ войскомъ, не время проклинать главнокомандующаго. «Ostentanda, sed non emittenda erant haec jacula, juxta continuam et stabilem meam sententiam. Roma, quamvis supremâ fruitur potestate, nihilominus nunquam praecipitanter descendit ad similes excommunicationes, quæ status convellere possent; providet namque ne sit medicina pejor morbo»; онъ говорилъ, что епископъ безъ согласія собора сдѣлать этого не могъ: «excommunicare namque generalissimum ducem exercituum non est excommunicare aliquem ex vulgo, et quidem ob rationes publicas, in quo negotio requirebatur alia cognitio et authoritas, non vero privata solius dnis vestrae». Архіепископъ гнѣзненскій разрѣшилъ Сапѣгу отъ проклятія и 26 апрѣля 1694 года публиковалъ свое опредѣленіе; но Бржостовскій протестовалъ противъ этого опредѣленія, доказывая, что архіепископъ гнѣзненскій будто ему не начальникъ, что онъ имѣетъ такую же власть въ Литвѣ, какъ тотъ въ Польшѣ, и потому оставлялъ проклятіе въ прежней силѣ. Въ отвѣтѣ своемъ архіепископу Бржостовскій, между прочимъ, говоритъ: «quod anathema non in

privatas, ut asseritur, personas, sed etiamsi regali aut imperiali fulgeant dignitate, per concilium Tridentinum, sess. 22, can. XI, latum et promulgatum». Между тѣмъ король, весь дворъ и сенатъ осуждали поступокъ епископа, народъ въ Варшавѣ бунтовался, всѣ знатные люди изъявляли письменно Сапѣгѣ негодованіе свое противъ епископа. Въ отвѣтъ на это Бржостовскій проклялъ въ соборѣ всѣ неповиновавшіеся ему монашескіе ордена, — доминиканов, бернардиновъ, францисканов и кармелитовъ, храмы ихъ запечаталъ своею печатью, а нѣкоторыхъ монаховъ посадилъ въ заключеніе; народъ волновался, говоря, что епископъ этотъ не пастырь, а врагъ Бога и людей. Но этого мало; Бржостовскій предпринялъ-было взбунтовать противъ Сапѣги его войско, но это ему не удалось; напротивъ того, всѣ офицеры просили раздѣлить участь своего начальника и быть, какъ онъ, отлученными отъ церкви; войско отправило пословъ къ королю для объявленія, что оскорбленіе, сдѣланное его начальнику, оно принимаетъ за личное для себя оскорбленіе, что оно готово пролить за него послѣднюю каплю крови, хочетъ жить и умереть не иначе какъ съ нимъ вмѣстѣ. Послѣ этого Сапѣга одержалъ побѣду надъ крымскими татарами и взялъ значительную добычу; по этому случаю совершались по всѣмъ церквамъ благодарственныя молебствія (*Te Deum*); Бржостовскій, изъ личной ненависти къ Сапѣгѣ, запретилъ служить молебны въ своей епархіи; потомъ сталъ возбуждать противъ Сапѣги дворянство и обывателей, но и это ему не удалось. Наконецъ послалъ онъ къ Сапѣгѣ съ предложеніемъ снять съ него проклятіе, съ тѣмъ, чтобы онъ не ставилъ войска

въ епископскія имѣнія и заплатилъ за убытокъ три милліона флориновъ. Сапѣга смѣялся надъ этимъ освобожденіемъ отъ проклятія, точно также какъ и надъ самымъ проклятіемъ. Далѣе Бржостовскій просилъ у папы дозволенія, по случаю разоренія его имѣній, собрать съ епархіи, для славы Бога, извѣстную сумму денегъ; но папа отвѣчалъ ему: «desiste frater charissime a fastu et litigiis, et sufficient tibi reditus episcopales, qui aliis episcopis sufficiebant et sufficiunt» (1). Ссора эта продолжалась около пяти лѣтъ, наконецъ Бржостовскій долженъ былъ помириться съ Сапѣгою.

II. *Жмудская епархія* заключала въ себѣ западную часть нынѣшней ковенской губерніи, именно уѣзды: россіенскій, тельшевскій и шавельскій и часть уѣздовъ поневѣжскаго и ковенскаго; съ этой восточной стороны обыкновенно принимаютъ границею между жмудскою и виленскою епархіями рѣку Невяжу (Niewiaza), впадающую въ Нѣманъ, но это не совсѣмъ вѣрно, ибо и за этою рѣкою было нѣсколько костеловъ, принадлежавшихъ къ епархіи жмудской. Кромѣ того, въ составъ жмудской епархіи входили нѣкоторые костелы сосѣдней Пруссіи и одно время немногія католическія церкви Курляндіи.

Крестоносцы первые стали вводить римскій католицизмъ на Жмуди, но проповѣдь вооруженныхъ апостоловъ не имѣла никакого успѣха; по присоединеніи этого края къ Литвѣ, великій князь Витольдъ пришелъ туда въ 1413 году съ войскомъ и началъ

---

(1) Epistolae *Stanislai Chochlowski* quondam ordinis franciscanorum in conventu Vilnensi guardiani,—de episcopo litigioso et seditionum in ecclesia Dei et republica concitatore Constantino Brzostowski episcopo Vilnensi. 1695.

*

крестить народъ насиліемъ; какъ только сила удалилась изъ Жмуди, народъ возвратился опять въ язычество; въ 1416 году является туда вновь войско; въ слѣдующемъ году, для распространенія вѣры, учреждается епархія; но какъ только Витольдъ отправился въ 1418 году на Волынь, опять народъ бросилъ силою навязанную ему латынскую вѣру, нѣкоторыхъ насильственныхъ проповѣдниковъ убилъ, другихъ выгналъ, костелы разграбилъ и сжегъ; приходитъ въ третій разъ на Жмудь Витольдъ проповѣдывать такимъ способомъ Евангеліе, приводитъ съ собою сильное войско, казнитъ многихъ отступниковъ латынства, остальныхъ заставляетъ назваться католиками. Тогда происходитъ на Жмуди настоящее возстаніе: не однихъ ксендзовъ, но и магнатовъ, помогавшихъ великому князю, народъ убиваетъ, и въ четвертый разъ является Витольдъ карать закоренѣлыхъ язычниковъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ насильственныхъ мѣръ христіанская религія принята была жмудскимъ народомъ неискренно, только по неволѣ, и въ продолженіе двухъ вѣковъ не могла укорениться въ этой странѣ, — жмудины, называясь католиками, въ продолженіе весьма долгаго времени оставались по большей части язычниками, и построеніе костеловъ, какъ и въ Литвѣ, означаетъ скорѣе выборъ пунктовъ, изъ которыхъ латынское духовенство полагало болѣе удобнымъ распространять свою вѣру, чѣмъ удостовѣреніе, что въ мѣстностяхъ, гдѣ построены были костелы, жители были на самомъ дѣлѣ христіанами.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія основаніе костеловъ въ жмудской епархіи, находимъ, что географическое, такъ сказать, распространеніе католи-

цизма въ этой епархіи было слѣдующее: въ XV вѣкѣ болѣе всего построено было костеловъ въ уѣздѣ россіенскомъ, потомъ въ шавельскомъ и тельшевскомъ; объясняется это тѣмъ, что россіенскій уѣздъ смеженъ съ царствомъ польскимъ, гдѣ уже издавна укоренилась римско-католическая вѣра, тогда какъ Литва была въ это время католическою страною болѣе по имени; въ уѣздахъ поневѣжскомъ и ковенскомъ костеловъ въ этомъ вѣкѣ вовсе не было. Въ этомъ же направленіи происходило движеніе католицизма на Жмуди и въ XVI вѣкѣ, то есть, наиболѣе церквей построено было въ уѣздѣ россіенскомъ (11), потомъ въ шавельскомъ (7) и тельшевскомъ (6). Три эти уѣзда были центромъ, изъ котораго католицизмъ сталъ выступать далѣе, именно на востокъ и на юго-западъ: на востокѣ, въ уѣздахъ поневѣжскомъ и ковенскомъ построены были—въ первомъ одинъ костелъ, а во второмъ два, и замѣчательно то, что костелъ въ поневѣжскомъ уѣздѣ (шадовскій) построенъ вблизи шавельскаго уѣзда, а въ ковенскомъ (вилькійскій и ясвоинскій) вблизи границъ россіенскаго уѣзда; на юго-западѣ же, гдѣ до половины XVI вѣка не было ни одного костела и ни одного ксендза и народъ оставался въ язычествѣ, поставлено два костела къ сторонѣ Балтійскаго моря. Въ XVII вѣкѣ наиболѣе построено церквей въ тельшевскомъ уѣздѣ (13), за симъ въ россіенскомъ и шавельскомъ (по 6 въ каждомъ); католицизмъ продолжалъ распространяться на востокъ въ уѣзды ковенскій (1 костелъ) и поневѣжскій (6), сначала вблизи границъ россіенскаго и шавельскаго уѣздовъ, а потомъ отдаляясь отъ оныхъ и идя на востокъ, такъ костелъ смильгевскій находится въ 25 верстахъ отъ

границъ шавельскаго уѣзда, а костелъ пошолатскій отъ границъ этого уѣзда верстахъ въ 40. Много костеловъ построено было въ этомъ вѣкѣ или же обезпечено фундушами королемъ Сигизмундомъ III.

Когда реформація вторгнулась въ Жмудь, здѣсь было всего 34 костела, на юго-западѣ поставленъ былъ въ 1551 году всего одинъ костелъ въ Масядахъ, а народъ мало былъ проникнутъ римскою вѣрою; оттого кальвинизмъ сдѣлалъ въ этой странѣ огромныя опустошенія: во всей епархіи осталось только три латынскихъ костела и шесть ксендзовъ. Но что всего страннѣе, народъ жмудскій не сдѣлался весь кальвинистомъ, бо́льшая часть его перешла опять въ язычество ([1]),—такъ мало искренности было въ принятіи имъ католицизма, насильно ему навязаннаго, такъ внѣшнее выраженіе католицизма, въ церковной іерархіи, въ постройкѣ костеловъ, мало соотвѣтствовало внутреннимъ его успѣхамъ въ душѣ и совѣсти людей, числившихся католиками! Литовскій іезуитъ Станиславъ Ростовскій свидѣтельствуетъ, что жмудины зажгли свой прежній святой огонь въ честь Перуна, стали вновь чтить священные дубы, приносить жертвы, однимъ словомъ, сдѣлались совершенными идолопоклонниками. Въ 1587 году самогитскій епископъ князь Мельхіоръ

([1]) «Inter haec plebes misera, in Lituania maxime, Samogitia et Semigallia, legum christianarum vel oblita, vel rudis, ex agris in antiquas redibat sylvas, quercubus suis Jovique illi fulmineo, quem superiores sui Perkunum appellabant, gentili majorum ritu supplicatum». (*Rostowskiego*, Lituanicarum societatis Jesu historiarum provincialium pars prima. Vilnae. 1769. p. 11). Съ гораздо большею подробностію говоритъ Ростовскій объ идолопоклонствѣ въ Самогитіи въ 1583 году на страницахъ 118—121.

Гедройцъ писалъ виленскимъ іезуитамъ: «въ большей части моей епархіи нѣтъ человѣка, который хотя бы разъ въ жизни исповѣдался и причастился, нѣтъ ни одного, который умѣлъ бы перекреститься и произнести «Отче нашъ», который бы наконецъ имѣлъ хоть какое-нибудь понятіе о христіанской вѣрѣ; жмудины не почитаютъ за грѣхъ приносить жертвы Перуну, чтить дубы, почитать за святыя нѣкоторыя рощи» [1] и т. п. Какъ въ виленской епархіи, находимъ и здѣсь полицейскія распоряженія для побужденія прихожанъ исполнять христіанскія обязанности; такъ въ 1644 году въ одной мѣстности назначенъ былъ штрафъ съ непосѣщающихъ костела и живущихъ безъ браковъ.

Жмудская епархія учреждена была въ 1417 году, и подчинена, какъ и виленская, архіепископу гнѣзненскому; епископская каѳедра помѣщена была въ мѣстечкѣ Ворняхъ или Мѣдникахъ (тельшевскаго уѣзда), отчего епископы и епархія жмудскіе назывались иногда мѣдницкими. Эта епархія относительно виленской канонически была совершенно независима, но въ дѣйствительности находилась къ ней въ какомъ-то вассальномъ отношеніи: жмудская каѳедра давалась обыкновенно каноникамъ, прелатамъ и суффраганамъ виленскимъ, а жмудскихъ епископовъ, какъ-бы въ отличіе, перемѣщали иногда на каѳедру виленскую; такихъ примѣровъ было въ XVII вѣкѣ

---

(1) «In maxima, inquit, episcopatus nostri parte, qui sit confessus in vita invenias nullum, nullum qui communicaverit unquam, nullum qui *Pater noster*, aut signum crucis formare norit, nullum denique qui aliquam cognitionem mysteriorum fidei habeat». (*Rostowskiego*, Lituanicarum societatis Jesu historiarum provincialium pars prima. Vilnae. 1769. p. 164).

три. Одно время жмудскіе клерики воспитывались въ виленской семинаріи; случалось, что епископъ и капитулъ жмудскіе участвовали въ торжественныхъ церемоніяхъ епископа виленскаго, даже бывали случаи, что члены жмудскаго капитула приносили жалобы на епархіальнаго епископа виленскому епископу и капитулу (1), такъ что въ сущности жмудскій епископъ былъ какъ-бы старшимъ прелатомъ виленскаго капитула, а жмудскій капитулъ какъ-бы подчиненною консисторіею виленскаго. Такая зависимость, никѣмъ не предписанная, а сложившаяся сама собою силою обстоятельствъ, объясняется огромною разницею общественнаго положенія высшаго духовенства обѣихъ епархій и самыми размѣрами оныхъ: виленская епархія заключала въ себѣ нѣсколько нынѣшнихъ губерній, а жмудская только половину ковенской, виленскій епископъ былъ вчетверо богаче жмудскаго, виленскіе прелаты и каноники были также богачами сравнительно съ жмудскими, въ сенатѣ виленскій епископъ сидѣлъ выше жмудскаго, однимъ словомъ, во всемъ виленская епархія имѣла перевѣсъ надъ жмудскою.

Жмудскій капитулъ, состоявшій первоначально всего изъ шести канониковъ, въ продолженіе болѣе ста лѣтъ почитался достаточнымъ; «но позднѣйшимъ епископамъ», говоритъ жмудскій епископъ Воллончевскій (въ 1848 г.), «казалось уже, что они не имѣютъ надлежащаго блеска и пышности, отчего и старались увеличить число членовъ капитула»; съ теченіемъ

(1) Такъ, напримѣръ, въ 1650 году Альбертъ Бендзинскій, каноникъ жмудскій, подалъ виленскому капитулу протестацію противъ жмудскаго епископа Петра Парчевскаго и жмудскаго капитула. Acta capit. Vilnen.

времени, прибавлено было ихъ восемь, такъ что весь капитулъ состоялъ изъ 14 членовъ. Кромѣ того, въ 1621 году учреждена была суффраганія.

Жмудская епархія раздѣлена была въ концѣ XVI вѣка на три деканата, при епископѣ Станиславѣ Кишкѣ (1619—1626) на четыре, въ 1636 году на шесть, въ 1752 на десять, при епископѣ Степанѣ Гедройцѣ (1778—1801) на одиннадцать деканатовъ. Деканаты эти слѣдующіе: ворненскій, ольсядскій, шидловскій, ретовскій, шкудскій, янишскій, шадовскій, кроковскій, велонскій, векшнянскій и ботоцкій.

Пока жмудская епархія, имѣя мало костеловъ и духовныхъ фундушей, была бѣдна, находимъ на жмудской каѳедрѣ, по большей части, людей изъ обыкновенныхъ дворянскихъ фамилій; но съ увеличеніемъ костеловъ, умножились и епископскія имѣнія, аристократы перестали пренебрегать этою каѳедрою; въ XVII и XVIII вѣкахъ каѳедра переходила преимущественно въ руки слѣдующихъ знатныхъ родовъ: Гедройцевъ, Тышкевичей, Пацовъ и Сапѣговъ; въ теченіе этого времени фамиліи эти дали 8 епископовъ, управлявшихъ жмудскою епархіею 116 лѣтъ [1]. Хотя жмудскіе епископы были въ такихъ же отношеніяхъ къ своему капитулу, какъ и виленскіе, но такъ какъ жмудскіе прелаты и каноники были не такъ знатны и богаты, какъ виленскіе, то и вели себя относительно епископовъ скромнѣе и приличнѣе; впрочемъ и въ этой епархіи бывали тѣ же раздоры и несогласія; такъ, напримѣръ, епископъ князь Николай Радзивиллъ (1514—1522) защищалъ противъ капитула свои епископскія права, епископъ

[1] Списокъ жмудскихъ епископовъ см. въ приложеніи 15-мъ.

Викторъ Вержбицкій (1565—1567), не смотря на то, что самъ былъ жмудинъ, искалъ и получилъ другую епархію, только для того, чтобъ избавиться своевольства капитула.

Для исполненія постановленія тридентинскаго собора объ образованіи духовенства, епископъ Георгій Петкевичь (1567—1574) отправилъ 12 клериковъ изъ жмудинъ въ Вильну для обученія въ тамошней іезуитской академіи; они должны были оставаться въ ней десять лѣтъ, и по полученіи священства возвращаться на Жмудь къ приходскимъ должностямъ; для помѣщенія этихъ воспитанниковъ, епископъ князь Мельхіоръ Гедройцъ построилъ въ 1581 году домъ въ Вильнѣ. Въ 1601 году заведена была семинарія въ Ворняхъ и поручена двумъ іезуитамъ, но существовала недолго, — она закрылась въ 1614 году; вотъ почему за годъ передъ этимъ воспитанники ея помѣщены были въ виленскую семинарію; но, кажется, это было только временною мѣрою, ибо виленская семинарія едва могла содержать весьма немного клериковъ своей собственной епархіи; между тѣмъ, еще за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ перестали посылать воспитанниковъ въ виленскую академію. Епископъ Николай Пацъ (1609—1619) предложилъ крожскимъ іезуитамъ нѣсколько духовныхъ имѣній, съ тѣмъ, чтобъ они выстроили и содержали семинарію въ Ворняхъ; іезуиты съ радостію на это согласились, взяли имѣнія, но о постройкѣ семинаріи даже и не помышляли, а открыли семинарію у себя въ Крожахъ, подалѣе отъ наблюденія епископовъ, и почти вовсе ею не занимались, точно также, какъ это было въ Вильнѣ; въ 1624 году епископъ Станиславъ Кишка потребовалъ отъ нихъ

возвращенія данныхъ на содержаніе семинаріи имѣній; начался процессъ между епископомъ и іезуитами, который доходилъ до Рима и кончился, разумѣется, въ пользу іезуитовъ, за ними остались семинарскія имѣнія и право содержать епархіальную семинарію въ Крожахъ; «дѣлали они это», говоритъ історіографъ жмудской епархіи, тамошній епархіальный епископъ Воллончевскій, «какъ настоящіе наемники, отзывались съ презрѣніемъ о бѣломъ духовенствѣ, представляли учащемуся юношеству свѣтскихъ священниковъ, какъ неучей, недостойныхъ уваженія, почему ни одинъ изъ лучшихъ учениковъ не желалъ вступить въ бѣлое духовенство; семинарія наполнялась юношами, несклонными къ наукамъ, а іезуиты намѣренно не развивали ихъ умственныхъ способностей, дабы со временемъ они не могли затмить членовъ ихъ ордена». Высшее жмудское духовенство постоянно настаивало на необходимости перенесенія семинаріи изъ Крожъ въ Ворни, чтобы ближе слѣдить за дѣйствіями іезуитовъ; въ 1635, 1691 и 1694 годахъ оно положительно заявляло, что если это не будетъ сдѣлано, то просвѣщеніе бѣлаго духовенства всегда останется въ печальномъ положеніи. Наконецъ, только въ 1741 году епископъ графъ Антоній Тышкевичъ построилъ деревянный домъ въ Ворняхъ, перевелъ туда семинарію, и поручилъ ее піарамъ, какъ ордену, наиболѣе образованному въ то время; въ этой семинаріи было всего 8 клериковъ, изъ коихъ 6 содержалось доходами съ семинарскихъ имѣній, а 2 на свой собственный счетъ. Іезуиты не могли снести такого оскорбленія, стали интриговать и достигли того, что въ 1760 году піаровъ удалили, а имъ вновь отдали семинарію, кото-

рою они и управляли до уничтоженія іезуитскаго ордена. Систему іезуитскаго воспитанія такъ описываетъ епископъ Воллончевскій: «знать на память весь темный альварій (іезуитская грамматика), говорить кое-какъ полатынѣ, уродовать народное наречіе примѣсью латыни, писать цѣлые томы преувеличенныхъ и незаслуженныхъ похвалъ своимъ покровителямъ и другимъ знатнымъ лицамъ, наполнять каждое сочиненіе иносказаніями и подобіями, были отличительными достоинствами тогдашнихъ ученыхъ; такими-то вещами набивали іезуиты головы ввѣренныхъ имъ юношей, удерживали ихъ въ школахъ до старости, произвели всеобщее невѣжество и упадокъ наукъ, которые продолжались у насъ въ періодъ царствованія дома Саксонскаго». Въ 1774 году призваны были въ Ворни изъ Варшавы миссіонеры, которымъ и поручена была епархіальная семинарія.

При такомъ приготовленіи, не могло выходить образованныхъ священниковъ; но жмудское бѣлое духовенство, не смотря на свое невѣжество, было вообще благочестиво, и съ теченіемъ времени умѣло наконецъ развить это чувство и въ народѣ, хотя и дѣйствовало на него не столько убѣжденіемъ, сколько страхомъ наказаній. При церквахъ были такъ называемыя *куницы*; онѣ состояли изъ желѣзной цѣпи, одинъ конецъ коей былъ вдѣланъ въ стѣну у костельныхъ дверей, а на другомъ концѣ ея былъ желѣзный ободъ, который могъ обнять человѣческую шею; въ этотъ ободъ захватывали шею грѣшника; «еще въ недавнее время», говоритъ епископъ Воллончевскій, «находилась такая куница въ костелѣ

россіенскомъ» [1]. Съ провинившимися духовными епархіальное начальство поступало также сурово: ихъ нерѣдко заключали въ тюрьму, для этой собственно цѣли построенную въ Ворняхъ.

Монашескіе ордена явились поздно на Жмуди; до XVII вѣка ихъ вовсе не было; пришли они сюда первоначально для сопротивленія реформаціи и распространились довольно быстро, размѣстившись такимъ образомъ: 1) іезуиты, первые прибывшіе на Жмудь, избрали главнымъ своимъ пунктомъ мѣстечко Крожи (россіенскаго уѣзда); 2) бернардины основались въ Кретингенѣ (тельшевскаго уѣзда, на границѣ Пруссіи), въ Цитовіанахъ (шавельскаго уѣзда), въ Тельшахъ и въ Датновѣ; 3) доминикане — въ Кальваріи (тельшевскаго уѣзда) и въ Россіенахъ; 4) кармелиты—въ Линковѣ, въ Кейданахъ (ковенскаго уѣзда), въ Россіенахъ и въ Хвалойнѣ (шавельскаго уѣзда); въ этихъ трехъ послѣднихъ мѣстахъ заложили они свои монастыри уже въ XVIII столѣтіи; 5) піары построили свой монастырь въ Россіенахъ также уже въ XVIII вѣкѣ; 6) бенедиктины во второй половинѣ XVIII вѣка возвели себѣ монастырь въ Пошотунѣ; 7) францискане—въ Жогиняхъ; 8) базиліане — въ Подубисьѣ въ половинѣ XVIII вѣка; 9) рохиты — въ Ворняхъ и въ Констаціяхъ въ половинѣ XVIII вѣка; 10) маріавитки—въ Крожахъ во второй половинѣ XVIII вѣка; 11) катаринки — въ Крокахъ. Прибытіе въ значительномъ числѣ монашескихъ орденовъ на Жмудь дурно было

(1) Объ этомъ наказаніи упоминаетъ и ксендзъ Фабишъ (Fabisz) въ своемъ сочиненіи: Wiadomość o synodach prowincyonalnych i dyecezalnych Gnieźnienskich i o prawach kościoła Polskiego. Wydanie drugie. Kępno. 1861. p. 259.

принято свѣтскимъ духовенствомъ, которое подвергалось различнымъ съ ихъ стороны притѣсненіямъ; монахи отбивали у священниковъ исправленіе требъ, стали совершать въ чужихъ приходахъ богослуженіе, безъ вѣдома приходскихъ священниковъ, такъ что епископъ Авраамъ Война принужденъ былъ дать въ 1627 году предписаніе хватать такихъ монаховъ, какъ только покажутся, и отсылать ихъ подъ стражею въ мѣстопребываніе епископа; епископъ Георгій Тышкевичъ, ревностный покровитель всѣхъ вообще монашескихъ орденовъ, заслужилъ общее негодованіе какъ свѣтскаго духовенства, такъ и дворянства за то, что въ 1642 году отнялъ у бѣлаго духовенства костелъ россіенскій и отдалъ его доминиканамъ; на провинціальномъ синодѣ 1643 года запрещено было монахамъ отвлекать народъ отъ приходскихъ церквей къ своимъ кляшторамъ, проповѣдывать съ амвона презрѣніе къ бѣлому духовенству и совершать въ приходскихъ церквахъ таинства, безъ согласія приходскихъ священниковъ.

Для исполненія постановленія тридентинскаго собора, въ жмудской епархіи созывались провинціальные синоды, также какъ и въ виленской, и точно также преимущественно для соблюденія формы, безъ существенной пользы для церкви; такъ, напримѣръ, положительно извѣстно, что постановленія втораго синода, бывшаго въ 1636 году, написаны были прежде, чѣмъ синодъ собрался; особую ревность къ созыву этихъ безплодныхъ синодовъ показалъ епископъ Георгій Тышкевичъ (1633—1649),— при немъ ихъ было четыре. Всѣхъ же вообще жмудскихъ провинціальныхъ синодовъ считается семь, именно: 1555, 1636 (на которомъ, между прочимъ,

запрещено было духовенству носить бороды и велѣно подстригать волосы), 1639, 1643, 1647, 1651 (на которомъ было постановлено, чтобы приходскіе священники не смѣли давать отпущенія грѣховъ неплатящимъ десятины и разоряющимъ духовныя имѣнія) (1), наконецъ седмой и послѣдній синодъ 1752 года (2).

III. *Каменецкая епархія* учреждена, какъ полагаютъ, въ 1414 году; первыми проповѣдниками католицизма являются здѣсь доминикане и францискане въ то время, когда жители этой страны были уже православными и когда была уже тутъ православная епархія; такимъ образомъ католицизмъ внесъ сюда не христіанство, прежде него повсемѣстно распроненное, а только латынскую пропаганду. По незначительному числу бывшихъ въ этой епархіи костеловъ и духовенства, она находилась въ подчиненіи львовской митрополіи; почему епископы каменецкіе никогда не собирали провинціальныхъ синодовъ, какъ это дѣлалось въ другихъ епархіяхъ, а посылали уполномоченныхъ своихъ на синоды львовскіе, постановленія коихъ распространялись и на епархію каменецкую; изъ этого видно, что это подчиненіе каменецкой епархіи львовской митрополіи было совсѣмъ инаго рода, чѣмъ отдаленная зависимость епархій вилен-

(1) Историческій обзоръ жмудской епархіи составленъ на основаніи данныхъ, заключающихся въ сочиненіи жмудскаго римско-католическаго епископа Воллончевскаго: «Историческое описаніе тельшевской римско-католической епархіи», которое издано въ 1848 году въ Вильнѣ въ двухъ томахъ на жмудскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Zemastiu Wiskupiste».

(2) Synodus dioecesana Mednicensis seu Samogitiae sub auspiciis Ill. Ex. ac Rev. Dom. D. Antonii Dominici comitis in Lohoysk et Bardyczow Tysckiewicz. 1752. Vilnae.

ской и жмудской отъ архіепископа гнѣзденскаго. Мѣстомъ главнаго епархіальнаго управленія былъ городъ Каменецъ; но во время владычества турецкаго оно переносимо было въ Прагу, Люблинъ и другіе города нынѣшняго царства польскаго.

Епархія эта не была богата духовными имѣніями, отъ этого польскіе магнаты не искали каменецкой каѳедры ([1]), какъ виленской, а впослѣдствіи жмудской; напротивъ того, для большинства епископовъ эта каѳедра, какъ ее называли, *minor episcopatus*, служила только переходомъ къ другимъ болѣе важнымъ; по большей части епископовъ каменецкихъ переводили на каѳедру хелмскую ([2]). Капитулъ состоялъ первоначально изъ 16 прелатовъ и канониковъ, но съ теченіемъ времени число ихъ увеличилось безъ всякой нужды, само собою, безъ соизволенія даже епископа до 23-хъ; хотя въ 1712 году оно и было приведено въ прежде существовавшее, но чрезъ нѣсколько лѣтъ начало вновь возрастать, не смотря на постоянныя напоминанія епископовъ. Также самопроизвольно возникла и суффраганія каменецкая, по

([1]) Представляя въ 1543 году на каменецкую каѳедру Андрея Зебржидовскаго, король Сигизмундъ писалъ папѣ Павлу III: «Qnoniam vero Camenecensis dioecesis in ipsis regni mei finibus cum sit, hostium est incursionibus oportuna et continuis eorum populationibus vexatur, factum est ex eo, ut proventus ecclesiae Camenecensis pertenues ac propemodum nulli sint, neque dignitatem suam episcopus tueri possit, nisi aliunde proventus habeat uberiores». (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuniae. t. 2, p. 542). Тоже самое писалъ въ 1588 году король Сигизмундъ III папѣ Сиксту V: «Episcopatus ille Camenecensis et admodum tenues habet reditus, et eos ipsos ob creberrimas Tartarorum incursiones atque hostium barbarorum propinquitatem propemodum incertos». (Ibid. t. 3. p. 24).

([2]) Списокъ каменецкихъ епископовъ см. въ приложеніи 16-мъ.

малости народонаселенія р.-католическаго, совершенно безполезная. Въ 1730 году канцелярій каменецкій Адамъ Оранскій, довольствуясь однимъ своимъ желаніемъ, самъ отъ себя учредилъ эту суффраганію, въ видахъ распространенія, какъ онъ выразился, католицизма, записавъ на этотъ предметъ незначительный капиталъ на своихъ имѣніяхъ и притомъ съ условіемъ, чтобъ въ это званіе назначались преимущественно лица изъ его рода и фамиліи; для утвержденія этой суффраганіи почиталось достаточнымъ одно согласіе епископа. Самъ Оранскій избранъ былъ первымъ суффраганомъ, а достигши своей цѣли, отказался отъ уплаты обѣщанной на утвержденіе суффраганіи суммы, сталъ самовластно распоряжаться епархіею и ея духовенствомъ и разорилъ совершенно имѣнія капитульныя. Высшее духовенство, и во главѣ онаго епископъ, принесли на него жалобу папѣ; но суффраганія каменецкая тѣмъ не менѣе оставалась, какъ была учреждена, до самаго присоединенія подольской губерніи къ Россіи. Прелаты и каноники, оставаясь въ праздности въ своихъ имѣніяхъ, перестали даже вовсе собираться на капитулъ, такъ что въ 1709 году сдѣлалось необходимымъ постановить, подъ угрозою денежнаго штрафа, чтобъ хотя часть членовъ капитула была ежемѣсячно въ присутствіи; но это опредѣленіе, постоянно подтверждаемое впослѣдствіи, никогда не приводилось въ исполненіе.

Монашескія сословія могли того менѣе способствовать благоустройству церковнаго управленія. Сопротивленіе ихъ всякимъ распоряженіямъ епископовъ [1] и постоянное противодѣйствіе бѣлому ду-

[1] Нужно замѣтить, что монахи уполномочены были, такъ сказать, на это сопротивленіе епископамъ самими папами. Такъ,

ховенству выразились въ каменецкой епархіи, быть можетъ, сильнѣе и яснѣе, чѣмъ въ другихъ. Во всѣхъ сохранившихся посланіяхъ каменецкихъ епископовъ къ ихъ паствѣ прямо и открыто говорится о безначаліи монастырей, неповиновеніи и своевольствѣ монаховъ. Въ 1742 году епископъ Сѣраковскій жаловался, что они, подъ предлогомъ привилегій, изъятій и т. п., совершенно не признаютъ его власти. Въ 1758 году бѣлое духовенство представляло о нарушеніи правъ его монашескими орденами. Въ 1760 году епископъ Красинскій, при восшествіи его на каменецкую каѳедру, повторяетъ слова своего предшественника о злоупотребленіяхъ монастырскихъ. Но такія вразумленія, не подкрѣпленныя дѣйствительною властію, не могли не остаться тщетными. Живя, противно уставамъ своихъ орденовъ, въ роскоши и праздности и слѣдуя однимъ только влеченіямъ своего корыстолюбія, монахи отнимали доходы у приходскаго духовенства, преимущественно при погребеніи умершихъ, занимали самоуправно мѣста приходскихъ священниковъ и даже на этихъ должностяхъ отказывали въ повиновеніи епископу. Открытіе новыхъ монастырей не было подчинено никакимъ правиламъ: монахи, жившіе въ числѣ двухъ или трехъ человѣкъ при приходской церкви, называли ее уже монастыремъ, сами не слѣдуя

напримѣръ, 25-го іюня 1539 г. папа Павелъ III далъ строгое предписаніе польскимъ епископамъ, чтобы они не смѣли вмѣшиваться въ дѣла монашескихъ орденовъ, нарушать ихъ спокойствіе, или подвергать ихъ взысканіямъ; всѣ противныя этому распоряженія епископовъ призналъ за недѣйствительныя, а монашескіе ордена обязалъ подъ клятвою ни въ какомъ случаѣ не подчиняться суду епископскому. (Bullar. Ord. Praed. Romae. 1729. t. VI, p. 578).

вовсе монастырскимъ уставамъ; и злоупотребленія эти были, какъ слѣдуетъ предполагать, довольно часты, ибо епископы Сѣраковскій ([1]) и Красинскій ([2]) нашлись вынужденными указать на нихъ въ обнародованныхъ ими посланіяхъ.

Слишкомъ три вѣка спустя послѣ основанія епархіи учреждена была епархіальная семинарія, и то только по имени. Въ 1721 году епископъ каменецкій Степанъ Рупневскій опредѣлилъ 700 злотыхъ на устройство семинаріи и ежегодное содержаніе въ ней четырехъ клириковъ. Такая ничтожная сумма не могла обезпечить существованія заведенія, а число воспитанниковъ не могло значительно увеличить массу образованнаго духовенства епархіи; вообще на этотъ предметъ, столь очевидной важности, не обращали должнаго вниманія. Станиславъ Гозіусъ, епископъ каменецкій, издавая въ 1727 году довольно обширное положеніе объ управленіи епархіею и касаясь въ немъ самыхъ подробностей различныхъ частей духовнаго вѣдомства ([3]), даже не упоминаетъ о семинаріи; ни разу не было сдѣлано даже визита или осмотра семинаріи; въ постановленіи капитула 1737 года сказано: «клирики въ семинаріи ходятъ чуть не голые». Только въ 1742 году опредѣленъ былъ возрастъ, ранѣе котораго не должны были поступать воспитанники въ семинарію, и срокъ курса

([1]) См. приложеніе 17-е.

([2]) Epistola pastoralis ill. reverendissimi D. Adami in Kraśno Krasinski, episcopi Camenecensis Podoliae, ad universum clerum et populum, ante ingressum ad ecclesiam cathedralem 1760 praemissa., Varsaviae.

([3]) Statuta pro venerabili D. D. praelatorum et canonicorum capitulo ecclesiae cathedralis Camenecensis semper inviolabiliter observanda.

ученія. Въ этомъ же году епископъ Сѣраковскій назначилъ ежегодный сборъ съ духовенства на устройство семинаріи, сообразно съ доходами каждаго, но духовные ни одного даже раза не хотѣли уплатить незначительной суммы, на ихъ же просвѣщеніе предназначенной. Въ 1752 году одинъ каноникъ каменецкій завѣщалъ капиталъ на постройку семинарскаго зданія; но капитулъ, распоряжавшійся этими деньгами, такъ долго производилъ эту постройку, что она была окончена не ранѣе 1791 года, и этотъ годъ можно съ достовѣрностію почитать временемъ начала дѣйствительнаго семинарскаго воспитанія. Замѣчательною особенностью этого заведенія должно быть почтено то, что имъ никогда не могли завладѣть ни миссіонеры, ни іезуиты; эти послѣдніе только хитростію, безъ вѣдома начальниковъ, старались привлекать къ себѣ воспитанниковъ семинаріи, что̀ не разъ имъ удавалось.

Страсть къ обогащенію была господствующею страстію римско-католическаго духовенства; не довольствуясь своими фундушевыми имѣніями, оно, подъ страхомъ проклятія, собирало десятины съ бѣдныхъ прихожанъ, а изъ своихъ средствъ мало удѣляло на пользу общественную; такъ въ 1767 году члены капитула просили объ увольненіи ихъ отъ всякихъ повинностей, по бѣдности; такъ въ 1773 году, когда польское правительство имѣло крайнюю нужду въ деньгахъ, все духовенство каменецкой епархіи отклонилось отъ уплаты временной подати подъ именемъ *subsidium charitativum*, подъ предлогомъ бывшей моровой язвы; даже въ несчастную годину опустошеній турецкихъ и владычества надъ этою страною мусульманъ, римско-католиче-

скіе духовные, забывая долгъ гражданъ, думали только о своихъ прибыляхъ: тринитары, въ распоряженіе коихъ отданъ былъ въ то время графомъ Потоцкимъ, палатиномъ куявскимъ, капиталъ для выкупа плѣнныхъ, не употребляли его по назначенію, а присвоивали себѣ, такъ что капитулъ нашелся въ необходимости обязать ихъ ежегодною отчетностію (¹).

До 1742 года каменецкая епархія раздѣлялась на четыре деканата; въ этомъ году прибавлены къ нимъ еще два. Деканаты эти были слѣдующіе: 1) язловецкій съ 7-ю церквами, 2) дунайгродскій съ 11-ю церквами, 3) шарогродскій съ 8-ю церквами, 4) меджибожскій съ 6-ю церквами, 5) сатановскій съ 9-ю церквами и 6) чарнокозенскій съ 7-ю церквами. При присоединеніи Подоліи къ Россіи въ каменецкой епархіи было не болѣе 50-ти костеловъ (²).

IV. *Епископство луцкое* учреждено было, какъ полагаютъ, въ 1375 году сначала во Владимірѣ-Волынскомъ, а въ 1428 году епископская каѳедра перенесена была въ Луцкъ (³). Епархія эта занимала

(¹) Въ теченіе 94-хъ-лѣтней дѣятельности своей въ Польшѣ и западной Россіи (съ 1688 по 1782 г.) тринитары выкупили въ Константинополѣ и Крымѣ всего 517 невольниковъ поляковъ, употребивъ на это 573,427 злотыхъ. «По правдѣ сказать», замѣчаетъ графъ Евстаѳій Тышкевичь, «число это невелико въ сравненіи съ другими странами», а мы прибавимъ— и съ употребленными на то деньгами.

(²) Этотъ историческій очеркъ каменецкой епархіи составленъ на основаніи манускриптовъ, хранящихся въ каменецкомъ римско-католическомъ капитулѣ. Къ сожалѣнію, много документовъ утрачено при многократныхъ раззореніяхъ этого края турками. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой епархіи см. въ сочиненіи *Симашкевича:* «Римское католичество и его іерархія въ Подоліи». Каменецъ-Подольскъ. 1872.

(³) Списокъ луцкихъ епископовъ см. въ приложеніи 18-мъ.

весьма обширное пространство, именно въ нее входили: Волынь, Подляхія, Брацлавъ, Брестъ-Литовскій (почему епископы луцкіе назывались также и брестскими) и Полѣсье [1]. Волынь была колыбелью православія въ Россіи; уже въ концѣ X вѣка существовала тамъ православная владимірская епархія, съ начала XIII вѣка основана епархія перемышльская, а въ началѣ XIV вѣка луцкая; весь народъ этой страны принадлежалъ къ православной вѣрѣ въ то время, когда учреждена была римско-католическая луцкая епархія. Изъ этого видно, что эта латынская епархія устроена была исключительно для пропаганды; съ 1340 года волынская область поддалась Польшѣ, и съ этого же времени начинаются гоненія на православныхъ, духовенство греческое притѣснялось, православныя церкви обращались въ костелы; такъ что въ 1343 году православные обитатели этой страны просили хана татарскаго избавить ихъ отъ этого религіознаго ига; наконецъ, для успѣшнѣйшаго совращенія, папа Григорій XI установилъ здѣсь латынскую епархію. Сообразно съ этою цѣлію, главнѣйшимъ орудіемъ латынизма въ этой странѣ были миссіи, которыя имѣли явное и единственное назначеніе совращать въ католицизмъ православныхъ, и можно сказать, что каждый дѣльный епископъ былъ, по обязанности своей, пропагандистъ [2].

---

[1] Vitae praesulum Poloniae, magni ducatus Lithuaniae, res praecipuae illorum temporibus gestae ad annum 1760. Origo ecclesiarum cathedralium quatuor libris comprehensae, operâ *P. Francisci Rzepnicki* e Societate Jesu. Typis Posnaniensibus. 1761.

[2] Епископъ Бернардъ Мацѣйовскій, по посвященіи своемъ, писалъ въ 1588 году, между прочимъ, папѣ Сиксту V: «Ego

Въ избѣжаніе повтореній, мы не станемъ описывать внутренняго состава и отношеній разныхъ классовъ духовенства этой епархіи какъ между собою, такъ и къ другимъ сословіямъ, а обратимъ тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые желали бы ближе съ этимъ познакомиться, къ синодальнымъ постановленіямъ этой епархіи, состоявшимся въ 1726 году при епископѣ Рупневскомъ (¹).

Луцкій капитулъ состоялъ всего изъ шести канониковъ; при епископѣ Францискѣ Кобельскомъ (†1755 г.) учреждена луцкая суффраганія; епископы луцкіе получали нерѣдко повышеніе переводомъ на каѳедру виленскую.

Въ луцкой епархіи было три семинаріи: 1) луцкая, основанная епископомъ Александромъ Выховскимъ; 2) олыкская, основанная въ 1631 году княземъ Радзивиломъ, великимъ канцлеромъ литовскимъ, на иждивеніи олыкскаго прелата Зажерскаго, который завѣщалъ сумму собственно на учрежденіе тамъ семинаріи для восьми клириковъ; почему это заведеніе и называлось «collegium Zajerscianum»; въ концѣ прошлаго столѣтія оно было преобразовано въ народную школу; 3) яновская, основанная въ

---

vero Deum rogare non desinam, ut perfectum Sanctitatis Vestrae curâ et labore videamus, ne sit amplius in ecclesia Dei Juda et Israel, Roboam et Jeroboam, Israel et Samaria, sed sit omnium credentium cor unum et anima una, sit unus Pastor et unum ovile». (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 3. Romae. 1863. p. 22).

(¹) Constitutiones synodales dioecesis Luceoriensis et Brestensis ab illustrissimo, excellentissimo et reverendissimo Domino D. Stephano Boguslao a Rupniew in Januszowice Rupniewski episcopo Luceoriensi et Brestensi Luceoriae in ecclesia cathedrali celebratae. Varsaviae.

1685 году епископомъ Станиславомъ Витвицкимъ; сначала она была ввѣрена священникамъ, такъ называемымъ «коммунистамъ», а въ 1782 году свѣтскимъ священникамъ. Въ самыя блистательныя эпохи въ семинаріяхъ этихъ было самое ограниченное число клириковъ, и вообще положеніе ихъ ни въ чемъ не различествовало съ состояніемъ подобныхъ заведеній въ другихъ литовскихъ епархіяхъ.

Въ луцкой епархіи было шесть провинціальныхъ синодовъ, именно: въ 1607, 1621, 1641, 1684, 1720 и 1726 годахъ.

Въ началѣ XVIII вѣка луцкая епархія имѣла 183 костела и раздѣлялась на слѣдующіе 14 деканатовъ: 1) владимірскій съ 19-ю церквами; 2) дубенскій съ 19-ю; 3) кременецкій съ 10-ю; 4) збаражскій съ 9-ю; 5) заславскій съ 9-ю; 6) браславскій, въ которомъ вовсе не было костеловъ, а разъѣзжали миссіи; 7) яновскій съ 19-ю; 8) венгровскій съ 19-ю; 9) бѣльскій съ 16-ю; 10) шерешовскій съ 14-ю; 11) брянскій съ 14-ю; 12) дрогичинскій съ 11-ю; 13) лозицкій съ 13-ю; 14) каменецкій (каменецъ-литовскій) съ 11-ю церквами.

V. Время учрежденія *кіевской епархіи* положительно неизвѣстно; одни относятъ оное къ половинѣ XIV вѣка, другіе, какъ Самуилъ Бантке, къ 1433 году, иные наконецъ, какъ Нарбуттъ, къ 1471 году [1]. Это разнорѣчіе объясняется тѣмъ, что зва-

---

[1] Прямаго разрѣшенія этого недоумѣнія не находимъ и въ недавно изданномъ спеціальномъ сочиненіи: «Biskupow Kijowskich i Czerniechowskich swiętego katolickiego rzymskiego kościoła porządek i liczba. Kraków. 1853». (in 8⁰, 74 стр.). Сочиненіе это есть не болѣе, какъ новое изданіе латынскаго текста, съ переводомъ на польскій языкъ, небольшаго сочи-

ніе кіевскихъ епископовъ, въ видахъ пропаганды, установлено было гораздо прежде, чѣмъ образовалась въ дѣйствительности епархія, такъ что первые семь римско-католическихъ кіевскихъ епископовъ (изъ доминиканскаго ордена) были только епископами титулярными или почетными, а первымъ настоящимъ кіевскимъ епископомъ слѣдуетъ почитать Клементія, умершаго въ 1473 году ([1]). Какъ въ старину многіе европейскіе государи любили производить родъ свой отъ Августа, а аристократическія фамиліи отъ разныхъ знатныхъ именъ древняго Рима, такъ римско-католическое духовенство съ особымъ наслажденіемъ забавляло себя вымыслами о насажденіи въ разныхъ странахъ католицизма въ такія эпохи, когда о немъ не было тамъ и помина; разъ принятая историческая невѣрность, не подвергаясь исторической критикѣ, переходила отъ поколѣнія къ по-

ненія доминиканина русской провинціи Симеона Окольскаго, жившаго во времена Владислава IV и посвященнаго имъ современному ему р.-к. епископу Станиславу Зарембѣ. Оно заключаетъ въ себѣ выписки изъ польскихъ лѣтописцевъ и по большей части объ общихъ событіяхъ, а не собственно о кіевской р.-к. епархіи; даже о близкомъ отъ автора времени не находимъ никакихъ любопытныхъ данныхъ.—Въ римскихъ актахъ ставленная грамата первому кіевскому р.-к. епископу Генриху отмѣчена 1320-мъ годомъ. (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. I. Romae. 1860. p. 162).

([1]) *Narbutt*. t. 8, p. 192. Даже въ началѣ XVI вѣка кіевская епархія въ сущности еще не существовала. Въ 1528 году король Сигизмундъ I писалъ папѣ Клименту VII: «Est quidem episcopatus dicionis meae in Kiow... *quem nemo suscipere voluit*;.. persuasi immo pene adegi reverendum patrem Nicolaum Vieschgal, decanum ecclesiae cathedralis Vilnensis, ex nobili prosapia genitum, ut ipsum episcopatum kioviensem, *vel verius titulum illius* duntaxat susciperet». (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 2, p. 460).—Списокъ кіевскихъ р.-к. епископовъ см. въ приложеніи 19-мъ

колѣнію и превращалась наконецъ въ общепринятую истину. Въ настоящее время подобныя фикціи сдѣлались невозможными для добросовѣстныхъ изслѣдователей, и остались удѣломъ нѣкоторыхъ католическихъ фанатиковъ, которые поддерживаютъ ихъ по своимъ расчетамъ; такъ, въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ современныхъ іезуитовъ можно найти, что будто русскіе зависѣли первоначально въ духовномъ отношеніи отъ папъ и различествовали отъ католиковъ одними обрядами, а не догматами, что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ такая подчиненность Риму продолжалась и т. п.; происходившія въ тотъ же періодъ времени постоянныя домогательства папъ подчинить себѣ великихъ князей русскихъ, которые, значитъ, подчинены имъ не были, нисколько не останавливаютъ этихъ ретивыхъ католиковъ въ такихъ смѣлыхъ выводахъ и въ столь невѣрныхъ заключеніяхъ. Такою-то невѣжественною ревностію въ особенности отличались въ XVII вѣкѣ отступники отъ православія, уніаты; они-то распространили сказку, что будто кіево-софійскій соборъ, построенный великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ первой половинѣ XI вѣка, былъ первоначально католическимъ храмомъ, а впослѣдствіи сдѣлался каѳедрою римско-католическихъ епископовъ; эти вымыслы перешли потомъ въ сочиненія польскихъ писателей, какъ Нарушевича, Фризіуса и другихъ, отъ нихъ къ писателямъ иностраннымъ, а въ наше время вѣроятно принимаются охотно европейскими ультрамонтанами, которымъ исторія Польши извѣстна мало, а исторія Россіи почти вовсе неизвѣстна. Латынское духовенство кіевской епархіи особенно дорожило тѣмъ, чтобы съ постройкою этого

знаменитаго православнаго собора связать исторію своей церкви въ этой странѣ; потому въ 1731 году кіевскій капитулъ просилъ, чтобъ ему дана была печать съ изображеніемъ св. Софіи ([1]), а въ 1744 году, по его просьбѣ, послѣдовала папская булла, которою членамъ капитула предоставлено носить восьмиконечный крестъ, съ орломъ посрединѣ, на коемъ съ одной стороны изображена св. Софія ([2]), а съ другой преподобный Іосифъ.

По принятіи в. княземъ Владиміромъ вмѣстѣ съ народомъ православной вѣры въ Кіевѣ, жители этой страны скоро за нимъ послѣдовали и христіанство греческаго обряда твердо и навсегда здѣсь утвердилось, что естественно не могло нравиться папамъ; потому папа Иннокентій IV, въ половинѣ тринадцатаго вѣка, учредилъ русскую миссію изъ доминикановъ и францисскановъ подъ именемъ «*so-*

([1]) Въ житомірской капитульной библіотекѣ находится рукопись подъ заглавіемъ: «Statuta capitularia ecclesiae cathedralis Chiovensis». Въ этихъ капитульныхъ постановленіяхъ подъ 1731 годомъ записано: «Constat enim libris authenticis, documentis antiquis veris probatis, uti èt ipsâ ecclesiâ antiquâ cathedrali Kijovensis Kijoviae honori sanctae Sophiae dedicatâ, quae ad presens est in manibus schismaticorum, venerabile nostrum capitulum non sanctam Catharinam, sed sanctam Sophiam pro stemmate habere. Illustrissimus loci ordinarius petitioni nostrae benigne annuit, et hoc punctum in actis capitularibus corrigi mandavit, ac pro stemmate venerabilis capituli sanctam Sophiam affirmavit. Nos vero sigillum ejusmodi semper penes acta asservari volumus». Подъ этимъ опредѣленіемъ тѣмъ же стариннымъ почеркомъ приписано примѣчаніе: «NB. Pareant perillustres, nam probatissimum ex documentis, quae mihi ad manus sunt, quod ecclesia antiqua cathedralis fuit tituli S. Catharinae, ac quae Kijoviae visit S. Sophiae, semper fuit Graecorum ecclesia, ut est».

([2]) Ibidem.

cietas peregrinantium», которые имѣли преимущественною цѣлію совращать въ латынство православныхъ. Около этого времени доминикане построили въ предмѣстіи Кіева, на Подолѣ, свой кляшторъ, который былъ великолѣпно перестроенъ въ 1640 году; весьма долгое время этотъ костелъ былъ единственнымъ католическимъ храмомъ въ нынѣшней кіевской и восточной части волынской губерніи.

Кіевская римско-католическая епархія, когда она окончательно сложилась, заключала въ себѣ житомірскій и овручскій уѣзды губерніи волынской и нѣсколько костеловъ въ звѣнигородскомъ уѣздѣ кіевской губерніи и южной части губерніи минской. Учрежденная, какъ каменецкая и луцкая, съ цѣлію пропаганды среди народонаселенія, принадлежавшаго къ вѣрѣ греческой, она долгое время имѣла весьма мало костеловъ: по удостовѣренію Нѣсецкаго, въ половинѣ XV вѣка ихъ было всего 7, въ половинѣ XVIII вѣка и даже позже 18, составлявшихъ два деканата—житомірскій и фаустовскій, въ числѣ ихъ 8 монастырскихъ (¹); но когда императрица Екатерина стала дѣятельно поддерживать православіе въ Литвѣ, то римско-католическое духовенство такъ ревностно принялось строить костелы въ этой прилежавшей тогда къ Россіи странѣ, что къ 1777 году воздвигло 12 новыхъ, такъ что въ этомъ году всѣхъ церквей считалось въ кіевской епархіи уже 31, при народонаселеніи въ 27,459 душъ (²); къ приходамъ

(¹) *Christianus Gottlieb Friesius*, De episcopatu Kioviensi. Varsaviae. 1763. p. 22—24.

(²) Visitatio generalis dioecesis Kijoviensis sub pastorali vigilantissimo regimine illustrissimi, excellentissimi, reverendiss. Domini D. Francisci Candidi comitis de Teczyn Ossolinski Dei

причислено было весьма большое число селеній, отстоявшихъ, по большей части, на значительное разстояніе отъ церквей, и притомъ при самомъ дурномъ состояніи путей сообщенія (1). Изъ 19-ти монастырей разныхъ орденовъ, бывшихъ въ этой епархіи, 13 построены во второй половинѣ XVIII вѣка, а нѣкоторые изъ нихъ даже въ концѣ этого столѣтія (2), т. е. въ такую эпоху, когда расположеніе къ монашеской жизни было уже чрезвычайно слабо, что̀ также доказываетъ, что возведеніе этихъ обителей не было вызвано дѣйствительною въ нихъ потребностію, а только прозелитизмомъ; эти монастыри по правую сторону Днѣпра были какъ-бы латынскія траншеи противъ страны, лежащей по лѣвой сторонѣ той же рѣки, населенной исключительно православными, и гдѣ не было болѣе ни одного латынскаго костела; въ большей части монастырей было самое ограниченное число монаховъ, отъ 3-хъ до 5-ти; монастыри были какъ-бы приготовленные пункты для прозелитской дѣятельности, но дѣятелей этихъ не доставало. Къ 1793 году число церквей въ этой епархіи возрасло до 40, раздѣленныхъ между тремя деканатами: житомірскимъ, овручскимъ и фаустовскимъ или звѣнигородскимъ. Всѣ приходскія церкви вблизи Днѣпра, по правую его сторону, построены были во второй половинѣ XVIII вѣка, именно, идя съ сѣвера къ югу, церкви: иван-

---

et Apostolicae sedis gratia episcopi Kijoviensis et Czerniechoviensis, anno 1777 peracta.

(1) О р.-к. приходскихъ церквахъ кіевской епархіи см. приложеніе 20-е.

(2) О р.-католическихъ монастыряхъ кіевской епархіи см. приложеніе 21-е.

ковская, макаровская, мошненская и слимонская; католицизмъ рѣшительно двигался въ этой странѣ какъ-бы стратегически на встрѣчу православію противуположнаго берега Днѣпра. Латынское духовенство до такой степени торопилось покрыть этотъ край латынскими костелами, что передъ самымъ присоединеніемъ онаго къ Россіи, на послѣднемъ сеймѣ, опредѣлено было сеймовою конституціею настроить разомъ въ староствахъ воеводства кіевскаго и брацлавскаго въ имѣніяхъ королевскихъ 24 приходскихъ костеловъ въ тѣхъ пунктахъ, которые укажетъ епископъ кіевскій, назначить на каждый такой костелъ по три уволоки земли, а на содержаніе церкви и священника по 3 т. злотовъ польскихъ изъ государственной казны; но это сеймовое опредѣленіе не успѣли привести въ исполненіе (1). Изъ всего этого видно, что пропаганда едва къ концу XVIII вѣка успѣла устроить и то весьма незначительную епархію; до тѣхъ же поръ кіевская епархія существовала болѣе по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Соотвѣтственно съ этимъ, кіевскіе епископы и капитулъ вели какъ-бы кочевую жизнь. Въ самомъ Кіевѣ эти епископы никогда не имѣли каѳедральной церкви, а служили въ доминиканскомъ монастырѣ; въ XVII вѣкѣ городъ этотъ сталъ переходить въ руки русскихъ, а въ 1686 году окончательно присоединенъ къ Россіи; потому еще въ 1684 году ка-

---

(1) Na zalecenie Jw. od armii general - majora leyb-gvardii konnego polku primier-majora igubernii zaslawskiey gubernatora i kawalera Szeremeteff. Opisanie od konsystoria generalnego Kijowskiego obrządku łacińskiego stanu teyże dyoecezyi i 'ey duchowienstwa, roku 1793.

ѳедра кіевскихъ епископовъ переведена была въ Люблинъ, въ доминиканскій монастырь, гдѣ оставалась до 1724 года, въ этомъ году перенесена въ Житоміръ, откуда во время войнъ и смутъ политическихъ передвигаема была временно въ разныя мѣста: въ 1743 году въ Сокалъ (бельзскаго воеводства) въ францисканскій монастырь, въ 1743 и 1768 годахъ въ Чудново (житомірскаго уѣзда, 50 верстъ отъ Житоміра), въ Бердичевъ въ кармелитскій монастырь, въ Сербиновку, въ епископское имѣніе Фаустово (васильковскаго уѣзда кіевской губерніи) или, какъ называли іезуиты, Хвастово. Житомірскій каѳедральный соборъ, который началъ строить епископъ Самуилъ Іоаннъ Озга, освященъ былъ его преемникомъ Каэтаномъ Солтыкомъ въ 1751 году (1). Со времени епископа Александра Со-

---

(1) См. Kazanie na poświęcenie kościola katedralnego Kijowskiego w Żytomierźu fundowanego w roku 1745 napisane (безъ означенія года и мѣста изданія). Авторъ этой проповѣди былъ, вѣроятно, кіевскій архидіаконъ Орловскій, ибо она помѣщена, въ видѣ приложенія къ изданному имъ въ 1748 году во Львовѣ сочиненію, подъ заглавіемъ: «Defensa biskupstwa y dyecezyi Kijowskiey». Въ 1745 году житомірскій соборъ былъ только заложенъ, а оконченъ онъ былъ, какъ сказано въ текстѣ, въ 1751 году.—Проповѣдь безъимяннаго сочинителя начинается извѣстною латынскою ложью, что будто Кіевъ и тамошняя соборная Софійская церковь всегда были римско-католическими; это выражено въ слѣдующемъ восклицаніи: «Matko kościolòw dyecezyi Kijowskiey ukochana! Amòr noster, Mater nostra, prześwietney kapituly pod zaszczytem Zofii swiętey Pani dziedziczko! Domina haeres, oblubienico pasterskich infuł, żadną prewarykacyą odszczepieństwa niezmazana, sponsa immaculata, kościele katedralny Kijowski! w stolecznym książąt Ruskich miescie Kijowie, za Boleslawa Chrobrego, kròla Polskiego, y Jarosławia, książecia Ruskiego, ty, Matko, naypierwey żyć poczęłaś!» — О странствованіи съ мѣста на мѣсто кіевскаго капитула гово-

коловскаго (1636—1645) кіевскіе епископы, присвоивъ себѣ титулъ черниговскихъ, стали называться кіевскими и черниговскими, хотя въ землѣ черниговской вовсе не было католическихъ церквей (¹), что не помѣшало однако епископу Андрею Залускому учредить званіе черниговскаго архидіакона (²).

Капитулъ кіевскій началъ образовываться только въ началѣ XVII вѣка; епископъ Христофоръ Казимірскій (†1618) учредилъ шесть каноній, а преемникъ его Богуславъ Радошевскій (³) — шесть прелатуръ; въ половинѣ XVIII вѣка было семь прелатовъ и восемь канониковъ. Впослѣдствіи число членовъ капитула, и въ особенности во второй половинѣ XVIII вѣка, значительно увеличилось, такъ что къ концу этого столѣтія въ этой епархіи было уже 8 прелатовъ и 12 канониковъ. Капитульныя имѣнія были незначительны, почему прелаты и каноники, нося въ сущности только одинъ почетный титулъ, не обращали вовсе вниманія на свои обязанности, не жили при каѳедрѣ, а проводили свое время либо въ

рится слѣдующее: «A ieżeli praelati, canonici sunt sustentacula ecclesiarum, iuż się te podpory porozstępowały, iuż te ściany, propter metum, po Zamoiciach, Lublinach, Sokalach z swoiemi kapitułami porozchodzily były. Żeby znowu do węgłów swoich te ściany przyszły, z kąd pomoc y podpora».

(¹) Statuta capitularia ecclesiae cathedralis Chiovensis.

(²) *Friesius*. p. 16.

(³) Память объ этомъ епископѣ сохранилась въ книгѣ подъ заглавіемъ: «Camoenae Borysthenides, seu felicis ad episcopalem sedem Chioviensem ingressus illustrissimi et reverendissimi Domini D. Boguslai Radoszewski Boxa, a Siemikowico, Dei et Apostolicae sedis gratia episcopi Chioviensis, abbatis S. Crucis, Calvi Montis etc. gratulatio. Basili in Hexam». Это—въ латинскихъ стихахъ изложенныя историческія событія кіевской области, съ обычными восхваленіями епископа.

Варшавѣ, либо гдѣ имъ хотѣлось. Въ 1726 году епископъ Озга писалъ капитулу, что онъ уже давно не только не видитъ нѣкоторыхъ членовъ капитула и не слышитъ о нихъ, но даже не знаетъ, гдѣ они находятся; посланіе это заключилъ онъ слѣдующими словами: «scit enim quisque ex personis capitularibus esse cathedram nostram ad Boristenem, non ad Vistulam» (1). Фризіусъ, исторіографъ кіевской епархіи, такъ характеризуетъ время епископства Озги: «Hoc pessimum malum ex eo praecipue hanc occupaverat dioecesin, quia longo tempore antistitum nullus suas cognoverat oves, nec istae suum cognoverant pastorem. Capitulum erat extra dioecesin, dioecesis extra sacerdotes» (2). Такое состояніе епархіи и капитула продолжалось до конца, не смотря на напоминанія епископовъ; такъ, напр., въ 1746 году изъ всѣхъ прелатовъ и каноников былъ на-лицо только одинъ каноникъ (3). Кіевская римско-католическая епархія существовала болѣе по имени, нежели на самомъ дѣлѣ, но имѣла внѣшность дѣйствительной и какъ-бы значительной епархіи, до такой степени, что понадобилось даже, около 1740 года, когда всего было въ этой епархіи 18 церквей, учредить суффра-

---

(1) Statuta capitularia ecclesiae cathedralis Chioviensis.

(2) *Friesius*. p. 97.

(3) 22-го апрѣля 1746 года въ 4 пунктѣ посланія къ капитулу епископъ Озга говоритъ: «Non sine magno dolore pastorali cernimus cathedram nostram orbatam residentia perillustris praelati aut canonici, unus perillustris canonicus Jakubowski dedit exemplum, canones jubent, nos requirimus et monemus, quinto decimo anno pro capitulari persona cadit residentia, et haec negligitur et authoritas loci postponitur, vicarii ad cathedram neminem apprehendunt, cathedra vero orbata suo decore ingemiscit». (Acta capitularia).

ганію; Антоній Тышкевичь, секретарь в. к. литовскаго, канoникъ каѳедральный виленскій, записалъ въ 1739 году для основанія кіевской суффрагаиіи 20 т. флориновъ польскихъ, обезпечивъ ихъ своими имѣніями, которыя однако, по справкѣ, оказались ему не принадлежащими; не смотря на это суффраганія была учреждена ([1]),и самъ Тышкевичь назначенъ суффраганомъ.

Семинарія учреждена была уже въ 1762 году въ Житомірѣ, на шесть клириковъ, и отдана іезуитамъ.

И кіевская, болѣе воображаемая, нежели дѣйствительная, епархія имѣла свои два провинціальные синода: одинъ въ 1640 году, неизвѣстно гдѣ, а другой въ 1762 году въ Житомірѣ ([2]), и епископы производили визитацію епархіи, но не столько для осмотра своихъ обителей, сколько для совращенія православныхъ, при чемъ не стыдились употреблять даже подкупъ ([3]).

([1]) Acta capitularia.

([2]) Statuta synodalia dioecesis orthodoxae Kijoviensis, publicata ab illustrissimo et excellentissimo Domino D. Josepho Andrea comite in Zaluskie Junosza Zaluski, episcopo Kijovense et Cerniechoviense. Opus primum impressum in erecto noviter typographeo Culmae in Prussia (in 4°, 614 страницъ). Постановленія этого синода исключительно богословскаго содержанія.

([3]) О визитаціи въ 1724 г. епархіи епископомъ Озгою читаемъ: «Convolabat etenim non tantum copiosa multitudo hominum Polonorum ibidem degentium, sed ipsimet rutheni quamvis schismate infecti, praecipae eorum pueri, quos illustrissimus pastor, *poecuniâ*, *donativis variis captabat*, et ad audiendum verbum Dei et instructionem catechisticam aliciebat». (Defensa biskupstwa y dyecezyi Kijowskiey rzetelnym opisaniem z przydatkami niektóremi dla niey potrzebnemi, swiatu remonstrowana jasnie welmożnemu nayprzewielebnieyszemu Imci Xiędzu Samuelowi Janowi z Ossy Ozdze, Kijowskiemu y Czerniechow-

VI. *Епископство смоленское* учреждено было въ 1638 году, по ходатайству виленскаго епископа Авраама Войны, въ странѣ издревле православной, гдѣ уже съ первой половины XII вѣка (между 1128 и 1137 годами) существовала православная смоленская епархія. Предлогомъ къ учрежденію этой римско-католической епархіи выставлялось соображеніе обширности епархіи виленской, часть которой должна была отойти къ этой новой епархіи; но настоящая цѣль ея основанія было стремленіе распространить латынизмъ между кореннымъ русскимъ народомъ,—вмѣстѣ съ Сигизмундомъ III вошли въ Смоленскъ іезуиты ([1]). Такъ какъ въ теченіе XVII столѣтія Смоленскъ переходилъ изъ рукъ въ руки то къ Россіи, то къ Польшѣ, а въ 1686 году оконча-

---

skiemu biskupowi, fundatorowi y osobliwszemu dobrodzieiowi w protekcya oddana, przez wielmożnego I. M. Xiędza Karola Nepomucena Orłowskiego, archidyakona katedralnego Kijowskiego, proboszcza Sędziszowskiego y Koninskiego. Roku 1748. We Lwowie, w drukarni S. Tróycy. стр. 110). Сочиненіе это, въ 365 страницъ, представляетъ искаженные историческіе факты кіевской страны, повторенные впослѣдствіи Фризіемъ.

([1]) Іезуитъ Ростовскій описываетъ это такъ: «Erat quod Smolenscani quoque collegii gratulentur inter se socii in adventu ingressuque in urbem cum potestate pontificia ejusque primi in ista dioecesi episcopi Petri Parczevskii. Jam anno 1613 Sigismundus III Smolensci sedem episcopo fundaverat, assignatis certis sacerdotiis. Sed exequatio instituti, propter temporum in hac provincia rerumque vicissitudines civilium adhuc prolata. Vladislao demum commendatum sibi a parente suo negotium persequente, probante consilium Urbano VIII, Petrus accepit provinciam. Ingressum antistitis magno cives conventu laetitiaque celebrarunt». Онъ же приводитъ, что епископъ Парчевскій такъ выражался объ іезуитахъ: «quidquid boni effet in se, totum societati, carissimae magistrae suae, se referre acceptum». (Lithuanicarum societatis Jesu historiarum provincialium pars prima. Vilnae. 1769. p. 344).

*

тельно и навсегда возвращенъ Россіи, то епископъ смоленскій и не имѣлъ пребыванія въ этомъ городѣ, а жилъ въ Вильнѣ или въ Варшавѣ. Въ сущности епископы смоленскіе, хотя имѣвшіе мѣсто въ сенатѣ и именовавшіеся суффраганами митрополита гнѣзненскаго, были почетными прелатами виленской каѳедры; такъ епископы князь Іеронимъ Сангушко (первый изъ своей фамиліи оставившій православіе) и Готгардъ-Іоаннъ Тизенгаузенъ были въ то же время виленскими суффраганами, епископъ Казиміръ Пацъ — пробощемъ, а епископъ Александръ Котовичь—прелатомъ кустошемъ виленской каѳедры [1]. Номинальные епископы смоленскіе, въ особенности помянутый Котовичь, щедро раздавали почетный титулъ каноника смоленскаго, такъ что въ скоромъ времени въ виленской каѳедрѣ появился цѣлый капитулъ смоленскій, который увеличивалъ блескъ и пышность епископовъ виленскихъ, любившихъ считать себя за примасовъ Литвы, подобно тому, какъ были въ дѣйствительности епископы гнѣзненскіе въ Польшѣ. Этого мало: тотъ же епископъ Котовичь достигъ учрежденія смоленской суффраганіи. Во всей смоленской епархіи было четыре небольшіе костела; но не смотря на то епископство это съ капитуломъ, состоявшимъ изъ восьми каноников, продолжало существовать до конца XVIII вѣка, одинъ епископъ слѣдовалъ за другимъ, такъ что было 15 смоленскихъ епископовъ, тогда какъ Смоленскъ давно уже не принадлежалъ Польшѣ и въ католическомъ

---

(1) Списокъ смоленскихъ епископовъ см. въ приложеніи 22.

епископствѣ не было ни католическаго народонаселенія, ни каѳедры для епископа (¹).

(¹) Acta capituli Vilnensis sub anno 1632. *Rzepnicki*, Vitae praesulum Poloniae M. D. Lithuaniae. tom. 4. p. 266 — 267. *Przyalgowski*. t. 3. p. 65 et 67.—«Ein ähnliches (какъ инфляндское епископство) und vielleicht noch schlimmeres Schicksal hatte Smolensko, und das Ansehen seiner Bischöfe war noch eingeschränkter. Der ganze Katolicismus bestand in wenigen Pfarren, ausser welchen der Bischof so viel vermochte, als Herr Archetti in Chalcedon (Аркетти былъ архіепископомъ халкедонскимъ *in partibus*, т. е. номинальной епархіи). Weder der eine, noch der andere residirte in seiner Diöcese, weil sie dort weder Ort um ihren Wohnsitz anständiger Weise aufschlagen zu können, noch hinlängliche Einkünfte für ihren Stand hatten. Sie hielten sich meistens zu Wilna oder zu Warschau auf, wo sie eine geistliche Würde mit einem anständigen Auskommen bekleideten». (Merkwürdige Nachrichten von den Jesuiten in Weissreüssen, in Briefen. Frankfurt und Leipzig. 1786. S. 93).— Въ 1746 году р.-к. смоленскій епископъ Георгій Гильзенъ писалъ о смоленской латынской епархіи и о своемъ въ ней положеніи слѣдующее: «Ja też w tak obszerney, to iest, jako wiadomo, więcey niż 60 mil extensyi, a tak szczupłey przy tym w kościołach dyecezyi, w której przy ciężkich dla wielu rzek, gór, jeźior, y mieysc błotnistych, przeprawach, y kącika własnego do odpoczynku y rezydencyi przystoyney niemam.—Ja też niegodny pasterz ku wam zaszczycać się mogę, kiedy tak trudne do objieżdżania dla kraiu często bezdrożnego extensyi, tak pracowite do sprawowania dla pograniczney sytuacyi, tak ubogie do przystoyney mi subsystencyi dla bynamnieyszych dochodów niedostatku; przyjąwszy biskupstwo, niemam tego (strzeż Boże) pragnienia, ani też z siebie intencyi, żeby mi do wyższego, lub bogatszego biskupstwa było stopniem, ale raczey żebym po dwudziestoletnich w oyczystey dyecezyi Inflandskiey z jakimkolwiek z łaski Boga ku pomnożeniu w niey chwały Jego pracach Apostolskich sprawowanych, nie mniey też pożytecznie w pobliższey Inflantom dyecezyi Smoleńskiey rządow pasterskich mogł mieć przy śmierci konsolacyą. Przeto ażebym w wykonaniu mych zamysłów, przeszkod, lub dystrakcyi tych nie miał, które antecesserowie moi na tym biskupstwie miewali, że będąc razem prałatami y beneficyatami Wilenskiemi, a zatym na odległości w cudzey rezydując dyecezyi, w swoją własną kiedy weyrzeć trudność

VII. *Епископство инфляндское или ливонское* образовалось изъ старциннаго ливонскаго архіепископства. Въ 1561 году Ливонія присоединена была къ Литвѣ; когда же въ 1569 году Литва соединилась съ Польшею, то къ королевству польскому присоединены были Лифляндія, Курляндія и Семигалія. Въ 1582 году король Стефанъ Баторій, вмѣсто архіепископства ливонскаго, учредилъ епископство венденское, назначивъ венденскому епископу мѣсто въ сенатѣ послѣ каменецкаго; на провинціальномъ синодѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Лаврентія Гем-

mieli; nie tylko strzegłem się y daley się strzegę jakichkolwiek prelatur przy obcych katedrach, lub beneficiorum curatorum, acz bogatych przyimować obowiązki, ktoreby mię od kochaney owczarni mojey dalekim czynić mogły, ale też żadnych dotąd dóbr y dochodow duchownych znikąd nie mając, dziedziczną nawet czastkę moję na usługi powierzoney mi dyecezyi, y na sprawowanie w niey pasterskich funkcyi chętnie łożę». (List pasterski jaśnie wielmożnego Imci Xiędza Jerzégo z Eklow Hylzena z Bożey y Stolicy Apostolskiey łaski Biskupa Smoleńskiego, do owieczek dyecezyi swojey z napomnieniem Oycowskim ordynowany roku Pańskiego 1746. Miesiąca Maja 14 do druku podany w Wilnie. Стр. 3 и 24).—Отъ епископа Гильзена сохранились: 1) посланіе, подъ заглавіемъ: «Jerzy z Eklow Hylzen, z Bożey y stolicy Apostolskiey łaski Biskup Smoleński, wszystkiemu w zobopolnośći duchowienstwu, tak swieckiemu, iako y zakonnemu, tudzież wszelkiey kondycyi, stanu y powołania ludziom, panom y obywatelom y poddanym, miłym w Chrystusie Panu owieczkom dyecezyi Smoleńskiey, łaski y miłosierdzia Bozkiego ratunek»; посланіе это появилось въ 1747 году, и 2) рѣчь или поученіе подъ титуломъ: «Mowa, miana dnia 15 Czerwca roku 1763 przez J. W. Imc. Xiędza Jerżego Hilzena, Biskupa Smoleńskiego, do zgromadzonego na ostatniey z sobą konferencyi w obecności dwoch biskupow duchowienstwa dyecezyi Smoleńskiey, przy zdaniu rządow tey to dyecezyi J. W. Imci Xiędzu Wodzinskiemu, oneyże Biskupowi». Какъ посланіе, такъ и рѣчь содержанія нравоучительнаго и никакихъ историческихъ данныхъ въ себѣ не заключаютъ.

бицкаго въ 1621 году, венденскій епископъ сдѣланъ былъ суффраганомъ митрополита гнѣзненскаго, въ дѣйствительности же былъ всегда суффраганомъ виленскимъ. Въ 1660 году, при королѣ Іоаннѣ-Казимірѣ, по договору оливскому, это епископство было вовсе уничтожено, а оставлено было только имя епископа ливонскаго ([1]). Епископъ этотъ въ концѣ XVIII столѣтія имѣлъ въ своемъ завѣдываніи всего 24 церкви и каплицы: 14 въ Лифляндіи и 10 въ Курляндіи; для столь ограниченнаго управленія учреждена была въ 1743 году, при епископѣ Пузынѣ, суффраганія. Между тѣмъ епископъ инфляндскій или ливонскій, не имѣя постояннаго мѣстопребыванія, переносился изъ города въ городъ, изъ Дюнсбурга лифляндскаго въ Краславъ, имѣніе графовъ Платтеровъ, оттуда въ Яновъ, недалеко отъ Ковна, по большей же части, оставляя свою паству, жилъ, такъ какъ и смоленскій епископъ, то въ Вильнѣ, то въ Варшавѣ. Въ инфляндской епархіи, какъ и въ смоленской, не было каѳедральнаго собора, но, не смотря на это, епископъ окруженъ былъ капитуломъ, состоявшимъ изъ 12 каноников. Въ 1755 году учреждена была въ Краславѣ семинарія, порученная миссіонерамъ; графъ Платтеръ и епископъ Островскій дали имъ единовременно, въ видѣ фундуша, 4 т. талеровъ, съ тѣмъ, чтобъ на эти деньги воспитывалось 4 клирика для епархіи инфляндской, а смоленскій епископъ Гильзенъ отпустилъ имъ 2 т. талеровъ для обученія въ этой семинаріи двухъ клириковъ для смоленской епархіи, и съ тѣмъ, чтобы

([1]) Списокъ инфляндскихъ или ливонскихъ епископовъ см. въ приложеніи 23-мъ.

миссіонеры отправляли ежегодно въ его епархіи миссіи (1).

Изъ всего предыдущаго историческаго обзора римско-католическихъ епархій западнаго края, когда онъ принадлежалъ къ Польшѣ, видно, что только четыре епархіи были дѣйствительныя, — виленская, жмудская; каменецкая и луцкая; епархіи же кіевская, смоленская и инфляндская были епархіями только номинальными.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Ограничиваясь этимъ историческимъ очеркомъ католицизма въ Литвѣ подъ владычествомъ Польши, представимъ въ общихъ чертахъ состояніе тамъ римской церкви во время присоединенія къ Россіи Западнаго края.

По окончательному раздѣлу Польши, подъ управленіе русскаго правительства поступили четыре вполнѣ организованныя римско-католическія епархіи: виленская, самогитская, луцкая и каменецъ-подольская. Пространство епархій вовсе не соразмѣрялось съ количествомъ прихожанъ, а также съ духовными ихъ потребностями. Несоразмѣрны были также имущества и фундуши епископовъ: виленскій и самогитскій пользовались огромными богатствами, а смоленскій и инфляндскій почти ничего не имѣли. Епи-

(1) Заимствовано изъ манускриптныхъ визитъ инфляндской епархіи, находящихся въ виленскомъ епархіальномъ архивѣ.

скопы, коихъ назначеніе зависѣло отъ короля, не только были первыми сенаторами, но и предсѣдательствовали въ разныхъ комитетахъ по дѣламъ финансовымъ и по части военной, занимали первыя мѣста на сеймахъ, созываемыхъ въ предѣлахъ ихъ епархій, и даже были ротмистрами въ польской конницѣ. Такое соединеніе обязанностей духовныхъ съ гражданскими не дозволяло имъ заниматься дѣлами, собственно до званія ихъ относящимися, потому они и избирали себѣ суффрагановъ или викаріевъ.

Отношенія епископа къ капитулу не были всегда одинаковы: иногда капитулъ ограничивалъ власть епископа, даже открыто сопротивлялся ему, а иногда только по имени составлялъ совѣтъ епископа, который дѣйствовалъ самоуправно. Во всякомъ случаѣ, отношенія эти не были опредѣлительны, а зависѣли отъ лицъ и обстоятельствъ. Члены капитула, то есть, прелаты и каноники, хотя и имѣли въ своемъ завѣдываніи отдѣльныя церкви, но по бо́льшей части поручали ихъ за незначительнуную плату простымъ священникамъ (clerus inferior), сами же исполняли только легчайшія обязанности, или же вовсе не жили при своихъ приходахъ и даже въ своихъ епархіяхъ: «мы не остаемся на своемъ мѣстѣ, у нашего озерка», говорилъ Скарга высшему капитульному духовенству: «рыбы въ Литвѣ, а рыболовы въ Польшѣ».

Вообще римско-католическое духовенство пользовалось огромными правами и привиллегіями. Опредѣленіе на важныя мѣста канцлеровъ и подканцлеровъ литовскихъ зависѣло отъ бѣлаго духовенства; должности литовскихъ секретарей, референдаровъ и т. п. занимали прелаты и каноники. Духовные наполняли

всѣ присутственныя мѣста, были изъяты отъ всякой подсудности гражданской, а подлежали только суду духовному, къ предметамъ вѣдомства коего относились также тяжбы о десятинахъ, о всякихъ записяхъ и завѣщаніяхъ. Судопроизводство это, основанное на законахъ каноническихъ, сопровождалось обыкновенно угрозами проклятія, отлученія отъ церкви и т. п. Но не подчиняясь власти свѣтской, духовенство католическое всегда вмѣшивалось въ дѣла гражданскія. Ко всѣмъ этимъ привиллегіямъ католическое духовенство присоединяло исключительное право цензурованія всѣхъ выходившихъ въ свѣтъ сочиненій, въ которыхъ говорилось о религіи и нравственности. Таковы были огромныя средства, при помощи которыхъ съ одной стороны усиливался фанатизмъ, съ другой — росли ненависть къ духовенству и равнодушіе къ религіи.

Тогда какъ высшее римско-католическое духовенство получало черезъ римскіе декреты богатѣйшія плебаніи, самое многочисленное, приходское, оставалось въ нищетѣ и въ постоянномъ угнетеніи отъ своихъ богатыхъ собратій. Духовныя фундаціи, безпрестанно увеличивавшіяся, дѣлались въ пользу монастырей и братствъ; на сельское же духовенство мало обращали вниманія. Нищета породила невѣжество: многіе священники не были въ состояніи объяснять своимъ прихожанамъ главнѣйшіе догматы ихъ религіи; не во всѣхъ приходахъ былъ одинаковый катихизисъ, то же толкованіе вѣры; такъ что крестьянинъ, переходившій изъ одного села въ другое, находилъ не то ученіе, которое объяснялъ ему прежній священникъ. Слѣдствіемъ необразованности приходскаго духовенства было учрежденіе миссій,

которыя переѣзжали изъ одного города въ другой, какъ-бы въ странѣ, которую только еще приводили къ христіанству.

Если обратимъ вниманіе на состояніе римско-католическихъ семинарій, то легко найдемъ причины упадка духовнаго образованія. Клирики въ семинаріяхъ были или фундушевые (казенные), или воспитывавшіеся на свой счетъ. Первые пользовались только лекціями и столомъ, а одежду и другія необходимыя вещи должны были покупать на свой счетъ; но какъ они не имѣли никакихъ средствъ, то и не были въ состояніи оставаться въ семинаріи до окончанія ученія, а оставляли ее ранѣе этого срока для пріобрѣтенія трудами насущнаго хлѣба. Своекоштные воспитанники были по бо́льшей части изъ богатѣйшаго дворянства и предназначались уже впередъ для занятія важнѣйшихъ духовныхъ должностей. Потому начальство семинаріи дѣлало имъ всякія снисхожденія, давало имъ лучшую пищу и требовало менѣе занятій науками. Какъ семейства ихъ, такъ и епископы старались, чтобы эти молодые люди не оставили духовнаго поприща; такого клирика уже въ заведеніи величали прозваніемъ каноника, хотя онъ такимъ не былъ, и т. п. Но при всемъ томъ изъ числа этихъ богатыхъ воспитанниковъ немногіе оканчивали курсъ наукъ въ семинаріи. Сколь рѣзко эти два класса богатыхъ и бѣдныхъ отдѣлялись въ училищѣ, столько же различали ихъ и впослѣдствіи при назначеніи къ духовнымъ должностямъ: бѣдные получали мѣста викарныхъ и плебановъ и составляли такъ называемое приходское духовенство; богатымъ раздавали пробощства, каноніи, опатства и т. п. Эти послѣдніе, по

выходѣ изъ семинаріи, часто отправлялись въ Римъ и доискивались тамъ доходнѣйшихъ мѣстъ, ибо римскій дворъ имѣлъ право опредѣлять въ извѣстные мѣсяцы года къ самымъ богатымъ приходамъ при каѳедрахъ и коллегіатахъ, которые зависѣли отъ его назначенія. Такимъ образомъ, однимъ бѣдность, другимъ богатство служили препятствіемъ къ образованію (1).

Монашескія сословія были весьма многочисленны на Литвѣ и сильно увеличивались въ то именно время, когда наклонность къ монашеской жизни уже исчезала; но римскій дворъ все еще находилъ, что ихъ мало (2). Замѣчательно, что бо́льшая часть монастырей въ западной части нынѣшней кіевской губерніи и въ восточной волынской, то есть, въ странахъ по преимуществу православныхъ, основаны были уже во второй половинѣ прошлаго вѣка. Значеніе ихъ понятно: это были католическія крѣпости на границахъ православія, но не для защиты, а для нападенія изъ нихъ; они были не что̀ иное, какъ духовныя миссіи, учрежденныя для распространенія латынской пропаганды. Точно то же было въ Бѣлоруссіи, смежной съ Россіею, гдѣ народонаселеніе было или православное, или уніатское; такъ что въ этихъ странахъ число католическихъ монастырей по отношенію къ католическому населенію превышало въ десять и болѣе разъ число этихъ обителей въ соб-

---

(1) Stan oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III (1750 — 1764) przez ks. H. Kołłątaja. Wydany z rękopismu przez Edwarda Raczyńskiego. Poznań. 1841.

(2) Въ бреве 10 іюля 1776 г. папа Пій VI говоритъ: «Exiguus certe isthic est universim pro regni amplitudine regularium numerus». (Москов. арх. м. и. д.).

ственной Литвѣ и Самогитіи, гдѣ масса народа исповѣдуетъ католическую вѣру. Монашескіе ордена, безъ всякаго подчиненія епископамъ и правительству, враждовали съ бѣлымъ духовенствомъ за приходы, и за исключеніемъ весьма немногихъ, такъ называемыхъ нищенствующихъ, радѣли болѣе о своихъ богатствахъ, чѣмъ о нравственномъ воспитаніи народа, на который однако, во имя религіи, имѣли рѣшительное вліяніе. Монастырскія училища были школою религіозной нетерпимости и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій оставались въ состояніи умственнаго застоя. Даже въ концѣ царствованія Августа III, когда свѣтскія заведенія, исторгнутыя изъ подъ власти іезуитовъ и порученныя вѣдѣнію едукаціонной коммиссіи, значительно улучшились, монастырскія училища, не подчиненныя правительству, сохранили прежнее устройство. Многія науки, какъ напр. математика, физика и другія, были вовсе изъ нихъ изгнаны, потому, какъ говорили монахи, что онѣ не имѣютъ никакой связи съ религіею; въ женскихъ же монастыряхъ запрещено было учить писать. Орденскіе провинціалы, имѣвшіе главное начальство надъ училищами ихъ сословій, приготовляли въ этихъ заведеніяхъ не добрыхъ христіанъ и гражданъ, не образованныхъ служителей алтаря, а людей, которые могли бы распространить ихъ орденъ, пріобрѣсти ему новыя богатства, усилить его вліяніе и могущество. Поэтому все стараніе было обращено на то, чтобы завлечь въ орденъ, не обращая вниманія ни на образованіе, ни на лѣта: часто юноши, почти дѣти, постригались въ монахи, не имѣя къ монашеской жизни настоящаго влеченія. Уже свѣтская власть должна была

ограничить эти злоупотребленія, не обращая вниманія на постановленія тридентинскаго собора, и къ величайшему огорченію римскаго двора, сеймовымъ постановленіемъ 1768 года былъ опредѣленъ возрастъ, ранѣе котораго никто не могъ произносить монашескихъ обѣтовъ, именно—для мужескаго пола 24-хъ, а для женскаго 16-ти-лѣтній; за нарушеніе же этого постановленія монастырскіе настоятели подвергались пени въ тысячу гривенъ изъ монастырскихъ имѣній или фундушевыхъ суммъ [1].

---

[1] Булла папы Пія VI отъ 10 іюля 1776 г. (Московск. арх. м. и. д.).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1-е.

INSTRUZIONE.

Di ordine di N. S. Papa Clemente VIII per d' Alessandro Comuleo, arciprete di S. Girolamo di Roma, mandato da Sua Santità a Teodoro, gran duca di Moscovia.

Conformo a quello che vi fu detto nel partir vostro di Roma, e che fu anco notato nella vostra Instruzione scatteso a vedere qual era il desiderio della M. dell' Imperatore intorno all andata vostra in Moscovia; e poiche avemo inteso piacere del consiglio, fu atteso alla spedizione, la quale vi s'invia ora, e sarà portata dal P. provinciale dell' Austria sin a Vienna, con ordine che di là per uomo apposta sia indirizzata al principe di Transilvania, il quale sarà pregato in nome di N. S. a procurar l'abbiate quanto prima sia possibile aunque sarite.—Averete dunque per questa via il Breve per il gran duca dupplicato affine d'assicurarsi così di non guastarlo per cammino perchè potrete accomodarli in luoghi separati rivolgendosi in tela cirata, o altrimento, di maniera che siano ben custoditi dalle acque o da altri accidenti.

Nella medesima cassetta, ove saranno essi Brevi con la copia, vi troverete anco una crocetta di smeraldi, et un rosario d'agata, che

si averanno secondo il costume a presentare al principe, quella a nome di N. S. e questa a nome vostro proprio; nella croce vederete le lettere greche, le quali riferiscono alcuni essere necessarie affinche il presento sia accettato, o sia accettato più volontieri.—E voi saprete scusare la piccolezza con la necessità del lungo viaggio, e con altre ragioni, mostrando, che se la presente trattazione anderà innanzi Sua Santità, si dignerà di mandare più solenne ambasciaria.

Nella corte dell' Imperatore fu data intenzione al Nunzio, che quando voi foste per pigliar quel cammino, Sua M. e non ostante che abbia mandati due mano d' uomini a quella parte, ci aggiugnerà la terza per compagnia vostra, pero scrivemo al vescovo di Cremona, che subito in avvisi, come averete da governarvi intorno a questo, e voi seguirete in tutto e per tutto l' ordine di esso vescovo.

Ma in evento che vi accorresse d' andare senz' altra compagnia, avvertirete d' informarvi bel del modo che averete da tenere per aver da Polacchi il salvocondotto, e poi da Moscoviti medesimi. Credemo che dal gran cancelliere potreste avere il lume migliore, e potreste passare per la Livonia verso Derpato, ch'è fortezza tenuta da lui, mandando di là al capitano di Plescovia per la patente. La seconda strada per entrare in Moscovia è quella di Littuania, per la quale converrebbe arrivare ad Orsa, ultima frontiera verso il Moscovito, e di là spedire il capitano di Smolensco per la patente, la quale peni dicono non farsi mai da ministri, ma che mandano essi a pigliarla dal loro principe, eleggendo per esso questa strada che l' altra, in che vi consigliareti col tempo, e con l' occasione, potrete aver indrizzi buoni dal Signore Card. Radzvil, avvertendovi che senza ajuti tali i Polacchi non vi lasciano arrivare e quei confini.—E questo sia detto in quanto al viaggio, al quale non vi esponete senza le debite considerazioni, e senza aver eseguite prima le altre commissioni che portaste di quà.—Il negozio ha d' aver per fine di muovere quel principe ad ajutare, in quei modi che può, i Cristiani contro i Turchi perpetui nemici della Fede nostra, e della Croce.—Le ragioni di persuadere si caveranno dalla difesa della comune religione, dalla gloria che averà quella nazione in tutto il mondo di avere in occasione tale difesa la Republica Cristiana, dall' interresse delle

cose proprie, le quali in tanto maggior pericolo caderanno sempre quanto più si lascerà accrescere la potenza des Turco: onde, se egli venisse a prevalere contro l' imperatore e contro l' Ungaria, la Polonia restarebbe subito in suo potere, e la Littuania, nè potriano restar sicure le vicine provincie, e la Moscovia verrebbe in certo modo ad esser circondata dalle forze Turchesche, benchè gli asquisti fatti ultimamente contro il Persiano, e contro i Giorgiani le hanno anco avvicinate da quella parte, come discorrendo potrete dimostrare le perdite della Grecia, degli imperi di Constantinopoli e di Trabisonda, di tanti altri regni potentissimi dell' Egitto e dell' Asia, che si sono perduti solo per aver voluto i principi loro aspettare la guerra in casa, piuttosto che mettersi unitamente ad ajutar gli altri, et tenere il nemico lontano. Mostrarete poi quello che convenga all' amicizia e confederazione antrica ed ereditaria di quelli principi con la casa d' Austria, e che di gran lode l' ajutare gli amici ne' loro bisogni, e finalmente, che gli conviene anco ad imitazione de' suoi maggiori ascoltare le paterne esortazioni del Vicario di Cristo, e mostrare con gli effetti quanto sieno da Lui stimate, assicurandolo poter all' incontro provare nelle occorrenze sue ogni termine di amore e di carità in questa S. Sede come l' hanno sempre provato gli antecessori suoi.

Intorno a' modi di ajutare poi la presente impresa, è necessario rimettersi a quello, che essi crederanno di poter fare più agevolmente. La M. dell' Imperatore ha sperato che in tre maniere gli potesse venir comodo dall' opera di quella nazione, cioè che fomentassero il Persiano, ei Giorgiani suoi vicini con consiglio e con unione di forze da battere il nemico comune, e valersi dell' occasione presente per ricuperare le cose occupategli nell' ultima guerra, e che tenesse occupati li Tartari Precopensi, in modo che non ardissero uscire dalle case loro in ajuto de' Turchi, e danno dell' Ungaria.—Ed in fine, che volesse soccorrere Sua M. Ces. di qualche grossa somma di denari per li bisogni della presente guerra.

Voi se andarete in compagnia di qualche personaggio mandato da Sua M. Ces. in Moscovia, trovarete alcuno delli gia mandati, averete a congiungere con esse loro i consigli, l' opera vostra, ed ajutare, e tutte le domande predette, e quelle che crederete esser più uscibili.

*

Anzi pare fosse più utile e forse non più difficile, nè più travaglioso l' indurre quel principe di mandare qualche ajuto di momento alle vicine parti ove si ha da guerreggiare, perche estendendosi il dominio suo più a Smolensco, di là con poco viaggio può inviare ci suoi eserciti in Podolia, e dalla Podolia in Moldavia, per far poi la guerra a' Turchi nella Francia, ed' assaltare le città del mare Maggiore, che li metteria in incomodi maggiori.—E questa resoluzione sarebbe a' Moscoviti molto gloriosa presso tutte le nazioni non sensa speranza d' acquistare anco opime spoglie da sacheggiamenti delle città ricche di quella contrada. Ma quello che deve essere più stimato, verrebbe la nazione Moscovita ad apprendere la disciplina militare in luogo, ove potria mirare il modo di guerreggiare non solo di Turchi, ma anco di Tedeschi, di Ungari, d' Italiani, che concorreranno a quella impresa mandati da Sua Santità, e da altri potentati d' Italia, il che servirebbe poi maggior sicurezza delle cose proprie, ed a maggior facilità di allargare l' imperio; oltre che, occupando qualche città sul detto mare Eussino, come facilmente avvenirebbe potria munirvisi dentro, e fondare speranza d' estendere la fama e l' imperio in quel più mite et più felice clima, ed aprirsi la strada all' acquisto medesimo di Constantinopoli, secondo alle antiche pretenzioni de' Moscoviti, che pensano appartenerli quell' imperio per ragione ereditaria.

Se verrà opposta la lontonanza, potrà mostrare che lontanissima è anco Roma, che pure Sua Santità è resoluta di mandarvi gli ajuti suoi, e che li mandarà similmente il re di Spagna, che è molto più lontano, e che la fede di Cristo, e l' amore della religione deve aver forza per unire le remotissime nazioni contro quelli che tentano conculcarla.

In questo proposito averete a mettere qualche stimolo di gloria, come raccontando, che le nazioni oppresse sino della medesima lingua Moscovita, e poco differente, e che alzeranno le mani al Cielo, quando si vedranno soccorrere da propri parenti, nè bramaranno altro, che di aver difensori e padroni siccome li Cristiani di tutte quelle contrade che osservano il rito greco, averanno quella ragione di più di desiderare di sottoporseli, onde potranno sperare i Moscoviti larghissimi e felicissimi progressi dopo li quali la divina mise-

ricordia gli garà grazia di unirsi tutti nella comunione della vere fede.

Bisognarà anco mostrare la facilità dell' impresa con discoprire la debolezza de' Turchi, la milizia che hanno perduta in Pèrsia, le rotte che' hanno avute in Ungaria, la dappocaggine del principe, la poca obedienza de' soldati, la desolazione del paese, che va tutto disabitandosi per la tirannide, avarizia de crudeltà del presente governo, onde si fa conto che, in spazio di cinquant' anni, o anco meno, siano mancati più de due terzi di abitatori delle provincie soggiogate da' Turchi, onde si vede che, con l' occupare nuovi paesi, non acresce ma diminuisce potenza.

Altre volte si sono udite varie pretenzioni di quelli principi intorno ai titoli, ed alle prominenze, ch' essi si attribuiscono, anco con deduzioni di genealogie come se derivassero dagli antichi, imperatori romani. Se sentiste ragionamento di alcuna cosa simile, bisognerà, che dimostriate, che cotali titoli e dignità sono state sempre conferite da questa Santa Sede, allegando gli esempi a loro più noti delli regni di Polonia, d' Ungheria, e di Boemia, e dell' istesso imperio cosi Orientale come Occidentale, procurando in talmodo d' imprimere nell' animo di quelli, con chi vi accaderà di ragionare, l' autorità di questa Santa Sede, ed il merito, la sicurezza, l' onore di quelli che da essa dipendono, e vivono uniti come cari figli nel grembo della madre.—Da questo regionamento potria darsi occasione dell' altro di considerare il capo della religione a cui essi si sottopongano, e quanta sia la differenza dell' uno all' altro.

Quello che si chiama Patriarca di Constantinopoli, dipende assolumente dalla volontà del Turco, capital nemico del nome cristiano; viene esaltato e deposto a suo capriccio, e compra la nonlegitima dignità a contanti, e bene spesso avviene che da uno, il quale offerisca prezzo maggiore, sia supplantato il primo compratore.—Non potea parere se non molta indecenza di una cosi potente ed illustre nazione l' aver prima a soccorrere per consiglio e sopraintendenza delle cose sagre in casa dell' ostinato nemico, e poi averle a ricevere da persona, che ne abbia comprata l' autorità con moneta, onde questo solo argomento può bastare per far conoscere che non vi possa esser concorso dello Spirito Santo là dove all' incontro i'

Sommi Pontefici vengono eletti da nomini ecclesiastici con voti liberi, e con l' assiastenza dello Spirito Santo, dal quale sono constituti i veri successori di Pietro, e Vicari di Cristo in terra.

Nelle differenze ch' essi tengono dalla nostra vera fede voi sete cosi bene informato, che non occorre dirvene altro, avete pero a caminare tanto più pesatamente, quanto che, possedendo la propria lingua loro, sarete assalito con più interrogativi, e per questo è necessario star più su l' avviso anco quanto alla osservanza di certi loro istituti, per che molte cose perdonariano all' ignoranza di uno straniero, che terrano voi per obbligato a sapere ed osservare come prattico della lingua e de' costumi, onde per esser la nazione molto puntuale, conviene caminare, con molto avvertimento di soddisfaria, e di mantenere insieme la dignità de questa S. Sede.

Non pare che i Moscoviti restassero molto contenti quando fu mandato a Roma l' ultimo loro ambasciatore, avendo giudicato ch' egli non fosse stato accompagnato nel suo ritorno nella forma e sin al luogo che stimano convenire; se sentirete voi dir parola di questo, escusate il fatto sopra la diversità delle usanze, testificando sempre che non si sia fatto o sia per fare mai meno in onore di quel gran duca di quello che s' usia fare per qualunque altro de maggiori principi cristiani.

Se pottete instituire, o lasciare aperta una fenestra per poter trattare de unire alla Chiesa cattolica quella nazione, a voi, che sete ben versato nella materia, non mancaranno argomenti; e perche non è forse mai più avvenuto, che in sei o sette cento anni, che vi entrà la fede cristiana, sia stato mandato da questa S. Sede, a quei paesi uomo che possedesse la lingua, e che avess insieme la dottrina che avete voi, stiamo con qualche speranza voglia valersi di un tal instrumento per alcun gran bene della Chiesa sua.

Mettetevi voi dunque il pensiero e l' industria tutta, raccomando di continuo l' opera a sua Divina Maestà che noi vi metteremo insieme le orazioni, e le preghiere, affinche possa la Chiesa S. fare in questi tempi di calamitose perdite un accquisto cosi notabile, ed importante alla saluta d' un infinito numero di anime.

Andate voi dunque allegramente, che N. S. vi accompagna con la sua santa benedizione, ed io col desiderarle largo accrescimento delle divine grazie.

Di Roma, li 27 di Jennaro 1594.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-е.

DILECTO FILIO, NOBILI VIRO, ALEXIO MICHAELI, MAGNO MOSCHORUM DUCI,

CLEMENS PP. X.

Dilecte fili, nobilis vir, salutem, etc.—Gavisi in Domino quam maximè sumus, cum ex litteris Nobilitatis tuae, tum ex voce Pauli Menesii, supremi excubiarum tuarum praefecti, quem perhumaniter excepimus, diserte coram cognoscere quo animo sis adversus nequissimum Turcarum tyrannum, Poloniae non modo, sed universae Christianae Reipublicae in perniciem iniquis conatibus contendentem; solidam enim jure merito in spem venimus fore ut te amplissimae dominationis vires una cum Poloniae rege inclytis consiliis sociantem, valida ad compescendos immanissimos hostes repagula excitentur, atque ad publicam salutem in tuto ponendam, invictum excercitum, Domino benedicta ab utriusque fortitudine propugnacula exstruantur. Quod vero ad praestandas a nobis praefato Poloniae Regi suppetias attinet, ubi pro commissa infirmitati nostrae a Domino nostro Jesu Christo, quem constituit Deus haeredem universorum totius christianae reipublicae custodia, in promovenda adeo praeclara expeditione, qua extraordinariis ad christianos principes ablegatis nuntiis, qua magna in belli subsidium pecuniae summa erogata, nulla hactenus ex parte muneri nostro defecimus, ita nec inposterum deerimus, officiis, hortationibus, exemplo praedictis christianis principibus ad causam omnes tangentem pro virili tuendam iterum iterumque invitamento futuri. Age igitur, Princeps amplissime, in suscepta provincia strenue prosequenda magis te magisque confirma; illius enim gloria possessionem, universa christiana re-

publica plaudente, assequeris, quam eximiis communis incolumitatis assertoribus, non interituris praeconiis, publicorum beneficiorum remuneratrix fama rependet, supremum interim Patrem luminum enixis precibus obsecrabimus, ut Nobilitatem tuam perfecta Nobis Ecclesiaeque suae charitate conjungat.—Datum Romae, apud Sanctam Mariam Majorem, sub annulo piscatoris, die XV septembris 1673. Pontific. nostri anno quarto.

ПРИЛОЖЕНІЕ 3-е.

ПИСЬМО ІЕЗУИТА ШМИДТА КЪ КНЯЗЮ ВАСИЛІЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОЛИЦЫНУ, ОТЪ 29 АВГУСТА 1688 ГОДА, ИЗЪ СМОЛЕНСКА.

(ИЗЪ МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА МИНИСТ. ИНОСТР. ДѢЛЪ).

Illustrissime et Celsissime Princeps, Domine Domine et Patrone Clementissime.—Cum per illustrissimos legatos Caesareos, nomine augustissimi Romanorum imperatoris, in Moscoviam deductus, integro jam quadriennio sub clementissimo serenissimarum Czarearum Majestatum Czar Iwani Alexiewicz, Czar Petri Alexiewicz et Czarewnae Sophiae Alexiewnae patrocinio, sub amplissima Illustrissimae Celsitudinis Vestrae tutela, Moscuae pro Romano-catholicorum spirituali solatio moratus fuerim; nunc autem ex voluntate meorum superiorum hinc revocatus, ex eadem, qua hic susceptus et protectus fueram, gratia licenciam abeundi obtinuerim; ideo nunc, corpore quidem absens, sed animo tot beneficiis obstrictissimo praesentissimus, ad pedes Serenissimarum Czarearum Majestatum humillime prosternor, simulque Illustrissimae Celsitudinis Vestrae genibus advolutus, quam maxima possum venerationis et submissionis testificatione immortales ago gratias in primis Czareis Majestatibus pro augustissimis favoribus mihi et per me universae societati Jesu concessis; tum etiam Illustrissimae Celsitudini Vestrae pro eximia et nunquam satis depraedicanda benevolentia, qua me dignata est suscipere, fovere, protegere. Deus Optimus Maximus, bonorum omnium auctor et retributor, qui uni ex minimis suis praestita beneficia, tanquam sibi exhibita, agnoscit, suscipit et remuneratur, dignetur Serenissimis Czareis Majestatibus longaevam et integerrimam incolumitatem et felicitatem lar-

giri, cum summis omnium gratiarum incrementis, simulque Illustrissimam Celsitudinem Vestram omnibus divinis benedictionibus et donis una cum illustrissima domo et familia ditare, munire, protegere. Ego interim, quamdiu vixero, horum amplissimorum beneficiorum memor, divinam clementiam pro salute Illustrissimae Celsitudinis Vestrae semper exorabo, et ubique depraedicabo summe venerandam, et in tota Europa notissimam beneficentiam; imo et universae societatis nostrae toto orbe diffusus ordo religiosus, mihi tanquam suo membro exhibitos favores gratissimis et humillimis affectibus semper venerabitur. Caeterum felicissimos et longaevos annos cunctaque prospera millies, iterumque millies apprecatus, humillime me tanquam ad omnia obsequia promptissimum clientem inclyto favori commendo et ad extremum usque vitae halitum permaneo.

ПРИЛОЖЕНІЕ 4-е.

Подъ 2 сентября 1691 года въ московскомъ архивѣ м. и. д. хранится слѣдующая грамата:

Nos magni Domini Czari et Magni Duces Joannes Alexivicius et Petrus Alexivicius, etc., tenore praesentium notum facimus et recognoscimus quod cum Augustissimus et Invictissimus Romanorum Imperator Leopoldus, Germaniae, Hungariae, Bogemiae rex, etc., virias fraternae charitatis exhibitiones nobis praestiterit, et illa qua inter suam Majestatem Caesaream et Nos Nostrosque serenissimos antecessores Magnos Dominos Czaros et Magnos Moscoviae Duces viguit vigetque amicitia requirat, mutuis quibusdam testificationibus veterem praesentemque fraterne colere et firmare confidentiam, ideo Nos Magni Domini Czari et Magni Duces praesentibus litteris Nostris Czareis, pro Nobis et successoribus Nostris Czaris et Magnis Ducibus id satisfaciendum desideriis Cesareae Majestatis Fratris Nostri dilectissimi declaramus, spondemus et concedimus ut in posterum intra Metropolim nostram Moscuam plenum ac publicum religionis Romano-catholicae exercitium, cum erectione templi, usu campanarum, publicis sepulturis, aliisque ritibus, a patribus societatis Jesu, libere ac secure peragi celebrarique possit; ita quidem ut Nos Nostrique successores hancce consessionem Czaream continuo protecturi, omnemque securitatem quibuscunque Romano-catholicis eorumque sacerdotibus et administris perpetuo et constanter largituri sint, neque unquam permissuri, ut quisque horum ex causa religionis catholicae ejusdemque exercitio, vi vel injuriâ afficiatur, sed quiete publicâ omnique tranquillitate tuto frui possit et valeat. In quo-

rum omnium robur et firmitatem Nos Magni Domini Czari et Magni Duces praesens diploma Nostrasque litteras Czareas firmare, sigillique majoris appressione roborari voluimus. Datum in urbe Nostra metropoli Nostra Moscua, etc.

На этомъ документѣ нѣтъ ни подписи ни числа.

ПРИЛОЖЕНІЕ 5-е.

ILLUSTRISSIMI PRAENOBILES AC GENEROSI DOMINI.

Perceptâ clementissimâ sacratissimâ Czareae Majestatis voluntate de informandis a nobis aliquot juvenibus in lingua latina et germanica, confestim pro mansione illorum cubiculum adaptavimus in domo nostra, pro quo uti et pro labore docendi, quem omni possibili nobis diligentiâ adhibebimus, nil prorsus acceptare possumus, siquidem nobis abundantissima merces est pretiosissimus favor et gratia sacratissimae Czareae Majestatis. Quod victum attinet, fortassis judicabunt expedire, ut illis juvenibus quotidie dentur certi nummi quibus pro suo gustu et libitu in vicina domui nostrae coquina victum comparare sibi possint; siquidem cocus noster in cibis hujus regionis more parandis inexpertus est, praeterquam quod in jejuniis separati libites adhibendi essent et aliae cautelae. Solummodo quod illis providendum essent sunt ligna et candelae pro hyeme, charta, atramentum, calami et ex libris latino-ruthenica grammatica Domini Kopiewitz. Haec secundum mandatum illustrimarum Dominationum scripto consignavimus. De caetero quidquid in obsequium sacratissimae Czareae Majestatis virium impendere poterimus, promptissime et fidelissime praestabimus.

Illustrissimarum Dominationum

Humillimi servi:

FRANCISCUS MILAN, JOANNES BEJER, JOANNES HITRECIUS.

10 Julii 1718.

ПРИЛОЖЕНІЕ 6-е.

ILLUSTRI AC POTENTISSIMO MAGNO DOMINO CZARI ET MAGNO DUCI PETRO UNIVERSAE MAGNAE, PARVAE ET ALBAE RUSSIAE, AUTOCRATORI ET MAGNORUM DOMINIORUM ORIENTALIUM, OCCIDENTALIUM ET SEPTENTRIONALIUM, PATERNO, AVITOQUE HAEREDI, SUCCESSORI, DOMINO DOMINATORI.

CLEMENT PP. XI.

Illustris ac Potentissime Czare, salutem et lumen divina gratia. Non facile explicare possumus, quo gaudio nos affecerit nobilis vir dux Borissius Kurakinius quem sublimis tua amplitudo suis ad nos litteris in fidem eorum, qua tuo nomine expositurus erat, ante aliquot menses Romam allegavit, dum uberrima Nobis reddidit testimonia tuae erga Nos voluntatis egregia ac praeclara, sed praeterim grata ob rationem quam a nobis in rebus regni Poloniae semel initam semper hactenus servavimus et adhuc quidem retinemus. Solatium vero longe majus ab eodem Nobis allatum est, ubi certiores Nos fecit, constitutum tibi esse, liberum ac publicum catholicae Romanae religionis exercitium in universa tua amplissima ditione permittere; imo jam annuisse, ut in civitate Tua Moscua nedum fundetur conventus ordinis fratrum minorum S. Francisci Capucinorum nuncupatorum, sed etiam ut erigatur ecclesia et domus pro religiosis viris societatis Jesu una cum gymnasiis ad erudiendam bonis litteris et ad instruendam juventutem, quod consilium magnam profecto tuis populis utilitatem est allaturum. Cumulus tandem laetitiae nostrae adjectus est, cum ille idem Tuo nomine Nobis pollicitus est, apertum deinde tutum ac liberum fore transitum per ipsas Tuas ditiones Missionariis ad annunciandum Evangelium ab hac Sancta Sede ad Sinarium Imperium et ad alia reg-

na orientalia immittendis. Profitemur itaque post gratias Deo humiliter actas, haec omnia, cor nostrum tibi, Excelse ac Potentissime Czare, magnopere obstinxisse, ac excitasse in Nobis desiderium declarandi publicis ac congruis significationibus plenitudinem gaudii nostri, quod tunc sane erit, cum documenta eorum, qua idem dux a Te omnino speranda ac expectanda esse affirmavit, ad manus Nostras pervenerint. Ceterum testamur ipsum ducem magnam probitatis ac prudentiae laudem morum suorum integritate ac gravitate hic ab omnibus retulisse, ac animum Nostrum sibi peculiari modo 'conciliasse. Quod superest Deum Patrem luminum impense rogamus ut lucis suae radios tuae menti propitius infundat, et Te perfecta charitate Nobis et Catholicae Ecclesiae conjungat.

Datum Romae apud Sanctam Mariam Majorem, sub annulo Piscatoris, die Octobris 1707. Pontif. Nostri anno septimo.

ПРИЛОЖЕНІЕ 7-е.

ПРОЭКТЪ УСЛОВІЙ, ПРЕДЛОЖЕННЫХЪ ВЪ 1721 ГОДУ КАРДИНАЛОМЪ ОТОБОНИ Г. РАГУЗИНСКОМУ.

Clemens XI summus Pontifex Romanus expetit primum ut Czarea Majestas benigno diplomate ex charta pergamena, quod propria firmatum sit manu, proprioque munitum sigillo, suo suorumque successorum nomine, permittat religiosis et catholicis romani ritus Ecclesiis liberum cultus exercitium per universam Russiae ditionem explicare, addita facultate erigendi ecclesias, scholas, collegia et universitates instruendi, ubi adolescentes liberalibus disciplinis erudiantur, ac denique omnimodam illis libertatem impertiatur in iis omnibus, quae sacrarum rerum exercitationem respiciunt.

Deinde patribus missionariis libere Sinarum regionem, vel Persidem adeundi potestas sit nec per Russiae imperium transeuntes molestiam ullam, neque impedimentum incurrant.

Praeterea Roma in Russiam iisdem proficiscentibus, ubi ditionis illius fines attingent, sui muneris exercendi causa, expeditus atque inoffensus sit transitus, usque ad illam Russiae civitatem sive ecclessiam, ubi morari debebunt.

Atque insuper, seu quis eorum suo sit refunctus officio, vel Romam revocatus, vel redeundi sit cupidus, solutam ab omni metu discendendi facultatem retineant.

Denique iis omnibus, qui per latissimum Russorum imperium ritu romano censetur Regio servitio, nec ne sint addicti suam profitendi religionem libertas non adimatur.

Pontifex vero statim ac diploma obtinuerit a Majestate Czarea eisdem fere conceptum verbis, quae superius descripta sunt, pluri-

mas illi gratias reddet, edito ad id breve, quod exterius inscribetur omnibus iis titulis, qui subjiciuntur:

Nempe: Serenissimo Potentissimo ac Magno Domino Czari et Magno Duci Petro primo universae Magnae, Parvae et Albae Russiae Autocratori, nec non Magnorum Dominiorum Orientalium, Occidentalium et Septentrionalium paterno, avitoque haeredi, successori, Domino et Dominatori.

Interius autem per epistolam suae Czareae Majestatis titulus adhibebitur.

Acceptis hujuscemodi tenoris litteris Czarea Majestas gratias ad invicem reddet Pontifici epistolam propria manu firmatam et ad praefati brevis exemplum inscriptam iis nempe titulis:

Beatissimo Clementi XI Domino Domino Papae dignissimo summoque Sedis Romanae Pontifici.

Nec non interiori epistolae Sanctitatis Vestrae sive Beatitudinis Vestrae titulus inseratur.

ПРИЛОЖЕНІЕ 8-е.

СНОШЕНІЯ ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА СЪ ПАПАМИ ИННОКЕНТІЕМЪ XII И КЛИМЕНТОМЪ XI.

(извлечено изъ дѣлъ московскаго архива м. и. д.).

Въ царствованіе Петра перваго сношенія съ папскимъ дворомъ сдѣлались чаще; споры о титулахъ еще не прекратились, но не мѣшали уже успѣхамъ дѣла. Стараніе государя сблизить русскихъ съ европейскими народами и участіе, принимаемое имъ въ дѣлахъ Европы, его желаніе возродить въ русскихъ любовь къ наукамъ и искусствамъ и обогатить Россію плодами ихъ, произведеніями которыхъ, въ особенности послѣднихъ, Римъ изобиловалъ, дѣлали иногда содѣйствіе папское нужнымъ для государя; папы же съ своей стороны находили выгоды пріобрѣтать благорасположеніе сего государя: они не провидѣли возможности склонить его къ соединенію церквей, но желаніе успѣть въ томъ не охладѣло въ нихъ и, несмотря на всѣ прежнія неудачи, поддерживало, столь лестную для ихъ честолюбія, надежду содѣлаться когда-нибудь единымъ пастыремъ всего христіанскаго стада.

Въ предположеніяхъ государя отправить великое посольство къ разнымъ европейскимъ дворамъ находился и римскій дворъ. Посему въ 1697 г. приготовлены были двѣ граматы къ папѣ Иннокентію XII; одна изъ нихъ названа вѣрющею и была слѣдующаго содержанія:

Послѣ полнаго титула царскаго слѣдуетъ папскій: „Честнѣйшему господину Иннокентію XII, папѣ и учителю римскаго костела достойнѣйшему, поздравленіе“. Потомъ сказано, что для возобновленія древнихъ сношеній, государь отправилъ къ нему сію грама-

ту съ великими и полномочными послами, генераломъ и адмираломъ и намѣстникомъ новогородскимъ, Францемъ Яковлевичемъ Лефортомъ, генераломъ-комисаромъ и намѣстникомъ сибирскимъ, Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ и думнымъ дьякомъ и намѣстникомъ болховскимъ Прокофьемъ Богдановичемъ Возницынымъ, которымъ поручено изъявить папѣ дружбу государеву, и предложить откровенно его мнѣніе и намѣренія о веденіи святой войны противъ непріятеля святаго креста, и потому государь желаетъ, чтобы папа благоволительно допустилъ къ себѣ пословъ, благосклонно выслушалъ ихъ предложенія, клонящіяся къ общей пользѣ христіанства, и принялъ бы то знакомъ дружелюбія къ себѣ государева, а по окончаніи дѣлъ съ послами отпустилъ бы ихъ обратно.—Грамата писана въ Москвѣ, 25 февраля, 7205 г. отъ С. М.

Другая грамата названа полномочною: въ ней сказано, что для утвержденія доброй дружбы съ папой и для предложеній по общимъ нуждамъ государя и всего союзнаго христіанства, назначены и отправлены къ папѣ великіе и полномочные послы (слѣдуютъ ихъ имена), и якоже силою сей граматы совершенно полная мочь имъ вручена, то и надѣется государь, что папа, по доброй къ нему дружбѣ, и подражая христіанскому союзному противъ непріятеля святаго креста обществу, прикажетъ своимъ министрамъ выслушать предложенія сихъ пословъ, съ ними договариваться и заключать постановленіе, а что тѣ послы будутъ говорить, тому вѣрить, и что они заключатъ и утвердятъ письменно, государемъ будетъ исполнено безъ всякаго нарушенія. Для совершеннѣйшаго же увѣренія повелѣно приложить къ сей граматѣ государственную печать.

Граматы сіи писаны на александрійскихъ средней руки листахъ; заставица и каймы съ фигурами; государское именованіе и титулъ, по слово: Московскій, писаны золотомъ, а папскія все золотомъ; прочее же чернилами; запечатаны большою государственною печатью, подъ кустодіею бумажною, фигурною; у полномочной граматы печать отворчатая и къ сей граматѣ приложенъ латинскій переводъ, писанный на такомъ же листѣ [1].

---

[1] **Арх. бум. Дѣла цесарскія: № 9. Списки съ граматъ для посольства Лефорта.**

Посольство по обстоятельствамъ возвратилось въ Россію, не бывъ въ Римѣ, и потому граматы сіи остались безъ употребленія.

Въ томъ же 1697 году, фельдмаршалъ, тогда называвшійся еще ближнимъ бояриномъ и намѣстникомъ вятскимъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, отправился путешествовать въ Италію, вѣроятно по волѣ государя, для обозрѣнія устройства морскихъ ополченій кавалеровъ мальтійскихъ. Онъ долженъ былъ между прочимъ быть и въ Римѣ и имѣлъ отъ государя къ папѣ грамату.

Въ Римъ пріѣхалъ онъ 1698 года 21 марта и въ тотъ же день папа Иннокентій XII, узнавъ о его пріѣздѣ, прислалъ къ нему своего дворецкаго, Урбина Ричи, спросить его о здоровьи, поздравить съ пріѣздомъ и сказать ему, что онъ имѣетъ приказаніе быть при немъ для всякихъ услугъ.

27 марта бояринъ былъ на аудіенціи у папы, на которой, по личному, какъ сказано, къ нему уваженію, позволено ему быть съ шляпой въ рукахъ и со шпагой.

Представляясь папѣ, онъ говорилъ рѣчь, въ которой, поручая себя его молитвамъ и упомянувъ о службахъ своихъ, состоявшихъ въ заключеніи съ Польшей союза противъ турокъ и въ начальствѣ надъ войсками противъ крымцевъ, объявилъ причиной своего пріѣзда въ Римъ обѣтъ, данный имъ Богу, во время войны съ турками, поклониться мощамъ верховныхъ апостоловъ, къ которымъ прибѣгалъ онъ съ своимъ моленіемъ, и заступленіемъ которыхъ Богъ помогалъ ему поражать враговъ христіанства; упомянулъ также о намѣреніи своемъ ѣхать въ Мальту, дабы лично осмотрѣть устройство морскихъ ополченій кавалеровъ, столь славно и храбро воюющихъ противъ непріятелей святаго креста.

Потомъ онъ подалъ папѣ грамату отъ государя, которую папа принялъ самъ и отвѣчалъ боярину, что ему извѣстны многія службы его, полезныя всему христіанству, и мужество, имъ оказанное противъ враговъ святаго креста, и потому весьма радуется, видя его лично; что онъ похваляетъ его набожность и многотрудное предпріятіе сего путешествія и вѣруетъ, что всемилостивый Богъ, ради молитвъ верховныхъ своихъ апостоловъ, воздастъ ему всякими благами, и что онъ съ своей стороны будетъ также молить Бога, дабы трудъ его не остался тщетнымъ, но чтобы Богъ устро-

илъ его на вящшую пользу всему христіанству, во славу пресвятаго своего Имени, на безславіе же и на всеконечную погибель магометанъ, враговъ христіанства; что нынѣ онъ пріемлетъ его съ искреннею любовію и оказываетъ ему почесть едва не наравнѣ съ носящими діадиму, допуская его поцѣловать руку свою. — Послѣ чего бояринъ цѣловалъ папскую руку, а папа, обнявъ его, поцѣловалъ въ голову.

Грамата государя къ папѣ начиналась по обыкновенію полнымъ титуломъ: „Божіею милостію, Мы, пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь, царь и пр. наше царское величество, честнѣйшему господину Иннокентію XII, папѣ и учителю римскія церкви". Потомъ, сказавъ, что ближній бояринъ и намѣстникъ вятскій, Б. П. Шереметевъ, отпущенъ въ Римъ, Венецію и Мальту, по его желанію видѣть тамошнія страны, государь проситъ папу позволить ему съ людьми и вещами, которыя при себѣ имѣть будетъ, пробыть въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ его владѣній, сколько ему понадобится, свободно и безопасно, и въ нуждахъ его со всякимъ вспоможеніемъ: за что обѣщаетъ взаимно милость и благоволеніе царское подданнымъ его, въ Россію пріѣзжающимъ. Лѣта отъ С. М. 7205, мѣсяца апрѣля 30 дня.

30 марта папа прислалъ къ боярину въ благословеніе образъ Спасовъ — моленія Его предъ вольнымъ своимъ страданіемъ въ вертоградѣ; образъ Спасителя и св. апостолъ Петра, Іакова и Іоанна, золотые, на восточномъ мраморѣ; кромѣ того дары: трость, оправленную золотомъ съ дорогими каменьями, и двѣ скрыни, въ которыя положены были шитыя золотомъ римскія рукавицы и всякія мыла и премножество всякихъ разныхъ сахаровъ, конфетъ и напитковъ.

31 марта бояринъ послалъ дары къ папѣ: одѣяло пластинчатое соболье, покрытое золотою матеріею, цѣною въ 900 рублей; два изорбата, золотой и серебреной, цѣною 120 рублей и два сорока горностаевъ.

3 апрѣля папа прислалъ съ епископомъ порфирскимъ, Петромъ Ламбертомъ, боярину въ благословеніе золотой крестъ, въ которомъ положена часть древа животворящаго креста Господня. Епископъ, подавая крестъ, говорилъ боярину, что въ числѣ многихъ

божественныхъ сокровищъ, которыми славится Римъ, драгоцѣннѣйшее есть превеликая часть древа святаго животворящаго креста Господня, присланная въ Римъ изъ Константинополя великимъ Константиномъ; что святѣйшій отецъ и вселенскій архипастырь Иннокентій XII, папа римскій, вѣдая, что онъ въ своихъ духовныхъ сокровищахъ ничего не имѣетъ сего драгоцѣннѣе, повелѣлъ ему, яко приставу и хранителю оныхъ, удѣлить часть отъ того пресвятаго древа и запечатлѣть ее въ сей золотой новоустроенный крестъ, который при отцевскомъ своемъ благословеніи прислалъ къ нему, боярину, какъ отецъ, любящій его, желая, дабы онъ симъ престрашнымъ непобѣдимымъ божественнымъ знаменіемъ, яко другой Константинъ великій, не преставалъ всегда преславно побѣждати непріятелей святаго креста; что святѣйшій отецъ желалъ бы самъ лично вручить ему сей предрагоцѣнный и непобѣдимый кавалерскій знакъ и тѣмъ почтить его многіе, достойные памяти, воинскіе подвиги, но болѣзнь его воспрепятствовала ему сіе исполнить, и потому прислалъ онъ его съ нимъ, при архипастырскомъ своемъ благословеніи и искреннемъ, сердечномъ желаніи видѣть его здраваго по возвращеніи изъ Мальты, и обѣщаетъ ему, какъ нынѣ, такъ и впредь, не только всякое вспомоществованіе въ его требованіяхъ, но даже не отрекся бы, если бы сіе возможно было, пролить за него и кровь свою.

Въ то же время подалъ онъ боярину и письменное свидѣтельство, которымъ во увѣреніе всѣмъ, кому сіе видѣть случится, утверждаетъ, что 1698 года апрѣля 11 дня онъ, по указу папы, отрѣзалъ частицу отъ древа святаго креста Господня, и подобіемъ креста обдѣлавъ, вложилъ въ золотой, съ обѣихъ наружныхъ сторонъ финифтянымъ и рѣзнымъ искусствомъ оправленный крестъ, и оный съ древомъ меньшею печатью своею запечаталъ; во увѣреніе чего на семъ свидѣтельствѣ, большою его печатью запечатанномъ, своеручно подписался. 1698 года апрѣля 12 дня, по новому стилю.

Того же дня получилъ бояринъ отъ Ранунція Паллавичини, папскаго референдарія и вицъ-камерлинга, проѣзжій листъ, въ которомъ сказано, что прибывшему въ Римъ для поклоненія священнымъ мѣстамъ, съ рѣдкимъ христіанскимъ благочестіемъ, рос-

сійскому генералъ-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, съ двумя его братьями и одиннадцатью человѣками, свиту его составляющими, котораго папа, съ оказаніемъ отличнаго почтенія и благоволенія, милостиво привѣтствовалъ, дарилъ и принималъ, повелѣлъ его святѣйшество дать сей пассъ, дабы во свидѣтельство уваженія къ россійскому народу, къ особѣ, имѣющей толикія достоинства и преимущества, и къ чину генералъ-фельдмаршала, приказать всѣмъ господамъ губернаторамъ и прочимъ министрамъ правосудія здѣшнихъ владѣній, чтобы они не только чинили ему вездѣ свободный пропускъ, но и оказывали всевозможную помощь и защиту. О томъ же просятъ и господъ легатовъ, принцевъ и губернаторовъ неподвластныхъ здѣшнему правительству.

4 апрѣля бояринъ выѣхалъ изъ Рима въ Мальту, а 11 іюня возвратился въ Римъ, и въ тотъ же день папа присылалъ къ нему дворецкаго Урбина Ричи спросить его о здоровьи.

14 іюня бояринъ имѣлъ аудіенцію у папы, и былъ принятъ также милостиво, какъ и прежде, и отпущенъ изъ Рима съ великимъ удовольствованіемъ и честію.

Въ тотъ же день папа прислалъ къ нему свою грамату къ государю. Начиналась она папскимъ именемъ: „Папа Иннокентій XII", а государева имени и титуловъ совсѣмъ не было; потомъ сказано, что кромѣ обладанія обширнѣйшимъ государствомъ въ свѣтѣ, собственная государева слава и его воинскіе подвиги заставили папу съ радостію и сердечнымъ удовольствіемъ принять пріѣхавшаго въ Римъ ближняго боярина Б. П. Шереметева, котораго побѣды надъ злѣйшими врагами имени христіанскаго и благоразуміе давно уже ему извѣстны; и не только дозволено ему было, во исполненіе воли государевой, свободное пребываніе въ Римѣ и путешествіе по владѣніямъ папскимъ, но и съ большимъ удовольствіемъ слушали его разговоры; и нынѣ, съ изъявленіемъ ему искренней пастырской любви, къ государю его отъ себя отпустили; заключается моленіемъ къ Отцу свѣтовъ, дабы Онъ лучи свѣта своего вліялъ въ разумъ государевъ и соединилъ бы его совершенною любовію съ нимъ и съ католическою церковью. Дана въ Римѣ, у св. Маріи-большой, подъ печатію Рыболова, іюня 14 дня 1698 года; первосвященства его въ 7 лѣто.—Надпись граматы была слѣдую-

щая: „Петру Алексѣевичу, великому государю, царю и великому князю, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и великихъ государствъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчичу, дѣдичу и наслѣднику, государю, самодержцу и обладателю".

Б. П. Шереметевъ выѣхалъ изъ Рима 15 іюня, а въ Москву пріѣхалъ 10 февраля 1699 года (¹).

Неудачная въ началѣ война противъ шведовъ открыла свободу королю шведскому, Карлу XII, вторгнуться въ Польшу, лишить престола короля Августа, союзника Петра I, и возвести на его мѣсто преданнаго ему Станислава Лещинскаго. Сей самовластный поступокъ Карла раздѣлилъ Польшу на двѣ партіи: одна, покоряясь побѣдителю, признала королемъ Станислава; другая, ревностная къ правамъ своимъ, осталась вѣрною Августу и даже послѣ его отреченія не соглашалась признать Станислава, но хотѣла приступить къ избранію новаго короля. Государю, какъ союзнику польскаго королевства, нужно было всѣми способами подкрѣплять сію твердость въ противникахъ Станислава. Полагая, что вліяніе папы на католиковъ можетъ въ семъ случаѣ сильно ему содѣйствовать, онъ отправилъ въ Римъ своего комнатнаго и гвардіи подполковника, князя Бориса Ивановича Куракина (въ 1707 году).

Князь, по пріѣздѣ въ Римъ, на третій день пригласилъ къ себѣ секретаря папскаго Микутанда Меренду, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ епископа куявскаго, объявилъ ему о себѣ, и просилъ извѣстить о пріѣздѣ своемъ статсъ-секретаря, кардинала Паулуччи, къ которому на другой день, 24 марта, послалъ пріѣхавшаго съ нимъ г. Веселовскаго объявить о своемъ пріѣздѣ въ Римъ, и извѣстить, что послѣ обѣда въ 22 часу онъ къ нему пріѣдетъ. Между тѣмъ черезъ Меренду были переговоры съ кардиналомъ о томъ, какъ онъ приметъ привезенное къ нему отъ государя письмо, и соглашенось, чтобы онъ принялъ его стоя, хотя

(¹) Арх. бум. Дѣла римскія: отпускъ съ граматы государя Петра I къ папѣ, и переводъ съ папской граматы къ государю. — Записки путешествія графа Б. П. Шереметева. Л. Москва. 1773 года. стр. 41 — 85.

кардиналы имѣютъ обыкновеніе сидя принимать письма отъ другихъ государей.

Въ назначенное время князь ѣздилъ къ кардиналу, который въ полномъ кардинальскомъ нарядѣ встрѣтилъ его передъ пріемной. Войдя въ пріемную и сѣвъ на поставленныхъ одни противъ другихъ креслахъ, кардиналъ съ правой, а князь съ лѣвой стороны, князь началъ разговоръ объявленіемъ, что онъ присланъ отъ государя къ папѣ съ граматой ([1]), и сверхъ того имѣетъ порученіе предложить о нѣкоторыхъ дѣлахъ и словесно; потомъ вставъ и взявъ отъ Веселовскаго государево письмо ([1]) къ кардиналу, подалъ ему, сказавъ, что государь, милостиво расположенный къ нему, какъ къ первому министру римскаго престола, прислалъ сіе письмо, которымъ проситъ его о вспомоществованіи ему, какъ при аудіенціи, такъ и въ прочихъ дѣлахъ, ему порученныхъ, за что государь обнадеживаетъ его своею милостью.—Кардиналъ принялъ письмо стоя; потомъ сѣвъ, распечаталъ его, и прочитавъ, поклонился и сказалъ, что онъ весьма благодаренъ государю за его милостивое къ нему вниманіе, и будетъ служить ему во всѣхъ дѣлахъ со всевозможнымъ усердіемъ.—Послѣ сего князь просилъ его исходатайствовать ему у папы приватную аудіенцію и предупредить его о церемоніалѣ, при томъ наблюдаемомъ.—Кардиналъ отвѣчалъ, что онъ донесетъ папѣ о его пріѣздѣ, а о церемоніалѣ, переговоря съ церемоніймейстеромъ, извѣститъ его. — Тѣмъ и кончилось первое свиданіе.

Въ тотъ же день во 2-мъ часу ночи, кардиналъ Паулуччи присылалъ къ князю Меренду узнать, какъ въ государевой граматѣ написанъ титулъ папскій.

На другой день вечеромъ пріѣзжалъ къ князю церемоніймейстеръ объявить: что папа, изъ уваженія къ князю, позволяетъ ему быть на аудіенціи съ шляпой и съ шпагой, но стула дать не можно, потому что сидѣть и шляпу надѣть позволяется только владѣтельнымъ князьямъ; что войдя въ двери онъ долженъ преклонить одно колѣно, а кланяться не должно; дойдя до середины

([1]) Ни съ граматы къ папѣ, ни съ письма къ кардиналу списковъ въ архивѣ не находится.

комнаты, вторично преклонить колѣно, а подойдя къ папѣ, стать на оба колѣна и поцѣловать его ногу.—Послѣ онъ подалъ князю письменно, на италіянскомъ языкѣ, образецъ титула государева, какъ онъ будетъ написанъ въ отвѣтной папской граматѣ.

Князь сказалъ ему, что насчетъ титула онъ будетъ отвѣчать послѣ, когда переведутъ его на русскій языкъ; но что касается до объявленныхъ имъ при аудіенціи церемоній, то онъ рѣшительно отвѣчаетъ, что не можетъ ихъ исполнить. Католики покоряются сему обряду, сколько изъ уваженія къ папѣ, а еще болѣе изъ уваженія къ постановленію церкви; но онъ не католикъ, и пріѣхалъ въ Римъ не по частнымъ своимъ нуждамъ, а съ кредитивною отъ государя граматою; хотя же онъ и не имѣетъ посольскаго названія, но тѣмъ не менѣе обязанъ охранять достоинство своего государя.

Церемоніймейстеръ утверждалъ, что всѣ послы россійскихъ государей покорялись сему обряду, не только на приватныхъ, но и на публичныхъ аудіенціяхъ, и въ примѣръ приводилъ генерала Шереметева, который на публичной аудіенціи, при 8 кардиналахъ и 10 прелатахъ, исполнилъ все вышесказанное.

Князь отвѣчалъ, что примѣръ Шереметева не можетъ быть для него убѣдителенъ, потому что Шереметевъ имѣлъ только рекомендательную отъ государя грамату, а онъ имѣетъ кредитивную; что при отправленіи получилъ онъ выписку о бывшихъ прежде въ Римѣ посольствахъ, изъ которой видитъ, что никогда посланные россійскихъ государей, при входѣ къ папѣ, не покорялись такимъ унизительнымъ обрядамъ, и не повергались на колѣна; что самое сильное доказательство тому есть посольтство Менезіуса, который, бывъ самъ католикомъ, но оберегая достоинство царскаго посланнаго, не согласился исполнить сего; по окончаніи же аудіенціи онъ преклонилъ колѣна передъ папой, но уже какъ частный человѣкъ; что и онъ съ своей стороны то же сдѣлать соглашается; и заключилъ разговоръ свой съ церемоніймейстеромъ просьбою, чтобы кардиналъ назначилъ ему часъ для свиданія, дабы, переговоря съ нимъ лично, они могли удобнѣе кончить сіе дѣло.

На другой день въ 15 часу князь видѣлся съ кардиналомъ, который, выслушавъ причины, почему онъ не соглашается на пред-

ложенный ему церемоніалъ, отвѣчалъ, что въ установленномъ одинъ разъ церемоніалѣ перемѣнъ дѣлать не возможно; что онъ прикажетъ выправиться по журналамъ, какъ бывало при прежнихъ россійскихъ посольствахъ, и извѣститъ его о томъ, что окажется по справкамъ, но что должно уже будетъ непремѣнно выполнить то же и нынѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ кардиналъ прислалъ секретаря Меренду объявить, что точно всѣ послы россійскіе и генералъ Шереметевъ, при входѣ и передъ выходомъ, становились на колѣна и цѣловали папскую ногу; въ доказательство прислалъ и выписку объ аудіенціи Шереметева за подписью церемоніймейстера; слѣдовательно и нынѣ должно слѣдовать тому же обряду. — Князь повторилъ, что онъ на то не можетъ согласиться.

На другой день была у папы консисторія въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ. Князь за болѣзнію не поѣхалъ смотрѣть ее, но послалъ г. Веселовскаго, и поручилъ ему, увидясь съ Мерендою, поговорить объ окончаніи переговоровъ о церемоніалѣ; Веселовскій, возвратясь, объявилъ, что папа согласился на однократное цѣлованіе ноги и назначилъ аудіенцію 30 марта въ 16 часу.

Въ назначенный день князь ѣздилъ на аудіенцію. Онъ былъ съ шляпой и съ шпагой, но безъ перчатокъ, а Веселовскій безъ шляпы и безъ шпаги. Въ аудіенцъ-камеру ввелъ ихъ маистеръ ди камора; по сторонамъ князя шли по церемоніймейстеру. Папа сидѣлъ на креслахъ, стоявшихъ на возвышеніи объ одной только ступени, подъ балдахиномъ изъ краснаго бархата, имѣя на себѣ подризникъ бѣлый полотняный и сверху короткую по поясъ мантію вишневаго цвѣта, спереди всю застегнутую пуговицами, а на головѣ клобукъ такого же цвѣта, опушенный горностаемъ.

При входѣ, и потомъ на серединѣ горницы, князь становился на одно колѣно, а подойдя къ папѣ сталъ на оба и поцѣловалъ ногу; Веселовскій же долженъ былъ каждый разъ становиться на оба колѣна и кланяться до земли, и во все продолженіе аудіенціи стоя на колѣнахъ переводить говоренное.

По окончаніи сего обряда, князь взялъ отъ Веселовскаго государеву грамату обѣими руками и подалъ ее папѣ, кустодіею вверхъ, а подписью внизъ; папа принялъ ее обѣими руками и, оборотя под-

писью вверхъ, прижалъ ее къ себѣ, въ знакъ, что онъ принимаетъ ее.

При поданіи граматы, князь говорилъ рѣчь, въ которой отъ имени государя благодарилъ папу за его благосклонное расположеніе къ королю Августу и рѣчи посполитой польской, государевымъ союзникамъ противъ короля шведскаго, общаго врага какъ Польши, такъ и римскаго костела; но какъ нынѣ король Августъ непозволительнымъ образомъ отказался и отъ польскаго престола и отъ союза съ государемъ, то государь, видя, что вольности польской угрожаетъ явная погибель, проситъ святаго отца, чтобы онъ, продолжая къ рѣчи посполитой свое благоволеніе, поддержалъ ее, не признавая королемъ Станислава Лещинскаго, шведами силою на престолъ возведеннаго, но призналъ бы того королемъ, кого вся рѣчь посполитая, пользуясь свободно своими правами, изберетъ единомышленно. Въ заключеніе рѣчи князь говорилъ объ особенномъ уваженіи государя къ папѣ, вслѣдствіе чего онъ позволилъ свободное отправленіе католической вѣры и строеніе костеловъ римскихъ въ Москвѣ, также и свободный проѣздъ черезъ Россію миссіонерамъ, отправляющимся въ Китай и въ Персію.

Папа отвѣчалъ, что онъ благодаритъ государя за грамату, и желаетъ, чтобы дружелюбныя сношенія между ними продолжались и впередъ; что онъ всегда оказывалъ королю Августу любовь и всякое отъ него зависѣвшее вспоможеніе; но нынѣ онъ самъ отъ сего отказался своимъ отреченіемъ; что же касается до Станислава, то не смотря на то, что цесарь, король французскій и другіе признали его, онъ его не призналъ и впередъ не признаетъ, доколѣ вся рѣчь посполитая, пользуясь вполнѣ своими правами и вольностями, не утвердитъ его избранія, а нынѣшній его выборъ, силою шведовъ учиненный, онъ ни во что вмѣняетъ; но когда вся рѣчь посполитая, принужденная обстоятельствами, согласится признать его королемъ, тогда и онъ долженъ будетъ по необходимости послѣдовать ихъ примѣру, но подтверждаетъ, что онъ будетъ прилагать все попеченіе о сохраненіи вольности рѣчи посполитой. Папа заключилъ отвѣтъ свой благодареніемъ за позволеніе свободнаго отправленія католической вѣры и строенія костеловъ въ Москвѣ, также и за пропускъ миссіонеровъ черезъ Россію.

Выслушавъ отвѣтъ папскій, князь говорилъ ему, что государь, узнавъ изъ его донесенія о благосклонномъ пріемѣ послу своему, будетъ благодаренъ святому отцу; что государь въ нынѣшнюю войну защищаетъ не однѣ свои выгоды, но и выгоды католическаго закона, потому что король шведскій, какъ протекторъ лютеранскаго исповѣданія, есть всегдашній непріятель католической церкви, чему служитъ доказательствомъ прежняя война, въ продолженіе которой множество католическихъ костеловъ разорено, или обращено въ лютеранскіе храмы и ученіе лютерово было до чрезвычайности усилено, такъ что много требовалось времени для утушенія сего разлившагося пламени; что и наши церкви, въ Польшѣ находящіяся, также терпятъ притѣсненія и разоряются, и хотя по существующимъ трактатамъ, утверждающимъ свободу богослуженія нашимъ церквамъ, государь и имѣлъ бы право оборонять ихъ военною рукою отъ нарушенія трактатовъ, присоединеніемъ ихъ къ уніи, не только посредствомъ убѣжденія, но большею частію принужденіемъ и силою, но по доброму своему расположенію къ папѣ и римскому престолу, онъ оставилъ полную свободу всѣмъ, добровольно желающимъ присоединиться къ уніи. Нынѣ же государь проситъ папу только о томъ, чтобы онъ призналъ королемъ того, котораго рѣчь посполитая изберетъ на мѣсто Августа.

Папа сказалъ на сіе, что король шведскій есть первѣйшій непріятель римскаго престола, и что онъ для общихъ выгодъ желаетъ государю всякаго блага и благодаритъ за его милости къ уніи; что вновь избраннаго короля на мѣсто Августа онъ признаетъ по утвержденіи его на польскомъ престолѣ.

Симъ кончилась аудіенція. Выходя отъ папы, князь три раза преклонялъ колѣно, но не цѣловалъ уже ноги, а Веселовскій долженъ былъ исполнить все то же, что дѣлалъ и при входѣ.

Послѣ обѣда князь ѣздилъ къ кардиналу Паулуччи для предложеній о дѣлѣ, и имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Князь: Государь, желая охранить права и вольности рѣчи посполитой польской, прислалъ его къ святому отцу благодарить его за всѣ милости, оказанныя союзнику его впродолженіе сей вой-

ны, и просить, чтобы онъ не признавалъ королемъ Станислава, шведами силою на престолъ возведеннаго.

Кардиналъ: Папа доселѣ не призналъ и впередъ не признаетъ Станислава королемъ, развѣ вся рѣчь посполитая принуждена будетъ признать его, тогда уже и папа долженъ будетъ послѣдовать ея примѣру.

Князь: Государь, какъ союзникъ польскаго королевства, старается о сохраненіи правъ его; и какъ на нынѣшнемъ сеймѣ въ Неопали приступятъ къ избранію новаго короля, то государь и проситъ папу признать королемъ того, который избранъ будетъ.

Кардиналъ: Папа готовъ признать королемъ того, котораго изберетъ вся рѣчь посполитая съ общаго согласія, то есть, ежели на сей выборъ будутъ согласны и тѣ, которые признали уже Станислава: иначе нельзя будетъ назвать избраніемъ всей рѣчи посполитой. Въ прежнія времена рѣчь посполитая, готовясь къ избранію короля, относилась прежде къ святѣйшему отцу, также къ императору и къ другимъ князьямъ, съ извѣщеніемъ о намѣреніи своемъ избрать въ короли того-то, и ожидала на то ихъ согласія, получа которое приступала уже къ дѣйствительному избранію; нынѣ же святѣйшій отецъ, оберегатель ихъ правъ и вольностей, не имѣетъ никакого извѣстія о семъ избраніи, хотя сіе необходимо нужно, дабы непріятели не могли назвать сего избранія ничтожнымъ. Къ тому же нѣтъ сомнѣнія, что избраннаго нынѣ противника Станиславу шведскій король, какъ покровитель послѣдняго, будетъ преслѣдовать всѣми силами, и можетъ случиться, что вся Польша найдется принужденною покориться Станиславу; а потому папскій дворъ долженъ быть очень остороженъ въ семъ случаѣ, и не прежде рѣшиться на признаніе короля, какъ тогда уже, когда дѣйствительно общее согласіе всей рѣчи посполитой утвердитъ его на престолѣ.

Князь: Нынѣ заключеннымъ трактатомъ съ рѣчью посполитой государь обязался защищать ее отъ непріятелей впродолженіе всей войны и не мириться съ ними отдѣльно отъ Польши, а потому и надѣюсь, что государь съ Божіею помощію до того не допуститъ; но для большаго утвержденія рѣчи посполитой въ намѣреніи сопротивляться королю шведскому, государь желалъ бы, что-

бы святый отецъ отправилъ къ ней грамату, въ которой объявилъ бы, что онъ согласно съ государемъ не признаетъ королемъ Станислава, и тѣмъ ободрилъ бы ихъ приступить скорѣе къ избранію новаго короля, что̀ полезно будетъ не только выгодамъ государевымъ, но и выгодамъ католической церкви въ Польшѣ и самого римскаго престола: ибо если допустить шведовъ до утвержденія Станислава на польскомъ престолѣ, вопреки волѣ и благословѣнію святаго отца, то это послужитъ не только къ униженію папской власти, но можетъ имѣть послѣдствіемъ и совершенное истребленіе католической вѣры въ Польшѣ.—Князь кончилъ конференцію просьбою донести о разговорѣ ихъ папѣ и извѣстить его о папскомъ отвѣтѣ.

20 апрѣля была конференція съ кардиналомъ, по поводу присланнаго къ папѣ отъ рѣчи посполитой письма, за подписью примаса Шомбека и маршала конфедераціи, которымъ просятъ папу не признавать королемъ польскимъ никого, доколѣ не будетъ избранъ король всей рѣчью посполитой, на основаніи всѣхъ правъ своихъ и вольностей. Отвѣтъ на сіе письмо сдѣланъ былъ черезъ нунція, а прямо къ писавшимъ отвѣчать не хотѣли; но князь убѣдительно просилъ написать отвѣтъ къ писавшимъ и ко всей рѣчи посполитой. Черезъ недѣлю кардиналъ извѣстилъ князя, что папа согласился исполнить его просьбу и отвѣтъ будетъ посланъ по его желанію.

25 апрѣля кардиналъ присылалъ къ князю секретаря Меренду съ убѣжденіемъ просить государя о возвращеніи свободы взятому подъ арестъ архіепископу львовскому, или объ отданіи его папскому нунцію, увѣряя, что онъ за вину свою будетъ наказанъ а 1 мая присылалъ съ нимъ же показать авизію (avis), полученную отъ нунція, въ которой онъ пишетъ о разореніи конвента іезуитскаго близъ Данцига, и что кромѣ сего многія церкви обираютъ, грабятъ и разоряютъ и всякое дѣлаютъ безчиніе, и проситъ, чтобы князь донесъ о семъ государю.

24 мая князь въ конференціи съ кардиналомъ объяснилъ ему, что арестъ архіепископа львовскаго папа не долженъ принимать за оскорбленіе, потому что онъ арестованъ не яко духовная особа, но яко сенаторъ, имѣющій въ собраніяхъ польскихъ голосъ,

который, отдѣлясь отъ рѣчи посполитой, присталъ къ непріятелю и дѣлалъ государю много непріятностей; что нынѣ онъ содержится подъ почетнымъ арестомъ для того, чтобы не допустить его въ собраніе для избранія короля, зная, что онъ будетъ дѣлать всевозможныя помѣшательства; что слухи о худомъ ему содержаніи ложны и разсѣваются государевыми недоброжелателями въ намѣреніи возродить вражду между нимъ и папою; что не только знатные чиновники, но и всѣ нижніе чины содержатся во всякомъ довольствіи и съ должнымъ уваженіемъ; что впрочемъ онъ писалъ уже къ государю объ освобожденіи архіепископа.

8 іюня получилъ князь изъ Россіи отъ канцлера графа Головкина письмо отъ 29 апрѣля, который писалъ по государеву повелѣнію, чтобы онъ довелъ до свѣдѣнія папы черезъ его министровъ, или посредствомъ меморіала, что архіепископъ львовскій, короновавшій Станислава Лещинскаго, не только безъ благословенія папы, но и вопреки его волѣ, и симъ дерзкимъ поступкомъ толико бѣдъ королевству польскому причинившій, нынѣ войсками государевыми, преслѣдующими непріятелей рѣчи посполитой, союзницы государевой, взятъ съ прочими въ плѣнъ, и по праву войны задержанъ государемъ; что государь, зная, что духовная особа подлежитъ единому суду папскому, охотно отослалъ бы его къ папѣ, если бы не былъ удержанъ двумя причинами: первая—ненадежность путей, потому что непріятель занялъ всѣ имперскія земли, черезъ которыя должно ѣхать; вторая — опасеніе, что онъ останется не наказанъ и будетъ скоро отпущенъ обратно въ Польшу, какъ то случилось съ духовными, отправленными къ папѣ королемъ Августомъ, изъ которыхъ одинъ уже возвратился и дерзаетъ нынѣ на злодѣянія, горшія прежнихъ; но чтобы онъ увѣрилъ папу именемъ государевымъ, что государь не отречется представить его на судъ къ папѣ, коль скоро опасность путей прекратится и папа успокоитъ государя насчетъ втораго сомнѣнія; что впрочемъ епископъ содержится прилично его чину.

По сему письму князь объяснялся съ кардиналомъ и получилъ въ отвѣтъ, что если архіепископъ будетъ присланъ къ папѣ, то безъ наказанія не останется; что онъ будетъ заключенъ въ замокъ св. Ангела и не будетъ выпущенъ оттуда до возстановленія мира,

или по крайней мѣрѣ до совершеннаго прекращенія возникшихъ въ Польшѣ замѣшательствъ.

10 іюня былъ у папы на аудіенціи архіепископъ Люкки и просилъ его, чтобы призналъ Станислава королемъ; но папа отказалъ ему въ томъ съ великимъ гнѣвомъ и прибавилъ, что рѣчь посполитая имѣетъ добраго протектора въ царѣ московскомъ, который желаетъ сохранить всѣ ихъ права и вольности. Узнавъ о семъ, князь ѣздилъ къ папскому племяннику и къ кардиналу Паулуччи просить ихъ, чтобы они убѣждали папу не слушать государевыхъ непріятелей и продолжать къ нему свое доброе расположеніе.

12 іюня получено княземъ еще письмо отъ канцлера графа Головкина, изъ подъ Люблина отъ 18 мая, которымъ предписывается ему домогаться, чтобы папа все, словесно князю говоренное въ отвѣтъ на его предложенія, написалъ въ отвѣтной своей грамматѣ къ государю; что титуломъ, со стороны папской предложеннымъ, государь доволенъ, но желаетъ, чтобы впродолженіе граматы называли его „величествомъ“, и чтобы онъ, получа таковую отъ папы грамату, ѣхалъ обратно въ Россію. Если же папа не будетъ соглашаться написать въ граматѣ словеснаго своего отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ государевой граматѣ къ папѣ о томъ ничего не писано, то на такой случай посылается ему новая грамата къ папѣ; но прежде поданія оной долженъ онъ развѣдать, согласится ли папа отвѣчать на письмѣ то же, что на словахъ отвѣчалъ, и будетъ ли въ граматѣ своей называть государя „величествомъ“? Если нѣтъ, то и вновь присланную грамату подавать запрещается, но предписывается говорить министрамъ, что таковымъ отказомъ они могутъ разстроить дружелюбныя сношенія государя съ папою, и убѣждать ихъ, чтобы по крайней мѣрѣ хоть они дали подобный отвѣтъ на письмѣ: въ семъ случаѣ князь можетъ подать отъ себя письменный меморіалъ, и послѣ сего, хотя бы и безъ папской граматы, ѣхать ему въ Россію; если же будутъ давать грамату отъ папы, то напередъ долженъ онъ увѣриться непремѣнно, называютъ ли въ ней государя „величествомъ“, безъ чего и граматы не принимать.

Титулъ государевъ, который папа хотѣлъ писать въ своей граматѣ, былъ слѣдующій: „Вседержавнѣйшему, великому государю,

Петру Алексѣевичу, царю и великому князю, великія и малыя и бѣлыя Россіи, и великихъ государствъ восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичу и дѣдичу, наслѣднику, послѣдственнику, самодержцу, государю и обладателю".

Вновь присланная отъ государя къ папѣ грамата начиналась папскимъ титуломъ: „Божіею милостію, Клименту XI, государю, папѣ вседостойнѣйшему, и верховнѣйшему архіерею римскаго престола". Содержаніе же ея было слѣдующее: государь уповаетъ, что изъ донесеній отправленнаго къ папѣ съ вѣрющею граматою государева комнатнаго и отъ гвардіи подполковника князя Куракина извѣстно уже его престолу государево желаніе, чтобы онъ, видя явную гибель польской вольности, не признавалъ королемъ Станислава, шведами не по правамъ королевства, но силою на престолъ возведеннаго, а призналъ бы того, котораго изберетъ рѣчь посполитая, пользуясь вполнѣ правами его и вольностію; нынѣ же, повторяя то желаніе письменно, убѣдительно проситъ его о благоволительномъ того исполненіи и о немедленномъ отпускѣ князя Куракина къ государю съ такимъ письменнымъ отвѣтомъ, изъ котораго могъ бы государь удостовѣриться въ его благосклонности, за что онъ будетъ стараться воздать ему взаимно всякими удобовозможными благоугожденіями по его желанію. Дано въ главномъ станѣ при Люблинѣ, лѣта отъ Р.Х. 1707, мая 10 дня.—Подписано: „вашего папежскаго престола склонный пріятель Петръ"; внизу: „Петръ Шафировъ".

Замѣчательно въ сей граматѣ употребленіе словъ: *вашъ престолъ*, *вашъ папежскій престолъ*, вмѣсто: *ваше святѣйшество*.

По сему предписанію князь видѣлся съ кардиналомъ 14 іюня, и сообщилъ ему государево желаніе, а на другой день черезъ Меренду получилъ отвѣтъ: что на письмѣ отвѣчать не возможно и не въ обыкновеніи у нихъ; что государь въ своей вѣрющей граматѣ сказалъ только, что онъ уполномочилъ князя сдѣлать предложеніе, а папа съ своей стороны, выслушавъ оное, отвѣчалъ также на словахъ уполномоченному, для донесенія своему государю; что папа получалъ много просительныхъ писемъ о признаніи Станислава королемъ, какъ отъ него, такъ и отъ французскаго короля; но онъ

сего не сдѣлалъ и не сдѣлаетъ; французскому королю папа отвѣчалъ также, какъ и государю, что онъ не признаетъ его королемъ, доколѣ онъ не будетъ признанъ отъ всей рѣчи посполитой, а Станиславу отъ папы никакого отвѣта не было.

Но если, сказалъ князь, государь пришлетъ къ папѣ грамату, въ которой предложено будетъ о семъ дѣлѣ, тогда папа будетъ ли отвѣчать государю письменно то же, что̀ говорилъ словесно его уполномоченному? и притомъ папа въ граматѣ своей къ государю будетъ ли называть его *величествомъ?* а безъ сего слова никакая грамата отъ папы принята не будетъ, и всѣ сношенія прекратятся.

Меренда, выслушавъ сіе, отвѣчалъ: мы знаемъ, что вамъ хочется получить письменный отвѣтъ для того, чтобы его напечатать и обнародовать, но это не дѣльно, и такое оглашеніе переговоровъ, между министрами происходившихъ, будетъ оскорбительно для нашего двора.

Князь просилъ его успокоить кардинала насчетъ сего опасенія и увѣрить, что государь желаетъ письменнаго отвѣта не для того, чтобы его печатать; что если бы государь захотѣлъ огласитъ отвѣтъ папскій посредствомъ печати, то могъ бы сдѣлать это и съ словеснымъ отвѣтомъ, учиненымъ его уполномоченному, и заключилъ тѣмъ, что онъ будетъ ожидать еще отъ кардинала отвѣта.

Сей отвѣтъ полученъ 19 іюня вечеромъ также черезъ Меренду и также отрицательный. Онъ состоялъ въ томъ: что папа не можетъ написать того, что̀ на словахъ сказано уполномоченному государеву, но повторяетъ увѣреніе, что на дѣлѣ выполнитъ обѣщанное, и сколько для охраненія правъ рѣчи посполитой, столько и для угожденія государю, онъ не признаетъ королемъ Станислава, доколѣ онъ не будетъ признанъ согласно всею рѣчью посполитою;—что письменный отвѣтъ, сдѣлавшись извѣстнымъ, произведетъ большое озлобленіе противъ папы: слѣдствіемъ чего можетъ быть развратъ церковный и неповиновеніе папѣ, потому что и нынѣ, за одно только медленіе признать королемъ Станислава, грозятъ уже его приверженцы не признавать папскаго нунція, что̀ будетъ немалымъ оскорбленіемъ св. отцу;—что по сему дѣлу письменно папа никому не отвѣчалъ и отвѣчать не будетъ, хотя неоднократно получалъ

просьбы о признаніи королемъ и отъ Станислава и отъ короля французскаго, но первому онъ ничего не отвѣчалъ, а послѣднему отвѣчалъ словесно, черезъ его министровъ, кардинала Тремуллія и аббата Полиньяка, то же, что и государю;—что римскій дворъ отличенъ отъ прочихъ тѣмъ, что всѣ дѣла при немъ исправляются на словахъ, а не на письмѣ, и зачѣмъ желать письменнаго отвѣта? Государь прислалъ князя, какъ довѣренную особу, сдѣлать предложеніе папѣ; а папа, также довѣряя ему, отвѣчалъ черезъ него государю. Дѣла лучше письма доказываютъ надежность отвѣта: папа сказалъ, что не признаетъ королемъ Станислава, и доселѣ не призналъ его и впередъ не признаетъ, если онъ не будетъ признанъ всею рѣчью посполитою; но когда сіе случится, тогда и письменный отвѣтъ не поможетъ. Папа долженъ будетъ признать его: слѣдовательно папа имѣетъ всѣ причины подозрѣвать, что письменнаго отвѣта для того только и домогаются, чтобы напечатать и огласить его; но переговоры, въ тайнѣ производимые, оглашать не позволяется, и такой поступокъ будетъ для папы весьма оскорбителенъ. Въ примѣръ осторожности папскаго двора въ подобныхъ случаяхъ указывалъ онъ, что во время войны о гишпанскомъ наслѣдствѣ ни цесарскому двору ни французскому, во все продолженіе войны, никогда никакого отвѣта не было сдѣлано, и даже никогда не упомянули именъ ни Карла ни Филиппа, и сіе продолжалось до самаго конца войны, дабы не подать ни которой сторонѣ повода къ враждѣ; переговоры же всѣ производились на словахъ съ министрами тѣхъ дворовъ, въ Римѣ пребывающими.—Отвѣтъ заключенъ былъ повтореніемъ, что невозможно папѣ отвѣчать государю письменно по его желанію, и увѣреніемъ, что папа не признаетъ королемъ Станислава, доколѣ онъ не будетъ признанъ всею рѣчью посполитою, или большею половиною оной, или по какому-нибудь насильственному военному случаю; но тогда папа предваритъ о томъ государя, дабы сохранить доброе согласіе и дружелюбныя съ нимъ сношенія.

30 іюня князь былъ у кардинала съ предложеніемъ, чтобы дали ему письменный отвѣтъ хотя министерскимъ меморіаломъ, когда уже папа не соглашается отвѣчать государю своею граматою. Кардиналъ обѣщалъ донести о семъ папѣ и сообщить ему отвѣтъ.

4 іюля посланъ былъ Веселовскій къ кардиналу напомнить объ отвѣтѣ и сказать, что, получа его, князь немедленно отправится въ Москву.—Кардиналъ потребовалъ, чтобы дали ему на письмѣ, въ чемъ долженъ состоять сей отвѣтъ, и тогда хотѣлъ сказать, можно ли ему будетъ написать его, или нѣтъ.

5 іюля князь ѣздилъ самъ къ кардиналу и подалъ ему письменный проектъ отвѣта, имъ желаемаго, прибавя, что онъ проситъ сего не для государя, но собственно уже для себя, какъ свидѣтельство сдѣланнаго ему на его предложеніе отвѣта; что онъ не отдастъ его и въ канцелярію; послѣ того объявилъ ему, что онъ получилъ указъ о возвращеніи въ Москву.—Кардиналъ обѣщалъ не замедлить отвѣтомъ на его предложеніе, также и отпускомъ его.

Изъ числа противниковъ своихъ при дворѣ римскомъ, по дѣлу ему порученному, князь называетъ кардинала Юдичи горшимъ изъ всѣхъ; прочіе же были: королева польская; кардиналъ де ла Тремулль, аудиторъ римскаго суда (di rotta); аббатъ Полиньякъ, бывшій посломъ въ Польшѣ и много зла дѣлавшій Августу, а нынѣ находящійся въ Римѣ агентомъ короля французскаго; и бискупы познанскій и луцкій.

Кардиналъ Юдичи двукратно на аудіенціяхъ у папы: въ первый разъ сначала пріѣзда князя въ Римъ утверждалъ, что онъ присланъ для обмановъ, что онъ не природный россіянинъ, а французъ, или піемонтецъ, *филу*, что его нѣкогда, давно уже, видали въ Піемонтѣ, что не должно вѣрить рѣчамъ его и оказывать ему упованія, что по окончаніи войны россійскій дворъ не сохранитъ ни малѣйшаго дружелюбія къ римскому и прерветъ всѣ съ нимъ сношенія; въ другой разъ передъ отъѣздомъ его, прося папу о признаніи королемъ Станислава, говорилъ, чтобы рѣчамъ князя не вѣрить и не слушать ихъ, что напрасно принимаютъ его съ такимъ уваженіемъ, что въ Россіи одинъ только князь, государь, а прочіе всѣ его подданные простое шляхетство, что князь пріѣхалъ въ Римъ безъ денегъ, въ самомъ убожествѣ, и еще много поноснаго, сему подобнаго. Но кардиналъ Паулуччи, заступаясь за князя, говорилъ, что его фамилія происходитъ отъ Корибутовъ, королевской крови, что богатства имѣетъ при себѣ на полмилліона,

и ежели бы захотѣлъ имъ величаться, то было бы чѣмъ блеснуть, и подобными рѣчами всѣ его прошенія и наговоры уничтожилъ.

7 іюля посланъ былъ Веселовскій къ кардиналу просить его о скорѣйшемъ отпускѣ, и возвратился съ отвѣтомъ, что скоро будетъ отпущенъ. Но 8 числа князь получилъ отъ канцлера графа Головкина извѣщеніе, что государь приказалъ ему остаться въ Римѣ впредь до указа; вслѣдствіе сего князь ѣздилъ на другой день къ кардиналу для объявленія о семъ и для испрошенія у папы аудіенціи, для которой и назначено 13 число.

10-го кардиналъ прислалъ съ Мерендою къ князю за своей печатью записку изъ папской канцеляріи, въ которой объявляется отвѣтъ, сдѣланный ему папой во время аудіенціи. Она писана на италіянскомъ языкѣ; послѣ перевода на русскій, разсмотрѣвъ ее и прибавя, или убавя въ ней иное, князь возвратилъ ее въ тотъ же день кардиналу съ Веселовскимъ, и просилъ переправить ее по сдѣланнымъ замѣчаніямъ и написать на латинскомъ языкѣ, также не печатать ее въ конвертъ, а приложить печать къ самой той бумагѣ, на которой будетъ написана.

13 іюля по утру наконецъ получена отъ кардинала столь желанная бумага, содержащая отвѣтъ папскій; она писана, какъ и прежняя, на италіянскомъ же языкѣ, но къ ней приложенъ былъ латинскій переводъ.

Въ тотъ же день, въ 14 часовъ, князь былъ на аудіенціи у папы, въ штофномъ, лѣтней матеріи съ серебромъ, кафтанѣ и въ большомъ парикѣ, называемомъ *каре*.

Войдя въ аудіенцъ-залу съ шпагой и шляпой, князь преклонялъ колѣно также, какъ на первой аудіенціи, а когда поцѣловалъ ногу, то поднятъ былъ самимъ папой и спрошенъ: каково онъ здѣсь живетъ?—Сказавъ отвѣтъ на сіе, князь говорилъ, что, получа отъ двора предписаніе, пришелъ донести св. отцу, что государь весьма доволенъ его пріязнію и его рѣшительностью не признавать королемъ Станислава Лещинскаго, и проситъ о продолженіи сего не столько для своей пользы, сколько для сохраненія вольности рѣчи посполитой польской.

Папа: Онъ всегда останется при томъ же мнѣніи, которое объявлено князю въ письменномъ отвѣтѣ кардинала Паулуччи; что

хотя онъ и видитъ, что прочіе государи, вообще мало между собою согласные, а въ семъ случаѣ всѣ единодушно признали его королемъ, но онъ сему примѣру не слѣдуетъ и желаетъ возстановленія въ Польшѣ тишины и покоя; только опасается продолженія кровопролитія и вреда св. католической церкви, и если по долгомъ времени онъ узнаетъ отъ своего нунція, что кровопролитіе усиливается и Польша подвергается паче и паче большему разоренію, тогда по неволѣ онъ долженъ будетъ рѣшиться признать его королемъ для прекращенія всѣхъ замѣшательствъ; но, по любви его къ государю, онъ не рѣшится на сіе безъ причинъ, необходимо къ тому нудящихъ. — Потомъ спросилъ князя: имѣетъ ли онъ извѣстія о началѣ мирныхъ переговоровъ?

Князь: Отъ двора не имѣетъ, а слышитъ здѣсь, будто начались; но ежели и справедливы сіи слухи, то онъ сомнѣвается, чтобы могли окончиться возстановленіемъ мира, потому что встрѣтятся великія затрудненія по поводу Станислава, котораго государь никогда не согласится оставить королемъ въ Польшѣ.

Папа: Весьма сожалѣетъ, что слышитъ только стороною о началѣ переговоровъ; онъ знаетъ напередъ, что, для возстановленія мира, государь рѣшится признать королемъ Станислава, и тогда онъ, не бывъ о семъ предувѣдомленъ во время, останется одинъ запутаннымъ въ сей непріятной для него ссорѣ; онъ желалъ бы, чтобы государь, за удовольствіе, которое онъ ему дѣлаетъ, заплатилъ ему тѣмъ же и предупредилъ бы его о семъ прежде заключенія мира, дабы и онъ могъ во время взять свои мѣры.

Князь: Государь никогда того не сдѣлаетъ, чтобы заключить миръ, не только не предупредя о томъ папу, но и не испросивъ его совѣта къ лучшему охраненію правъ рѣчи посполитой.

Папа: Мало ему будетъ удовольствія узнать о мирѣ тогда уже, когда весь свѣтъ будетъ о томъ вѣдать.—Послѣ сего спросилъ, извѣстно ли уже князю, какое удовлетвореніе будетъ ему сдѣлано по просьбѣ его объ архіепископѣ львовскомъ?

Князь: Получивъ отъ кардинала увѣреніе, что онъ не останется ненаказаннымъ и будетъ заключенъ въ замокъ св. Ангела,

онъ писалъ о томъ къ государю, и ожидаетъ отвѣта черезъ три-четыре недѣли.

Папа: При первой аудіенціи князь объявилъ, что государь позволилъ свободное отправленіе католической вѣры и строеніе костеловъ въ Россіи, также разрѣшилъ свободный проѣздъ черезъ государство свое миссіонерамъ, отправляющимся въ Китай и въ Персію: нужно было бы имѣть здѣсь государеву на сіе грамату, за его подписаніемъ, дабы каждый могъ быть въ томъ увѣренъ и съ надежностію ѣхать въ Россію.

Князь: Можетъ быть, сіе уже и выполнено, потому что іезуитъ Илія, готовясь въ сей путь, говорилъ съ нимъ о томъ послѣ первой его аудіенціи, и онъ тогда же донесъ о семъ государю.

Послѣ сего папа говорилъ съ княземъ о жизни въ Римѣ, и отпуская его прибавилъ, что если здѣшніе великіе жары для него вредны, то онъ предлагаетъ ему комнаты во дворцѣ своемъ, гдѣ ему будетъ гораздо покойнѣе, и все нужное будетъ доставляемо изъ папскаго дома.

Такое привѣтствіе отъ папы было особенно лестно для князя, потому что во дворцѣ не отводятъ покоевъ никому, кромѣ королей и папскихъ родственниковъ.

Выйдя отъ папы, князь заходилъ къ кардиналу поблагодарить его за доставленіе письменнаго отвѣта; хотѣлъ также зайти и къ внуку папскому, ему всегда благопріятствовавшему, но его не было дома.

Въ тотъ же день получены въ Римѣ извѣстія, что генералъ Левенгауптъ былъ совершенно разбитъ и будто самъ убитъ; также, что миръ между Россіей и Швеціей будто уже заключенъ.

17 іюля получено княземъ извѣстіе, что генералъ Боуръ взялъ на капитуляцію городъ Быховъ и въ немъ генерала Синицкаго съ 3,000 человѣкъ регулярнаго войска. На другой день посылалъ онъ Веселовскаго сообщить о семъ кардиналу, также и о томъ, что слухи о мирѣ несправедливы; что государь и рѣчь посполитая нимало не расположены признать королемъ Станислава, но надѣются, что въ іюнѣ сеймъ кончится и будетъ избранъ новый король на мѣсто отрекшагося Августа.

20 іюля доставлены князю секретныя извѣстія, что папа

объявилъ французскимъ министрамъ, что онъ въ удовольствіе Франціи не уважитъ прошенія цесаря о перемѣнѣ кардинала Паулуччи, но оставитъ его попрежнему министромъ; что сверхъ того обѣщалъ онъ имъ признать Станислава королемъ, но съ тѣмъ только, чтобы шведскій король объявилъ войну цесарю, и будто уже писано къ нунцію, чтобы онъ ѣхалъ къ Станиславу и призналъ его королемъ.—Князь донесъ о семъ двору для свѣдѣнія.

28 іюля князь получилъ отъ Улисса извѣщеніе, что нунцій, по указу папскому, писалъ къ примасу бискупу куявскому и вицеканцлеру, чтобы они признали королемъ Станислава; но примасъ отвѣчалъ, что онъ по многимъ причинамъ сего не можетъ сдѣлать, а паче потому, что союзъ Станислава съ королемъ шведскимъ основанъ на разрушеніи католической вѣры; что симъ союзомъ обѣщана лютеранамъ полная свобода въ отправленіи вѣры ихъ по всей Польшѣ и позволеніе обратить римскіе костелы въ лютеранскія кирки, на поруганіе святой вѣры.

9 августа кардиналъ присылалъ Меренду благодарить князя отъ имени папы за любовь, ему государемъ оказанную въ отвѣтѣ, который сдѣланъ имъ примасу и всей рѣчи посполитой, на счетъ архіепископа львовскаго. Они просили государя, чтобы онъ отпустилъ его на люблинскій конгрессъ; государь отъ 6 іюля отвѣчалъ имъ, что онъ не можетъ дать имъ просимой резолюціи объ архіепископѣ львовскомъ, потому что о дѣлѣ его писано къ папѣ и оно отдано на судъ ему: слѣдовательно должно ожидать его рѣшенія, съ которымъ государь обѣщаетъ сообразоваться. Сей отвѣтъ доставленъ къ папѣ его нунціемъ, и папа, весьма признательный за таковый отзывъ, проситъ князя донести государю о его благодарности, а съ тѣмъ вмѣстѣ благодаритъ и князя, какъ такую особу, посредствомъ которой поддерживается государево къ нему благорасположеніе. Кардиналъ прибавилъ къ сему увѣреніе, что папа остается твердъ въ своемъ намѣреніи не признавать королемъ Станислава.—Князь донесъ о семъ государю 10 августа.

23 августа получено въ Римѣ, а 24 показано князю, извѣстіе о львовскомъ архіепископѣ, что онъ содержится въ Кіевѣ за крѣпкимъ карауломъ, подъ надзоромъ князя Голицына; что никого изъ постороннихъ къ нему не допускаютъ; что видѣли на пло-

щади его прислужниковъ скованныхъ, которые сказывали, что его содержатъ весьма дурно; что онъ будто не только постели, но и рубахи не имѣетъ; что кормовыхъ денегъ даютъ ему только по 10 к. на день; что получено приказаніе везти его въ Москву и отдать подъ надзоръ патріаршаго намѣстника Зотова. Въ тѣхъ же письмахъ говорятъ, что государевы приказанія насчетъ его содержанія весьма благосклонны, а жестокость вся происходитъ лично отъ князя Голицына.—Кардиналъ просилъ довести о семъ до свѣдѣнія государя.

30 августа кардиналъ въ конференціи съ княземъ говорилъ ему, чтобы львовскаго архіепископа не отправлять въ Москву; что хотя на словахъ и объявлено папѣ, что онъ будетъ преданъ его суду, и потомъ въ письменномъ отвѣтѣ къ рѣчи посполитой сказано, что безъ воли папы ничего съ нимъ не сдѣлаютъ, но папа будетъ имѣть всѣ причины сомнѣваться, что все сіе говорено только для того, дабы польстить папѣ, а на дѣлѣ ничего исполнить не намѣрены, если его отправятъ еще далѣе въ Москву. — Кардиналъ сказывалъ, что нунцій пишетъ и о мирѣ, что трактуютъ о немъ черезъ французскаго министра, при королѣ шведскомъ находящагося, и черезъ короннаго гетмана Синявскаго, или, лучше сказать, черезъ жену его, но что предложенныя королемъ условія столь тяжелы, что сомнѣваются въ успѣхѣ переговоровъ.

31 августа князь получилъ отъ Меренды письмо, въ которомъ пишетъ, что по приказанію папы посылаетъ къ нему списокъ съ полученнаго отъ нунція донесенія о львовскомъ архіепископѣ, и убѣдительнѣйше проситъ его писать къ двору своему объ обѣщанномъ отправленіи сего прелата къ папѣ, который весьма тѣмъ оскорбляется, что не только не исполнено доселѣ обѣщаніе, но и содержатъ прелата съ жестокостію, неприличною его чину, объявляя притомъ, что ежели прелатъ сей не будетъ вскорѣ возвращенъ папской власти, то папа, видя столь малое уваженіе къ его прошенію, перемѣнитъ и свои отношенія къ россійскому двору и перестанетъ въ угодность ему противиться признанію королемъ воеводы познанскаго; сего ради еще разъ убѣждаетъ князя стараться объ удовлетвореніи папы въ такомъ справедливомъ и ему уже обѣщанномъ дѣлѣ.

Донесеніе нунція отъ 22 августа состояло въ томъ, что извѣстіе о перевезеніи львовскаго архіепископа въ Москву подтверждается; что тамъ ожидаетъ его трактаментъ еще жесточайшій кіевскаго, хотя и здѣсь ѣздившій навѣстить его каноникъ соборной церкви нашелъ его спящимъ на голыхъ доскахъ и получающимъ 12 к. въ день на все продовольствіе съ двумя служителями, изъ которыхъ одинъ былъ скованъ: вотъ какую выгоду доставило ему папское заступленіе!

Князь отвѣчалъ, что онъ будетъ писать о томъ ко двору и надѣется получить къ ноябрю отвѣтъ.

19 сентября князь въ конференціи съ кардиналомъ говорилъ ему объ архіепископѣ львовскомъ, что онъ содержится со всякою честію и удовольствіемъ; что онъ и донынѣ въ Кіевѣ, а въ Москву отправленъ не будетъ; что государь ничего не предприметъ противъ него безъ воли папы; но что касается до отправленія его къ папѣ, то сего доселѣ невозможно было сдѣлать, потому что всѣ пути заняты непріятелемъ; коль же скоро проѣздъ сдѣлается свободнымъ, то и сіе обѣщаніе государево будетъ непремѣнно выполнено; государь надѣется, однако же, что онъ не будетъ скоро освобожденъ папою, по примѣру присланныхъ отъ Августа епископовъ, варминскаго и познанскаго.

Кардиналъ отвѣчалъ, что папа очень благодаренъ государю за хорошее содержаніе архіепископа; но государь напрасно опасается, чтобы его вскорѣ и безъ наказанія освободили, подобно епископамъ варминскому и познанскому: между винами ихъ великая разница. Король Августъ обвинялъ епископа познанскаго въ томъ, что онъ былъ всегда ему противникомъ; но онъ, какъ сенаторъ польскій, имѣлъ неоспоримое право при избраніи короля подать голосъ въ пользу того, кого онъ хотѣлъ; онъ никогда не соглашался на избраніе Августа, и потому не признавалъ его королемъ: въ томъ только и состояла его противность, а болѣе ни въ чемъ не обвинялъ его и Августъ. Варминскій же епископъ, признавшій Августа королемъ, присланъ былъ сюда, обвиняемый въ непозволительной перепискѣ съ бранденбургскимъ курфирстомъ, но никакого доказательства на то не было; представленныя письма не могли уличить его, потому что были писаны шифрами, которыхъ

никто не умѣлъ прочитать, и невозможно было доказать, что писаны были его рукою. Они оба были судимы здѣсь, и оправдались; но не смотря на то познанскій епископъ содержался съ полгода въ замкѣ св. Ангела, единственно изъ уваженія къ пользамъ короля Августа, а освобожденъ тогда уже, когда министръ Августа объявилъ о мирѣ его съ шведскимъ королемъ; послѣ сего не было уже никакой причины продолжать его заключеніе, тѣмъ болѣе, что папа по всей справедливости былъ весьма недоволенъ поступкомъ Августа, который, забывъ благоволеніе къ себѣ папское, заключилъ миръ, не сказавъ ему о томъ ни слова. Но вины львовскаго архіепископа совсѣмъ другаго рода: 1) онъ призналъ королемъ Августа, и потомъ по какому-то на него неудовольствію присталъ къ противной сторонѣ; 2) вопреки запрещенню папскому, короновалъ Станислава: слѣдовательно онъ виноватъ не только въ отношеніи къ рѣчи посполитой, но и въ ослушаніи св. римскому престолу, и будетъ наказанъ безъ сомнѣнія.

Послѣ сего князь говорилъ о граматѣ, которую папа желалъ получить за подписью государя для удостовѣренія всѣхъ, что позволено свободное отправленіе католической вѣры и строеніе римскихъ костеловъ во всей Россіи, также разрѣшенъ свободный проѣздъ черезъ Россію миссіонерамъ, отправляющимся въ Китай и въ Персію, что такая всеобщая грамата нынѣ вскорѣ дана быть не можетъ, но частная дана уже была въ Гроднѣ іезуиту, духовнику короля польскаго; и нынѣ если бы кто изъ духовныхъ захотѣлъ основать костелъ въ Москвѣ, или въ другомъ россійскомъ городѣ, то вѣрно получитъ и позволеніе и грамату за государевою подписью. Государь не отречется дать и всеобщую грамату, но по окончаніи войны, смотря по тому, какъ продолжится папское къ нему благорасположеніе.—Въ заключеніе конференціи князь объявилъ, что онъ получилъ повелѣніе возвратиться въ Россію, и просилъ объ отпускѣ. — Кардиналъ отвѣчалъ, что о всемъ донесетъ папѣ.

21 сентября присланъ былъ Меренда сказать отъ кардинала князю, что папа, услыша отвѣты его объ архіепископѣ и о граматѣ, весьма огорчился: онъ никакъ не ожидалъ того, чтобы, несмотря на всѣ обѣщанія, архіепископъ былъ доселѣ задержанъ

въ Россіи; что, для успокоенія государя насчетъ опасности въ пути, папа предпишетъ своему министру, въ Польшѣ пребывающему, пріискать безопасный путь и проводить его въ Римъ, не упустя его. Что касается до грамAты за государевою подписью, то папа желалъ ее имѣть для того, что хотѣлъ отправить къ государю своего нунція; но если онъ не можетъ получить ее, то желалъ бы по крайней мѣрѣ, чтобы князь своей запиской къ кардиналу Паулуччи подтвердилъ говоренное имъ о позволеніи свободно отправлять католическую вѣру и строить костелы въ Россіи, также и о пропускѣ черезъ Россію миссіонеровъ, дабы осталось здѣсь въ канцеляріи хотя что-нибудь явное, на чемъ основываясь можно бы было написать съ княземъ благодарственную къ государю грамату.—Князь, сдѣлавъ отвѣтъ, согласный съ тѣмъ, что лично говорилъ кардиналу, заключилъ просьбою объ отпускѣ и аудіенціи, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы и граматы къ государю отправить съ нимъ не разсудили.

Не смотря на частое повтореніе со стороны князя просьбъ объ отпускной аудіенціи, она все еще не назначалась; наконецъ 29 сентября присланъ былъ Меренда съ увѣреніемъ отъ кардинала, что въ теченіе недѣли князь непремѣнно будетъ отпущенъ, и за тайну объявилъ причину замедленія: папѣ хочется отправить къ государю крестъ съ мощами, но онъ еще не готовъ.

7 октября, послѣ обѣда въ 22 часу, Меренда привезъ дары: государю, на память любви своей, папа прислалъ крестъ, по желанію царевича Алексѣя Петровича, съ мощами Алексѣя, человѣка Божія, о которомъ просилъ бывшій въ Римѣ министръ короля Августа, по письму отъ государевыхъ министровъ, но тогда, за скорымъ отъѣздомъ Августова министра, исполнить того не успѣли; папа охотно послалъ бы часть самыхъ мощей, но ихъ нѣтъ въ Римѣ, и никто не знаетъ, гдѣ онѣ находятся, а въ крестѣ посылается часть древа отъ лѣстницы, подъ которою жилъ святый, которая причтена къ святынѣ и многія чудеса творитъ; покойный императоръ Леопольдъ просилъ у покойнаго папы Иннокентія XI также тѣхъ мощей, но и его просьбу не могли удовлетворить иначе, какъ отправленіемъ къ нему четокъ, изъ сего дерева сдѣланныхъ. Князю папа прислалъ книгу: „Описаніе церкви

св. Петра и палатъ ватиканскихъ", и еще шкатулку съ мурромъ отъ св. Николая.—Князь подарилъ Мерендѣ серебряную шкатулку въ 15 скуди и соболью муфту въ 30 скуди.

Кромѣ даровъ, Меренда привезъ и списки съ приготовляемой отъ папы къ государю граматы и съ письма, которое намѣренъ писать къ государю кардиналъ Паулуччи.

Грамата папская была слѣдующаго содержанія: послѣ титула государева, по образцу, показанному выше, слѣдовали слова: „Климентъ XI, верховнѣйшій первосвященникъ, пресвѣтлѣйшему и вседержавнѣйшему царю, здравія и милости Божіей". Потомъ папа говоритъ, что радость его была неизъяснима при полученіи отъ князя Бориса Куракина государевой граматы, подтвердившей дошедшія до Рима уже за нѣсколько мѣсяцевъ прежде вѣсти, что государевы намѣренія насчетъ польскихъ дѣлъ согласны съ его желаніемъ; но еще болѣе обрадовался онъ, узнавъ въ то же время, что государь позволилъ не только свободно отправлять римско-католическую вѣру во всемъ россійскомъ государствѣ, но и устроить въ Москвѣ капуцинамъ монастырь, а іезуитамъ домъ и школу для преподаванія юношеству наставленій въ словесности и въ христіанскомъ нравоученіи, что̀ безъ сомнѣнія принесетъ великую пользу его народамъ; наконецъ радость его возрасла до высочайшей степени, когда князь возвѣстилъ ему именемъ государя, что миссіонерамъ, отправляемымъ отъ св. престола въ Китай и другія восточныя государства для проповѣданія слова Божія, дарованъ свободный проѣздъ черезъ Россію; что послѣ сего первымъ движеніемъ сердца его было воздать хвалу и благодареніе Господу, а потомъ изъявить торжественнымъ и приличнымъ образомъ чувства благодарности великому и державнѣйшему царю, коль скоро доставлены будутъ къ нему государевы граматы утверждающія сіи позволенія, и о которыхъ посолъ государевъ увѣрилъ его, что онъ можетъ ожидать ихъ съ полною довѣренностію. Грамата заключается свидѣтельствомъ, что князь Куракинъ благоразуміемъ, строгою нравственностью и благороднымъ поведеніемъ пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе и его сердечное благоволеніе, и оканчивается моленіемъ къ всемогущему Богу, да изліетъ на государя лучи свѣ-

та своего и да соединитъ его совершенною любовію съ нимъ и съ католическою церковью.

Письмо кардинала къ государю состояло изъ благодаренія за милостивое вниманіе его величества, оказанное ему письмомъ, присланнымъ съ княземъ Куракинымъ, и увѣренія, что все его честолюбіе заключается въ томъ, чтобы не только сохранить его, но всегда болѣе и болѣе заслуживать оное стараніемъ во всѣхъ случаяхъ дѣлать угодное его величеству, и заключалось также похвалою князю, который ревностію къ службѣ его величества заслуживаетъ всевозможное его благоволеніе, а отличными своими достоинствами пріобрѣлъ уваженіе и любовь святѣйшаго отца и всего римскаго двора.

Разсмотрѣвъ присланные списки, князь отправилъ Веселовскаго сказать кардиналу, что ежели въ папской граматѣ не будутъ называть государя *величествомъ*, то онъ этой граматы не приметъ, равно требовать и отъ кардинала, чтобы въ его письмѣ написано было вверху: *Sacra Czarie Maesta*, внизу: *humilissimo et devotissimo servitor.*

8 октября присланная князю отъ папы шкатулка съ муромъ отъ чудотворца Николая отослана въ подарокъ патеру Театину, который, принимая ее, былъ весьма печаленъ; сіе сдѣлано нарочно для того, дабы дошло до свѣдѣнія папы.

9 октября, въ 15 часу дня, была отпускная аудіенція. Князь говорилъ папѣ: что пришелъ донести его святости, что онъ по указу государеву возвращается въ Россію; что послѣднимъ предписаніемъ государь поручилъ ему повторить св. отцу его благодарность за знакъ любви и пріязни, оказанный ему непризнаніемъ Станислава королемъ, и въ то же время просить его о продолженіи по обѣщанію не признавать его для пользы рѣчи посполитой и для сохраненія правъ ея; что государь съ своей стороны обѣщаетъ въ знакъ благодарности прислать со временемъ желаемую папой грамату о свободномъ отправленіи католической вѣры въ Россіи; что же касается архіепископа львовскаго, то государь повторяетъ прежнее свое увѣреніе, что онъ противъ него ничего не предприметъ, а оставляетъ его полному суду и волѣ его святости, но отправить его нынѣ въ Римъ не можетъ, по причинѣ опасности отъ

непріятеля, занимающаго всѣ пути; что въ граматѣ, которую государь прислать обѣщаетъ, можетъ быть, и не будетъ упомянуто о пропускѣ миссіонеровъ, но тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ будутъ они пользоваться не только свободнымъ проѣздомъ, но и всякимъ вспомоществованіемъ; что впрочемъ о построеніи костеловъ и свободномъ отправленіи католической вѣры въ Россіи давно уже дана государемъ за его подписаніемъ грамата въ Гроднѣ іезуиту, духовнику короля Августа.

Папа отвѣчалъ: жалѣемъ о томъ, что слышимъ объ отъѣздѣ вашемъ, князь, которымъ, какъ мы, такъ и весь...

Симъ оканчивается статейный списокъ посольства въ Римъ князя Куракина и оставляетъ насъ въ неизвѣстности, согласились ли написать граматы по желанію князя, и доволенъ ли былъ папа обѣщаніями, сдѣланными княземъ при отпускной аудіенціи; но вѣроятно, что онъ при отъѣздѣ не получилъ отъ папы къ государю граматы, потому что въ архивѣ нѣтъ ея, а въ послѣдующемъ времени увидимъ снова переговоры о титулѣ „величество".

Князь выѣхалъ изъ Рима въ Венецію 10 октября, въ 14 часу дня (¹).

Во время втораго путешествія государя Петра I, находившійся при немъ канцлеръ графъ Головкинъ получилъ отъ папскаго нунція, пребывавшаго въ Кельнѣ, письмо отъ 1 августа 1717 года, въ которомъ онъ пишетъ, что папа (Климентъ XI) былъ весьма обрадованъ, узнавъ отъ своего нунція въ Парижѣ о сообщенныхъ ему графомъ великодушныхъ и обязательныхъ отзывахъ его царскаго величества насчетъ папы, и какъ его превосходительству извѣстно, что сіи отзывы касались до утвержденія дружелюбныхъ сношеній, которыя его царскому величеству съ св. отцемъ продолжать угодно, также и до отправленія въ Россію папскаго посланника, съ которымъ можно было заключить постановленіе о свободномъ отправленіи католической вѣры въ русскомъ государствѣ, то онъ и получилъ отъ его святѣйшества предписаніе отправиться въ Спа, для принесенія благодарности его царскому ве-

(¹) Арх. бум. Дѣла римскія: статейный списокъ посольства къ папѣ князя Куракина.

личеству за его благосклонныя намѣренія, но отъѣздъ его величества помѣшалъ ему исполнить сіе; притомъ же слухи, что его величество не любитъ имѣть при себѣ чужестранныхъ министровъ во время своего путешествія, не позволили ему осмѣлиться ѣхать въ Амстердамъ: почему онъ и рѣшился отправить къ графу барона Кавалькино, человѣка съ отличными достоинствами и заслуживающаго всякую довѣренность, дабы узнать черезъ его посредство, угодно ли будетъ государю позволить ему пріѣхать въ Амстердамъ или другое мѣсто, по его назначенію? Въ противномъ же случаѣ проситъ графа доставить барону возможность исполнить папское порученіе, которому оно совершенно извѣстно и которому можно ввѣрить дальнѣйшія объясненія воли его царскаго величества.

Канцлеръ отвѣчалъ ему, вѣроятно, изъ Амстердама, отъ 20 августа, что онъ очень охотно по письму его представилъ государю барона Кавалькино; что государь милостиво принялъ его и изустно объявилъ ему свои мысли насчетъ порученнаго ему дѣла, о чемъ онъ обстоятельно узнаетъ отъ самого барона, а онъ съ своей стороны только увѣряетъ его, что государь продолжаетъ быть въ отношеніи къ папѣ точно въ томъ же расположеніи, о которомъ онъ извѣщенъ былъ отъ своего нунція въ Парижѣ [1].

Государь, стараясь о просвѣщеніи русскихъ, желалъ познакомить ихъ съ произведеніями изящныхъ искусствъ, почему и былъ отправленъ въ Римъ дворянинъ Кологривовъ для пріобрѣтенія статуй. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ наказа, даннаго ему при семъ случаѣ, ни извѣстія, что имъ по сему порученію исполнено, но вѣроятно, что государь былъ имъ доволенъ, потому что подобное же порученіе сдѣлано ему вторично, какъ видимъ изъ его донесенія государю изъ Венеціи отъ 11 іюля 1718 г., въ которомъ онъ говоритъ, что въ прежнюю бытность его въ Римѣ онъ встрѣчалъ великія препятствія въ покупкѣ статуй отъ папскаго племянника; но кардиналъ Спинола, камерлингъ св. римской церкви, оказывалъ великія услуги въ томъ дѣлѣ государю, и желалъ,

---

[1] Переписка папскаго нунція въ Кельнѣ съ канцлеромъ. Дѣла римскія.

чтобы онѣ доведены были до свѣдѣнія государя. Если бы государю угодно было приказать изъявить ему за то черезъ письмо его царскаго величества благоволеніе, то онъ могъ бы и при нынѣшней покупкѣ быть полезенъ; нынѣ отъ нужды продаютъ множество вещей, и самыхъ лучшихъ, а онъ, какъ при выпускѣ оныхъ и взятіи пошлинъ, такъ и при самомъ торгѣ съ продавцами, можетъ оказать пособіе, давъ имъ знать, что кромѣ его не имѣетъ повелѣнія никому позволить вывезти тѣхъ вещей изъ Рима (¹).

При исполненіи сего, вновь сдѣланнаго ему препорученія, встрѣтилась большая непріятность: онъ купилъ мраморную статую Венеры и отдалъ ее для починки скульптору Легро, у котораго она, по приказанію Фальконіера, римскаго губернатора, была арестована и изъ Рима не выпускалась. Онъ донесъ о семъ государю, и отъ 17 іюля 1719 г., съ флота отъ Аландскихъ острововъ, канцлеръ графъ Головкинъ, по приказанію государя, писалъ въ Венецію къ надворному совѣтнику графу Саввѣ Владиславичу Рагузинскому, чтобы онъ, обще съ агентомъ Беклемишевымъ, увидѣвъ изъ приложеннаго донесенія отъ Юрія Кологривова вышеприсанныя обстоятельства, приложилъ всевозможное стараніе, посредствомъ извѣстнаго своего кредита, ту статую, какъ вещь для государя весьма нужную, освободить изъ подъ ареста и исходатайствовать позволеніе отправить ее въ Россію, о чемъ онъ канцлеръ послалъ и къ камерлингу папскому кардиналу Албани письмо, которое для доставленія также къ нему отправлено.

Въ письмѣ къ кардиналу канцлеръ, сказавъ о покупкѣ и арестованіи статуи, проситъ его исходатайствовать нужныя повелѣнія объ отдачѣ оной подателю письма, или г. Беклемишеву, агенту его царскаго величества, въ Венеціи пребывающему, за что онъ будетъ стараться изыскивать случай оказать ему взаимную услугу.

Сіе происшествіе подало поводъ къ перепискѣ: кардиналы Оттобони и Албани писали отъ 18 ноября: первый къ государю, къ канцлеру графу Головкину и къ вице-канцлеру барону Шафирову; письма его ко всѣмъ состояли только въ изъявленіи радости, что онъ нашелъ случай оказать государю услугу вспомоществова-

(¹) Арх. бум. Дѣла римскія: отпускъ въ Римъ Кологривова.

*

ніемъ г. Беклемишеву въ отысканіи статуи. Но послѣдній въ письмѣ своемъ къ канцлеру объявляетъ, что папа, по особенному уваженію къ государю, представляетъ въ даръ его величеству *одно изъ изрядныхъ украшеній сего града, статую Венеры, зѣло старинную и предивной работы*, которая недавно была найдена, и которую, продавъ, хотѣли тайно и безъ обыкновеннаго позволенія вывезти изъ Рима, за что министрами, которымъ порученъ надзоръ за подобными вещами, она была арестована и взята въ казну; но по старанію нѣкоторой особы, имѣющей силу у здѣшняго двора, по письмамъ папскаго посланника въ Венеціи, доложено было папѣ о желаніи его величества имѣть сію статую, и его святѣйшество, *не смотря на жестокія права, наипаче здѣшняго правленія, ниже на толь древнюю и дивную вещь, которую надлежало бы за древность хранить, яко драгоцѣнныя мощи въ память величества римскаго, ибо оная привезена въ сей городъ съ немалыми трудами и изъ предальныхъ странъ свѣта во удивленіе народа и великихъ принцевъ; ниже смотря на предложенія тѣхъ, которые разсуждали о хитростяхъ художествъ, наипаче о скульптурѣ, своею высокою властію презирая всѣ права и иныя противности, воспріялъ намѣреніе оную статую представить въ даръ его царскому величеству, которая за рарите (rarité) и за изящнѣйшую работу превосходитъ всякую цѣну, и которою по истинѣ его святѣйшество не соизволилъ бы поступиться никакому другому принцу*, и проситъ донести его величеству о семъ особенномъ къ нему уваженіи папы, и что желанія его величества въ подобныхъ случаяхъ и впередъ исполняемы будутъ. При томъ извѣщаетъ, что очень много способствовалъ въ семъ дѣлѣ *своими умными и сильными промыслы* кардиналъ Оттобони, который совѣтовалъ его святѣйшеству дать сему дѣлу подобное окончаніе, *хотя и не надлежало тому быть.*

Канцлеръ писалъ изъ С.-Петербурга отъ 14 декабря къ кардиналу Оттобони (вѣроятно, еще до полученія его писемъ), что графъ Савва Владиславичъ и агентъ его величества Беклемишевъ до-

несли государю о пособіи, оказанномъ его преимуществомъ въ отысканіи статуи и въ исходатайствованіи приказанія отъ папы возвратить ее агенту его величества, и государь приказалъ ему увѣрить кардинала, что онъ очень признателенъ ему за сіе; что же касается до мощей св. Бригитты, обрѣтающихся въ Швеціи, то государь приказалъ его обнадежить, что онъ съ удовольствіемъ исполнитъ его желаніе, ежели война, или какой другой случай представитъ къ тому возможность.

Кардиналу Албани канцлеръ отвѣчалъ изъ С.-Петербурга отъ 18 января 1720 года, что онъ по письму его отъ 18 ноября 1719 г. донесъ государю, къ величайшему его удовольствію, о дружелюбномъ къ нему расположеніи папы; что знакомъ онаго даръ его святѣйшества, статую, государь принимаетъ съ должнымъ благодареніемъ и воспользуется каждымъ случаемъ для изъявленія на самомъ дѣлѣ особеннаго своего къ его святѣйшеству уваженія, о чемъ онъ и проситъ кардинала донести ему; что государь, зная, сколь много ходатайство кардинала способствовало къ сему дружелюбному поступку папы, приказалъ ему увѣрить его преимущество въ своей признательности и въ удовольствіи, которое онъ найдетъ, доказать ему то на опытѣ при каждомъ случаѣ.

Кардиналъ Оттобони на письмо канцлера отвѣчалъ ему изъ Рима отъ 17 февраля, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ извѣстился, что малыя услуги его въ дѣлѣ о статуѣ были угодны его величеству. Но радость его была неизъяснима, когда онъ увидѣлъ неизреченную милость его величества, благоволившаго позволить ему надѣяться, что при случаѣ можетъ быть исполнено его желаніе видѣть въ Римѣ мощи св. Бригитты, находящіяся нынѣ въ Швеціи; и какъ онъ никогда не можетъ имѣть желанія сего сильнѣйшаго, ни вообразить себѣ милости отъ государя болѣе сей, ни дара драгоцѣннѣе сего, то онъ прибѣгаетъ къ сильному ходатайству канцлера и проситъ его при случаѣ напомнить о семъ его величеству и донести, что, учиня такой безцѣнный даръ сему граду, государь запечатлѣетъ въ немъ свою славу и пріобрѣтетъ вѣчную себѣ благодарность отъ св. отца и отъ всего двора здѣшняго; при семъ находитъ онъ необходимостью замѣтить, что

въ случаѣ отправленія мощей нужно бъ было государю запечатать оныя своею печатью, и другимъ, кому онъ сіе приказать заблагоразсудитъ, для достовѣрности, дабы не было возможности усомниться въ истинѣ оныхъ. Письмо заключается извѣщеніемъ, что статуя находится уже въ его домѣ и исправляется нужною починкою; по полученіи же отвѣта, кому назначено будетъ принять ее, она немедленно ему вручится во всей исправности.

Отвѣтъ канцлера кардиналу Оттобони отъ 21 марта изъ С.-Петербурга состоялъ въ повтореніи благодарности за его усердіе къ россійскому двору и обнадеживаніи, что если только возможно будетъ, то его желаніе, касательно мощей св. Бригитты, будетъ съ удовольствіемъ исполнено, и что онъ съ своей стороны непремѣнно при случаѣ напомнитъ о томъ государю. Статую принять назначено графу Владиславичу.

Отъ 8 іюня кардиналъ Оттобони писалъ къ государю, что по прибытіи въ Римъ графа Саввы Владиславича, онъ, по волѣ его царскаго величества, вручилъ ему статую Венеры и съ ея подножіемъ, которая, какъ по древности своей, такъ и по превосходству работы, не уступаетъ ни которой изъ статуй, въ Римѣ находящихся, и едвали въ Европѣ найдется ей подобная. Потомъ, повторивъ о желаніи папы сдѣлать угодное государю, онъ говоритъ о себѣ, что почитаетъ за счастіе сей случай, открывшій ему возможность оказать услугу государю, и благодаритъ его за милостивое благоволеніе не лишать его надежды получить мощи св. Бригитты, увѣряя его, что Господь Богъ благословитъ его благое намѣреніе и прославитъ его не только при семъ дворѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ. Желаніе же его пріобрѣсти сіи мощи происходитъ отъ того, что сія святая въ юношеской своей жизни, бывъ въ Римѣ, часто имѣла прибѣжище къ его церкви, св. Лоренцо въ Дамазѣ, и жила близко къ его резиденціи.

Государь отвѣчалъ кардиналу отъ 14 августа граматою за собственноручнымъ подписаніемъ, въ которой, изъявя ему свое благоволеніе за его стараніе о возвращеніи гасударю купленной для него и потомъ отъ правительства римскаго заарестованной статуи, поручаетъ ему внушить папѣ, что онъ готовъ воспользоваться каждымъ случаемъ для изъявленія ему за даръ его дол

жной благодарности и своего къ нему уваженія и обнадеживаетъ кардинала, что онъ будетъ стараться оружіемъ, если Богъ благословитъ его, или другимъ какимъ средствомъ удовлетворить его и всего Рима желаніе и усердіе имѣть у себя мощи св. Бригитты.— Грамата писана порусски и отправлена съ приложеніемъ италіянскаго перевода въ конвертѣ, запечатанномъ кабинетскою печатью, съ надписью: „Преимущественнѣйшему и почтеннѣйшему господину кардиналу Оттобони, въ Римѣ“.

Въ тоже время писалъ къ кардиналу Оттобони и канцлеръ, котораго письмо состояло изъ вѣжливостей и предложенія услугъ своихъ и впередъ.

19 августа, въ государственной коллегіи сдѣлано опредѣленіе: отправить къ находящемуся въ Венеціи надворному совѣтнику Саввѣ Рагузинскому рескриптъ слѣдующаго содержанія: изъ его реляціи, присланной изъ Венеціи отъ 10 іюня, государь видѣлъ все, что происходило въ бытность его въ Римѣ при отданіи ему извѣстной статуи Венеры, и особливо то, что папа желаетъ отъ государя получить дипломъ или манифестъ о вольности римскимъ церквамъ и священникамъ, въ Россіи находящимся; что, получа его, онъ обѣщаетъ прислать къ государю свою грамату съ должнымъ титуломъ, какъ то: величество и проч., съ тѣмъ однако же, чтобы послѣ того и государь отправилъ къ папѣ свою грамату съ такимъ же титуломъ, который писанъ былъ къ нему съ княземъ Куракинымъ, убавя изъ него только слова: „*Божіею милостію*“; но что папа хотѣлъ прежде прислать къ нему на латинскомъ языкѣ подробное изъясненіе своего желанія; что государь, за доброе къ нему расположеніе папы, не затруднится исполнить сего, коль скоро получитъ то изъясненіе, и о томъ его въ свое время увѣдомить прикажетъ, а между тѣмъ поручается ему, черезъ кого прилично, обнадежить накрѣпко папу въ государевомъ къ нему добромъ расположеніи и притомъ объявить, что обрѣтающимся въ Россіи римскимъ церквамъ и священникамъ, и особливо капуцинамъ и францисканамъ, папою черезъ него Рагузинскаго рекомендованнымъ, по указу государеву дана всякая свобода, и никакого имъ препятства, ни обиды не дѣлается; но только бы и папа приказалъ имъ, кромѣ отправле-

нія по закону своему богослуженія, ни въ какія дѣла и переписки не вмѣшиваться, какъ то дѣлали іезуиты, за что они и высланы изъ Россіи.—Къ нему же опредѣлено отправить и вышепомянутую грамату государя, для доставленія къ кардиналу Оттобони.

Сіе опредѣленіе подписали: графъ Головкинъ, подканцлеръ баронъ Петръ Шафировъ, Андрей Остерманъ, Василій Степановъ (1).

Въ отвѣтъ на сей рескриптъ, Владиславичь донесъ государю изъ Венеціи отъ 21 февраля 1721 года, что онъ по полученіи его писалъ къ кардиналу Оттобони, какъ бывшему посреднику въ его конференціяхъ съ папой, также и грамату государеву къ нему отправилъ, и получилъ отъ него отвѣтъ, исполненный благодаренія, какъ отъ него собственно, такъ и отъ папы, за благоволеніе государево; что присланное къ нему изъясненіе папскихъ желаній онъ при семъ препровождаетъ, и проситъ, ежели государю угодно будетъ исполнить ихъ, то прислать бы тотъ дипломъ къ нему, дабы онъ прежде отъѣзда своего въ Россію могъ вручить его папѣ лично, а отъ него истребовать обѣщанные имъ грамату къ государю съ условленнымъ титуломъ и даръ, изъ статуй и другихъ подобныхъ древностей состоящій, какъ о томъ говорено было и что̀ кардиналъ и нынѣ въ письмѣ своемъ подтверждаетъ, которое при семъ и приложено.

Кардиналъ въ семъ письмѣ къ Владиславичу, послѣ изъявленія благодарности государю отъ папы и отъ себя, говоритъ, что онъ надѣется, что прибытіе въ Римъ Владиславича будетъ началомъ къ утвержденію дружелюбныхъ сношеній между государемъ и папой; что онъ съ своей стороны прилагаетъ всевозможное о томъ стараніе; что папа, признавая пристойнымъ и праведнымъ давать титулъ *величества* государю, чего ни при одномъ изъ его предшественниковъ не бывало, надѣется, что и государь взаимно не отречется писать въ своихъ граматахъ къ папѣ титулы, которые пишутъ къ нему всѣ первенствующіе въ Европѣ монархи; что Владиславичь (котораго онъ вездѣ называетъ превосходительствомъ) самъ отъ папы изустно слышалъ его желаніе о установ-

---

(1) Арх. бум. Дѣла римскія: дѣло о бытности въ Римѣ Владиславича по поводу купленной статуи.

леніи дружелюбныхъ сношеній, и хотя онъ слышалъ и основанія, на которыхъ папѣ хотѣлось бы утвердить ихъ, но для большей ясности онъ посылаетъ къ нему оныя письменно на латинскомъ языкѣ, для доставленія ихъ ко двору, и проситъ приложить стараніе объ успѣшномъ окончаніи сего дѣла; что онъ можетъ представить государю, что папа даетъ ему всѣ почетнѣйшіе титулы, приличные толь великому государю, какъ то: величество, самодержецъ и проч.; что хотя въ титулѣ и не всѣ поименованы провинціи, во владѣніи государевомъ находящіяся, а только главнѣйшія, но это происходитъ отъ обыкновенія, которому слѣдуютъ въ отношеніяхъ ко всѣмъ государямъ, цесарю, королямъ: французскому, гишпанскому и прочимъ; что же касается до диплома, котораго папа проситъ у государя, то его святѣйшество надѣется, что его величество не затруднится сказать въ немъ вообще обо всѣхъ духовныхъ и миссіонерахъ католическаго римскаго закона, что всѣ вообще могутъ пользоваться милостію его величества, упоминать же въ немъ объ исключеніи іезуитовъ никакой не можетъ быть нужды, потому что и безъ того папа никогда не пошлетъ такихъ миссіонеровъ, которые не угодны его величеству и которыхъ впускать въ Россію запрещено указомъ, ибо государю всегда остается свобода и право возбранять входъ въ свое государство неблагонамѣреннымъ людямъ и выслать изъ онаго тѣхъ, которые въ немъ уже находятся; и самъ римскій дворъ, бывъ извѣщенъ о таковыхъ, немедленно ихъ перемѣнитъ лучшими, въ числѣ которыхъ будетъ болѣе капуциновъ, францисканов, реформатовъ и кармелитовъ босыхъ, которые ничѣмъ болѣе не занимаются, какъ отправленіемъ божіей службы и наставленіемъ въ законѣ; сверхъ того, папа обяжетъ ихъ, подъ страхомъ жесточайшаго наказанія, даже и помышленіемъ не мѣшаться въ дѣла гражданскія и государственныя. Ежели бы въ дипломѣ, къ словамъ позволяющимъ свободно обучать юношей наукамъ, можно было прибавить: *и католическому закону*, то папа принялъ бы сіе съ великою благодарностію, а для государя сіи слова предосудительны быть не могутъ. Онъ можетъ еще увѣрить государя, что папа, по полученіи диплома, возблагодаритъ его не только своею граматою съ условленными титулами, но и *какимъ нибудь*

дивнымъ поминкомъ изъ древнихъ статуй и тому подобнаго, какъ говорено было въ конференціяхъ. Желательно бъ было, чтобы дипломъ сей, ежели будетъ отправленъ, былъ въ видѣ книги, съ серебряною печатью и другими украшеніями, какія употребляются въ канцеляріи его величества. Письмо заключается тѣмъ, что все, что онъ пишетъ, дѣлаетъ то съ воли его святѣйшества, и надѣется, что и Владиславичь ничего безъ одобренія его величества чинить не будетъ; что всѣ его старанія имѣютъ цѣлію честь обоихъ государствъ и пользу св. церкви, и проситъ его, чтобы онъ приступилъ къ сему дѣлу со всѣмъ усердіемъ, дабы столь великое и полезное дѣло принесло имени его честь и было ему вящшею заслугою, какъ у папы, такъ и у государя; что онъ съ своей стороны будетъ всегда обязанъ ему наибольшею славою, каковую можетъ онъ пріобрѣсти во всю жизнь свою, ибо онъ почитаетъ сіе дѣло однимъ изъ приличнѣйшихъ кардиналу и племяннику такого великаго папы, каковымъ былъ дядя его, блаженныя памяти Александръ VIII.

Записка, изъясняющая желаніе папы, присланная кардиналомъ, была слѣдующаго содержанія:

Климентъ XI, верховный первосвятитель римскій, желаетъ, чтобы его царское величество милостивымъ дипломомъ, на пергаментѣ писаннымъ и утвержденнымъ собственноручною его подписью и приложеніемъ государственной печати, своимъ и наслѣдниковъ своихъ именемъ, позволилъ во всѣхъ странахъ государства россійскаго всѣмъ духовнымъ римско-католическаго исповѣданія свободное отправленіе божественной службы по своему закону; равно позволилъ бы имъ строить вновь церкви, заводить школы, коллегіи и университеты, гдѣ юношество могло бы свободно обучаться наукамъ, и даровалъ бы имъ всякую вольность, необходимую для успѣшнаго отправленія должностей своихъ по духовному чину; чтобы ксендзамъ миссіонерамъ, отправляемымъ въ Китай и въ Персію, дозволилъ свободный проѣздъ черезъ россійское государство, дабы въ пути не дѣлали имъ никакихъ препятствій и оскорбленій; чтобы, вслѣдствіе сего позволенія, духовныхъ, изъ Рима въ Россію пріѣзжающихъ, на границахъ не задерживали, но безпрепятственно бы пропускали до того города, или

костела, который они избрали для своего пребыванія; тѣмъ ж изъ нихъ, которые, проживъ нѣкоторое время въ Россіи, будутъ отозваны обратно въ Римъ, или сами добровольно возвратиться туда пожелаютъ, даровать свободу безпрепятственно отъѣзжать изъ Россіи; чтобы всѣмъ исповѣдующимъ римско-католическую вѣру, находящимся въ обширнѣйшемъ россійскомъ государствѣ, какъ обязаннымъ службою, такъ и не обязаннымъ, не возбранять свободнаго исполненія обрядовъ своей вѣры. Коль скоро верховный первосвѣтитель римскій получитъ отъ его царскаго величества дипломъ вышеписаннаго содержанія, то немедленно отправитъ къ государю благодарственную грамату, въ которой титулъ государевъ написанъ будетъ такъ: „Пресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, великому государю, царю и великому князю, Петру первому, всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, и великихъ государствъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчичному, дѣдичному владѣтелю, наслѣднику, государю и обладателю“; а между рѣчами въ граматѣ будетъ писано: „ваше царское величество“. Государь же возблагодаритъ папу своею граматою за собственноручнымъ подписаніемъ и съ слѣдующимъ титуломъ: „блаженнѣйшему Клименту XI, государю, государю папѣ достойнѣйшему, верховному первосвятителю римскаго престола“; а между рѣчей писать: „ваша святыня, или ваше блаженство“.

Отъ 17 марта Владиславичь донесъ государю, что папа Климентъ XI скончался 8 числа, и какъ не извѣстно еще, кто заступитъ его мѣсто, и будетъ ли онъ согласенъ съ мнѣніемъ своего предшественника по предмету прежде отправленной записки, то онъ и думаетъ, что лучше отложить отправленіе въ Римъ диплома до времени, когда новый папа, черезъ посредство кардинала Оттобони, изъявитъ на то свое желаніе (1).

Должно думать, что дворъ нашъ послѣдовалъ мнѣнію графа Владиславича, а со стороны папской не возобновлены домогательства о полученіи диплома, потому что никакихъ уже послѣдствій по сему дѣлу въ бумагахъ архива не находимъ.

---

(1) Арх. бум. Дѣла римскія: реляція надв. сов. Рагузинскаго изъ Венеціи.

Кажется, около сего же времени русскій дворъ имѣлъ намѣреніе, если не поручить, то по крайней мѣрѣ узнать, на какомъ основаніи нѣкоторыя изъ европейскихъ державъ поручаютъ кардиналамъ интересы свои при папскомъ дворѣ, вслѣдствіе чего вѣроятно получена, но отъ кого не извѣстно, нижеслѣдующая записка, сообщенная въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстаго, 6 октября 1721 г.:

„Преимущественнѣйшему и благоговѣйнѣйшему господину кардиналу Оттобони, племяннику папы Александра VIII, титулованному св. Лоренца въ Дамазѣ, апостольскаго римскаго престола великому канцлеру и протектору Франціи".

„1) Дабы гербъ его величества могъ быть выставленъ надъ воротами дома, то его величество король французскій даетъ ему нѣкоторую сумму денегъ, изъ которой онъ, для публичнаго выставленія герба того двора, обязывается имѣть особенный дворецъ, потому что въ томъ домѣ, въ которомъ онъ живетъ, не можетъ онъ выставить иного герба, кромѣ кардинальскаго, называемаго делла Ропа (della Ropa). И какъ онъ занимаетъ для сего домъ на иждивеніе короля французскаго, то учинить тоже зависитъ отъ воли всемилостивѣйшаго нашего монарха".

„2) Каждый годъ обязанъ онъ дѣлать одинъ разъ пиршество и приглашать къ оному всѣхъ дворянъ той націи, въ Римѣ находящихся; также всѣ, отъ двора короля французскаго въ Римъ пріѣзжающіе, останавливаются жить въ томъ домѣ, гдѣ поставленъ гербъ королевскій; а его преимущество угощаетъ ихъ, каждаго по его состоянію, картами и другими потребностями: за что его величество назначаетъ кардиналу по своему разсужденію во Франціи многія земли съ доходами".

„Ежели сіи двѣ статьи будутъ угодны всемилостивѣйшему нашему монарху, то при отправленіи къ кардиналу диплома, или патента, должно объявить его протекторомъ".

Записка сія писана на италіянскомъ языкѣ, а на русскій переведена Андреемъ Васильевымъ ([1]).

([1]) Въ реляціяхъ надв. сов. Рагузинскаго.

Въ протоколѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 25 мая 1722 г., который подписали: канцлеръ графъ Головкинъ, баронъ Петръ Шафировъ, Андрей Остерманъ, скрѣпилъ оберъ-секретарь Иванъ Юрьевъ, записано письмо, отправленное, по именному его императорскаго величества указу, канцлеромъ къ кардиналу Спинолѣ, съ проѣзжавшимъ изъ Китая въ Римъ іезуитомъ Николаемъ Джіанъ Пріамо, пропущеннымъ черезъ Россію по императорскому повелѣнію.

Канцлеръ начинаетъ письмо тѣмъ, что государь, по особенному благорасположенію къ папѣ (Иннокентію XIII), приказалъ свободно пропустить черезъ свою имперію, чего доселѣ никогда не позволялось никому изъ чужестранныхъ, возвращающагося изъ Китая патера іезуита, которому сверхъ того оказано всякое пособіе во всѣхъ его нуждахъ, о чемъ онъ, при поданіи сего письма, самъ засвидѣтельствовать можетъ. Послѣ сего говоритъ, что государь, надѣясь, что таковой поступокъ его будетъ принятъ папою за несомнительный опытъ его уваженія и дружелюбія, ожидаетъ, что и папа съ своей стороны не отречется взаимно оказать ему свое доброжелательство, а потому и приказалъ ему отнестись къ кардиналу съ слѣдующимъ: сказавъ, что въ трактатахъ вѣчнаго мира, заключенныхъ между государемъ и королемъ и республикою польскими, между прочимъ, одною статьею постановлено, чтобы всѣмъ въ Польшѣ и Литвѣ находящимся греческаго исповѣданія епархіямъ, монастырямъ и церквамъ, также и всѣмъ людямъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія, пользоваться полною свободою въ отправленіи своей вѣры безъ всякаго препятствія и безъ малѣйшаго принужденія къ уніи, описываетъ потомъ жестокія гоненія, претерпѣваемыя отъ католиковъ исповѣдующими греческую вѣру, и насильственное обращеніе къ уніи, не только церквей и монастырей отдѣльно, но и цѣлыхъ епархій: такъ что изъ четырехъ епископовъ, тамъ бывшихъ, остался нынѣ одинъ только въ Могилевѣ и нѣсколько монастырей и церквей, и тѣ претерпѣваютъ отъ гонителей своихъ всевозможныя бѣдствія; и наконецъ проситъ кардинала представить сіе дѣло папѣ и склонить его, дабы онъ, ради уваженія къ нему и дружелюбія государева, имѣя верховную власть надъ католиками, предписалъ накрѣпко прелатамъ

своимъ и прочимъ по духовной части начальникамъ, чтобы они впредь исповѣдующимъ греческую вѣру гоненій и обидъ не чинили и насильно ихъ къ уніи не принуждали, *но оставили бы совѣсти ихъ покой и свободу, ибо надъ оною Богъ единый власть имѣетъ*, и сверхъ того сдѣлалъ бы нужныя по сему представленія, посредствомъ граматъ, самому королю и рѣчи посполитой польской. Въ заключеніе канцлеръ говоритъ, что государь, не бывъ обязанъ по сему предмету никакими трактатами, не позволяетъ въ своей имперіи чинить католикамъ ни малѣйшихъ притѣсненій и препятствій въ отправленіи обрядовъ ихъ вѣры, но даровалъ имъ полную въ томъ свободу; если же и послѣ сего отношенія къ верховному первосвятителю римскаго престола католики въ Польшѣ и Литвѣ не перестанутъ чинить гоненій христіанамъ греческаго исповѣданія, то государь противъ желанія своего найдетъ себя принужденнымъ запретить отправленіе латинской вѣры въ Россіи (1).

Кромѣ сего письма дана была отправляющемуся въ Римъ іезуиту краткая записка о жалобахъ христіанъ греческаго исповѣданія на гоненія и притѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ католиковъ, и поручено ему словесно объяснить все это кардиналу и папѣ. Вслѣдствіе сего порученія онъ писалъ канцлеру изъ Рима отъ 29 января 1724 г., что онъ письмо его кардиналу отдалъ и словесно пересказалъ порученное, какъ ему, такъ и папѣ, при первой аудіенціи; что по приказанію папы кардиналъ писалъ къ г. Сантини, посланнику папскому при польскомъ дворѣ, о присылкѣ вѣрнаго объясненія по сему дѣлу; что Сантини прислалъ оное, но здѣсь нашли его неудовлетворительнымъ, и потому снова потребовали подробнѣйшаго и вѣрнѣйшаго (2).

(1) Арх. бум. Дѣла римскія: протоколъ письма канцлера къ кардиналу.

(2) Также: письмо іезуита Джіанъ Пріамо къ канцлеру.

ПРИЛОЖЕНІЕ 9-е.

ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ СОРБОННСКИМИ ДОКТОРАМИ БОГОСЛОВІЯ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ I, КОГДА ОНЪ ПОСѢТИЛЪ СОРБОННУ ВЪ 1717 ГОДУ, О СРЕДСТВАХЪ СОЕДИНЕНІЯ ВЕЛИКОРОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ЦЕРКОВІЮ ЛАТЫНСКОЮ.

(СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ НА ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ СЪ ЛАТИНСКАГО).

Parmi les objets qui exciterent dans Paris la curiosité de l'Empereur de la Grande Russie, la Maison de Sorbonne ne fut pas jugée indigne de set honneur. Ce grand Prince voulut bien la venir visiter; le 14 juin il entra dans la Bibliothèque, ou entre autres choses on luy montra quelques livres Slavons qui concernoient la Religion. Comme il écoutoit avec bonté ce que les Theologiens de cette maison avoient a luy representer, on prit de la occasion de luy dire avec respect quelques mots sur la religion des Russiens, et de luy temoigner quelle gloire ce seroit pour un sy grand Prince de travailler a reunir par une bonne paix l'Eglise de la Grande Russie avec l'Eglise latine, que la chose d'elle-même n'etoit pas sy difficile, si on si prenoit avec un esprit de paix et de charité. Le Prince leur repondit, avec beaucoup de douceur, qu'il y avoit a la verité entre ces deux Eglises quelques chefs de division, dont il en marqua deux, mais que les exercices de l'art militaire auxquels il étoit appliqué, et les differents embarras attachés necessairement au gouvernement d'un Empire, le mettoient hors d'état de pouvoir par luy-même terminer les disputes; qu'au reste, si les Docteurs de Sorbonne vouloient conferer par ecrit avec les Eveques de son Eglise, il promettoit de les engager par son autorité a leur répondre.

La promesse si obligeante que fit alors ce grand Prince aux theologiens de Sorbonne qui etoient presents, les engagea avec d'autant plus de confiance a presenter ce memoire a Sa Majesté Czarienne, qu'ils ne peuvent considerer sans admiration que ses vues ne se terminent pas seulement a rendre son empire illustre par les exercices de l'art militaire et de la litterature, mais aussi a faire fleurir la Religion, dont ce grand Prince est pleinement persuadé que depend le bonheur et l'affermissement des Rois et des Empereurs. Nous voyons, dans l'Epître aux Ephesiens, que l'Apotre recommande principalement aux fidèles de travailler avec soin a conserver l'unité d'un meme esprit par le lien de la paix, parce qu'il n'y a qu'un Dieu, qu'un Seigneur, qu'une foy et un bateme. C'est un grand avantage pour prouver cette unité dont parle l'Apostre, que l'on ne trouve point dans les Eglises de la Grande Russie quantité d'obstacles a la reunion, que nous remarquons avec douleur arreter celle des Eglises protestantes et des autres sectes orientales. Cette Eglise fait profession de reconnoître avec nous l'unité d'un Dieu, la consubstantialité de trois personnes de la tres sainte Trinité, et elle a en horreur les blasphemes des anciens et des nouveaux ariens, elle fait profession de croire avec nous tous les dogmes que Dieu nous a revelés sur l'union hypostatique et sur la distinction des deux natures en Jesus-Christ.

Elle reconnoit avec nous ce que la foy enseigne sur le peché originel, sur la redemption que nous avons obtenue par Jesus-Christ, sur la necessité du secours de la grace de Dieu pour chaque action de la pieté chretienne. Elle croit, avec nous, que Jesus-Christ a etabli sept sacrements dans son Eglise; que, dans le sacrifice non sanglant de nos autels, le pain et le vin sont transsubstantiés au corps et au sang de Jesus-Christ, et elle rend a Jesus-Christ, comme étant present réellement dans l' eucharistie, le culte souverain de latrie qui luy est du. Elle honore et invoque avec nous la bienheureuse Vierge Marie, Mere de Dieu, et les Saints qui regnent avec Jesus-Christ dans le ciel; elle pratique avec nous la veneration des reliques, et elle rend aux saintes images un honneur qui se rapporte aux objets qu'elles représentent; elle emploie avec nous les prieres, les aumones, et elle offre le saint sacrifice de la messe pour

les fideles qui sont morts daus la paix et la communion de l'Eglise, croyant sans aucun doute que par ses suffrages leurs ames peuvent etre soulagées dans les peines qui leur restent a souffrir pour satisfaire a la justice divine.

Elle reconnoit avec nous que Jesus-Christ a accordé a son Eglise le pouvoir de faire des loix aux quelles tous les fidèles sont obligés d'obeir, comme est la sainte loy du jeune, ne l'abstinence de viande en cetrains tems prescrits par l'Eglise; enfin, pour ne pas faire un trop long detail de tous les dogmes dont les Russiens conviennent avec nous, l'Eglise de la Grande Russie fait profession de regarder avec nous les Ecritures inspirées de Dieu et la sainte tradition de l'Eglise comme deux règles egalement certaines de notre foy; elle reconnoit avec nous l'Eglise une, visible et catholique pour le tribunal souverain et infaillible dans les decisions des controverses de la foy.

Enfin elle fait profession de croire, comme nous, que hors de cette Eglise, sainte, catholique et apostolique, il n'y a aucune esperance de salut.

Or, si, comme nous l'enseignent les Ecritures saintes et la tradion constante et perpetuelle de l'Eglise, il n'y a point de salut a attendre pour ceux qui sont hors l'unité; si l'Apostre saint Paul ne fait aucune difficulté de mettre les dissensions et les heresies au nombre de ces pechés qui ferment les portes du ciel a ceux qui les commettent, quelle ardeur ne doivent pas faire paroitre des chretiens pour ecarter au plustot tout ce qui pourroit aporter le moindre retardement a une reunion solide et veritable!

Qu'est-ce qui pourroit en effet retarder le moins du monde un aussi grand bien que selui de la reunion de l'Eglise de la Grande Russie avec l'Eglise latine? seroit-ce quelque point de discipline? On sait assez que, sans rompre l'union, les differentes partis de l' Eglise ne sont point uniformes dans la discipline. „On voit dans beaucoup de provinces, dit saint Firmilien, des coutumes differentes, selon la diversité des lieux et des personnes, qui n'ont cependant pas donné la moindre atteinte a la paix et a l'unité de l'Eglise catholique".

Saint Augustin, comformement à ce principe, s'explique sur ce point d'une maniere plus etendue, en ces termes: „La foy demeure

toujours la meme dans toute l'etendue de l'Eglise, quoy qu'on y remarque differentes coutumes qui ne sont nullement contraires a la verité de la foy". Toute la beauté de la fille du Roy vient de dedans, dit le Prophète dans le psaume qui nous fait entendre que ce dedans sont les membres de l'Eglise, qui tous conservent la vraie foy, mais toutes ces coutumes differentes sont figurées par l'habit de la fille du Roy, qui est a la verité bigarré de differentes couleurs, mais qui n'est point divisé par cette variété.

En effet, jusqu'au malheureux tems de Michel Cérulaire, les Eglises d'Orient et d'Occident n'avoient-elles pas conservé entre elles paix et l'union malgre la difference de leurs disciplines? ne voions-nous pas que, parmi les Latins, les coutumes sont differentes selon les differens endroits? ne laisse-t-on pas meme vivre selon leurs usages ceux qui d'entre les Grecs se sont reunis a l'Eglise latine? Rien ne pourroit donc empecher l'Eglise de la Grande Russie de conserver tousjours la discipline, comme d'offrir avec du pain levé, pourvu qu'elle ne condamnat pas la pratique contraire et qu'elle reconnut les Latins consacrent validement avec du pain azime, ainsi que l'ont reconnu Theophilacte, Demetrius Comatenus, Jean, éveque de Cypre, Barlaam, Gregoire le Protosyncelle et plusieurs autres Grecs recommandables par leur erudition. Il n'y a point a craindre que le Souverain Pontife abolisse les autres usages de cette meme Eglise, comme nous n'apprehendons point en France qu'il casse jamais nos privileges et aneantisse les libertés de notre Eglise, puisque nous enseignons qu'il n'en a pas le pouvoir.

Seroit-ce differens points de la hierarchie de l'Eglise qui pourroient empecher ou retarder cette reunion si desirée de l'Eglise latine et de celle de la Grande Russie? Il est vrai que c'est une des choses qui pourroient tenir le plus a cœur a cette derniere Eglise. Cependant, si on veut mettre a l'ecart toutes les equivoques et proposer la question en termes clairs et precis, on verra tout d'un coup les difficultés s'évanouir et disparoitre.

Nous enseignons principalement que les eveques sont, de droit divin, les successeurs des apostres et les vicaires de Jesus-Christ; que l'eveque de Rome, qui est le successeur legitime de saint Pierre, est aussi de droit le premier des eveques et le premier vicaire

de Jesus-Christ; qn'en cette qualité, il est le centre de l'unité et le lien visible de la communion, ce qui fait que son siege apostolique a, selon l'expression de saint Irenée, une autorité superieure a toutes les Eglise particulieres; que le Souverain Pontife est assis sur la chaire de saint Pierre pour veiller, dans toute l'Eglise, à l'observation des Saints Canons et à la conservation de l'unité de la foy, comme s'en explique saint Cyprien. Sa primauté est fondée sur les paroles d'Evangile attestées par la tradition des premiers siecles de l'Eglise, et recconues par les huit premiers Conciles oecumeniques, que l'Eglise de la Grande Russie fait profession de recevoir avec nous. Voila uniquement ce qui est unanimement regardé comme de foy dans toute l'Eglise touchant la primauté de l'Eglise de Rome; les autres points sur lesquels les catholiques sont partagés ne font point partie de la foy catholique, c'est ce qu'a reconnu nouvellement un tres saint Pape, Innocent XI, en approuvant sollennelement un celebre ouvrage: *l'Explication de la foy*, composée par un des plus grands eveques de notre France, M. Bossuet, eveque de Meaux, pour expliquer la foy de l'Eglise catholique et la mettre a couvert des calomnies des protestants.

Il est vray que la doctrine de l'Eglise gallicane et que l'autorité qu'a le Saint Siege dans toute l'Eglise et sur chaque pasteur de l'Eglise, n'est point une puissance arbitraire qui n'ait pour regle que la volonté de l'Eveque de Rome, mais qu'il n'en peut faire usage que selon les Canons composés par l'esprit de Dieu et consacrés par le respect des premiers siecles; que Jesus-Christ a accordé immediatement au corps des Pasteurs une autorité souveraine a laquelle le Pape meme est obligé d'obeir en ce qui regarde la foy, l'extirpation des schismes et la reformation de l'Eglise, ce qui a eté defini par les Conciles de Constance et de Bàles deux de nos Conciles œcumeniques, déclaré solemnellement par le clergé de France et soutenu constamment jousqu' a ce jour par la sacrée Faculté de Theologie de Paris.

Nou croions encore que le jugement de l'Eglise de Rome n'est point une regle infaillible de la foy, a moins qu'il ne soit appuyé du consentement juridique de l'Eglise universelle; que l'autorité du Pape etant purement spirituelle, Jesus-Christ ne luy a accordé au-

cun pouvoir ny direct ny indirect sur le temporel des Rois, et qu'il ne peut en aucun cas, non pas meme sous pretexte de religion, dispenser les sujets du serment de fidelité, de l'obeissance et des autres services qu'ils doivent à leur Prince.

Les ultramontains et ceux qui étendent, plus qu'on ne fait en France, les droits du Souverain Pontife, sont parfaitement instruits que nous sommes dans ces maximes, mais, parce que dans cette diversité de sentiments tous demeurent d'accord de ce qui regarde la croyance de la primauté du Pape, la paix n'est rompue ny de part ny d'autre, et nous demeurons tous dans la meme communion; nous ajoutons seulement que les privileges que le droit nouveau accorde aux souverains Pontifes, soit pour l'election et la confirmation des eveques, soit meme sur la matiere des dispences, tant a cause de la concession des Eglises qu'en vertu des concordats passés avec les Princes ou a cause de la dignité de Patriarche, que les privileges, dis-je, ne s'etendent pas jusqu'aux Eglises de la Grande Russie, qui ne se sont jamais conformées a une pareille discipline, et qu'on usera a leur égard des memes menagements dont on a toujours usé envers les Grecs toutes les fois qu'on a traité de leur reunion avec l'Eglise latine, aux quels on ne propose jamais pour condition de reconnoitre les privileges des Souverains Pontifes.

Qui pourroit donc former quelque obstacle à la reunion des Russiens avec l'Eglise latine? seroit-ce enfin leur sentiment sur la Procession du Saint-Esprit? Il sera encore aisé de convenir sur cet article, pourvu qu'on n'ayt pas desseir d'eterniser les disputes par de mauvaises chicanes.

Premierement, l'Eglise de la Grande Russie fait profession de reconnoitre que le Saint-Esprit procede du Pere par le Fils; la latine croit que le Saint-Esprit procede du Pere et du Fils. Des Saint Peres dont l'une et l'autre Eglise reverent l'autorité se sont servis indifferemment de ce double langage; le Grand saint Basile et saint Gregoire le Theologien remarquent que les deux particules διά, de, et *per* signifient la meme chose, ce qui fait conclure à d'excellens theologiens que les deux expressions que nous avons rapportées reviennent au meme sens, sy on les prend comme on

doit les prendrė; qu'entend-on en effet quand on dit que le Saint-Esprit procede du Pere par le Fils? seroit-ce seulement comme le pretendent quelques gens opposés a la reunion, que le Saint-Esprit procede du Pere et que le Pere et le Fils n'ont qu'uue meme nature? A ce compte on pourroit donc dire egalement que le Fils procede du Pere par le Saint-Esprit, puisque le Fils procede du Pere, et que le Pere et le Saint-Esprit n'ont qu'une meme nature. Or, jamais aucun Grec ne soutiendra que le Fils procede du Pere par le Saint-Esprit; il faut donc prendre en un autre sens ce que nous lisons dans les saints Docteurs de l'Eglise que le Saint-Esprit procede du Pere par le Fils, c'est-a-dire que par cette expression il ne faut pas seulement entendre que le Pere et le Fils n'ont qu'une meme nature, mais encore que ces deux persones ne sont qu'un meme principe, et que le Saint-Esprit procede de toutes les deux ensemble, quoique le Fils ait reçu du Pere la vertu de produire comme luy Saint-Esprit, a peu pres de la meme maniere que si un flambeau avoit allumé un autre flambeau, et que ces deux ensemble en eussent allumé un troisieme, ce qui est la comparaison dont se sert saint Gregoire de Nysse, on diroit fort bien que ce troisieme flambeau tire sa lumiere non - seulement du premier, mais du premier par le second. Et c'est ce qui l'Eglise latine fait profession de croire quand elle chante dans le symbole que le Saint-Esprit procede du Pere et du Fils. Ces deux expressions bien antendues reviennent donc a un même sens.

Secondement, l'Eglise latine confesse que le Sâint-Esprit procede du Pere et du Fils, parce qu'il a reçu par tradition ce langage des saints Peres et des Conciles. Entendons un moment parler saint Epiphane. „Le Saint-Esprit, dit saint docteur, est toujours avec le Pere et le Fils, non pas comme le frere ou le petit-fils du Pere, mais comme recedant du Pere et recevant du Fils; non pas comme étranger au Père et au Fils, mais comme n'ayant avec les deux personnes qu'une meme nature et une meme divinité qu'il tire du Pere et du Fils". Saint Cyrille s'exprime dans les memes termes dans la lettre synodique ecrite a Nestorius en son nom et en celuy du Concile, et, bien loin de s'etre jamais retracté sur cette matiere, il soutient toujours ce même dogme dans ces derniers ecrits. Il

nous seroit aisé de montrer que c'est aussi la pensée de saint Athanase, du grand saint Basile, de Didyme et generalement des autres Peres de l'Eglise grecque, si les bornes de cet ecrit nous permettoient d'entrer dans ce detail. Que parmi les Latins le grand Hilaire, saint Ambroise, saint Augustin, saint Leon et les autres docteurs de l'Eglise latine aient eté dans ce sentiment, c'est une chose qui n'est point revoquée en doute par les Russiens; quelles raisons pourroit donc porter l'Eglise de la Grande Russie a demeurer davantage divisée d'avec l'Eglise latine, puisqu'elle doit reconnoitre que les Latins ne font profession de croire que les dogmes qu'ils ont reçus par tradition des saints Peres dont l'autorité est tres respectée dans ces deux Eglises et qui ont eté definis par l'autorité des conciles œcumeniques? Seroit-ce donc un crime de confesser de bouche ce qu'il est tres permis de croire de cœur, surtout l'Eglise latine permettant de reciter le symbole sans l'addition du *Filioque* aux Grecs qui reviennent à l'unité et qui reconnoissent avec elle la meme doctrine sur cet article?

En troisieme lieu, il faut avouer que ce n'est point ce differend qui a donné lieu au schisme des Grecs; il n'est fait aucune mention de la procession du Saint-Esprit dans la lettre de Michel Célulaire et de Leon d'Acride, non plus que dans celle du Pape Leon IX; Pierre, patriarche d'Antioche, dans sa lettre a Dominique de Grade, ne marqua point que c'eut eté là le lieu de la division; bien plus, il faut clairement entendre que Michel Cerulaire n'avoit repris dans la doctrine de l'Eglise latine que ce qui concernoit les azimes.

En effet, les chefs d'accusation que forme contre l'Eglise latine Michel Cérulaire, patriarche de Constantinople, l'auteur de ce malheureux schisme, étoient que les Latins consacroient avec du pain sans levain, qu'en careme ils ne chantoient pas *Alleluia*, et d'autres de cette nature, sur des accusations frivoles sans aucune forme de justice, sans etre autorisé d'un concile. Michel Cérulaire seul, avec un petit nombre d'eveques de sa dépendence, eut la hardiesse de fermer les Eglise des Latins et d'excommunier meme le pape et tout l'Occident qui suivoit avec luy la meme discipline; c'est ce que luy reproche avec beaucoup de douleur le saint pape Leon IX, en luy remettant devant les yeux la tendresse de cette mere si ce-

lebre dans l'histoire de Salomon, qui sentit ses entrailles tout emues a la seule proposition qu'on fit de couper son fils en deux. Ce saint pape ajoute que les differentes coutumes qui s'observent en differents endroits et en differents temps n'interessent en rien le salut des fideles, puisqu'on ne peut etre agreable a Dieu que par la foy, qui, animée par la charité, prâtique tout le bien qui est en son pouvoir.

Tels furent les commencements du schisme qui divisa les Grecs et en consequence les Russiens d'avec l'Eglise latine. C'est ce qu'il est extremement important de ne perdre jamais de veue, puisqu'il faut juger des suites par les commencements. C'est depuis ce malheureux temps que l'Eglise latine est penetrée d'une si vive douleur sur la perte de nos freres separés, et que nous qui avons succedé a nos peres avons aussi herité de leur douleur. Au reste, pour ne point parler icy de tous les efforts que fit l'Eglise latine pour deraciner jusqu'aux moindres semences d'un schisme auquel elle n'avoit aucune part, il nous suffit de faïre remarquer que l'unité est la chose du monde que nous devons desirer avec plus d'ardeur, et que le schisme est celle que nous devons regarder avec plus d'horreur et d'execration. Si nous voulons nous instruire sur les sentiments d'aversion que nous devons avoir pour le schisme, nous pouvons consulter saint Cyprien et saint Firmilien, les deux grands hommes dont le temoignage sur cette matiere doit paroitre d'autant plus considerable qu'ils on eu a essuyer avec le saint-siege des demelés plus vifs et plus animés. „Qui seroit assez malheureux, dit saint Cyprien dans son livre *de l'Unité de l'Eglise*, qui seroit assez malheureux pour être transporté par la fureur du schisme et de la discorde, jusqu'au point ou d'avoir la hardiesse de deviser ou meme de s'imaginer qu'il est permis de diviser l'unité de Dieu, la robe de Notre-Seigneur, l'Eglise de Jesus-Christ? Notre Seigneur nous avertit lui-meme dans l'Evangile qu'il n'aura qu'un troupeau et qu'un pasteur, et l'aporte saint Paul, en nous insinuant cette verité, nous exhorte en ces termes: „Je vous conjure, mes freres, par le nom de Jesus-Christ Notre Seigneur, d'avoir tous un meme langage et de ne point souffrir parmi vous de division et de schismes.“

A des paroles si pleines de chatiré, nous n'ajoutons plus qu'une exhortation tres touchante d'un Grec de ces derniers tems, nommé Theorien, qui, apres avoir reconnu que la consecration estoit egalement bonne, soit qu'on se servit de pain levé, soit q'on emploiat pour la faire des pains sans levain, et avoir protesté que c'etoit aussi le sentiment de tous ceux d'entre les Latins a qui il avoit parlé de cette question, il fait cette belle remontrance aux Grecs de sa communion: „Nous vous exhortons surtout d'avoir un esprit éloigné des animosités et des disputes; se n'est point la notre coutume ni celle de l'Eglise de Dieu; tachons d'avoir la paix avec tout le monde, et possedant comme notre paix Jesus-Chtist qui des deux peuples n'en fait qu'un, aimons les Latins comme nos freres, puisque leur doctrine est conforme en tout a l'analogie de la fois.“

En finissant cet ecrit que nous avons composé à la hate parce que Sa Majesté Cesarienne est sur son depart, il ne nous reste plus qu'a pousser nos voeux vers le Ciel afin que Dieu inspire a ce prince de mettre le comble à la gloire qu'il s'est acquise pour le retablissement de son royaume dans son ancienne splendeur, en soumettant son empire à celuy de la sainte Eglise catholique et en aggrandissant de tout son pouvoir le royaume de Jesus-Christ qui le fait regner luy-meme avec tant d'eclat et de majesté; que, semblable a Cirus, ce prince dont il est dit dans le Prophete que Dieu le prit par la main dans sa misericorde, il retablisse heureusement la lumiere de la verité et l'union de la paix parmi ses peuples; que, rompant la muraille de la separation, cette inimitié qui divise, l'élas! depuis si longtemps son Eglise d'avec l'Eglise romaine, il travaille efficacement afin qu'il n'y ait plus qu'un seul peuple fidele ainsi qu'il n'y a qu'une Eglise et qu'une religion. Le zèle que ce grand prince fera paroitre pour la religion servira plus qu'aucune autre des ses qualités les plus heroiques a relever sa gloire beaucoup au-dessus de tous ses predecesseurs, et le moyen le plus sur pour affermir son autorité souveraine, encore plus respectable par son merite personnel que par la Majesté de son sceptre, sera sans doute de la consacrer tout entiere a procurer l'unité de

l'Eglise, comme portant l'auguste titre de serviteur de Dieu et de Fils de l'Eglise.

Donné en Sorbonne le quinze de juin de année 1717.

Louis Hebert, *pretre et docteur en theologie.*

Jacques Chrisostome Bracquet, *pretre docteur en theologie de la maison et societé de Sorbonne.*

Antoine Lemoine, *pretre et docteur en theologie de la maison et societé de Sorbonne.*

Louis Couteier, *pretre et docteur en theologie.*

Jean Babtiste du Ruel, *pretre et docteur en theologie de la maison et societé de Sorbonne.*

Guillaume de la Mare, *docteur en theologie de la maison et societé de Sorbonne.*

François Pierre de Heyne, *pretre et docteur en theologie.*

Vinc. Charles Ant. de Belloy de Francière, *pretre et docteur en theologie.*

Noel Jacques Lefebure, *pretre et docteur en theologie.*

Charles Antoine Souvenoet, *pretre et docteur en theologie.*

Edme Mareuil, *pretre et docteur en theologie.*

Nous, Fzançois Vivant, pretre, docteur en theologie, de la Faculté de Paris, de la maison et societé de Sorbonne, chancellier de l'Eglise de l'Université de Paris, chanoine de la même Eglise et grand vicaire de Son Eminence monseigneur le cardinal de Noaille, archeveque de Paris, certifions que le memoire rapporté cy-dessus, dans lequel on expose la doctrine catholique sur les articles qui y sont contenus, est signé de la propre main de cenx dont on lit les noms à la fin du memoire; que tous sont pretres et dans la Faculté de theologie de Paris, sont docteurs de maison et societé de Sorbonne, et qu'on doit ajouter pleinement foy à leur temoignage.

Donné a Paris, dans notre maison, au palais archiepiscopal, sous

notre seing et celuy de notre secretaire, et sous le sceau qui est celuy de l'Eglise métropolitaine de Notre-Dame-de-Paris, le 9 juillet 1717.

Signé : Vivant, *chancellier de Paris.*

Par ordre de Monsieur le Chancellier de l'Eglise et de l'Université de Paris.

Signé : Ribour.

(Icy est le sceau du chancelier).

ПРИЛОЖЕНІЕ 10-е.

ЗАПИСКА ФРАНЦУЗСКАГО ПОСЛА ДЕ-КАМПРЕДОНА, СЪ ПРОСЬБОЮ О ВЫСЫЛКѢ ИЗЪ РОССІИ ФРАНЦУЗА МОНАХА ФРАНЦИСКАНСКАГО ОРДЕНА КАЛІО.

MEMOIRE.

Le ministre plénipotentiaire de Sa Majesté Trés-Chrétienne représente très-humblement à Vorte Majesté et à son conseil des affaires étrangères qu'il se trouve en cette ville de Saint-Petersbourg un moine français cordelier, nommé Cailleau, lequel, sous prétexte de servir d'aumônier aux ouvries de la meme nation (1), s'est soustrait aux ordres et à l'obéissance de ses sepérieurs, comme on le peut voir par la copie de la lettre cy-jointe. La mauvaise conduite que ce moine a tenue, les scandales qu'il a causés et qu'il cause encore tous les jours par ses débauches, emportements, blasphèmes et discours insolents, sans épargner ce qv'il y a de plus respectable, ont obligé le ministre soussigné d'en rendre compto au Roy son moître, et Sa Majesté, ayant fait d'ailleurs prendre des informations du supérieur du père Cailleau, a ordonné expressément à son dit ministre de demander a Votre Majesté, qu'il soit commandé à ce moine de sortir de ses États pour s'en retourner en France. C'est pourquoi le ministre soussigné, en conséquence des ordres du Roy son maître, prie tres-humblement qu'il soit expédié sans délay un passe-port au dit Cailleau, avec ordre bien précis de sortir de Pétersbourg dans vingt-quatre heures, et des États de Russie en quinze jours, sous peine de punition corporelle; qu'on se saisisse de ses papiers, pour les remettre au ministre sous-

---

(1) Въ 1714 году король французскій послалъ работниковъ къ Петру I, и съ ними-то находился этотъ монахъ.

signé, afin qu'il voye s'il n'y a rien qui intéresse le service du Roy son maître, et qu'en attendant le jour du départ de ce moine, il soit accompagné d'un soldat pour l'empêcher de commetre quelque mauvaise action, à laquelle sa mauvaise conscience pourrait le porter. Le ministre soussigné ne manquera pas de rendre compte à sa cour des facilités et de la diligence qu'on voudra bien apporter à l'execution de sa juste demande.

Fait à Saint-Péterbourg, le 1-er Juin 1725.

ПРИЛОЖЕНІЕ 11-е.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ПОЛЬШИ, ОТЪ ВВЕДЕНІЯ ХРИСТІАНСТВА ВЪ ЭТОЙ СТРАНѢ ДО ПОЛОВИНЫ XIV СТОЛѢТІЯ.

Мечиславъ I (965—999). — Мечиславъ, идолопоклонникъ, живя съ семью женами, не имѣлъ ни отъ одной дѣтей. Находившіеся уже тогда въ Польшѣ христіане, жившіе, по словамъ Меховиты (1), отшельниками, а по Бѣльскому (2) и Кромеру (3), также путешественники, торговцы и даже бывшіе въ службѣ Мечислава, возвратившіеся изъ Чехіи и Моравіи, тогда уже земель христіанскихъ, совѣтовали ему обратиться въ христіанство, прогнать отъ себя наложницъ и взять одну законную жену. Мечиславъ, надѣясь этимъ обращеніемъ получить потомство, просилъ чешскаго короля Болеслава дать ему въ замужество дочь Дабровку (4). Такъ какъ она не соглашалась выйти за него замужъ,

(1) Chronica Polonorum, стр. 21: «Viri religiosi et spirituales, tunc in regno Poloniae heremitice viventes, sacra dogmata cognitionis fidei christianae ei installarunt».

(2) Kronika Marcina *Bielskiego*. w Warszawie. 1764. стр. 33: «Byli już na ten czas w Czechach y w Polszcze pustelnicy, pielgrzymowie, kupcy, ktorzy dobrze Świadomi byli Chrześciańskiey wiary, a niektorzy służyli u niego na dworze».

(3) *Martini Cromeri*, de origine Polonorum. стр. 32: «Erant jam tunc inter Polonos nonnulli, qui peregre revertentes a Boemis et Moravis religionem Christianam domum referebant. Erant et externi partim in ministerio et comitatu principis, partim mercaturam in Polonia exercentes, partim etiam in recessibus sylvarum et solitudinum, quo liberius cultui divino vacarent, degentes Christiani non pauci».

(4) По *Мацѣёвскому*, Дабровка была сестра Вацлава. Pierwotne dzieje Polski i Litwy. w Warszawie. 1846. стр. 118.

ежели онъ не сдѣлается христіаниномъ, то Мечиславъ, несмотря на сопротивленіе своихъ приближенныхъ, крестился въ Гнѣзнѣ въ 965 году. Польскіе лѣтописцы, католическіе духовные, прибавляютъ тутъ видѣніе, которое способствовало къ обращенію Мечислава(1). Принявши христіанство, Мечиславъ свергнулъ идоловъ и

(1) По *Мацѣёвскому*, первые христіане въ Польшѣ были обряда славянскаго, въ которомъ и крещенъ былъ Мечиславъ. На славянскомъ же языкѣ отправлялось богослуженіе въ Чехіи до учрежденія въ ней въ 973 году латинскаго епископства и положительнаго запрещенія служить литургію посдавянски. Въ 967 году папа писалъ чешскому князю Болеславу II о богослуженіи: «non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis, vel Ruziae aut Slavoniae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica, unum potiorem totius Ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, latinis adprime literis eruditum». (*Kosma*, Scriptor. rerum Bohemicar. I, 49). *Бандтке* говоритъ объ этомъ такъ: «Мнѣніе, что Мечиславъ принялъ сначала христіанскую вѣру славянскаго обряда, основано на сказаніи современнаго писателя Дитмара Мерзебургскаго, который говоритъ, что Мечиславъ перешелъ изъ язычества въ христіанство, не упоминая, какого именно обряда. Несомнѣнно, что еще до Мечислава было въ Польшѣ много христіанъ, какъ славянскаго, такъ и латынскаго обряда. Въ то время колебались между этими двумя обрядами чехи, не зная, которому изъ нихъ отдать преимущество; вѣроятно такъ было и въ Польшѣ. До Мечислава не находимъ въ Польшѣ слѣдовъ церковной іерархіи ни славянскаго, ни латынскаго обряда, ибо христіане жили въ ней, какъ въ странахъ идолопоклонническихъ, безъ пастырей». (Dzieje nar. Polsk. t. I. стр. 140). Бѣгство изъ Чехіи Войцеха (Адалберта) объясняется борьбою этихъ обрядовъ. Прибывши въ Польшу, онъ способствовалъ восторжествовать латынскому богослуженію надъ славянскимъ. (Ibid. стр. 135 и 140). Но и при Болеславѣ, кажется, обрядъ славянскій не могъ быть вовсе уничтоженъ въ Польшѣ, ибо *Галлъ*, оплакивая смерть его, говоритъ (стр. 83):

Tanti viri funus mecum omnis homo recole!
Dives, pauper, miles, clerus, insuper agricole!
Latinorum et Slavorum quotquot estis incolae!

Въ славянскомъ же обрядѣ была крещена Дабровка и потому не могла она принести въ Польшу обряда латынскаго. Но по

крестилъ народъ, употребляя къ тому частію насиліе, частію угрозы отнятія имущества(1).

Первымъ дѣйствіемъ католическаго духовенства въ Польшѣ было учрежденіе епархій, которыхъ вдругъ было основано девять; изъ нихъ двѣ метрополіи: гнѣзненская и краковская (2). Кромѣ того выстроены были каѳедральныя и приходскія церкви, монастыри и т. п. Мечиславъ приписалъ къ этимъ церквамъ значительныя имѣнія и обложилъ всѣхъ подданныхъ десятинною повинностью въ пользу духовенства.

Но христіанство, введенное насиліемъ, принималось плохо. Въ 979 году Мечиславъ принужденъ былъ самъ разъѣзжать по городамъ и деревнямъ и крестить какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ, употребляя на этотъ разъ, кромѣ принужденія, и подкупъ: крещенымъ раздавалъ онъ и деньги и одежды (3).

смерти Дабровки, Мечиславъ взялъ жену обряда латынскаго и чрезъ посредство ся и нѣмцевъ, начавшихъ наводнять Польшу, Мечиславъ, по нѣкоторымъ своимъ владѣніямъ данникъ императора нѣмецкаго, перемѣнилъ обрядъ славянскій на латынскій, а не вѣру, ибо и сначала былъ вѣры римской, т. е., признавалъ власть папы. (*Maciejowskiego*, Pierwotne dzieje Polski i Litwy. стр. 119—120).

(1) Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystkiey Rusi *Maceja Stryjkowskiego,* wydanie nowe przez M. Malinowskiego. Warszawa. 1846. tom. 1. стр. 141. «Drudzy zas grożbami do chrztu świętego przymuszeni bywali».—«Xiążę Mieclaw jaconym wyrokiem wiwolać po miastach i wsiach wszędzie kazał, aby każdy z osobna, tak slachta, jako poddani i wszelkiego stanu ludzie, pod gardlem i straceniem majętnosci, siódmego dnia Marca miesiąca, pochrzcili się».

(2) Польскіе лѣтописцы то приписываютъ основаніе 9-ти епархій Мечиславу, то Болеславу. Въ этомъ отношеніи особенно запутался *Длугошъ. Бандтке* приписываетъ это послѣднему, но едвали вѣрно. Вѣроятнѣе, что Болеславъ только упрочилъ эти епископства. (См. *Длугоша*, стр. 240. Сравн. съ *Кадлубкомъ*, стр. 643—644).

(3) *Joannis Dlugossi.* Historiae Polonicae libri XII. Lipsiae. 1711. стр. 104: «tam pecuniae, quam vestium largitione exhilaratos, et in fidei, et in sui charitatem pellicit».

Католическое духовенство, составлявшее въ Европѣ отдѣльное высшее сословіе, нашло въ Польшѣ устройство общинное; земля принадлежала всѣмъ, повинности и притомъ самыя незначительныя были для всѣхъ одинаковы, судъ и расправа, принадлежавшіе князю, были общіе для всѣхъ обитателей (1). Естественно, что такіе два противоположные элементы, поставленные обстоятельствами лицомъ къ лицу, не могли не произвести взаимнаго воздѣйствія, при чемъ вліяніе духовенства, образованнаго и сильнаго по святости проповѣдуемаго имъ ученія, конечно должно было превозмочь всякое другое.

Въ 979 году, по словамъ Длугоша, введенъ былъ долго сохранявшійся въ Польшѣ обычай обнажать мечь до половины во время литургіи. Соглашаясь съ Бандтке (2), что этимъ дѣйствіемъ означалась не только готовность защищать христіанскую вѣру, но и распространять ее мечемъ, нельзя не сознаться, что этотъ обычай вполнѣ характеризуетъ способъ, которымъ введено было христіанство въ Польшѣ.

Но видно, пропагандическое путешествіе Мечислава не имѣло ожиданныхъ послѣдствій; ибо въ слѣдующемъ 980 году онъ, удостовѣрившись, что какъ дворяне, такъ и крестьяне продолжаютъ совершать въ домахъ своихъ языческія требы и избѣгаютъ крещенія, отдалъ приказаніе, чтобы всѣ безъ исключенія къ положенному сроку и подъ страхомъ жесточайшаго наказанія и отнятія имущества, приходили въ ближайшія церкви для крещенія.

Папы не теряли изъ виду Польши. Тотчасъ по принятіи христіанской вѣры, хотя только по имени, страна эта сдѣлалась цент-

---

(1) *Lelewela*, Polska wiekow srednich. стр. 16, 22, 27.

(2) Dzieje narodu Polskiego. Wydanie trzecie. w Wroslawiu. 1835. стр. 122: «Zwyczay dobywania szabel z pochew do polowy pod czas mszy, gdy kaplan zaczynal czytać ewanielią, a chowania onych po odśpiewaniu na chórze Chwała tobie Panie, mógl być nie tylko znakiem gorliwéy gotowości na obronę nowey wiary, ale vraz i skutkiem potzeby teyże obrony, zwlaszcza gdy Polska zewsząd miala grożnych pogan i wiele niepzyiaciol w sąsiedstwie, a bałwochwałców i w samym kraju więkza jeszcze była liczba».

ромъ римской пропаганды. Жена Мечислава, Дабровка, ревностная христіанка, значительно способствовала утвержденію католицизма въ Чехіи, болѣе самой Польши привязанной къ прежней вѣрѣ. А въ 997 году бывшій прагскій епископъ Адалбертъ, за два года предъ тѣмъ возведенный въ санъ архіепископа гнѣзненскаго, уступивши это званіе родственнику своему Гауденцію, отправился изъ Польши, въ сопровожденіи 30-ти воиновъ, обращать въ христіанство жителей Пруссіи, которыми былъ убитъ. Изъ Польши же дѣйствовала католическая пропаганда и въ Венгріи.

Съ самаго введенія въ Польшу католицизма, эта страна самымъ этимъ фактомъ подчинилась римскому двору не только въ духовныхъ дѣлахъ, но и въ отношеніи свѣтской власти. Мечиславъ язычникъ не нуждался въ подтвержденіи правъ своихъ папою, котораго не признавалъ. Мечиславъ католикъ отправляетъ въ 997 году къ папѣ Бенедикту VII архіепископа краковскаго Ламперта, прося даровать ему титулъ королевскій, въ вознагражденіе за принятіе имъ католической вѣры, за учрежденіе множества епархій и въ поощреніе распространять католицизмъ между сосѣдними идолопоклонниками и схизматиками. Но папа, желая, чтобы милости его цѣнили болѣе, отказалъ въ этой просьбѣ, не будучи еще увѣренъ, говоритъ Бѣльскій (¹), что Мечиславъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ. Съ этой минуты папа какъ-бы становится судьею и наставникомъ короля польскаго, одобряетъ, или не одобряетъ его дѣйствія и т. п. Этотъ отказъ короны, съ точки зрѣнія римскаго двора, былъ весьма благоразуменъ. Папа этимъ самымъ подстрекалъ короля еще болѣе дѣйствовать въ пользу католическаго духовенства.

Въ этомъ посольствѣ видимъ и другой не менѣе замѣчательный фактъ: начало вліянія католическаго духовенства въ Польшѣ на дѣла свѣтскія. Архіепископъ Лампертъ является здѣсь не простымъ посломъ короля польскаго, а ходатаемъ за него, которому, въ случаѣ успѣха посольства, былъ бы онъ одолженъ самою своею

(¹) Стр. 35: «Mieczslawowi iey (korony) nie chcial dać Papież, nie ufaiąc mu do końca, aby prawym chrześciąninem bydź mial».

короною. Впрочемъ, уже при Мечиславѣ, для утвержденія епископовъ въ ихъ званіи, требовалось согласіе короля. Въ 996 году этотъ самый Лампертъ выбранъ въ архіепископы краковскіе духовенствомъ, съ согласія Мечислава ([1]).

Болеславъ I храбрый (999—1025).—Не даромъ папа Бенедиктъ VII не признавалъ Мечислава и его государство вполнѣ католическимъ. Польшѣ недоставало мученика. Этою святынею снабдилъ ее Болеславъ храбрый (999—1025), и за то получимъ корону королевскую ([2]). Онъ съ особою пышностью вывезъ изъ Пруссіи тѣло Адалберта и положилъ его въ Гнѣзнѣ. Императоръ германскій Оттонъ III, наслышавшись объ этомъ святомъ, далъ обѣтъ, въ болѣзни, поклониться его гробу, шелъ пѣшкомъ изъ Познани въ Гнѣзно, и во время пребыванія тамъ возложилъ на Болеслава вѣнецъ королевскій, какъ залогъ распространенія католической вѣры въ Польшѣ и сосѣднихъ съ нею странахъ ([3]). Напрасно Бандтке старается объяснить прибытіе въ Польшу императора причинами политическими, не довѣряя словамъ лѣтописцевъ. Не говоря уже о давно извѣстной истинѣ, что людей XI вѣка нельзя судить съ точки зрѣнія XIX, Оттонъ, ежели бы въ самомъ дѣлѣ нуждался въ Болеславѣ, легко могъ бы пригласить его къ себѣ,

---

([1]) *Длугошъ*, стр. 117: «Cui (secundo archiep. Cracov.) Lampertus per cleri et vicinarum ecclesiarum parochialium rectorum electionem, consensu ducis Poloniae Miecslai accedente, suffectus est in metropolitanam sedem».

([2]) *Меховита* прямо говоритъ: «Per merita beatissimi Adalberti coronam Boleslao et successoribus ejus, regibus Poloniae, perpetuo duraturam, donavit (Otto)». p. 33.

([3]) Императоръ въ граматѣ, возводящей Болеслава въ санъ королевскій, говоритъ: «Hunc itaque nos id bonum utileque videtur pro Dei honore, fideique sanctae exaltatione et incremento, et barbararum nationum, quae Polonorum regioni vicinae sunt, exterminio, regio dignaremur honore». Далѣе императоръ «hortans et monens illum quatenus pro fidei S. catholicae augmento et dilatatione, barbarorum exterminio, quam majorem posset navet operam, Ecclesiae Dei sua jura suamque honestatem, ministrisque illius observet». (*Dlugosz*. pag. 131—132).

обѣщая вѣнецъ королевскій, которымъ такъ дорожили тогдашніе поляки, а не идти самому пѣшкомъ въ Польшу([1]). Итакъ католицизмъ влекъ за собою двойственное подчиненіе королей польскихъ: папѣ и императору. Хотя польскіе лѣтописцы не забываютъ прибавить, что Оттонъ, коронуя Болеслава, избавилъ его отъ всякой себѣ подчиненности; но она должна была неминуемо существовать на дѣлѣ, ибо императоры почитались защитниками римской церкви (advocati ecclesiae).

Болеславъ находился подъ неограниченнымъ вліяніемъ духовенства, которому онъ надавалъ имѣнія, права, власть и совершенную независимость отъ правительства ([2]). За то католическіе духовные писатели не находятъ словъ, какъ описать и превознести качества сего государя.

При немъ основаны были въ Польшѣ три монастыря бенедиктиновъ. Въ 1005 году, по его настоянію и ходатайству императора Генриха, прибылъ въ великую Польшу изъ Испаніи Ромуальдъ съ двумя другими монахами, и въ сообществѣ еще четырехъ поляковъ основали обитель въ Казимірѣ. Пятеро изъ нихъ были убиты разбойниками и тѣмъ увеличили каталогъ польскихъ святыхъ. Въ слѣдующемъ 1006 году прибылъ въ Польшу сынъ венгерскаго короля Стефана, Емерикъ, и положилъ основаніе бенедиктинскаго монастыря около города Кельца. Наконецъ въ 1010 году основанъ былъ бенедиктинскій монастырь въ землѣ Сендомірской, въ мѣстечкѣ Сецеховѣ.—Вызывая чужеземныхъ монаховъ, Болеславъ подавилъ обрядъ славянскій, но, несмотря на всѣ усилія, мало утвердилъ поляковъ въ вѣрѣ римско-католической Латынскіе духовные, не зная народнаго языка и изучая его съ трудомъ, не могли наставлять свою паству, которая ихъ не понимала; да и тогда, когда выучивались попольски, мало успѣвали въ своей проповѣди ([3]). Польскіе историки замѣчаютъ съ удивле-

---

([1]) Dz. Narod. Pols. t. I. стр. 136.

([2]) Онъ такъ почиталъ епископовъ и своихъ священниковъ, говоритъ Галлъ, что въ присутствіи ихъ не смѣлъ сѣсть и называлъ ихъ господами своими (стр. 54).

([3]) *Macejowsk.* Pierw. dzieje Polski i Litwy. стр. 123.

ніемъ, что орденъ бенедиктиновъ, оказавшій во Франціи и Германіи столько заслугъ въ дѣлѣ просвѣщенія, оставался въ Польшѣ бездѣйственнымъ и безполезнымъ ([1]).

Болеславъ построилъ также много церквей, снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ, причислилъ къ нимъ на ихъ содержаніе земли, деревни и города.

Католическому духовенству далъ самобытное существованіе, отдѣливъ его отъ подчиненія правительству, именно даровавъ ему особое судопроизводство и защищая его во всѣхъ дѣлахъ и искахъ людей свѣтскихъ([2]). Назначенную отцомъ его десятину утвердилъ на вѣчныя времена, повелѣвая взимать ее со всѣхъ произведеній, за исключеніемъ золота, и освободилъ духовенство отъ всякихъ поборовъ и повинностей.

Но обитатели Польши питали къ католическому духовенству чувства совершенно противуположныя. Обремененные десятиною и другими вымогательствами духовныхъ, они нашли это католическое иго нестерпимымъ([3]). Въ 1022 году многіе дворяне составили заговоръ противъ духовенства, отказались платить десятину, ходить въ церкви и выгнали священниковъ. Король вооруженною силою усмирилъ бунтъ и главныхъ зачинщиковъ его частію казнилъ, частію подвергъ тѣлесному наказанію.

Итакъ, когда католическое духовенство стало на высшую степень самостоятельности, значенія политическаго и пріобрѣло значительныя богатства, христіанство сдѣлало мало успѣховъ въ Польшѣ. Введенное силою, оно поддерживалось, и то съ великимъ

([1]) *Naruszewicz.* tom. II. стр. 137. *Bandt.* tom. I. стр. 147. Кромѣ бенедиктиновъ, были во время Болеслава въ Польшѣ и другіе монашескіе ордена; но онъ предпочиталъ имъ бенедиктиновъ («Benedictinos caeteris ordinibus specialibus praetulit et amavit». *Dlug.* p. 173).

([2]) *Gallus.* p. 62: «Quibus ipse per omnia et in omnibus ita benevolus et obediens existebat, quod si forte aliquis principum contra quemlibet clericorum vel pontificum litigii causam inchoabat, vel si quidquam de rebus ecclesiasticis usurpabat, ipse cunctis manu silentium indicebat, et, sicut patronus et advocatus, pontificum causam et ecclesiae defendebat».

([3]) «Jugum orthodoxum non facile tolerabant» (*Dlug* p. 171).

трудомъ, принужденіемъ. Болеславъ разъѣзжалъ самъ по своему государству, разбивалъ идоловъ и заставлялъ язычниковъ обращаться въ католицизмъ. Мѣры насилія, употреблявшіяся католическимъ духовенствомъ, были такъ велики, что, по свидѣтельству Дитмара, непостившимся вырывали зубы (1).

Напитанный католическимъ духовенствомъ духомъ прозелитизма, Болеславъ распространялъ католическую вѣру вмѣстѣ съ своими завоеваніями. Въ 1015 году побѣдивъ пруссаковъ, онъ принуждалъ ихъ обращаться въ католицизмъ, настроилъ имъ церквей, насажалъ священниковъ (2). Точно также поступалъ онъ и въ другихъ покоренныхъ имъ странахъ, слѣдовательно и въ Богеміи и Моравіи (3). Такимъ образомъ, какъ замѣчено выше, Польша съ самаго принятія католическаго вѣроисповѣданія, сдѣлалась для римскаго двора центромъ его пропаганды.

Новокрещенская ревность Болеслава была такъ велика, что онъ самъ поспѣшилъ предложить папѣ т. н. Петровы деньги (динарій), жалуясь на императора германскаго Генриха, который препятствовалъ ему въ этой пересылкѣ (4).

---

(1) *Thietmar*. ed. Wagner. p. 248. «Et quicunque post septuagesimam carnem manducasse invenitur, abscissis dentibus graviter punitur. Lex namque divina in his regionibus noviter exorta potestate tali melius, quam jejunio ab episcopis instituto corroboratur».

(2) *Gallus*. p. 37: «Ipse namque Selenciam, Pomoraniam et Prusiam, usque adeo vel in perfidia resistentes contrivit, vel conversas in fide solidavit, quod ecclesias ibi multas et episcopos per apostolicum, immo apostolicus per eum ordinavit». *Bielski*. стр. 42: «Kaplanow im nadal, aby ie nauczali Chrzesćianskiey wiary».

(3) «Gentes vero barbarorum in circuitio, quas vincebat, non ad tributum pecuniae persolvendum, sed ad verae religionis incrementum coercebat, insuper etiam ecclesias ibi de proprio construebat et episcopos honorifice clericosque canonice cum rebus necessariis apud incredulos ordinabat». *Gallus*. p. 62—63.

(4) *Ditmar*, у Пертца 833. *Bandtkie*. Dz. Nar. Polsk. t. I. стр. 149.

Мечиславъ II (1025—1034).—Едва католическое духовенство утвердилось съ своими исключительными привиллегіями въ Польшѣ, какъ оно вызвало противодѣйствіе власти правительственной, отъ которой оно себя вовсе устранило ([1]). Только такимъ образомъ можно объяснить королевствованіе Мечислава II. Польскіе лѣтописцы, а за ними и новѣйшіе историки, подстрочно переводя слова лѣтописей, представляютъ Мечислава слабымъ, развратнымъ, однимъ словомъ, приписываютъ ему всевозможные пороки, но только въ общихъ словахъ, не приводя тому, какъ дѣлаютъ обыкновенно, примѣровъ и доказательствъ. Но разсмотрѣвъ внимательно сказанія лѣтописныя, мы видимъ, что Мечиславъ, подобно отцу своему, столь прославленному въ польскихъ хроникахъ, находился подъ вліяніемъ жены своей Риксы, такой же христіанки ([2]), какъ и Юдифь, но менѣе фанатической и не подчинявшейся волѣ духовенства ([3]). Нѣмка по рожденію, она окружила себя единоплеменниками, столь противными душѣ славянской, и дала вліянію ихъ перевѣсъ надъ вліяніемъ католическаго духовенства. Таковъ смыслъ царствованія Мечислава и послѣдующаго правленія вдовы его. Мечиславъ уже не язычникъ, поклоняющійся идоламъ и потому угнетающій христіанство, а государь христіанинъ, почитающій церковь, но не подчиняющійся слѣ-

---

([1]) Въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1030 годомъ записано: «Въ се же время умре Болеславъ великый въ лясѣхъ и бысть мятежъ въ земли лядьскѣ: всташе людье, избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть въ нихъ мятежъ». Лаврентьев. лѣт. въ 1-мъ томѣ Полн. собр. лѣтоп., изд. Арх. комм. стр. 64.

([2]) *Bielski*. k. 48: «bo chocia się zdala bydź nabożna, ale lakoma». — Удалившись въ Германію, Рикса основала тамъ два монастыря, приписавъ къ нимъ значительныя имѣнія.

([3]) Графъ Александръ *Пржездецкій* въ недавно изданномъ имъ сочиненіи «Ślady Boleslawòw Polskich po obcych krajach» говоритъ о Риксѣ: «Позднѣйшіе лѣтописцы, повторяя и усиливая слова Кадлубка, навели на память Риксы проклятія цѣлыхъ поколѣній,—еще Длугошъ не столько, но въ особенности Мѣховита, Децій, Гваньини, Яницкій, Кромеръ и позднѣйшіе,—такъ что имя Риксы въ устахъ потомства стало ненавистнѣе именъ Агнессы, Боны, Маріи Лудовики и Маріи Казиміры» (стр. 9).

по ея пастырямъ, подданнымъ своимъ. Духовные, писавшіе польскія лѣтописи, не упрекаютъ его въ недостаткѣ вѣры, а въ недостаткѣ щедрости къ церквамъ (1). Во все свое царствованіе онъ не построилъ новой церкви или монастыря, не сдѣлалъ пожертвованія въ пользу духовенства, ибо ни одинъ лѣтописецъ о томъ не упоминаетъ. Оттого-то и представленъ онъ въ такихъ черныхъ краскахъ писателями духовными; оттого смуты и волненія, послѣдовавшія послѣ его смерти. Духовенство недовольное, въ ошибочныхъ разсчетахъ своихъ, присоединилось къ раздраженному чужеземцами польскому дворянству и произвело гибельное для самого него междуцарствіе. Недолго продолжалось правленіе Риксы. По смерти мужа своего, открыто покровительствуя нѣмцамъ, раздавая имъ всѣ важныя мѣста въ правительствѣ, она возстановила противъ себя польское дворянство, а обложивши податью имѣнія духовныхъ, окончательно взволновала католическое духовенство (2). Бѣжавъ съ сыномъ своимъ въ Германію, она оставила Польшу въ смятеніи, безъ всякой государственной власти. Тогда-то, въ этомъ неограниченномъ произволѣ, въ необузданномъ проявленіи страстей, нуждъ и требованій, выразились враждебные элементы государственнаго устройства Польши. Угнетенные владѣльцами крестьяне выгоняли изъ имѣній и рѣзали помѣщиковъ; силою обращенные язычники, слышавшіе отъ пастырей своихъ не слово ученія Христова, а требованіе поборовъ, десятины, грабили имѣнія церковныя, умерщвляли священниковъ и епископовъ, побивали ихъ камнями, разоряли церкви, обращая ихъ въ конюшни (3). Тутъ-то эти два сословія должны были ясно увидѣть, что

---

(1) *Miechowita*. p. 35: «nihil frugalitatis, munificentiae regiae habens». *Dlug*. p. 189: «ille (Boleslaus) in singulos liberalis et magnificus; hic (Miecslaus) tenax et parcus».

(2) *Bielski*. p. 48: «y przeto rozmaite pobory ukladala ná poddane, tak na swoie, iako y na szlacheckie, y na duchovne».

(3) Тоже самое и вслѣдствіе тѣхъ же обстоятельствъ произошло въ Венгріи въ 1066 году. Вотъ какъ описываетъ эти смуты *Длугошъ* на стр. 259: «Ungaricus insuper populus ea tempestate secundam visus est in apostasia discessionem facere a fide christiana, rege enim Bela apud Albam Regalem agen-

элементъ народный имъ чуждъ и враждебенъ, что въ народѣ нѣтъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія и что единственнымъ условіемъ и залогомъ ихъ существованія можетъ быть только власть королевская ([1]). Католическое духовенство ошиблось въ своихъ расчетахъ. Недовольное нѣкоторыми поборами, оно вмѣстѣ съ дворянствомъ свергнуло власть королевскую, а поставленное лицомъ къ лицу съ народомъ, лишилось всего: имѣнія, жизни, даже надежды будущаго существованія въ Польшѣ, ибо многіе изъ поляковъ перешли вновь къ идолопоклонству ([2]). Потому католическое

---

te conventum, tanta illuc colonorum et servitiorum confluxit multitudo, ut tam rex, quam episcopi et barones trucidationem veriti, in civitate se recluderent. Creati autem per eos praefecti, capitanei et praepositi, speciem justae seditionis et belli civilis effecerant. Horum legati venêre ad Belam regem postulantes, *ut episcopis et praesbyteris exterminatis, ecclesiis, campisque comminutis, liceret eos ritu vetusto et gentile vivere, absque decimarum, quarum eis onerosam deducebant solutionem, redditione*. Consternatus hac legatione, Bela rex post triduum se responsurum spopondit; interim praepositis et praefectis rusticorum fidem et religionem christianam blasphemantibus ac detestantibus, gentiles vero ritus offerentibus, universa plebs eis assensa, priscum ritum et barbarum se de caetero servaturum magna cum gratulatione pollicebatur. Rex in tam periculoso discrimine, et religionem orthodoxam, et statum suum ac regni videns versari, nihil amplius cunctandum, ne seditio coalesceret in immensum, ratus, tertia die, qua daturus erat responsum, submissis armatis militibus praepositos et praefectos, caeterosque illius factionis principales jussit comprehendi, et vario mortis genere excruciatos in conspectu caeterorum necari. Quo viso, caetera multitudo, pavore concepto, confestim diffugit».

([1]) *Dlug*. p. 205: «Omnium quidem sententiae congruebant sine rege et principe neque mala exorta dispelli, neque ad debitum ordinem regnum posse deduci».

([2]) *Dlug*. p. 193 — 194: «In hac quoque tempestate, neque templis, neque sacris locis et ministris Dei indultum est; sed rapacibus et sacrilegis manibus, templa magnis insignia et locupletia spoliata, bona ecclesiarum direpta sunt, in sacerdotes vario mortis genere saevitum est. Alii enim mucronibus et lanceis perfodiebantur, alii jugulabantur. Caeteri lapidibus, quasi quaedam victimae, a profanis hominibus, qui non solum fidem

духовенство первое стало требовать возстановленія прежняго порядка, предсказывая дворянству а вмѣстѣ съ нимъ и своей кастѣ, что въ противномъ случаѣ дойдетъ до того, что властвовать надъ ними будутъ тѣ, которые находятся подъ ихъ властію (¹).

Казиміръ I (1041 — 1058).—Убѣдившись въ необходимости власти королевской, дворянство и духовенство польскія затруднялись въ выборѣ короля. Нѣкоторые хотѣли избрать Ярослава, но другіе, вѣроятно духовенство, тому воспрепятствовали, ибо онъ греческой вѣры (²). Такимъ образомъ латынизмъ, съ самаго появленія своего въ Польшѣ, разъединилъ два славянскіе народа. Наконецъ рѣшились вызвать сына Мечислава, Казиміра I.

Историки польскіе, Нарушевичъ, Бандтке и др., по слѣдамъ Мабилльона, опровергли общее лѣтописное преданіе о постриженіи Казиміра въ французскомъ бенедиктинскомъ монастырѣ Клюньи (³). Но во всякомъ случаѣ неоспоримо, что онъ былъ воспитанъ духовными и въ монашескихъ правилахъ (⁴) и что римскій дворъ значительно содѣйствовалъ возведенію его на престолъ отеческій.

---

et religionem, sed etiam pietatem et humanitatem a se abdicaverant, obruebantur. Ad ritus insuper gentiles et profanos nonnulli redeundum consentiebant, et ob id contra jus et fas omnia divina atque humana permixta erant, plures quoque ecclesiae desertae, ferarum animalium et bestiarum erant cubilia». *Gall.* p. 90: «Insuper etiam a fide katholica deviantes, quod sine voce lacrimabili dicere non valemus, adversus episcopos et sacerdotes Dei seditionem inceperunt, eorumque quosdam gladio quasi dignius peremerunt, quosdam vero quasi morte dignos viliori lapidibus obruerunt».

(¹) *Bielski.* p. 50: «Byli drudzi stateczni ludzie starzy, co to miarkowali miedzy nimi, zwlaszacza duchowné osobi starsze, którzy im to rozważali iż ieśli tych rzeczy nie poprzestaną a wczas się nie obacza, tedy przydzie im do tego na ostatek, iż im ci panować będą, którym oni teraz panuią: abo się w ręce niprzyiaciolom swym dostaną».

(²) *Bielski.* p. 49: «Jedni chcieli Ruskie xiąże Jaroslawa; drudzy nie chcieli przyzwolić, iż byl Greckiey wiary».

(³) *Band.* Dz. Nar. Pols. t. 1. стр. 170.

(⁴) *Gall.* p. 98: «Qui monasterio parvulus a parentibus est oblatus, ibi sacris literis liberaliter eruditus».

Эти два обстоятельства, поясняя причины содѣйствія духовенства въ выборѣ короля, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность понять и оцѣнить послѣдующія его дѣйствія. Освобождая себя отъ произвола народнаго возстановленіемъ власти королевской, духовенство упрочило свою отъ нея независимость выборомъ короля, воспитаннаго въ его правилахъ. Римскій дворъ, помогая Казиміру, все болѣе и болѣе порабощалъ себѣ Польшу; за дарованіе этого короля папа обязалъ ее быть данницею Рима, обложивъ, въ свою пользу, поголовною податью всѣхъ жителей Польши, подъ названіемъ динарія св. Петра, которая съ тѣхъ поръ постоянно уплачивалась папамъ (1) какъ Польшею, такъ и присоединенными къ ней въ послѣдствіи землями. „Съ тѣхъ поръ королевство польское,—говоритъ Длугошъ,—стало подвластнымъ римскому двору и начало платить подать римскому первосвященнику“ (2).

Казиміръ долженъ былъ оправдать свое призваніе, дѣйствуя въ пользу дворянства усмиреніемъ крестьянъ, а духовенства — уничтоженіемъ язычниковъ, возстановленіемъ храмовъ, возобновленіемъ духовныхъ привиллегій. Такъ онъ и поступилъ тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Польшу. Но народный элементъ, враждебный этимъ двумъ сословіямъ, не вдругъ могъ быть подавленъ въ Мазовіи; тамъ онъ нашелъ защитника въ лицѣ Маслава (Мечиславъ, Моиславъ), человѣка простаго происхожденія, вышедшаго изъ народа (3), который посредствомъ него, и опираясь на этомъ началѣ, думалъ возсѣсть на престолъ польскій. Таково настоящее значеніе этой междоусобной войны, войны крестьянъ противъ владѣльцевъ, язычниковъ противъ удручавшаго ихъ католическаго духовенства (4). Но Маславъ былъ побѣжденъ, и латынизмъ, вмѣстѣ съ Казиміромъ, вновь утвердился въ Польшѣ.

---

(1) *Boguphali*. Chronicon Poloniae. Varsaviae. 1752. p. 22.

(2) *Dlug*. p. 230. *Bielski*. p. 51: «June rzeczy ustaly, iedno pieniądz S. Piotra ieszcze podobno nie ustal». *Cromer*. p. 50.

(3) *Kadlubek*. p. 652: «quidam de sordido famulitii genere avo originario». На стр. 656 онъ же говоритъ: «Mazovitani sibi Maslaum ignobilem et plebeium in regem assumserunt». *Boguphal:* «quendam Maslaum ex ignobili prosapia, qui ducem Mazoviorum se fecerat».

(4) *Dlug*. p. 223: «Prutheni, caeterique barbari dum Maslaum

Государь этотъ возстановилъ католицизмъ, какъ онъ былъ при Болеславѣ, обогатилъ храмы (1) и во всемъ дѣйствовалъ по указаніямъ духовенства, особенно монашествующаго (2). Въ 1044 г. вызвалъ онъ 12 монаховъ бенедиктиновъ изъ Клюньи и основалъ для нихъ обитель въ Тынецѣ (въ 2-хъ миляхъ отъ Кракова), обогативъ ее такъ, что ни прежде, ни послѣ него не было въ Польшѣ болѣе богатаго монастыря. Въ слѣдующемъ 1045 году построенъ былъ другой бенедиктинскій монастырь въ Любушѣ.

Первая подать Риму уплачена была въ 1045 году, и въ самомъ началѣ оказалась тягостною для народа (3).

Что касается до выбора епископовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ всегда дѣлался съ согласія короля, что всего яснѣе можно видѣть изъ поставленія покровительствуемаго имъ настоятеля тынецкаго, Аарона, въ архіепископы краковскіе (4).

Болеславъ II смѣлый (1058—1081). — Духовенство и дворянство, какъ привиллегированныя сословія, имѣя одинаковыя выгоды и цѣли, продолжали дѣйствовать въ однихъ намѣреніяхъ, укрѣпляя постепенно союзъ между собою. „Өеократія, утвердившаяся во времена Мечислава и Болеслава I, — говоритъ И. В. Бандтке, — проложила путь аристократіи“ (5). Ламбертъ Зула,

---

vera persuasisse existimassent, suaptae tamen et ipsis Polonis veluti finitimis, et in christiana religione diversis infesti, in bellum Cazimiro regi rursus inferendum conspirant, et non solum ex militibus et ex his qui arma soliti tractare erat, sed et agrestibus et servitiis ingentes copias contrahunt et conquirunt».

(1) *Dlug.* p. 246: «ecclesiarum munificus dotator».

(2) *Cromer.* p. 54: «in ecclesiasticos homines in primis propenso animo». *Gallus.* p. 98: «Dicitur quoque sanctam ecclesiam affectu magno pietatis honorasse, sed precipue monachos sanctarumque monialium congregationes augmentasse». *Dlug.* p. 227: «accepit augmentum fides».

(3) *Dlug.* p. 230: «Videbatur autem census ipse, qui denarius S. Petri appellabatur, primum Polonis onerosus et difficilis, utpote qui secum perpetuam trahebat in Polonos gravedinem».

(4) *Dlug.* p. 220. 235. 244. 230.

(5) Jus Polonicum. Varsaviae. 1831. p. 7.

архіепископъ краковскій, происходившій изъ фамиліи дворянской, постановилъ, чтобы члены капитула всегда были изъ дворянъ, что́ ненарушимо продолжается и донынѣ ([1]). Такимъ образомъ аристократическій элементъ обозначился ясно въ духовенствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти два сословія, хотя и соединенныя, не были еще довольно сильны (какъ это оказалось въ междуцарствіе), чтобы править Польшею безъ помощи власти королевской. Имъ нуженъ былъ еще король, но король слабый, подчиненный ихъ вліянію, имъ надобенъ былъ Казиміръ, орудіе собственной ихъ воли. Не такимъ является Болеславъ смѣлый (1058—1081), показавшій силу своего оружія въ Богеміи, Венгріи, на Волыни, дважды занявшій Кіевъ. Не монахъ, а воинъ, чувствовавшій свое могущество, онъ опирался на войско, а не на аристократію и духовенство, безсильныхъ ему противоборствовать. Христіанинъ-католикъ, онъ основываетъ бенедиктинскій монастырь въ Могильнѣ, призываетъ въ него братію изъ Тынеца, богатитъ ее своими дарами. Но, какъ государь, онъ не можетъ терпѣть грабительства корыстолюбиваго духовенства и въ 1074 году зоветъ на судъ епископа краковскаго, завладѣвшаго не по праву чужими имѣніями. Удерживая въ законныхъ предѣлахъ власть духовную, король мало склоненъ былъ къ дворянству, памятуя, — говоритъ лѣтописецъ,—возстаніе его противъ своего отца и сверженіе его съ престола ([2]). Восемнадцать лѣтъ постоянныхъ побѣдъ и воинской славы удерживали эти два сословія въ повиновеніи. Но когда, въ бытность Болеслава въ Кіевѣ, народъ по прежнему возсталъ противъ владѣльцевъ ([3]), то дворянство, оставивъ короля одного,

---

([1]) *Bielski*. p. 56: «Ten Lampart Zula, iż sam byl familii wielkiey, to iest (iako catalog swiadczy) z domu Toporow, nie chcial aby też kto podleyszy siedzieć mial w Kapitule Krakowskiey, tylko szlachcicy, y do tych czasow to ieszcze trwa».

([2]) Vita S. Stanislai apud *Bandtke*. p. 345: «Boleslaus proposuit in animo suo, ut injurium suorum parentum in nobilibus Poloniae, qui eos exulare de regno fecerunt, vindicaret».

([3]) *Ib*. p. 346: «Servi, itaque parturientes in dominos suos, lares ipsorum et cubicula occupant, municipia firmant, castella extruunt» и т. д. *Ib*. p. 349: «Quia autem servorum in dominos conspirata est malicia»! (*Boguph*. p. 26).

возвратилось въ Польшу и вступило въ междоусобную войну съ своими подданными. Вернувшись въ отечество, Болеславъ сталъ за народъ ([1]), многихъ дворянъ казнилъ, другихъ засадилъ въ темницу, лишивъ имѣній. Тогда-то возвысилось духовенство въ лицѣ краковскаго епископа Станислава, подкрѣпляемаго дворянствомъ ([2]); оно не могло простить королю обложенія духовныхъ имѣній нѣкоторыми повинностями, и именно, какъ упоминается въ лѣтописяхъ, постоемъ ([3]). Обвиняя Болеслава въ развратѣ, епископъ проклялъ его, отлучилъ отъ церкви и отъ сообщества съ другими людьми. Самостоятельность власти духовной здѣсь выразилась вполнѣ. Но и власть свѣтская, еще сильная, не думала уступить правъ своихъ. Болеславъ, вѣрный своему времени, безъ суда и расправы, собственноручно умертвилъ епискона Станислава; но это была для него не побѣда, а конечное паденіе. Духовенство въ то время было не столько сильно само по себѣ въ Польшѣ, сколько покровительствомъ Рима, гдѣ на престолѣ св. Петра сидѣлъ творецъ его могущества, папа Григорій VII. Услышавъ о случившемся въ Польшѣ, онъ тотчасъ же наложилъ запрещеніе на все государство, лишилъ Болеслава короны ([4]), освободилъ

([1]) *Ib.* p. 347—348: «Boleslaus.... efferatis animis rediit in Poloniam, et in suos nobiles, quam dudum mente conceperat, retorsit maliciam, fingit illos injurias suas non implere ulcisci, sed regiam majestatem in plebe persequi. Gloria, inquit, est principis in multitudine populi, et plebe deleta quid nisi ignominia regis?»

([2]) *Длуг.* стр. 285: «baronibus nequicquam praesulem, ne gravis aliquid rex in eum moliretur, a regia injura defendentibus».

([3]) *Ib.* p. 287: Stanislaus.... Boleslaum monit et requirit, ab exactione evectionum, quae podvodae nominantur, se contineat, a civibusque et rusticis, tam spiritualium, quam secularium personarum, stationes non exigat».

([4]) *Сарницкій* весьма, кажется, основательно объясняетъ дѣйствія Григорія, именно слѣдующимъ образомъ: «Vegementer tunc statum rerum Christianarum perturbabat illa controversia exorta inter pontifices et imperatores de conferenda dignitate regia. Imperatores enim jactabant, imperatorum esse reges creare, pontificum vero sanctos canonizare, ut vocant; contra pon-

подданныхъ отъ повиновенія королю. Но Болеславъ, вѣроятно поддерживаемый народомъ, не повиновался папѣ, говоря, что казнь одного безумнаго, дерзкаго и корыстолюбиваго епископа не заслуживаетъ подобнаго наказанія (1). Болѣе года онъ удержался на престолѣ польскомъ, не смотря на отлученіе папы (2); но наконецъ, чувствуя себя не въ силахъ болѣе бороться съ дворянствомъ, которое, поддерживаемое столь могучимъ папою, устроило противъ него всеобщій заговоръ (3), онъ ушелъ въ Венгрію.

---

tifices nitebantur exemplis politiae veteris testamenti, ubi pontificum erat eos confirmare, qui ad munus regium subeundum aptissimi viderentur. Notae sunt controversiae et bella Henrici quarti imperatoris cum aliquot pontificibus, qui ita ttim illa aetate afflictus erat ob hujusmodi controversias, ut multi jam fasces imperii aliorum periculo deterriti suscipere detrectarent. Jam vero quia Otho tertius decus regium Poloniae paucis ante diebus contulerat, ipseque Gniesnam veniens, ut supra narravimus, Boleslaum Chrobri regem Poloniae invito, aut saltem inconsulto pontifice, coronaverat; ideo pontifices exasperati semper occasiones quaerebant hanc imperatorum potestatem minuendi, aut certe irritam reddendi. Et quia Boleslaus audax suo enormi facto fenestram et aditum ad perficiendum vetus hoc consilium pontificibus pateficerat, idcirco nulla mora interposita Gregorius septimus fulmen hoc ignitum primo in Boleslaum torquet, eumque de regni solio dejicit; deinde sancit novo edicto proposito, ne episcopi quemquam injussu suo regem inungant, aut coronent». (*Stanislai Sarnicii* Annales. Въ изданіи Длугоша 1712 г. стр. 1057).

(1) *Dlug.* p. 297: «quaerens se et rengum suum injustum decreto perculsum, neque pro occisione unius dementis et temerarii episcopi, culpa sua necati, tot poenis mulctandum». Далѣе говоритъ, что отзывался о немъ такъ: «opibus deditum, non episcopum». См. также *Wincentii Kadlubkonis*, episcopi cracoviensis, Historia Polonica (въ изданіи Длугоша 1712 г. стр. 665).

(2) *Cromer.* p. 61: «Nihilominus tamen annum et amplius Boleslaus postea regnavit».

(3) *Ib.* «Conspirarunt deinde in necem ejus nobiles et proceres nonnulli». *Miechowita* p. 50: «Ipse tamen se pro rege gessit, et singulos parere suis imperiis coegit, donec quosdam

Итакъ, едва истекло столѣтіе со времени насильственнаго введенія въ Польшу католицизма, латынизмъ успѣлъ высказаться въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ. Составляя собою одно цѣлое, какъ-бы одно государство, латынское духовенство явилось въ Польшѣ, какъ и вездѣ, естественнымъ противникомъ всякой другой власти, то есть, власти правительственной, государственной.

Король былъ выгнанъ, Польша отлучена отъ церкви, три года костелы ея были заперты (1); казалось бы, достаточно было такого торжества духовенству. Но успѣхъ не право, не истина. Сильное фактомъ, дѣйствительностію, латынское духовенство старалось всегда быть не менѣе сильнымъ идеею, убѣжденіемъ народнымъ. Отсюда произошли всѣ сказочныя преданія польскихъ лѣтописцевъ, представляющія Болеслава извергомъ человѣчества, а епископа краковскаго святымъ и непорочнымъ. Нужно ли доказать справедливость завладѣнія чужимъ имуществомъ, не подкрѣпляемаго никакими актами,—Станиславъ воскрешаетъ давно умершаго владѣльца его и заставляетъ свидѣтельствовать въ свою пользу. Слѣдуетъ ли увѣрить толпу въ преступленіи короля и святости казненнаго епископа,—тѣло его, разрубленное въ куски, хранится орлами, испускаетъ изъ себя свѣтъ, наконецъ само по себѣ сростается и дѣлается нетлѣннымъ. Не довольно было латынскому духовенству самымъ дѣломъ доказать превосходство свое надъ властью свѣтскою, не довольно обвинить короля и расхвалить епископа; оно возводитъ Станислава въ святые, открываетъ его мощи на поклоненіе народное, заставляетъ его производить всевозможныя чудеса. Такимъ образомъ, первымъ святымъ Польши сталъ подданный, не повинующійся своему государю: въ этомъ фактѣ заключился весь духъ іерархическаго ученія церкви католической, корыстолюбивой и самовластительной.

Откинувъ оболочку пристрастныхъ сказаній лѣтописныхъ, повторенныхъ столько разъ позднѣйшими писателями и риѳмопис-

---

primores regni in captivationem ejus et mortem conspirasse cognovit».

(1) *Bielski*. p. 63: «Kościoli wszystkie w Polszcze zaklął, a trwały te klątwy przez trzy lata».

цами, мы видимъ въ этихъ печальныхъ событіяхъ простую борьбу двухъ сословій, дворянскаго и духовнаго, противъ короля и народа, борьбу, обозначенную уже выше и постоянно продолжавшуюся. Дворянство и духовенство желали власти и богатства, основаннаго на угнетеніи народа. Король стоялъ за собственную власть (1), народъ—за жизнь и скудное свое достояніе. Таковъ смыслъ очевидно и пристрастно затемненныхъ разсказовъ лѣтописцевъ.

Владиславъ (1082—1102).—Въ послѣднія сорокъ лѣтъ партія аристократическая усилилась значительно; она могла не только противодѣйствовать власти королевской, но и удерживать народъ, что̀ очевидно изъ усмиренія подданныхъ дворянами, возвратившимися въ 1076 году изъ-подъ Кіева, не смотря на покровительство народнаго элемента королемъ (2). Потому, свергнувъ съ престола Болеслава, аристократія не страшилась повторенія бѣдствій перваго междуцарствія. Дѣйствительно не находимъ въ лѣтописяхъ этого времени ни бунтовъ крестьянъ противъ владѣльцевъ, ни обратнаго перехода народа въ язычество, грозившихъ въ 1040 году конечною гибелью польскому дворянству и латынскому духовенству. Но непорядки, воровства, грабежи распространились до такой степени, что аристократія принуждена была вновь обратиться къ монархизму (3), избравъ, соотвѣтственно своимъ цѣлямъ и намѣреніямъ, на престолъ польскій брата Болеславова, Владислава (1082—1102). Власть королевская, ослабленная, по сверженіи Болеслава, совершеннымъ подчиненіемъ римскому двору, лишившему Польшу даже титула королевскаго, становилась вовсе ничтожною въ рукахъ новоизбраннаго государя. Слѣпая его набожность удовлетворяла требованія духовенства, а неспособность и слабость обѣщала просторъ обоимъ сословіямъ: дворянскому и духовному (4). Таковый выборъ не могъ, по тѣмъ же самымъ при-

(1) Vita Sancti Stanislai. p. 377: «invisus (Boleslaus) nobilibus Poloniae».

(2) *Dlug*. p. 281.

(3) *Beilski*. p. 64: «Widząc Polacy zé im źle bez Krola».

(4) *Длугошъ* (стр. 303) называетъ Владислава «principem rarae devotionis». *Cromer* (p. 62) описываетъ его такъ: «ad qui-

чинамъ, не нравиться папѣ. Первымъ дѣйствіемъ Владислава, по его избраніи, было испрошеніе прощенія Польшѣ у Григорія VII, который рѣшился снять съ нея интердиктъ и поставить епископа въ краковскую епархію.

При владычествѣ аристократіи, будущность королевской власти и надежда народная заключались въ Мечиславѣ, молодомъ сынѣ Болеслава, жившемъ при дворѣ польскомъ. Обѣщая въ молодыхъ лѣтахъ доблести отца своего, онъ пользовался особенною любовію народа и тѣмъ самымъ привлекъ ненависть аристократіи, положившей его преждевременно въ гробъ (¹). Вся Польша, говоритъ *Галлъ*, оплакивала отравленнаго Мечислава, какъ мать единственнаго своего сына: крестьянинъ оставилъ свою соху, пастухъ свое стадо, работникъ свое ремесло; но въ особенности, прибавляетъ онъ, скорбѣли о потерѣ Мечислава рабы и вообще люди несвободные (²). Такимъ образомъ сошелъ со сцены единственный представитель начала народнаго, лежавшаго въ основаніи власти королевской; но со всѣмъ тѣмъ оно не могло погибнуть, ибо законъ исторической необходимости сильнѣе произвола самыхъ могущественныхъ партій.

За немощнымъ и слабоумнымъ государемъ мощно сталъ человѣкъ государственный. Сецехъ, воевода краковскій и начальникъ

---

etem autem et otium, quam ad bellum, propensior, et humanitatis atque religionis amantior, quam gloriae».

(¹) *Dlug.* p. 314: «Habet nonnullorum scriptorum assertio, factione certorum Poloniae baronum, eorum praecipue, quorum autoritate et objurgatione Boleslaum Poloniae regem exulatum iri constabat, veneno ducem praefatum Miecslaum sublatum fuisse». *Gall.* p. 117: «Aiunt enim quosdam emulos, timentes, ne patris injuriam vindicaret, veneno puerum bonae indolis peremisse».

(²) *Gall.* p. 117—118: «Mortuo autem puero Mescone, tota Polonia sic lugebat, sicut mater unici mortem filii. Rustici quippe aratra, pastores pecora deserebant, artifices studia, operatores opera, prae dolore Mesconis, postponebant, parvi quoque pueri et puellae, servi insuper et ancillae Meschonis exequias lacrimis et suspiriis celebrabant».

войска, пользуясь совершенною довѣренностію Владислава ([1]), положилъ цѣлію своихъ дѣйствій утвержденіе власти государственной уничтоженіемъ аристократіи. Опираясь на народъ и предпочитая дворянамъ людей простаго происхожденія ([2]), онъ обуздывалъ вассаловъ, отнималъ у нихъ владѣнія и замки, каралъ ихъ нещадно ([3]). Многіе дворяне, раздраженные потерею власти и вліянія, бѣжали къ чешскому королю Бретиславу, и съ помощью его наслали новыя бѣды на Польшу. Поставивъ, съ согласія вратиславскаго епископа Магнуса ([4]), во главѣ своей постриженнаго въ одномъ саксонскомъ монастырѣ незаконнаго сына Владиславова, Збигнѣва, они двинулись съ чешскимъ войскомъ въ свое отечество. Владиславъ разбилъ ихъ, захватилъ Збигнѣва и отдалъ его въ заключеніе своему любимцу. Но духовенство пришло на помощь связанному съ нимъ однѣми и тѣми же выгодами дворянству, упросивъ государя признать незаконнорожденнаго Збигнѣва и уравнять его въ правахъ съ законнымъ сыномъ Болеславомъ ([5]). Слабый Владиславъ согласился и, раздѣливъ между этими двумя сыновьями Польшу еще при своей жизни, оставилъ себѣ только высшее завѣдываніе дѣлъ государственныхъ. Обезси-

---

([1]) *Cromer*. p. 66: «ita ut ex ejus fere nutu respublica omnis et princeps ipse pendere videretur».

([2]) *Gall*. p. 139: «ingobiles vero nobilibus preponebat».

([3]) Такъ онъ отнялъ у дворянъ староства краковское, сендомирское, сѣрадское, плоцкое и др. См. *Бѣльскаго*. стр. 67. *Cromer*. p. 66: «Magnam ea res ipsi apud nobilitatem Polonam invidiam conciliaverat; majus ipse sibi in dies odium, intolerabili fastu suo et immoderato dominatu conflabat. Itaque complures ab eo bonis exuti, proscripti, aut aliqua insigni injuria vel contumelia affecti; multi item potentiam et importunitatem ejus reformidantes, aut necessarios afflictos secuti, solum verterant». *Bielski*. p. 67: «Szlachte iedne na gardle karal, a drugie wywolać dal, imienie im bral, zwlaszcza na kogo się rozgniewal». См. также *Меховиту*. стр. 57.

([4]) *Boguphal*.

([5]) *Gall*. p. 147. *Cromer*. p. 68: «Unde cum Gnesnam ad basilicae dedicationem à Martino archiepiscopo invitatus, cum multis proceribus et aliquot episcopis venisset, eorum precibus expugnatus, veniam Sbigneo dedit, filium agnovit».

ленная уже власть королевская, теперь стараніями духовенства и дворянства распалась на двое, не переставая однако пугать эти привиллегированныя сословія, ибо Сецехъ находился при государѣ и продолжалъ дѣйствовать въ прежнихъ намѣреніяхъ. Аристократія, овладѣвъ малолѣтнимъ Болеславомъ и Збигнѣвомъ, отъ ихъ имени возстала противъ Сецеха, завладѣла отнятыми имъ у дворянъ замками, а духовенство, стращая короля участію, готовимой его любимцу (1), заставило удалить его отъ себя (2).—Такимъ образомъ въ царствованіе Владислава уничтожены были всѣ преграды для произвола латынскаго духовенства: ослабивъ сначала власть государственную, оно ослабило самое государство, а тѣмъ увеличило собственное вліяніе и могущество. Вѣрность и успѣшность его дѣйствованія оказались затѣмъ непосредственно: тотчасъ по смерти Болеслава, когда не охладѣлъ еще трупъ его, уже два брата ссорились за отцовское наслѣдіе, а епископы явились ихъ судьями и примирителями.

Болеславъ III кривоустый (1102—1139).—Почти все царствованіе Болеслава III кривоустаго протекло въ междоусобіи съ братомъ его Збигнѣвомъ, междоусобіи выгодномъ для аристократіи. Збигнѣвъ, съ самаго начала своего владычества въ сѣверозападной Польшѣ, высказался вполнѣ: возведенный изъ монастырской келіи на престолъ, онъ не покровительствовалъ духовенству; незаконнорожденный, обязанный всею своею властію дворянству, онъ сталъ его противникомъ. Единственнымъ его стремленіемъ, цѣлію всѣхъ его дѣйствій было единодержавіе (3), и даже, сколько можно понять изъ метафорическихъ сказаній лѣтописцевъ, едино-

(1) *Cromer*. p. 69: «Ab iis persuasum est principi, ut filiorum postulata faceret potius, quam vim et furorem multitudinis unà cum Sececho experiretur».

(2) *Dlug*. p. 341: «Wladislaus..., magnopere suadentibus pontificibus, et ecclesiasticis personis, qui pro tollendo communi dissidio illuc convenerunt, animo deliberato cedens, Setegium a se protinus abdicat».

(3) *Cromer*. p. 71: «Ad universum principatum adspiraret».—*Bielski*. p. 70: «Brat iego Zbigniew umyślil posieść krolestwo Polskie pod nim». *Miechowita*. p. 64: «Sbigneus, frater naturalis, totius regni Poloniae ambiens dominium».

державіе неограниченное (1). Затѣмъ, не труденъ былъ для аристократіи выборъ между двумя государями; она стала на сторонѣ послушнаго ей Болеслава, рыцаря по природѣ, любившаго войну для войны, проведшаго въ ней всю жизнь свою и вовсе не заботившагося о внутреннихъ дѣлахъ государства. Оружіемъ Болеслава аристократія восторжествовала надъ Збигнѣвомъ: онъ былъ ея плѣнникомъ. Она хотѣла и могла извести его, но смерть Збигнѣва не послужила бы въ ея пользу; конечно, она уничтожила бы въ немъ своего противника, но тѣмъ самымъ создала бы себѣ новаго и болѣе опаснаго — единодержавіе. Ей нужно было взять верхъ надъ Збигнѣвомъ, ослабить его, сдѣлать ничтожнымъ, но оставить его въ Польшѣ, чтобы въ случаѣ нужды воспользоваться имъ противъ Болеслава. Дальновидное духовенство, смиривъ ярость дворянства, уговорило Болеслава пощадить брата, отдавши ему во владѣніе одну Мазовію (2). Такая политика совершенно согласовалась съ выгодами аристократіи, въ чемъ нетрудно было ей удостовѣриться изъ противнаго совѣта Сецеха, извѣстнаго врага дворянства, тогда возвращеннаго изъ ссылки, который настаивалъ

---

(1) По заключеніи мира съ братомъ, Збигнѣвъ въѣхалъ въ Польшу, по словамъ лѣтописцевъ, «sicut dominus, cum ense praecedente», «miecz przed sobą xiążecy, iako był tego obyczay, kazał nieść», чѣмъ было обижено дворянство. Потому мечь здѣсь слѣдуетъ принимать, какъ символъ власти самодержавной. Что дворянство не любило Збигнѣва и не было имъ любимымъ, видно изъ многихъ свидѣтельствъ лѣтописныхъ. Такъ *Длугошъ* (стр. 407—408) заставляетъ дворянъ говорить Болеславу слѣдующимъ образомъ: «Qui (Zbigneus) veterem in te et nos suae malignitatis morem, donec vivet, observabit? qui aequalem principatum non tulerit?» Далѣе: «in nos omnes jam diu machinatur», и наконецъ совѣтуютъ умертвить Збигнѣва, «priusquam te et nos ab ejus fallaciis oppressum iri contingat». *Кромеръ* (стр. 83) говоритъ: «Alebant eum igniculum in pectore Boleslai conceptum proceres, qui Sbigneo infensi erant, et multis rebus atque suspicionibus odium ejus inflammabant».—*Bielski*. p. 80: «I tak za radą niektorych panow, ktorzy nie będąc przyiacielmi Zbigniewowi, Pana nań iako mogli nabarziey podżegali».

(2) *Gall*. p. 213.

на умерщвленіи Збигнѣва ([1]). Но, увлекаемое ненавистью, дворянство не было послѣдовательно въ своихъ дѣйствіяхъ. Когда Збигнѣвъ, вновь возставшій, съ помощію чеховъ, противъ брата, и вновь имъ разбитый, обѣщаніемъ мира и безнаказанности, привлеченъ былъ въ Польшу, Болеславъ, по совѣту дворянъ, рѣшился предать его смерти, хотя духовенство оставалось при прежнемъ мнѣніи, совѣтуя изгнать Збигнѣва изъ Польши ([2]). Итакъ мщеніе было насыщено, врагъ истребленъ, но Болеславъ остался единодержавцемъ.

Дворянство, возвратившееся противъ воли, ходомъ событій, къ прежнему образу правленія, тотчасъ же показало себя врагомъ его. Въ 1116 году погибъ Збигнѣвъ, а въ 1117 году Скарбиміръ, воевода краковскій, принадлежавшій къ одной изъ могущественныхъ фамилій Польши, представивъ шляхтѣ различныя угнетенія и нужды, терпимыя ею отъ государя, возсталъ противъ Болеслава ([3]), но былъ побѣжденъ и, ослѣпленный, посаженъ въ темницу.

Такимъ образомъ Болеславъ, безъ преднамѣренія, самими обстоятельствами, приведенъ былъ къ единодержавію, довольно сильному, чтобы противостоять крамоламъ дворянскимъ; онъ достигъ

([1]) *Cromer*. p. 75: «Alius alio acerbiorem in Sbigneum dicit sententiam. Sed omnium acerbissimam Secechus palatinus Cracoviensis, qui jam ab exilio reverterat. Is gravissime in genus, mores, ingratitudinem, impietatem et perfidiam Sbignei invectus, exaggeratis quae is in patrem indulgentissimum, quae in fratrem mansuetissimum, quae in patriam optime merentem peccasset, nullo non supplicio dignum, et unguibus atque dentibus si ferrum desit, populariter laniandum ac discerpendum esse pronunciavit; Boleslaum etiam de nimia et perniciosa ipsi totique reipublicae facilitate et clementia objurgavit».

([2]) *Dlug*. p. 480.

([3]) *Bielski*. p. 80: «Snadź chcial więcey rządzić a niż Pan. Więc szlachtę na króla pobudzal, aby go nie sluchali, mowiąc: ze ten pan iuż tak barzo szlachtę temi walkami wywlokl, źe do nedze wielkiey przczeń przyszli. Zaczym sobie milość wielką u nich iednal, y podobno za czasem mial się mu wolą przeciwić,—iakoż to byl czlek rodovity, możny w Polszcze».

твердаго единовластія не войною, не силою, но законно, казнивъ врага отечества, возбудившаго противъ него чужеземцевъ, и карая подданнаго, взбунтовавшагося противъ законнаго государя. Столь правомѣрные способы увеличенія власти долженствовали бы ручаться за ея непоколебимость и продолжительность. Но духовенство, возмутивъ совѣсть Болеслава умерщвленіемъ брата и ослѣпленіемъ Скарбиміра, воспользовалось всѣми удачами государя, всѣмъ новосозданнымъ имъ могуществомъ, поправивъ такимъ образомъ ошибки поспѣшнаго, увлеченнаго страстію дворянства. Представивъ королю эти заслуженныя казни грѣхомъ, требующимъ покаянія, духовенство водило побѣдоноснаго государя, страшнаго своимъ оружіемъ Венгріи, Чехіи, Пруссіи, босоногимъ, въ рубищѣ, отъ монастыря св. Егидія (St. Gilles) во Франціи, къ мощамъ св. Стефана въ Венгріи и Адалберта въ Гнѣзнѣ, посыпало пепломъ голову его, заставляло его расточать сокровища въ пользу церквей, монастырей и духовенства. Съ тѣхъ поръ и до конца жизни храбрый Болеславъ, выигравшій сорокъ семь сраженій, сдѣлался послушнымъ орудіемъ духовенства, доказавшаго, что, при нуждѣ, оно умѣетъ также пользоваться силою, какъ и слабостію государственной власти. Болеславъ обогатилъ церковь гнѣзненскую, воздвигнулъ краковскую, прибавилъ 20 каноников къ краковскому капитулу, даровавъ имъ большія имѣнія и предоставивъ право назначенія въ сіи званія епископамъ.

Подчиненіе Польши римскому двору было такъ упрочено при Болеславѣ, что въ началѣ его царствованія прибылъ впервые въ это государство легатъ папы Пасхалія II, Гвальдо, епископъ балваценскій, осматривалъ всѣ церкви польскія, судилъ духовенство и даже лишилъ двухъ епископовъ ихъ престоловъ. Хотя лѣтописи не сохранили намъ ни именъ ихъ, ни поступковъ, призвавшихъ на себя такую кару, но весьма вѣроятнымъ кажется предположеніе Длугоша, что одинъ изъ нихъ былъ Чеславъ, возведенный королемъ Владиславомъ на краковскую епископію, безъ утвержденія папскаго. Болеславъ, покорный духовенству, не только согласился съ этимъ протестомъ Рима противъ власти королевской, но и всячески содѣйствовалъ распоряженіямъ чуждаго духовенства въ

своемъ королевствѣ ([1]). Безусловную покорность этого государя велѣніямъ духовныхъ объясняетъ лѣтописное преданіе, что онъ родился въ день св. Стефана ([2]).

Ревность католической пропаганды между сосѣдними съ Польшею языческими народами не остывала; но, поддерживаемая насиліемъ и сопровождаемая стяжаніями, она была мало успѣшна и даже вредна для государства, ибо вызывала нападенія и порождала войны. Въ 1107 году поморцы, принуждаемые архіепископомъ гнѣзненскимъ Мартыномъ къ обращенію въ христіанство и уплатѣ десятины ([3]), вторгнулись въ Польшу, разорили гнѣзненскій храмъ и, принявъ архидіакона за архіепископа, требовали, чтобы онъ не заставлялъ ихъ платить подати духовенству. Но, покоренные оружіемъ Болеслава, они должны были согласиться перейти въ католицизмъ и удовлетворять требованія епископа ([4]).

Такимъ образомъ сильною рукою Болеслава, во всю жизнь его, владѣла аристократія: дворянство карало ею врага своего Збигнѣва, духовенство распространяло границы своей власти. Сколь сословія эти были вліятельны на дѣла государственныя, можно видѣть, между прочимъ, и изъ того, что въ 1124 году датчанинъ Петръ, для склоненія Болеслава къ поданію ему помощи въ Даніи, долженъ былъ привлечь на свою сторону вассаловъ ([5]), а въ угоду духовенства построить въ Польшѣ семьдесятъ семь церквей ([6]) и

([1]) *Dlug.* p. 354: «Ducis Boleslai illum animante acuenteque assistentia».

([2]) *Gall.* p. 131.

([3]) *Boguph.* p. 43: «Pomeranos a ritu paganico, quod idolatriam sapiebat, retrahere nitebatur. Ad prestationem quoque decimarum et primiciarum jam prius monitionibus, jam censura ecclesiastica coarcebat».

([4]) *Boguph.* p. 45. «primicias et decimas perpetuo se praestaturos fide data promittentes».

([5]) *Dlug.* p. 421: «non ipsi solum Boleslao dúci et suis aulicis, et his cum quibus unà militabat, sed universis baronibus Poloniae et satrapis, omni livore, quod raro in homine praesertim advena, et aulico contigit, circumscripto, charus et gratus habebatur».

([6]) До сихъ поръ извѣстны имена 59-ти изъ нихъ. См. *Собѣ-*

два монастыря. Одинъ изъ нихъ былъ для новоучрежденнаго ордена *Praemonstranensis* (1).

Вліяніе аристократіи сопровождало Болеслава до гроба; ибо, хотя лѣтописи умалчиваютъ о причинахъ раздѣленія имъ Польши между четырьмя сыновьями (2), но предшествовавшее изслѣдованіе развитія двухъ привиллегированныхъ сословій дозволяетъ предполагать, что мысль о раздѣлѣ государства, оказавшемся столь пагубнымъ, не была чужда ихъ соображеніямъ и выгодамъ; а послѣдующія событія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ сильномъ и пристрастномъ участіи, принятомъ въ этомъ государственномъ дѣлѣ аристократіею (3).

Владиславъ II (1140—1146).—Не могла она найти себѣ приверженца въ старшемъ сынѣ Болеславовомъ, Владиславѣ II, женатомъ на Агнессѣ, дочери Леопольда, маркграфа австрійскаго (4), ненавистной для аристократіи. Съ самаго пріѣзда своего въ Польшу, окруживъ себя нѣмцами, она оказывала отвращеніе къ польскому

щанскаго Wiadomosci historyczny o sztukach pięknych. t. I. p. 68.

(1) Орденъ этотъ впослѣдствіи не процвѣталъ въ Польшѣ (*Длуг.* стр. 417).

(2) Старшему сыну Владиславу достались земли: Краковская, Сѣрадская, Силезія и Поморанія. Болеславъ получилъ Мазовію, земли Добрынскую, Куявскую и Кульмскую; Мечиславъ—Гнѣзненскую, Познанскую и Калишскую; Генрихъ—Сандомирскую и Люблинскую.

(3) Эту же мысль нашелъ я у *И. В. Бандтке* въ сочиненіи его: Historya prawa Polskiego. Warzawa. 1850. На стр. 59—60 онъ говоритъ: «Być może, ze Boleslaw III Krzywousty byl powodowany do tego nieszczęsnego podzialu, aby zachować swe potomstwo od niepokoju i przykrości, jakich sam doznal od brata swego naturalnego Zbigniewa; lecz podobniejsza do prawdy, że.... *wplyw możnych* byly glównemi do podzialu pobudkami».

(4) До сихъ поръ полагали, что жена Владислава II была Христина, дочь германскаго императора. Но нынѣ гр. Александръ *Пржездецкій*, по нашему мнѣнію, весьма основательно доказалъ, что Владиславъ женатъ былъ на Агнессѣ, дочери австрійскаго маркграфа Леопольда и Агнессы, дочери императора Генриха IV. См. Śtady Boleslawow Polskich po obcych krajach. Warczawa. 1853. стр. 89.

дворянству и мало склонности къ духовенству (1). Слѣдовательно къ общимъ причинамъ систематическаго противодѣйствія власти королевской присоединилась личная нелюбовь къ ея представителю. Давняя борьба аристократіи съ правительствомъ обнаружилась немедленно по смерти Болеслава. Первымъ дѣйствіемъ Владислава было овладѣніе удѣлами братьевъ и утвержденіе единодержавія. Но созванный для этого дѣла сеймъ въ Краковѣ изъ дворянъ и духовныхъ, высказавъ ясно свое предпочтеніе къ власти раздробленной, униженной (2), отказалъ въ своемъ содѣйствіи Владиславу, возложившему съ тѣхъ поръ всю свою надежду на силу оружія. Счастливый въ битвахъ, онъ одерживалъ повсюду верхъ надъ своими братьями, принудилъ смириться многихъ вассаловъ, обложивши данью ихъ владѣнія (3). Тогда аристократія, оставивъ въ сторонѣ князей, возстала одна и самостоятельно противъ своего врага, подъ предводительствомъ Петра Скржинскаго и Всебора, палатина сандомирскаго; но уничтоженная въ лицѣ

(1) *Dlug.* p. 417: «Praefata autem ducissa Christina ex fastu et suberpia communionem singulorum Polonorum aspernabatur, à mensa quoque et convictu illos abjiciens, Teutonicorum obsequiis ad singula quaeque officia utebatur, asserens Polonos olidos esse et in conspectu suo foetere, nec habitum et amictus eorum ferre posse. Sacerdotes insuper Polonicos non secus quam seculares pertaesa, nullo honore illos dignans, nullam illis reverentiam exhibebat».—*Bielski.* p. 93: «Ta Krystyna Krolowa tak się brzydzila Polaki, źe przy stole źadnemu bydź nie dala, tylko Niemcom, mowiąc, iź są plugawi y sprośni; ktemu urzędow źadnych nie dala Polakom, iedno Niemcom, y na tym byla, iakoby byla te krainy Niemcy osadzila. Ale iey tego Bog nie dal».

(2) *Cromer.* p. 95: «Magis autem consultum esse reipublicae, si plurimum ea consiliis et armis conjunctis defendatur, quam si et unius indicio et propugnatione dependeat. Non posse commodè unum omnia prospicere, nec ad omnes regni partes suis opem ferentem pariter accurrere, nec omnia per se munia principatus obire. Quod si vicaria cujusquam opera utendum sit, magis fidum, magisque benevolentem esse fratri fratrem, quam extraneum».

(3) *Bielski* p. 91: «Potym ustawil pocztę abo dań na poddane brackie».

вождей своихъ, ожидала вмѣстѣ съ братьями Владислава послѣдней своей минуты въ стѣнахъ Познани, обложенныхъ войскомъ королевскимъ. Духовенство, чувствуя погибель, вышло напослѣдокъ съ мечемъ своимъ—проклятіемъ. Яковъ, архіепископъ гнѣзненскій, отлучивъ Владислава отъ церкви, ослабилъ его войско неповиновеніемъ ([1]), одушевилъ противниковъ и даровалъ имъ побѣду. Пересиленный аристократіею, Владиславъ, оставивъ попытки возстановленія единовластія, долженъ былъ бѣжать къ императору Римскому, который не разъ пытался возстановить его въ прежнихъ владѣніяхъ, но безуспѣшно, не смотря даже на содѣйствіе въ томъ папы Евгенія III ([2]).

Болеславъ IV кудрявый (1146—1173).—Выгнавъ Владислава, аристократія съ торжествомъ возвратилась къ любимому ею многодержавію ([3]), отъ котораго могла надѣяться и постоянно получала увеличеніе собственнаго вліянія. Болеславъ IV (1146—1173), старшій изъ трехъ братьевъ, между которыми раздѣлилась Польша, получивъ столицу королевства, Краковъ, а съ нею и высшее завѣдываніе дѣлами государственными, дѣйствовалъ согласно съ ея цѣлями. Съ самаго начала своего государствованія онъ освободилъ

([1]) *Cromer.* p. 97: «Commoverat nonnullos de proceribus, qui in castris Wladislai erant Jacobi archiepiscopi authoritas et execratio; itaque deducere et ipsi a proposito principem instruere». *Dlug.* p. 469.—Какъ сильно дѣйствовало духовенство противъ Владислава и какъ много содѣйствовало его изгнанію, видно изъ жалобы Генриха, князя баварскаго, на синодѣ реймскомъ въ 1149 году. «Querebatur et contra Jacobum, archiepiscopum Gnesnensem, metropolitanum Poloniae, et alios Poloniae episcopos, illius suffraganeos, videlicet Matthaeum Cracoviensem, Magnum Wratislaviensem, Suidgerum Crusuiciensem, Bernardum Lubucensem, Boguchualum Posnaniensem, Alexandrum Plocensem, quod, contra jusjurandum patri suo duci Boleslao praestitum, in exclusionem praefati ducis Wladislai consensissent». *Dlug.* p. 480.

([2]) *Boczek.* Cod. diplom. Moraviae. t. I. p. 245 et 251, *Martine* et *Durand.* Veter. script. t. I. p. 233—406.

([3]) *Dlug.* p. 473: Principatibus propriis Boleslaus, Miecslaus et Henricus, miro omnium baronum et nobilium favore et consensu recuperatis».

дворянство отъ наложенныхъ предшественникомъ податей на его имѣнія (1), а въ 1164 году, въ угодность духовенства, пошелъ войною обращать пруссаковъ въ католицизмъ. Подъ угрозою казни и плѣна, они должны были принять христіанство (2); но едва Болеславъ удалился съ своимъ войскомъ, какъ они выгнали священниковъ, разрушили новосозданные храмы, обѣщаясь пребывать въ повиновеніи Польши и платить ей дань, лишь бы только имъ оставлена была свобода прежняго ихъ вѣрованія (3).

Между тѣмъ, владѣнія Болеслава увеличились частію изгнаннаго брата, которая хотя впослѣдствіи, по настоянію германскаго императора, отдана была сыновьямъ Владислава, но не вполнѣ, ибо Болеславъ удержалъ за собою многіе города Силезіи. Дворянство съ неудовольствіемъ смотрѣло на это усиленіе Болеславово и старалось возстановить противъ него племянниковъ (4); но когда онъ рѣшился уступить требуемыя имъ владѣнія и поводъ междоусобія тѣмъ самымъ устранилъ, то оно надѣялось найти себѣ вождя и знамя для бунта въ Казимірѣ. Въ 1169 году оно произвело возстаніе въ Краковѣ, подъ предводительствомъ Якса изъ Мѣхова и Святослава (5), намѣреваясь, устранивъ Болеслава и старшаго по немъ Мечислава отъ престола краковскаго, посадить на него молодаго и неопытнаго Казиміра. По всей вѣроятности, въ

---

(1) *Bielski*. p. 93: Będac tedy nà tym kroleustwie, sprawował ie tak dobrze, iź się wszystkim podobalo: powracal co czyie bylo: Stacyc y dani nieznośne zodpuczczal poddanym».

(2) *Ibid*. p. 97: «Cięko się im to zdalo uczynić, ale musieli, gdy nic moglo bydź inaczey: pozwolili nà chrzest, więcey dla boiaźni, niżli dla Boga. Także aby tym rychley przyięli wiarę chrześciańską, roskazal y dal wolać Boleslau, ktory się nie ochrzci, zaraz go wezmą w niewolą, y przetoź, się pochzcili wszyscy». См. *Длуг*. стр. 505. *Кадлуб*. стр. 744.

(3) *Dlug*. p. 507.

(4) *Dlug*. p. 514. *Bielski* p. 98: «Xiąźela Sląskie... wiedzieli mu (Boleslawowi) bydź niechętne poddane niektore, iakoź byli ci powiadaią z naszych, co ie na to sadzali, y rady im dodawali».

(5) *Bielsk*. p. 98: «oba moźni y rodowici». *Dlug*. p. 514: Jaxa siquidem de Miechow et Suantoslaus milites et pene universi Cracovienses proceres in ejus destitutionem conspirant».

этомъ заговорѣ принимало участіе духовенство, ибо предлогомъ его была неуспѣшность Болеславова похода противъ пруссаковъ ([1]), особенно важнаго для духовныхъ; по свидѣтельству же Кадлубка, Болеславъ по обратномъ переходѣ ихъ въ язычество, оставилъ ихъ въ покоѣ, съ тѣмъ только, чтобы они продолжали ему платить дань, заботясь болѣе о своихъ выгодахъ, нежели о пользахъ духовныхъ и религіи ([2]). Но Казиміръ отказался стать во главѣ этого возстанія, и оно рушилось, дозволивъ Болеславу спокойно провести остатокъ дней своихъ.

Мечиславъ III старый (1174—1178).—Возстаніе краковское, произведенное не столько противъ Болеслава, сколько противъ будущаго его наслѣдника, показало нерасположенность аристократіи къ Мечиславу, а событія его государствованія объясняютъ тому причины. Несмотря на сопротивленіе мало-польскихъ дворянъ, желавшихъ Казиміра, сильный первородствомъ Мечиславъ III старый, будучи избранъ на престолъ краковскій, началъ стремиться къ утвержденію своей власти, какъ надъ дворянствомъ, такъ и надъ духовенствомъ. Устранивъ эти сословія отъ всякаго вліянія на дѣла государственныя, онъ дѣйствовалъ неограниченно чрезъ своихъ чиновниковъ (ненавистныхъ для аристократіи), какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и въ судебной расправѣ. Имѣнія дворянскія обложилъ податями, не дозволялъ шляхтѣ закрѣплять людей свободныхъ и крестьянъ чужихъ помѣщиковъ ([3]), отнялъ у

([1]) *Bielsk.* p. 99.

([2]) *Kadlubek.* p. 744: «Sufficere siquidem sibi arbitratus est Boleslaus, si quod principis est, dependetur principi, licet quod Dei est, denegetur Deo».—p. 746: «Boleslaus enim gentibus recidivis in sua perfidia dimissis, voluit duntaxat tributo gaudere, et non fidem catholicam pro divino honore dilatare». *Богуфалъ* (стр. 72) повторяетъ слова Кадлубка.

([3]) *Kadlubek.* p. 757: «Secunda tyrannis calumniosa fuit de homine ad serviendum suscepta. Si enim quispiam regnicolarum hominem pauperem ad serviendum sibi suscepit et ordinavit, per officiales ejusdem Mieszkonis ad judicium est tractus et examinatus: an ille homo per ipsum ad servitium susceptus esset liber vel servus? Si respondit: liber,—punitus mulcta septuaginta talentorum argenti, quia liberum hominem servituti

нея исключительное право рыбной ловли (1), за преступленія наказывалъ отнятіемъ именій. Духовенство подчинилъ обыкновеннымъ свѣтскимъ судамъ и податямъ съ ихъ владѣній (2).

Гедеонъ, епископъ краковскій, явившись представителемъ аристократіи, совѣтовалъ Мечиславу возвратиться къ прежнему управленію, устрашая его, въ противномъ случаѣ, всѣми несчастіями, постигшими Владислава и другихъ его предшественниковъ, думавшихъ царствовать безъ помощи и на перекоръ аристократіи. Но когда этотъ государь рѣшился продолжать дѣйствовать въ принятомъ направленіи, самъ собою, безъ содѣйствія дворянъ, а духовенству воспретить всякое вмѣшательство въ дѣла правительственныя, оставивъ его исключительно при церковныхъ его обязанностяхъ (3), настаивавшихъ же на своихъ требованіяхъ — епи-

---

mancipavit, et sic crimen plagii incurrit. Est enim plagium crimen quod quis committit, quando liberum hominem scienter vendit, vel emit. Si vero resdondit: servus est, vel servilis conditionis est,—eadem poena septuaginta argenti talentorum punitus, quia alienum servum nec bono titulo, nec bona fide sibi ad possidendum vindicavit, et sic etiam crimen plagii incurrit». —*Boguph.* p. 75: «tam de presule, quam quibusdam proceribus terrae Cracoviae natu majoribus ulcisci concepit». См. *Lelewel*, Polska wiekow średnich. tom. III. 3 p. 46.

(1) *Kadlubek.* p. 756.

(2) *Dlug.* p. 525: «Ac religione divina neglecta jureque divino et humano quassato, et turbatis principatus sui tam judiciis, quam officiis, omnia ad quaestum commodumque suum ducalem conabatur referre».

(3) *Dlug.* p. 526: «Nil admonitione hac salutari et paterna Miecslaus princeps motus, quin etiam vegementi ira vexatus dure praesuli respondet: jure se, non injuria quicquam egisse, et tam tributorum novorum impositionem, quam evectionum et poenarum exactionem ligitimam fore, nec aliter regnum et monarchiam administrari posse. Nil sibi cum regibus et principibus antiquis commune fore, se suo sensu, suoque ingenio duci, et suo arbitrio, non illorum exemplo, actiones suas et decreta moderari. Tam bono insuper et eleganti ingenio se praeditum esse, ut non vellet suis, aut cujusque admonitionibus indigere. Desineret proinde se lacessere, et pontificalibus potius rebus, velut propriis intentus, publica sibi curanda permitteret».

скопа изгнать, а сообщниковъ его дворянъ наказать смертью и отнятіемъ имуществъ, то Гедеонъ составилъ тайный заговоръ изъ дворянъ, которые, по его предложенію, положили лишить Мечислава престола, а на мѣсто его выбрать молодаго Казиміра, показавшаго уже на опытѣ свою склонность къ партіи аристократической (1).

Казиміръ II справедливый (1177 — 1194).— Обязанный престоломъ аристократіи (2), Казиміръ II справедливый долженъ былъ начать свое царствованіе исполненіемъ ея требованій. Главнѣйшее неудовольствіе какъ дворянства, такъ и духовенства на его предшественника составляло обложеніе повинностями ихъ имѣній. Повинности эти, совершенно сообразныя вѣку, заключались въ прокормленіи и провозѣ государевыхъ гонцовъ, судей, объѣзжавшихъ государство для производства судебной расправы, въ содержаніи нѣкоторыхъ чиновниковъ на счетъ обывателей и подобныхъ сбо-

---

(1) Степанъ, палатинъ краковскій, предложившій Казиміра, въ доказательство мягкости его характера и снисходительности къ дворянамъ, разсказалъ собранію, по свидѣтельству лѣтописцевъ, слѣдующее происшествіе: разъ случилось ему играть въ кости съ дворяниномъ Иваномъ Канарскимъ; тотъ, проигравшись, такъ разгорячился, что ударилъ князя въ лицо; судъ приговорилъ отсѣчь ему голову; но Казиміръ не только его простилъ, но и возвратилъ ему выигранныя деньги. За что, впослѣдствіи, Казиміръ получилъ прозваніе *справедливаго*. (*Бѣльскій*. стр. 106: «Sprawiedliwym go ztąd nazwano, że Kanarskiego nie dal ściąć o pogębek gdy kostki z nim gral, iakom pierwey pisal»). Тотъ же палатинъ выхвалялъ такъ качества этого князя: «aditu facilis, in distribuendis reipublicae muneribus et officiis dispensator fidelis. Neque ut plerisque principibus mos est, aut inhiat acquirendis, aut incumbit acquisitis, sed universos census suos in reipublicae profectus et commoda distribuit». *Dlug*. p. 532—533. *Kadlubek*. p. 766.

(2) *Kadlubek*. p. 773: «Duplex causa in litera tangitur, qua regnicolae sunt moti pro susceptione Cazimiri. Prima est favor regnicolarum erga Cazimirum; secunda causa est affectus libertatis adipiscendae». Здѣсь подъ словомъ *regnicola* должно понимать владѣльцевъ земель, въ противоположность людямъ несвободнымъ, крестьянамъ, ибо въ такомъ смыслѣ оно употреблено въ предшествующей выпискѣ изъ Кадлубка.

рахъ [1], общихъ въ то время не только Польшѣ и другимъ славянскимъ землямъ, но и всѣмъ европейскимъ государствамъ безъ исключенія. Дѣломъ Казиміра, условіемъ возведенія его на престолъ долженствовало быть отмѣненіе всѣхъ этихъ поборовъ [2]. Но аристократія не довольствовалась уже однимъ голословнымъ повелѣніемъ государя, которое могло быть уничтожено его наслѣдникомъ (чему имѣла примѣры); ей нужно было узаконить свои права, облечь въ букву привиллегіи, взятыя постояннымъ боемъ съ властію королевскою. Мысль эта, чуждая грубому и неграмотному дворянству, конечно, могла только родиться среди духовенства, воспитаннаго въ правахъ римскомъ и каноническомъ.

Съ самаго введенія въ Польшу католицизма проникло туда вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ и каноническое право, но найдя бытовое первоначальное устройство, давніе народные обычаи, не могло утвердиться вдругъ, а вытѣсняло ихъ постепенно. Такъ, несмотря на то, что браки основывались на правѣ каноническомъ, Мечиславъ I женился на монахинѣ, Болеславъ I, удаливши отъ себя первую жену, женился на другой, а потомъ, имѣя уже болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду, женился въ четвертый разъ. Но уже Владиславъ Германъ признавалъ незаконнымъ сына своего отъ наложницы, а Кривоустый, вступая въ бракъ съ родственницею, просилъ на то диспенсаціи у папы. Послѣдствіемъ утвержденія въ

(1) *Boguph.* p. 79: «Fuit autem in regno Poloniae quoddam jus consvetudinis antique approbatum, ut quisque potentum quodcunque pompatice urgens, pauperum annonam, horeis et granariis violenter confractis, deriperet, equorum pabulis depascendam. Erat et aliud simile temeritatis industria antiquatum, ut quotiescunque principum nuncii legationes referrent heredum, ac in prediis eorundem degentium equos in itinere cepto capiebant, in quibus parvi temporis momento infinita stadiorum milia cursu citatissimo transcurrebant. Qquae res scilicet pottwoda multimode multis erat periculose dampnosa; sicut quorundam equis incurabiliter enervatis, quibusdam penitus extinctis, nonnullis, cum probati fuissent, irrevocabiliter abductis».

(2) *Bielski.* p. 102: «Kazimierz, *widzac chec wielka swych poddannych przeciwko sobie*, zniosl z nich wszystkie ciężary, to iest podatki y danie nieznośne, ktore byl przed nim Mieczslaw wniosl». *Dlug.* p. 540. *Cromer.* p. 111.

Польшѣ каноническаго права должно признавать распространеніе латынской письменности, введеніе письменныхъ завѣщаній, а въ особенности разныхъ привиллегій, сначала въ пользу духовенства, а потомъ и дворянства, поставившихъ эти сословія внѣ и выше обычнаго права, которымъ руководствовались прочіе жители (1).

Въ 1180 году собранъ былъ первый сеймъ въ Ленчицѣ изъ дворянъ и духовныхъ, въ присутствіи восьми епископовъ, который, подъ угрозою проклятія, освободивъ навсегда духовныя и дворянскія имѣнія отъ упомянутыхъ повинностей, предохранилъ имущества умершихъ духовныхъ лицъ отъ завладѣнія и разоренія (2); ибо правительство, невсегда смотрѣвшее хладнокровно на чрезвычайное обогащеніе духовенства, старалось иногда присоединить его владѣнія къ своимъ собственнымъ, къ чему смерть духовныхъ лицъ доставляла наилучшіе способы (3). Утвердивъ поземельныя права дворянства и духовенства, избавивъ ихъ отъ податей, сеймъ этотъ имѣлъ преимущественно для этихъ сословій значеніе политическое: на немъ впервые признаны они были составною частію правительства, ограничивая власть государя законно, что до тѣхъ поръ дѣлали силою и могуществомъ. Не менѣе важнымъ событіемъ должно почесться утвержденіе ленчицкихъ постановленій папою Александромъ III, постановленій, касавшихся исключительно до дѣлъ внутренняго управленія, и потому не нуждавшихся, повиди-

---

(1) Polska wiekow średnich. tom. III. pp. 36—40.

(2) *Boguph.* p. 80. *Dlug.* p. 542: «Qui bona pontificum aut ecclesiasticarum personarum decedentium rapuerit, occupaverit, vel distraxerit, etiamsi sit persona illustris, et regali, et ducali, aut quacunque alia praefulgeat dignitate, anathemata sit. Qui episcoporum spoliatorem, restitutione non rehabita acceptaverit, aut raptorum, aut distractorum relaxationem raptoribus satisfactione legitimą non satisfaciente, vel praecedente impenderit, velut sacrilegii particeps et consentaneus, et qui ambitioni suae et commodis inhiando sacrilegiis occasionem praestiterit, anathemata sit».

(3) *Cromer.* p. 111; «Quin et praefecti principis idem faciebant, et principis horrea, praedia, fiscumque facultatibus, quae cultus divini administris et egentibus dedicatae erant, augebant».

мому, въ папскомъ соизволеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что духовенство видѣло въ томъ бóльшую прочность своихъ привиллегій, а король, по свидѣтельству лѣтописца, нуждался въ папѣ, дабы узаконить свое потомство на престолѣ краковскомъ, съ исключеніемъ отъ него старшей линіи (1). Слѣдовательно, съ увеличеніемъ власти аристократіи, съ перемѣною ею царствующихъ домовъ, усиливалось въ Польшѣ и вліяніе Рима, на которомъ она опиралась, ибо ожидала и находила оттуда себѣ помощь и пособіе.

Утверждая мѣры правительственныя, римскій дворъ, независимо отъ власти государевой, устроялъ польское духовенство. Прибывшій въ 1189 году въ Польшу нунцій папы Климента III, кардиналъ Малабранка, собравъ соборъ въ Краковѣ, издалъ различныя, но до насъ не дошедшія, постановленія для духовныхъ, обложивъ ихъ единовременно десятиною въ пользу крестоносцевъ, потерявшихъ тогда Іерусалимъ. Казиміръ, немало одолженный Риму, старался способствовать папскому посланнику во всѣхъ его распоряженіяхъ.

Всегда покорный духовенству, Казиміръ строилъ церкви, основывалъ монастыри, доставлялъ ему новые источники доходовъ, а въ 1192 году въ видахъ религіозныхъ (2) пошелъ войною противъ пруссаковъ, разбилъ ихъ, обложилъ податью, но не могъ однако обратить ихъ въ христіанство (3).

Вообще въ это царствованіе аристократія совершенно утвердилась, узаконивъ сеймомъ ленчицкимъ свои прежнія побѣды надъ властію королевской. Частыя же перемѣны государей, ихъ изгна-

---

(1) *Kadlubek*. p. 780: «Qui tertius Alexander Cazimirum in principem Poloniae sic electum confirmat non obstante patris dispositione, qua cautum fuerat, quod senior semper fratris principatum et regnum obtinere debeat».

(2) *Kadlubek*. p. 800: «Noster Cazimirus princeps Christianissimus adversus Pollexianos pro fidei catholicae majori dilatatione bellaturus».

(3) *Cromer*. p. 116: «Ad religionem christianam, quam abjecerant, reduci se passi non sunt». *Bielski*. p. 106: «Kondycye te im byly podane od Kozimierza: aby naprzod wiarę Chréściańska przyięli,—etc... Na co wszystko oni z chęcią radzi przyzwolili, tylko co wiary Chrześcianskiey o ściętą szyię przyiąç nie chcieli».

нія, возвращенія, нетолько уменьшили ихъ значеніе и дали обширное поприще дворянамъ и духовнымъ въ дѣлахъ правительственныхъ, но даже дозволили нѣкоторымъ сановникамъ достигнуть полной независимости и самостоятельности отдѣльныхъ князей. Назначенные въ 1179 году Казиміромъ правителями въ Помераніи, Богуславъ изъ дома Грифовъ въ Слупскѣ и Самборъ въ Гданскѣ, впослѣдствіи сдѣлались владѣтелями независимыми ([1]). Но не смотря на совершенную подчиненность аристократіи ([2]), государь невсегда умѣлъ заслуживать ея одобренія. Недовольные его внѣшнею политикою, союзомъ съ русскими князьями и войною съ Венгріею, дворяне, во время его отсутствія сдѣлали заговоръ въ Краковѣ, вызвали вновь Мечислава, князя великопольскаго, но смирились при возвращеніи его въ Польшу ([3]).

Казиміръ, тронутый просьбою брата, предложилъ аристократіи возвратить его въ отечество; но она нетолько не согласилась на призваніе врага своего Мечислава, но даже принудила Казиміра отказаться отъ своихъ словъ ([4]).

Лешекъ V бѣлый (1194—1200).—Въ концѣ XII вѣка званіе

([1]) *Dlug.* p. 538: «Quorum uterque processu temporis duce Casimiro obeunte, se dominum non praesidem gerens, principatum praedictarum provinciarum, et eorum posteritas post illos aliquanto tempore, conciliato sibi militarium et civium favore, usurpavit». См. *Бѣльскаго* стр. 102.

([2]) *Кромеръ* справедливо могъ сказать (стр. 111) о немъ: «infinitam potestatem circumscripsit».

([3]) *Kadlubek.* p. 791. *Boguph.* p. 86.

([4]) *Boguph.* «Suboritur exinde murmur inter proceres et sedicionis non parvae tumultus. Ajunt enim: Ey, quod verebamur, accidit. Raro enim corvus corvum exoculat; raro fratrem frater stirpitus exterminat. Nostrum hic discrimen evidentissime agitatur. Meszkonis enim restitutio nostrum est exterminium; quia non differet, cum tempus acceperit, atrocissime in nobis ulcionem. Quid ergo, o viri, eodem certe scarculo amputare convenit ejusdem scarcultus propaginem. Frustra enim extirpatur cardus, radice interius manente. Kazimirus autem intelligens tam discriminosum sedicionis eventum ad se devolvi, convocatis proceribus, asserit haec a se dicta non animo fratrem restituendi, sed studio eorum animos experiendi; acceptissimam esse sporum constantiam erga se firmiter teneri».

королевское въ сущности сдѣлалось лишь почетнымъ титуломъ; аристократія, окончательно уничтоживъ власть королевскую, не имѣла болѣе противника; никто не помышлялъ уже о единодержавіи, а тѣмъ менѣе о самодержавіи. Сдѣлавшись правительствомъ, побѣдивъ общаго врага, аристократія, въ спокойномъ владѣніи властію, раздѣлилась на партіи, стала враждовать сама съ собою. Дворянство одного княжескаго удѣла соперничало съ дворянствомъ другаго княжества; краковскіе дворяне лишили престола чуждаго князя, призвавшаго съ собою дворянъ своего удѣла, тягавшихся за власть съ туземными; кромѣ того, въ отдѣльныхъ княжествахъ были различныя аристократическія партіи, враждовавшія между собою.

По смерти Казиміра, аристократія не могла согласиться въ выборѣ ему наслѣдника. Партія Пелка, епископа краковскаго, и брата его Николая, краковскаго палатина, въ надеждѣ властвовать, предлагали малолѣтняго сына Казиміра, Лешка; другіе не соглашались, дабы не сдѣлать тѣмъ званіе королевское наслѣдственнымъ и не лишить такимъ образомъ аристократіи права избирать себѣ королей (¹). Не смотря на это сопротивленіе, Лешекъ V бѣлый былъ выбранъ, матери его Еленѣ поручена была надъ нимъ опека, но съ тѣмъ, чтобы она во всемъ повиновалась партіи, доставившей престолъ ея сыну (²).

(¹) *Cromer*. p. 117: «cavendum esse, ne hereditarium principatum facerent, quem liberis suffragiis, cui vellent, mandare more majorum possent».

(²) *Bielski*. p. 108: «á tym czamem matka iego niechby rządzila, ażby syn dorosl, iednak tak áby nic nie czynila nad wolą tych panow, ktorzy by dziecięciu byli dani za opiekuny». Узнавъ объ этомъ избраніи, Мечиславъ старый, по свидѣтельству *Кадлубка* (стр. 809), былъ такого о немъ мнѣнія: «Infantem principem creant, ut eo praetextu ipsis ipsi principibus principentur, ut regia stirpitus eradicata stirpe libero tandem potiantur imperio, ut pro uno capite tot ex ipsis succrescant reges, quot capita.» Епископъ краковскій, предлагая въ государи Лешка, говорилъ противившимся его избранію по малолѣтству: «Nec enim per se principes rempublicam administrant, sed per administratas potestates». *Boguph*. p. 91.

Но Елена не жила дружно съ опекунами, показывая болѣе склонности къ противной имъ партіи, Говора (1), палатина сандомирскаго; потому, когда онъ былъ пересиленъ и бѣжалъ въ Чехію, она должна была уступить престолъ сына своего Мечиславу старому, который не могъ достигнуть его оружіемъ.

Мечиславъ старый (1201).—Мало выиграла партія краковская, избавившись отъ Елены. Мечиславъ старый, приведши съ собою великопольскихъ дворянъ, покровительствовалъ имъ болѣе, нежели туземнымъ, роздалъ имъ отнятыя у краковскихъ владѣльцевъ имѣнія и должности въ землѣ краковской, надѣясь чрезъ ихъ посредство утвердиться на престолѣ (2). Не прошелъ годъ, какъ партія, заставившая бѣжать Елену, вызвала ее опять; она же съ своей стороны обѣщала предоставить ей всю власть и не вмѣшиваться ни въ какія дѣла государственныя (3).

Лешекъ V бѣлый (1201—1202).—Но Елена продолжала держаться партіи Говора, который стремился свергнуть палатина краковскаго (4). Мечиславъ, съ своей стороны, всячески поддерживалъ эту выгодную для него политику, ибо зналъ могущество партіи краковской и былъ увѣренъ, что при первомъ сопротивленіи ей Елены, она вновь лишитъ ее престола, а тѣмъ самымъ откроетъ къ нему путь ему самому. Онъ подстрекалъ правительницу изгнать Николая, палатина краковскаго, представлялъ ей самоуправство его и стращалъ ее тѣмъ, что онъ наконецъ самъ объявитъ себя королемъ польскимъ, вмѣсто ея сына (5). Партія кра-

---

(1) *Dlug.* p. 581: «atrox concertatio dissensioque inter Nicolaum Cracoviensem, de domo Vulpium et Govoritium Sandomiriensem Palatinos, de domo Ravitarum, ab aemulatione et livore orta intervenerat».

(2) *Dlug.* p. 685. *Bielski.* p. 111: «Panowie niektorzy, boiąc się, aby na iego (Mieszslawa) syny monarchia nie przyszla, bo im szlo o to, aby ich nie zložyli z urzedow, a swych nie nasadzali na ich mieysca». *Cromer.* p. 122.

(3) *Ibid.* «promittens de caetero, nil se, nisi ex eorum arbitrio in rebus publicis acturam». *Miechowita.* p. 111.

(4) *Cromer.* p. 121: «Ejus rei non obscurum argumentum esse Govoricii cum Nicolao dissensionem».

(5) Лѣтописцы влагаютъ въ уста Мечислава слѣдующія слова

ковская, дважды обманувшаяся въ Еленѣ, лишила ее (въ 1202 г.) престола, призвавъ на него опять Мечислава, который однако царствовалъ недолго: въ томъ же году и умеръ.

Лешекъ имѣлъ довольно приверженцевъ, желавшихъ его выбора въ государи польскіе; но сильные противники его, негодуя на его мать (¹), старались отстранить его отъ престола, а наконецъ согласились на его избраніе съ условіемъ, чтобы онъ удалилъ отъ себя Говора, ибо только такимъ образомъ могли властвовать, не встрѣчая препятствій отъ противной имъ партіи (²). Когда Лешекъ не согласился на это предложеніе, не смотря на ропотъ партіи Говора (³), ему отказано было въ престолѣ, который получилъ сынъ Мечислава, Владиславъ.

къ Еленѣ о воеводѣ краковскомъ: «ma po sobie wszystkę radę zaczym nie dlugoby bylo tego czekać, iżby sam byl monarcha, imo syna twego». (*Bielski*. p. 112). Далѣе *Бѣльскій* продолжаетъ: «bo iednak byli drudzi co ią do tego wiedli z panow polskich, zwlaszcza Gowerck Woiewoda Sendomierske, Micolaiow niepzyiaciel, y insi na zlożć Micolaiowi, ktorego gdzie mogli do Heleny oskarzali y psowali». *Кадлубекъ* влагаетъ въ уста Мечислава такія слова о воеводѣ краковскомъ (стр. 818): «Unum, inquit, unum peto, ut hostis omnium communis exilio proscribatur, nec de principibus a modo faciat ludibria, quando vult principes creans, quando vult, et praecipitans». *Богуфалъ* (на стр. 103) повторяетъ тоже.

(¹) *Bielski*. p. 113: «Bo się gniewali na Helene».

(²) *Kadlubek*, p. 819: «Erat vir quidampro sapia generosus, moribis insiguis, consiliis strenuus, omnium virtutum strenuitate conspicuus, Govoricius nomine, qui tunc apud ducem Leszkonem Palatina fungebatur dignitate, imo dignitatum omnium cardo ipsius vertebatur arbitrio. Inter hunc et comitem Nicolaum nescio quod infortunium inexorabiles conjecerat discordias, sussuronum forsitan ingenio fabricatas, quorum studium est virtutibus invidere, ac promere tristia, superseminare zizania». *Boluph*. p. 105 idem. *Cromer*. p. 124: «Ad haec sciebat (Nicolaus) Govoricium, cum quo capitales gerebat inimicitias, principem in consilio atque in amicitia Lesci et Helenae locum obtinere».

(³) *Cromer*. p. 124: «Displicebat multis iniquitas et acerbitas decreti superioris de relegando Govoricio. Quo clarius de-

Владиславъ III ласконогій (1203—1206).—Во всемъ послушный аристократіи, Владиславъ царствовалъ въ ея угоду ([1]); но обязанный престоломъ единственно борьбѣ партій и побѣдѣ одной надъ другою, онъ утратилъ его вмѣстѣ съ смертію палатина краковскаго, когда партія его, лишившись предводителя, должна была ослабѣть и распасться.

Лешекъ V бѣлый (1206—1227).—Лешекъ, свова призванный, по изгнаніи Владислава, на престолъ Польши, не избѣжалъ гибельной вражды партій въ концѣ своего царствованія и наконецъ сдѣлался жертвою аристократическаго возстанія. Въ 1225 году вели въ краковскомъ воеводствѣ открытую войну двѣ фамиліи: Одроваши, во главѣ коихъ стоялъ Ивъ, епископъ краковскій, и Грифы, подъ предводительствомъ Марка, краковскаго палатина. Лешекъ, принявъ сторону первыхъ, отчуждилъ отъ себя Грифовъ; они бѣжали къ Генриху, князю вратиславскому, и побудили его вести войну съ Лешекомъ и овладѣть польскимъ престоломъ ([2]). Но попытка эта не удалась. Не такой конецъ имѣло возстаніе правителя Помераніи, Святополка, требовавшаго утвержденія себя въ качествѣ государя самостоятельнаго ([3]). Не получивъ на то согласія Лешка, онъ, соединившись съ Владиславомъ великопольскимъ, успѣлъ умертвить его и объявить себя отдѣльнымъ государемъ и властелиномъ ([4]).

Удѣльныя княжества польскія представляютъ въ это время подобныя же явленія. Ослѣпленіе и смерть въ 1217 году палатина

---

derat Lescus propensae in Govoricium voluntatis documentum, eo magis potentiam ejus Nicolaus reformitabat, contendebatque, summo studio, ut cuivis potius, quam Lesco principatus mandaretur».

([1]) *Bielski.* p. 113: «tak dobrze y sprawiedliwie sprawował urząd swoy, aż się wszystkim podobało, gdyż nad wolą swych rad nie cheiał nic czynić».—*Kadlubek.* p. 823.

([2]) *Dlug.* p. 631.

([3]) *Ibid.* p. 636.

([4]) Въ Ипатьевской лѣтописи, изд. Арх. ком., на стр. 168 читаемъ: «Льешько убьенъ бысть, великый князь Лядьскый, на сонмѣ, убьенъ бысть Святополкомъ Одовичемъ и Володиславомъ, съвѣтомъ бояръ невѣрныхъ».

плоцкаго Христина мазовецкимъ княземъ Конрадомъ объясняется только ненавистію противной ему партіи, завидовавшей его власти (1).

Раздѣленіе Польши на множество удѣловъ, коихъ число постоянно увеличивалось возрастаніемъ княжеской фамиліи, упадокъ власти правительственной, противоборство аристократическихъ фамилій, производившее смуты въ государствѣ и разрушившее его въ самомъ составѣ, дозволило какъ римскому двору, такъ польскому духовенству, продолжать успѣшно, среди общаго безначалія, осуществленіе основныхъ началъ католицизма: полной независимости отъ правительства и владычества надъ нимъ духовенства.

Въ продолженіе этихъ тридцати лѣтъ дважды посылали папы легатовъ своихъ въ Польшу судить и устроивать латынское духовенство. Прибывшій въ 1197 году нунцій папы Целестина III, кардиналъ Петръ капуанскій, объѣзжалъ всѣ епархіи, созывалъ въ каждой изъ нихъ духовенство и издалъ постановленія объ его управленіи. Главнѣйшее и замѣчательнѣйшее изъ нихъ было запрещеніе женитьбы духовнымъ, ибо безбрачіе ихъ, введенное Григоріемъ VII, неизвѣстно еще было въ Польшѣ, и встрѣтило большія затрудненія (2). Настоянія кардинала были безуспѣшны, женатые священники долго не соглашались развестись съ своими женами, такъ что Генрихъ, архіепископъ гнѣзненскій, принужденъ былъ обязать ихъ клятвою въ исполненіи этого предписанія (3).—Посольство въ 1223 году папою Гоноріемъ III кардинала

---

(1) *Cromer.* p. 130: «Christini, palatini Plocensis, gravissimi et clarissimi viri, nutu et arbitrio pleraque omnia administrabat. Invidere ipsi eam gloriam atque autoritatem multi, atque in his Joannes Ciapla, scholasticus Plocensis, et cancellarius ducis, caeteris impensius. Itaque is sedulo Cristino apud Conradum obtrectabat, et invidiam, odiumque omni ratione conflabat».

(2) *Dlug.* p. 575: «Id praecipuum in Ecclesia reformanda sibi curae assumpserat, quatenus presbyteri a mulieribus et concubinis abstinentes, continentem et castam, et quae laicos aedificare posset, ducerent vitam, cum plures ea tempestate sacerdotes uxoribus, velut jure legitimo uterentur».

(3) *Dlug.* p. 625: «Tandem synodo provinciali congregata,

Григорія Кресценскаго, вѣроятно имѣло поводомъ, кромѣ искорененія нѣкоторыхъ неисправностей въ управленіи духовенствомъ, и истребленіе этого общаго и давняго обычая, который конечно не могъ истребиться вдругъ, безъ повторительныхъ напоминаній. — Но самымъ прочнымъ утвержденіемъ власти Рима надъ польскимъ духовенствомъ должно почитать дарованное въ это время архіепископу гнѣзненскому право быть, по самому своему званію, прирожденнымъ легатомъ (legatus natus) римскаго двора. Главный пастырь и блюститель польскаго духовенства сдѣлался служителемъ римскаго двора; по самому этому почетному званію, облеченный полною довѣренностію папы, онъ долженъ былъ преслѣдовать его виды и цѣли, какъ свои собственные, а слѣдовательно интересы всего польскаго духовенства должны были слиться съ интересами Рима.

Чѣмъ болѣе связи латынскихъ духовныхъ укрѣплялись съ римскимъ дворомъ и разрывались съ правительствомъ, тѣмъ болѣе самостоятельность ихъ утверждалась. Благопріятствуемые междоусобіями, общимъ броженіемъ партій, немало привиллегій и независимости достигли они при троекратномъ воздвеніи на престолъ и сверженіи съ него Мечислава и Лешка. Короли польскіе, живя въ Краковѣ, имѣли болѣе вліятельности надъ духовными краков-

---

clericos in sacris ordinibus constitutos, uxoribus privavit. Et quia ex constitutione Petri Capuani cardinalis, sedis Apostolicae legatis, super uxoribus dimittendis, nullus fructus hactenus provenerat, ne vaga licentia eis admitteretur, specialiter omnes clericos, tactis sacrosanctis evangeliis, uxores deinceps et quaslibet concubinas, fecit abjurare et ab eis contineri». *Сарницкій* приписываетъ даже этому постановленію о безбрачіи духовенства смуты, происшедшія въ Польшѣ въ послѣдніе годы Лешка бѣлаго. Онъ (на стр. 1090) говоритъ: «Creditum est a multis haec (anarchia et bella civilia) accidisse ob illa divortia et diremptiones matrimoniorum in statu ecclesiastico, cum mariti cogerentur abdicare conjuges legitimas, jurejurando de non repetendis unquam illis per vim praestito. Ita divulsi a paretibus filii, et matres abjuratae, lamentis omnia implebant. Fieri enim non poterat haec discessio ac separatio absque lacrymis et suspiriis ab imo pectore profectis».

скими, чѣмъ надъ прочими: пользуясь несогласіями и спорами, происходившими между членами капитула при избраніи епископа, они, съ теченіемъ времени, присвоили себѣ право исключительнаго назначенія епископа краковскаго. Въ 1207 году, прелаты и каноники, подстрекаемые архидіакономъ Іоанномъ, отняли эту власть у князя краковскаго, и безъ его соизволенія, рѣшеніемъ капитула, избрали Винцентія Кадлубка въ краковскіе епископы (1).

Несравненно важнѣйшую услугу оказалъ польскому духовенству архіепископъ гнѣзненскій, Генрихъ. Хотя съ самаго введенія въ Польшу католицизма, духовные избавлены были отъ свѣтскихъ судовъ, но предѣлы власти тѣхъ и другихъ, во время общаго смѣшенія правъ и понятій, разграничены не были, притомъ часто могли эти привиллегіи нарушаться въ дѣйствительности, въ приложеніи, сообразно съ обстоятельствами.—Епископъ этотъ достигъ совершеннаго увольненія отъ свѣтскаго судопроизводства, даже отъ суда княжаго, не только всѣхъ духовныхъ, но и подданныхъ ихъ, получилъ утвержденіе этой привиллегіи отъ Рима и согласіе на нее власти свѣтской (2). Такимъ образомъ право, существовавшее на дѣлѣ, скрѣплено было закономъ письменнымъ: такова отличительная черта дѣйствій польской аристократіи конца XII вѣка; она не довольствуется уже правомъ обычнымъ, а стремится облечь его, для большей прочности, въ форму закона.

Болеславъ стыдливый (1228—1279).—Въ пятидесятилѣтнее королевствованіе Болеслава стыдливаго дворянство и духовенство продолжали руководить дѣйствіями князей и раздѣляться на пар-

---

(1) *Dlug.* p. 603: «Et quamvis ad illa usque tempora duces et monarchae Poloniae, qui apud Cracoviam principabantur, ad suum beneplacitum sedem Cracoviensem contulissent, decidentibus episcopis, novos pro suo laicali more substituendo. Quidam tamen praelati et canonici Cracovienses, viri elegantes et fortes columnae, huic abusioni, et corruptelae viriliter restiterunt, et unanimiter praefatum magistrum Vincentium in episcopum Cracoviensem elegerunt. Fuit autem ex praelatis Cracoviensibus unus Joannes archidiaconus, qui liberam electionem episcopi Cracoviensis capitulo obtinuit».

(2) *Dlug.* p. 624. *Cromer.* p. 130.

тіи: въ дворянскомъ сословіи отдѣльныя фамиліи состязались за первенство въ правительствѣ, духовенство враждовало съ дворянствомъ за права поимущественныя.

По смерти Лекша бѣлаго, сынъ его Болеславъ остался ребенкомъ. Надлежало выбрать ему опекуна. Тутъ-то аристократія раздѣлилась на партіи: одни предлагали Конрада, князя мазовецкаго, другіе, имѣя во главѣ воеводъ краковскаго Марка Грифа и Пакослава сендомірскаго, желали Генриха вратиславкаго, ибо опасались Конрада, какъ государя строгаго (1). Бывши опекуномъ Болеслава, Генрихъ дѣйствовалъ въ угоду аристократіи, уничтожилъ нѣкоторые поборы, какъ то: дѣвичье и вдовье (2), и т. п.; потому не могла она благопріятствовать Конраду, силою оружія отнявшему у Генриха опеку. По достиженіи Болеславомъ совершеннолѣтія, дворянство краковское и сендомірское, ведомое краковскимъ епископомъ Виславомъ, совѣтовало ему сбросить опеку Конрада. Но князь мазовецкій предупредилъ ихъ намѣренія: велѣлъ схватить Болеслава съ матерью, посадить ихъ въ темницу и только по просьбѣ Владислава, князя гнѣзненскаго, побуждаемаго воеводою краковскимъ Маркомъ, сохранилъ имъ жизнь (3). Но въ то время, когда Конрадъ занятъ былъ войною съ прусаками, духовенство пришло на помощь Болеславу, освободило его изъ заключенія, а Генрихъ возвратилъ ему землю краковскую, оставивъ за собою опекунство, желая сохранить, говоритъ лѣтописецъ, кня-

---

(1) *Bielski*. p. 159: «Okolo ktorey opeki bylo klopotu dosyć między Konradem Mazowieckim Xiążeciem a Henrykiem Brodatym; bo się też y Senatorowie sumi w tym nie zgadzali, y iedni życzyli Konradowi, a drudzy Henrykowi; aez większa część po Henryku byla; bo się obawiali Konrada, wiedząc że byl Pan okrutny. Przy Henryku stala matka Boleslawowa, Grzymislawa, stali tez przy nim woiewodie Marek Crakowski Herbu Gryf, Pakoslaw Sendomierski y inni». *Cromer*. p. 134.

(2) *Bielski*. p. 132: «Nie zle bylo za niego, abowiemprawstarych poprawil... także podatki ktore zwano dziewiczymi, wdowimi y takich innych wiele zniose, ktorych iuż dziś nie masz w zwyczaiw».

(3) *Dlug*. p. 650.

жескія имѣнія, которыми, по молодости государя, завладѣло бы дворянство (1).

Когда, во время нашествія татаръ на Польшу, Генрихъ вратиславскій погибъ при Легничѣ (1241 г.), а Болеславъ бѣжалъ въ Венгрію, а оттуда въ Моравію, воеводства краковское, сендомірское и люблинское избрали государемъ сына Генриха, Болеслава лысаго. По всей вѣроятности, этому избранію способствовалъ Клементій Руща, пожалованный воеводою краковскимъ, и его партія, который остался вѣрнымъ интересамъ Болеслава лысаго даже и тогда, когда Конрадъ, съ помощію оружія князя померанскаго и партіи Зеготы (2), снова занялъ престолъ краковскій.

Тягостенъ былъ для аристократіи Конрадъ своими поборами, еще тягостнѣе намѣреніемъ удержать ее въ своей власти силою (3). Но, опираясь на партію сендомірскую (4), онъ остался нѣкоторое время въ Краковѣ, хотя и не безъ насилія. Узнавъ, что дворянство краковское и сендомірское ищетъ возвращенія изъ Венгріи Болеслава стыдливаго, Конрадъ схватилъ и отвелъ въ темницу воеводу краковскаго Клементія, изъ дома Грифовъ, двухъ его братьевъ и главнѣйшихъ представителей Болеславовой партіи, ко-

---

(1) *Dlug.* p. 652: «praesertim ne dux Boleslaus per aetatem ducalia bona inter milites distraheret».

(2) *Dlug.* p. 687: «Zegotha siquidem de *bippenibus* cum sua societate et genealogia illi (Conrado) adhaesit.». *Cromer.* p. 144: «opera Zegotae, gente Toporii, ejusque familiae et clientium».

(3) *Dlug.* p. 687: «Possessionem plenam Cracoviensis et Sandomiriensis ducatum Conradus Masoviae et Cujaviae dux nactus, graves illico universis imponit exactiones, easque et per se et officiales ac praefectos suos omni miseratione neglecta exigit et extorquet, et non solum cives et oppidanos, agrestesque colonos, sed et clirum, militesque insolitis tallis et tributis affligit. Ad aedificationem quoque novorum castrorum et instaurationem veterum omnes passim impellit, ratus accupationem praefatorum ducatum nonnisi per subditorum (ne ad calcitrandum prorumperent) afflictionem et tyrannidem sibi posse fieri diuturnam».

(4) *Cromer.* p. 146: «Etenim statim reliqui de nobilitate Sendomiriensi qui Conradi partes ad eam diem pertinacius tutalierant»...

торыхъ на сей разъ лѣтописецъ пересчитываетъ поименно ([1]). Но нѣкоторые изъ этихъ узниковъ, бѣжавъ изъ темницы, съ помощію краковскаго епископа Прандоты, возвратили престолъ Болеславу ([2]). Тогда Конрадъ съ войскомъ прусаковъ и литвиновъ

([1]) Они были: Пребиславъ Вавшричовичь, Витекъ Беньовичь, Андрей Сулковичь, Николай Яшко, Сандекъ Ходща. *Miechowita*. p. 137.

([2]) Сохранилась грамата Болеслава стыдливаго 1252 года, которою онъ освобождаетъ имѣнія Клементія Рущи отъ всѣхъ повинностей и даетъ ему разныя права, за заслуги, оказанныя ему Рущемъ противъ Конрада. Не лишнимъ почитаю привести здѣсь эту грамату: «In nomine domini, amen. Quoniam ea quae eruntur in tempore, ne simul cum cursu ac intervallo temporis elabantur a memoria, a prudentibus consueverant studiosa mente scripturarum ac fide dignorum testimonio perennari. Noscat igitur praesens aetas, et sciat futura. Quod nos Boleslaus dei gratia dux Cracoviensis et Sandomiriensis, una cum nostra clarissima matre domina Grymislava ducissa terrarum earundem, considerantes fidelitatem et probitatem nostri fidelis comitis Clementis de Ruszcza palatini Cracoviensis, qui sua industria nos de captivitate patrui nostri ducis Conradi liberavit, per exploratores suos et nuncios fideles, et pristinae restituit libertati. Pastea quando idem dux eo adunatis sibi aliis quatuor principibus, in fortitudine magna et exercitu gravi, terram sibi nostram subjicere et nos perdere cupiens intrasset,—idem Clemens, accitis ad se amicis suis, et militibus nostris, sicut fidelis miles et bellator strenuus, ipsos duces, in campo, qui dicitur Suchodol, invasit, et cum Dei auxilio multos de adversariis nostris prostravit, et alios in fugam convertit, nos in ducatu nostro constituens, omnes fines terrarum nostrarum in gladio suo et strenuitate cordis sui protexit. Cujus nos fidelitatem de more repraesentantes damus et perpetuo ei tradimus, et omnibus posteris ejus utriusque sexus, omnes libertates, quos nos in dominio nostro habemus. Ita: quod omnes haereditates supradicti comitis Clementis patrimoniales, deservitae et pecunia comparatae, sint liberae prorsus, ab omnibus exactionibus, solutionibus et angariis, quocunque vocabulo censeantur. Habeat insuper idem comes Clemens et omnes posteri ejusdem, potestatem judicandi ad omnes sententias, juxta formam curiae nostrae, videlicet ad aquam et ferrum caudens, ad duellum baculorum et gladiorum, ad suspendium et mutilationem mem-

вошелъ въ воеводство краковское и вспомоществуемый тою же сендомирскою партіею, перешедшею на его сторону, занялъ его оружіемъ, опустошивъ владѣнія краковскаго епископа, принадлежавшаго къ партіи противной (¹). Прандота проклялъ Конрада, отлучилъ его отъ церкви (²), но не помѣшалъ ему тѣмъ одержать побѣду надъ Болеславомъ, не имѣвшую впрочемъ благопріятныхъ для него послѣдствій, ибо вскорѣ долженъ онъ былъ уступить краковскій престолъ своему противнику.

Слабый Болеславъ, тридцать лѣтъ бездѣйствовавшій на престолѣ краковскомъ, не могъ однако угодить всему сословію аристократическому. Въ послѣдніе годы его жизни явились недовольные, тяготившіеся въ особенности королевскимъ правомъ охоты (³)

---

brorum homines suos. Valeant practerea aedificare in suis haereditatibus munitiones, castra, civitates, pro libitu suae voluntatis. Liceat saepedicto Clementi, cum omni sua posteritate, servire libere principibus quibuscunque vicinis et remotis, nullius obstante authoritate, absque omni impedimento suarum possessionum. Ut autem haec nostra donatio robur perpetuae obtineat firmitatis, praesentem paginam sigilli nostri munimine fecimus roborari. Actum publice in Cracovia anno 1252». *Paprocki:* Herby rycer. Polsk. pp. 72 — 73. *Nakielski*: *Miechowita.* pp. 32—34.

(¹) *Dlug.* p. 697: «Tantus pavor injectus est, tantaque trepiditas Sandomirienses milites cepit, ut Boleslao Pudico Cracoviensi duce, suo proprio domino et naturali haerede deserto, deditionem, universorum voluntate accedente, duci Conrado, quem noverant barbaros in Lublinensem terram subduxisse, ultro facerent. In Prandotham vero Cracoviensem episcopum, quod cum caeteris militibus Sandomiriensibus sentire noluerit, et Boleslao Pudico duci Cracoviensi, puro, fideli et uniformi tenore adhaesit,» etc.

(²) *Boguph.* p. 122.

(³) *Dlug.* p. 801: «Canum nimius et immoderatus amator et fotor, venationum quoque excessivus et intempestivus tractator, tam ecclesiasticis quam secularibus viris, crebra irrogans et ingeminans gravamina, universis suis subditis, qui pro ea tempestate ad tractandum et prosequendum ducales venationes, ad nutriendum quoque ducales canes, erant obnoxii, onerosus et importabilis censebatur». *Cromer.* p. 164: «Onerosus erat nobilitati propter crebras venationes».

и назначеніемъ, по бездѣтству Болеслава, его наслѣдникомъ Лешка черного. Открылся заговоръ противъ Болеслава, вождемъ котораго былъ краковскій епископъ Павелъ Пшеманковскій, человѣкъ развратный, болѣе занимавшійся охотою, чѣмъ служеніемъ Богу (¹). Но заговоръ этотъ не удался, епископъ былъ схваченъ и посаженъ въ темницу, гдѣ пробылъ мѣсяцъ. Между тѣмъ архіепископъ за такое заключеніе епископа наложилъ запрещеніе на церкви гнѣзненской провинціи, и тѣмъ самымъ побудилъ Болеслава освободить его, заплатить пеню и подвергнуть подобному наказанію двухъ дворянъ, ввергнувшихъ епископа въ темницу. Не удовлетворило его однако это незаслуженное наказаніе. Епископъ Павелъ противъ Болеслава возбудилъ опольскаго князя Владислава и позвалъ даже въ Польшу литовцевъ, опустошившихъ землю Люблинскую. Но князь опольскій былъ разбитъ и Болеславъ удержался на краковскомъ престолѣ до самой его смерти. Борьба духовенства съ дворянствомъ, значительная въ особенности въ епархіяхъ гнѣзненской и познанской, видна также и въ малой Польшѣ между краковскими епископами и дворянами, спорившими за имѣнія (²).

(¹) Вотъ какъ описываютъ этого епископа лѣтописи: «Ad illicitos et statui culminique Pontificali adversos abusus, Paulus, Cracoviensis episcopus, episcopali gravitate pessundata, conversus, lasciviam primum et voluptates sectatus, sanctimoniali quadam ex lapide Sanctae Mariae violenter abstracta pro concubina abutebatur, violentus tandem et intolerabilis subditis et vicinis, Principi vero suo Boleslao Pudico et judiciis contumax et rebellix. Assiduus in sylvis, venationibus opera dando, rarus in officio et ecclesia, divinam et humanam contra se provocabat ultionem». (*Dlug.* p. 795. *Cromer.* p. 164. *Bielski.* p. 156. *Miechow.* p. 146). Странно встрѣтить въ польскихъ лѣтописяхъ такую характеристику католическаго епископа и защищеніе свѣтской власти противъ духовной; но это объясняется тѣмъ, что епископъ Павелъ былъ во враждѣ съ своимъ духовенствомъ, котораго сторону и принялъ лѣтописецъ; это видно изъ слѣдующихъ словъ: «tam salutaria monita ducis Boleslai, et praelatorum canonicorumque Cracoviensium, quam legum judiciorumque scita contemnentem (Paulum)».

(²) *Dlug.* p. 691: «Praefatus Vislaus Episcopus (electus in

Въ великой Польшѣ и Мазовіи, въ тотъ же періодъ времени (1228—1279), борьба аристократіи съ королевскою властію, раздѣленіе ея на партіи высказались сильнѣе и выразительнѣе; кромѣ того, вражда дворянства съ духовенствомъ даетъ новый характеръ польской исторіи.

Князь мазовецкій Конрадъ, какъ видно, побуждаемый противною духовенству партіею (¹), казнилъ (1240 г.) Ивана Чаплю, схоластика плоцкаго, возбуждавшаго къ неповиновенію дѣтей его. Проклятый духовенствомъ, онъ долженъ былъ всенародно просить и купить прощеніе на нарочно для того собранномъ соборѣ, на которомъ находился и сынъ воеводы краковскаго Марка, извѣстнаго противника Конрада (²), и въ вознагражденіе, уступить имѣнія Гнѣзненскому архіепископу, даровать ему канонію въ плоцкой епархіи, а духовнымъ своего княжества различныя права и вольности (³). Эти привиллегіи, хотя и вынужденныя, остались за духовенствомъ гнѣзненскимъ и плоцкимъ.

1231,+in 1242) cum esset vir providus et discretus, controversiam, quae inter tres episcopos Cracovienses praedecessores suos et quosdam milites, occasione villae Kunow annis multis duraverat, coëmpta ab eisdem militibus villa vicina Bukowno pro sexaginta marcis argenti et sex bobus et uno herpicario perpetuo sopivit et terminavit».

(¹) *Dlug.* p. 666: «ductus consilio perversorum diminum».

(²) *Bielski.* p. 134.

(³) *Длугошъ* (стр. 666) такимъ образомъ описываетъ это происшествіе: «Definitum tandem, duce Conrado taliter humiliato, et ab omnibus laudatum et acceptum est, ut in expiationem et expurgationem commissi parricidii, villam Lowiczcum sylvis et nemoribus eam in circuitu ambientibus, quae quondam ducalis venatio habebatur, ecclesia Gnesnensis et ejus Pontifices perpetuo jure possideant, ducem tamen Masoviae unam marcam auri solvendo recognoscant. Et quilibet Gnesnensis antistes ecclesiae canoniam praebendatam in Plocensi ecclesia obtineat et canonicus natus Plocensis censeatur. Ecclesiis vero Wladislawiensi et Plocensi certas libertates, jura, donationes conferat perpetuo duraturas. Definitione itaque hujusmodi probata, donatione etiam villagio Lowicz et ejus attinentiis ecclesiae Gnesnensi per ducem Conradum Masoviae, verbo et literis roborata, Petrus Gnesnensis archiepiscopus ducem Conradum et a

Сила правъ и привиллегій католическаго духовенства наиболѣе чувствительна была въ метрополіи Гнѣзнѣ и близъ-лежащей Познани; потому въ этихъ епархіяхъ сильна была борьба духовенства съ дворянствомъ, неравнодушно смотрѣвшимъ на усиленіе духовнаго сословія. Въ 1233 году эта вражда произвела междоусобіе двухъ князей; два года спустя она возобновлена была воеводою Борживоемъ, заключившимъ въ темницу познанскаго епископа Павла. Причина несогласій заключалась преимущественно въ спорѣ за имѣнія. Епископъ, ушедшій изъ заключенія, проклялъ Борживоя, а Владиславъ, князь великопольскій, казнилъ его вмѣстѣ съ другими его единомышленниками (1). Но отношенія дворянства къ духовнымъ не измѣнились: въ 1245 году оно снова требовало отъ великопольскихъ князей Прешислава и Болеслава уничтоженія привиллегій духовенства гнѣзненскаго и познанскаго, превышавшихъ ихъ собственныя; ибо, между тѣмъ какъ дворяне обязаны были платить подати съ своихъ имѣній, имѣнія духовныя вовсе были отъ нихъ освобождены, даже пользовались нѣкоторыми княжескими правами, свободою чекана монетъ и т. п. Но князья нетолько ни въ чемъ не нарушили, но и вновь подтвердили всѣ права, данныя отцомъ ихъ духовенству гнѣзненскому и познанскому (2). Баснословное преданіе о съѣденіи мышами куявскаго князя Мечислава намекаетъ, повидимому, на ту же борьбу двухъ сословій въ недалекой отъ Познани Куявіи (3). Не смо-

---

reatu parricidii ad cautelam absolvit, et interdictum sustulit, divinaque et Plocensi ecclesia resumi et ducem Conradum pleniorem absolutionem apud summum Pontificem petere mandavit».

(1) *Dlug.* p. 655. *Miech.* p. 141. *Cromer.* p. 139. *Bielski.* p. 133.

(2) *Boguph.* p. 123.

(3) *Dlug.* p. 658: «Dux Miecslaus... dum quasdam viduas et orphanos praeter aequitatem et justitiam spolliasset, et vaccis earum mactatis substsantiisque occupatis, splendidum convivium ex illis optimatibus et militibus Cuiaviensibus praeparasset, et in illo opirare usurus consedisset, inter prandendum et convivandum, justissimo Deo enormia sua facta praesentia et transacta puniente, mures infiniti conveniunt, ipsumque devorare coeperunt. Qui imminens periculum evitaturus, navim con-

тря на то, для успокоенія дворянства, князья стали во всемъ уравнивать его съ духовенствомъ, давая ему привиллегіи на имѣнія, по которымъ они освобождались изъ-подъ общедѣйствовавшаго права, и такимъ образомъ переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе (1).

Раздоры дворянства съ духовенствомъ въ великой Польшѣ не препятствовали имъ дѣйствовать, по прежнему, противъ власти княжеской. Князья продолжали искать опоры въ нѣмецкихъ пришельцахъ, по большей части людяхъ бездомныхъ, безъ состоянія и безъ имени; аристократія польская не переставала ими гнушаться и ихъ ненавидѣть. Въ 1242 году она открыто возстала противъ Болеслава лысаго, отличавшагося особымъ покровительствомъ этимъ иноземцамъ, и предложила престолъ сыновьямъ Владислава Оттона (2). Предводителями этой аристократической партіи, произведшей заговоръ, были лица, занимавшія высшія государственныя должности, которыхъ имена означены лѣтописцами (3).

Но Болеславъ лысый имѣлъ и свою партію въ одной аристократической великопольской фамиліи, которая въ 1249 году вздумала возстать, въ его пользу, противъ князей познанскаго и калишскаго и передать подъ его власть эти княжества; но заговоръ былъ открытъ, начальники его посажены въ темницу (4) и выпущены были только по просьбѣ духовенства (5), которое, не смотря

---

scendens, ad aquas et flumina perrexit. Quibus nec quicquam suffragantibus, a muribus illum per omnes undas et maria insectantibus, miserabiliter consumptus et devoratus est. Documentum non inutile injuriae viduis et orphanis inferendae posteris praestiturus».

(1) Polska wiekow srednich. tom. 3. pp. 69 — 71.

(2) *Boguph.* p. 120.

(3) *Miech.* p. 136. *Dlug.* p. 688. *Cromer.* p. 146

(4) *Boguph.* p. 127: «Przemisl dux Poloniae Thomam castellanum Posnaniensem et Thomislaum ac Sandiwogium filium ejus pincernam de cognatione Nalencz captivavit et vinculis ferreis constrictos in Gneznensi castro carcerali custodie deputavit. Wolebant enim praefati milites cum suis consortibus in terram Poloniae Boleslaum ducem Slesiae inducere, Przemislio et fratre suo profugatis.»

(5) *Cromer.* p. 151.

на раздоры съ дворянствомъ, не могло совершенно разъединить съ нимъ свои выгоды и цѣли въ отношеніи власти княжеской. Самъ же Болеславъ, схваченный партіею противною, имѣлъ на нѣкоторое время ту же участь (1), а два года спустя вновь лишенъ былъ престола аристократіею (2).

Тѣ же раздоры, ту же борьбу аристократіи противъ своихъ князей представляетъ современная исторія княжества куявскаго: духовенство споритъ съ княземъ за имѣнія, дворянство возстаетъ, тяготясь его властію. Присоединенія одного замка къ княжескимъ имѣніямъ достаточно было владиславскому епископу, чтобъ проклясть и содержать восемь лѣтъ въ отлученіи отъ церкви Казиміра куявскаго, пока, по суду папскаго легата, не возвратилъ онъ замокъ епископу (3). Неудовольствіе дворянства на строгое правленіе князя возбуждаетъ противъ Казиміра его собственныхъ дѣтей (4). Вліяніе же германскаго элемента и нѣмцевъ, которыми князья окружали себя и думали утвердить свою власть, встрѣтило то же сопротивленіе въ Куявіи, что̀ и въ великой Польшѣ. Земомыслъ, сынъ Казиміровъ, воспитанный у нѣмецкихъ крестоносцевъ, принявъ ихъ нравы и обычаи, совѣтуясь съ ними о всѣхъ дѣлахъ княжества, сталъ ненавистнымъ польскому дворянству, которое обратилось къ Болеславу благочестивому, и только вслѣдствіе его посредничества, рѣшилось терпѣть Земомысла съ условіемъ, чтобы онъ, отстранивъ крестоносцевъ, правилъ по его совѣтамъ и указаніямъ (5).

Исторія современной Силезіи представляетъ повтореніе тѣхъ

---

(1) *Dlug.* p. 719: «Quem (Boleslaum Calvum) in Legniczam redeuntem, barones et milites sui captivant et incarcerant.»

(2) *Ibid.* p. 719.

(3) *Dlug.* p. 756, 768, 783. Подъ тѣмъ же 1259 годомъ, въ которомъ началась вражда Казиміра съ епископомъ, записано у продолжателя Богуфала (стр. 152): «Kazimirus dux pretitulatus Herkaboldum Palatinum Gneznensem, Simonem fratrem suum castellanum loci ejusdem et Nicolaum Kalisiensem Palatinum et multos alios nobiles in quodam colloquio per jussum fraudulenter celebrato captivavit».

(4) *Miech.* p. 152. *Dlug.* p. 764.

(5) *Dlug.* p. 786. *Boguph.* contin. p. 166.

же событій. Болеславъ лысый, извѣстный покровительствомъ окружавшихъ его нѣмцевъ, по ихъ внушенію (1), заключилъ въ темницу вратиславскаго епископа Ѳому, отказавшагося заплатить ему требуемыя деньги и обратить сноповую десятину въ денежную. Гнѣзненскій архіепископъ, собравъ соборъ въ Ленчицѣ, наложилъ запрещеніе на вратиславскую епархію и отлучилъ Болеслава отъ церкви (2). Но епископъ тѣмъ неменѣе долженъ былъ согласиться на требованіе князя (3), послѣ чего только получилъ свободу. Между тѣмъ папа, проклявъ Болеслава, предписалъ архіепископамъ гнѣзненскому и магдебургскому, собравъ вновь соборъ въ Ленчицѣ, объявить какъ полякамъ, такъ и нѣмцамъ, крестовый походъ противъ ослушнаго духовенству князя (4). Къ безпокойствамъ, производимымъ корыстолюбіемъ духовныхъ, присоединились впослѣдствіи (1277г.)междоусобія князей, поддерживаемыя въ Силезіи, какъ и въ остальной Польшѣ, раздоромъ разныхъ аристократическихъ партій (5).

---

(1) *Boguph.* contin. p. 142: «Boleslaus... inductus vesani a diabolica et suasu Thewtonicorum, quorum regebatur consilio».

(2) *Ibid.* p. 143.

(3) *Bielski.* p. 149: «dziesięciny pieniężne zostaly wieczne».

(4) *Boguph.* contin. p. 148. *Dlug.* p. 743 — 750.

(5) Въ войнѣ Болеслава лысаго съ Генрихомъ вратиславскимъ ясно видны побужденія и дѣйствія двухъ противныхъ аристократическихъ партій. *Длугошъ* (стр. 809—811) говоритъ: «Boleslaus Calvus... cum nonnullis Wratislaviensibus militibus, his praesertim, qui Henricum tertium, patrem Henrici quarti, insimulabantur, veneno sustulisse, in captivitatem Henrici probi Wratislaviensis ducis, verentibus militibus facinus in patre et patruo patratum a filio ultum iri, conspirat.» Имена главнѣйшихъ предводителей этой партіи обозначены далѣе, когда говорится о побѣдѣ Генриха надъ Болеславомъ: «Nonnullos vero suos milites, et signanter Janussium de Misch, Thomam, Joannem, Zerzucham et alios, qui cum Boleslao Legnicensi duce contra eum sensisse insimulati sunt, captivat et gravi carcere mulctat».—Что въ этомъ междоусобіи сильное участіе принимало дворянство, видно изъ слѣдующихъ словъ: «Captivitatem ducis sui Henrici Probi, barones et milites Wratislavienses ulturi, et illius liberationem procuraturi bellum contra Boleslaum Calvum Legnicensem ducem indicunt».

*

Раздѣленіе дворянства, раздоръ его съ духовенствомъ не мѣшали этимъ сословіямъ имѣть рѣшительное вліяніе на судьбу Польши и выразить въ себѣ ея исторію. Хотя внутреннее разъединеніе необходимо должно было ихъ ослабить, но не до такой однако степени, чтобы они не могли противостоять князьямъ, несравненно болѣе ослабленнымъ удѣльными раздѣлами, до чрезвычайности увеличившимися. Каждая аристократическая партія находила знамя войны въ лицѣ какого-либо князя, и если раздорами мѣшала усиленію своего сословія, то и не помогала увеличенію власти князей, бывшихъ на сторонѣ одной или другой партіи. Во второй половинѣ XIII столѣтія находимъ первый примѣръ заклада дворянамъ княжескихъ городовъ (1). Нельзя не почесть возвышеніемъ духовнаго сословія вступленіе въ него князей (2). Но въ это же время внесенъ былъ въ Польшу новый жизненный элементъ, создавшій въ ней среднее сословіе, которое, впослѣдствіи, должно было уменьшить аристократическое вліяніе, разумѣю Магдебургское право (3). Значительное число нѣмецкихъ гражданъ начало переселяться въ польскіе города, принося съ собою права и привиллегіи, несогласовавшіяся съ выгодами дворянства и духовенства. Но среднее сословіе не могло создаться внезапно, потому и воздѣйствіе этихъ событій на аристократію стало чувствительнымъ и видимымъ только впослѣдствіи времени.

Отношенія польскаго духовенства къ римскому двору не измѣнились: оно помогало папѣ деньгами и собраніемъ воиновъ для походовъ противъ невѣрныхъ. Прибывшій въ 1244 году въ Польшу папскій легатъ Яковъ Леодіенскій, собравъ польскихъ епископовъ на соборъ въ Вратиславъ, требовалъ, для вспомоществованія папѣ Иннокентію IV въ войнахъ его съ императоромъ Фридрихомъ, по-

---

(1) *Miech.* p. 148: «Oppida sortis suae Zithawiam et Gerliczam (Boleslaus Calvus) subditis suis in gravibus summis obligavit». *Cromer* .p. 151.

(2) Сыновья князя вратиславскаго Генриха брадатаго, Конрадъ и Владиславъ, сдѣлались духовными. (*Dlug.* p. 699).

(3) *Dlug.* p. 750. Въ 1257 году дано было Магдебургское право Кракову Болеславомъ стыдливымъ. Рёслеръ показываетъ, что это право другіе города получили ранѣе.

ловину всѣхъ доходовъ духовныхъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Духовенство, нашедши такой сборъ тягостнымъ, положило пожертвовать папѣ доходъ съ пятой части церквей и имѣній за трехлѣтіе (1). Въ 1246 году другой легатъ Иннокентія Описо, аббатъ мессанскій, собиралъ деньги по польскимъ епархіямъ (2), и проклялъ Премислава, занявшаго войскомъ владѣнія князя вратиславскаго, въ то время, когда тамъ находился папскій легатъ (3). Въ 1267 году легатъ папы Климента IV Гвидо собиралъ подаянія и возбуждалъ поляковъ на войну противъ сарацыновъ (4). Легаты папскіе открывали въ Польшѣ свои особыя верховныя судилища (5).

Распространеніе католицизма продолжалось преимущественно оружіемъ германскихъ крестоносцевъ, а также проповѣдію, учрежденіемъ епархій и т. п. Крестоносцы дѣйствовали довольно успѣшно въ Поморьи; но тѣмъ самымъ возбудили опасеніе въ поморскомъ князѣ Святополкѣ, который въ 1242 году, съ помощію пруссаковъ язычниковъ и новообращенныхъ, перешедшихъ снова въ идолопоклонство, уничтожилъ какъ ихъ, такъ поляковъ и всѣхъ католиковъ, находившихся въ его владѣніяхъ. Въ 1260 году новокрещенцы пруссаки, снова обратившись въ язычество, извели всѣхъ христіанъ, между ними жившихъ, перерѣзали священниковъ и сожгли церкви (6). Въ 1264 году Болеславъ стыдливый, побѣдивъ ятвяговъ, заставлялъ ихъ принимать католицизмъ подъ угрозою не повинующимся смертной казни; для проповѣди посланы были къ нимъ доминикане, папа же назначилъ имъ епископа (7).

Лешекъ черный (1279—1289).—По смерти Болеслава, престолъ краковскій получилъ, по завѣщанію, племянникъ его Ле-

---

(1) *Dlug*. p. 710. *Boguph*. p. 126.
(2) *Dlug*. p. 705.
(3) *Boguph*. contin. p. 135.
(4) *Dlug*. p. 782.
(5) «a sede Apostolica judices delegati. 1227». ap. Nak. *Miech*. p. 147—149.
(6) *Petri de Dusburg*, Chronicon Prussiae. Jenae. 1679. p. 118—168. 190—261.
(7) *Dlug*. p. 771.

шекъ черный, сынъ ненавистнаго аристократіи Казиміра куявскаго. Не смотря на счастливыя битвы съ татарами и литовцами, онъ не пріобрѣлъ расположенія мощныхъ сословій. Сендомірскій воевода Іоаннъ и кастелянъ Христинъ, съ тайнымъ соучастіемъ епископа краковскаго Павла, того самаго, который былъ во главѣ заговора противъ Болеслава, составивши сеймикъ въ г. Сендомірѣ, отложились отъ Лешка и передали замокъ и землю сендомірскіе мазовецкому князю Конраду (¹), знавшему, какъ мы видѣли, на опытѣ всю силу духовенства и потому, вѣроятно, не думавшему противорѣчить ему. Но Конрадъ не имѣлъ духа противиться вооруженною силою Лешку, выступившему съ краковскимъ войскомъ противъ сендомірянъ, и бѣжалъ, а Лешекъ между тѣмъ помирился съ главными заговорщиками, оставленными безъ помощи, и сохранилъ за собою землю сендомірскую. — Миръ этотъ оказался неискреннимъ; возстали снова литовцы, снова поразилъ ихъ Лешекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился, что наводитъ ихъ на Польшу епископъ краковскій. Тогда Лешекъ велѣлъ схватить епископа и посадилъ его въ замокъ Серадзскій, гдѣ впрочемъ онъ остался недолго; ибо, наложивши церковное запрещеніе на свою епархію, онъ принудилъ Лешка не только освободить себя изъ заключенія, но даже и вознаградить за то (²). Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ тѣ же самые вожди сендомірской аристократіи, воевода Іоаннъ и кастелянъ Христинъ, въ соединеніи съ краковскимъ епископомъ Павломъ и воеводою и кастеляномъ краковскими, снова измѣнили Лешку и отдали Конраду земли краковскую и сендомірскую. Лешку оставался одинъ городъ Краковъ, и одна въ немъ опора,—тамошніе нѣмецкіе мѣщане. Поручивъ ихъ защитѣ городъ, онъ ушелъ въ Венгрію, привелъ оттуда войско, поразилъ Конрада, а краковскимъ мѣщанамъ, за вѣрность ихъ и стойкое сопротивленіе противъ аристократіи, даровалъ Тевтонское или Магдебургское

(¹) *Dlug.* p. 827. *Miechowita.* p. 176. *Bielski.* p. 161.

(²) *Dlug.* p. 831. *Miechow.* p. 176. *Bielski.* p. 162. *Cromer.* p. 171: «Habebat enim Paulus magnas necessitudines et clientelas in tractu sendomiriensi et cum barbaris amicitias et affinitates conjunxerat».

право ([1]), желая по возможности сравнять ихъ въ привиллегіяхъ съ дворянствомъ, которое, говоритъ лѣтописецъ, было крайне этимъ оскорблено ([2]). Такимъ образомъ, благодаря κознямъ аристократіи, среднее сословіе, появленіе котораго замѣтили мы выше, начинаетъ съ большею ясностію обозначаться въ историческихъ судьбахъ Польши и вносить съ собою чуждый германскій элементъ, вліяніе коего въ началѣ особенно было сильно на князей, имъ покровительствовавшихъ и видѣвшихъ въ нихъ опору и защиту въ борьбѣ съ духовенствомъ и дворянствомъ. Лешекъ, по свидѣтельству лѣтописей, соображался какъ въ обычаяхъ, такъ и въ одеждѣ, съ своими краковскими мѣщанами.

Въ то время, когда Лешекъ боролся въ краковскомъ и сендомірскомъ княжествахъ съ духовенствомъ и дворянствомъ, князь вратиславскій Генрихъ, имѣя на своей сторонѣ бо́льшую часть дворянства ([3]), уже начавшаго разъединять свои интересы съ духовными, долженъ былъ выдержать бой, объявленный ему епископомъ вратиславскимъ Ѳомою. Причины войны между двумя властями были тѣ же, какъ и прежде: духовенство стремилось къ самостоятельности и отдѣльности отъ правительства, а правительство не рѣшалось отказаться отъ всякаго на него вліянія. Генрихъ требовалъ отъ духовенства исполненія повинности и помощи къ войнѣ; когда же духовенство не согласилось на то, онъ занялъ нѣкоторыя духовныя имѣнія. Тогда собрался соборъ въ Ленчицѣ, на которомъ все княжество вратиславское подвергнуто было интердикту, а Генрихъ, между тѣмъ, изгналъ изъ своего княжества строптивое духовенство, за исключеніемъ францисκановъ вратиславскаго монастыря св. Якова, которые, не смотря на постановленіе ленчицкаго собора, продолжали совершать богослуженіе, доказавъ тѣмъ самымъ, что между тогдашнимъ польскимъ духовенствомъ были уже люди, сознававшіе власть правительственную и не обольщавшіеся возможностію совершеннаго отдѣле-

([1]) *Кромеръ* (стр. 174) прибавляетъ: «quod ad nostra usque tempora duravit».

([2]) *Dlug.* p. 837—840. *Miechow.* p. 177. *Bielski.* p. 164.

([3]) *Dlug.* p. 834. 837: «cives Wratislavienses, qui secum (cum Henrico) una sentiebant».

нія церкви отъ государства. Такимъ образомъ, рѣшенія собора, раздраживъ только князя и дворянъ, не были приведены въ исполненіе, что и понудило епископа домогаться утвержденія этихъ рѣшеній на соборѣ лугдунскомъ, куда онъ и отправился, но успѣха не имѣлъ, ибо Генрихъ предупредилъ его посылкою на этотъ соборъ своихъ уполномоченныхъ, которые выхлопотали уничтоженіе постановленій ленчицкаго собора, безъ всякихъ вознагражденій духовенству (¹). Казалось, побѣда осталась за княземъ, и сила и право этотъ разъ были на его сторонѣ; но духъ времени взялъ свое: Генрихъ раскаялся, не только отдалъ духовенству взятыя у него имѣнія, но и заплатилъ убытки, и кромѣ того надавалъ ему разныя новыя привиллегіи (²); отдавъ епископу цѣлое княжество нассенское, онъ изъялъ въ 1290 году всѣ имѣнія вратиславскаго епископства не только изъ подъ польскаго права, но и изъ подъ нѣмецкаго, которое само по себѣ уже было исключеніемъ и особою льготою (³). Ослабѣвшій князь, напуганный геенною огненною, дошелъ даже до того, что уступалъ епископу самый городъ Вратиславъ съ его пригородами и только одна невозможность защитить городъ, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, заставила епископа отказаться отъ этого дара (⁴).

Въ великой Польшѣ отношенія князей къ дворянству также не перемѣнились, — противоборство между ними продолжалось постоянно; достаточно вспомнить, что великопольскіе дворяне, впротивность воли и обѣщанія князя, силою заняли уступленный по

(¹) *Dlug.* p. 835—837. *Miechow.* p. 181.
(²) *Dlug.* p. 845—846.
(³) *Sommersb.* Scr. Sil. rer. t. I. p. 781—782. t. 3. p. 35.
(⁴) *Dlug.* p. 850—851: «In eam insuper religionem praefatus Henricus quartus Wratislaviensis dux, sive praeteritae praevaricationis in Deum, et ecclesiam recordatio et gehennae metus, sive orbitas id officiebat, perductus est, ut civitatem Wratislaviensem cum suis suburbiis et attinentiis universis, Ecclesiae et Episcopatui Wratislaviensi perpetua et irrevocabili donatione decrevisset conferre, nisi Thomas episcopus Wratislaviensis donationem ipsam, veritus se civitatem prosessu dierum, ab hostili invasione tueri non posse, patenter et expresse abnuisset».

договору Премыславомъ великопольскимъ вратиславскому князю замокъ Олобокъ (1).

Междуцарствіе (1289 — 1295). — Смерть Лешка дала просторъ аристократическому своеволію. Дворянство краковское, сендомірское и люблинское, имѣя во главѣ своей того же епископа краковскаго Павла, избрало себѣ въ князя Болеслава мазовецкаго, брата Конрада, дважды выгнаннаго Лешкомъ изъ Кракова и дважды призваннаго туда епископомъ Павломъ и аристократіею. Но среднее сословіе имѣло уже тогда голосъ въ политическихъ дѣлахъ Польши. Горожане краковскіе, доставившіе Лешку побѣду надъ княземъ мазовецкимъ, опасались подчиниться брату князя, ими лишеннаго престола, и избрали государемъ своимъ вратиславскаго князя Генриха IV, который принудилъ Болеслава бѣжать, но не смотря на то, получилъ престолъ не прежде, какъ согласившись на предложенныя ему аристократіею условія, Однако эта власть подъ условіями не удовлетворила ни епископа, ни дворянство, которые на слѣдующій же годъ присоединились къ куявскому князю Владиславу Локотку, объявившему войну Генриху. Краковскіе горожане не смѣли сопротивляться и принуждены были сдать Краковъ Владиславу (2), который впрочемъ остался въ немъ недолго, ибо Генрихъ снова овладѣлъ городомъ и и посадилъ въ заточеніе главнаго своего противника, епископа Павла (3).

Между тѣмъ, Генрихъ умеръ, оставивъ вратиславское княжество дядѣ своему Конраду, князю глоговскому, а краковское и сендомірское великопольскому князю Премыславу. Тогда нача-

(1) *Dlug.* p. 835, 843. *Bielski.* p. 165.

(2) *Dlug.* p. 854: «Cui (Wladislawo) velut victori, et tam Pauli episcopi quam baronum et militum Cracoviensium adhaerentiam sortito, Cracovienses cives adversari non ausi, portas aperiunt, et tam arce quam urbe Cracoviensi susceptus, princepsque Cracoviensis declaratus, in castro Cracoviensi consedit, baronibus et militaribus magis, quam civibus Cracoviensibus propensiori illum colendibus fide et devotione».

(3) *Ibid.* «Sed neque Paulo episcopo Cracoviensi parsum, qui et ipse velut praecipuus Henrici duci Wratislaviensis adversarius,... aliquanto tempore velut captivus habitu est».

лась междоусобная война: дворянство и гражданство вратиславскіе, не принявъ Конрада, избрали себѣ княземъ Генриха легницкаго, схваченнаго вскорѣ коварствомъ Конрада, а княжествами краковскимъ и сендомірскимъ старались въ продолженіе четырехъ лѣтъ завладѣть, съ помощію аристократическихъ сословій того или другаго княжества [1], и Премыславъ, и Владиславъ Локотокъ, и король богемскій Венцеславъ, тогда какъ Польшу со всѣхъ сторонъ воевали и литовцы, и меченосцы, и татары.

Король Премыславъ II (1295 — 1296). — Въ такихъ обстоятельствахъ утвержденіе власти оставалось единственнымъ залогомъ самаго существованія Польши, потому аристократія рѣшилась призвать на княженіе въ Краковъ князя познанскаго Премыслава и даже предоставила ему титулъ королевскій, уже болѣе двухъ вѣковъ отнятый у князей краковскихъ. Владѣя княжествами краковскимъ, сендомірскимъ, серадскимъ, познанскимъ и поморьемъ, оставленнымъ умершимъ бездѣтнымъ княземъ Помераніи, Премыславъ былъ дѣйствительно въ состояніи охранить предѣлы Польши отъ внѣшнихъ враговъ; но это самое усиленіе княжеской власти въ сосѣднемъ государствѣ возбудило противъ него Чеховъ и маркграфа бранденбургскаго, которому удалось умертвить Премыслава семь мѣсяцевъ спустя послѣ его коронованія. И это злодѣйство произведено было не безъ помощи аристократіи, хотя нуждавшейся тогда во власти королевской для спасенія государства, но всегда чуждавшейся ея, какъ опасной для ея вольностей. По свидѣтельству лѣтописей, участниками этого смертоубійства были Наленчи и Зарембы, которые, зная умъ и характеръ Премыслава, опасались за права аристократіи и желали князя болѣе слабаго и слѣдственно болѣе ей благопріятствующаго [2].

---

(1) *Miech.* p. 187.

(2) *Dlug.* p. 882: «Habet et nonnullorum assertio, quosdam Poloniae barones et milites de armis Nalencz et Zarembi, necis praefati Przemislai regis fuisse contubernales et consocios, et praefatorum Othonis Longi et alterius Othonis, atque Joannis Brandenburgensium Marchionum consiliorum participes et patrati sceleris adjutores, sive quod Rex ipse Przemislaus velut vegetioris vir ingenii, questus eorum et lucra abrogaverat,

Владиславъ Локотокъ (1296—1300).—По убіеніи Премыслава, Владиславъ Локотокъ, получивъ престолъ краковскій, вознаградилъ за то дворянство деревнями и имѣніями ([1]), но вскорѣ раздражилъ духовенство постоемъ войскъ въ духовныхъ владѣніяхъ и нѣкоторыми другими повинностями ([2]), за что отлученъ былъ въ 1299 году отъ церкви познанскимъ епископомъ Андреемъ, происходившимъ изъ непріязненной князьямъ фамиліи Зарембовъ ([3]), а въ слѣдующемъ году лишился самаго престола.

Венцеславъ, король чешскій (1300 — 1305). — Признавши правленіе Владислава для себя ненужнымъ ([4]), сеймъ призвалъ на престолъ краковскій чешскаго короля Венцеслава, который хотя и вознаградилъ за то аристократію ([5]), а Польшу обезпечилъ отъ чеховъ, но не осуществилъ сословныхъ ожиданій. Конечно постоянное почти отсутствіе короля, жившаго болѣе въ Прагѣ, чѣмъ въ Краковѣ, и заботившагося болѣе о пріобрѣтеніи короны венгерской, чѣмъ о сохраненіи полученнаго уже вѣнца короля польскаго, не могло не быть удобнымъ для польской аристократіи; но совершенно иначе принято ею было назначеніе чеховъ правителями польскихъ княжествъ. Не живя въ Польшѣ, Венцеславъ полагалъ упрочить свою власть въ ней порученіемъ управленія своимъ единоплеменникамъ ([6]), которые, не имѣя ни-

aut verisimiliter credebatur abrogaturus; sive quod in eos, aut eorum affines, pro quibusdam excessibus animadverteret; sive quod in eos, aut eorum affines, pro quibusdam excessibus animadverteret; sive quod eo sublato, alium cujus favore et statum et fortunas suas auctum iri succedere sperabant. Neque enim tanti regis occisio provenire credenda est, nisi hostium machinationem, domesticorum et familiarium adjuvisset accessio».

([1]) *Dlug.* p. 885: «Bene meritos de se nobiles donatione villarum et possessionum remunerans». См. также стр. 887.

([2]) *Dlug.* p. 889 и 902. *Bielski.* p. 171.

([3]) *Dlug.* p. 890—891.

([4]) *Dlug.* p. 894: «Abrogandum itaque et finiendum ejus regimen, tanquam inutile sibi, universali sententia omnes decernunt».

([5]) *Dlug.* p. 896: «munera praelatis et baronibus Poloniae partitur».

([6]) *Miechow.* p. 194: «Et ut solidius regnum illius permaneret, barones Bohemorum locavit». *Dlug.* p. 896.

чего общаго съ польскою аристократіею, не могли дѣйствовать съ ней за одно, и раздражали ее (1); потому смерть Венцеслава встрѣчена была съ радостію, какъ минута освобожденія отъ иноземнаго ига (2).

Владиславъ Локотокъ (1305 — 1333). — Этой ненависти къ чехамъ Владиславъ обязанъ былъ престоломъ краковскимъ; за недостаткомъ войска пробужденная народность, сильнѣйшая вооруженной силы, пришла ему на помощь; чехи бѣжали изъ Польши; а аристократія должна была покориться необходимости и ударить челомъ представителю народнаго элемента (3). Духовенство помогло также Владиславу по расчету, ибо онъ обѣщалъ возвратить краковскому епископу отнятое у него венгерцами имѣніе (4). Но великополяне, дворяне познанскіе и калишскіе, въ особенности же духовенство, не забыли прежнихъ своихъ аристократическихъ негодованій противъ Владислава, проклятія его познанскимъ епископомъ Андреемъ и сверженія за то съ престола (5), и избрали себѣ княземъ Генриха силезскаго и глоговскаго. Аристократія на этотъ разъ ошиблась въ своемъ выборѣ; Генрихъ, покровительствуя нѣмцамъ и принявши ихъ обычаи, нарушалъ аристократическія привиллегіи (6), и въ этомъ направленіи

(1) *Dlug*. p. 898.

(2) *Dlug*. p. 911.

(3) *Bielski*. p. 173: «Po ktorego (Waclava Króla Czeskiego) smierci, iuż Lokietkowi latwiey wszystko szlo niz pierwey, y Sendomierską ziemie posiadl, wypędziewszy z niey Czechy; acz malo co mial zolnierźa, tilko lud pospolity, ktorzy mu wiernie tego pomogli. Co widzac panowie y szlachta, tac Sendomierska iako y Krakowska, poczeli mu bić wnetźe czolem».

(4) *Dlug*. p. 912: «Ubi non solum primorum baronum, sed Joannis Muschatae episcopi Cracoviae, quem sibi promissa restitutione castri Biecz, per Hungaros intercepti, reconciliaverat».

(5) *Dlug*. p. 914: «quod illis nimis avare superbeque superiori tempore imperitasset». *Bielski*. p. 174: Wieldzy Polaky tylko nańnie cheieli zezwolić, obawiaiąć się aby takimże nie byl iako y pierwey».

(6) *Dlug*. p. 934: «Majoris Poloniae baronum animos, Henricus, majoris Poloniae et Glogoviae dux, a se alienatos, et sibi primum infensos, propter nonnullorum rituum et jurium viola-

воспитывалъ дѣтей своихъ (1); потому въ 1310 году, по смерти Генриха, сеймъ, собранный въ Гнѣзнѣ, лишилъ сыновей его великопольскихъ княжествъ, которыя подчинились Владиславу. Защитниками потомства Генриха явились одни граждане познанскіе, частію уже тогда нѣмцы, частію онѣмечившіеся поляки; они ворвались въ познанскій соборъ, ограбили дома членовъ капитула, но были усмирены и наказаны тѣмъ, что съ тѣхъ поръ ни одинъ гражданинъ познанскій не могъ быть избранъ въ какую-либо высшую духовную должность въ Польшѣ. Итакъ, чрезъ пять лѣтъ по восшествіи Владислава на престолъ, владѣнія его удвоились; и великая и малая Польша были подъ его властію; но не безъ труда и не всегда съ одинаковою удачею могъ онъ собирать въ свою руку раздробленныя польскія княжества: привиллегированные подданные его, не менѣе внѣшнихъ враговъ, тому препятствовали. Знатная фамилія Швенцовъ, съ помощью нѣкоторыхъ членовъ аристократіи и онѣмечившихся гражданъ, лишила Польшу на полтораста лѣтъ Помераніи (2), подпавшей подъ владычество крестоносцевъ; князья силезскіе, по совѣту своихъ приближенныхъ, отдѣлились отъ сильнаго уже тогда Владислава, и, подчинившись королю чешскому (1327 г.) (3), придвинули Силезію къ Германіи и тѣмъ самымъ значительно усилили въ ней элементъ нѣмецкій и ослабили славянскій.

Но счастливыя въ продолженіе тридцати лѣтъ войны Локотка съ крестоносцами, чехами, литовцами, брачный союзъ сына его Казиміра съ дочерью Гедимина Анною, добровольная уступка ему нѣкоторыхъ княжествъ, владѣтели коихъ не были въ силахъ оборонять ихъ отъ междоусобныхъ войнъ и внѣшнихъ враговъ, самое торжественное коронованіе его въ Краковѣ, укрѣпивъ власть

---

tionem». *Bielski* p. 178. *Cromer*. p. 188. *Miechowita*. p. 203: «Hic (Henrichus) in administrauda justicia minis severus fuit, Polonis infestus, mores et conditiones illorum plurimum fastidiebat, furum, praedonum et maleficorum maximus persequutor».

(1) *Dlug*. p. 934.

(2) *Dlug*. p. 920. *Mieckow*. p. 200. *Cromer*. p. 184.

(3) *Dlug*. p. 992: «eorum consiliariorum pervenit maligna conspiratio».

Владислава, поставили его въ твердое положеніе передъ аристократіею.

Горожане же краковскіе, старые непріятели Владислава, не помирились съ нимъ и тогда, когда онъ имѣлъ уже силу и власть; пользуясь особыми правилами по уставамъ Магдебургскимъ, они тяготились поборами, собираемыми съ нихъ по случаю войнъ съ крестоносцами, и, пользуясь отсутствіемъ въ 1312 году Болеслава въ Померанію, съ помощію краковскаго епископа, повидимому только примирившагося, но не примиреннаго врага короля, отложились отъ повиновенія ему и подчинились князю Опольскому. Изгнавши этого князя изъ Кракова, Владиславъ отобралъ у главныхъ зачинщиковъ возстанія ихъ движимыя и недвижимыя имущества (1) и лишилъ краковскихъ горожанъ права избирать себѣ войтовъ, предоставивъ назначеніе ихъ краковскимъ воеводамъ (2), что и продолжалось до 1677 года. Нѣтъ сомнѣнія, что это ограниченіе правъ горожанъ значительно уменьшило вліяніе ихъ на дѣла общественныя и узаконенную отдѣльность ихъ отъ власти государственной; первоначальныя привиллегіи войтовъ, а черезъ нихъ и всего городскаго сословія, были весьма обширны: они выбирали членовъ магистрата, а эти послѣдніе изъ среды себя избирали бургомистровъ, подчиненныхъ такимъ образомъ войту; теперь же всѣ городскія должности зависѣли уже отъ воеводы. Несмотря однако на то, въ дѣйствительности привиллегіи города продолжали существовать по прежнему; подарки, даваемые войтами воеводамъ, умѣряли ихъ власть; а впослѣдствіи времени сами короли то возстановляли старыя, то давали новыя преимущества гражданамъ краковскимъ. Самъ Владиславъ возвратилъ имъ свободу отъ нѣкоторыхъ поборовъ, что было въ 1386 году подтверждено Ягелломъ; вслѣдствіе многократно подтвержденныхъ привиллегій Краковъ пользовался правомъ складки товаровъ, по которому купцы не могли ни объѣхать этого города, ни выѣхать изъ него, не распродавши тамъ всѣхъ своихъ товаровъ. Кромѣ того, граждане не утратили и политиче-

---

(1) *Szczygielski.* Tinecia. t. 2. pp. 165—166.

(2) *Dlug.* p. 951—954. *Miechow.* p. 205. *Bielski.* p. 178.

скаго своего вліянія: въ 1374 году потребно было для признанія права наслѣдства дочерей Людвига согласіе Кракова; въ 1386 году граждане этого города участвуютъ въ избраніи Ягелла; въ слѣдующемъ году жена его Ядвига обращается къ нимъ, чтобы, въ случаѣ ея смерти, не отступили отъ Ягелла. Граждане Кракова принимаютъ даже участіе и въ трактатахъ дипломатическихъ, какъ напримѣръ въ трактатѣ, заключенномъ въ 1343 году между Казиміромъ великимъ и магистромъ крестоносцевъ Рудольфомъ, въ актѣ примиренія съ крестоносцами въ 1422 году и другихъ (1).

Вообще же въ началѣ XIV вѣка среднее сословіе, начавшее создаваться, какъ мы видѣли, въ предыдущемъ столѣтіи, замѣтно выступаетъ на чреду политическихъ дѣятелей Польши. Уже въ XII вѣкѣ многіе выходцы изъ Голландіи и Франконіи, а въ XIII в. нѣмцы начали селиться въ опустошенныхъ монголами странахъ Польши и Силезіи; но замѣчательно, что Магдебургское право и проистекавшія изъ него особыя привиллегіи, освобождавшія отъ подчиненности законамъ и обычаямъ польскимъ, внесены были въ Польшу тѣмъ же латынскимъ духовенствомъ, которое своимъ правомъ каноническимъ и тѣсно связаннымъ съ нимъ римскимъ, лишило Польшу ея внутренней самобытности и подчинило вліянію запада. Первоначально право Магдебургское является въ Силезіи,—этой большой дорогѣ, чрезъ которую германскій элементъ проходилъ въ Польшу, и даровано было монастырямъ (2); а съ половины XIII вѣка получаютъ его одни за другими многія духовныя имѣнія и города въ самой Польшѣ. Слѣдствіемъ таковой отдѣльности, основанной на германскомъ правѣ и народности, было внесеніе въ Польшу нѣмецкаго элемента какъ въ языкъ и обычаи, такъ и въ законодательство. Городскіе акты писались на языкѣ

---

(1) Смотр. *Mecherzynskego*—O Magistratach miast Polskich, a w szczegolności miasta Krakowa. Krakow. 1845.

(2) Въ 1178 году Болеславъ даетъ Магдебургское право монастырю любенскому. *Sommersberg*. Scrip. Sil. t. I. p. 985.— Въ 1203 г. Генрихъ бродатый даетъ тому же монастырю имѣнія съ нѣмецкимъ правомъ. *Ibid*. t. 1. p. 897 — 898. Въ 1206 году тотъ же князь распространяетъ нѣмецкое право на имѣнія требницкаго монастыря.

нѣмецкомъ, разрѣшеніе главныхъ дѣлъ и вопросовъ, превышавшихъ власть городскихъ правительствъ, предоставлялось высшимъ судамъ Магдебурга, Галле и Любека, и несмотря на то, что уже со второй половины XIV вѣка аппелляціи въ эти суды стали запрещаться, и что мѣстные обычаи и законы воздѣйствовали въ свою очередь на Магдебургское право польскихъ городовъ, связь съ Германіею не прерывалась; терпѣла народность, а городское сословіе, создавшееся на началахъ чужеземныхъ, стало жить отдѣльною отъ другихъ сословій жизнію. Такъ одинъ за другимъ чуждые славянскому племени политическіе элементы: феодализмъ, католицизмъ, муниципіи, тянули Польшу къ западу, къ Германіи и Риму и разрывали племенныя ея связи съ другими славянскими народами и съ Россіею.—Но нужно быть справедливу: нужно вспомнить, какую огромную власть имѣла аристократія, и какъ она пользовалась ею для утѣшенія народа, тогда должны будемъ признать въ Магдебургскомъ правѣ ту хорошую его сторону, что оно спасло среднее сословіе отъ произвола магнатскаго и противупоставило нѣкоторый ему оплотъ. „Слѣдуетъ принять во вниманіе", говоритъ Лелевель, „что несмотря на то, что привиллегіи, наданныя князьями аристократіи, равно какъ и привиллегіи, истекавшія изъ права Магдебургскаго, происходили изъ одного и того же источника, но все-таки же между ними большая разница, а главная состоитъ въ томъ, что по первымъ владѣлецъ, будучи изъятъ, вмѣстѣ съ своимъ владѣніемъ, изъ подъ общихъ законовъ страны, не былъ связанъ никакими другими, по привиллегіямъ же права нѣмецкаго онъ не переставалъ пребывать въ предѣлахъ права и подъ законами, и только законы польскіе замѣнялись нѣмецкими; наконецъ по первымъ получалъ право и власть одинъ только панъ владѣлецъ, а крестьяне его имѣнія отдавались полному его произволу; по привиллегіямъ же права Магдебургскаго, хотя польское право и замѣнялось нѣмецкимъ, но привиллегіями его пользовался не одинъ владѣлецъ, но и цѣлая община и притомъ въ равной мѣрѣ" (1).

Недостатокъ собственныхъ силъ въ войнахъ съ сосѣдями и для

---

(1) Polska wiekow srednich. t. 3. p. 92—93.

утвержденія власти надъ подданными вызывалъ и усиливалъ въ Польшѣ вліяніе римскаго двора, заставлявшаго платить за свои услуги деньгами и подчиненностію. Безсильный одолѣть крестоносцевъ, Владиславъ согласился просить противъ нихъ защиты у папы чрезъ епископа владиславскаго, отправившагося въ 1316 году въ Авиньонъ, гдѣ находился тогда папа Іоаннъ XXII, защищать отъ тѣхъ же крестоносцевъ свою епархію, въ которой заключалась почти вся Померанія. Этому епископу поручено было ходатайствовать о возвращеніи отъ пруссаковъ Помераніи и о возведеніи Владислава въ королевское достоинство. Но крестоносцы и король чешскій, не потерявшій надежды на престолъ польскій, съ помощію родственника своего короля французскаго, противодѣйствовали уполномоченному Владислава, который не успѣлъ въ возвращеніи Польшѣ Помераніи и дарованіи королевскаго титула Локотку. Однако папа, въ ущербъ значенія и вѣса власти св. Петра, не смѣя явно согласиться на просьбу Владислава, дозволилъ тайно короновать его, что́ и было совершено въ 1319 году. Этотъ полууспѣхъ, не удовлетворившій польскаго духовенства и несовсѣмъ соотвѣтствовавшій требованіямъ Владислава, стоилъ Польшѣ ежегодно взноса дани Риму, извѣстной подъ именемъ динарія св. Петра, собиравшейся римскими сборщиками и не съ семейства, какъ бывало иногда прежде, а поголовно. Въ 1330 году Владиславъ, въ постоянныхъ битвахъ съ литовцами, татарами и другими непріятелями, снова обратился къ папѣ съ просьбою объ объявленіи противъ нихъ крестоваго похода и о денежномъ вспоможеніи для войны. Но папа отказалъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, а провозгласилъ только юбилей, дозволивъ извѣстную сумму изъ тѣхъ денегъ, которыя будутъ при этомъ случаѣ собраны съ народа, употребить на вооруженіе. Итакъ Римъ стоилъ Польшѣ гораздо болѣе того, что́ ей доставлялъ.

Казиміръ III (1333—1370).—При Казимірѣ III владѣнія королевскія увеличились присоединеніемъ Плоцка и всѣхъ удѣловъ мазовецкихъ (1), а также покупкою княжества гнѣвковскаго (2),

---

(1) *Dlug.* p. 1099. *Bielski.* p. 194.
(2) *Dlug.* p. 1146.

и тѣмъ самымъ усилили власть этого короля, который въ продолженіе тридцати семи лѣтъ сдерживалъ твердою рукою олигархическіе порывы аристократіи и мощно устоялъ противъ проклятій духовенства и заговоровъ дворянства. — Отлученный отъ церкви краковскимъ епископомъ Бодзантою, за то, что велѣлъ взимать подати съ епископскихъ имѣній, онъ приказалъ утопить въ Вислѣ священника, который былъ къ нему посланъ епископомъ съ объявленіемъ объ этой карѣ церковной ([1]). Впослѣдствіи онъ послалъ довѣренное духовное лице въ Римъ по дѣламъ вратиславской епархіи, и чрезъ него получилъ, между прочимъ, разрѣшеніе папы отъ этого проклятія, хотя и подъ условіемъ нѣкоторыхъ льготъ въ пользу краковскаго духовенства ([2]). Въ отношеніи къ дворянству, Казиміръ, имѣя уже болѣе власти, чѣмъ его предшественники, дѣйствовалъ несравненно рѣшительнѣе, требуя безусловно, чтобы общія постановленія исполнялись непремѣнно всѣми, безъ различія званія и состоянія, и подвергая преступниковъ однимъ и тѣмъ же наказаніямъ. Лѣтописи сохранили намъ имя одного знатнаго вельможи Борковича, бывшаго воеводою познанскимъ, который грабительствомъ своимъ разорялъ народъ, и за то умеръ голодною смертію вмѣстѣ съ своимъ братомъ, который было затѣялъ, въ отмщеніе королю возстаніе противъ его власти; имѣнія же ихъ были отобраны въ королевскую казну ([3]). Преимущественное вниманіе обратилъ этотъ король, имя коего сдѣлалось народнымъ въ Польшѣ, на злоупотребленія помѣщичьей власти, охранялъ крестьянъ отъ притѣсненій владѣльцевъ, былъ ненавидимъ аристократіею ([4]) и благословляемъ народомъ, которому онъ, можно сказать, возвратилъ жизнь изъ подъ двухвѣковаго гнета ничѣмъ необузданнаго произвола. Въ 1352 году дворянство великополь-

---

([1]) *Dlug.* p. 1089. *Miech.* p. 227.
([2]) *Dlug.* p. 1095. *Biėlski.* p. 195.
([3]) *Dlug.* p. 1115.
([4]) *Dlug.* p. 1109: «Nonnulli quoque barones et nobiles regni Poloniae, quos a gravamine et injusta deroboratione propriorum cmethonum coercuerat, dum priscas suas passiones facere per regem vetarentur, illum sibi gravem, molestum et invisum querentur.»

ское, недовольное управленіемъ королевскимъ, устроило сильный заговоръ, но неудачно, ибо онъ былъ открытъ, и слѣдовательно цѣль его не достигнута ([1]), а Казиміръ до конца жизни своей продолжалъ противодѣйствовать стремленіямъ аристократіи къ прежней независимости отъ государственной власти и безграничному обладанію народомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что продолжавшіеся раздоры духовенства съ дворянствомъ не мало ему въ томъ содѣйствовали. Дворянство жаловалось на распространеніе суда духовнаго на дѣла гражданскія, на десятинные поборы и на присвоеніе краковскою каѳедрою половины доходовъ съ вакантныхъ бенефицій въ первый годъ, когда онѣ были незамѣщенными. Духовенство краковской епархіи почитало права свои нарушенными дворянствомъ, потому что оно уклонялось отъ уплаты десятины. Для соглашенія этихъ двухъ сословій происходило въ 1359 году совѣщаніе въ Краковѣ, гдѣ посредниками между ними были король и архіепископъ гнѣзненскій. Вслѣдствіе этихъ соглашеній краковскій епископъ Бодзанта съ своимъ духовенствомъ долженъ былъ отказаться отъ взиманія десятины въ продолженіи 30-ти лѣтъ въ земляхъ люблинской, шечеховской и луковской, раззоренныхъ татарами и литовцами, отмѣнить навсегда поборъ половиннаго дохода съ вакантныхъ бенефицій, установленный въ 1320 году епископомъ Нанкеромъ на постройку краковскаго каѳедральнаго собора, и, что̀ всего важнѣе, признать, что никакія гражданскія дѣла не подлежатъ суду духовному. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство обязалось уплачивать десятину съ тѣхъ имѣній, которыя прежде подлежали этому побору (ибо были и такія, которыя были отъ него избавлены), и вносить ее по прежнему натурою, на чемъ, какъ видно, наиболѣе настаивало духовенство, дозволившее только въ видѣ исключенія замѣнять ее деньгами и притомъ тамъ, гдѣ иначе получать ее было бы затруднительно, какъ напримѣръ въ мѣстахъ, гдѣ поля не были еще воздѣлываемы и т. п. Вообще установлены были довольно подробныя правила о порядкѣ взноса десятины. Духовенству же строго воспрещены были всякіе незаконные поборы съ прихожанъ

([1]) *Cromer*. p. 210. *Bielski*. p. 194.

и подтверждено постановленіе вислицкаго сейма, обязавшее духовныхъ, владѣвшихъ собственными имѣніями, помогать на войнѣ королю (1). Такія значительныя уступки принуждено было сдѣлать духовенство дворянству, которое въ замѣнъ ихъ обѣщало уплачивать по прежнему десятину, но однако этого не исполнило. Черезъ два года послѣ краковскаго совѣщанія гнѣзненскій архіепископъ издалъ декретъ, въ которомъ, обязывая владѣльцевъ ко взносу десятины, за исключеніемъ земель подъ огородами, предавалъ проклятію ослушниковъ этого постановленія и подвергалъ ему же крестьянъ тѣхъ владѣльцевъ, которые въ продолженіе шести мѣсяцевъ будутъ отлучены отъ церкви, и воспретилъ богослуженіе въ церквахъ тѣхъ имѣній, гдѣ будетъ раненъ или убитъ клирикъ или священникъ, до тѣхъ поръ, пока совершившій такое преступленіе не будетъ выданъ головою епископу (2). — Подобные же споры за десятину въ Мазовіи прекращены были въ 1358 году посредничествомъ Казиміра между мазовецкимъ княземъ Земовитомъ и епископомъ познанскимъ Іоанномъ (3).

Въ предшествовавшемъ изложеніи мы старались представить постепенное возвышеніе сословій дворянскаго и духовнаго, дошедшее до крайнихъ предѣловъ и обезсилившее верховную власть, а съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожившее понятіе о законности въ цѣломъ государствѣ. Историческимъ неминуемымъ послѣдствіемъ этого было то печальное внутреннее состояніе польскихъ земель въ половинѣ XIV вѣка, которое осязательно изображено знаменитымъ польскимъ историкомъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Со временъ Болеслава кривоуста, когда щедрѣе стали раздаваться привиллегіи разнымъ лицамъ, Польша представляла совершенное разнообразіе и пестроту. Набѣги непріятелей, поселенія иностранцевъ, вліяніе иноземныхъ нравовъ, злоупотребленія и насилія произвели окончательные безпорядки. На основаніи привиллегій, владѣлецъ освобождаемъ былъ отъ подводъ или отъ другихъ частныхъ повинностей, другой избѣгалъ обязанности ис-

(1) *Dlug*. p. 1117—1122. *Bielski*. p. 196. *Cromer*. p. 212.
(2) *Dlug*. p. 1125—1128. *Cromer*. p. 214.
(3) *Dlug*. p. 1117.

правлять замки и мосты, иной освобождаемъ былъ отъ платежа пошлинъ и налоговъ; нѣкоторыя господскія и духовныя имѣнія, принадлежавшія настоятелю или епископу, изъяты были изъ подъ общихъ законовъ, управляясь самимъ владѣльцемъ по постановленіямъ ими самими произвольно установленнымъ. Епископъ имѣлъ право чеканить монету, а церковныя имѣнія освобождены отъ повинности защищать государство. Такими привиллегіями пользовались исключительно нѣкоторые только паны. Въ одномъ городѣ жители, употребляя нѣмецкій языкъ, управлялись и нѣмецкими законами, въ другомъ получали рѣшенія своихъ тяжбъ изъ Германіи, или повиновались узаконеніямъ германскихъ императоровъ. Столичные города въ княжествахъ ненавидѣли дворянство; вельможи презирали бѣдныхъ обывателей; владѣльцы и города привиллегированные, опираясь на свои привиллегіи, производили безпорядки въ государствѣ, ослабляли и уничтожали государственные законы и покоряли своей власти бѣдныхъ дворянъ, возбуждая крестьянъ къ грабежу и насиліямъ. Все это произошло отъ привиллегій; вслѣдъ за ними шелъ произволъ, ибо кто былъ сильнѣе, тотъ старался присвоить себѣ то, что́ другіе пріобрѣли для себя привиллегіями; иной, уклоняясь отъ общихъ законовъ, искалъ выгоднѣйшаго рѣшенія своего дѣла, безнаказанности своихъ преступленій и распространенія своей власти. Бѣдный тянулся за богатымъ и имѣлъ одинаковую же съ нимъ участь, то есть, какъ онъ, возвышался и падалъ. Польскіе законы, можно сказать, были вовсе уничтожены, какъ сгнившее дерево, источенное червями. Польша отъ малѣйшаго дуновенія могла совершенно разрушиться; отъ малѣйшаго удара могло бы пасть вьюгой метомое ветхое зданіе Болеслава.

„Трудно было разгадать: всеобщее ли паденіе произойдетъ вслѣдствіе раззореній частныхъ, или же частные люди пострадаютъ отъ всеобщаго безпорядка. Гонявшійся за богатствомъ терялъ то, что́ имѣлъ. Коварные иноземцы, шатаясь по Польшѣ, подстрекали жителей, въ особенности же молодыхъ людей, къ азартнымъ играмъ. Сначала играли на деньги, пока ихъ доставало, а потомъ на вещи и наконецъ на вотчины. Воинъ нерѣдко проигрывалъ свою лошадь и сбрую, дѣлаясь черезъ то вовсе неспособ-

нымъ къ защитѣ государства. Пронырливые евреи, безпрестанно переселяясь въ Польшу, приносили съ собою много денегъ, не для того, чтобы распространять государственное благоденствіе и умножать общее богатство, но чтобы развивать мотовство; деньги эти отдавали въ ростъ, а взятый сверхъ того залогъ пропадалъ въ ихъ же рукахъ; поручители лишались также своего достоянія, и не одинъ изъ нихъ оставался за чужіе долги безъ лошадей и всего необходимаго въ хозяйственномъ быту. Хитрые и ловкіе евреи въ короткое время удвоивали свои капиталы, обезпечивая оные посредствомъ заемныхъ писемъ недвижимыми имуществами, на которыхъ лежала обязанность защиты государства. Несовершеннолѣтніе торопились освободиться изъ подъ отцовской власти, если токмо находили какой-нибудь къ тому предлогъ, лишь бы отдѣлить себѣ участокъ изъ наслѣдства. Умираетъ мать,—сыновья, на основаніи будто бы законовъ и обычаевъ, настаиваютъ, чтобы отецъ отдѣлилъ имъ часть изъ наслѣдства, послѣ матери ихъ оставшагося; онъ отдаетъ имъ половину имущества и счастливъ, ежели ему придется дожить вѣкъ при другой половинѣ имѣнія. Дѣти часто завладѣвали еще при жизни отца участками, слѣдующими имъ только по его смерти, и не для того, чтобы служить отечеству, защищать его отъ набѣговъ непріятельскихъ, но чтобы прожить нѣсколько времени въ роскоши и изобиліи, проиграть въ кости то, чтó должно бы было быть употреблено на пользу отечества. Мало того, что дѣти расточали то, чтó имъ доставалось по раздѣлу,—они даже проматывали имѣнія, которыхъ еще не имѣли; родители же, обязанные за нихъ отвѣчать, и сами доведенные до крайней нищеты, проводили въ жалкомъ положеніи послѣдніе дни своей жизни; между тѣмъ молодые моты, оставшіеся безъ всякихъ средствъ, чтобы быть полезными своему отечеству, были лишь въ тягость ему, существуя одними набѣгами и разбоями. Дороги и станціи сдѣлались опасными; воровства, насилія, поджоги, грабежи и убійства составляли жизнь этихъ раззоренныхъ людей, которые заводили и шайки, вооружали толпы для грабительства. Увы! Печально было состояніе Польши! Также дѣйствовали и князья удѣльные, враждовавшіе между собою, расточавшіе обширныя владѣнія Болеславовы, продавая ихъ чужеземцамъ, или от-

давая за огромные проценты въ залогъ, гдѣ ихъ и оставляли; примѣру ихъ слѣдовали подданные, жившіе въ разныхъ польскихъ княжествахъ.

„Слѣдствіемъ этого общественнаго неуряда были раззоренія и упадокъ имѣній. Неопредѣленность законовъ и ябеды угрожали владѣльцамъ. Часто встрѣчались недоумѣнія: должно ли придерживаться стариннаго порядка вещей, или слѣдовать новымъ обыкновеніямъ. Возобновляемы были старыя тяжбы, по которымъ владѣльцы вовсе неожиданно были изгоняемы изъ своихъ владѣній. Власти не исполняли своего долга; раздѣлы наслѣдствъ производились ими неправильно. Дѣти по смерти отца захватывали произвольно имѣнія, какъ кто успѣлъ, и, живя порознь, избѣгали взаимныхъ сношеній между собою и съ своими родственниками. Не будучи увѣрены въ законности правъ своихъ на имѣніе, они какъ будто были временными его владѣтелями, извлекая изъ него всевозможныя прибыли. Никто не заботился объ улучшеніи имѣній; ибо братъ его или родственникъ, или кто-либо, полагавшій, что имѣетъ на это имѣніе право, могъ сдѣлать на него нападеніе и выгнать хозяина. Не почитая себя законными владѣльцами, помѣщики тѣмъ болѣе наклонны были къ грабежу и раззореніямъ. Отъ того земледѣліе совсѣмъ упало, а крестьянинъ подверженъ былъ грабежу и насилію. Они, какъ и ихъ владѣльцы, не были защищены отъ разныхъ ябедъ, и кромѣ того служили орудіемъ панскихъ грабительствъ. Развратъ помѣщиковъ нарушалъ семейное счастіе крестьянъ. Ни трудъ, ни собственность крестьянина не были ограждены закономъ и отнимались у него подъ каждымъ предлогомъ; а если онъ умиралъ, не оставивъ дѣтей, имѣніемъ его тотчасъ же завладѣвалъ помѣщикъ. Свободный хлѣбопашецъ оставлялъ свою усадьбу и искалъ другаго пристанища или въ городахъ, или у другихъ болѣе человѣколюбивыхъ господъ. Переселеніе поселянъ и переходъ ихъ съ мѣста на мѣсто, или, такъ сказать, странствованія ихъ, стали все чаще и чаще, и все болѣе вредны для государства, ибо многіе поселяне принуждены были къ переселенію притѣсненіями своихъ помѣщиковъ, другіе уходили изъ имѣній безъ основанія, или подъ вымышленными предлогами, оставляя цѣлыя селенія безъ жителей, а сами скитались по міру.

От этого помѣщичьи имѣнія обѣднѣли; хлѣбопашество ухудшилось, и не доставало средствъ и людей для защиты государства, ибо обѣднѣвшее дворянство не было въ состояніи исполнять свои воинскія обязанности, какъ бы надлежало".

Вотъ каковъ былъ внутренній бытъ въ Польшѣ въ половинѣ XIV вѣка.

Представивъ вкратцѣ смыслъ царствованія великаго Казиміра, заключаемъ о немъ словами современнаго ему лѣтописца, повторенными всѣми послѣдующими польскими повѣствователями: „Король этотъ ревностно преслѣдовалъ своевольныхъ грабителей и клеветниковъ. Виновныхъ въ воровствѣ и грабительствѣ, хотя бы они были и дворяне, предавалъ смерти, повелѣвая обезглавливать ихъ, топить, или морить голодомъ, что не мѣшало ему оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ ихъ родственниками. Имѣя помощникомъ себѣ Бога, онъ не боялся руки человѣческой. Клеветниковъ клеймили горячимъ желѣзомъ въ лобъ. Въ его время никакой дворянинъ не осмѣливался угнетать крестьянина, но все дворянское сословіе должно было дѣйствовать въ предѣлахъ законности" (1).

Въ отмщеніе за таковое правосудіе Казиміра, равномѣрное для всѣхъ сословій въ государствѣ, аристократія думала заклеймить этого государя произвищемъ: *короля плебейскаго* (rex plebeiorum—rusticorum) (2), но потомство, оставивъ за Казиміромъ это прозваніе, перевело его словами: *короля справедливаго*, которое и должно быть неразлучнымъ съ именемъ и памятію этого великаго государя (3).

---

(1) «Erat malorum praedonm, violentorum, calumpniatorum sevissimus persecutor. Nam quicunque latrocinia sive furta faciebant, quatumcunque fuerant nobiles, ipsos faciebat decollari, submergi et fame mortificari, cum fratribus et cognatibus eorum comedens et libens pariter et dormiens. Deum habens adjutorem, non timebat quid faciat sibi homo. Calumpniatores vero quos reperit ipsos ferro ignito in facie aduri mandabat. Ipsius temporibus nullus nobilis pauperi audebat facere violentiam, sed in slatera equitatis omnia dirigebantur». Arch. Gnezn. in scrip. sil. *Sommersb.* t. 2. p. 97. *Miechowit.* p. 233. *Dlug.* p. 1031, 1080, 1164—5.

(2) *Dlug.* p. 1109 et 1165.

(3) См. *Бѣльск.* стр. 202.

Что касается собственно до дѣлъ духовныхъ, то въ королевствованіе Казиміра было одно важное сношеніе съ папою, именно по дѣлу вратиславской епархіи. Іоаннъ, король богемскій, присоединилъ въ 1337 году одно имѣніе вратиславскаго епископа, извѣстнаго противника свѣтской власти, Нанкера. Тогда этотъ епископъ, съ крестомъ въ рукахъ, подошедши къ королю, окруженному князьями и дворомъ, сказалъ: „Властію, данною мнѣ Всемогущимъ Богомъ, проклинаю тебя во имя Отца и Сына и Духа Святаго, какъ похитителя имущества духовнаго". „Безстыдный и дерзскій попъ", отвѣтилъ ему раздраженный король, „какъ напрашивается наплаху! хочетъ, чтобы я убилъ его и тѣмъ доставилъ ему вѣнецъ мученика! Но я не окровавлю рукъ моихъ его кровію; ежели же непремѣнно хочетъ быть мученикомъ, пускай ищетъ злодѣя, который рѣшился бы убить его"! Послѣ этого отвѣта Нанкеръ проклялъ также всѣхъ приближенныхъ короля, что̀ и было подтверждено папою (1), и только спустя три года, уже по смерти Нанкера, при преемникѣ его Пшеславѣ клятва эта сложена была съ вратиславцевъ (2).

Гр. Д. А. Т.

---

(1) *Dlug.* p. 1039—1042.

(2) *Dlug.* p. 1064.

ПРИЛОЖЕНІЕ 12-е.

РЕКТОРЫ ІЕЗУИТСКОЙ КОЛЛЕГІИ И АКАДЕМІИ ВИЛЕНСКОЙ.

1)	Станиславъ Варшевицкій . .	съ 1570	г.	умер.	1591	г.
2)	Яковъ Вангровицкій	1578	„	„	1597	„
3)	Петръ Скарга (первый ректоръ академіи)	1580	„	„	1612	„
4)	Павелъ Бокса (или Бокша) . . .	1584	„	„	1627	„
5)	Гарзіасъ Алабіанусъ	1587	„	„	1596	«
6)	Фридрихъ Бартшіусъ.	1593	„	„	1609	„
7)	Леонардъ Кракерусъ.	1597	„	„		„
8)	Павелъ Бокса (во второй разъ). .	1600	„	„	1627	„
9)	Адамъ Брокъ	1603	„	„		„
10)	Михаилъ Ортизіусъ (Ортизъ) . .	1606	„	„	1638	„
11)	Станиславъ Влошекъ.	1608	„	„	1615	„
12)	Симонъ Никлевичь	1611	„	„		„
13)	Михаилъ Сальпа	1614	„	„		„
14)	Иванъ Gружевскій	1615	„	„	1646	„
15)	Симонъ Никлевичь (во второй разъ)	1619	„	„		„
16)	Иванъ Gружевскій (во второй разъ)		„	„	1646	„
17)	Симонъ Угневскій.	1628	„	„	1646	„
18)	Филиппъ Фризіушъ	1632	„	„		„
19)	Мельхіоръ Шмелингъ.	1643	„	„	1644	„
20)	Симонъ Угневскій (во второй разъ)		„	„	1646	„
21)	Григорій Гинтцъ		„	„	1649	„
22)	Бенедиктъ де Соксо	1644	„	„		„
23)	Иванъ Висковѣцъ		„	„	1651	„
24)	Войцѣхъ Цѣшковскій	1647	„	„	1675	„
25)	Григорій Шенгоффъ	1650	„	„	1667	„

26) Войцѣхъ Кояловичъ	съ 1654	г.	умер. 1677	г.
27) Казиміръ Кояловичъ	1657	„	„	„
28) Михаилъ Гинкѣвичъ	1660	„	„ 1663	„
29) Даніилъ Бутвиль	1663	„	„ 1682	„
30) Андрей Волловичъ	1666	„	„ 1676	„
31) Станиславъ Тупикъ	1669	„	„ 1682	„
32) Бальтазаръ Рогальскій	1672	„	„ 1677	„
33) Павелъ Бохенъ	1675	„	„ 1695	„
34) Андрей Рыбскій	1678	„	„ 1698	„
35) Владиславъ Рудзинскій	1681	„	„ 1686	„
36) Михаилъ Мазовецкій.	1683	„	„ 1684	„
37) Петръ Китновскій	1684	„	„ 1691	„
38) Францискъ Куцевичъ.	1688	„	„ 1699	„
39) Андрей Рыбскій (во второй разъ) .	1691	„	„ 1698	„
40) Балтазаръ Данквартъ	1694	„	„ 1699	„
41) Христофоръ Лосевскій	1697	„	„	„
42) Яковъ Гладовицкій	1701	„	„ 1704	„
43) Мартынъ Голебскій	1704	„	„	„
44) Тобіасъ Арендтъ	1705	„	„ 1724	„
45) Матвѣй Карскій	1710	„	„	„
46) Христофоръ Лимонтъ.	1713	„	„	„
47) Тобіасъ Арендтъ (во второй разъ).	1716	„	„ 1724	„
48) Христофоръ Горшвило	1720	„	„ 1721	„
49) Тобіасъ Арендтъ (въ третій разъ) .	1721	„	„ 1724	„
50) Станиславъ Сокульскій	1724	„		
51) Владиславль Даукша.	1727	„		
52) Станиславъ Сокульскій (во второй разъ)	1731	„		
53) Карлъ Бартольтъ.	1735	„		
54) Іосифъ Садовскій.	1738	„		
55) Владиславъ Даукша (во второй разъ)	1741	„		
56) Францискъ Росцишевскій . . .	1745	„		
57) Иванъ Юрага	1752	„		
58) Казиміръ Бржозовскій	1755	„		
59) Игнатій Жаба.	1760	„		
60) Казиміръ Вазгирдъ	1763	„		

61) Казиміръ Пржецишевскій . . . съ 1766 г.
62) Іосифъ Янковскій. . . . . . . 1769 „
63) Антоній Скорульскій. . . . . . 1772 „

РЕКТОРЫ ІЕЗУИТСКОЙ КОЛЛЕГІИ НЕСВИЖСКОЙ:

1) Албертъ Мросковіусъ . . . . съ 1595 г.
2) Мельхіоръ Дитигъ . . . . . . 1602 „
3) Албертъ Мросковіусъ (во второй разъ) . . . . 1605 „
4) Михаилъ Сальпа . . . . . . 1608 „
5) Матвѣй Гальминъ. . . . . . . 1610 „
6) Валентинъ Маттеи . . . . . . 1614 „
7) Симеонъ Госсъ . . . . 1616 „
8) Михаилъ Ортицъ . . . . 1623 „
9) Иванъ Аландусъ . . . . 1623 „
10) Албертъ Сласкій . . . . . . 1627 „
11) Михаилъ Ортицъ (во второй разъ) . 1630 „
12) Албертъ Сласкій (во второй разъ) . 1635 „
13) Христофоръ Залевскій . . . . 1635 „
14) Григорій Гоффманнъ. . . . . . 1638 „
15) Андрей Лушковскій . . . . . . 1641 „
16) Михаилъ Гинкевичъ . . . . . . 1644 „
17) Ѳома Клагіусъ. . . . . 1647 „
18) Станиславъ Бобинскій . . . . . „
19) Андрей Щепковскій . . . . . . 1653 „
20) Освальдъ Крюгеръ . . . . „
21) Стефанъ Залевака . . . . . 1658 „
22) Рафаилъ Клосовскій . . . . . 1661 „
23) Андрей Волловичъ. . . . . . 1665 „
24) Павелъ Идсковскій . . . . . 1668 „
25) Самуилъ Кудеровскій. . . . . 1670 „
26) Іоаннъ Андржейкевичъ . . . . 1673 „
27) Матвѣй Старжинскій . . . . . 1676 „
28) Албертъ Пржедзинскій . . . . 1677 „

29) Матвѣй Старжинскій (во второй разъ) . . . . съ 1680 г.
30) Владиславъ Рудзинскій . . . . . 1682 „
31) Павелъ Браницкій . . . . . 1686 „
32) Адамъ Краснодебскій . . . . . 1689 „
33) Михаилъ Буйновскій. . . . 1690 „
34) Яковъ Гладовицкій . . . . . . 1693 „
35) Георгій Клаусъ . . . . 1696 „
36) Мартинъ Пржерадовскій . . . . . 1699 „
37) Александръ Каштела. . . . . 1702 „
38) Иванъ Лукашевичъ . . . . . . 1705 „
39) Яковъ Хржановскій . . . . . . 1709 „
40) Петръ Пузына . . . . 1713 „
41) Михаилъ Суфчинскій. . . . . 1714 „
42) Адалбертъ Богушевичъ . . . . . 1720 „
43) Іоаннъ Клаттъ . . . . 1724 „
44) Адамъ Минкевичъ . . . . . . 1727 „
45) Францискъ Карневскій . . . . . 1731 „
46) Александръ Морикони . . . . . 1732 „
47) Іосифъ Садовскій. . . . . . . 1735 „
48) Игнатій Вилкиновичъ . . . . . 1739 „
49) Иванъ Пошаковскій . . . . . . 1739 „

ректоры іезуитской коллегіи полоцкой:

1) Петръ Скарга . . . . . . съ 1582 г.
2) Станиславъ Влошекъ. . . . . 1586 „
3) Адамъ Якубовичъ . . . . . . 1595 „
4) Михаилъ Слабовскій . . . . . . 1596 „
5) Адамъ Якубовичъ (во второй разъ) 1597 „
6) Адалбертъ Пржеводзишевскій . . 1599 „
7) Михаилъ Слабовскій (во второй разъ) 1600 „
8) Валентинъ Матысевичъ . . . . . 1605 „
9) Адамъ Якубовичъ (въ третій разъ). 1611 „
10) Симонъ Блонензисъ . . . . . . 1617 „
11) Станиславъ Косинскій . . . . . 1626 „

12) Яковъ Лаховскій . . . . съ 1629 „
13) Станиславъ Косинскій (во второй разъ) . . . . 1630 „
14) Яковъ Лаховскій (во второй разъ). 1633 „
15) Иванъ Кендзержавскій . . . . 1634 „
16) Адалбертъ Сласкій . . . . . 1635 „
17) Григорій Гоффманнъ. . . . . 1639 „
18) Андрей Брухманнъ . . . . . 1640 „
19) Станиславъ Косинскій (въ третій разъ) . . . . 1644 „
20) Яковъ Угоскій . . . . . . 1647 „
21) Симонъ Іорданъ . . . . . . 1651 „
22) Августинъ Ягуза . . . . . . 1652 „
23) Станиславъ Пржигоцкій . . . . 1653 „
24) Николай Сласкій . . . . . . 1667 „
25) Даніилъ Бутвилъ. . . . . . 1671 „
26) Казиміръ Кояловичъ . . . . . 1673 „
27) Николай Сласкій (во второй разъ) . 1675 „
28) Степанъ Дыжевскій . . . . . 1677 „
29) Мартынъ Несцеровичь . . . . 1680 „
30) Михаилъ Буйновскій. . . . . 1683 „
31) Андрей Вырвичь . . . . . . 1688 „
32) Казиміръ Бѣльскій . . . . . 1691 „
33) Николай Зевелльо . . . . . 1697 „
34) Иванъ Марцелли . . . . . . 1700 „
35) Казиміръ Бѣльскій (во второй разъ) 1703 „
36) Матвѣй Карскій . . . . . . 1709 „
37) Христофоръ Ейнаровичь. . . . 1710 „
38) Яковъ Володковичь . . . . . 1713 „
39) Христофоръ Горшвило . . . . 1715 „
40) Адалбертъ Богушевичь . . . . 1719 „
41) Станиславъ Сокульскій . . . . 1727 „
42) Антоній Миштольтъ . . . . . 1731 „
43) Станиславъ Сокульскій (во второй разъ) . . . . 1735 „

ПРИЛОЖЕНІЕ 13-е.

(Переводъ съ польскаго)

Пресвѣтлой депутаціи, для разсмотрѣнія нуждъ духовенства польскаго отъ сейма назначенной.

Проектъ адреса того духовенства (1789 года).

Проектъ этотъ написанъ съ цѣлію быть употребленнымъ въ дѣло или точно въ такомъ видѣ, если понравится, или съ поправками, если признается нужнымъ измѣнить что-либо. Быть можетъ, онъ и останется проектомъ къ депутаціи, но навсегда пребудетъ воззваніемъ (адресомъ) къ публикѣ.

Если сеймъ назначилъ васъ, почтенные мужи, для совѣщанія съ духовенствомъ о предметахъ, до него касающихся, то нельзя сомнѣваться, что цѣль такого назначенія есть охраненіе правосудія и законовъ и принятіе надлежащихъ мѣръ какъ къ поддержанію, такъ частію и къ обновленію прежнихъ учрежденій, касательно порядка іерархіи и отвѣтственности. Слава нынѣшняго сейма зависитъ не только отъ того, чтобы сдѣлать знаменитыми имя и народъ польскій въ политическомъ отношеніи, но и отъ того, чтобы утвердить и обезпечить внутреннее благосостояніе каждаго сословія, каждаго класса гражданъ и каждаго гражданина въ особенности. Безъ такой цѣли первая цѣль—значенія политическаго не можетъ быть достигнута; ибо нѣтъ ничего основательнаго въ той странѣ, гдѣ нѣтъ общаго для всѣхъ интереса къ сохраненію существующаго правительства, правъ и цѣлости его. Слава могущества и значенія народнаго безъ истиннаго благосостоянія гражданъ въ частности, составляющихъ націю, есть нѣчто мечтательное и метафизическое. Итакъ нѣтъ истиннаго блага безопасности и счастія для жителей, когда должное не воздается равномѣрно всѣмъ, когда свобода и льготы однихъ основаны на обремененіи и стѣсненіи другихъ, когда кто-либо въ народѣ можетъ жаловаться

на неравенство правъ, на нарушеніе свободы всѣмъ общей и на унизительныя постановленія.

Увѣренный въ просвѣщеніи и нравственномъ расположеніи депутатовъ къ интересамъ духовенства, классъ, посвятившій себя отечеству и церкви, возноситъ голосъ, столько разъ уже отзывавшійся и никогда смолкнуть не могущій, и обращается къ вамъ съ свободою, пристойною доброму дѣлу и его сословію, говоритъ съ скромностію и уваженіемъ, соотвѣтственными духу его призванія и вашему достоинству, а чрезъ васъ говоритъ знаменитымъ сословіямъ республики. Во всѣхъ совѣщаніяхъ вашихъ, при выслушиваніи требованій нашихъ и при разбирательствѣ нашего представленія, имѣйте предъ глазами правосудіе, въ коемъ никому нельзя отказать. Имѣйте его предъ глазами вашими тѣмъ болѣе, что его мы у васъ требуемъ. Имѣйте въ виду также святость религіи, служеніе олтарю, науки, просвѣщеніе народа и вспоможеніе бѣднымъ, ибо здѣсь идетъ дѣло о гражданахъ правовѣрнаго государства. Не упустите наконецъ изъ вниманія и общую пользу, переходящую въ государствѣ съ одного класса на другой, потому что и мы—также граждане, и большая часть изъ насъ оказываетъ отечеству, семействамъ и гражданамъ въ особенности услуги, извѣстныя всѣмъ и каждому. Нѣтъ ничего легче, какъ показать изъ исторіи, сколько добраго сдѣлали государству, частнымъ людямъ, бѣдному классу, епископы и другіе духовные пожертвованіями на семинаріи, школы, бурсы, больницы и другими способами. При разсужденіяхъ объ этомъ дѣлѣ съ вашими собратіями по отечеству, съ вашими пастырями по религіи, единственный способъ, достойный происхожденія и воспитанія вашего, терпѣніе и трудолюбіе, въ постепенномъ разсужденіи откровенность и взаимное чистосердечіе. Поступая въ такомъ духѣ, вы придадите себѣ болѣе силы и утѣшительно подѣйствуете на насъ, кои теперь вамъ съ благородствомъ и довѣрчивостію свои мысли и чувства высказываютъ.

Все, что̀ найдете въ требованіяхъ нашихъ справедливымъ и достойнымъ вниманія законодателей, предложите сейму. Мысли, замѣчанія и совѣщанія ваши должны руководить опредѣленіями онаго по этому предмету. Вы къ тому избраны и облечены довѣріемъ.

Пусть мужество и божественная истина утвердитъ сердца ваши, дабы вы какою-либо неосмотрительностiю, недостойною ея святости и вашей собственоой добродѣтели, не обманули ожиданія людей благоразумныхъ и добродѣтельныхъ. Вы найдете въ чинахъ, засѣдающихъ на сеймѣ, просвѣщеніе и чистоту намѣреній, которыя поведутъ ихъ всегда туда, гдѣ окажется истина и справедливость.

Нѣтъ теперь въ Польшѣ никого, несмотря на старинное предубѣжденіе нѣкоторыхъ поверхностно обо всемъ судящихъ людей, кто бы не сознавалъ, что духовный классъ съ нѣкотораго времени, а въ особенности въ наше время, терпитъ разныя притѣсненія. Говаривали часто, что духовные не несутъ никакихъ общественныхъ тягостей. Тѣ, кои говорили это, или не знали, или забыли, что когда въ Польшѣ сословіе свѣтскихъ дворянъ не знало никакихъ общественныхъ тягостей, даже послѣ вышедшаго изъ употребленія всеобщаго земскаго ополченія (pospolite ruszenie), когда города и простой народъ только платили подати, духовный классъ въ тысячѣ случаевъ охотно и щедро приносилъ жертвы съ своихъ имѣній на пользу отечества. Чтобы узнать правду, достаточно открыть исторію и читать, что̀ дѣлали духовные во времена Ягеллоновъ, для прусскихъ походовъ при Вазахъ, да и въ позднѣйшія времена. Сколько разъ были даваемы отъ нихъ пособія, сколько разъ уступались десятинный и другіе доходы! Для чего же позволяется такъ смѣло дѣлать нареканіе, вводить въ заблужденіе тѣхъ, кои не имѣютъ средствъ и времени изслѣдовать эти упреки и дойти до истины? Но, не входя въ дальнѣйшіе отвѣты на эти упреки, остановимся на томъ, что о предметахъ, касающихся духовенства, находится въ книгахъ нашихъ законовъ много постановленій, кои очевидно оскорбляютъ первобытное право духовенства. Въ большей части этихъ уставовъ духовный можетъ съ прискорбіемъ видѣть, что у него отнято не только то, что̀ принадлежитъ гражданину конституціоннаго общества, но даже человѣку по праву естественному. Граждане могутъ получать дары и записи;—духовные не могутъ. Конечно никто не споритъ, что верховная власть должна имѣть свѣдѣнія объ имѣніяхъ гражданъ, переходящихъ въ такіе фундуши, отъ коихъ отчужденіе уже

невозможно; но почти во всѣхъ постановленіяхъ, относящихся до этого предмета, видны такія условія, такія обстоятельства, кои уничтожаютъ свободу владѣльца въ дареніи и возможность пріобрѣтенія дара для духовныхъ. Достаточно для сего будетъ заглянуть въ законы о миссіяхъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ, о правѣ конвокацій, о монахахъ, не произнесшихъ еще обѣтовъ по искусѣ, о монахиняхъ и т. под., по которымъ у многихъ отнята свобода распоряжаться собственностію, лично имъ принадлежащею. Если бы переходъ имѣній къ духовенству былъ сопряженъ съ ущербомъ доходовъ и податей, слѣдующихъ республикѣ, въ такомъ случаѣ исключеніе духовныхъ было бы понятно; но когда духовный классъ, въ отношеніи къ повинностямъ, не только обязанъ наравнѣ съ другими классами, но уплачивалъ еще и большія подати, и когда на имѣнія духовенства возложены еще большія тягости, чѣмъ на имѣнія прочихъ гражданъ, какъ напр. вербунки, переходы и размѣщенія войскъ и проч., то имѣнія духовныя сдѣлались обильнѣйшимъ источникомъ доходовъ государственнаго казначейства и стѣснять этотъ источникъ не въ интересѣ народа.

Еще останавливаетъ на себѣ вниманіе наше законъ, не благопріятствующій духовенству, на основаніи коего правительство распоряжается движимостію, оставшеюся безъ завѣщанія послѣ священниковъ, хотя бы они съ имѣній духовныхъ ничего не получали, а все состояніе ихъ происходило единственно изъ капиталовъ плебаніи и церкви. Законъ сей, благопріятствуя пользамъ людей свѣтскихъ, требуетъ, чтобы родственникамъ поступало три части, а только четвертую оставляетъ въ пользу церкви.

Безъ сомнѣнія, никто изъ духовныхъ особъ въ частности не долженъ усвоивать себѣ таковаго имущества; но, основывая разсужденіе наше на истинныхъ началахъ справедливости, надлежало бы обусловить, чтобы имѣнія такого рода поступали на поправку и украшеніе церквей, на улучшеніе хозяйства плебаніи, на учрежденіе и содержаніе госпиталей и школъ. Такое употребленіе должно бы быть цѣлію вмѣстѣ правительства и церковнаго начальства.

Нельзя обѣщать себѣ, чтобы эта жалоба имѣла успѣхъ въ обществѣ. При устарѣлыхъ понятіяхъ, обычаяхъ и выгодахъ, отту-

да истекающихъ, невозможно почти надѣяться, чтобы правосудіе восторжествовало; а потому разсудокъ велитъ ограничить или и вовсе заглушить таковыя желанія наши.

Прійдетъ, быть можетъ, счастливое время, когда свѣтъ истины отдастъ каждому надлежащія права; но въ исторіи раскрытія уставовъ, намъ не благопріятствующихъ, нельзя и объ этомъ прейти молчаніемъ.

Просимъ вниманія, знаменитые мужи, къ дальнѣйшимъ жалобамъ нашимъ:

Когда владѣтель имѣнія, основывая приходъ (plebania, pobostwo, или подъ другими названіями), отдѣлилъ на содержаніе священнослужителей онаго часть своего имѣнія и такимъ образомъ пожертвовалъ имъ свою собственность, заключается ли такое пожертвованіе въ землѣ, или въ десятинѣ съ произведеній оной и съ дохода по цѣлому имѣнію, кто можетъ оспаривать, что то, что́ онъ пожертвовалъ, перестало быть собственностію жертвователя и его наслѣдниковъ, а сдѣлалось собственностію того, кому оно подарено? Могутъ ли даръ, запись и какого бы рода ни была уступка и отчужденіе собственности, быть основательнѣе и законнѣе? Такимъ-то образомъ священнослужители тѣхъ приходовъ, коимъ пожертвованы имѣнія или доходы съ оныхъ, входятъ въ права жертвователя, владѣютъ и пользуются дарованнымъ имъ имуществомъ какъ собственностію. Сама судебная форма подобныхъ сдѣлокъ дѣлаетъ церковные приходы вѣчными наслѣдниками пожертвованнаго имѣнія или доходовъ съ онаго.

А если такова сущность и сила этого закона, то ясно, чти никто не можетъ, безъ нарушенія справедливости, распоряжаться таковымъ церковнымъ имуществомъ. Даже и самая законодальная власть, которая безъ справедливости не можетъ быть законодательною властію и цѣль которой заключается въ обезпеченіи собственности каждаго, не имѣетъ права дѣлать какія-либо измѣненія въ этихъ имуществахъ, отмѣнять и переносить ихъ на другое назначеніе.

Бывало однако же, а отчасти и въ новѣйшія времена случается, что на основаніи публичныхъ постановленій принуждаютъ къ композитамъ, т. е., что священниковъ принуждаютъ сноповую деся-

тину, бывшую по волѣ перваго жертвователя собственно церковнымъ доходомъ, перелагать на деньги. Постановленіе, въ сущности своей стѣсняющее права собственности, а въ послѣдствіяхъ соединенное съ ущербомъ для доходовъ духовенства.

Наслѣдникъ по рожденію, или чрезъ пріобрѣтеніе имѣній, обязанныхъ десятинной, никогда не владѣлъ тою частію имущества, которую предмѣстникъ его добровольно и оффиціально, на основаніи своего права, отъ цѣлаго имущества отдѣлилъ и отдалъ кому-нибудь другому, заключалась ли эта часть въ землѣ, извѣстномъ количествѣ дохода, или въ капиталѣ, записанномъ на имѣніяхъ.

Какъ было бы нарушеніемъ права собственности принуждать посредствомъ законовъ дѣлать какія-либо перемѣны и условія въ земляхъ и поземельныхъ деньгахъ, такъ точно и такое же нарушеніе собственности есть постановленіе о композитахъ десятинныхъ. До сего времени еще свято сохраняется собственность костеловъ и священнослужителей, пожертвованная отъ королей и владѣльцевъ земель, собственность, заключающаяся въ земляхъ, селахъ и мызахъ, какихъ имѣній наиболѣе находится въ княжествѣ литовскомъ. Но вѣдь нѣтъ никакой разницы между пожертвованіемъ таковыхъ земель и волостей и пожертвованіемъ части произведеній земли въ снопахъ или зернѣ. Развѣ первыя оставлены въ покоѣ только потому, что объ однажды отданномъ, не имѣя возможности взять его назадъ, забываютъ, тогда какъ вторыя, какъ то: сноповая десятина, доходъ за обѣдню и прочія, по самой сущности своей, ежегодно возобновляющіяся пожертвованія, возбуждаютъ постоянно сожалѣніе въ тѣхъ, кто имѣетъ обязанности выплачивать ихъ? Но обязанные къ этому наслѣдники и управляющіе забываютъ, что часть произведеній земли, ими духовенству отдаваемая, никогда не была ихъ личною собственностію, а всегда была имъ чуждою. Такимъ образомъ только переходящая за предѣлы корысть послужила поводомъ къ подачѣ на сеймѣ проектовъ закона, на основаніи котораго священники принуждены были бы брать вмѣсто сноповъ и зерна — деньги.

Наслѣдникамъ казалось удобнѣе получить такой законъ; а они — сами же и законодатели. Но не все то̀, что̀ выгодно, — прилично

и справедливо. Кто же можетъ кому приказывать, чтобы собственность свою, законнымъ образомъ пріобрѣтенную, употреблялъ не такъ, какъ хочетъ, или находитъ лучшимъ, а уступалъ бы, мѣнялъ и вновь о ней условливался?

Разныя законныя формы и условія, предписанныя этимъ постановленіемъ о композитѣ, нисколько не уменьшаютъ нарушенія закона о правѣ собственности, потому что такимъ или другимъ образомъ заставляютъ меня уступать, мѣнять собственность мою; а коль скоро меня принуждаютъ къ этому, коль скоро не въ моей власти дѣлать, или не дѣлать таковыхъ перемѣнъ, то уже право моей собственности нарушено и даже уничтожено. Но какъ вредны для священниковъ и церковныхъ имуществъ послѣдствія таковаго положенія! Найдется ли кто-нибудь, не говорю уже внимательно разбирающій вещи, но и поверхностно о нихъ судящій, кто бы не видѣлъ ущерба, уменьшенія доходовъ, равно и невѣрности ихъ, вытекающей изъ таковыхъ положеній для церкви? Такса десятинная единожды установляется, цѣнность же вещи ежедневно измѣняется. Когда при стеченіи разныхъ обстоятельствъ увеличится дороговизна жизненныхъ потребностей пастыря, увеличится съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣна на предметы, необходимые для священнослуженія и поддержанія самой церкви и хозяйства ея, а достоинство денегъ понизится и упадетъ,—произойдетъ очевидная потеря для духовенства—потеря, подтверждаемая ежедневнымъ опытомъ; ибо не то уже самое и не столько взамѣнъ беретъ принужденный къ композитѣ священникъ, сколько чрезъ нее отдаетъ. Слѣдовательно мѣна эта для него убыточна и обидна.

Что̀ же сказать о невѣрности въ полученіи, проистекающей изъ композиты? Земля, какъ основаніе всевозможной вѣрности имуществъ, ежегодно обезпечиваетъ доходъ своими произведеніями; даже случайные неурожаи не должны быть взяты въ расчетъ. Большая разница — этихъ случайныхъ убытковъ, вознаграждаемыхъ тысячекратною вѣрностью и изобиліемъ земляной производительности, въ сравненіи съ сомнительностію и опасеніемъ въ полученіи денегъ отъ наслѣдниковъ и крестьянъ по условію. Всегда вѣрнѣе имѣть дѣло съ природой, нежели съ людьми. Дай Богъ, чтобы слишкомъ многочисленные опыты такой боязни не

дѣлали ее справедливою! Часто они будутъ отговариваться отъ платы за положенную десятину, подкрѣплять станутъ свои отговорки нуждою, бѣдностью, случайностями, грубо отдѣлаются отъ священника и заставятъ его тягаться съ ними. Это знаемъ мы изъ слишкомъ частыхъ примѣровъ. Поможетъ ли этому въ исполненіи и въ особенныхъ случаяхъ прибавленное въ композитахъ условіе: чтобы въ случаѣ неуплаты священникъ немедленно отбиралъ десятину въ снопахъ? Развѣ священникъ можетъ употребить силу и принужденіе? Сочтетъ ли онъ это приличнымъ? Не удержитъ ли его отъ употребленія его права мысль, что чрезъ то онъ можетъ нанесть церкви еще большій вредъ? А если уже и придется обратиться въ судъ, какое слабое спасеніе представляютъ тяжбы, и какихъ отсрочекъ и хитростей онѣ не преисполнены! Гораздо скорѣе священники потеряютъ то, что̀ имѣютъ, нежели получатъ то, о чемъ хлопотать будутъ. Если бы пресвѣтлые штаты могли имѣть точное свѣдѣніе о томъ, что̀ обыкновенно происходитъ въ сихъ случаяхъ, то подвиглись бы сердца законодателей къ гнѣву на несправедливости и обиды, а сожалѣніе объ угнетеніи и невозможность полученія своей собственности склонили бы ихъ вѣроятно къ защитѣ священнаго права справедливости. Позвольте присовокупить при семъ еще одно замѣчаніе, которое къ бѣдному классу народа—къ крестьянамъ относится. Во многихъ мѣстахъ наслѣдники, сдѣлавъ съ священникомъ о десятинѣ композиту, въ которой нимало не участвовали земледѣльцы, отдающіе съ своихъ полей десятину въ пользу церкви, полагаютъ, что имѣютъ право десятину эту отбирать къ себѣ. Кто въ этомъ не узритъ обиды, взывающей къ небу? Если композиты учреждены для облегченія и пользы замледѣльчества, — кто же больше имѣетъ на это права, какъ не крестьяне? Пусть они пользуются композитами, пусть они договариваются съ священниками. Ихъ надобно спросить, куда охотнѣе желаютъ они отдавать десятую часть своего сбора — въ церковь, или на дворъ господскій. Тогда они скажутъ, какія обремененія часто сопровождаютъ полученіе со стороны управляющихъ и служителей помѣщичьихъ. Что̀ же можно отвѣчать на этотъ вопросъ? Если наслѣдники считаютъ обременительнымъ для крестьянина плату десятой части жатвы священнику, облегчаются ли

крестьяне тогда, когда десятина эта отвезется ими на господскій дворъ, а не на плебанію? Какое на то имѣетъ право дворъ помѣщика? Развѣ крестьяне, хозяева произведеній земли, ихъ трудами собранныхъ, право своей собственности передали помѣщикамъ? Или священники уступили имъ свой фундушъ? Что же касается того, если бы крестьяне какую-либо обиду или злупотребленіе потерпѣли со стороны сборщиковъ священника, то они тотъ же часъ найдутъ заступничество у помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, а эти немедленно вступятся за крестьянъ противъ священника. Но если подобнымъ образомъ крестьяне подвергнутся притѣсненію со стороны своего помѣщика, — куда обратятся они? Кто ихъ тогда будетъ защищать? Кто помѣщичьей власти будетъ сопротивляться? Гдѣ найдутъ они справедливость? Почитаемъ вполнѣ добродѣтели безчисленныхъ гражданъ, которые, никогда не увлекаясь такими поводами къ прибыли, свято выполняютъ пожертвованія своихъ предковъ, вполнѣ слѣдуя ихъ набожности, охотно, съ возобновляющихся даровъ Провидѣнія, соразмѣрно урожаямъ, на содержаніе служителей алтаря, на сохраненіе и украшеніе храмовъ Господнихъ, отдаютъ всецѣло то, что̀ для оныхъ было пожертвовано, чѣмъ не только справедливости и благочестію, но и великодушію своего сердца удовлетворяютъ.

Пересматривая отечественныя постановленія, чѣмъ больше сближаемся къ нашему времени, тѣмъ яснѣе представляется взорамъ каждаго угнетеніе духовнаго сословія болѣе усиленнымъ и напряженнымъ. Достопамятный сеймъ 75 года есть эпоха жертвоприношенія духовенства подъ названіемъ: *subsidium charitativum*. Нѣсколькимъ епископамъ, засѣдавшимъ въ этомъ сеймѣ, казалось, что для нуждъ отчизны, во избѣжаніе большихъ бѣдъ, могли они отъ имени цѣлаго духовенства Польши и Литвы, съ соизволенія апостольскаго престола, пожертвовать въ общественную казну 700,000 флориновъ. Пожертованіе это должно было быть единовременнымъ. При этомъ здѣсь сохранена нѣкоторая законность: донесено было высшему церковному начальству. Наступилъ сеймъ гродненскій и издалъ постановленіе, названное закономъ, по которому добровольное, временное, на преходящія надобности республики опредѣленное пожертвованіе, обращено въ постоянную,

съ принужденіемъ требуемую дань, поступающую въ государственную казну. Ссылаемся на строжайшую справедливость: не слѣдовало ли обратить вниманіе на то, кому принадлежатъ эти деньги? Не требовало ли правосудіе спросить тѣхъ, отъ коихъ поступаетъ пожертвованіе? Кто же былъ ихъ представителемъ на сеймѣ, съ правомъ распоряжаться доходами съ особенныхъ бенефицій и церквей? Развѣ не слѣдовало снестись съ начальствомъ духовнаго сословія, какъ было у насъ въ обычаѣ во всѣхъ прошлыхъ вѣкахъ?

Этотъ самый 75-го года сеймъ нанесъ еще сильнѣйшій ударъ собственности духовенства польскаго. Безъ всякаго уваженія къ вѣрѣ и святости сдѣлокъ о переходахъ къ духовенству имѣній, не взирая на разореніе столькихъ приходовъ и монастырей, не обращая даже вниманія на неприличіе таковаго постановленія и на негодованіе противъ онаго своихъ и чужихъ, однимъ почеркомъ пера — оброкъ (czynszt), провизія, проценты, духовенству принадлежащіе, уменьшены на половину. Эта такъ названная конституція распорядилась такъ доходами духовенства только въ царствѣ польскомъ; въ великомъ же княжествѣ литовскомъ проценты съ суммъ духовныхъ наравнѣ съ частными оставлены на основаніи истины и справедливости. Зачѣмъ распространяться здѣсь предъ людьми, извѣстными своимъ умомъ и добродѣтелью, представляя имъ, какое нарушеніе первыхъ правъ собственности заключаетъ постановленіе это, какая произвольность страшная для всѣхъ сословій гражданъ, какое особенное униженіе духовнаго сословія, низверженнаго со степени равенства съ прочими сословіями по отношенію къ самымъ святѣйшимъ правамъ человѣка среди себѣ подобныхъ? Кагалы, даже частныя лица изъ евреевъ, имѣютъ выгоду отъ этого постановленія потому только, что эти деньги принадлежатъ священникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, постановленіе это, уничтожающее вѣрность всѣхъ сдѣлокъ повсемѣстно, за исключеніемъ самаго малаго числа гражданъ, повсемѣстно, повторяю, приводится въ исполненіе. Еще прибавлено къ постановленію этому въ родѣ условія, какъ будто въ насмѣшку надъ обиженными, что имѣетъ быть придумано средство къ полученію не отдаваемой провизіи. Кто же когда-либо объ этомъ обѣщаніи вспомнилъ? Гдѣ вѣрность въ полученіи слѣдуемаго отъ об-

манывающихъ, гдѣ тяжба скорая, легкая и неразорительная? Сколькимъ лицамъ духовнымъ и обществамъ монашескимъ пришлось бы потерять значительныя суммы и капиталы свои, прежде нежели слѣдуемую, задержанную, съ намѣреніемъ не отдаваемую провизію могли получить вслѣдствіе выигрыша тяжбы? Святая справедливость! за что люди дѣлаютъ тебѣ такія обиды, тогда какъ они, только чтя тебя, достойными и счастливыми быть могутъ! Почему же нынѣшній славный сеймъ, такъ заботящійся о своей чести, такъ осуждающій память тогдашней 75 г. эпохи, не отдалъ справедливости должной дани, безъ которой нѣтъ и славы, зачѣмъ не уничтожилъ этого постановленія, пятнающаго славу народа! Почтенные послы, видя эту обиду, сдѣланную духовенству, порицаютъ ее и гнушаются ею, а имѣя въ своей власти возможность положить конецъ несправедливости и возвратить чужую собственность, зачѣмъ оною владѣютъ и въ своей власти оставляютъ?

Но среди высказываемой такимъ образомъ нами увѣренности въ справедливости и благосклонности къ намъ собранныхъ штатовъ, кто бы могъ ожидать, что намъ приходится находить причины къ самымъ чувствительнымъ сѣтованіямъ и жалобамъ тогда, когда всѣ классы гражданъ начали уже чувствовать благодѣтельныя слѣдствія надежды на благоденствіе свое отъ славнаго нынѣшняго сейма? Зачѣмъ классъ людей, служенію Бога и просвѣщенію народа посвященный, вынужденъ жаловаться и роптать, что единственно только у него отняты права свободы общія другимъ гражданамъ, что искони принадлежащія ему права уничтожены, что собственность его отобрана, что онъ поставленъ ниже всѣхъ сословій, и кромѣ того обезславленъ словесно и письменно?—Можно ли умолчать при семъ о новомъ финансовомъ изобрѣтеніи, отнявшемъ у церквей также значительную часть ихъ доходовъ? Я разумѣю здѣсь штемпельную пошлину при полученіи должностей церковныхъ, наложенную на всѣ имущества церковныя и на общинныя складчины, также нигдѣ, даже въ неограниченныхъ монархіяхъ, неизвѣстную таксу самыхъ имуществъ церковныхъ, назначающую проценты отъ четырехлѣтняго дохода съ оныхъ.

Кто бы въ республикѣ могъ когда-либо ожидать, что таковой

казначейскій вымыселъ найдетъ мѣсто въ книгахъ законовъ польскихъ? Мало этого: когда польская земля, принадлежащая свѣтскимъ людямъ, отдѣляетъ только десятый процентъ съ произведеній и доходовъ въ публичную казну, — эта же самая земля въ частяхъ своихъ, принадлежащихъ къ имуществу духовному, подчиненная одинаковымъ правамъ наслѣдства, какъ это многими подтверждалось доводами, потому только, что принадлежитъ духовному лицу, должна платить двойныя подати. Пожертвованію, сдѣланному нѣсколькими епископами, подчинили все польское духовенство.

По поводу такой перемѣны временнаго пожертвованія на постоянную подать въ противность всѣхъ своихъ возраженій и мнѣній многихъ гражданъ, по причинѣ уменьшенія поземельныхъ денегъ, провизіи, наложенія штемпельной пошлины, взысканія процентовъ съ четырехгодичныхъ доходовъ и пожертвованной пятой части всѣхъ годичныхъ доходовъ, не считая уже другихъ обремененій и податей, польское духовенство увидѣло себя лишеннымъ четвертой и даже большей части своихъ доходовъ. Кто же бы послѣ этого не предполагалъ, что сеймующіе штаты эти утраты, посвященныя любви къ отчизнѣ и ея потребностямъ и со скромностію духовенствомъ перенесенныя, пріймутъ съ пріятностію, какъ жертву, достойную уваженія и благодарности, а остающуюся его собственность и равныя съ другими гражданами права, еще не тронутыя, обезпечатъ? Какъ же удивлены были не только духовные, но и цѣлый народъ (ибо этого скрыть нельзя), узнавъ о такомъ, никогда не предвидѣнномъ, постановленіи, вдругъ уничтожившемъ всѣ основанія вѣрности и безопасности! Дарованныя издревле въ собственность епископамъ, щедротами королей и гражданъ, владѣнія, непрерывно статутами, пактами, конвентами, конституціями сеймовыми утверждаемыя, безчисленными рѣшеніями судовъ признанныя, коими спокойно въ продолженіе семи столѣтій духовенство владѣло, гражданскимъ правомъ по силѣ сдѣлокъ и записей обезпеченныя, самой нынѣней конференціи актомъ утвержденныя, — въ одинъ часъ отняты и уничтожены большинствомъ нѣсколькихъ голосовъ, при такомъ маломъ числѣ лицъ рѣшающихъ судьбу государства, — тогда, когда даже согласно поло-

жительнымъ правиламъ политики предметы такого рода и подобной важности не могутъ подлежать рѣшенію большинства голосовъ, когда для обсужденія такихъ предметовъ необходимо знать волю цѣлаго народа. Несмотря на это, все недвижимое имущество духовныхъ отобрано въ казну, пріобрѣтенныя епископами покупкою земли и княжества противъ всякой силы и крѣпости законныхъ о такомъ пріобрѣтеніи актовъ отняты, или замѣнены другими, а нѣкоторые изъ приходскихъ священнослужителей оставлены на жалованьи, которое вездѣ, а тѣмъ болѣе въ Польшѣ, по многочисленнымъ обстоятельствамъ, очень не вѣрно. Очевидно тревожное состояніе вещей; ибо ежели права владѣнія, вѣками утвержденныя, въ одинъ мигъ нынѣшнимъ постановленіемъ могли быть уничтожены, почему же оклады жалованья вновь учрежденные не могутъ быть еще съ большею легкостію уничтожены какимъ-нибудь послѣдующимъ сеймомъ? Тѣ же самыя благовидныя причины, тѣ же аргументы и нападки, кои послужили поводомъ къ нанесенію такого удара духовенству, не въ состояніи ли будутъ повлечь за собою и тогда подобныхъ же результатовъ? Кромѣ нарушенія основаній безопасности и законности, въ этомъ поступкѣ заключается стѣсненіе благотворительности, оказываемой общему благу частными лицами. Учреждая на свой счетъ и обезпечивая навсегда содержаніе церквей и ихъ священнослужителей, не замѣнили ли лица эти такими пожертвованіями своими тѣ издержки, которыя государство должно бы было дѣлать на эти предметы?

Просвѣщеніе ваше, знаніе правъ и народной исторіи, болѣе общія въ кругу вашемъ, освобождаютъ насъ отъ представленія вамъ тѣхъ начальныхъ истинъ, на коихъ основывается справедливость нашихъ жалобъ. Истины эти, не смотря на всѣ противныя доказательства и превратныя толкованія, всегда неизмѣнны, и право собственности, которое имѣлъ владѣтель, переданное законнымъ образомъ другому, всегда сохраняетъ свою силу. Поэтому собственность духовныхъ, на основаніи первоначальнаго пожертвованія, по формѣ законной сдѣлки объ этомъ, такъ же неприкосновенна и того же свойства, какъ и собственность дворянская. Натура вещей не перемѣняется, дана ли будетъ собственность одному обывателю, одному семейству съ правомъ потомствен-

наго наслѣдства, или дарована будетъ какому-либо обществу или сословію, когда она должна въ кругу его переходить также непрерывно къ лицамъ, смѣняющимъ тѣхъ, кому сдѣлано было пожертвованіе, т. е., къ лицамъ, принимающимъ то же мѣсто, ту же должность, и выполняющимъ тѣ же обязанности. Если бы таковыя званія и обязанности, или самое общество, имъ посвященное, уничтожились, а имущесво не на предметы вѣры, не на просвѣщеніе народа, не на пособіе неимущимъ стало обращаться, тогда потомки жертвователей имѣли бы право требовать возвращенія себѣ имущества, пожертвованнаго ихъ предками. Нужно ли за симъ напоминать, что при равенствѣ правъ, неравенство повинностей и податей, и невѣрность собственности, есть разрушеніе первыхъ общественныхъ основаній; что и высшая государственная власть не есть распорядительница частной собственности, а только опекунша и сберегательница ихъ; что ни безбрачіе, ни огромность доходовъ, ни даже какія-либо преступленія духовныхъ, не имѣютъ ничего общаго съ правомъ ихъ собственности, и нисколько не ослаблютъ его силы? Кому изъ васъ неизвѣстны эти истины и примѣчанія? И кто бы, обращаясь къ вамъ съ рѣчью, рѣшился представить жалобы неосновательныя, недостойныя уваженія и мудрости законодателей? Мы такъ глубоко уважаемъ вашу мудрость и справедливость, что сочли бы оскорбленіемъ для васъ, если бы сами поступали иначе. Мы всегда сочувствуемъ заботамъ объ увеличеніи силы государственной; но убѣжденные, что въ государствѣ нѣтъ силы и ничего прочнаго безъ обезпеченія правъ общественныхъ, которыя основываются на безопасности частной собственности, возлагаемъ надежду на мудрость и добродѣтели законодателей, вѣря, что они съумѣютъ согласить желаніе умноженія казны съ справедливостію и правильностію своихъ распоряженій, и не допустятъ духовнаго сожалѣть о томъ, что, полагаясь на законы природы, на права народныя, на власть и силу правительства, на опредѣленіе судовъ, вписался въ сословіе церковное. Зная и принимая обязанности, зная права и льготы его, тяжело ему быть такъ неожиданно обманутымъ, когда вокругъ него граждане одного съ нимъ государства, жители одной земли и подъ тѣми же законами состоящіе, живутъ въ совершенной безопасности на

счетъ своей собственности. Почему же духовный несчастнѣе другихъ? Не потому ли, что надѣлъ рясу, что приблизился къ алтарю, что приготовился и поучаетъ народъ вѣрѣ и нравственности, что роднымъ своимъ отказалъ наслѣдство, что имъ дѣлаетъ еще пособіе изъ духовнаго своего дохода? Спрашиваю: за что же онъ долженъ быть несчастнѣе всѣхъ поляковъ и такъ тяжко наказанъ?

Велики и крайни нужды республики; — станемъ спасать ее вмѣстѣ. Но жертвы духовнаго сословія въ этомъ дѣлѣ далеко превышаютъ жертвы всѣхъ прочихъ сословій. За что же отнимать у нихъ то, что̀ имъ принадлежитъ? Зачѣмъ отнимать имѣнія епископскія, закрывать и изсушать самые источники чрезвычайныхъ пособій, какъ для отечества вообще, такъ и для безчисленнаго множества частныхъ лицъ? Уже доказано, что мало будетъ казнѣ пользы отъ подобной потери духовенства, тогда какъ мѣра эта влечетъ за собою страшное потрясеніе общественной безопасности и безпокойныя послѣдствія. Доказано также, что гораздо болѣе получила бы казна отъ податей и приношеній *subsidium charitativum*, отъ штемпельной платы и процентовъ съ имѣній епископскихъ, нежели сколько, за исключеніемъ необходимыхъ издержекъ, получитъ она остальнаго дохода съ оныхъ (1).

Когда республика требуетъ отъ насъ чрезвычайныхъ пожертвованій, тогда обращается къ намъ духовнымъ, какъ и къ прочимъ согражданамъ; когда же дѣло идетъ о сохраненіи, огражденіи и обезпеченіи правъ нашихъ, объ общихъ преимушествахъ и свободѣ, тогда лишаетъ насъ равенства съ прочими согражданами потому только, что мы не свѣтскіе. Не тотъ ли долженъ болѣе платить государству, кто большею свободою и большими преимуществами въономъ пользуется? Намъ не дано представительство въ законодательствѣ. Правда, нѣсколько епископовъ засѣдаютъ въ совѣтѣ и сенатѣ, но сословіе духовныхъ не имѣетъ своихъ депутатовъ,

---

(1) Есть отчетливое по сему предмету объясненіе въ книжкѣ подъ заглавіемъ: «Исчисленіе пользъ республики съ отобраннаго въ казну фундуша краковскаго епископства». Рѣчи нѣкоторыхъ сенаторовъ—министровъ и пословъ земскихъ объясняютъ также положительнымъ образомъ ту же самую истину.

слѣдовательно не имѣетъ на сеймахъ голоса и воли. Итакъ, не имѣя равнаго участія въ законодательствѣ, наше сословіе должно находится подъ покровительствомъ сословій сеймующихъ, и не присутствуя само на сеймѣ, а слѣдовательно не имѣя возможности защищаться, взываетъ къ этому покровительству.

Если встрѣчаются приступленія между лицами духовнаго класса, если отъ слабости человѣческой не свободно и сословіе священнослужителей, то развѣ справедливость не требуетъ, чтобы обѣ стороны были выслушаны и затѣмъ только самое дѣло было обсужено и исправлено. Правительство должно пригласить соотвѣтственныя начальства, согласно обстоятельствамъ и правамъ ихъ, придумать и употребить средства къ исправленію. Велико между нами число людей заслуженныхъ, полезныхъ отечеству образованіемъ и познаніями своими, трудами подъятыми къ спасенію ближнихъ, къ усовершенствованію сельскаго хозяйства, ободреніемъ и пособіемъ промышленности. Зачто же такое униженіе и наказаніе всѣмъ духовнымъ? За чѣмъ личныя преступленія нѣкоторыхъ должны подвергать наказанію и ненависти все сословіе? а невинность, добродѣтели и заслуги большаго числа онаго развѣ не могутъ защитить виновныхъ и снискать имъ по мѣрѣ возможности прощеніе? Что̀ болѣе согласно съ человѣчностью и благородствомъ правительства?

Цѣлое сословіе важно и необходимо въ государствѣ, призваніе его высоко и свято; частные же проступки членовъ его не уменьшаютъ его важности, не даютъ права угнетать и обижать его; ибо на какое сословіе не распространились бы, на этомъ основаніи, слѣдствія такого несправедливаго пониманія вещей?

Когда же, въ какой странѣ, гдѣ есть правительство, гдѣ существуютъ условія общественности, было слышно, чтобы за вины частныхъ лицъ цѣлое сословіе подвергалось наказанію и постояннымъ утѣсненіямъ, и за личное преступленіе одного цѣлое сословіе лишалось собственности, которою только пользовался виновный, но которая была и есть всегдашее достояніе невинныхъ наслѣдниковъ мѣста и обязанности его? Страшная несправедливость! Что̀ же послѣ этого останется безопаснымъ? „Объявлю тебя виновнымъ и отберу у тебя имѣніе“—такая и подобная рѣчь прилична деспоту

и тирану. Никогда не знали этого законодатели польскаго народа. Никогда сословія, собранныя на нынѣшнемъ сеймѣ, не ссылались на это побужденіе. На ихъ-то справедливости основана вся наша надежда. Они вонмутъ голосу правды, вникнутъ въ подробности дѣла и облегчатъ участь своихъ соотечественниковъ. Истинѣ и справедливости отдастся должное.

Уставы писанные не должны стѣснять разумъ и сердце человѣка, а тѣмъ болѣе законодателя. Знаемъ, что святой огонь любви къ отечеству можетъ завести далеко и самыя благороднѣйшія души; но если мудрость повелѣваетъ и частныя постановленія измѣнять на лучшія,—какъ же не измѣнять на лучшіе уставы публичные, отъ которыхъ зависитъ счастье и несчастье неизчислимыхъ гражданъ? „Благо законодателю, если онъ поправляетъ себя самого"—сказалъ знаменитый законодатель Карлъ великій. Почему же нынѣшнее собраніе представителей республики не могло бы отмѣнить то, что можетъ отмѣнить послѣдующій сеймъ?

Жалко тотъ народъ, который думаетъ, что если разъ сдѣлано постановленіе, то перемѣнить его было бы для него безчестіемъ и безславіемъ, хотя бы того требовали справедливость, права природы и образованность. Правда и совѣсть одобряютъ все, что дѣлается съ ихъ вѣдѣнія. На этихъ истинахъ и набожности народа польскаго, на оказываемомъ имъ почтеніи къ лицамъ и принадлежностямъ церковнымъ, основалъ свою увѣренность святѣйшій глава церкви, когда вознесъ гласъ свой къ знаменитымъ штатамъ, когда въ ожиданіи отъ нихъ справедливости и взаимности съ отцовскою любовію и апостольскою твердостію далъ имъ полные мудрости совѣты и изъявилъ желанія, полныя доброжелательства и благорасположенія, оказываемыхъ имъ постоянно народу польскому.

А когда доказательства причинъ, основанныя на первыхъ началахъ справедливости, говорятъ въ нашу пользу вашему уму, то пусть чувство человѣколюбія отзовется въ сердцахъ вашихъ противъ такого притѣсненія вашихъ соотчичей. Зачѣмъ законодатели забываютъ о томъ, что тогда только законы могутъ быть уважаемы и исполняемы какъ должно, когда они соотвѣтствуютъ нуждамъ гражданъ? Зачѣмъ забываютъ они, что принужденіе, не-

достойное свободнаго человѣка, можетъ владѣть рукою, но не сердцемъ и волею, что та страна счастлива, гдѣ всѣ одинаково имѣютъ интересъ въ соблюденіи законовъ, какъ выраженія общей воли, что тотъ, кто видитъ себя притѣсненнымъ, униженнымъ, лишеннымъ равенства съ другими, возстаетъ противъ руки, нанесшей ему эту обиду, что несправедливыя постановленія, хотя бы и закономъ названныя, тогда только исполняются, когда за ними слѣдуетъ глазъ надзирателя, или рука наказывающаго, или когда гражданинъ, будучи честнымъ, боится нарушить спокойствіе и ввесть другихъ въ соблазнъ, но сердце его тѣмъ неменѣе преисполнено непрестаннаго сожалѣнія и отвращенія, и ничѣмъ не уничтожаемая горесть разливается на всю его жизнь? Какъ онъ можетъ называть отечествомъ и любить ту страну, которая, благопріятствуя другимъ, оставляетъ ему только непріятности и униженіе? Непрочность его собственности, безпрестанное опасеніе, чтобы она не была уменьшена и отнята, суть самыя важныя несчастія для человѣка. И то государство было бы самое гнусное, въ которомъ бы граждане не сознавали своихъ правъ обезпеченными и боялись за нихъ.

Святость религіи, которой мы считаемъ себя слугами, наука о состояніи нашемъ, высшее призваніе, всегда будутъ для насъ сильными побужденіями для того, чтобы мы посвятили милому отечеству наши чувства, не смотря на горесть и печаль, коими преисполнены сердца наши. Но непозволительно расчитывать и вводить въ необходимость героическія жертвы. Отечество должно быть матерью всѣхъ своихъ гражданъ. Законодатель равно для всѣхъ долженъ чинить справедливость и давать покровительство; и тотъ сдѣлался бы недостойнымъ гражданиномъ свободнаго государства, кто бы не чувствовалъ своего уничиженія, не заботился о правахъ и свободѣ, принадлежащей свободному человѣку и гражданину. Мы не уступимъ никому въ должномъ почтеніи къ величеству короля и штатовъ республики. Уваженіе къ законодательству и собраннымъ штатамъ мы почитаемъ самою священною обязанностію.

Подлинно, говоря вообще, нѣтъ ничего величественнѣйшаго и высшаго въ народѣ, какъ собраніе его въ видѣ законодательства и правительства. Собранію сему достоитъ великое уваженіе. Но

есть еще повсюду большее величіе правды и справедливоти, и воздаваемое имъ обоимъ вмѣстѣ уваженіе есть самое высшее.

Объ этихъ представленіяхъ, достопочтенные мужи, доложите правовѣрному королю и штатамъ, собраннымъ на сеймъ. Вся наша надежда состоитъ въ истинѣ дѣля и въ ихъ мудрости и справедливости. Да не позволятъ они, чтобы кто-нибудь, а тѣмъ болѣе цѣлый классъ своими жалобами и негодованіемъ затемнялъ славу нынѣшняго сейма, чтобы эту эпоху возобновленія и славы народа польскаго считалъ началомъ своихъ потерь, безславія и притѣсненія. Пусть выше всѣхъ посторонниxъ отношеній поставятъ мудрость и справедливость, чтобы алтари Всевышняго, которые столькихъ изъ насъ видѣли удрученныхъ печалью, сдѣлались отселѣ свидѣтелями и мѣстами принесенія благодарности защитникамъ справедливости и виновникамъ всеобщаго счастія.

Примѣчаніе первое.—Здѣсь не даются отвѣты на особенныя доказательства и опроверженія, потому что не издаемъ политичекаго сочиненія, но излагаемъ только представленія и просьбы, которыя могли бы быть предложены штатамъ республики.

Примѣчаніе второе.—Вѣроятно, великое впечатлѣніе произведетъ на умы постановленіе народнаго собранія французовъ относительно духовныхъ имуществъ. Когда получимъ оттуда письма и рѣчи, въ которыхъ бы это дѣло съ двухъ сторонъ было разсматриваемо, съ большею точностію объ этомъ постановленіи сказать будетъ можно; между тѣмъ однакожъ сдѣлаемъ о немъ нѣкоторыя замѣчанія: во 1-хъ, это постановленіе не присвоиваетъ ни народу ни другому кому собственности церковной; но признаетъ ее священною, отданною Богу на потребности вѣры и алтарей, для поддержанія благочестія въ народѣ, на вспомоществованіе нищимъ; не дѣлаетъ перемѣны въ ея назначеніи, а только постановляетъ, чтобы, подъ управленіемъ провинціальныхъ властей, она была употребляема для вышесказанной цѣли, т. е. на содержаніе епископовъ и другихъ пастырей, церквей, госпиталей и тому подобныхъ предметовъ. Замѣтимъ при семъ, что правительство собственности духовенства не употребило ни на войско ни на другія какіялибо нужды. Во 2-хъ, извѣстно изъ публичныхъ донесеній, какъ

стѣснена была свобода народнаго собранія относительно этого постановленія, свобода короля относительно санкціи, необходимой для силы закона по причинѣ нынѣшнихъ обстоятельствъ, безпорядковъ и угрозъ черни. Извѣстно также и то, что всѣ благоразумные люди ожидаютъ окончательнаго рѣшенія этого вопроса, когда народъ успокоится. Запальчивость многихъ представителей народныхъ среди бури и безпорядковъ страшной революціи, устрашенныхъ внезапной нуждой казны и опасавшихся публичнаго банкротства, могла ослабить силу справедливости и основательность противныхъ мнѣній, такъ что изъ числа 900 голосовъ большинство оставалось за 200-ми. Затѣмъ все-таки самое назначеніе имуществъ духовенства не было измѣнено. Таковыя дѣла съ точностью могутъ быть разбираемы только спокойнымъ умомъ, зрѣлымъ разсудкомъ и, какъ говорятъ, хляднокровно. Когда же корабль тонетъ, выбрасываютъ изъ него все, и свое и чужое. Въ 3-хъ, впрочемъ мы не знаемъ, были ли во Франціи имущества церкви и духовенства пріобрѣтены такимъ образомъ и съ такою законною формою, какъ въ Польшѣ, гдѣ пріобрѣтеніе таковыхъ имѣній духовенствомъ не отличается ничѣмъ отъ пріобрѣтенія имѣній дворянами, гдѣ всѣ суды и трибуналы и всѣ ихъ опредѣленія равную силу, равный родъ сдѣлокъ по этому предмету признавали, гдѣ самые древніе и постоянные законы, статутъ и даже самыя выраженія въ актахъ нынѣшней конфедераціи штатовъ то же самое подтверждаютъ. Каждый народъ, хотя бы въ одномъ дѣлѣ, можетъ имѣть у себя разныя правила, разныя формы. Въ 4-хъ, случались примѣры отнятія духовныхъ имѣній нѣкоторыми королями въ разное время и прежде и теперь, но противъ ихъ возставали люди справедливые, и общество такіе поступки всегда считало несправедливыми, насильственными, и сихъ примѣровъ никогда не почитали законными, а народъ польскій всегда ими гнушался и всегда ихъ охуждалъ. Наконецъ, во Франціи духовенство можетъ сдѣлать пожертвованіе своими имѣніями, даже соглашаясь съ сказаннымъ постановленіемъ, въ виду того, что отнынѣ тамъ цѣлый народъ, всѣ въ частности люди, равными правами свободы и собственности, равными правами во всѣхъ почестяхъ государственныхъ будутъ пользоваться. Итакъ въ самомъ дѣлѣ казалось

собранію французскому, что сохраненіе имуществъ духовнымъ означало бы существованіе во Франціи особеннаго класса гражданъ (l'ordre), каковыя особыя отдѣленія, какъ относительно духовенства, такъ и дворянства, нынѣшняя ихъ конституція отвергаетъ. У насъ обстоятельства другія. Нельзя дѣлать сравненія въ одной вещи, когда нѣтъ сравненія въ другихъ, съ которыми та вещь имѣетъ тѣсную связь.

Примѣчаніе третіе.—Другая часть отзыва знаменитой депутаціи должна заключать въ себѣ представленія, относящіяся къ предназначенному будущему устройству духовенства польскаго. Вѣроятно, благоразуміе и истинное желаніе блага отечеству и церкви будутъ руководить депутаціей въ этомъ дѣлѣ, въ той мѣрѣ, чтобы не на теоріяхъ и общихъ проектахъ, не на предложеніи отъ подающихъ проекты новостей и наружныхъ исправленій, но на точномъ разсмотрѣніи всѣхъ стекшихся особыхъ обстоятельствъ, на выслушаніи всѣхъ сторонъ и особенно той, которая наиболѣе знакома съ своими дѣлами, на проницательномъ соображеніи всѣхъ выводовъ и дальнѣйшихъ слѣдствій, они свои мнѣнія основали и объявили.

ПРИЛОЖЕНІЕ 14-е.

СПИСОКЪ ЕПИСКОПОВЪ ВИЛЕНСКОЙ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕПАРХІИ, ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1) Андрей Вашилло (1388 — 1398 г.), родомъ полякъ, изъ францисканскаго ордена, бывшій духовникъ королевы Ядвиги.

2) Георгій Плихта (1398—1407), литвинъ, изъ францисканскаго ордена.

3) Николай Горжковскій (1407—1414), полякъ, ректоръ краковской академіи.

4) Петръ Кустынскій (1414—1421), полякъ, изъ епархіи краковской, докторъ богословія.

5) Матвѣй (1421—1453), родомъ нѣмецъ, поселившійся въ Литвѣ, изъ францисканекаго ордена, докторъ богословія краковской академіи, прежде епископъ жмудскій.

6) Николай Дзѣржговичь (1453—1462), литвинъ, преподаватель философіи въ краковской академіи, прежде епископъ жмудскій.

7) Іоаннъ Лосовичь (1462—1470), администраторъ епархіи, прежде епископъ луцкій.

8) Іоаннъ Лосовичь (1470—1481), литвинъ, урожденецъ г. Вильны, каноникъ и прелатъ виленскаго капитула.

9) Андрей II Шелига (1481—1492), литвинъ, урожденецъ г. Вильны, прелатъ-архидіаконъ виленскаго капитула.

10) Войцѣхъ Таборъ (1492 — 1507), литвинъ, урожденецъ ошмянскаго уѣзда, прелатъ виленскаго капитула.

11) Войцѣхъ Радзивиллъ (1508—1519), сынъ князя Николая Радзивилла, воеводы виленскаго, князь олыкскій и несвижскій, прежде епископъ луцкій.

12) Іоаннъ (1519—1536), побочный сынъ короля Сигизмунда I и простолюдинки Екатерины Талмичь, каноникъ плоцкій.

13) Князь Павелъ Альгимунтъ Гольшанскій (1536 — 1555), прелатъ - архидіаконъ виленской епархіи, прежде епископъ луцкій; онъ былъ послѣдній потомокъ фамиліи князей Гольшанскихъ.

14) Іоаннъ Домановскій, прелатъ виленскій (1555 — 1556), администраторъ епархіи.

15) Валеріанъ Протасевичь Сушковскій (1556—1580), литвинъ изъ минской губерніи, прелатъ виленскій.

16) Вавржинецъ Вольскій (1580—1581), прелатъ виленскій, администраторъ епархіи.

17) Князь Георгій Радзивиллъ, кардиналъ (1581 — 1590), сынъ князя Николая, прозваннаго *чернымъ*, и Елизаветы Шидловецкой, родившійся въ кальвинизмѣ.

18) Съ 1590 до 1600 г. многіе администраторы епархіи.

19) Бенедиктъ Война (1600—1615), прелатъ виленскій.

20) Евстафій Волловичь (1616 — 1630), прелатъ виленскій, сынъ маршала литовскаго Іоанна Волловича и Анны Копціовны.

21) Авраамъ Война (1631 — 1649), племянникъ и воспитанникъ епископа Бенедикта Войны, прежде епископъ жмудскій.

22) Георгій Тышкевичь (1650—1656), сынъ Евстафія Тышкевича и Софіи рожденной княжны Вишневецкой, сперва епископъ жмудскій.

23) Іоаннъ Довгяйло Завиша (1656 — 1661), сынъ Гаспара Довгяйло, женатаго на Красовской, прелатъ - архидіаконъ виленскій.

24) Георгій Бялозоръ (1661—1667), сынъ Христофора Бялозора и Ядвиги Гедройцъ, прелатъ виленскій.

25) Князь Александръ Сапѣга (1667 — 1672), сынъ Фридриха Сапѣги и Евы рожденной Кашевской, прежде епископъ жмудскій.

26) Николай Стефанъ Пацъ (1672 — 1684), сынъ Стефана Паца и Анны Рудомянки; онъ былъ женатъ на Θеодорѣ Трызнянкѣ и прежде занималъ должность воеводы трокскаго; съ 1672 по 1682 г. былъ администраторомъ епархіи и посвященъ въ епископа только въ 1682 году.

27) Александръ Котовичъ (1685—1686), урожденецъ новогродекскаго уѣзда, прелатъ виленскаго капитула.

28) Константинъ Казиміръ Бржостовскій (1686 — 1722), сынъ Кипріана Павла Бржостовскаго и Рахили Раецкой, каноникъ виленскій.

29) Матвѣй Анцута (1722—1723), администраторъ епархіи, прежде епископъ-коадъюторъ виленскій.

30) Богуславъ Корвинъ Гонсѣвскій (1723 — 1724), администраторъ епархіи, прелатъ виленскій, епископъ *in partibus*.

31) Карлъ Петръ Панцержинскій (1724—1730), сынъ полковника Георгія Панцержинскаго и рожденной Слонской, прелатъ виленскій.

32) Михаилъ-Іоаннъ Зѣнковичъ (1730—1761), прелатъ виленскій.

33) Князь Игнатій Іаковъ Массальскій (1762—1794), сынъ виленскаго гетмана Михаила Массальскаго и Франциски рожденной княжны Огинской, прелатъ виленскій.

34) Іоаннъ Непомуценъ Корвинъ Коссаковскій (1796—1808), сынъ Антонія Корвина Коссаковскаго и Констанціи рожденной Красновской, прелатъ виленскій.

35) Іеронимъ Стройновскій (1808—1815), урожденецъ волынскій, сынъ Бенедикта и Маріанны Стройновскихъ, прелатъ виленскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ 15-е.

СПИСОКЪ ЕПИСКОПОВЪ ЖМУДСКОЙ (САМОГИТСКОЙ) РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕПАРХІИ, ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1) Матвѣй (1417 — 1421), родомъ нѣмецъ, поселившійся въ Литвѣ, изъ францисканскаго ордена, докторъ богословія краковской академіи.

2) Николай Дзѣржговичь (1421—1453), аббатъ трокскій.

3) Мартинъ, аббатъ лукникскій.

4) Іаковъ, аббатъ трокскій.

5) Варѳоломей.

6) Георгій, архидіаконъ виленскаго капитула, † 1464 г.

7) Матвѣй Топольскій (1463—1471), полякъ.

8) Варѳоломей Свиренковичь, литвинъ.

9) Мартинъ, родомъ жмудинъ, аббатъ шавельскій.

10) Мартинъ, родомъ нѣмецъ, поселившійся въ Литвѣ, прелатъ-архидіаконъ виленскій, † 1514 г.

11) Князь Николай Радзивиллъ (1514 — 1522), сынъ виленскаго воеводы Николая.

12) Николай Визгайло (1522 — 1533), сперва былъ администраторомъ епархіи, а епископомъ жмудскимъ сдѣлался въ 1530 году; онъ былъ урожденецъ трокскаго уѣзда и занималъ должность прелата виленскаго капитула.

13) Георгій Таліати (1533), родомъ жмудинъ, прелатъ виленскій.

14) Вацлавъ Вержбицкій (1533—1555), каноникъ виленскій.

15) Іоаннъ Доманевскій (1555 — 1563), полякъ, прелатъ виленскій ([1]).

([1]) У него на правой рукѣ два пальца были обрублены. (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 2. p. 588).

16) Станиславъ Наркускій (1563 — 1565), архидіаконъ виленскій, секретарь короля Сигизмунда-Августа.

17) Викторъ Вержбицкій (1565 — 1567), родомъ жмудинъ, каноникъ виленскій.

18) Георгій Пѣтковичь (1567 — 1574), литвинъ, каноникъ вилинскій.

19) Князь Мельхіоръ Гедройцъ (1574—1609), литвинъ, прелатъ виленскій.

20) Графъ Николай Пацъ (1609—1619), епископъ-суффраганъ виленскій.

21) Станиславъ Кишка (1619 — 1626), прелатъ виленскій, сынъ Станислава Кишки и Елизаветы рожденной Сапѣги.

22) Авраамъ Война (1626—1629), прелатъ виленскій.

23) Мельхіоръ Еляшевичъ (1629—1633), родомъ жмудинъ, прелатъ-архидіаконъ виленскій.

24) Георгій Тышкевичь (1633—1649), прелатъ виленскій.

25) Петръ Парчевскій (1649—1659), литвинъ.

26) Князь Александръ Сапѣга (1659—1667), прелатъ виленскій.

27) Графъ Казиміръ Пацъ (1668—1695), кононикъ виленскій.

28) Іоаннъ Іеронимъ Кирхштейнъ (1695—1708), каноникъ виленскій.

29) Іоаннъ Николай Згѣрскій (1710—1714), полякъ, поселившійся въ Литвѣ, каноникъ виленскій.

30) Князь Павелъ Бернардъ Сапѣга (1715), монахъ цитоскій.

31) Александръ Николай Гораинъ (1717 — 1735), литвинъ, прелатъ виленскій.

32) Іосафатъ Михаилъ Карпъ (1736 — 1739), прелатъ виленскій.

33) Графъ Антоній Тышкевичь (1740—1762), прелатъ виленскій.

34) Іоаннъ Доминикъ Лопацинскій (1762—1778), прелатъ виленскій.

35) Князь Стефанъ Гедройцъ (1778—1801), прелатъ виленскій.

36) Князь Іосифъ Гедройцъ (1801—1838), прелатъ-архидіаконъ виленскій.

37) Князь Симеонъ Михаилъ Гедройцъ (1838—1844), прелатъ жмудскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ 16-е.

СПИСОКЪ ЕПИСКОПОВЪ КАМЕНЕЦКОЙ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕПАРХІИ, ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1) Вильгельмъ, † 1375 г.

2) Рокоссій, † 1398 г.

3) Александръ, † 1411 г. Онъ преслѣдовалъ православіе.

4) Андрей, † 1413 г.

5) Збигневъ.

6) Матвѣй.

7) Павелъ, † 1458 г.

8) Николай Лабунскій, † 1467 г.

9) Николай Голабекъ, † 1469 г.

10) Николай Прохницкій, † 1479 г.

11) Матвѣй Ломза, послѣ епископъ хелмскій, † 1505 г.

12) Іоаннъ Прохницкій, † 1493 г.

13) Петръ, † 1502 г.

14) Іаковъ Бучацкій, послѣ епископъ хелмскій, а потомъ плоцкій, † 1542 г.

15) Лаврентій Медзилевскій.

16) Петръ Гамратъ, послѣ архіепископъ гнѣзненскій, † 1545 г.

17) Севастіанъ Браницкій, послѣ епископъ хелмскій, а потомъ познанскій, † 1544.

18) Іоаннъ Виламовскій, † 1540 г.

19) Николай Дзержговскій, послѣ епископъ хелмскій, а потомъ архіепископъ гнѣзненскій, † 1559 г.

20) Андрей Зебржидовскій, секретарь короля Сигизмунда I, послѣ епископъ краковскій, † 1560 г.

21) Іоаннъ Дрогоіовскій, послѣ епископъ хелмскій, а потомъ владиславскій, † 1557 г.

22) Бенедиктъ Избенскій, послѣ епископъ познанскій, † 1553 г.

23) Леонардъ Слончевскій, † 1563 г.

24) Діонисій Сецигневскій, каноникъ краковскій, секретарь Сигизмунда-Августа, † 1569 г.

25) Мартинъ Бялобржескій, † 1586 г.

26) Лаврентій Гослицкій, послѣ епископъ хелмскій, а потомъ познанскій, † 1603 г.

27) Станиславъ Гомолинскій, каноникъ сендомірскій, послѣ епископъ хелмскій, а потомъ луцкій, † 1604 г.

28) Павелъ Волускій, послѣ епископъ луцкій, а потомъ владиславскій.

29) Іоаннъ Прохницкій, послѣ архіепископъ львовскій.

30) Адамъ Новодворскій.

31) Павелъ Пясецкій.

32) Андрей Лещинскій, послѣ епископъ кульмскій, а потомъ архіепископъ гнѣзненскій.

33) Михаилъ Еразмъ Дзялинскій, болѣе 20 лѣтъ бывшій епископомъ-суффраганомъ эрмеландскимъ (Warmia), † 1648 г.

34) Людвигъ Стемковскій, † 1660 г.

35) Сигизмундъ Чижевскій, † 1664 г.

36) Адалбертъ Корычинскій, послѣ митрополитъ львовскій, † 1677 г.

37) Веспасіанъ Ланкоронскій, † 1677 г.

38) Іоаннъ Чарнецкій, † 1678 г.

39) Станиславъ Военскій, каноникъ краковскій, секретарь короля Яна-Казиміра, † 1685 г.

40) Георгій Донгофъ, послѣ епископъ краковскій, † 1702 г.

41) Хризостомъ Гнинскій.

42) Степанъ Рупневскій, послѣ епископъ луцкій, † 1731 г.

43) Станиславъ Гозіусъ съ 1722 года, послѣ епископъ познанскій, † 1738 г.

44) Августинъ Вессель съ 1733 года, † 1735 г.

45) Францискъ Кобельскій, † 1755 г.

46) Венцеславъ Сѣраковскій съ 1740 по 1743 г., послѣ епископъ перемышльскій, а потомъ архіепископъ львовскій.

47) Николай Дембовскій съ 1744 года, † 1757 г.

48) Адамъ Красинскій съ 1760 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ 17-е.

Edicta et ordinationes illustrissimi reverendissimi domini Venceslai Hieronymi de Boguslavice Sierakovski, Dei et apostolicae sedis gratia episcopi camenecensis, post peractam feliciter visitationem generalem omnium ecclesiarum dioecesis camenecensis.—Omnibus jurisdictioni suae spirituali subjectis ad observandum praescripta promulgata.—Anno Domini 1742, die 20 mensis Julii. Leopoli.—Edictum vi ad regulares nonnulla per eos observanda ordinans.

Sane in dioecesi hac nostra plurimos, illosque notabiles errores, defectus et non modicum disordinem dolentes invenimus. Facessivit inter caetera et facessit adusque curas nostras, conturbat et dissipat cogitationes, indiscreta, et, ut vera dicamus, pertinax religiosorum praesertim curae animarum expositorum authoritatis et jurisdictionis ordinariae episcopalis repressio, qui nimirum sub praetextu exemptionum, privilegiorum, aut non plene trutinatorum et intellectorum, aut latius quam sonant sumptorum, dilatant filacterias suas et quasi ignorarent episcopi illa, quae ipsorum potestati de jure competunt, a se informari, edoceri, et regulas (ut ipsimet experti sumus et experimur) praescribi adnituntur. Non ignorant equidem episcopi quae sua, quoad jurisdictionem ad regulares, et quae regularium ad recognitionem subjectorum, reverentiam et obedientiam episcopis debitam respective sunt, neque nos eadem ignorare regulares credimus.

Singularis abusus et usurpatio in hac dioecesi reperitur, quod religiosi poenes ecclesias parochiales, licet duntaxat bini, vel alibi terni residentes, residentias suas, conventus, seque priores, guardianos nuncupent; nulla ibi regulari clausura reservata, sed libero ibidem utrique sexui transitu, ac etiam ad internas mansiones aditu patente; cum scire debeant conventum formalem apellari non posse, nisi ex duodecem fratribus constituatur. Alias tales conventus et monasteria, in quibus duodecem religiosi vivere non possunt,

jurisdictioni episcopi sunt subjecta; imo neque monasteria sine licentia ordinarii loci erigi valent, talisque eorum locorum et fundatorum acquisitio robur non obtinet.

Eveniunt quandoque scandalosi excessus regularium extra claustra monasterium non dubitamus notum esse superioribus ordinum, quod si illi ab ordinario episcopo requisiti, tales delinquentes punire neglexerint, habere ordinarios cenussam a s. sede apostolica potestatem contra eosdem ad poenas procedendi.

Satis stricte praecustodium et praeservatum est per s. canones jus parochorum de sepeliendis corporibus mortuorum suorum parochianorum; illi tamen per regulares quandoque praejudicari contigit. Praemonemus itaque eos ante omnia ne quenquam ad sepulturam in suis ecclesiis inducere.

Si quod, hoc vel maximum et intolerabile in dioecesi ista nostra camenecensi jurisdictioni ordinariae episcopali videmus, et gravissime sentimus inferre praejudicium formarumque contemptum, quod videlicet ordines religiosorum ecclesiales parochiales quoquomodo, aliquas primitive ab initio saeculares, nisi per continuas in hac regione hostilitates demolitas et desolitas, successive autem constructas, alias vero sine fundamento fundationis et efficiosae erectionis possidentes, ad illas, religiosos sui ordinis, vel a definitorio, vel a provincialibus designatos absoluta potestate, non interrogato, non petito ac requisito loci ordinario, solis obedientialibus literis mittunt, illique curam animarum nulliter, uti sine jurisdictione exercent, sacramenta administrant, nec in illo respectu hujusmodi curae animarum authoritatem ordinariam recognoscere volunt, contra clarissimam sacrorum canonum ordinationem et dispositionem. Et taliter ad ecclesias parochiales ordinaria authoritute instituti, in iis, quae ad curam animarum sibi commissam pertinent, aeque ac parochi saeculares, jurisdictioni episcopali subjecti esse debent. Proinde non audeant ad ecclesias parochiales, ad quas destinati fuerint, priusquam ad nos sive per illustrem officialem nostrum pro sui institutione et ad exercitium curae animarum seu excipiendas confessiones, approbatione accedere, qua expirata pro illius ulteriori concessione, seu potius tempestive ante ejus expirationem recurrant.

ПРИЛОЖЕНІЕ 18-е.

СПИСОКЪ ЕПИСКОПОВЪ ЛУЦКОЙ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕПАРХІИ, ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1) Исидоръ, † 1380 г.

2) Ругіанъ, † 1400 г.

3) Григорій.

4) Андрей Сплавка.

5) Венцеславъ, † 1462 г.

6) Іоаннъ Лосовичь, перемѣщенный въ 1462 году на каѳедру виленскую [1], † 1481 г.

7) Мартинъ Кржешовскій.

8) Станиславъ Ставскій.

9) Іоаннъ Пуделко, † 1499 г,

10) Войцѣхъ Радзивиллъ, послѣ епископъ виленскій, † 1519 года.

11) Князь Павелъ Альгимунтъ Гольшанскій, съ 1530 по 1536 годъ, а послѣ того епископъ виленскій. (Онъ не жилъ въ Луцкѣ, а болѣе въ Вильнѣ и Краковѣ).

12) Георгій Фальчевскій, † 1544 г.

13) Валеріанъ Протасевичь, съ 1554 по 1556 годъ, а послѣ того епископъ виленскій, † 1580 г.

14) Іоаннъ Андрушевичь, 1556—1567 гг.

15) Викторинъ Вержбицкій, съ 1567 года, изъ епископовъ жмудскихъ, † 1588 г.

16) Бернардъ Мацѣіовскій, съ 1588 года.

---

[1] Епископы луцкіе, какъ и жмудскіе, получали повышеніе большею частію перемѣщеніемъ ихъ на каѳедру виленскую.

17) Станиславъ Гомолинскій, † 1604 г.

18) Мартинъ Шишковскій, послѣ епископъ краковскій, † 1621 года.

19) Павелъ Волловичь, † 1608 г.

20) Павелъ Волускій, послѣ епископъ владиславскій.

21) Генрихъ Фирлей, послѣ епископъ плоцкій, а потомъ архіепископъ гнѣзненскій, † 1626 г.

22) Андрей Липскій, послѣ епископъ краковскій, † 1631 г.

23) Станиславъ Лубенскій, потомъ епископъ плоцкій.

24) Ахатъ Гроховскій (современникъ Мелетія Смотрицкаго).

25) Богуславъ Радошевскій, 1633—1638 гг.

26) Андрей Гембицкій, † 1655 г.

27) Іоаннъ Замойскій, † 1655 г.

28) Іоаннъ Видгига, послѣ архіепископъ гнѣзненскій.

29) Николай Празмовскій, † 1665 г.

30) Ѳома Лезенскій, † 1675 г.

31) Станиславъ Дабскій, послѣ епископъ краковскій, † 1700 г.

32) Станиславъ Витвицкій, съ 1679 по 1688 годъ, когда назначенъ епископомъ познанскимъ, † 1697 г.

33) Богуславъ Лещинскій, † 1691 г.

34) Францискъ Празмойскій, † 1701 г.

35) Александръ Выховскій, † 1714 г.

36) Іоакимъ Пржебендовскій, † 1721 г.

37) Стефанъ Рупневскій, † 1731 г.

38) Іоаннъ Липскій, послѣ епископъ краковскій и кардиналъ, † 1746 г.

39) Андрей Костка Залускій, послѣ епископъ краковскій, † 1758 г.

40) Францискъ Кобельскій, † 1755 г.

41) Антоній Волловичь.

ПРИЛОЖЕНІЕ 19-е.

СПИСОКЪ ЕПИСКОПОВЪ КІЕВСКОЙ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕПАРХІИ, ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1) Генрихъ, † 1350 г.
2) Яковъ, † 1377 г.
3) Филиппъ, † 1387 г.
4) Михаилъ.
5) Андрей, † 1434 г.
6) Михаилъ, † 1439 г.
7) Іоаннъ, † 1451 г.
8) Климентъ, † 1473 г.
9) Адалбертъ Нарбутъ, † 1507 г.
10) Николай Визгайло, около 1519 и до 1522 г.; умеръ епископомъ жмудскимъ въ 1533 г.
11) Матвѣй Радзивиллъ Остиковичъ, † 1546 г.
12) Іоаннъ Андрушевичъ, каноникъ виленскій, съ 1546 по 1556 годъ, когда сдѣлался епископомъ луцкимъ.
13) Николай Пацъ съ 1564, † 1580 г. (1).
14) Яковъ Воронецкій, † 1588 г.
15) Іосифъ Верещинскій, † 1599 г.
16) Христофоръ Казимірскій, 1606—1618 гг.
17) Богуславъ Радошевскій, съ 1618 по 1633 годъ.
18) Андрей Шольдскій, съ 1633 по 1636 годъ, когда перешелъ на каѳедру премысльскую, а потомъ на каѳедру познанскую, † 1650 г.
19) Александръ Соколовскій, 1636—1645 гг.

---

(1) Пацъ перешелъ въ реформатскую вѣру и женился.

20) Станиславъ Заремба, 1646—1648 гг., † 1653 г.

21) Іоаннъ Лещинскій по 1656 годъ, когда перешелъ на епископію кульмскую, † 1657 г.

22) Ѳома Уейскій, 1657—1689 гг.

23) Станиславъ Витвицкій по 1679 годъ, когда перемѣщенъ на каѳедру луцкую, † 1697 г.

24) Францискъ Празмойскій, послѣ епископъ луцкій, † 1701 г.

25) Андрей Залускій, съ 1679 по 1691 годъ, когда сдѣлался епископомъ плоцкимъ, † 1711 г.

26) Николай Свѣцицкій, съ 1691 по 1698 годъ, когда перемѣщенъ на каѳедру познанскую, † 1709 г.

27) Іоаннъ Гомолинскій, 1698—1711 гг.

28) Валентинъ Арцембергскій, 1711—1717 гг.

29) Іоаннъ Тарло по 1722 годъ, когда перемѣщенъ на каѳедру познанскую, † 1732.

30) Самуилъ Озга, 1722—1750 гг., † 1756 г.

31) Каэтанъ Игнатій Солтыкъ, съ 1750 по 1759 годъ, когда сдѣлался епископомъ краковскимъ.

32) Іосифъ Андрей Залускій, 1759—1774 гг.

33) Францискъ Кандидъ Оссолинскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ 20-е.

СПИСОКЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХЪ ПРИХОДСКИХЪ ЦЕРКВЕЙ КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ, ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

1) Житомірская: къ ней было причислено 55 селеній и городовъ
2) Чудновская бернардинская . . . . . 47 „ „
3) Любарская приходская и другая доминиканская . . . . 37 „ „
4) Бѣлопольская. . . . . 44 „ „
5) Коростошовская . . . . 59 „ „
6) Трояновская; не было причислено прихожанъ . . . .
7) Фастовская . . . . 24 „ „
8) Бѣлоцерковская іезуитская. . . .
9) Вышовская. доминиканская. . . . 37 „ „
10) Ходорковская доминиканская . . . 35 „ „
11) Овручская доминиканская . . . . 54 „ „
12) Веледницкая. . . . . 78 „ „
13) Хабневская . . . . 32 „ „
14) Острогладовская. . . . . 25 „ „
15) Чарнобыльская доминиканская . . 23 „ „
16) Юровицкая іезуитская, потомъ доминиканская . . . . 8 „ „
17) Олевская кармелицкая . . . . .

Къ 1777 году прибавились слѣдующія церкви:

18) Боржеіовская.
19) Володарская.

20) Ставицкая.
21) Смилонская.
22) Мошненская.
23) Ржищовская тринитарская.
24) Макаровская.
25) Иванковская.
26) Паволоцкая.
27) Погребицкая.
28) Бердичевская.
29) Краснопольская.
30) Народышкская августіанская.
31) Лещинская.
32) Кодненская августіанская.

Веледницкой церкви въ это время не находимъ, значитъ она была упразднена; всего же было церквей 31.

Къ 1793 году прибавились слѣдующія церкви:

32) Веледницкая (вѣроятно она была вновь открыта).
33) Ходорковская капуцинская.
34) Горбуловская.
35) Ивницкая францисканская.
36) Топоржицкая кармелитовъ древнихъ правилъ.
37) Брусиловская капуцинская.
38) Малинская.
39) Ушолицкая кармелитовъ древнихъ правилъ.
40) Рокитненская.

Число прихожанъ при церквахъ въ 1777 году.

Названіе церквей:	число прихожанъ:
1) Житомірская	1581
2) Фастовская.	419
3) Бѣлоцерковская	1377
4) Боржеіовская	518
5) Володарская	464
6) Ставицкая	1446

7)	Смилонская	748
8)	Мошненская	341
9)	Ржищовская	339
10)	Бышовская	217
11)	Макаровская	653
12)	Иванковская	704
13)	Чарнобыльская	314
14)	Острогладовская	252
15)	Юровицкая	—
16)	Хабневская	309
17)	Чудновская	2608
18)	Трояновская	864
19)	Паволоцкая	1459
20)	Погребицкая	1157
21)	Бѣлопольская	1788
22)	Бердичевская	2436
23)	Любарская	1670
24)	Краснопольская	1154
25)	Ходорковская	1300
26)	Олевская	102
27)	Овручская	372
28)	Народышкская	153
29)	Коростошовская	1698
30)	Лещинская	757
31)	Кодненская	259
	Итого	27,459

ПРИЛОЖЕНІЕ 21-е.

ВРЕМЕНИ ОСНОВАНІЯ МОНАСТЫРЕЙ КІЕВСКОЙ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕПАРХІИ И О ЧИСЛѢ МОНАХОВЪ ВЪ 1793 ГОДУ.

1) Чудновскій бернардинскій основанъ въ 1760 году княземъ Сангушкою. Монаховъ 15.

2) Житомірскій бернардинскій основанъ Иваномъ Ильинскимъ, старостою житомірскимъ, въ 1760 году. Монаховъ въ немъ 12.

3) Ходорковскій капуцинскій основанъ въ 1764 году Каэтаномъ Росчишевскимъ. Монаховъ 4.

4) Ивницкій францисканскій основанъ въ 1783 году Чарнецкимъ. Монаховъ 3.

5) Ржищовскій тринитарскій основанъ въ 1765 году Шеневскимъ. Монаховъ 5.

6) Ушолицкій кармелитскій основанъ въ 1766 году Богушами. Монаховъ 6.

7) Народыпскій августіанскій основанъ Павшою въ 1765 году.

8) Кодненскій августіанскій основанъ въ 1757 году Глембоцкими. Монаховъ 3.

9) Бердичевскій кармелитовъ босыхъ основанъ въ 1630 году Тышкевичемъ. Монаховъ 24.

10) Любарскій доминиканскій основанъ въ 1631 году княземъ Станиславомъ Любомірскимъ, воеводою русскимъ. Монаховъ 8.

11) Чарнобыльскій доминиканскій основанъ въ 1626 году Сапѣгою. Монаховъ 5.

12) Ходорковскій доминиканскій основанъ въ 1751 году Нилославскимъ. Монаховъ 5.

13) Бышовскій доминиканскій основанъ въ 1647 году Чарнецкими. Монаховъ 3.

14) Овручскій доминиканскій основанъ въ 1629 году. Монаховъ 4.

15) Юровицкій доминиканскій основанъ въ 1674 году Лошковою для іезуитовъ. Монаховъ 5.

16) Олевскій кармелитовъ древнихъ правилъ онованъ въ 1769 году. Монаховъ 5.

17) Топоржицкій кармелитовъ древнихъ правилъ основанъ въ 1788 году. Монаховъ 3.

18) Брусиловскій капуцинскій основанъ въ 1780 году Чацкимъ. Монаховъ 3.

19) Житомірскихъ сестеръ милосердія основанъ въ 1766 году епископомъ кіевскимъ Іосифомъ Залускимъ. Монахинь 6.

ПРИЛОЖЕНІЕ 22-е.

СПИСОКЪ ЕПИСКОПОВЪ СМОЛЕНСКОЙ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕПАРХІИ, ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1) Петръ Парчевскій въ 1638 по 1649 годъ, когда переведенъ былъ на каѳедру жмудскую.

2) Францискъ Долматъ Исайковскій, референдарій великаго княжества литовскаго, съ 1649 года, † 1658 г.

3) Князь Іеронимъ Сангушко; онъ первый изъ своей фамиліи оставилъ православіе и перешелъ въ католицизмъ; былъ суффраганомъ виленскимъ, † 1659 г.

4) Георгій Бялозоръ, прелатъ виленскій, съ 1658 по 1661 г., а потомъ епископъ виленскій, † 1667 г.

5) Казиміръ Пацъ, прелатъ виленскій, съ 1664 по 1668 г., послѣ епископъ жмудскій и вмѣстѣ съ тѣмъ пробощъ виленской каѳедры, † 1695 г.

6) Готгардъ Іоаннъ Тизенгаузенъ, съ 1668 года; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ суффраганомъ виленскимъ.

7) Александръ Котовичь по 1685 годъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ прелатомъ-кустошемъ виленскимъ, а въ 1685 году сдѣлался епископомъ виленскимъ, † 1686 г.

8) Константинъ Бржостовскій съ 1685 по 1686 годъ, когда получилъ епископство виленское, которымъ управлялъ до 1722 года.

9) Евстафій Котовичь, прелатъ виленскій, съ 1688 года, † 1700 г.

10) Іоаннъ Николай Згѣрскій по 1710 годъ, когда сдѣлался епископомъ жмудскимъ, † 1714 г.

11) Александръ Николай Гораинъ по 1717 годъ, когда сдѣлался епископомъ жмудскимъ, † 1735 г.

12) Людвигъ Огинскій, † 1718 г.

13) Карлъ Петръ Панцержинскій, съ 1718 по 1724 годъ, когда перемѣщенъ на каѳедру виленскую, † 1730 г.

14) Богуславъ Корвинъ Гонсѣвскій, прелатъ-деканъ виленскій † 1744 г.

15) Георгій Гильзенъ, съ 1746 по 1763 г.

16) Водзинскій, каноникъ виленскій, епископъ-суффраганъ или коадъюторъ виленской каѳедры съ 1758 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ 23-е.

СПИСОКЪ ЕПИСКОПОВЪ ИНФЛЯНДСКОЙ (ЛИВОНСКОЙ) РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕПАРХІИ, ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1) Андрей Патрицій Нидецкій, † 1587 г.
2) Оттонъ Шенкенъ.
3) Николай Кросновскій.
4) Александръ Ходкевичъ, † 1676 г.
5) Александръ Вольфъ, † 1679 г.
6) Николай Поплавскій, послѣ архіепископъ львовскій, † 1711 года.
7) Θеодоръ Вольфъ, послѣ епископъ хельмскій, † 1712 г.
8) Христофоръ Шембеккъ, послѣ архіепископъ гнѣзненскій, † 1748 г.
9) Петръ Тарло, послѣ епископъ познанскій, † 1722 г.
10) Станиславъ Гозіусъ, послѣ епископъ каменецкій, а потомъ познаскій, † 1738 г.
11) Августинъ Вессель, послѣ епикопъ камснецкій, † 1735 г.
12) Константинъ Мощинскій, † 1738 г.
13) Венцеславъ Сѣраковскій, послѣ архіепискоиъ львовскій.
14) Іосифъ Пузына, † 1752 г.
15) Антоній Казиміръ Островскій.
16) Казиміръ Іосифъ Коссаковскій.

ОПЕЧАТКИ.

стр.	строк.		*Напечатано:*	*Должно читать:*
1	9	*сн.*	князе-	князей
17	9	*св.*	го собора	собора
60	9	*сн.*	Рима	Рима,
92	11	*св.*	такъ такъ	такъ какъ
103	9	»	начиналсаь	начиналась
105	15	»	языкозъ	языковъ
106	12	*сн.*	о бывшихъ	о бывшемъ
107	16	»	патіархомъ	патріархомъ
120	17	»	вице-приседентъ	вице-президентъ
134	7	*св.*	инфлятскимъ	инфляндскимъ
162	5	*сн.*	Разумовскому	Рагузинскому
187	16	»	зараженженный	зараженный
201	16	»	Ходвичи	Ходкевичи
272	9	»	стараетсь	старается
304	1	*св.*	гнѣзденскаго	гнѣзненскаго
323	4	*сн.*	effet	esset
453	14	»	quidampro sapia	quidam prosapia
459	15	»	famillae	familiae
467	23	»	vesani a	vesania
488	5	»	slatera	statera
533	2	*св.*	времени о снованія	о времени основанія